Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма

выпуск 6

Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea

volume 6

Севастополь–Тюмень
2014

Тюменский государственный университет
Институт истории и политических наук Тюменского государственного университета

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Нижневартовский государственный университет

Издается по решению Ученых советов
Института истории и политических наук Тюменского государственного университета,
Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе
и Нижневартовского государственного университета

Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 6.
Сб. / Ред.-сост. М.М. Чореф. — Севастополь—Тюмень, 2014.
с. 568 — илл.

ISSN 2219-8857

Содержание

Археология

История

Искусствоведение

Христианская археология

Нумизматика

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 903.5(477.7)

И.А. Бажан, В.Ю. Зуев

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ СКИФСКИХ ЗЕРКАЛ ЭПОХИ АРХАИКИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В последние годы в литературе и на различных форумах обсуждается вопрос о судьбе археологического наследия, которое происходит не из научных раскопок, а разными путями попадает к коллекционерам, обращается на антикварном рынке, появляется в виде лотов на аукционах, как реальных, так и электронных. Весь этот разнообразный материал возможно объединить, пожалуй, только общим, нейтральным термином — случайные находки.

Авторы этой статьи разделяют озабоченность разрушительной деятельностью раскопщиков, перекупщиков и заказчиков подобных работ, которые наносят невосполнимый вред и археологии как науке, и культуре в целом, развращая людей жаждой наживы, толкая их на преступления против истории родной земли.

Однако, негативное отношение к преступлениям в сфере охраны культурного наследия на наш взгляд не должно распространяться собственно на древности, которые и в депаспортизованном виде обладают ощутимым потенциалом историко-культурной информации и способны быть ценными источниками. И долг профессиональных археологов, на наш взгляд, состоит в максимально тщательной фиксации случайных находок, какова бы ни была природа их вхождения в контекст современной культуры. Это отношение к древностям, разумеется, подразумевает самое решительное осуждение всех форм разрушения памятников археологии и не может строиться на сотрудничестве с преступниками.

На протяжении ряда лет один из соавторов ведёт большую работу по мониторингу антикварного рынка в России и на Украине, собирая архив данных о различных древностях, бытующих как антиквариат, вне зоны внимания научных и музейных кругов профессиональных учёных. Результатом этой работы уже стали восемь выпусков Корпуса случайных археологических находок, отбор и публикация которых определяется сферой научных интересов составителя этого корпуса[1]. Как конкретный результативный пример

[1] *Бажан И.А.* Археологические предметы из случайных находок на территории Восточной Европы 2009—2011 гг.: Альбом древностей. М., Ваш полиграфический партнер, 2011. 112 с. — (КСАН. Вып. 1.); *Бажан И.А.* Двухпластинчатые, пальчатые и зооантропоморфные фибулы из случайных находок на территории Восточной Европы (2009—2011 гг). М., Ваш полиграфический центр, 2011. 100 с. — (КСАН. Вып. 3); *Бажан И.А.* Ойум. (готская Aujom, «речная область», «страна вод»). Часть 1. Альбом древностей этих мест. М., Ваш полиграфический центр, 2012. 111 с. — (КСАН. Вып. 4); *Бажан И.А., Трошин А.Н.*. Варварские эмали Восточной Европы. Треугольные фибулы и цепи. (Из случайных находок). Альбом древностей. М., Буки-Веди, 2013. 98 с. — (КСАН. Вып. 5. Ч. 1); *Бажан И.А.* Двухпластинчатые, пальчатые и зооантропоморфные фибулы из «случайных» находок на территории Восточной Европы 2009—2011 гг. Часть 2. М., Ваш полиграфический центр, 2011. 128 с. — (КСАН. Вып. 6); *Бажан И.А.* Двухпластинчатые, пальчатые и зооантропоморфные фибулы из «случайных» находок на территории Восточной Европы 2009—2012 гг. Часть 3. М., Ваш полиграфический центр, 2012. 139 с. — (КСАН. Вып. 7); *Бажан И.А.* Двухпластинчатые, пальчатые и

этой кропотливой и специфичной работы можно указать на появление совершенно нового свода источников информации по готской проблематике, упущенной археологами. В силу указанной причины он не использовался исследователями при решении вопроса о локализации страны Ойум — важного географического и историко-культурного понятия ранней истории готов[2].

За пять лет постоянного мониторинга И.А. Бажана за миром антиквариата, в который попадают различными путями случайные археологические находки, подобралась серия интересных предметов скифской эпохи, из которых мы выделили одну категорию находок — бронзовые зеркала. Выбор этот определился в процессе работы второго соавтора над темой транзитной торговли греческих колонистов Нижнего Побужья со Скифией в эпоху архаики[3].

Рассмотрение случайных находок бронзовых зеркал мы построили в типологическом и хронологическом порядке, стараясь максимально полно охарактеризовать их.

1. *Бронзовое зеркало с рукоятью на обороте из Сумской области* (рис. 1,*1*). Бронзовое зеркало с бортиком по краю диска и ручкой в виде зооморфной бляшки на двух столбиках по центру на обороте диска. Найдено в Сумской области. Подробности и место находки не известны. Зафиксировано в 2012 г. Архив КСАН. Папка 3—2745[4].

Диаметр диска 19 см. Высота бортика 0,6см. Высота столбиков 3,5 см. Ширина зооморфной бляшки 3,5 см. Высота — 2,5 см. Толщина — 0,5 см (рис. 2,*1*).

Зеркало выполнено в технике литья по утрачиваемой восковой модели. Работа имеет брак (недолив металла на диске, несостыкованные швы полукружий бортика, не убраны следы прилепа восковой модели бортика к диску на оборотной стороне зеркала). Бортик с внутренней стороны расширяется к диску. С внешней стороны имеет вертикальный обрез. Столбики рукояти восковой модели изготовлялись отдельно и напаивались на поверхность диска. На них сверху в момент изготовления восковой модели была припаяна, изготовленная отдельно, восковая зооморфная бляшка в виде лошади, лежащей в жертвенной позе [5]. Голова животного резко запрокинута назад и мордой касается своего крупа. Хвост поджат к задним ногам, резко вытянутым вперёд фигурки. На восковой модели были проработаны в рельефе глаза, рот и ухо животного. Вдоль груди идёт необъяснимый образом животного кант до

зооантропоморфные фибулы из «случайных» находок на территории Восточной Европы 2009—2012 гг. Часть 4. М., Ваш полиграфический центр, 2013. 116 с. — (КСАН. Вып. 8).

[2] *Щукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* «Готский путь», плодороднейшие земли Oium, и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия. Сборник, посвящённый М.Б. Щукину. СПб., Нестор-история, 2011. С. 246—291. — (XIV чтения памяти Анны Мачинской); *Бажан И.А.* Ойум. (готская Aujom, «речная область», «страна вод»). Часть 1. Альбом древностей этих мест. М., Ваш полиграфический центр, 2012. 111 с. — (КСАН. Вып. 4).

[3] *Зуев В.Ю.* Боспорский транзитный путь распространения греческих зеркал в эпоху архаики (по материалам погребальных памятников и случайных находок) // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914—1998). (Санкт-Петербург, 25—26 ноября 2014 г.). СПб., Нестор-История, 2014. С. 66—94.

[4] Архив КСАН является электронным собранием сведений и фотографий различных по времени древностей, в котором имеется к началу 2015 г. около 20000 папок с материалами об обстоятельствах археологических находок и их фиксации. В каждой из папок содержатся фотографии одной или нескольких вещей их единовременной фиксации. Частично материалы опубликованы в указанных выше выпусках КСАН. Каждый предмет имеет номер хранения. Специалисты могут получить доступ к интересующим их материалам, обратившись с письмом по адресу: berdz@yandex.ru

[5] Благодарим А.Ю. Алексеева за ряд замечаний к тексту статьи, благодаря которым она приобрела более чёткие формулировки, в частности – по вопросу технологии изготовления зеркал.

середины шеи — то ли остаток основы, на которой вырезалась фигурка лошади, то ли часть изображения рогов горного козла и тогда длинный хвост — остаток основы. Фигурка сильно затёрта, вероятно, от долгого использования.

Зеркала этого типа относят к числу древнейших скифских. Т.М. Кузнецова называет их зеркалами-фиалами и с них начинает свою типологию зеркал Скифии[6]. Зеркала этой серии имеют наверху рукояти зооморфные бляшки в виде фигурок горного козла, лошади (оба животных в одинаковой позе с закинутой назад головой и с поджатыми под себя ногами) или свернувшейся в кольцо пантеры. К этой серии относится знаменитое серебряное Келермесское зеркало с золотым декором оборотной стороны второй половины VII в. до н.э., у которого срезана рукоять из двух штырьков и бляшки (рис. 1,*8*). В кургане 19, погр. 5 Келермесского могильника найдено бронзовое зеркало с бортиком по краю и рукоятью по центру в виде двух столбиков и зооморфной бляшки (рис. 2,*2а,2б*). Из-за удаления окислов теперь изображение на ней не очень ясно (авторы находки считают, что горный козёл), но то, что это копытное животное в жертвенной позе с, вероятнее всего, запрокинутой назад головой — несомненно [7]. Находки из этого комплекса датируются второй половиной VII—VI в. до н.э.

Ближайшей аналогией зеркалу из Сумской области является находка из погребального комплекса, исследованного в 1878 г. проф. Д.Я. Самоквасовым в кургане № 1 у хутора Герасимовка (рис. 1,*9*), Роменского уезда бывшей Полтавской губернии (рис. 3,*1*). В.А. Ильинская относила этот комплекс к числу ранних памятников Посулья, которые она датировала временем около середины VI в. до н.э[8]. Вполне возможно, что дата кургана № 1 у хутора Герасимовка может быть удревнена до рубежа VII—VI в. до н.э. Следует заметить, что все курганные комплексы с зеркалами подобного типа лесостепного левобережья Днепра имеют весьма ярко выраженные связи с Северным Предкавказьем.

Другой аналогией является зеркало, найденное П.А. Пономарёвым в 1913 г. на р. Каме (рис. 1,*10*)[9] в урочище Пустая Морквашка[10]. Оно отличается лишь тем, что фигурка лошади там не прорезная, а наложена и отлита вместе с круглой основой бронзовой бляшки, перекрывающей вертикальные столбики рукояти по центру оборота зеркала (рис. 3,*2*). Повторим, что фигурка лошади с рукояти зеркала из Сумской области имеет деталь, которую возможно трактовать как часть такой же основы. Она находится перед грудью лошади и, возможно, является частью восковой основы, из которой вырезалась фигурка.

Сопоставляя все эти зеркала, следует отметить особенность зеркала из Сумской области: оно имеет большие размеры (19 см в диаметре) и сопоставимо в этом только с зеркалом из кургана 1 у хутора Герасимовка (4,5 вершка в диаметре, т.е. около 20 см). Кавказские и поволжские аналогии гораздо меньше по своим диаметрам (серебряное

---

[6] *Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии VI—III в. до н.э. М., Индрик, 2002. С. 62—78.

[7] *Алексеев А.Ю., Галанина Л.К.* Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 46. Рис. 9,*6*. В своей книге о зеркалах Т.М. Кузнецова ошибочно приписывает это зеркало погребению 1 этого же кургана (*Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии… С. 239. № 247).

[8] *Ильинская В.А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья. (Курганы Посулья). К., Наукова думка, 1968. С. 71.

[9] На карте в книге Т.М. Кузнецовой место находки указано неверно на правобережье р. Волга (*Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии… С. 63. Карта № 5. № 469). В действительности урочище Пустая Морквашка находится у с. Морквашки, восточнее г. Елабуга.

[10] *Пономарёв П.А*. Поиски следов населения переходной эпохи от бронзы к железу в низовьях Камы и по Волге, выше Камского устья (Отчёт об экскурсии 1913 г.) // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Казанском университете. 1913—1914. Год 45. Прибавление к протоколам № 298. Казань, 1915. С. 1—10.

келермесское зеркало — 17 см в диаметре, зеркало из кургана 19 Келермесского могильника — 11 см, зеркало из Пустой Морквашки — 15,5 см). Следует вспомнить импортное — с Кавказа — зеркало с бортиком и срезанной в древности рукоятью на обороте диска, которая состояла из двух столбиков и бляшки, из погребения 5 Старшего Ахмыловского могильника на Волге, диаметр которого также составляет 11 см[11]. Вероятно, зеркала из Сумской области и из Герасимовки являлись каким-то локальным вариантом в серии зеркал подобных модификаций. Насколько это верно — покажут будущие находки.

Указанные аналогии позволяют датировать случайную находку зеркала из Сумской области в хронологическом интервале второй половины VII — середины VI в. до н.э. и отнести её к числу наиболее ранних зеркал лесостепной Скифии.

2. *Рукоять бронзового зеркала и фрагмент диска из Полтавской области* (рис. 1,*2*). Фрагмент бронзового зеркала, вероятнее всего, с бортиком по краю диска и ручкой в виде зооморфной бляшки с фигуркой горного козла на двух столбиках по центру на обороте диска. Найдено в Полтавской области. Зафиксировано в 2011 г. Подробности и место находки не известны. Архив КСАН. Папка 17-481.

Длина фигурки 3,3 см. Высота фигурки — 2,7 см. Высота столбиков — 2,5 см. Диаметр столбиков 0,6 см (рис. 4).

Вероятнее всего, зеркало разломано находчиками. От диска сохранилась небольшая часть у основания литников, которые были приспособлены как основа рукояти в виде двух подромбических в сечении столбиков. Бляшка, также как и зеркало, изготовлялась при создании модели отдельно и потом была напаяна на восковые столбики. При отливке зеркала по восковой модели случился брак — части задней ноги фигурки не хватило металла (он не дошёл туда из-за воздушной пробки в форме): имеется копытце задней ноги и её бедро. Круглый глаз животного возвышается над профилем головы, которая резко закинута назад. Ухо сливается с рогами, которые дугой идут до согнутого колена передних ног. На теле хорошо проработан плечевой выступ. Хвоста у животного не показано.

Рассматриваемый фрагмент относится также к серии наиболее ранних зеркал с рукоятями на обороте зеркал, распространённых в Скифии во второй половине VII — первой половине VI в. до н.э. Стилистически образ горного козла полтавской находки близок серии кавказских изображений Келермеса и Ульских курганов.

3. *Бронзовое зеркало борисфенитского типа с пантерой на конце рукояти* (рис. 1,*3*). Найдено в Сумской области. Зафиксировано в 2012 г. Архив КСАН. Папка 5-223.

Общая высота зеркала — 29,2 см. Диаметр диска — 16,2 см. Длина рукояти — 13 см. Сердцевидное крепление рукояти к диску — 1,8 х 4 см. Ширина трёхреберчатой рукояти — 2 см. Высота цапфы на конце рукояти 0,7 см. Ширина — 2,5 см. Высота фигурки пантеры (головой влево) — 3 см. Ширина фигурки — 5,6 см (рис. 5).

Зеркало целое, сильно окисленное. На диске следы от повреждения окислов лицевой стороны лопатой и трещины по диску от попыток сломать рукоять. Диск с оборотной стороны имеет по краю невысокий бортик. Рукоять крепится к диску при помощи детали в форме трилистника (к сожалению, имеется фото только лицевой стороны зеркала). С лицевой стороны крепёжный элемент имеет сердцевидную форму в одной плоскости с диском. Рукоять трёхреберчатая, украшена на конце цапфой с фигуркой пантеры. Цапфа разделена на четыре горизонтальных ребра резными линиями.

[11] *Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М., Наука, 1982. С. 139. Табл. 2,*4а*.

Фигурка пантеры реалистичного, так называемого «келермесского» типа[12]. Крупная голова с детально проработанным ухом. Рельефно моделированная голова с круглым глазом и резко прочерченным ртом. На теле выделен плечевой выступ и бедро животного. Длинный тонкий хвост заканчивается сквозным завитком. Лапы, с выделенными локтевыми выступами, заканчиваются кольцеобразными стилизациями когтистых лап (рис. 5,*б*).

Это и последующие зеркала относятся к серии древностей, которая разными исследователями называлась долгое время зеркалами «скифского» или «ольвийского» типов. Поскольку в 2003 г. было установлено несомненное производство этих зеркал в Борисфене, на острове Березань, один из авторов данной публикации предложил называть серию похожих зеркал борисфенитскими, распространяемыми в Северном Причерноморье из единого центра их производства на протяжении 40—50 лет, начиная со времени около середины VI в. до н.э[13].

4. *Деталь рукояти бронзового зеркала борисфенитского типа с пантерой на крепёжной цапфе* (рис. 1,*4*). Найдена в Степном Крыму. Зафиксирована 15 января 2014 г. Архив КСАН. Папка 16-604.

Ширина фигурки пантеры 6,7 см. Высота — 3,7 см. Высота цапфы 1,1 см. Ширина — 2,5 см (рис. 6,*2*).

Фигурка пантеры сильно стилизованная, но относящаяся к так называемому «келермесскому» типу. Крупная голова с выделенным ухом. Рельефно моделированная голова с резко прочерченным ртом. Однако круглый глаз животного не просматривается. Шея животного вытянута и согнута под тяжестью головы. Однако на теле нет выделения плечевого выступа. Бедро животного передано схематично и отяжелено массивным хвостом, который заканчивался сквозным завитком (обломан в древности). Ноги животного изображены полусогнутыми, но кольцеобразных стилизаций когтистых лап не имеется — ноги переходят в площадку трёхреберчатой цапфы, которая насаживалась на рукоять зеркала.

5. *Бронзовое зеркало борисфенитского типа с фигуркой пантеры на конце рукояти* (рис. 1,*5*). Зеркало найдено в окрестностях Керчи. Зафиксировано Н.Ф. Федосеевым[14] в 2003 г. Зеркало в том же году было продано находчиком коллекционеру в г. Севастополь.

Высота зеркала 33,4 см. Диаметр диска 18,2 см. Высота бортика по краю диска 0,6 см. Толщина бортика — 0,2 см. Длина рукояти от крепления овала к диску 15,9 см. Высота овала 2,3 см. Ширина — 4,3 см. Ширина трёхреберчатой рукояти 2,3 см. Ширина цапфы 2,7 см. Высота — 0,9 см. Высота фигурки пантеры 3,6 см. Ширина — 6,1 см (рис. 7).

Зеркало целое, сильно окисленное. Диск с оборотной стороны имеет по краю невысокий бортик. Рукоять крепится к диску при помощи детали в форме овала. С лицевой стороны крепёжный элемент находится в одной плоскости с диском. Рукоять трёхреберчатая, украшена на конце цапфой с фигуркой пантеры. Цапфа разделена на четыре горизонтальных ребра резными линиями.

Фигурка пантеры реалистичного, так называемого «келермесского» типа. Крупная голова с детально проработанными ушами. Рельефно моделированная голова с круглыми прорезными глазами, заполненными, возможно, пастой и открытым в оскале ртом. Короткая шея. На теле выделены плечевые выступы и бёдра животного. Длинный тонкий хвост заканчивается сквозным завитком. Сформованные отдельно четыре лапы, с выделенными

[12] Термин условный. Введён в научный оборот В.М. Скудновой.

[13] *Зуев В.Ю.* Боспорский транзитный путь… С. 66—94.

[14] Выражаем благодарность Н.Ф. Федосееву за разрешение опубликовать его фотографии и сведения о находке.

локтевыми выступами и подчёркнутой мускулатурой, заканчиваются загнутыми в кольцо когтистыми лапами. Фигурка пантеры закреплена на горизонтальной поверхности цапфы, насаженной на окончание рукояти (рис. 7,*а*).

Зеркала с пантерами «келермесского» облика на конце рукояти образуют особую группу среди зеркал борисфенитского типа. По сути дела, именно с них началось изучение этих предметов как самостоятельной категории находок бронзолитейного производства Скифии. Напомним историю открытия этих зеркал. Первое из них было найдено в Предкавказье в 1885 г. у станицы Крымгиреевской (рис. 1,*14*, 6,*4*)[15]. Второе было найдено С.А. Мазараки в одном из курганов у с. Аксютинцы в 1886 г (рис. 1,*11*, 6,*1*)[16]. Именно об этой паре зеркал в 1901 г. граф А.А. Бобринской писал: «они почти совершенно тождественны. На это поразительное сходство обращаю особое внимание учёных исследователей Скифии. Очевидно, что эпоха выделки этих предметов должна быть одна и та же. Где же фабриковались эти изделия?»[17]. В 1962 г. к паре этих зеркал В.М. Скуднова добавила находку 1888 г. в окрестностях Мариуполя, где была найдена цапфа с фигуркой пантеры «келермесского» типа, украшавшая когда-то рукоять зеркала (рис. 1,*12*, 6,*3*)[18]. Следующее по времени находки было зеркало из кургана IV у с. Братышев. Оно отличается от перечисляемых зеркал борисфенитского типа с фигуркой «келермесской» пантеры на конце рукояти тем, что крепление диска зеркала к рукояти оформлено в виде фигурки оленя, в позе галопа (рис. 1,*15*, 8,*5*). Это зеркало нашёл в Подолии в 1934 г. Й. Грабовский[19]. В 1969 г. в Подолии, на левом берегу р. Прут, у с. Новосёлки в кургане раннескифского времени Б.А. Тимощуком был найден обломок рукояти бронзового зеркала борисфенитского типа с фигуркой «келермесской» пантеры на цапфе, венчающей её (рис. 1,*16*, 8,*6*)[20]. Находки 2003, 2012 и 2014 годов, публикуемые здесь, существенно дополняют серию зеркал борисфенитского типа с «келермесской» пантерой на конце рукояти. На сегодняшний день известно 8 таких зеркал. Рассматривая художественный образ этих пантер, как совокупность характерных стилистических признаков, легко заметить несомненную тенденцию упрощения трактовки этого образа. От реалистичной фигурки, выполненной в скульптурном объёме, как на зеркале, найденном в окрестностях Керчи в 2003 г. (рис. 8,*1*), образ развивается в двусторонний барельеф хищного животного с крупной головой, выделенными ушами, кольчатым завитком хвоста и стилизацией когтистых лап в виде кольцевидных оснований ног животного (рис. 8,*2—6*). Затем происходит уменьшение пропорций головы. Шея животного заметно удлиняется, как это видно на фигурках из под Мариуполя 1888 г. и степного Крыма 2014 г (рис. 8,*7,8*). При этом кольчатые окончания лап трансформируются в

---

[15] *Зуев В.Ю.* Греческие импорты художественной бронзы и подражания им в районе Центрального Предкавказья. 1. Крымгиреевское зеркало // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., Нестор-История, 2009. С. 484—495.

[16] *Бобринской А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 1. Дневники пятилетних раскопок. СПб., 1887. С. 114. Прим. 3.

[17] *Бобринской А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 3. Дневники раскопок 1889—1897 г. гр. Алексея Бобринского и о курганах Звенигородского, Каневского и Роменского уездов. СПб., 1901. С. 69. Рис. 17,*18*.

[18] *Скуднова В.М.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1962. Т. 7. С. 9. № 8. Рис. 6.

[19] *Sulimirski T.*. Skytowie na Zachodniem Podolu. Lwów, 1936. S. 157. Taf. V,*2-a*.

[20] *Смирнова Г.И.* Состояние изучения Западно-Подольской группы памятников раннескифского времени в Лесостепной Скифии в конце XX века // Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci professora Tadeusza Sulimirskego. Kraków, 2004. С. 422. Рис. 6,*8*.

небольшие вертикальные столбики. Выделенное ухо на головах редуцируется до полного исчезновения. Голова начинает изображаться крошечной, а хвост разрастается до аморфной массивной капли, сливающейся в единое целое с крупом животного, как это видно на рукояти от зеркала из Сумской области 2013 г (рис. 8,*9*). И этот стилизованный образ кошачьего животного становится доминирующим и известен на нескольких десятках рукоятей зеркал борисфенитского типа. Имеет ли этот процесс хронологическое значение, сказать трудно, но такое допущение вполне вероятно, исходя из того, что стилизация художественного образа всегда закономерно эволюционирует от реального к абстракции. Во всяком случае, учитывая то, что все варианты зеркал борисфенитского типа бытовали на протяжении 40-50 лет истории, можно уверенно говорить о том, что намеченная закономерность эволюции образа кошачьего хищника на рукоятях этих зеркал является единой традицией их художественного развития, а не резкой сменой типов зеркал, что может быть объяснено хронологическими обстоятельствами или разными производственными школами. Это наблюдение имеет непосредственное отношение к вопросу о происхождении и месте изготовления зеркал с «келермесскими» пантерами.

В литературе по этому поводу бытует несколько предположений. Исследователи сходятся в том, что зеркала с реалистичными «келермесскими» пантерами на концах рукоятей — это скифский вклад в художественное литьё эпохи архаики. Наиболее подробно эту идею развила и постаралась обосновать в своих исследованиях Т.М. Кузнецова. По её мнению, в основе этой серии зеркал с «келермесскими», или массивными пантерами лежит редкая группа зеркал с изображением фигурки льва на конце рукояти. Кузнецова сопоставляет находку такого зеркала в окрестности г. Нальчика и местное подражание греческим зеркалам борисфенитского типа, найденное на окраине аула Хабаз для обоснования тезиса о зарождении зеркал с массивными пантерами в мастерских кавказских бронзолитейщиков. «Видимо с Кавказа, — пишет она, — зеркала со стоящими массивными «кошачьими хищниками» попадают в Северопричерноморскую лесостепь (с. Аксютинцы и ст. Крим-Гиреевская — фигурки отлиты в одной форме), где непосредственной репликой на подобное изображение является фигурка на зеркале из могильника Скоробор (кург. 2), а оттуда на Березань или в Ольвию, где прослеживается дальнейшая схематизация изображения. В Ольвийском некрополе и на о. Березань встречены пока зеркала только со схематичным изображением "кошачьего хищника", имеющего маленькую головку и стоящего на высоких ногах, что делает его более похожим на гепарда, нежели на пантеру, овцу или волка, как его часто определяют. Новая модификация получила признание в среде греческого населения, что также подкрепляет предположение о греческом прототипе для зеркал этой группы. Ольвия во второй половине VI в. до н.э. могла стать и производящим центром, и распространителем зеркал со схематичным изображением стоящего "кошачьего хищника"»[21]. Предложенная Т.М. Кузнецовой реконструкция зарождения и распространения этих зеркал (напомню, науке теперь известно восемь экземпляров зеркал с «келермесскими» пантерами на конце рукоятей) не лишена противоречий и ошибок, что мешает нам признать её правдоподобной.

Во-первых, случайная находка в окрестностях г. Нальчика в 1913 г. зеркала с фигуркой лежащего льва на конце рукояти никак не может считаться наиболее ранним зеркалом греческого импорта на Северный Кавказ (рис. 9,*1*). Для этого положения нет никаких доказательств, хотя, несомненно, оно относится к эпохе архаики.

[21] *Кузнецова Т.М.* Этюды по скифской истории. М., 1991. С. 80—81.

Во-вторых, объяснять трансформацию реалистичного образа «нальчикского» льва в стилизованную фигуру пантеры с рукояти зеркала, найденного у аула Хабаз в 1919 г. (рис. 9,*2*), как переделку в более знакомый образ местным бронзолитейщикам — допущение совершенно несерьёзное. Столь же несерьёзным с точки зрения искусствоведения следует признать и следующую метаморфозу хабазской пантеры в стоящую на ногах пантеру зеркала, найденного в 1885 г. в окрестностях станицы Крымгиреевской (рис. 9,*3*)[22].

В-третьих, проникновение зеркал с «келермесской», или массивной (по Кузнецовой) пантерой с Кавказа в Приднепровскую лесостепь строится только на утверждении исследовательницы, что фигурки пантер Крымгиреевского и Аксютинецкого зеркала, найденного С.А. Мазараки в 1886 г., отлиты, якобы, в одной форме (рис. 9,*3,5*). Такое допущение свидетельствует о полном непонимании Т.М. Кузнецовой технологии производства зеркал борисфенитского типа методом литья их деталей по утрачиваемой восковой модели. Как бы ни были похожи фигурки животных, украшавших эти зеркала, они обязательно отличаются друг от друга, т.к. отливались в разных формах. И это очевидно — достаточно взглянуть на фотографии пантер с этих зеркал и сравнить их размеры.

В-четвёртых, очень спорно выглядит утверждение, что жители левобережья Днепра, наряду с «импортными» с Кавказа зеркалами с массивными пантерами, воспроизводили в мастерских Гелона хищников образца зеркала из аула Хабаз. Эту аналогию Т.М. Кузнецова видит в форме зверя с рукояти зеркала из кургана 2 у с. Скоробор (рис. 9,*4а*). Но, помимо стилистических отличий этих разных образов, следует отметить, что зеркало из кургана 2 у Скоробора не является по своему типу даже подобием борисфенитских зеркал (Рис. 9,*4*)[23].

После перечисленного оставляем без комментария сделанный непонятно на каком основании вывод Т.М. Кузнецовой о том, что зеркала с массивными пантерами были принесены в Ольвию и на о. Березань из лесостепной Скифии, где стремительно деградировали до мелкоголовых подобий то-ли гепардов, то-ли волков, то-ли овец (рис. 9,*6*).

Схема происхождения и распространения зеркал этой серии нам представляется совершенно противоположной версии Т.М. Кузнецовой. Рассматриваемые зеркала отливались в Борисфене. Вероятно, как наиболее ранняя серия, довольно быстро выродившаяся в схематичные изображения стилизованных пантер. Может быть, за этой эволюцией единого образа стоит смена формовщика восковых моделей по причинам то-ли возрастным, то-ли изменения производственного уровня качества формовки заготовок. Так или иначе, но линия эволюции образа пантеры ныне прослеживается уверенно и можно считать, что отсутствие находок на о. Березань зеркал с «келермесскими» пантерами на концах рукоятей — дело случая. В пользу этого говорит и тот факт, что зеркало с «келермесской» пантерой из кургана IV у с. Братышев в Подолии, имеет в месте соединения рукояти с диском изображение фигурки оленя (рис. 8,*5*) — очень характерно трактованного именно для зеркал, происходящих из мастерских Борисфена[24].

---

[22] Т.М. Кузнецова неверно называет место находки зеркала у ст. Крим-Гиреевской. Причина ошибки — заимствование этого топонима из статьи Б.Н. Гракова, опубликованной в 1947 г. на украинском языке, в котором звук «ы» передаётся буквой «и». Эту же ошибку допускал в своей статье и Н.Н. Бондарь.

[23] Выражаем благодарность С.А. Задникову, предоставившему в наше распоряжение фотографии зеркала из кургана 2 у с. Скоробор, раскопанного в 1965 г. Б.А. Шрамко.

[24] Кстати сказать, одна из двух точных аналогий фигурке лежащего льва на зеркале из Нальчика происходит из некрополя Борисфена на о. Березань (рис. 9, 7. См.: *Зуев В.Ю.* Бронзовые зеркала с о. Березань // Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвящённого 10-летию конференции «Боспорский феномен». СПб., Нестор-История, 2008. С. 41—52). Место крепления диска к

Поэтому, как мы полагаем, зеркала с «келермесскими» пантерами на концах рукоятей распространялись около середины VI в. до н.э. из Борисфена по разным направлениям торговых путей, идущих сухопутными дорогами через степи, вероятнее всего из Ольвии на запад — в Подолию, на север — в лесостепное Приднепровье и на восток — по Боспорскому транзитному пути до Северного Кавказа, а оттуда — на северо-восток, в Поволжье и южное Приуралье[25].

Важность публикуемых здесь случайных находок зеркал борисфенитского типа с пантерами на концах рукоятей в том и состоит, что они отлично детализируют картину этих торговых путей эпохи архаики. Особенно уточняя реальность существования торгового пути по степям центрального и восточного Крыма. Не учитывая случайных находок, зафиксированных в Каталоге случайных археологических находок, один из соавторов этой статьи менее полугода назад не мог ещё надёжно обосновать распространение этих зеркал в Крыму. Зеркала борисфенитского типа были зафиксированы надёжно у самого перешейка полуострова и, предположительно, в Керчи. Но на пространствах Крыма и Европейского Боспора такие зеркала не были известны науке. В ходе обсуждения реальности Боспорского транзитного пути А.М. Новичиихиным было высказано даже предположение о прямой связи Азиатского Боспора с Борисфеном морскими коммуникациями, что, кстати сказать, вполне возможно. Но реальные находки зеркала борисфенитского типа в окрестностях Керчи в 2003 г., одна из которых была зафиксирована Н.Ф. Федосеевым, и находка в степном Крыму фигурки «келермесской» пантеры на цапфе от зеркала борисфенитского типа, сделанная в 2014 г., убедительно доказали, что древние сухопутные пути от Ольвии до окрестностей Пантикапея и переправ на Азиатский Боспор были реальностью в эпоху архаики.

6. *Рукояти двух бронзовых зеркал борисфенитского типа.* Одна — с фигуркой пантеры на конце (рис. 1,*б*). Найдены в южных районах Сумской области осенью 2013 г. на пашне, но не в кургане. Архив КСАН. Папка 16-76.

Первая рукоять со стилизованной фигуркой пантеры на конце и фрагментом сломанного диска имеет длину 14,5 см (без учёта обломка диска). Переходный элемент вверху рукояти в виде трилистника высотой 4 см, шириной — 3,7 см. Ширина трёхгранной рукояти 1,8 см. Высота стилизованной фигурки пантеры с «подставкой» — 4 см. Ширина фигурки — 5,6 см (рис. 10,*а*).

Фигурка животного сильно стилизована. Маленькая голова со слегка выделенной круглой в профиль мордой. Глаз передан точкой. Ухо чуть выделено маленьким бугорком. Профилировка мускулатуры тела отсутствует. Передние лапы чуть согнуты в локтевом суставе. Задние лапы сливаются с массивным хвостом, переданным в виде каплевидного завитка. Концы лап не имеют никаких намёков на когти и переходят в основание «подставки». Следует отметить, что это не цапфа: фигурка пантеры и «подставка» отливалась в двусторонней форме вместе со всей рукоятью, имитируя цапфу, надетую на конец рукояти. Таким образом, производство рукояти явно упрощено по сравнению с другими борисфенитскими зеркалами, у которых фигурки пантер отливались отдельно и при помощи цапфы крепились затем на конце рукоятей. На «подставке» едва просматриваются следы горизонтальных линий, смазанных на восковой модели.

Рукоять имеет многие аналогии среди зеркал борисфенитского типа — их известно более трёх десятков. Такие стилизованные фигурки пантер встречаются на зеркалах,

---

рукояти у этого зеркала украшено фигуркой лежащего оленя, точно такой же, как на зеркале из кургана IV у с. Братышев.

[25] *Зуев В.Ю.* Боспорский транзитный путь… С. 66—94.

найденных как в Борисфене и его некрополе[26], и в некрополе Ольвии, так и в погребениях Скифии и землях к востоку от неё.

Вторая рукоять сохранилась частично. Имеется её верх в виде трилистника, которым она крепилась к диску зеркала. Низ трёхгранной рукояти обломан. Рукоять сильно окислена. Сохранившаяся длина рукояти — 13, 7 см. Высота трилистника 4,2 см. Ширина — 4,4 см. Ширина трёхреберной рукояти — 2,5 см (рис. 10,*б*).

Интересной деталью является бронзовая заклёпка в середине трилистника — нехарактерный для борисфенитских зеркал способ крепления рукояти к диску зеркала. Весьма вероятно, это объясняется вторичным использованием рукояти для крепления к новому диску зеркала.

Обе рукояти можно отнести к концу VI в. до н.э.

7. *Бронзовое зеркало борисфенитского типа с головой барана на конце рукояти* (рис. 1,*7*). Найдено у с. Маков, Дунавецкого района Хмельницкой области. По словам находчика, на территории поселения на берегу р. Шатавка. По его словам, на поселении имеются материалы черняховской культуры. Находка зафиксирована в марте 2014 г. Архив КСАН. Папка 17-113.

Общая высота зеркала — 26,5 см. Диаметр диска — 11,7 см. Высота бортика по краю диска — 0,5 см. Длина рукояти — 14,8 см. Крепление рукояти к диску в виде трилистника. Высота — 3, 2, ширина — 3 см. На лицевой стороне зеркала на нижних овалах трилистника два углубления циркульного орнамента диаметром 0,5 см. Ширина пятиреберчатой рукояти — 1,5 см. Высота головки барана на конце рукояти — 3,2 см. Ширина головки — 2 см (рис. 11).

Целое бронзовое зеркало, покрытое патиной. На диске две вмятины от следов современных ударов (рис. 11,*а*). Диск с рукоятью скреплён при помощи верхней части рукояти в виде трилистника. С лицевой стороны диск и нижние овалы трилистника образуют единую плоскость. На овалах с этой стороны зеркала имеются по центру два углубления в виде циркульного орнамента (широкая точка и тонкая окружность вокруг неё), вырезанные в восковой заготовке (рис. 11,*б*). С оборотной стороны — над уровнем трилистника возвышается на 2 мм верхний овал, повторяющий в месте соединения с нижними овалами контур бортика зеркала, идущего по окружности диска. Внизу трилистника имеются горизонтальные острые выступы по бокам рукояти. Рукоять зеркала имеет пять рёбер, начинающихся от горизонтальной линии под боковыми выступами трилистника. Рёбра отличаются по рисунку с лицевой и оборотной сторон рукояти. На лицевой стороне в восковой модели была сделана прямоугольная выборка, в которой вырезаны в рельефе три вертикальных колонки, образующие с боковыми краями выборки пять рёбер рукояти. С оборотной стороны сделано также, только выборка к низу рукояти имеет овальную, а не прямоугольную форму (рис. 11,*а*).

Головка барана отлита отдельно в двусоставной форме с заполированным швом посередине головки. Отливка надета на выступающий штырь низа рукояти таким образом, что головка совпадает по диаметру с овальным сечением рукояти, оставляя по диаметру соединительный шов (на лицевой стороне имеются несколько косых насечек, оставшихся от процесса закрепления головки барана на штыре рукояти). Головка барана хорошо отшлифована и не имеет детализации. В отливке выделена морда животного и круто закрученные рога, симметрично уходящие по бокам вниз. Общая трактовка головы животного с рогами напоминает форму астрагала (рис. 11,*б*).

---

[26] *Зуев В.Ю.* Боспорский транзитный путь… Рис. 3,*2а*, 4,*2*.

Этот вариант борисфенитских зеркал имеет широкое распространение как на о. Березань и в Ольвии, так и в степях и лесостепной зоне Евразии от Трансильвании до южного Урала. Среди нескольких десятков находок подобных зеркал обратим внимание, в качестве параллелей, на три находки, имеющих на лицевой стороне верха рукоятей циркульную орнаментацию овалов крепёжных трилистников.

Первым назовём зеркало, хранящееся ныне в Государственном Эрмитаже (ГЭ. Инв. № В.2247) (рис. 12,*1*). Оно происходит из бывшей коллекции археолога Владислава Норбертовича Юргевича (1818—1898) и поступило в Государственный Эрмитаж на хранение из Одессы в 1931 г. К сожалению, никто пока не занимался анализом происхождения древностей этой коллекции, хотя материалы для этой работы имеются как в архиве Государственного Эрмитажа, так и в архивах Одессы. В качестве предположения допускаем, что это эрмитажное зеркало было приобретено В.Н. Юргевичем у «счастливчиков», копавших некрополи Ольвии или Борисфена. Выяснение этого предположения — дело будущих исследований. Сейчас важно отметить, что по деталям декора данное зеркало очень близко находке из с. Маков. Отличие состоит в том, что циркульный орнамент имеет двойную обводку центральной точки, что придаёт верху рукояти зеркала подобие ионической капители.

Вторым зеркалом в качестве аналогии следует назвать случайную находку 1969 г., сделанную на селище Бучак в Каневском районе Черкасской области (рис. 12,*2*). Оно издано Е.А. Петровской[27]. Переиздано дважды[28]. На этом зеркале с головкой барана на конце рукояти также имеется сильно затёртый в древности циркульный орнамент на площадке под диском с лицевой стороны зеркала.

Третьим зеркалом в ряду аналогий следует назвать находку из погребения 1 в кургане № 18 могильника в урочище Таранов яр у с. Мачуха Полтавского района, Полтавской области. Этот курганный могильник, свыше 160 насыпей, был зафиксирован разведками М.Я. Рудинского по р. Рось в 1922 г. Копался эпизодически им же с 1923 по 1946 г. Зеркало борисфенитского типа с головкой барана на конце рукояти было найдено в 1926 г. (?) и хранится ныне в Полтавском краеведческом музее[29]. Оно имеет круглый диск с небольшим бортиком по краю (высота — 0,5 см). Диаметр диска 14 см. Длина рукояти 12,2 см. В верхней части рукоять с лицевой стороны украшена циркульным орнаментом, трактуемым находчиком и Г.Т. Ковпаненко — гравировкой ионийских волют (рис. 12,*3а*)[30]. Однако, Н.Н. Бондарь[31], В.М. Скуднова[32] и Т.М. Кузнецова[33] — видят здесь циркульный концентрический

---

[27] *Петровська. Є.О.* Бронзове дзеркало з Каневщіни // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. К., 1972. Вип. IV. С. 135—137.

[28] *Ковпаненко Г.Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, Наукова думка, 1981. Рис. 40, 2; 62, 4; *Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии… С. 175. Табл. 103. № 495. Алфавитный указатель памятников. С. 246. № 498. Каталог 1. С. 276. № 305. С. 297. № 305. С. 343. Т.М. Кузнецова на с. 343 своей книги приводит неверное библиографическое описание ссылки на публикацию Петровской.

[29] *Рудинський М.Я.* Археологічні збірки Полтавського музею // Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського державного музею ім. В.Г. Короленка. Полтава, 1928. Т. I. Табл. VII. Рис. 12.

[30] *Ковпаненко Г.Т.* Племена скифського часу на Ворсклі. К., 1967. С. 7; 82; Рис. 41, 8—12, 14; Рис. 53, 108; С. 155—156. В подписях к рис. 41 Г.Т. Ковпаненко ошибочно относит зеркало к инвентарю кург. 18, погр. 2. См. также: *Ковпаненко Г.Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, Наукова думка, 1981. С. 114.

[31] *Бондарь Н.Н.* Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н.э. // СА. 1955. Т. XXIII. С. 59; С. 62. № 42; С. 66; С. 74. Рис. 12а. Н.Н. Бондарь на с. 66 ошибочно указывает рис. 2а, а нужно — 12а.

орнамент (рис. 12,*3б*). К сожалению, фотография этого зеркала не воспроизводилась. Под резным орнаментом, вниз по рукояти идут четыре желобка, делящих рукоять на пять рёбер. Нижняя часть ручки украшена скульптурной головкой барана. Причём, согласно рисунку Т.М. Кузнецовой, головка на зеркале из с. Мачуха одета на штырь рукояти таким образом, что лоб барана оказался на оборотной стороне зеркала (рис. 12,*3б*).

В погребении у с. Мачуха вместе с зеркалом были найдены крупная лепная миска с загнутым вовнутрь сосуда краем, чернолощёный черпак с высокой ручкой, бронзовые шпилька и круглая пронизь. Это позволяет относить погребение 1 в кургане 18 у с. Мачуха ко времени второй четверти VI в. до н.э. — т.е. к числу ранних комплексов лесостепной Скифии эпохи архаики[34].

Кроме приведённых аналогий зеркалу из с Маков, следует отметить также, что циркульный концентрический орнамент в верхней части рукояти с лицевой стороны зафиксирован и на зеркале борисфенитского типа с «келермесской» пантерой на конце рукояти, найденном у ст. Крымгиреевской (рис. 6,*4*), что на наш взгляд, свидетельствует о том, что во всех случаях мы имеем дело с одной технологической традицией, выборочно применявшейся при изготовлении подобных зеркал как с пантерами, так и с головками баранов на концах рукоятей.

Публикацией семи случайных находок зеркал эпохи архаики не исчерпывается круг скифских древностей, зафиксированных в Северном Причерноморье в таком качестве. Предпринятый анализ показал, какую информативную возможность имеют эти находки, существенно уточняя наши представления об эпохе бытования данных предметов. В нашем распоряжении к настоящему времени имеется ещё восемь зеркал, относящихся, в основном, к эпохе классики. Их публикация — дело будущего. Однако, работа с древностями, лишёнными своего археологического контекста, представляется нам актуальной и важной, опровергающей снобистское пренебрежение ряда археологов[35], видящих в изучении подобных находок потворствование так называемой «чёрной» археологии. Это тема также является предметом отдельной дискуссии, выходящей за рамки данной публикации.

---

[32] *Скуднова В.М.* Скифские зеркала… С. 17. № 9. В.М. Скуднова неверно ссылается на М.Я. Рудинского, подставив ссылку на страницу и рисунок из статьи Н.Н. Бондаря.

[33] *Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии… С. 170. Табл. 98,*325*. Алфавитный указатель памятников. С. 241. № 325. Каталог 1. С. 268. № 218. С. 292. № 218. Т.М. Кузнецова на с. 268 ошибочно объединила в одну публикацию ссылки на статьи М.Я. Рудинского 1928 и 1949 г. При этом, второй публикации (*Рудинський М.Я.* Мачухська експедиція Інституту археології в 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1949. 53—79) в списке литературы к книге (С. 344) нет.

[34] Т.М. Кузнецова (*Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии… С. 292) с ошибочной ссылкой на мнение Г.Т. Ковпаненко, неверно датирует погребение 1 в кургане 18 некрополя у с. Мачуха IV в. до н.э.

[35] Речь идёт о позиции руководителя сайта Археология.ru В. Е. Ерёменко и некоторых его сторонников, которые претендовали в этом вопросе на истину в последней инстанции. Суть «истины» сводилась к тому, что любое обращение с археологическими древностями, добытыми не научным поиском и фиксацией, является потворствованием так называемой «чёрной» археологии.

И.А. Бажан, В.Ю. Зуев

Случайные находки скифских зеркал эпохи архаики в Северном Причерноморье

Цель статьи – введение в научный оборот серии древностей эпохи архаики, найденных в Северном Причерноморье. Публикуемые находки бронзовых зеркал существенно дополняют наши знания о путях распространения греческих импортов в скифском мире, свидетельствующих о реальных контактах греческих колонистов с миром кочевых народов Северного Причерноморья.

Ключевые слова: бронзовые зеркала с рукоятью на обороте и борисфенитского типа. Греки и скифы. Северо-Западное Причерноморье. Скифская лесостепь. Крым. Северный Кавказ. Эпоха архаики.

I.A. Bazhan, V.Yu. Zuyev

Casual Findings of Archaic Scythian Mirrors in the Northern Black Sea Coast

The purpose of this paper is to introduce a series of bronze mirrors dating back to the Archaic Epoch and found in the Northern Black Sea Coast into scientific circulation. The findings published supplement the knowledge available on the Greek import routes within Scythian world which evidence tangible contacts of Greek colonists with nomadic people of the Northern Black Sea Coast.

Keywords: bronze mirrors with a handle on a turn and Borysthenitic type. Greeks and Scythians. Northwest Black Sea Coast. Scythian forest-steppe. Crimea. North Caucasus. Archaic era.

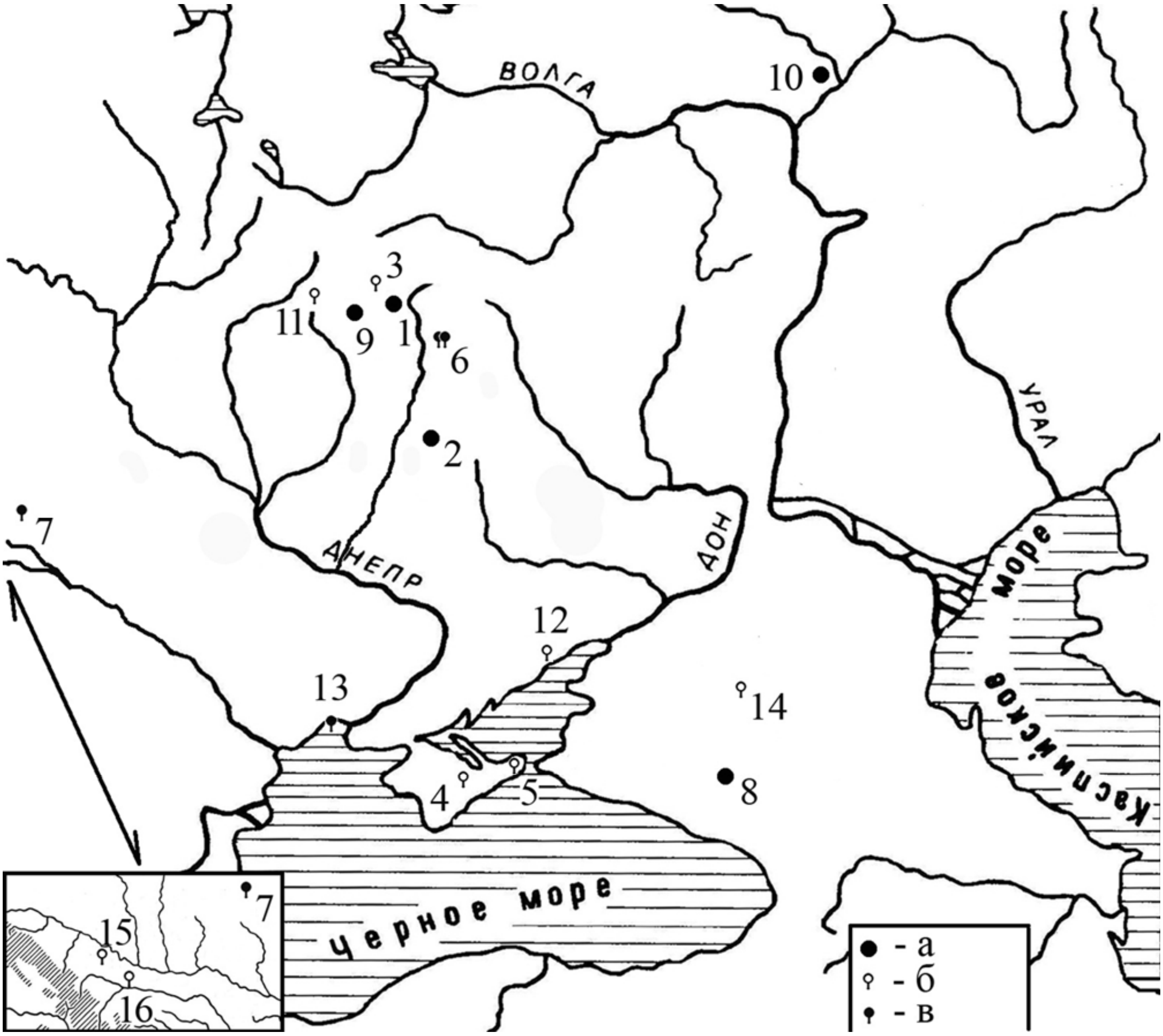

Рис. 1. Карта находок бронзовых зеркал. *а* — дисковидные бронзовые зеркала с бортиком и рукоятью на обороте диска в виде двух столбиков и зооморфной бляшки; *б* — бронзовые зеркала борисфенитского типа с боковой рукоятью, на конце которой фигурка пантеры келермесского стиля; *в* — бронзовые зеркала борисфенитского типа с боковой рукоятью, на конце которой стилизованная фигурка пантеры, или головка барана. *1* — Сумская область; *2* — Полтавская область; *3* — Сумская область; *4* — Степной Крым; *5* — окрестности Керчи; *6* — юго-восток Сумской области; 7 — Маков (Хмельницкая область); 8 — Келермес. Кург. 19. Погр. 5; *9* — Герасимовка. Кург. 1; *10* — Пустая Морквашка; *11* — Ромны. 1886 г.; *12* — Мариуполь. Находка 1888 г.; *13* — Борисфен и Ольвия; *14* — Крымгиреевская. 1885 г.; *15* — Братышев. Кург. IV; *16* — Новосёлка.

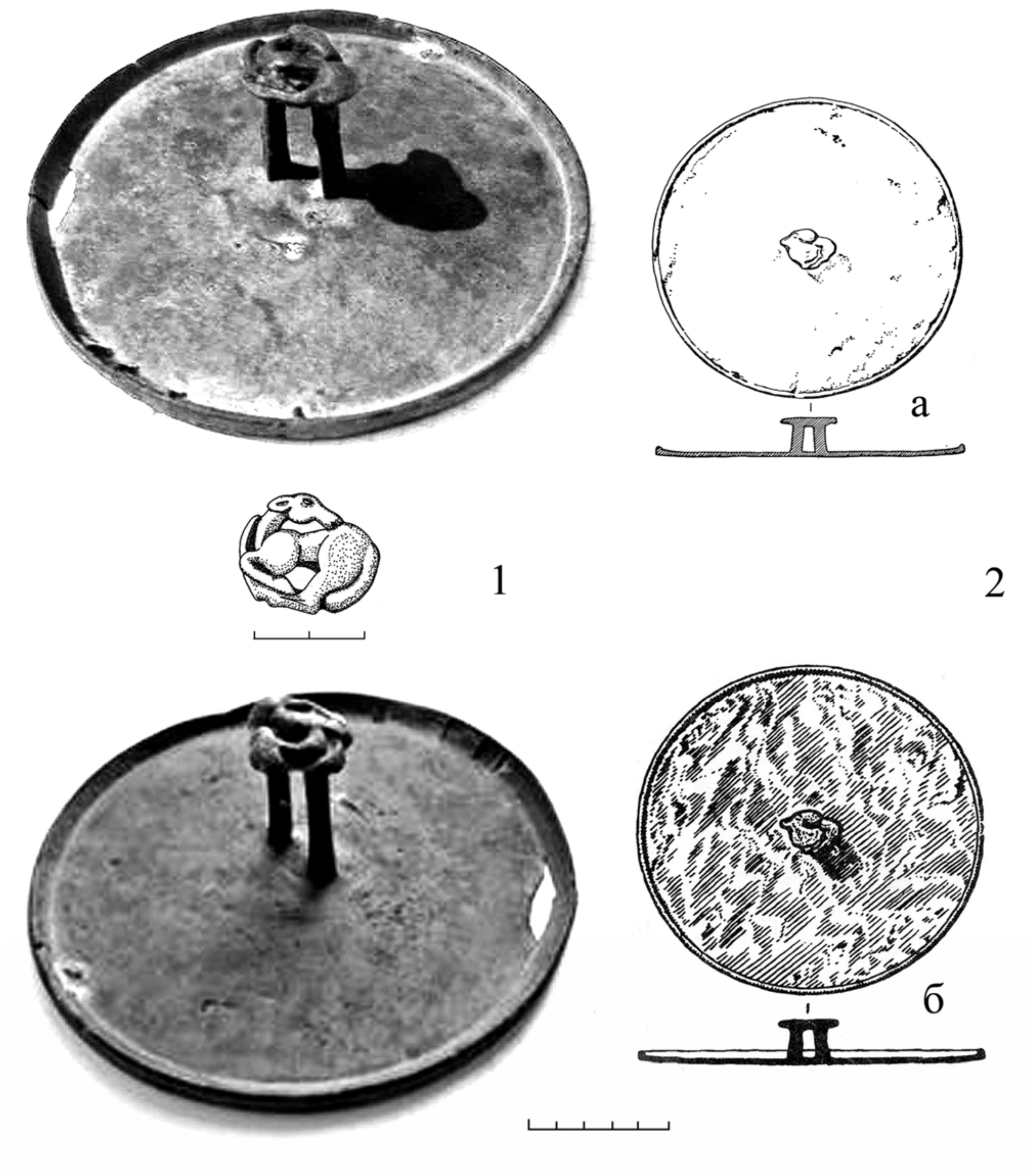

Рис. 2. *1* — Бронзовое зеркало из Сумской области; *2*— Бронзовое зеркало из Келермеса, курган 19, погребение 5 (*а* — по А.Ю. Алексееву и Л.К. Галаниной; *б* — по Т.М. Кузнецовой. Масштаб единый).

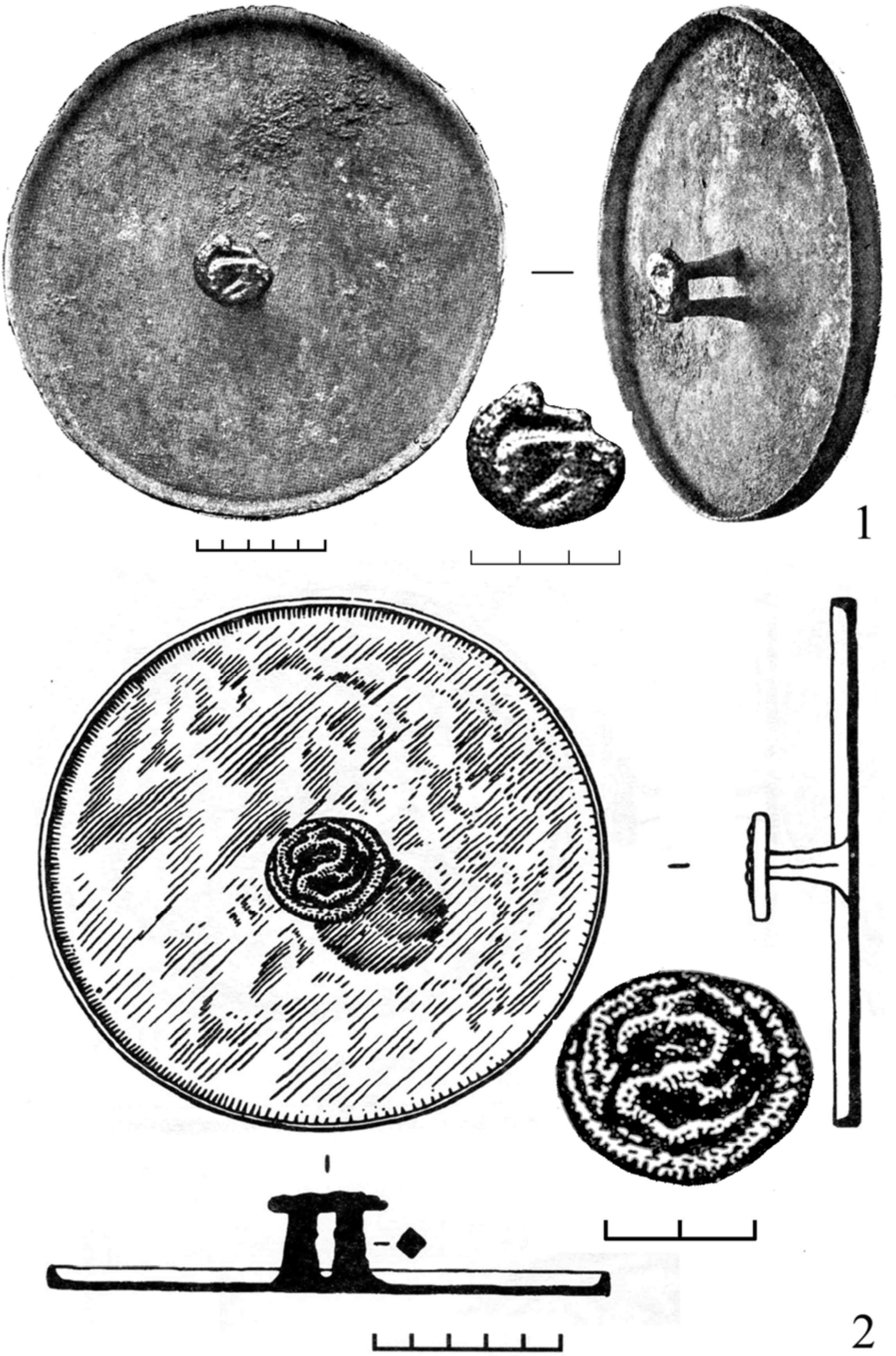

Рис. 3. *1* — Бронзовое зеркало из Герасимовки, курган 1 (по Б.З. Рабиновичу); *2* — Бронзовое зеркало из Пустой Морквашки (по Т.М. Кузнецовой).

Рис. 4. Рукоять бронзового зеркала из Полтавской области с зооморфной бляшкой в виде горного козла.

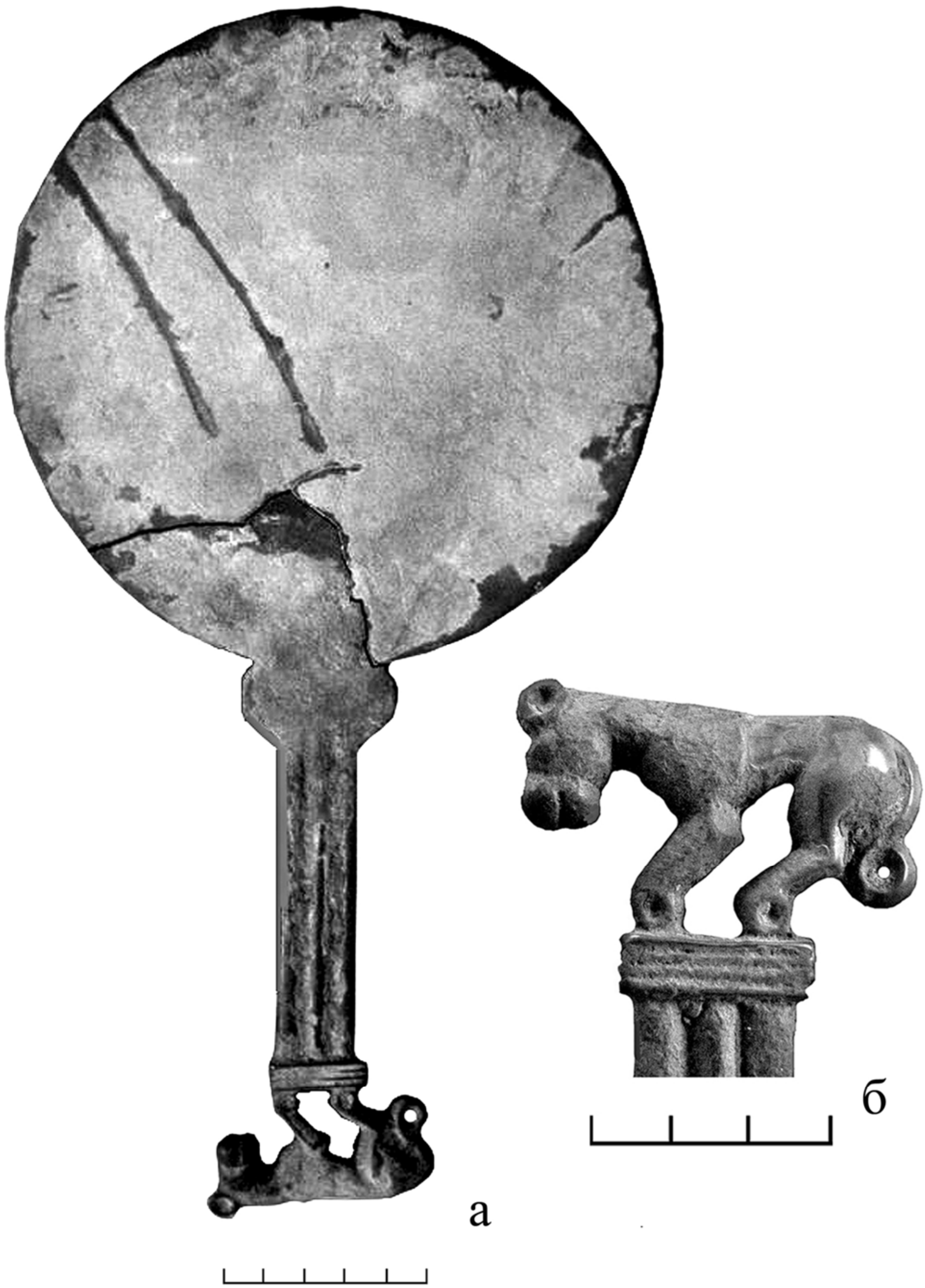

Рис. 5. *а, б* — Бронзовое зеркало борисфенитского типа с пантерой келермесского стиля на конце рукояти из Сумской области и фигурка пантеры.

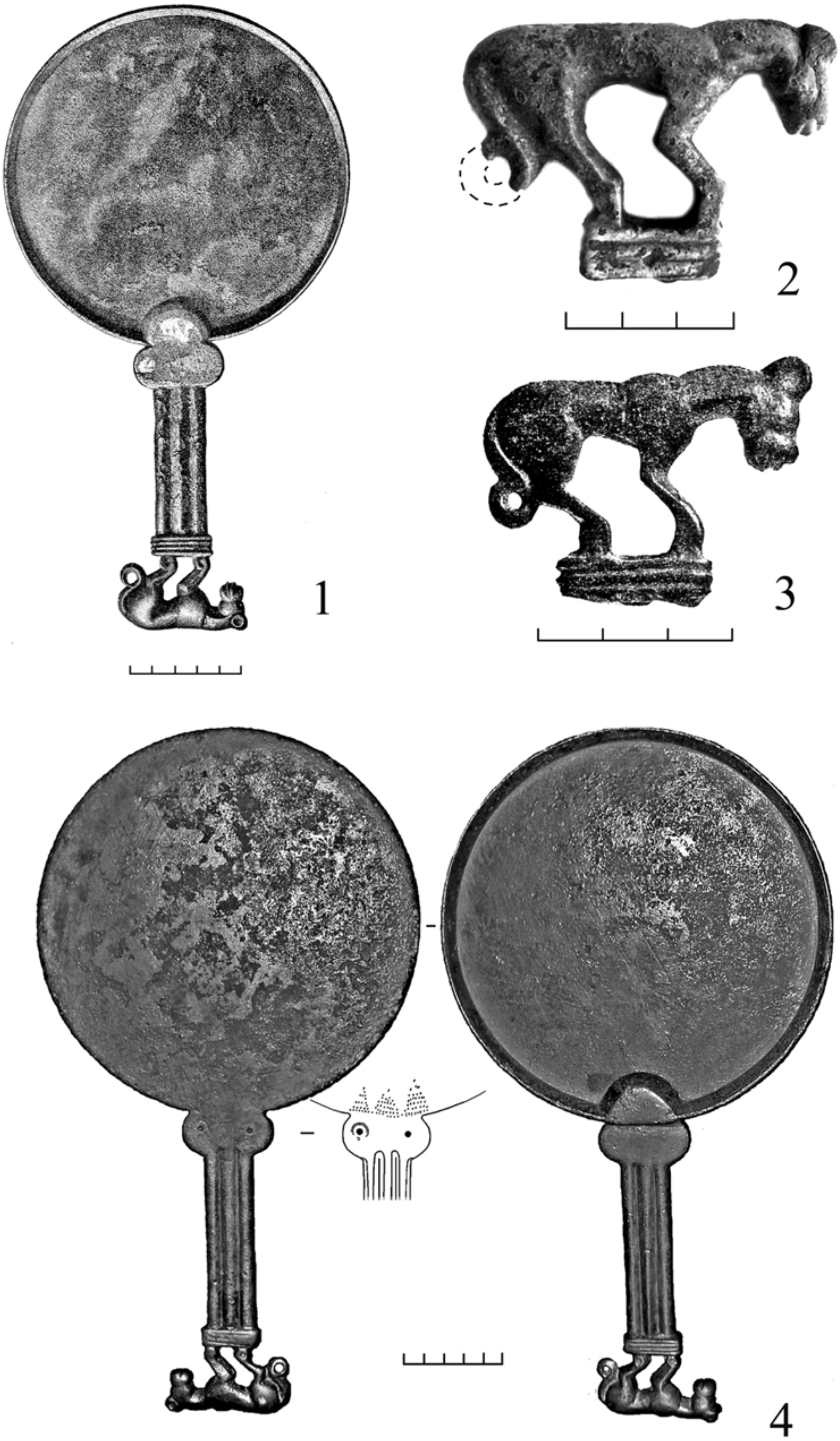

Рис. 6. *1* — Бронзовое зеркало из раскопок С.А. Мазараки в 1886 г. в Роменском уезде у с. Аксютинцы; *2* — Навершие рукояти бронзового зеркала борисфенитского типа из степного Крыма. Находка 2014 г.; *3* — Навершие рукояти бронзового зеркала борисфенитского типа из окрестностей Мариуполя 1888 г.; *4* — Бронзовое зеркало из степи у станицы Крымгиреевской, 1885 г.

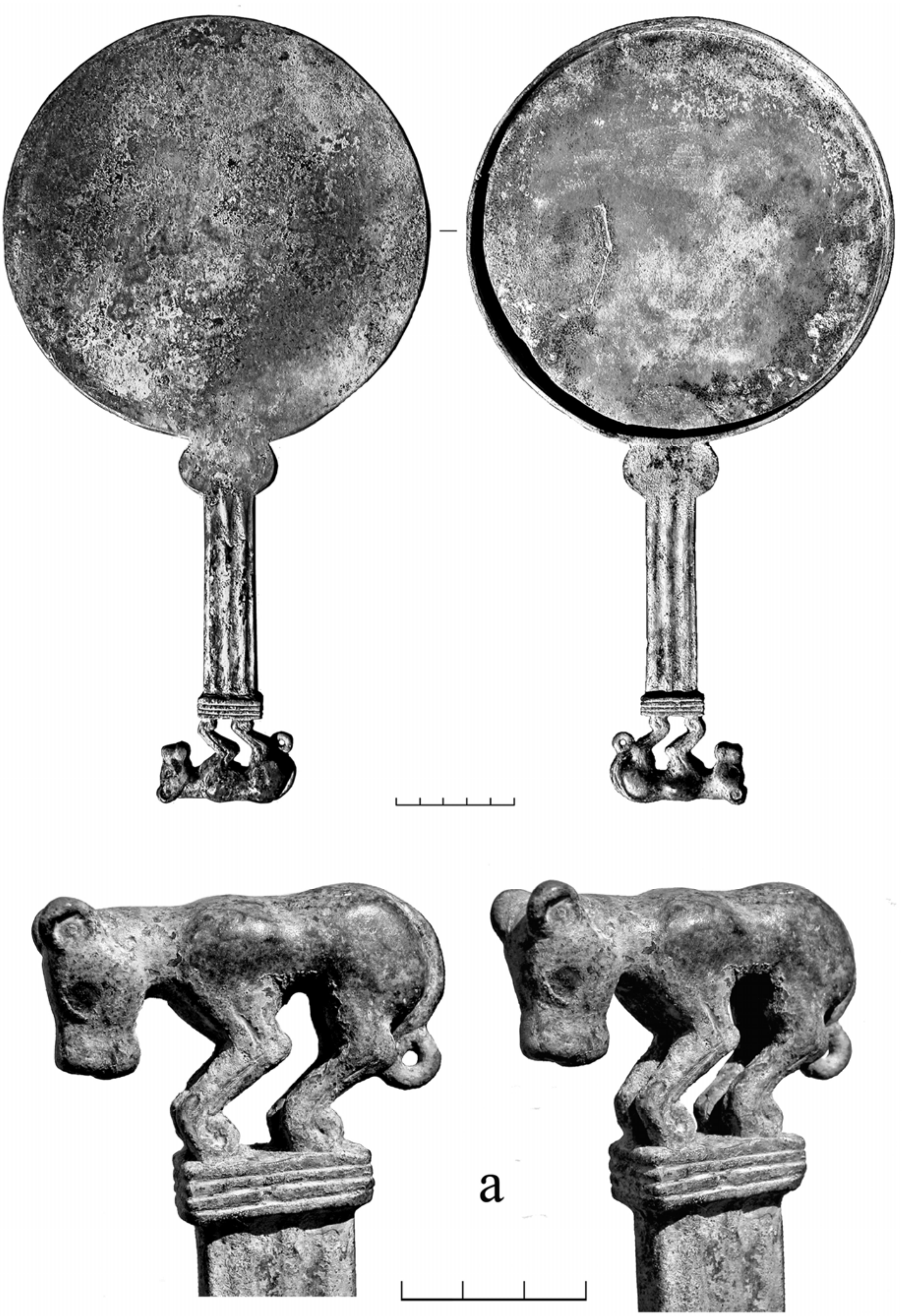

Рис. 7. Бронзовое зеркало борисфенитского типа с боковой рукоятью и пантерой келермесского стиля из окрестностей Керчи. Находка 2003 г. Фотофиксация Н.Ф. Федосеева. *а* — фигурка пантеры.

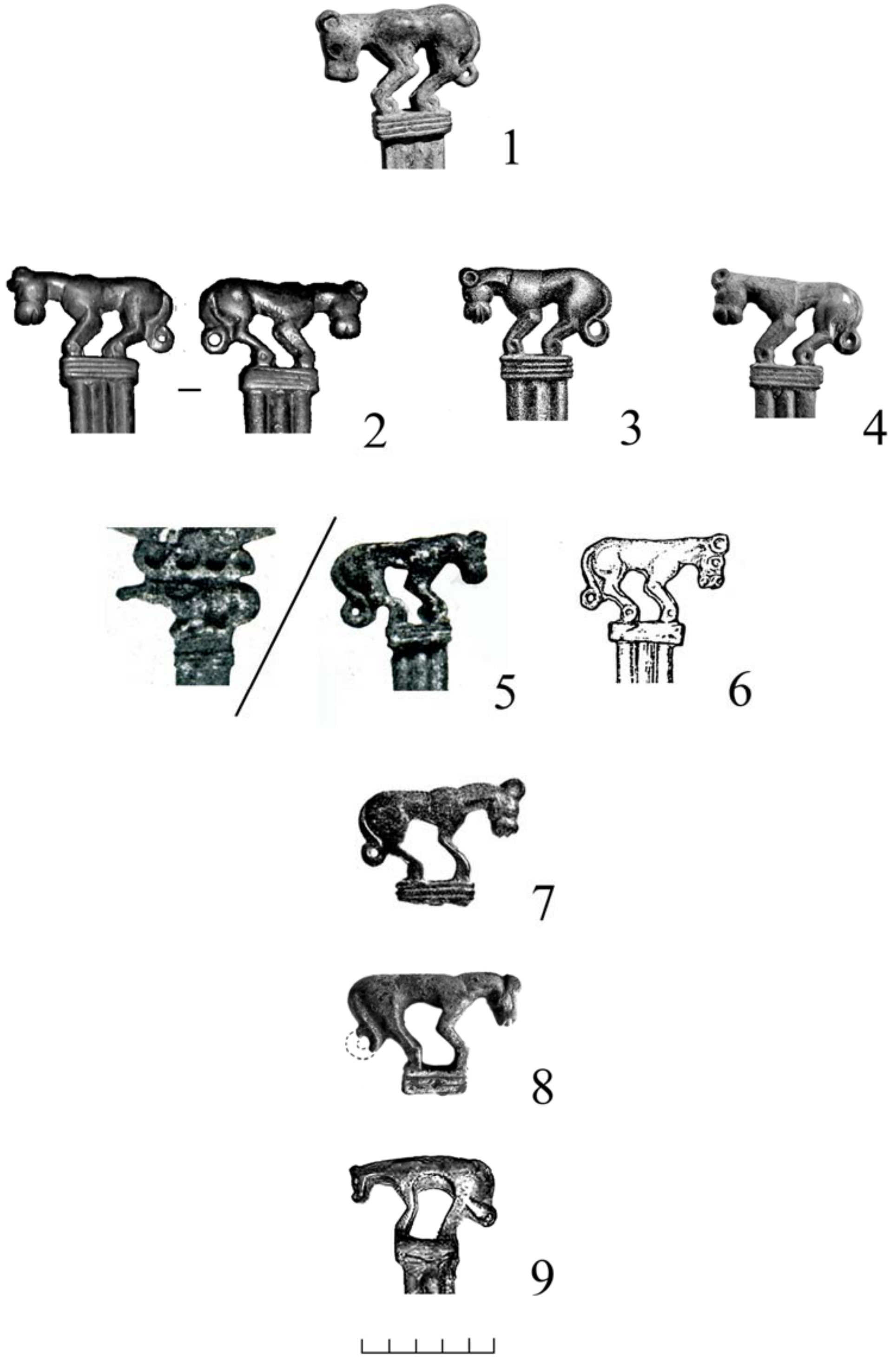

Рис. 8. Схема эволюции пантер «келермесского» типа с наверший рукоятей бронзовых зеркал. *1* — Зеркало из окрестностей Керчи 2003 г.; *2* — Крымгиреевское зеркало 1885 г.; *3* — Зеркало из Аксютинец (Раскопки С.А. Мазараки, 1886 г.); *4* — Зеркало из Сумской области 2012 г.; *5* — Зеркало (верх и низ рукояти) из кургана IV у с. Братышев 1934 г.; *6* — Обломок рукояти зеркала из кургана у с. Новосёлки, 1969 г.; *7* — Навершие рукояти зеркала из окрестностей г. Мариуполя 1888 г.; *8* — Навершие рукояти зеркала из степного Крыма 2014 г.; *9* — Рукоять зеркала из Сумской области 2013 г.

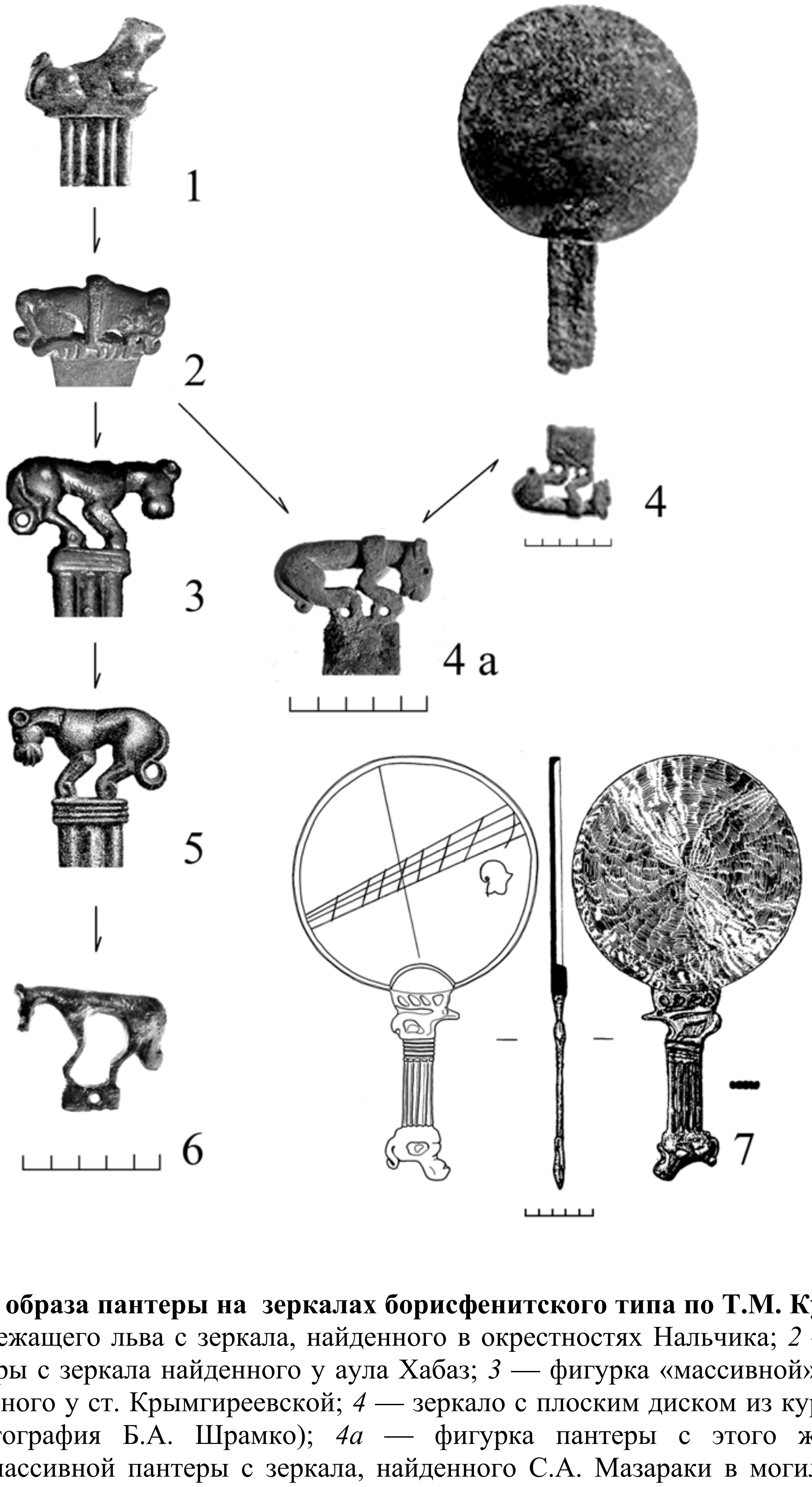

Рис. 9. Генезис образа пантеры на зеркалах борисфенитского типа по Т.М. Кузнецовой: *1* — фигурка лежащего льва с зеркала, найденного в окрестностях Нальчика; *2* — фигкрка лежащей пантеры с зеркала найденного у аула Хабаз; *3* — фигурка «массивной» пантеры с зеркала, найденного у ст. Крымгиреевской; *4* — зеркало с плоским диском из кургана 2 у с. Скоробор (фотография Б.А. Шрамко); *4а* — фигурка пантеры с этого же зеркала; *5* — фигурка массивной пантеры с зеркала, найденного С.А. Мазараки в могильнике у с. Аксютинцы, Роменского уезда; *6* — стилизованная фигурка пантеры, найденная в полуземлянке XV на о. Березань (фотография Л.В.Копейкиной); *7* — Зеркало борисфенитского типа с фигуркой лежащего льва, происходящее с Березани, из коллекции И.И. Толстого.

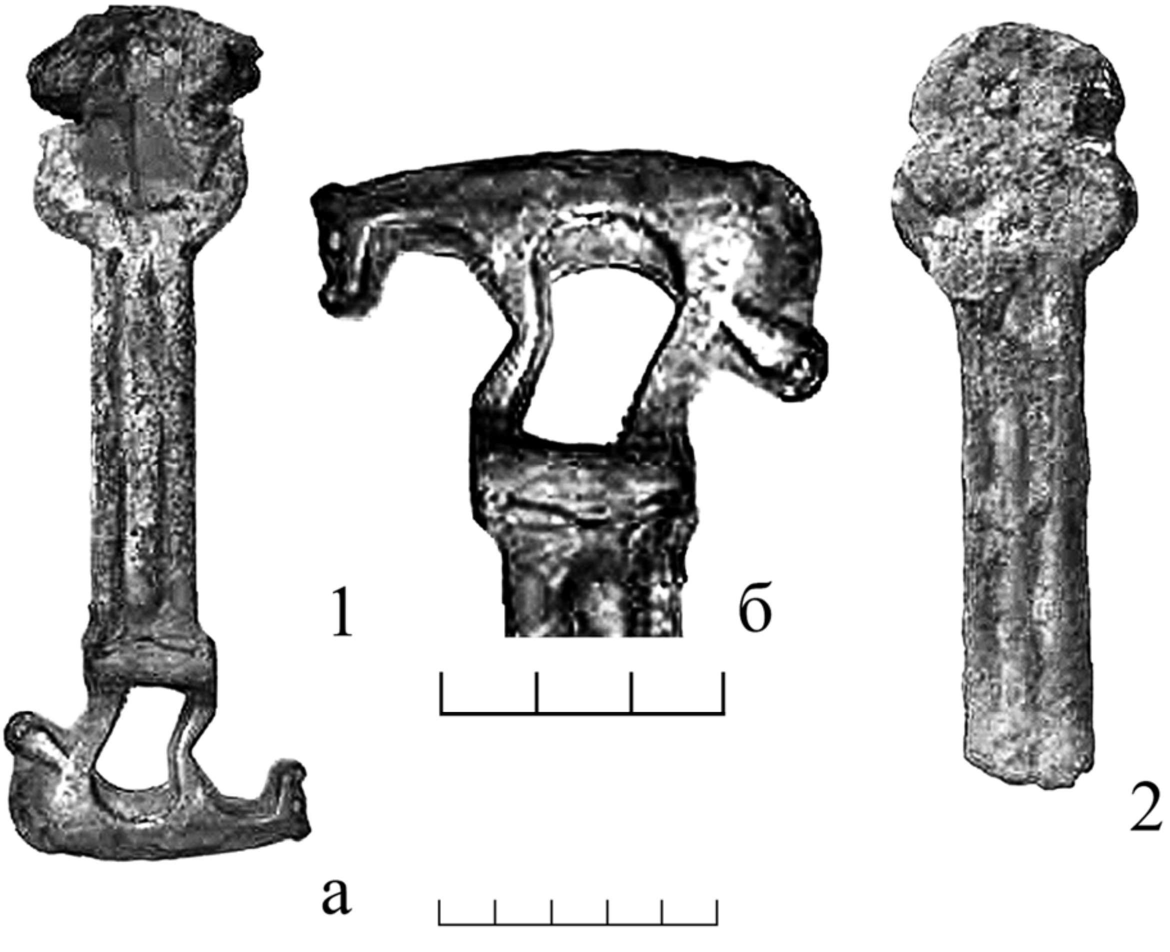

Рис. 10. Бронзовые рукояти от зеркал борисфенитского типа из южных районов Сумской области. Находка 2013 г.: *1а, 1б* — со стилизованной фигуркой пантеры на конце; *2* — со сломанным концом и следами починки (железной заклёпкой в верхней части рукояти).

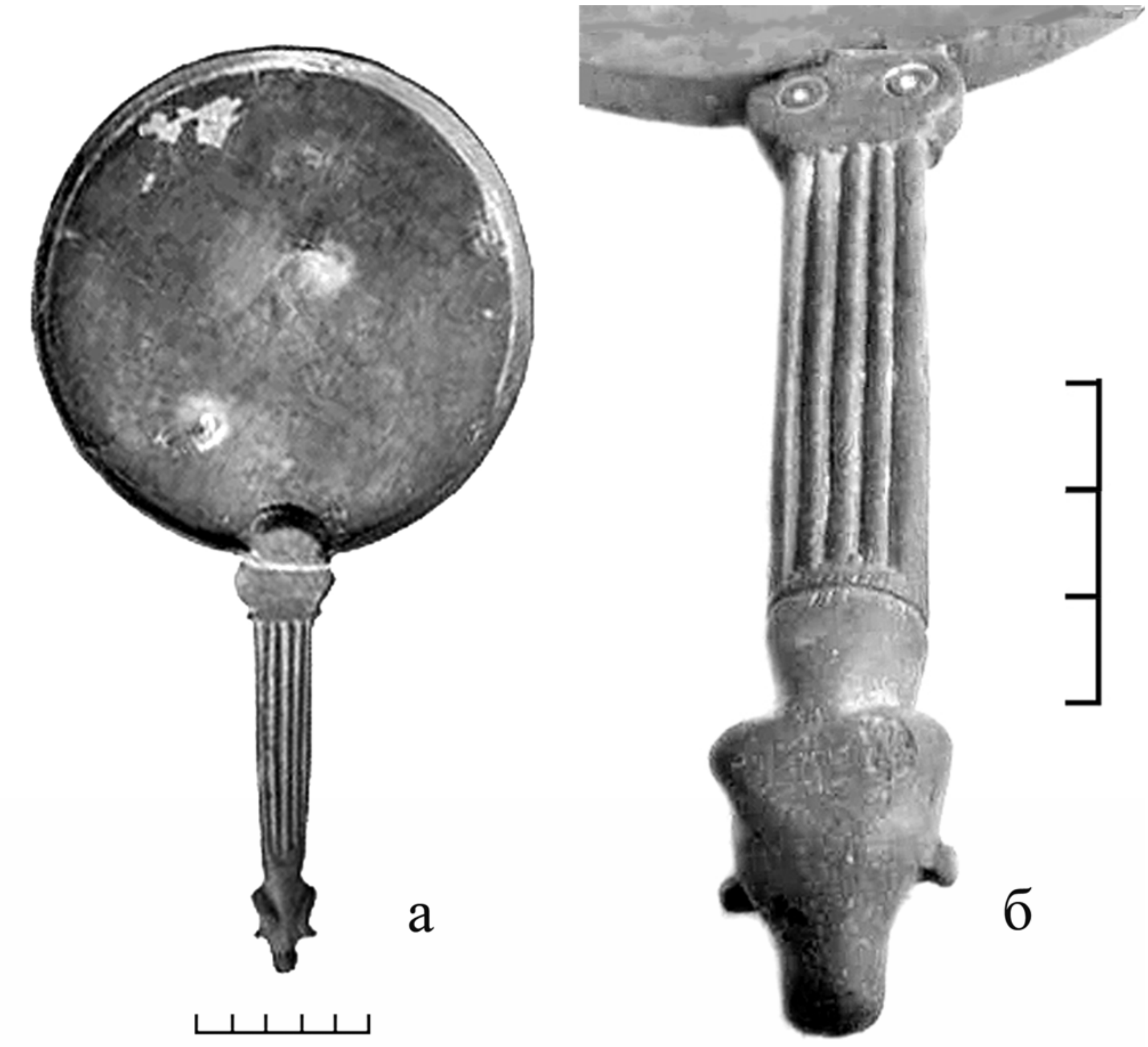

Рис. 11. *а,б* — Бронзовое зеркало борисфенитского типа с головкой барана из с. Маков Хмельницкой области и его лицевая сторона рукояти с местом крепления к бортику диска.

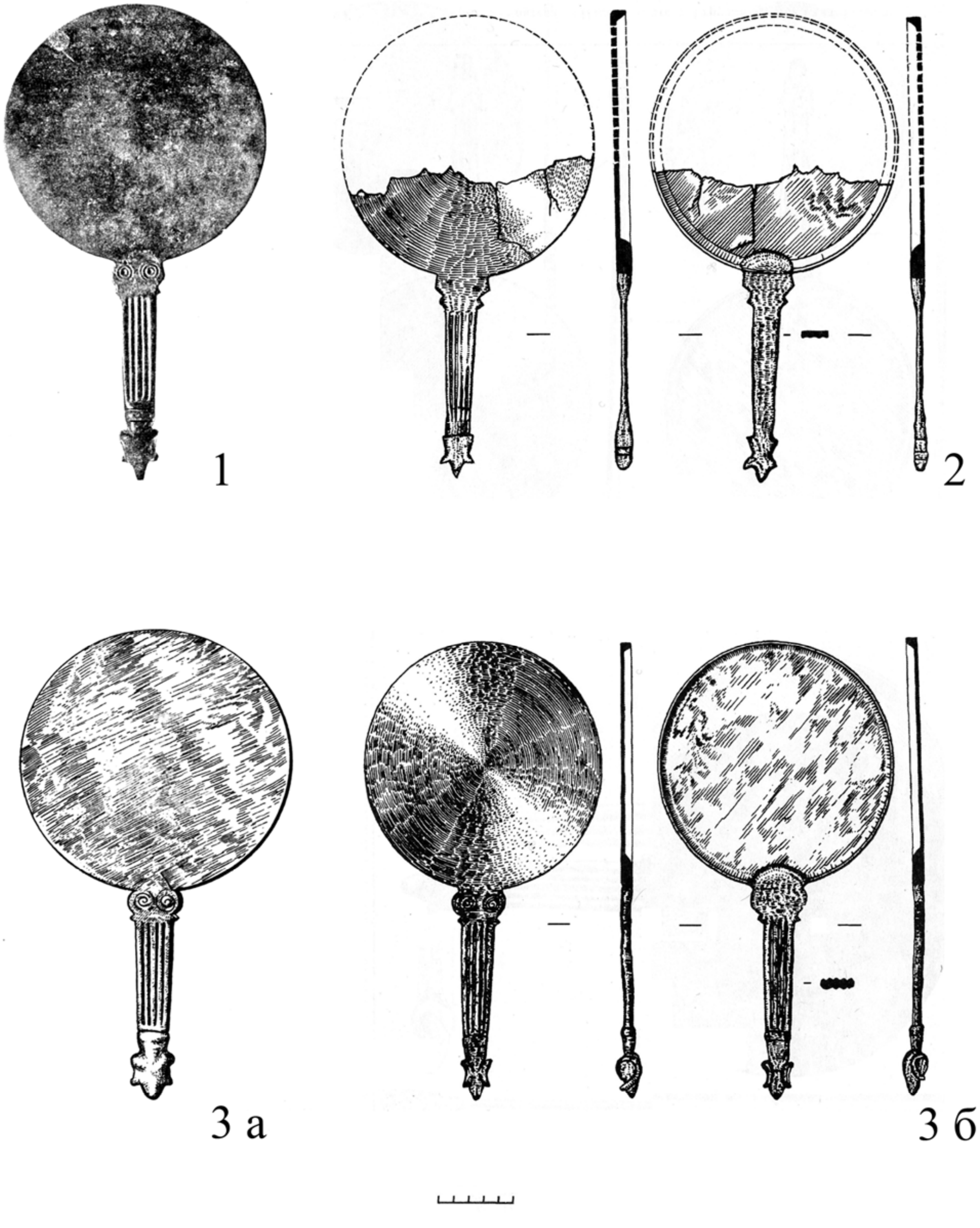

Рис. 12. Зеркала борисфенитского типа с головкой барана и циркульным орнаментом на рукояти под диском: *1* — Бронзовое зеркало из коллекции В.Н. Юргевича (Фотография В.М. Скудновой. ГЭ. Инв. № В.2247); *2* — Бронзовое зеркало с селища Бучак (по рисунку Т.М. Кузнецовой); *3* — Бронзовое зеркало из погребения 1 кургана № 18 у с. Мачуха: *а* — по рисунку Н.Н. Бондаря; *б* — по рисунку Т.М. Кузнецовой. Масштаб единый.

УДК 73.027(477.7)

А.М. Новичихин

К ВОПРОСУ О «СИНДСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ»

Еще в начале XX в. археолог и краевед Г.Ф. Чайковский обратил внимание на две группы своеобразных скульптур из местного камня-известняка, происходящих преимущественно из района Анапы: статуи-полуфигуры и рельефы с поясным либо поколенным изображением человека. Исходя из места наиболее частых находок подобных памятников, исследователь назвал их «фигурными стелами анапского типа». Рельефы Г.Ф. Чайковский рассматривал как культовые изображения богов и героев, статуи-полуфигуры, по аналогии с некоторыми памятниками римской скульптуры, уверенно определял как надгробные[1].

В 1960-х гг. эти же две группы скульптурных памятников привлекли внимание Н.И. Сокольского. Исследователь посвятил им несколько статей, в которых атрибутировал изваяния и рельефы как «памятники синдской скульптуры»[2].

В первой своей работе, посвященной «синдской скульптуре», Н.И. Сокольский отнес к числу ее памятников 45 статуй-полуфигур, выделив три типа: 1) изображения воинов (5 экз.); 2) изображения мужчин (12 экз.); 3) изображения женщин (28 экз.). 6 памятников были найдены в Анапе, 16 — на Тамани, 20 — в Керчи и ее окрестностях, 3 — не имели точного места находки. Кроме скульптурных полуфигур к памятникам синдской скульптуры исследователь отнес также четыре надгробных рельефа с изображениями полуфигур, найденных в Анапе и хранившихся в Анапском музее, которые, по мнению исследователя, выделялась «своеобразием, варваризацией женского образа и примитивизмом» (их подробная характеристика дана им в более поздней работе)[3].

Благодаря раскопкам в 1963 г. на берегу Ахтанизовского лимана датированного I в. до н.э. укрепленного здания, фундаменты стен которого были сложены «из камней вторичного использования», в распоряжении Н.И. Сокольского оказалось еще 32 античных надгробия, включенных исследователем в число памятникам «синдской скульптуры». Помимо полуфигур, количество которых увеличилось на 12 экземпляров (5 — изображения воинов; 2 — мужчин; 5 — женщин), при раскопках указанного объекта было найдено 20 надгробных рельефов, на которых изображены: 4 полуфигуры воинов; 1 полуфигура мужчины; 5 мужчин в рост; 7 полуфигур женщин; 2 женщины в рост; 1 всадник. Исследователь указал, что «подавляющее число вновь обнаруженных памятников изображает коренных жителей Таманского полуострова, синдов»[4]. Включая статуи-полуфигуры и рельефные надгробия в

---

[1] *Чайковский Г.Ф.* Фигурные стелы анапского типа (Из истории изучения боспорский надгробной скульптуры). Публикация А.М. Новичихина // ВДИ. 2011. № 2. С. 188, 189.

[2] *Сокольский Н.И.* Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 86—96; *он же.* К вопросу о синдской скульптуре // Культура античного мира. М., 1966. С. 243—258; *он же.* Синдская скульптура // Античное общество. М., 1967. С. 193—204; *он же.* Вопросы синдской скульптуры // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С.187—198.

[3] *Сокольский Н.И.* К вопросу о синдской скульптуре. С. 243—258.

[4] *Сокольский Н.И.* Новые памятники синдской скульптуры. С. 86—96; *он же*. Синдская скульптура. С. 193—204.

общую скульптурную группу, Н.И. Сокольский аргументировал это тем, что «единство их выражается прежде всего в сходстве этнического типа персонажей и деталей. Различие же заключается: 1) в степени близости или отхода от эллинских образцов скульптуры, степени эллинизации персонажей; 2) во времени изготовления; 3) в деталях одежды и других аксессуаров; 4) в индивидуальном выражении единого общего типа лица»[5]. Публикация материалов ахтанизовского комплекса дала Н.И. Сокольскому возможность включить в число памятников синдской скульптуры рельефное надгробие, найденное им в 1955 г. при раскопках на горе Бориса и Глеба и еще раз обратиться к анапским (горгиппийским) надгробным рельефам, отметив их своеобразие[6]. Исходивший первоначально из того, что к синдской скульптуре следует относить рельефы с полуфигурами[7], в более поздней работе Н.И. Сокольский отнес к этой категории не только найденные у Ахтанизовского лимана рельефы с поясным и поколенным изображением умерших, но и надгробия, на которых умершие были изображены в рост. Кроме единственного воинского рельефного надгробия с полуфигурой вооруженного мужчины в панцире и головном уборе типа скифского колпака[8] большинство ахтанизовских памятников несут изображения мужчин и женщин в типично эллинских одеяниях, причем ряд мужских персонажей сжимают в руке предмет, похожий на свиток, который едва ли возможен в случае изображения варвара-синда. Причем почти на всех ахтанизовских рельефах (кроме одного мужского), включая вышеупомянутый с полуфигурой воина, и на надгробии с горы Бориса и Глеба изображение умерших обрамлено рамкой-эдикулой, завершающейся вверху фронтоном с розеткой в центе и антефиксами по углам. Такое оформление надгробного памятника скорее соответствует эллинской, нежели варварской погребально-поминальной традиции.

«Проблемам синдской скульптуры» была посвящена еще одна статья Н.И. Сокольского. В ней автор, сообщив об еще одной находке на Таманском полуострове (в склепе у п. Сенной) женской статуи-полуфигуры, благодаря которой их число увеличилось до 38, большую часть исследования посвятил горгиппийским находкам памятников «синдской скульптуры». В распоряжении Н.И. Сокольского имелись сведения о хранящихся в Анапском и Краснодарском музеях 6 изваяниях-полуфигурах (1 мужской и 5 женских) и 11 рельефных надгробиях. Отметив, что происходящие из Анапы скульптурные полуфигуры аналогичны находимым в западной части Таманского полуострова, Н.И. Сокольский в очередной раз указал на своеобразие анапских рельефов, охарактеризовав их как «локальный вариант синдской скульптуры». Хранящаяся в Анапском краеведческом музее коллекция рельефов насчитывала 4 мужских и 7 женских изображений. По словам исследователя, «общими чертами всей этой группы является ярко выраженный этнографический местный тип персонажей при значительном упрощении и некотором примитивизме изображения, а также достаточно грубой технике работы». Несмотря на то, что на всех горгиппийских рельефах персонажи облачены в эллинское одеяние, указанных доводов Н.И. Сокольскому

[5] *Сокольский Н.И.* Синдская скульптура. С. 199.

[6] Там же. С. 198, рис. 8, с. 202, рис. 11.

[7] *Сокольский Н.И.* К вопросу о синдской скульптуре. С. 252.

[8] *Сокольский Н.И.* Новые памятники синдской скульптуры. С. 92, рис. 37; *он же.* Синдская скульптура. Рис. 4. Мужская фигура в рост (а не полуфигура, как писал Н.И. Сокольский) в пластинчатом доспехе со щитом кельтского типа (*Сокольский Н.И.* Новые памятники синдской скульптуры. С. 92, рис. 35, 1; *он же.* Синдская скульптура. Рис. 8) изображает конечно же не синда, а типичного боспорского воина позднеэллинистического времени, аналогичного изображенному на другом надгробном памятнике из того же комплекса. См.: *Толстиков В.П.* Надгробие воина с Ахтанизовского лимана // ВДИ. 1976. № 1. С. 80—90.

оказалось достаточно, чтобы отнести анапские надгробия к кругу памятников «синдской скульптуры»[9].

В основу последней работы Н.И. Сокольского лег его одноименный доклад на конференции, посвященной 100-летию Б.В. Фармаковского. В прениях по докладу Н.Л. Грач высказала предположение о появлении на Боспоре статуй-полуфигур под влиянием надгробной скульптуры Малой Азии, указав многочисленные аналогии в турецких музейных собраниях и призвав исследователя к большей осторожности в выводах. В то же время, точка зрения Н.И. Сокольского нашла поддержку М.М. Кобылиной, не увидевшей в рассмотренных им группах памятников ни греческого, ни малоазийского влияния, и указавшей, что подобные памятники могли возникнуть только в варварской среде[10]. С критикой положений Н.И. Сокольского выступил также Д.И. Даньшин в докладе о критериях выделения «синдской скульптуры» на V Чтениях памяти В.Д. Блаватского. Исследователь не обнаружил в этих памятниках следов синдского влияния и связал их появление с общими закономерностями развития периферийного античного искусства[11].

Аргументацию Н.И. Сокольского, на основании которой он относил скульптурные памятники к скульптуре синдов, действительно сложно признать убедительной. Она, несомненно, основывалась на уверенности исследователя в том, что Таманский полуостров, с которого происходила большая часть памятников, был в древности населен синдами.

Вот несколько примеров аргументации исследователя:

1. «Характер скульптуры и типы персонажей красноречиво говорят о том, что подавляющее число вновь открытых памятников изображает коренных жителей Таманского полуострова, синдов»[12].

2. «Откуда собраны памятники? По-видимому, камень собирался с ближайших синдских курганов и некрополей»[13].

3. «Названные группы скульптурных памятников изображают обитателей Таманского полуострова — негреков, в основном синдов»[14].

4. «Несомненно, что первые надгробные скульптуры с изображением негреческого, главным образом синдского населения создавались скульпторами-греками из боспорских городов, а затем должны были появиться скульпторы из местной негреческой среды»[15].

5. «Территория распространения скульптур, негреческие типы изображенных, время памятников достаточно красноречиво говорят о том, что подавляющее число вновь найденных на Таманском полуострове и ранее известных скульптур подобного рода изображает коренных жителей этого района азиатской части Боспора в эллинистическую эпоху, т.е. синдов»[16].

Постулируемый долгое время тезис о том, что Таманский полуостров в античную эпоху был населен синдами, в настоящее время не находит подтверждения: анализ письменных источников и данные археологии все больше и больше свидетельствуют в

---

[9] *Сокольский Н.И.* Вопросы синдской скульптуры. С. 187—198.

[10] *Долгоруков В.С., Цветаева Г.А.* Научная конференция памяти Б.В. Фармаковского // СА. 1971. № 4. С. 298, 299.

[11] *Малышев А.А.* V научные Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского // ВДИ. 1993. № 3. С. 234.

[12] *Сокольский Н.И.* Новые памятники синдской скульптуры. С. 95.

[13] Там же. С. 95.

[14] *Сокольский Н.И.* К вопросу о синдской скульптуре. С. 254.

[15] Там же. С. 254.

[16] *Сокольский Н.И.* Синдская скульптура. С. 201.

пользу того, что древний Таманский архипелаг следует исключить из территории исторической Синдики[17].

Каких-либо убедительных доказательств того, что статуи-полуфигуры и рельефы изображают синдов и сделаны синдскими мастерами в аргументации Н.И. Сокольского также не содержится. Рассуждения о том, что в персонажах надгробий представлены «негреческие типы», следует отнести на счет субъективных преставлений исследователя.

Надгробные статуи-полуфигуры хорошо известны не только на Азиатском, но и на Европейском Боспоре. Об этом красноречиво свидетельствует лапидарное собрание Керченского музея, в котором насчитывается более десятка статуй-полуфигур и их фрагментов, происходящих из Керчи и ее окрестностей[18]. Кроме того, не приходится сомневаться, что большая часть хранящихся в Керченском музее надгробий-полуфигур, место находки которых неизвестно, также следует связывать с некрополями древних городов и селений Европейского Боспора. Детальное исследование Е.А. Савостиной трех женских надгробных статуй-полуфигур из керченских находок привело исследовательницу к выводу о том, что на их иконографию оказала влияние греческая эллинистическая, в том числе малоазийская, скульптура, отдельные элементы некоторых памятников могут восходить к римской и северопричерноморской традициям. В целом же, этим памятникам, датируемым I в. до н.э. — I в. н.э., свойственна портретность — «новая для Боспора и общегреческой культуры конкретизация облика»[19].

Эллинское происхождение очевидно и для надгробий с рельефным изображение человеческих фигур в рост и полуфигур в эдикулах, завершающихся фронтонами — таковы большинство находок из комплекса близ Ахтанизовского лимана и памятник с горы Бориса и Глеба. Подобные надгробия хорошо известны среди лапидарных материалов практически всех боспорских городов — многочисленные примеры чему можно увидеть на страницах КБН-альбома.

Таким образом, следует признать, что некоторые из групп памятников, включенных Н.И. Сокольским в число «синдских», таковыми не являются, и отражают скорее общие для всего Боспора тенденции в развитии надгробной скульптуры. В этом отношении небезынтересным представляется высказанное Н.Л. Грач мнение, о роли малоазийских традиций в появлении и развитии надгробных скульптур-полуфигур[20]. К сожалению, исследовательница не выступила в научной печати с аргументацией своей точки зрения, о существовании которой сегодня известно лишь по хроникальной заметке[21]. Мнение это представляет интерес, в том числе и в связи с тем, что во вторичной колонизации Азиатского Боспора, в частности Горгиппии, судя по данным ономастики, в первой половине IV в. до н.э. активно участвовали выходцы из Малой Азии[22].

Хронологические рамки времени создания боспорских полуфигурных надгробий достаточно велики. Скульптурные особенности памятников и палеография нанесенных на

---

[17] *Новичихин А.М.* Границы Синдики // Былые годы. 2011. № 3. С. 11—15.

[18] Античная скульптура. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. I. Киев, 2004. Кат. 39, 45, 46, 49, 50, 54, 57, 58, 59, 62, 63, 125, 130.

[19] *Савостина Е.А.* Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь—Керчь, 2012. С. 162—169.

[20] На сходство женских статуй-полуфигур с находками из малоазийских центров указывает также Е.А. Савостина (Там же. С. 164, 168).

[21] *Долгоруков В.С., Цветаева Г.А.* Научная конференция памяти Б.В. Фармаковского. С. 298.

[22] *Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья. XIX: Малоазийские имена на Боспоре (V—IV вв. до н.э.) // ВДИ. 2007. № 1. С. 204, 205.

некоторые из них надписей указывают на довольно продолжительный период их бытования — с IV в. до н.э. по II в. н.э.[23] По мнению составителей каталога лапидарного собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника, боспорская традиция надгробных статуй-полуфигур зародилась, «вероятно, на Азиатской стороне Боспора, в Синдике»[24]. В этой связи представляется, что к числу наиболее ранних памятников, возможно, следует относить два скульптурных надгробия, одно из которых найдено в 1971 г. близ Анапы и находится в Анапском археологическом музее, а второе, найденное на Тамани в 1927 г., до Великой Отечественной войны хранилось в Таманском музее и сегодня считается утраченным. Оба изваяния изображают стоящие женские фигуры в облегающих голову и плечи покрывалах, отличительной особенностью обоих памятников является положение рук — они вытянуты вдоль туловища «по швам», прижаты к бокам[25]. Н.П. Розанова, опубликовавшая скульптуру из Таманского музея, воздержалась от датировки памятника[26]. А.И. Салов отнес анапское изваяние к I—II вв. н.э.[27] Однако, как удалось установить, надгробие найдено на территории распаханного Алексеевского грунтового могильника[28], датировка которого на основании инвентаря двух раскопанных в 1987 г. захоронений определяется в рамках конца VI — V в. до н.э.[29] Положение рук анапского и таманского изваяний находит близкую аналогию в моделировке одного из древнейших скульптурных памятников Северного Причерноморья — ольвийского куроса, датируемого концом VI — началом V в. до н.э.[30], руки которого также вытянуты вдоль тела и прижаты к бокам[31]. Судя по всему, указанные надгробия близки ему по времени.

Несомненным своеобразием отличаются рельефы с поясным или поколенным изображением человеческой фигуры, известные по находкам в Анапе и ее окрестностях, которые Н.И. Сокольский выделил в особую группу памятников «синдской скульптуры». Однако, никаких явных признаков, дающих основания уверенно относить эти надгробия к скульптуре варваров нет: представленные на них персонажи облачены в эллинские одеяния, и единственным отличием от «классических» образцов боспорских надгробных рельефов может являться только отсутствие фронтона вверху эдикулы. Судя по всему, эта группа памятников является продукцией одной из горгиппийских мастерских, выработавшей свой, несколько грубоватый стиль изображения человека, что, впрочем, не удивительно для периферии античного мира. Данные надгробия действительно можно было бы назвать

---

[23] *Сокольский Н.И.* К вопросу о синдской скульптуре С. 251; Античная скульптура. С. 91—121.

[24] Античная скульптура. С. 22.

[25] *Салов А.И.* К вопросу о топографии Горгиппии // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 66, рис. 2,*5*; *Розанова Н.П.* Неизданные надгробные стелы Таманского музея // ВДИ. 1951. № 3. С. 94, рис. 5.

[26] *Розанова Н.П.* Неизданные надгробные стелы Таманского музея. С. 94.

[27] *Салов А.И.* К вопросу о топографии Горгиппии. С. 67.

[28] *Харалдина З.Е.* Надгробные памятники некрополей хоры Горгиппии // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Тирасполь, 1994. С. 212, рис. 1.

[29] *Новичихин А.М.* Исследование архаических памятников у поселка Алексеевка // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар, 1993. С. 23-30.

[30] Курос был установлен в нише, устроенной в одной из стен помещения гимнасия второй половины IV — начала III вв. до н.э. (*Карасев А.Н., Леви Е.И.* Исследования Ольвии после Б.В. Фармаковского (1927—1970 гг.) // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 42, рис.15; *Леви Е.И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 106, рис. 111).

[31] *Чубова А.П., Лесницкая М.М.* Ольвийский курос // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 210, рис. 1; *Русяева А.С.* Скульптура // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987. С. 156, рис. 2.

«синдскими», однако не подразумевая под этим какой-либо их этнической атрибуции: это скульптурные памятники, созданные в Синдике, в мастерских Горгиппии, «царской столицы синдов» (Strabo., XI, 2, 10), и изображающие жителей этого полиса и этой области Боспорского государства. Наверное, наиболее удачным названием для этой группы памятников будет то, которое некогда дал им Г.Ф. Чайковский — «фигурные стелы анапского типа»[32].

Укажем, что с момента публикации последней статьи Н.И. Сокольского число происходящих из Горгиппии и ее окрестностей памятников, как статуй-полуфигур, так и надгробных рельефов, значительно пополнилась. В настоящее время в Анапском археологическом музее хранится 19 статуй-полуфигур и их обломков (рис. *1,2*), а также 27 экземпляров не имеющих архитектурного оформления рельефов с поколенным или поясным изображением человеческой фигуры (рис. *3,4*).

Наконец, нельзя не отметить своеобразную группу таманских надгробных статуй-полуфигур, изображающих вооруженных мужчин в явно негреческой, варварской одежде. Н.И. Сокольский в статье 1966 г. выделил их в первую группу, в которую включил пять изваяний, четыре из которых достоверно найдены на Таманском полуострове: в 1961 г. близ Кеп, в 1896 г. в кургане на некрополе Фанагории, в 1959 г. на территории курганного некрополя Фанагории, в Тамани (год находки не указан) и неизвестного происхождения, хранившееся до 1889 г. в Царском кургане[33]. После открытия в 1963 г. комплекса изваяний у ст. Ахтанизовской их число увеличилось до десяти: в фундаменте античного здания были обнаружены три полуфигуры, не сохранившие голов, и две отдельные головы[34]. Известно, также, близкое по манере исполнения рельефное надгробие вооруженного мужчины в эдикуле с фронтоном из ахтанизовского комплекса[35].

Изваяния изображают бородатых и безбородых мужчин, в штанах, коротких кафтанах и коротких плащах, из-под которых иногда виден пластинчатый панцирь, в головных уборах, типа скифского колпака или папахи, вооруженных мечами и луками со стрелами[36]. Следует согласиться с Н.И. Сокольским, что «этой группе свойственна этнографичность»[37]. Представляется, что исследователь, прав, предлагая рассматривать изваяния воинов, как одно из направлений «боспорской скульптуры, изображающей местных жителей, негреков»[38].

Памятники отличает высокое мастерство. По мнению М.М. Кобылиной, голова варвара в скифском колпаке и налобной повязке, найденная в 1959 г. близ Фанагории, принадлежала скульптуре, изображавшей знатного местного жителя, «какого-нибудь царька-

---

[32] *Чайковский Г.Ф.* Фигурные стелы анапского типа. С. 188.

[33] *Сокольский Н.И.* К вопросу о синдской скульптуре. С. 243—246.

[34] *Сокольский Н.И.* Новые памятники синдской скульптуры. С. 90; *он же.* Синдская скульптура. С. 195, прим. 6.

[35] *Сокольский Н.И.* К вопросу о синдской скульптуре. С.92, рис. 37; *он же.* Синдская скульптура. С. 196, рис. 4.

[36] *Кобылина М.М.* Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972. С. 9, табл. XI; *она же.* Скульптурный портрет из Фанагории // СА. 1962. № 3. С. 209—214; *она же.* Фанагория. М., 1989. Рис. 5; *Сокольский Н.И.* Новые памятники синдской скульптуры. С. 90, рис. 35,*4*; *он же.* К вопросу о синдской скульптуре. С. 244—246, рис. 1; *он же.* Синдская скульптура. Рис. 1; *Шульц П.Н.* Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М., 1967. С. 234, рис. 9; *Крушкол Ю.С.* Древняя Синдика. М., 1971. С. 196—198, рис. 26, 27, 28: *Савостина Е.А.* Эллада и Боспор. С. 156—161, рис. 113—117.

[37] *Сокольский Н.И.* Синдская скульптура. С. 195.

[38] *Сокольский Н.И.* Новые памятники синдской скульптуры. С. 96; *он же.* К вопросу о синдской скульптуре. С. 254.

синда или меота»[39]. М.М. Кобылина датировала фанагорийскую находку серединой — второй половиной IV в. до н.э., отметив ее сходство с малоазийской скульптурой[40]. Указанная датировка («не позднее второй половины IV в. до н.э.») поддерживается Е.А. Савостиной. При этом исследовательница отмечает, что атрибуция скульптуры как изображения «синда», должна восприниматься не более чем условность, «дань поэтической традиции, существующей в археологии»[41].

Из этнографических особенностей костюма изваянных воинов, практически все исследователи обратили внимание на своеобразные головные уборы. Обычно это высокие шапки, напоминающие спереди папаху, а сбоку — подобие скифского колпака, с лентой или оторочкой по нижнему краю, или мягкая коническая шапка со свисающим верхом[42]. Близкий по форме головной убор, спереди напоминающий папаху, а сбоку — башлык, венчает каменную (мергелевую) мужскую статуэтку, найденную при раскопках меотского Роговского городища в развале сгоревшего жилого дома второй четверти I в. до н.э.[43] Н.Ф. Шевченко, обративший внимание на сходство головных уборов найденного им изваяния и таманских мужских «синдских» надгробий, отметил и другие элементы сходства этих двух групп скульптурных памятников, в частности, в манере изображения лица и положении рук. По его мнению, роговской идол изображает фигуру мужского божества или героизированного предка, а материал указывает на возможный район его изготовления — «между Новороссийском и юго-восточной частью Таманского полуострова»[44]. Отмеченное наблюдение дает основания предполагать, что мужские воинские статуи-полуфигуры представляют собой созданные боспорскими скульпторами изображения представителей меотского или меото-сарматского племенного мира.

Основываясь на датировке М.М. Кобылиной, Н.И. Сокольский отнес указанную группу воинских статуй-полуфигур «к раннеэллинистической эпохе»[45]. Однако, то, что от фанагорийского изваяния сохранилась только голова, пусть и в варварском головном уборе, не позволяет с уверенностью относить его к группе статуй-полуфигур, изображающих воинов, как это делал Н.И. Сокольский. Таким образом, ранняя датировка этой группы надгробий не может считаться подтвержденной. Е.А. Савостина, изучившая наиболее яркие памятники, изображающие воинов, — хранящиеся в Керченском музее скульптуры, найденные на курганном некрополе Фанагории в 1961 и 1896 гг., привлекла для определения датировки изображенное на стелах оружие. По заключению В.С. Ольховского, форма горита, изображенного на скульптуре 1961 г., характерна для периода от II в. до н.э. до II в. н.э., на основании чего памятник следует датировать временем «после 200 г. до н.э.». Набор оружия, изображенный на скульптуре 1896 г., датируется в более широких хронологических рамках — от IV в. до н.э. до II в. н.э. Рассмотрев весь спектр предложенных для памятника датировок, Е.А. Савостина указывает, что наиболее предпочтительным представляется

---

[39] *Кобылина М.М.* Скульптурный портрет из Фанагории. С. 214; *она же.* Фанагория. С. 14.

[40] *Кобылина М.М.* Скульптурный портрет из Фанагории. С. 213.

[41] *Савостина Е.А.* Эллада и Боспор. С. 155.

[42] *Сокольский Н.И.* Новые памятники синдской скульптуры. С. 90, 92; *он же.* К вопросу о синдской скульптуре С. 244, 245; *он же.* Синдская скульптура. С. 195; *Кобылина М.М.* Скульптурный портрет из Фанагории. С. 210; *Крушкол Ю.С.* Древняя Синдика. С. 196; *Равдоникас Т.Д.* Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа. Л., 1990. С. 47, 48, 51; *Савостина Е.А.* Эллада и Боспор. С. 155, 156, 158.

[43] *Шевченко Н.Ф.* Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. Ростов-на-Дону, 2013. С 32, рис. 55, 1, фото 32.

[44] Там же. С. 39, 40.

[45] *Сокольский Н.И.* Синдская скульптура. С. 105.

датировать фанагорийскую стелу 1896 г. временем около 200 г. до н.э.[46] В то же время, составители каталога античной скульптуры Керченского музея при изучении изваяния воина из некрополя Фанагории (находка 1896 г.) видят основания для датировки его I в. н.э.[47] Поскольку большинство других памятников этой группы по манере исполнения близки указанному фанагорийскому, нельзя также исключать и их более поздней датировки — временем близким к I в. н.э.

В какой-то степени в пользу этого свидетельствует находка трех полуфигур и рельефа в фундаменте античного здания на берегу Ахтанизовского лимана. На основании амфорного материала Н.И. Сокольский отнес открытое им сооружение к I в. до н.э. и связал его появление с присутствием на Таманском полуострове аспургиан[48]. Новейшие датировки встреченных при раскопках комплекса амфор (светлоглиняных с двуствольными ручками, коричневоголиняных) дают основания для более широкой датировки времени возведения постройки, включая I в. н.э., во всяком случае — первую эго половину. По составу керамического комплекса Ахтанизовское здание сопоставимо с укреплениями района Анапы-Новороссийска, погибшими в середине I в. н.э.[49] Судя по всему, надгробные памятники, жертвенные столы и эсхары, которые строители этого монументального здания использовали для укрепления основания постройки, на момент его сооружения были доступны, т. е. возвышались над поверхностью земли, отмечая захоронения, с которыми были связаны. Иначе говоря, их датировка вполне может укладываться в рамки II—I вв. до н.э. В пользу такой датировки свидетельствует и отмеченная выше аналогия из круга меотских древностей — идол из раскопок Роговского городища.

Сложно представить, что синды, подвергшиеся значительной эллинизации еще в V—IV вв. до н.э., сохраняли этнографические особенности костюма вплоть до рубежа эр. Причем костюма исключительно только воинского, поскольку в Ахтанизовском комплексе присутствуют полуфигуры и рельефы, изображающие мужчин в «гражданском» эллинском одеянии. В то же время, античная традиция, прежде всего, Страбон, свидетельствуют о появлении во второй половине I в. до н.э. на Азиатском Боспоре («между Фанагорией и Горгиппией на пространстве пятисот стадиев») нового народа — аспургиан (Strabo., XI, 2, 11). Народа, судя по тому, что Страбон (XI, 2, 11) отнес аспургиан «к числу меотов», являющегося носителем этнических и культурных традиций, отличных от боспорских, но имеющих общие черты с этнографическим особенностями меото-сарматского населения Кубани. Многочисленные источники, как письменные, так и археологические, свидетельствуют, что аспургиане составляли некую военную служилую общность, набранную из числа прикубанских варваров и расселенную боспорскими царями, начиная с Асандра, в их азиатских владениях для защиты от внешних и внутренних врагов[50]. Нельзя исключать, что большинство воинских надгробных полуфигур представляют собой запечатленный боспорскими скульпторами облик варваров-аспургиан в начальный период их расселения в восточных районах Боспорского государства.

---

[46] *Савостина Е.А.* Эллада и Боспор. С. 156—161.

[47] Античная скульптура. Кат. 53.

[48] *Сокольский Н.И.* Новые памятники синдской скульптуры. С. 88, 89.

[49] *Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 3. М., 1993. С. 7, 44, 45.

[50] *Сапрыкин С.Ю.* Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 65—78; *Молев Е.А.* Аспургане у Страбона // Древности—1995. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1995. С. 60—63; *Горончаровский В.А.* Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже новой эры // Таманская старина. Вып. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII—I вв. до н.э.). СПб. 2000. С. 54, 55; *Малышев А.А.* В стране аспургиан // Родина. 2001. № 5. С. 7—10.

А.М. Новичихин

К вопросу о «синдской скульптуре»

В 1960—1970 гг. Н.И. Сокольский отнес две группы боспорских надгробий – статуи-полуфигуры и рельефы с поясным или поколенным изображениями человеческой фигуры к числу памятников «синдской скульптуры». Новейшие исследования дают основания сомневаться в столь однозначной этнической атрибуции. Статуи-полуфигуры являются общим для Боспора и всего античного мира явлением, отражающим стремление древних скульпторов к портретным изображениям. Рельефные надгробия в рамках без архитектурного оформления следует связывать с деятельностью одной из мастерских расположенного в Синдике боспорского полиса Горгиппия: изображенные на них персонажи облачены в эллинские одеяния и совсем не обязательно являются синдами. Единственную специфическую, несущую этнографические черты костюма меотских или меото-сарматских племен, группу статуй-полуфигур воинов, следует считать скульптурными изображениями аспургиан — народа, поселенного в I в. до н. э. боспорскими царями в восточных районах Боспора для защиты от внешних и внутренних врагов.

Ключевые слова: Боспорское царство, Синдика, Горгиппия, «синдская скульптура», надгробные памятники, статуи-полуфигуры, рельефы, синды, аспургиане.

A.M. Novichikhin

To the question of the "sind sculpture"

In 1960—1970 N.I. Sokolsky included two groups of Bosporan tombstones — statues-half-figure and reliefs with hip-or knee-images of the human figure to the monuments of the "sind sculpture". Recent studies give reason to doubt that straightforward ethnic attribution. Statues of half-figure are common to the Bosporus and the whole of the ancient world phenomenon, reflecting the desire of the ancient sculptors to portrait images. Relief gravestones in part without architectural design should be associated with the activities of one of the workshops of the Bosporus city Gorgippia located in the Syndica: they depict the characters dressed in Greek robes and not necessarily portray the Sinds. The only specific group of statues-half-figure soldiers, carrier ethnographic features of the costume Meotian or Meoto-Sarmatian tribes, should be considered sculptural images of Aspurgians — people, settle by Bosporan kings in the I century B.C. in the Eastern Bosphorus to protect against external and internal enemies.

Keywords: Bosporan Kingdom, Sindika, Gorgippia, "sind sculpture», tombstones, statues-half-figure, reliefs, Sinds, Aspurgians.

1

2

3

4

Рис. Надгробные памятники из новых поступлений
в Анапский археологический музей

1,2 — статуи-полуфигуры; *3,4* — рельефы с поясным или поколенным изображением человеческой фигуры.

УДК 903.5(477.7)«0/3»

С.А. Яценко

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТОВ И БЫТОВЫХ РЕАЛИЙ В МОНУМЕНТАЛЬНЫХ ПОМИНАЛЬНО-ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ МАЛОЙ СКИФИИ I—III ВВ. Н. Э.

Общее количество монументальных памятников крымской Scythia Minor I — начала III вв. н.э. с детализированными антропоморфными изображениями весьма невелико[1]. Они многократно привлекали к себе внимание исследователей. Коллег интересовали обычно *пять аспектов* этих артефактов: их классификация[2]; этническая принадлежность («позднескифская», «сарматская» или даже таврская[3]); влияние на их стилистику и сюжеты греко-римской культуры или предполагаемое сохранение черт «классического» скифского искусства V—IV вв. до н.э.[4]; различение более детализированных («примитивно-реалистических») и более схематичных изображений[5], и, конец, уточнение датировки. Во многом эти подходы сформировались под влиянием классической археологии (в рамках которой подобные произведения рассматриваются обычно как варварская переработка *греко-римских* и отчасти — греко-фракийских традиций форм погребальных памятников и иконографии их изображений), а также эффектных памятников аристократии «*классических» скифов* V—IV вв. до н.э. Между тем, перед нами явно культурная и художественная инновация, которую приходится рассматривать отнюдь не только в плане инокультурных (античных) влияний или реминисценций элитарной культуры предшественников 500-летней давности (скифов), но и как самостоятельную систему с собственным набором сюжетов[6],

[1] Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

[2] См., например: *Попова Е.А.* Об истоках традиции и эволюции форм скифской скульптуры // СА. 1976. № 1. С. 117; *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму (САИ. Вып. Д1-7). М., 1991. С. 27; *Волошинов А.А.* Новые памятники позднескифской скульптуры из Юго-Западного и Центрального Крыма // Поздние скифы Крыма (Труды ГИМ. Вып. 118). М., 2001. С. 154—155.

[3] См, например: *Волошинов А.А.* Новое антропоморфное изваяние из позднескифского некрополя у с. Краснозорье // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997 С. 41.

[4] См., например: *Попова Е.А.* Об истоках традиции и эволюции… С. 117; *Попова Е.А.* О стилистических и сюжетных особенностях памятников монументального изобразительного искусства Малой Скифии // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1989. № 1. С. 88—92.

[5] Там же. С. 88—89.

[6] Сюжетные параллели с «классическим» скифским искусством, мягко говоря, преувеличены, причем речь идет о незначительном влиянии лишь *греко*-скифских произведений. Так, из 33 учтенных мною сюжетов с участием мужских скифских персонажей в греко-скифском и собственно скифском искусстве, у «поздних скифов» отмечены лишь два (скачущий всадник-охотник с копьем; арфист), а из 10 сюжетов с женскими персонажами — только один (змееногая богиня); однако, *все* эти мотивы известны также и у сарматов и средневековых аланов. Ср. *Яценко С.А.* Скифские и сарматские элементы в искусстве Малой Скифии I—III вв. н.э. // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь, 1992. С. 109. Весьма произвольны и скорее вызывают недоумение данные «широкими мазками» сопоставления к*остюмных* реалий «классических» и «поздних скифов» (*Высотская Т.Н.*

стилистических приемов и рядом локальных традиций. Кроме того, большинство исследователей, зная о явном преобладании среди «варваров» Западного и Центрального Крыма *ираноязычного* населения, сохранившего древние религиозные традиции, о господстве среди надгробных памятников сюжетов и мотивов с *сакральной* нагрузкой, на деле сводят сюжетно-композиционные особенности к *сумме внешних влияний*, невольно «подгоняя» художественные композиции Малой Скифии к традициям школ резчиков боспорской столицы и ряда районов Фракии. Увы, для раскрытия *содержания* этих композиций такой подход мало что дает[7]. Например, констатация вполне очевидного факта влияния *фракийских и малоазийских* рельефов на появление в Малой Скифии изображений всадника перед алтарем и женщины (рельеф с «Чайки») не помогает нам понять, как именно воспринималось изображение каменных алтарей античного облика в форме параллелепипеда местным иранским населением. Ведь хорошо известно, что у иранских и индоиранских, стадиально близких этносов с архаичной религиозной традицией (кафиры, калаши, осетины) каменные алтари обычно представляли собой либо камень природной формы, либо небольшое сооружение из мелких камней без раствора[8]. Более того, например, у кафиров отчетливо сохранялось представление, что природная, естественная, не выделяющаяся форма алтаря лучше всего выражает многозначность и непостижимость божества[9]. В трактовке семантики подобных «варварских» изображений коллеги зачастую без каких-либо внятных аргументов распространяют *синкретизм* греко-римских религиозных традиций эпохи в сложном и отчасти смешанном, с городским акцентом, обществе Империи на туземные народы Крыма. С другой стороны, многие из композиций Малой Скифии, на мой взгляд, можно вполне уверенно сопоставить с фольклорными и визуальными образами и языческими по происхождению ритуалами, сохранявшимися до недавнего времени у ряда иранских и индо-иранских этносов (осетины, кафиры, калаши, таджики, памирцы, белуджи и др.). Немалую роль здесь играет богатая и обильно документированная *алано-осетинская*

Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983. С. 22—23). Кроме того, до начала 1990-х годов системно не изучались антропоморфные образы в искусстве степных *сарматов*, и о «сарматском вкладе» судили по единичным композициям, выхваченным из контекста сарматских культур.

[7] Весьма характерны в этом плане рассуждения П.Д. Диатроптова насчет композиции рельефа из «Чайки», которую он считает вотивной: «Нет *никаких оснований* (выделено мною — Я.С.) считать, что женская фигура у алтаря…имеет принципиально иной смысл, чем аналогичные фигуры на малоазийских и западнопонтийских рельефах, которые однозначно толкуются как адоранты… Здесь мы видим, скорее всего, сцену поклонения *женщины* (выделено мною — Я.С.) конному богу, герою или героизированному умершему. Хотя рельеф… выполнен, по-видимому, скифским мастером…» (*Диатроптов П.Д.* Изображения всадников в античном Северном Причерноморье // Поздние скифы Крыма (Труды ГИМ. Вып. 118). М., 2001. С. 84.). Здесь есть два интересных момента. Во-первых, непонятно, на основании чего автор отказывает «варварам» в собственном толковании подобных сцен? Во-вторых, я не знаю для иранского мира Центральной Азии и Восточной Европы, в том числе и для дальних потомков кочевых этносов, ни одного детализированного вотивного антропоморфного изображения от имени женщины и, конечно, хотел бы, чтобы мне такие примеры привели.

[8] Другие типы алтарей иранских обществ являлись своего рода каменными копиями ритуальной деревянной посуды — столиков-фынг на 3—4 ножках и невысоких корытец. Первые хорошо известны для номадов Волго-Уральского региона; вторые — в святилищах плато Устюрт (они оформлялись в виде низких каменных прямоугольных корытец с углублением: *Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г.* Храм-святилище Кызылуийк. Астана, 2011. Рис. 6 и 165).

[9] *Elphinstone M.* An Account of the Kingdom of Caboul and Its Dependencies in Persia, Tartary and India. Vol. II. London, 1839. P. 379.

традиция (которая, к тому же, наиболее генетически и территориально близка изучаемому региону).

По не вполне ясной для меня причине сколько-нибудь полное собрание иллюстраций таких памятников ни одним из многочисленных авторов никогда не приводилось, а критерии *выборочного* подбора иллюстраций в имеющихся таблицах к итоговым публикациям остаются необъясненными[10]. Это отнюдь не облегчает работу с весьма непростым материалом, тем более, что находки разбросаны по разным музеям и зачастую по техническим причинам недоступны. Еще одной особенностью публикаций подобных памятников являются частые разночтения в важных деталях прорисовок при отсутствии качественных фото как в публикациях, так и в современном Интернете[11]. Весьма характерные примеры такого рода — стелы и статуарные рельефы из некрополя Заветное и рельефы из Предущельного — Рамазан-Салы[12]. Учитывая, что при транспортировке и хранении таких артефактов их довольно непрочная поверхность может быть дополнительно повреждена, отслаиваться, а также из-за явных несуразностей во многих более поздних «копиях», мы предпочитаем иметь дело с первоначальными прорисовками и фото в работах П.Н. Шульца, Н.А. Богдановой и М.Я. Чорефа. Своеобразная ирония судьбы заключается в том, что часто в поздних публикациях (которые тоже являются *прорисовками* = в деталях *авторскими интерпретациями* рисовальщиков) часто «исчезают» еще *хорошо видные* первооткрывателям самые важные и ценные детали изображений (например, тамга на изваянии № 4 1962 г. в Заветном, ряд тамг под рельефом из Рамазан-Салы и одиночная — в Предущельном). В разных публикациях содержатся три различающиеся в деталях прорисовки рельефа из раскопок 1966 г. О.Д. Дашевской на Южно-Донузлавском городище; мы больше склонны доверять передаче фигур в статье Е.А. Поповой[13]. Росписи знаменитых скальных склепов Неаполя рубежа II—III вв. н.э. в цветных прорисовках О. Домбровского и С. Себекина из архива московского Музея изящных искусств им. А.С. Пушкина сих пор малодоступны специалистам[14].

[10] См, например: *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму… Рис. 39,*42—45*. Иногда они подбираются, видимо, по принципу «художественной ценности»: *Зайцев Ю.П.* Неаполь Скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.). Симферополь, 2003. Рис. 136—137.

[11] Это напоминает ситуацию с изучением живописи раннесредневекового Согда на материале ее важнейшего памятника — Пенджикента, где многочисленные росписи уже многие десятилетия публиковались почти исключительно в виде прорисовок, а подлинники оставались для коллег практически недоступными. В результате в эпоху качественной цветной фотографии и Интернета нам остается лишь *верить* в более или менее достоверную передачу подлинников экспедиционными художниками.

[12] Ср. *Чореф М.Я., Шульц П.Н.* Новый рельеф сарматского круга // СА. 1972. № 1; *Чореф М.Я.* Два новых рельефа сарматского круга // СА. 1975. № 1; *Волошинов А.А.* Рельеф из Предущельного // Евразия в скифо-сарматское время (Труды ГИМ. Вып. 191). М., 2012. Рис. 1; *Богданова Н.А.* Скифские и сарматские стелы Заветинского могильника // СА. 1965. № 3 и обобщающие таблицы: *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму… Табл. 42 и 44.

[13] Ср. *Дашевская О.Д.* Археологические исследования близ озера Донузлав // АО-1966. М., 1967. С. 214; *Попова Е.А.* Рельеф с городища «Чайка» // СА. 1974. № 4. Рис. 4; *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму… Таб. 44,*3*.

[14] См., например: *Unibekante Krim*. Archäeologische Schatze aus drei Jahrtausenden (Hrsg. T. Werner). Heidelberg, 1999. Abb. 8—11. Ср. *Бабенчиков В.П.* Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 94—141.

В данной статье рассматривается, прежде всего, *региональная специфика (сюжетов и бытовых реалий)* в поминально-погребальных[15] памятниках Малой Скифии. Персонажи на них чаще всего представлены анфас или в полразворота (кроме нескольких всадников и воинов в профиль). В ряде композиций из Центрального (рис. 1,*8*) и Юго-Западного (рис. 3,*1,3*) районов один-два мужских персонажа показаны сидящими на коне «по-женски», обеими ногами по одну сторону крупа лошади; эта посадка на деле у ранних и средневековых кочевников была и мужской[16], но встречается на изображениях редко, и сама эта редкость заставляет думать о неких особых ситуациях[17]. К сожалению, объекты с детализированными антропоморфными образами почти всегда не найдены in situ, но, видимо, они устанавливались отнюдь не только при могилах и на кладбищах[18]. Такие сооружения полагались лишь очень небольшой части умерших мужчин, но о специфике социального статуса лиц, для которых допускалась их установка в Малой Скифии, мы ничего конкретного не знаем. Вместе с тем, во всех известных нам архаичных иранских и индоиранских религиозных традициях подобные статуи (кафиры, калаши) или антропоморфные стелы (осетины) представляли собой в целом именно *конкретных недавно умерших людей,* а не богов или эпических героев.

У индо-иранских языческих этносов Гиндукуша с очень древними языческими традициями антропоморфные изваяния еще недавно полагались лишь немногим влиятельным мужчинам (самым храбрым воинам, устроителям множества пиров и т.п.). В зависимости от расходов семьи на похороны и поминки и прижизненных заслуг умершего изображали стоящим, сидящим (в ритуальном кресле) или всадником. У *кафиров / нуристанцев* эти памятники (из дерева из-за специфики местных горных пород) заказывали примерно через год после смерти пленным мастерам из соседних этносов (т.к. подобная работа считалась в своей среде не престижной), и отсюда понятен сам механизм привнесения небольших иконографических новшеств… Иногда такое изваяние сопровождалось малой фигуркой слуги. Мелкие детали оформления выдавали зрителю статус умершего, прежде всего — его заслуги перед общиной. Установка изображения сопровождалась танцами вокруг него, речами и почестями для него, примерно таких же, как и для самого умершего. Этому изваянию долго поклонялись и приносили жертвы, частично помазывая их маслом

[15] Изредка в отношении тех или иных изделий высказывается сомнение (впрочем, слабо аргументированное) в том, что они не были связаны с умершими, а являлись вотивами божествам: *Попова Е.А.* Рельеф с городища «Чайка»… С. 229—230; *Чореф М.Я.* Два новых рельефа… С. 262; *Диатроптов П.Д.* Изображения всадников… С. 84). Замечу, что в огромном иранском мире за всю его историю до XX в. вотивные *антропоморфные* изображения были популярны лишь в Иране при династии Аршакидов и в Кушанской империи, но при этом — в их *неиранских провинциях* (семитская Хатра, западноиндийская Гандхара).

[16] См., например: *Дончев С.* Восточные параллели преславского и мадарского всадников и сведения о европейских гуннах // У истоков творчества. Новосибирск, 1978. С. 205, рис. 1; *Яценко С.А.* Образы сармато-аланов в искусстве северопонтийских греков // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб., 2004. С. 318.

[17] Эти особые ситуации могли быть весьма разнообразны. Ср., например: в Средней Азии для презираемые омывальщики трупов должны были ездить на лошади в необычной позе (*Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 161).

[18] Так, у осетин идеальным местом размещения поминальных антропоморфных стел считался перекресток семи дорог (*Калоев Б.А.* Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. 1984. Т. VIII. С. 100), а статуй: у кафиров — вдоль дорог, у переправ и у входа в селение, у калашей для влиятельных лиц — у дороги к кладбищу и рядом с ним, но не на его территории, а для малых статуй — близ селения на полях (*Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М., 1986. С. 139, 397, 399).

или жертвенной кровью. Считалось, что умерший помогает живым при активном почитании изображения и наказывает при небрежении. У *калашей* в больших памятниках, как полагали, временно обитала душа умершего, его могли сопровождать две *отдельных* малых схематичных фигурки слуг. Такие изваяния стоили очень дорого (за них полагалось раздать на поминках 100—200 голов скота). Наряду с ними на полях вокруг селений ставили еще и малые статуи (стоившие около 100 голов скота). Считалось, что именно после возведения «малых» изображений умерший сможет активно помогать живым. Перед установкой изваяния одевали, «кормили», слагали песни и т.п. Статус влиятельных умерших, удостоившихся такого почитания, как считалось, приближался к таковому у духов и даже божеств («героизация»)[19]. Приведенные *достоверные* свидетельства по иранским этносам, в отличие от фантазийных *догадок* археологов[20], позволяют, как мне кажется, понять многое и в процессе создания и использования крымских аналогов. Интересен пример сарматского / дахского храма III—I вв. до н.э. в Кызылуийк (северо-западный Устюрт), где найдено больше всего статуй и статуарных рельефов. Они размещались на постаментах, цепочкой к юго-западу от кольцевой ограды храма, недалеко от входа, их лица были обращены на запад[21].

Поминально-погребальные каменные мемориальные объекты *Юго-Западного Крыма* устанавливались практически на каждом могильнике региона[22], но большинство из них не содержат детализированных антропоморфных образов. Они связаны (кроме находки в Предущельном, в верховьях Качи) с известными городищами. Для изображений здесь очевиден ряд весьма специфических черт. Здесь отсутствуют как женские образы (если не считать таковым изображение в круге головы «Горгоны»[23] с высунутым языком из с. Краснозерье / Чоткара, 1916 г.[24], восходящее, видимо, еще к круглым нашивным бляшкам костюма скифской эпохи[25]), так и многоярусные композиции, нет сцен охоты или сражений. Только в этом районе, (причем многократно и только на одиночных фигурах) специально подчеркнут в Заветном и Краснозерье (в том числе на очень примитивных изображениях) такой важный элемент мужского костюма, как глубокий и широкий треугольный вырез верхней нераспашной одежды (рис. 4,*4—5,7*). Он является одной из характерных

[19] *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша... С. 138—140, 175, 354, 397, 399.

[20] Так, Н.А. Богданова полагала, что в небольшой серии из шести изваяний в Заветном присутствовали, якобы, изображения четырех типов (!): воинские монументы, изображения героизированных воинов, предки-прародители и абстрактные образы умершего (*Волошинов А.А.* Новое антропоморфное изваяние… С. 40).

[21] *Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г.* Храм-святилище Кызылуийк… С. 22.

[22] *Волошинов А.А.* Новые памятники позднескифской скульптуры… С. 153, рис. 5.

[23] Популярность мотива головы «Горгоны» объясняется, что в ней, как справедливо полагал Д.С. Раевский, туземное население Северного Причерноморья видело изображение своей хтонической прародительницы. См. подробнее: *Шауб И.Ю.* Миф, культ и ритуал в Северном Причерноморье. СПб., 2007. С. 96—97.

[24] Э.И. Соломоник неверно атрибутировала это надгробие как якобы происходящее из с. Голубинка / Фоти-Сала» (*Волошинов А.А.* Новое антропоморфное изваяние… Прим. 2). Предполагается, что «Горгона» отождествлялась скифами со змееногой богиней: *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 173-175. Кроме прочего, иконографическим источником популярного в скифо-сарматском мире образа змееногой богини были, несомненно архаические ионийские образы Горгоны-Медузы (*Шауб И.Ю.* Миф, культ и ритуал… С. 94—95), а на конской упряжи (курган Большая Цимбалка) изображения их обеих образовывали иногда единую композицию (*Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М., 2006. С. 465).

[25] Ср. единичную бляшку с таким сюжетом как единственное украшение ряда головных уборов знатных скифянок: *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии… С. 75.

этнографических черт сарматов различных периодов[26]. Только здесь неоднократно встречены изображения мужчин с явно непокрытой головой (рис. 3,*1*, 4,*3—4,6*). Кроме того, только в этом регионе на монументальных погребальных памятниках представлены (на семи объектах) между речками Альма и Кача одиночные тамги[27] на фигуре «хозяина» (дважды — в Заветном: изваяния № 4 1962 г. и № 6 из могилы 265, единожды — в Рамазан-Сале: рис. 4,*6*, в Вилино[28], в Тенистом[29] и на парных фигурах из склепа 550 в Усть-Альминском: рис. 3,*1*, 5,*4*) или под нею (Предущельное, Рамазан-Сала) (рис. 3,*3*, 4,*6*). Только здесь, в верховьях р. Кача неоднократно встречено на рельефах (дважды в Предущельном и единожды — в Рамазан-Сале: рис. 3,*3*, 4,*6*) положение обеих сомкнутых рук или одной (незанятой) руки на гениталии[30], а также изображения не одного, а двух—трех умерших[31] в ряд, в том числе — конных (с выделением ростом и атрибутами — ритоном в руке — рис. 3,*3*, или сопровождающей тамгой — рис. 4,*6*). Только в данном регионе видим всадника или пешего с поднятой в жесте адорации правой рукой без атрибутов (рис. 3,*2*, 4,*7*). Интересно, что именно в этом районе (за единственным исключением рельефа из «Чайки» — рис. 2,*3*) концентрируются изображения персонажей с *ритонами* в руках (иногда — в левой) (рис. 3,*1,3*, 4,*1—2,7*), в Центральном же Крыму, несмотря на обилие и разнообразие изображений, они отсутствуют. Между тем, мы знаем об особой роли ритона (рога) в поминальном ритуале у скифов (сцены причащения пары коленопреклоненных мужчин с ритоном и др.)[32]. Иногда

---

[26] *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006. С. 140.

[27] На антропоморфной стеле из Красного / Кермен-Кыр в Центральном Крыму в центре процарапана стилизованная человеческая фигурка в специальной рамке (*Соломоник Э.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959. № 22), которую трудно уверенно считать тамгой.

[28] *Волошинов А.А.* Новое антропоморфное изваяние… Рис. 1,*5*.

[29] *Чореф М.Я.* Антропоморфная стела и плита с тамгообразным знаком из фондов Бахчисарайского музея // СА. 1985. № 2. Рис. 2.

[30] А.А. Волошинов, ссылаясь на маленькую горизонтальную царапину в промежности у правого персонажа, полагает, что эти персонажи, стоящие впритык друг к другу, с носками ног, повернутыми в одну сторону, направо (!), якобы, символически держат поводья конской упряжи, а черточка означает седло (но почему-то только у одного из них и не самого значимого): *Волошинов А.А.* Рельеф из Предущельного // Евразия в скифо-сарматское время. (Труды ГИМ. Вып. 191). М., 2012. С. 73.

[31] М.Я. Чореф на рельефе с тройкой однотипных мужских персонажей из Предущельного без явных следов одежды (возможно, передававшейся раскраской, как это было на раннетюркских изваяниях: *Ермоленко Л.Н.* Могли ли раскрашиваться древнетюркские изваяния? // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. СПб., 2003) (рис. 4,*6*) видит в них изображение эпической / божественной троицы (*Чореф М.Я.* Два новых рельефа… С. 262—263). Он исходит, в свою очередь, из предположения В.С. Ольховского, что на весьма индивидуально оформленных изваяниях «классических» скифов-сколотов изображались не конкретные умершие, а герои-родоначальники, солярное божество и т.п. (*Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.* Скифские изваяния VII—III вв. до н.э. М., 1994. С. 12—15). К сожалению, этот рельеф (как и многие другие рассматриваемые памятники) найден случайно, вне контекста конкретных погребальных или жилых комплексов, и потому проверить подобную догадку невозможно. Замечу лишь, что с поминально-погребальной обрядностью *тройки* богов у индо-иранцев и иранцев, подобных ведическим Агни — Инда — Сурья, сасанидским Ахура-Мазда — Митра — Анахита, осетинским Уастырджи — Никкола — Сослан в песнях о свадьбе Ацамаза и т.п., никак прямо не связаны, как и тройки эпических персонажей. По три однотипных *всадника* представлены на позднесредневековых аланских надгробии с р. Кунбелея и на Эльхотовском кресте: *Миллер В.Ф.* Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // МАК. 1983. Вып. 3. Табл. I, *XIII б*, I, *XV*, I, *XVI*.

[32] В ряде иранских традиций питье из ритона / рога означало приобщение к божеству, например — в мистериях Митры, когда оно придавало магическую силу (*Vermaseren M.J.* Mithras de gecheimzinige god. Amsterdam,

ритон вручается другому персонажу (рис. 3,*1*). Лишь здесь известны двухсторонние изображения (рис. 3,*2*) и такие, которые рассчитаны на осмотр с торцов (рис. 4,*1—2*). На рельефах неоднократно встречена рамка с закругленными верхними углами, довольно обычная для объектов во Фракии (рис. 3,*2—3*, 4,*6*). Мастер, как правило, стремился подчеркнуть на изображении таких деталей, как пальцы рук, форму ворота и головного убора и наличие бороды.

Компактная и наиболее высокохудожественная группа шести изваяний из Заветного / Алма-Кермен всегда вызывает особое внимание[33]. Это крупное городище с двумя линиями укреплений[34] имело некрополь с группой богатых могил, исследованный Н.А. Богдановой. Серия изображений воинов на надгробиях из Заветного отличается наличием оружия *у каждого* из пяти полнофигурных персонажей, иногда по два разных предмета: прежде всего копий (рис. 4,*1—2,7*), которые практически не изображались у «классических» скифов[35], а также одиночных топора (рис. 4,*1*), лука в колчане? (рис. 4,*2*) и без него? (рис. 4,*8*) и щита (рис. 4,*3*). *Размещение* всех шести изваяний на местности, к счастью, надежно документировано для комплекса в Заветном Н.А. Богдановой[36]. Одно из них (№ 1) находилось рядом, в 1,5 м от могилы 146 и, возможно, лишь упало (оно лежало горизонтально, и, что важно, головой на запад). Эта не ограбленная могила была парной, с мужчиной были положены фрагменты меча. Другое (№ 5) найдено in situ: оно было вкопано на периферии могильника, в стороне от конкретных могил и подперто небольшой каменной плиткой; третье находились вне расположенного на холмах могильника, в 120 м от него и было выпахано на поле (№ 2); четвертое обнаружено в зольнике на склоне самого городища (№ 4). Итак, строго in situ найден лишь объект № 5, однако важно, что в целом сами зоны нахождения всех трех изваяний (у края кладбища, у края селения и на полях у селения) соответствуют тому, что мы знаем о размещении аналогичных сооружениях у индоиранцев Гиндукуша (см выше). Немаловажным кажется и характер вторичного применения обломков изваяний, которые здесь могли выступать как своеобразные обереги[37]: в жилой застройке

Brussel, 1959. P. 81—83). Питье именно из рога наиболее угодно самим божествам и в нартском эпосе (См., например: *Нарты.* Осетинский героический эпос. Кн. 2. М., 1989. С. 338). Композиция на скифском ритоне из меотского кургана Карагодеуашх с вручением одним всадником ритона другому обычно трактуется, вслед за М.И. Ростовцевым, как передача власти (инвеститура) и благодати — farn с помощью напитка haoma от божества типа Митры (см., например: *Блаватский В.Д.* Сцена инвеституры на карагодеуашхском ритоне // СА. 1974. № 1. С. 42, 44). Сцену на бляшках из Куль-Обы с двумя коленопреклоненными мужчинами, пьющими из ритона, всегда трактуют как обряд побратимства (хотя Геродот ясно указывает, что для этого использовался сосуд совершенно иной формы - килик!: Her. IV, 70). См. также: *Яценко С.А.* Сидящий мужской персонаж с сосудом в руке на сакской бронзовой «курильнице» из Семиречья // История и археология Семиречья. Вып. 4. Алматы, 2010. Прим. 32. Возможно, что-то подобное происходит и в сцене наполнения жидкости в ритон на Сахновской пластине: *Вертиенко А.В.* Зображення скіфської міфлогеми на сахнівській пластині // Східний Світ. 2010. № 3. С. 61.

[33] См, прежде всего: *Богданова Н.А.* Скифские и сарматские стелы Заветинского могильника // СА. 1965. № 3. С. 233—237.

[34] *Колтухов С.Г.* Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999. С. 117—118.

[35] Ср. единственное изображение с копьем из Западного Крыма из кургана 2 в Приветном: *Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.* Скифские изваяния… № 105. Илл. 62.

[36] *Богданова Н.А.* Скифские и сарматские стелы…; *Богданова Н.А.* Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму // СА. 1961. № 2.

[37] Сохранившийся по большей части фрагмент изваяния № 6 с тамгой (на «лице» фигуры добавили еще одну маленькую тамгу) был воткнут (родственниками?) вертикально в изголовье могилы 265 (ср. широкое

(как в Битаке или две в Усть-Альминском) их здесь не использовали, и обломки вниз головой в чужую могилу (как в Краснозорье) не помещали[38]. Это, возможно, объясняется более долгой жизнью соответствующих кланов на территории поселения Алма-Кермен.

Для понимания *статуса* умерших, которым полагались подобные памятники, принципиально важна тамга, изображенная на изваянии № 4 1962 г. (рис. 4,*1*). Клан, который ее использовал, можно по праву считать одним из самых политически активных и мощных кланов на огромной территории Сарматии I—II вв.; она представлена в серии скоплений, в том числе — в пещере Ак-Кая II[39]. Еще более важен персонаж на единственном сохранившемся in situ (хотя и с поврежденной макушкой) изваянии № 5, имеющий ряд уникальных для искусства Малой Скифии особенностей (рис. 4,*8*)[40]. Во-первых, это единственный персонаж на подобных памятниках, который, видимо, представлен *сидящим* (часть рельефа ниже уровня бедер расширена, «на коленях» характерно горизонтально размещен крупный предмет). Во-вторых, лишь на нем подчеркнута шейная гривна с каким-то дополнением в центре (эта деталь не может быть воротом необычайной, до плеч, ширины, так как одежда сразу же спадала бы). В-третьих, «на коленях» он держит предмет, похожий на лук, а на голове у него, вероятно, надет шлем. В-четвертых, на каждой его щеке видим татуировку из двух параллельных полос, известную на изображениях ранних кочевников у значимых персонажей[41]. Мужчины, удостоившиеся установки изваяний, были, скорее всего, среди прочего, и предводителями местных клановых отрядов ополчения в случае войны[42].

Интересно, что вслед за исчезновением традиции изготовления серии здешних уникальных «воинственных» надгробий, в конце II в. н.э., именно в этом пункте на Алма-Кермене римляне основали свой особый удаленный форпост, поддерживаемый военнослужащими XI Клавдиева легиона и создавший прилегающих к югу районах «зону стабильности»[43]. Думается, оба эти факта тесно связаны друг с другом.

В целом в Юго-Западном Крыму, несмотря на максимальную близость к такому давнему культурному центре, как Херсонес Таврический, и римское военное присутствие, мы видим наименьшее число заимствований элементов позднегреческой и греко-фракийской иконографии. Скорее всего, это связано с этнической спецификой региона. Важным

распространение поставленных в головах мини-стел в Танковском могильнике: *Волошинов А.А.* Новое антропоморфное изваяние… С. 153) и подперт небольшой каменной плиткой, причем эту конструкцию не тронули и грабители. Изваяние № 3, изготовленное наиболее квалифицированным мастером, перекрывало («защищало»?) яму могилы 218.

[38] Там же.

[39] *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001. Рис. 13, *II*, 19,*11*; *Кашаев С.В.* Закладная плита с тамгой из Вышестеблиевской Батарейки // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2004. Рис. 1—2.

[40] *Богданова Н.А.* Скифские и сарматские стелы… Рис. 3,*1*.

[41] *Yatsenko S.A.* Tattoo System in the Ancient Iranian World // Tattoos and Body Modifications in Antiquity (Ed. by P. Della Casa, C. Witt) (Zurich Studies in Archaeology 9). Zurich, 2013. Fig. 5,*1—2*.

[42] У донских сарматов этого (среднесарматского) времени предполагаемые руководители военных отрядов на клановых могильниках (таких эталонных, как Новый на р. Сал) отличались от похороненных в соседних курганах рядовых общинников (с луками и короткими мечами), прежде всего, наличием копья и доспеха (*Яценко С.А.* К интерпретации групп воинских погребений в сарматских некрополях // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XVIII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. М., 2014. С. 300).

[43] Ср.: *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. — первая половина VI в.). Киев, 1998. С. 88, 113.

исключением является стела из Краснозорьевского / «Голубинки» (рис. 3,*2*), найденная к югу от р. Кача, максимально близкая к Херсонесу и имеющая даже греческую надпись: видимо, она, в отличие от остальных, сделана греческим мастером.

Поминально-погребальные памятники *Северо-Западного Крыма* отличаются от других регионов по многим параметрам. Здешняя группа «варваров» Малой Скифии жила на открытом морском побережье, и в ее памятниках данного типа больше всего заимствований античных иконографических схем. Все изображения здесь типологически однотипны: это рельефы с прямоугольной рамкой. Основные женские персонажи изображены анфас, левая рука у живота, правая держит некий предмет (рис. 2,*1*), край задрапированного головного покрывала (рис. 2,*4*) или касается края алтаря (рис. 2,*3*). В костюме женских персонажей здесь мы видим уникальные короткие шлейфы на платьях (рис. 2,*1*), вызывающие у меня искреннее удивление[44]. С другой стороны, только здесь платья женщин имеют во всех случаях длину до щиколоток, что наиболее обычно для иранского населения Сарматии (рис. 2,*1,3—4*)[45]. Здесь у всех мужчин и на сохранившихся головах женщин (рис. 2,*1,4*) тщательно переданы разнотипные головные уборы. Мужчины здесь изображаются только *совместно* с женскими персонажами (рис. 2,*3—4*) или с оригинальными парными персонажами, о которых речь ниже (рис. 2,*2*); они представлены всадниками, повернутыми в профиль (рис. 2,*2—4*). Левой рукой они держат стремена, а в поднятой правой — некий предмет (копье или ритон)[46]. Мне представляется, что на всех трех изображениях мужчин всадников была представлена и сцена охоты. Е.А. Попова по неизвестной причине полагает, что каменная плита высотой всего 34 см, обломанная снизу, сохранилась в высоту почти *полностью*[47], однако это кажется весьма сомнительным; куда более вероятно, что на ней, как и в Марьино / Джан-Баба и на Южно-Донузлавском городище была изображена сцена охоты. В двух композициях видим однотипную сцену, где всадник в профиль справа подъезжает к стоящей слева женщине (богине). Конь при этом показан в позе приостановки, его передняя левая нога поднята.

Основа иконографической схемы на рельефе из «Чайки» (рис. 2,*3*), как известно, во многом заимствована из синхронных памятников Малой Азии и Балкан (хотя всадник здесь повернут влево, а не вправо)[48]. Вместе с тем, многие детали заставили Д.С. Раевского видеть в женщине не адорантку, обращающуюся к героизированному всаднику (как это было в соседних римских провинциях), а, напротив, богиню, приветствуемую всадником. Большой интерес представляют изображенные выше женской фигуры прямоугольник и выше мужской — круг. В индоиранской традиции (как и, видимо, в римской) они изначально воплощали союз мужского и женского огней и священную символику брака (дополненную

---

[44] До сих пор мне казалось, что самые ранние серии платьев со шлейфами появляются в Тохаристане V—VI вв. при власти эфталитов (*Яценко С.А*. Костюм древней Евразии… С. 253) и вскоре распространяются на запад вплоть до Франции.

[45] *Яценко С.А*. Костюм древней Евразии… С. 143.

[46] На рельефе в «Чайке» (рис. 2,*3*) всадник держит в руке перед богиней и алтарем некий предмет, большая часть поверхности которого оказалась сбита. Я склонен больше соглашаться с мнением такого знатока иранской религии и иконографии, как Д.С. Раевский, что здесь изображен именно ритон (а не лук, как думает Е.А. Попова), поскольку последняя версия, в отличие от первой, не имеет никаких иконографических аналогий, не аргументируется, и, к тому же, явно не соответствует в деталях опубликованной там же фотографии (ср. *Попова Е.А*. Рельеф с городища «Чайка»… С. 222; фото — рис. 1,*1*).

[47] Там же.

[48] *Диатроптов П.Д.* Изображения всадников… С. 84.

таким важным атрибутом, как зеркало в руках женщины)[49]. Попытка П.Д. Диатроптова объявить индийскую и другие параллели удаленными территориально и потому сомнительными[50] не убеждает меня, т.к. мне уже приходилось специально отмечать важность сочетания украшений в форме прямоугольника и квадрата в церемониальных облачениях разных иранских этносов интересующей нас эпохи[51]. Сама же подмеченная им «ошибка» мастера в направленности всадника не направо, а налево к женщине явно не случайна: справа всегда подъезжает к богине всадник в сценах сарматского происхождения (ритоны II—I вв. до н.э. из Мерджан и находки 1890 г. из-под Екатеринодара, пантикапейский «склеп Анфестерия»)[52]. Варвару-резчику не удались руки: они прекратились в обрубки (причем предполагаемое зеркало женщина держит левой рукой).

Наиболее интересной нам представляется стела из Южно-Донузлавского городища со сценой охоты (рис. 2,*2*). Всадник охотится на оленя с собакой (однако с этой охотой «что-то не так»: собака при этом почему-то вообще не смотрит на хозяина и дичь, а повернута к одной из боковых человеческих фигур, причем сама собака — одного роста с оленем). Когда эти «сбои» у охотника происходит в сценах с сакральной нагрузкой, речь обычно идет о т.н. «священной охоте»[53]. Охота на оленя без изображения дерева, как известно, соотносится в алано-осетинском эпосе древнейшими и важнейшими сюжетами, связанными с попаданием его главного героя Сослана *в иной мир* (под землю, под воду, в пещеру и т.п.), что имеет отношение либо к его «священному браку с богиней Ацирухс / Агундой, либо к его борьбе с демоническими существами, и последующему успешному возвращению[54]. (Не забудем и о том, что в римское время в степной зоне Восточной Европы олень, судя по находкам его костных остатков на поселениях, был главным и самым желанным объектом охоты; в алано-осетинской традиции он считался также любимым существом бога — хозяина животных Афсати, который лично пас их всех, а семерых запрягал в свою колесницу, и за каждое убийство оленя богу полагалась жертва). Фигура всадника — наиболее детализированная и реалистичная во всей композиции. Здесь тщательно выделены пояс и обувь. Не менее детально прописаны (при неумелой передаче передних ног) морда коня и оригинальный нахвостник на хвосте — обычный по облику для центральноазиатских кочевников[55]. В литературе уже неоднократно отмечалось, что кочевой степной эпической традиции главный герой часто описывается не только в неразрывном единстве со своим любимым конем, но и через детализацию последнего[56]. Мотив скачущего всадника с поднятым над головой коротким копьем (представляющий собой «усеченную» версию южно-донузлавской сцены)

[49] *Раевский Д.С.* Мир скифской культуры… С. 133—134.

[50] *Диатроптов П.Д.* Изображения всадников… С. 84—85.

[51] *Яценко С.А*. Костюм как элемент системы погребального ритуала у сарматов и поздних скифов // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Тезисы докладов второй археологической конференции. Кемерово, 1983. С. 86—88.

[52] *Яценко С.А.* О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // ВДИ. 1995. № 3. С. 189—190.

[53] См., например: *Яценко С.А*. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // ВДИ. 2000. № 4. С. 89, 97, 99.

[54] См., например: *Нарты.* Осетинский героический эпос. Кн. 2. М., 1989. С. 49, 102, 149, 244.

[55] Ср. в т.н. синхронном «склепе Анфестерия»: *Яценко С.А.* О сармато-аланском сюжете росписи… С. 189.

[56] См., например: *Липец Р.С.* Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. С. 124—241; *Яценко С.А*. Эпический сюжет… С. 90.

не случайно стал популярным именно в Малой Скифии еще во II—I вв. до н.э.[57] Пожалуй, еще более любопытны образы коленопреклонных «женщин», находящихся по бокам основной сцены с охотником, его собакой и оленем — справа внизу и слева вверху (о них см. ниже).

Наиболее насыщена и исполнена веризма — внимания к передаче деталей (точнее — лишь деталей одежды и ее многочисленных кладок, скопированных с подобных позднеантичных сцен, т.к. все трое животных переданы весьма схематично) единственная поздняя по времени (II в. н.э.) стела округи небольшого городиша Марьино / Джан-Баба[58] (рис. 2,*4*). Туземными элементами внешности здесь являются костюм женщины и лук скифского типа у мужчины. Из трех греческих надписей на ней, читаются две — принадлежавшие умершему и, вероятно (что весьма необычно) — мастеру (оба — с «варварскими» именами). Интересно, что этот пункт находки из всех максимально удален от греческой Керкинитиды / Евпатории.

Уникально для Малой Скифии и «варварское» изображение двух женщин из Южно-Донузлавского городища (рис. 2,*1*), как нам представляется — умершей госпожи и ее служанки. Уже говорилось об их оригинальных платьях со шлейфами. Интересно, что служанка что-то делает левой рукой (подобно тому, как богиня в «Чайке» держит свой атрибут — зеркало в левой руке). Перед нами — единственный памятник, связанный с женщиной (несомненно — весьма влиятельной в своей общине). Возможно ли такое в принципе? Да, хотя и очень редко[59]. В Центральной Азии (на родине скифов и сарматских группировок) женщинам ставились даже золотые надгробные памятники (см. о сакской царице Заринее: Diodor. Syc. Bibl. Hist. II. 34.1), а у храмов северо-западной части плато Устюрт III-I вв. до н.э. стояли несколько статуй не только женщин-воительниц большими грудями и 1—3 единицами оружия, но и единичные статуи «мирных» женщин в расширяющихся книзу платьях до пят[60].

Наконец, поминально-погребальные памятники *Центрального Крыма* — политического центра Малой Скифии — представляют особый интерес. Они представлены почти исключительно в его столице — Неаполе Скифском. Здесь подчеркнуты (зачастую неоднократно) много оригинальных элементов костюма, не известных в других местах Сарматии. Это древний, вышедший из употребления халат-кандис с зауженными рукавами, носившийся внакидку (арфист в скальном склепе 9 Неаполя) и немного укороченный[61]; мужской головной убор с длинными завязками-наушниками, которые развеваются по сторонам (склеп 8 и рельеф из Неаполя: рис. 1,*5,11*), кафтаны (?) или короткие (до колен) платья у женщин из склепа 8 Неаполя с длинной бахромой[62]; очень широкая и безрукавная (?) одежда до колен (персонаж с лучами у головы и конем на северной стене склепа 1 Неаполя: рис. 1,*1*). Не менее оригинален этот район в плане сюжетов: только здесь (и

---

[57] *Яценко С.А.* Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II—I вв. до н.э. // Stratum plus. 2000. № 4. С. 258—259, 264.

[58] *Шульц П.Н.* Надгробный рельеф из с. Марьино // Сообщения Херсонесского музея. 1963. Вып. III.

[59] Так, среди декорированных надгробий в Осетии еще недавно доля женских была весьма невелика. См.: *Цховребов З.Л.* К анализу надгробных памятников из Осетии // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. 1987. Вып. 13. С. 74.

[60] *Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г.* Храм-святилище Кызылуийк… Рис. 159 (вторая и третья страницы вкладки) и 161.

[61] *Unibekante Krim*… Abb. 11; *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии… С. 139.

[62] *Яценко С.А.* К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии // СА. 1987. № 3. Рис. 1, *г*.

неоднократно) видим сцену сражения (рис. 1,*10—11*) и изображения стоящего одиночного всадника (рис. 1,*8,10—11*), одиночного коня и коня, ведомого под уздцы (рис. 1*,9*) изображения важных божеств с сиянием вокруг головы (склеп 9: рис. 1,*1—3*) и змееногой богини (склеп 1: рис. 5,*7*, схема реконструирована по сумме фрагментированных изображений) и ряд других, о которых будет говориться ниже.

Двух-трехъярусные рельефы из Неаполя и городища Красное / Кермен-Кыр[63] (рис. 1,*10—11*) отличаются предыдущего района своими сюжетами. Здесь в верхнем ярусе представлена сцена сражения (включающая пешего воина вправо и упавшего врага), а в нижнем — одиночный всадник в позе приостановки; в Красном имеется и средний ярус с редкой сценой терзания двух трупов собаками. В целом, круг домашних животных на поминально-погребальных изображениях Малой Скифии ограничен только *лошадью и 1—2 собаками*. Думаю, это объясняется не столько их большим значением в мужской субкультуре, сколько их сакральными функциями и рождением предков их обоих *в могиле*[64].

Наибольший интерес здесь представляет серия из трех расписных скальных погребальных склепов рубежа II—III вв. н.э., расположенных вдоль восточного обрыва плато, на котором стоял Неаполь Скифский. В склепах 1 и 9[65] наиболее разнообразно оформленной являлась западная стена. Это не удивительно, учитывая, что во многих традициях, включая алано-осетинскую[66], мир мертвых находится на западе, где заходит солнце. Ниши в стенах (по одной на каждой) соответствуют, на наш взгляд, реальным окнам в стенах неких наземных склепов или других ритуальных построек. В алано-осетинском нартском эпосе количество окон в склепе регламентируется умирающим полубожественным (у дигорцев - божественным) Сосланом[67]. Окна в святилищах у кафиров и калашей часто были единственным средством общения верующих с божеством. Видимо, ту же функцию имели вначале миниатюрные «пережиточные» прямоугольные окошечки в купольных склепах-сагона в Средней Азии[68]. Интересно, как именно оформлялись эти ниши. На входной (восточной) и смежной северной стенах склепа 9 они имели форму прямоугольника с верхом в виде двухскатной крыши, стыки которых украшались парными фигурками лошадей (рис. 1,*7*). Кровлю, украшенную спереди двумя конскими головами имели, например, все святилища калашей, но ничего подобного наблюдалось в их домах; у кафиров-прасунцев крыши святилищ были также двухскатными[69]. Версию о том, что на стенах воспроизведены именно ритуальные, а не бытовые постройки, укрепляет изображение невысокой двухъярусной башни с куполообразным верхом с приставленной к ней лестницей

---

[63] *Дашевская О.Д.* Скифское городище Красное (Кермен-Кыр) // КСИИМК. 1957. Вып. 70. Рис. 46,*2*.

[64] Так, и первые в мире людей конь (Чесан / Дур-Дур) и первая собака (Салим / Селан), как и важная линия предков аланов-осетин, были рождены в могильном склепе богиней Дзерассой (аналогом скифской прародительницы — змееногой богини), которую воскресил для этой цели местный аналог Мирты, «золотой» Уастырджи (*Нарты*… С. 11. 19, 24, 26). Они же часто выступают парой как волшебные стражи (Там же. С. 317). Интересен в этом плане и образ калашской богини домашнего очага и др. Джестак, часто являющейся в облике лошади (*Йеттмар К*. Религии Гиндукуша… С. 369).

[65] *Бабенчиков В.П.* Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 94—141; *Попова Е.А.* О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы // ВДИ. 1984. № 1. С. 129—145, рис. на с. 130; *Попова Е.А.* Роспись склепа № 1 некрополя позднескифской столицы // ВДИ. 1987. № 2. С. 139—150, рис. 1.

[66] См., например: *Чибиров Л.А*. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ, 2008. С. 244.

[67] *Нарты...* С. 169.

[68] *Снесарев Г.П*. Реликты домусульманских верований… С. 110.

[69] *Йеттмар К*. Религии Гиндукуша… С. 118, 381, рис. 6,*14*.

(слева от входа в восточной стене). Роль башен в культовых постройках и в мифологии иранцев и индоиранцев была весьма велика[70]. Достаточно сказать, что именно так (в виде круглых в плане двухъярусных башен с куполообразным сводом, в которые попадали по лестнице) выглядели знаменитые раннесарматские храмы западного Устюрта[71].

Как уже отмечалось, большинство сюжетов скифо-сарматских и средневековых аланских сцен на изображениях, связанных с умершими, воспроизводят, видимо, различные истории, связанные с циклом любимого героя нартского эпоса Сослана (аналога скифского Колаксая): его путешествие в мир мертвых за листом волшебного Древа и другое путешествие — в подводный мир за будущей женой Ацирухс/Агундой в виде оленя, на которого он охотился; борьба его в мире ином с могущественным демоном в облике кабана, его встреча с хозяйкой загробного мира — богиней огня (с именем, близкому к индийскому Типати и скифскому Табити) и знакомство с посмертной судьбой людей; с его смертью от волшебного солнечного колеса и последующим воскрешением и т.п.[72] И это понятно, т.к. только этот персонаж устойчиво связан с успешным неоднократным попаданием в «мир, откуда нет возврата», и воскрешением.

В центре главной, западной стены *склепа 1* представлено, как *центральное изображение* всей обширной композиции, фрагментарно сохранившееся колесо с пятью спицами. Логично видеть в нем знаменитое волшебное «колесо Ойона / Барсага», погубившее Сослана, но и парадоксально приведшее к его воскресению[73]. Возможно, оно первоначально было вариантом известного осетинского Мардты хур / Дудзихор — холодного «Солнца мертвых», по лучам которого мертвые входят в иной мир[74] и которое, по одной из версий, освещает их мир зимой. В центре главной, западной стены *склепа 9* (рис. 1,*б*) изображена квадратная композиция с рядами квадратов в шахматном порядке трех цветов. Представляется справедливой трактовка П.Н. Шульцем этой фигуры как ковра с шахматным узором и бахромой по краям[75], а не схематичного жертвенника, как полагала Е.А. Попова[76]. С мнением последней я не могу согласиться: во-первых, потому, что такие ковры с шахматным узором (на которых сидят значимые персонажи) достоверно известны у иранских народов древности, в том числе — у сарматов[77] (как известно, ковер был важной частью интерьера и часто вешался на стену); во-вторых, аналогичная большая композиция с шахматным узором занимала стену напротив входа (как и в нашем склепе) в знаменитом кафирском храме в Куштеки[78] и находилась как раз *напротив* алтаря, а вовсе не заменяла

---

[70] Например, у кафиров в башнях размещались святилища богов и их статуи (Там же. С. 120—121). В алано-осетинском эпосе для общения с божественной Агундой / Ацирухс надо являться к ее личной башне и т.п.

[71] *Ольховский В.С.* Храм святилища Байте III (к семантике формы) // Миф 7. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. София, 2001. С. 119—120.

[72] *Яценко С.А.* О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ, 1992. С. 65, 68, 76—77; *Яценко С.А.* О сармато-аланском сюжете… С. 191—192; *Яценко С.А.* Эпический сюжет ираноязычных кочевников… С. 98—102.

[73] *Нарты…* С. 162—188.

[74] *Цховребов З.Л.* К анализу надгробных памятников… С. 78.

[75] *Шульц П.Н., Головина В.А.* Неаполь Скифский // По следам древних культур. М., 1951. С. 164.

[76] *Попова Е.А.* О декоративном оформлении склепа № 9… С. 139.

[77] Это, например, сарматская гривна I в. н. э. из кургана 10 в Кобяково (см. об этом изображении в контексте близких: *Яценко С.А.* Сидящий мужской персонаж… С. 8—11, рис. 7—9) и пирующие согдийцы на одной из стенных росписей Пенджикента (*Живопись древнего Пенджикента*. М., 1954. Табл. VIII).

[78] *Robertson G.S.* The Kafirs of Hundukush. London, 1896. P. 391—392.

его. У иранского населения Средней Азии еще недавно принято изготовлять композиции из квадратиков или ромбиков трех цветов, как в Неаполе (тадж. курок, белудж. туккури) — ритуальные обереговые одеяла для сидения невесты перед свадьбой[79]. Еще один важный элемент оформления: по углам длинных западной и восточной сторон склепа его «поддерживают» четверо каменных полустолбов-пилястр с изображением вертикального ряда ромбов (см. фрагмент: рис. 1,*б*). У соседей кафиров — калашей такие вертикальные полосы ромбов на опорных столбах были обычны и для жилых домов, и для надгробных стел (эквивалентов «мирового столба»), и для храмов. В последнем случае они мыслились, видимо, как глаза божеств, поскольку иногда изображались со «зрачками» внутри (духи у индоиранцев Гиндукуша, как известно, часто имели вертикальный разрез глаз)[80]. Ковер в центре главной стены склепа 9 дополняется сценой охоты всадника на кабана с помощью собак (рис. 1,*б*). Различными исследователями, в том числе и автором этих строк, уже много писалось об охоте на кабана героя-всадника (едущего всегда вправо), являющейся, чаще всего, поединком с демоном — выходцем из Нижнего мира. Однако кабан может быть также орудием мести бога-владыки животных[81]. Сюжет в нашем склепе имеет, кроме того, ряд интересных, не типичных для подобных сцен особенностей. Прямой борьбы героя с кабаном нет (он спокойно стоит в стороне), с ним расправляется пара собак. Все это заставляет меня видеть в этом изображении аналог известному сюжету нартского эпоса о магической победе Сослана над Злом, когда в его соревновании с великаном Елтаганом с помощью определения судьбы (бросанием игральных костей — альчиков-астрагалов), альчики Сослана, превратившемся в пару собак, побеждают альчики Елтагана (превратившихся в кабана), и враг гибнет[82]. Стоящий рядом арфист в архаичном, вышедшем из употребления кафтане-кандис (см. выше) также неоднократно привлекал внимание коллег; здесь важно само его органичное участие в этой композиции, как и в других сценах, связанных с представлениями о загробном мире и погребении[83]. Думаю, стоит учесть не только то, что арфа (осетин. фандыр) создана, по алано-осетинской традиции, выходцем из Нижнего мира и первоначально именно для поминок, что на ней в эпосе часто играют, обращаясь к умершим, что ней играют пришельцы из Нижнего мира, выходя к людям. Важно, что игра на арфе также содействует различным магическим превращениям, в том числе, видимо, переходу души в иной мир (под ее мелодию закаляется железное тело Батраза; с ее помощью Ацамаз или Сослан покоряют сердце Агунды / Ацирухс; она вынуждает небесную владычицу танцевать и выполнять желания людей и т.п.)[84]. В склепе 1 изображения сохранились хуже, они примитивнее и, вдобавок, не так качественно изданы. Тем не менее, композиция представляет немалый интерес. Склеп был трапециевидной формы, причем восточная, входная стена разрушена в древности. На главной, западной стене вокруг «колеса Ойона» / «Солнца мертвых» (см. выше) размещены парами четыре фигурки змееногой богини[85] (две из них сопровождались фигурками мужчин с сиянием вокруг головы: рис. 1,*2—3*). Четверка

---

[79] *Гафферберг Э.Г.* Пережитки религиозных представлений у белуджей // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 231.

[80] *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша… С. 383. Рис. 8,*13,20*.

[81] *Яценко С.А.* Эпический сюжет ираноязычных кочевников… С. 99—100.

[82] *Нарты…* С. 137.

[83] См., например: *Яценко С.А.* О сармато-аланском сюжете… С. 190-191; *Вертиенко А.В.* Зображення скіфської міфлогеми… С. 61—62; *Вертиенко А.В.* Іконографія скіфської есхатології. Київ [в печати]. С. 103—106.

[84] См., например: *Нарты…* С. 207, 442, 436, 476.

[85] Иконография этого божества в основе сформировалась в Малой Азии в эпоху неолита. См.: *Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал… С. 119.

богинь, по справедливому наблюдению Е.А. Поповой, сакрально организовывала пространство главной стены[86]. Подобные композиции, где в связи с богиней маркировались четыре угла мироздания, известны и в других произведениях искусства Малой Скифии[87]. Аналогичные пары «змееногая богиня — мужчина с сиянием вокруг головы» представлены по краям других стен (южной и северной), композиции которых были не столь симметричны (на каждой из малых стен было по два образа богини)[88]. При этом у мужского персонажа в двух случаях видим плохо сохранившийся предмет вроде не очень длинной палки, который он либо держит в правой руке (рис. 1,*2*), либо прижимает к плечу. Что означают эти пары двух божеств (одно из которых окружено сиянием) на стене склепа? Алано-осетинские тексты дают, как мне кажется, вполне внятный ответ на этот вопрос. Одним из ключевых сюжетов аланских этногенетических легенд являлся, как известно, эпизод о чудесном совокуплении в могильном склепе проникшего туда солярного бога, аналога Митры («золотого», сияющего, охранителя договоров и мужчин воинов, покровителя коней и т.п.) — Уастырджи с погребенной там и оживленной богини Дзерассы (аналога скифской змееногой богини)[89]. Для оживления Дзерассы он воспользовался особой волшебной плетью[90] — важным атрибутом ряда эпических «нартовских» божеств. Собственно, этот сюжет связан с воскресением, происходившим в гробнице, священным браком и рождением людей и животных (первых коня и собаки). Об образе богини с конем на северной стене речь будет ниже. Пока же напомню, что оригинальный «коврик» с пятью тамгами оригинальных типов у ног крылатого коня[91] имеет широкие аналогии по своей «конструкции» в иранском мире[92]. Еще одна уникальная тамга хозяев склепа, уже крупного размера, нарисована краской на стыке западной и северной стены.

Примитивные изображения важного *склепа 8* известны лишь фрагментарно. Однако из сохранившихся и воспроизведенных в публикациях сцен складывается определенная система. Прежде всего, это пара женщин в коротких кафтанах или платьях с длинной бахромой (см. выше) (рис. 1,*4*). Они обращены лицом к зрителю. Левая женщина занесла обе руки к своему лицу; правая из них занесла левую руку надо лбом, левая рука у пояса. Что

---

[86] *Попова Е.А.* Роспись склепа № 1… С. 147.

[87] На медальонах в двух женских могилах (81 и 101) из некрополя Бельбек IV изображено оригинальное женское божество (иконография которого являлась результатом переработки сюжетов античных медальонов с Афродитой и Эротом) (рис. 5,*9*). В правой руке она держит большой древесный лист. Ее волосы укрывают все тело длинными прядями. Ее фигура заключена в квадрат из трилистников. Речь, видимо, идет о Дочери Солнца, небесной деве Ацирухс / Агунде с длинными сияющими золотыми волосами. Чтобы добыть ее в жены, Сослану пришлось добыть в Мире мертвых для охранявших ее семи великанов листья растущего там Дерева Аза и разместить четыре таких листа по сторонам построенной им тех же для великанов железной крепости. Аналогичный миф о прямоугольной железной крепости семи великанов, прячущих у себя Солнце, известен и у кафиров. См. *Яценко С.А.* О преемственности мифологических образов… С. 76.

[88] Ср. *Попова Е.А.* Роспись склепа № 1… С. 141—142. Рис. 1.

[89] Сюжет с изображением змееногой богини в контексте погребальной обрядности оказался столь значимым в алано-осетинской традиции, что высекался (во вполне «классической манере») на надгробиях Северной Осетии (селения Даргавс, Брут, Ольгинское) еще в XX в.: *Андиев Б.Ф., Андиева Р.Ф.* Осетинский орнамент. Орджоникидзе, 1960. С. 225 (2), 226, 232 (1).

[90] См. *Нарты*… С. 24; Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957. С. 87. Ср. О ритуальной роли плети в скифском искусстве: *Вертиенко А.В.* Іконографія скіфської есхатології... С. 107—113.

[91] Туловища коней на изображениях в склепах 1 и 8 (рис. 1,*1,9*) состоят из двух соединенных углами крупных треугольников, что является очевидным архаизмом и характерно для петроглифов эпохи энеолита.

[92] *Яценко С.А.* Знаки-тамги… С. 76. Рис. 24,*f*.

означает эта сцена? Дело в том, что у осетинских женщин в старину было принято при похоронах на кладбище бить себя руками по голове, обратясь лицом к могиле[93]. Сама бахрома (весьма грубая) на одежде подчеркнута здесь не случайно: так, у кафиров во время похорон и женщины и мужчины надевали одежды с густым мехом, лохмотьями и т.п. и без украшений[94].

Не менее показательна сцена с человеком, ведущим на поводу коня (рис. 1,*9*). Представляется, что эта композиция также связана с погребальным ритуалом, точнее — со знаменитым алано-осетинским обычаем посвящения коня — *бæхфæлдисын.* Им руководил пожилой мужчина, умевший говорить речи. После речи он обводил коня вокруг покойного[95]. Но есть все основания думать, что коня в Неаполе не оставляли затем в живых (как в позднее время у осетин), а убивали вслед за хозяином и клали в могилу (подобные захоронения коней в здешнем некрополе нередки). Сложнее для интерпретации фигурка лучника, только что выстрелившего из небольшого лука (рис. 1,*5*). Таким образом у иранских и индоиранских осуществлялись важные гадания[96], в том числе у осетин, кафиров[97] и др. по тому, как лягут стрелы, или же по колебанию тетивы. Но каким образом они связаны с соседними сценами похорон, сказать трудно.

В *склепе № 2* представлена фигурка скачущего коня, а на стене *склепа 6* (рис. 1,*8*) — стоящий всадник, причем наездник изображен сидящим «по-женски» (см. выше) и в шапке. Спокойно стоящий всадник соответствует серии изображений различных иранских народов на территории Ирана, Бактрии, Сарматии, а также у осетин, памирцев и кафиров. Такие фигурки (слепленные из глины, сделанные из дерева или тканей) изображали самого покойного. Они были связаны с поминальной обрядностью, их никогда не клали самому умершему, а размещали рядом с могилой[98]. Что же касается одиночного бегущего коня, то речь, скорее всего, идет о знаменитом сюжете — необходимости поимки каждым умершим мужчиной для попадания в иной мир волшебного коня из породы авсург / афсорк (в некоторых случаях он с тремя ногами, с рыбьим хвостом, с одним глазом и т.п.) из личного табуна бога Уастырджи, который пасется на столь же волшебном лугу[99].

Наконец, рассмотрим несколько важных образов сверхъестественных существ в Малой Скифии. Один из них — женский персонаж в очень широкой одежде, с сиянием вокруг головы, сопровождающимся «служанкой» маленького роста и вставшим на дыбы крылатым конем (хвост у которого, однако, не конский) (рис. 1,*1*). Еще первооткрыватель росписей П.Н. Шульц отметил, что стертый участок правее этой сцены мог содержать второго (симметричного) вставшего на дыбы коня, тем более, что по размеру лакуны он там идеально

---

[93] *Шегрен А.* Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 1. Орджоникидзе, 1981. С. 85.

[94] *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша… С. 137.

[95] *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин… С. 258-262.

[96] *Раевский Д.С.* Куль-обские лучники // СА. 1981. № 3. С. 46—47.

[97] *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. С. 284; *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша… С. 125.

[98] *Яценко С.А.* Глиняные фигурки всадников древних иранских народов // Старожитності Степового Причорномор’я і Криму. 2004 . Вип. XI. Запоріжжя. С. 294—298. Умерший в ходе поминок имитировался наездником как привезший подарки живым родственникам (*Уарзиати В.С.* Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987. С. 75). Кроме этого замечу, что параллельно с траурной процессией к кладбищу ехал всадник с оружием и на коне, принадлежавшими умершему (*Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин… С. 256).

[99] См., например: *Цховребов З.Л.* К анализу надгробных памятников… С. 78. Традиция изображать коня на осетинских надгробиях в связи с этим сохранялась до XX в. (Там же).

поместился бы[100]. Е.А. Попова неожиданно отвергла саму возможность этого, но не смогла внятно это аргументировать[101]. Между тем, при добавлении недостающего второго (симметричного) крылатого коня (рис. 5,*1*) мы получаем композицию, хорошо известную в Сарматии. В частности, именно такую же сцену (богиня в широких одеждах и с сиянием вокруг головы и разведенными в стороны руками, два крылатых коня по сторонам) мы видим на знаменитом штампе того же времени (рубежа II—III вв.) из сильно сарматизованного боспорского Илурата (рис. 5,*8*). Это богиня была настолько значима, что ее изображение (в виде схематичной стоящей человеческой фигурки, окруженной крылатыми конями) сохранилось на вышивке золотом осетинского женского костюма до XX в.[102] Есть много оснований видеть в этом божестве, связанном с парой коней, с огненными функциями, в статусе не девы, а матроны и т.п., богиню, аналогичную «классической скифской» богине домашнего очага Табити (бывшей у скифов главной: Her. IV. 59). Это божество «читается» в сарматское время на богине из «склепа Анфестерия», и этот сюжет подробно разбирался нами[103]. Как известно, важным элементом в этой композиции с мотивом «священного брака» является пара неоседланных коней, стоящих у Мирового древа. Кроме этого, в основной сцене два неоседланных коня ведет за собой и конный герой[104]. Наряду с этой богиней, мы видим в Сарматии еще одного персонажа, окруженного двумя крылатыми животными, но уже мужчину. Речь идет, во-первых, об изображении на железной пряжке с бронзовой плакировой из катакомбы у с. Чистенькое в Центральном Крыму, которая связывается не с «поздними скифами», а с сатархами (рис. 5,*2*)[105]. Здесь богу (стоящему, воздев руки к небу) предстоят два крылатых «коня» с загнутыми калачиком «собачьми» хвостами (ср. не-конский хвост у коней богини из Неаполя). Не менее интересен мужской персонаж (погрудное изображение анфас) с длинными ушами животного в окружении крылатых «коней» (лапы которых имеют, однако, черты кошачьих) на узде из кургана позднесарматской культуры рубеже II—III вв. в одном из курганов 1983 г. в Ростове-на-Дону (рис. 5,*3*)[106]. Если персонаж с ушами животного имеет множество параллелей в иранском мире Восточной Европы и Центральной Азии и может быть уверенно связан с богом-хозяином животных типа осетинского Афсати и индийского Пасупати[107], то бог с конями из Чистенького вполне сопоставим с прототипом Митры / Уастырджи - владельцем волшебных коней.

---

[100] *Шульц П.Н.* Исследования Неаполя скифского (1945—1950) // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 89—90.

[101] Единственным аргументом послужило наличие здесь, кроме богини, еще двух персонажей справа (служанка) и слева (солярный персонаж с «палкой»), то есть, вероятно, не идеальная симметричность композиции (таковыми, однако, на деле являлись здесь композиции обеих малых стен). См.: *Попова Е.А.* Роспись склепа № 1… С. 142.

[102] *Андиев Б.Ф., Андиева Р.Ф.* Осетинский орнамент… С. 102, рис. 3.

[103] *Яценко С.А.* О сармато-аланском сюжете… С. 189—191.

[104] Не исключено, что композиции из пар стоящих неоседланных лошадей в сарматском искусстве также следует связывать с посвящением этой богине (ср. предполагаемую четвертую стадию нанесения тамг в начале III в. на пантикапейское бывшее надгробие Теоники, когда были добавлены и две симметричные лошадки по краям: *Яценко С.А.* О последовательности нанесения серий тамг на надгробные плиты из некрополя Пантикапея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002. С. 81, рис. 1, *d, №№ 16—17*).

[105] *Яценко С.А.* Антропоморфные образы в искусстве… С. 257, 264.

[106] *Raev B.A.* Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986. Pl. 58.

[107] *Яценко С.А.* О преемственности мифологических образов…С. 65. рис. 1,*1—3*.

Более интригующим сюжетом является изображение на гробе из склепа 550 в Усть-Альминском (Песчаном) — некрополе самого большого «позднескифского» городища вне столицы (рис. 3,*1*)[108]. Здесь умершего-всадника, сидящего «по-женски» в центре композиции, окружают два странных коленопреклоненных одинаковых существа в несколько расширяющихся книзу одеждах. Их колени упираются в шарики, словно в небольшие подушечки. Одно из существ (справа от всадника) подносит ему ритон с напитком. На груди у обеих коленопреклоненных фигур изображена однотипная, тщательно выведенная тамга (рис. 5,*4*). Интересно, что все участники этой сцены принципиально *лишены лиц* (при детализации многих других частей композиции). Однако знакомые уже нам парные коленопреклоненные персонажи в длинной, слегка расширяющейся одежде встречены в Малой Скифии вовсе не единственный раз. Вторая такая пара «женщин» изображена на рельефе из Южно-Донузлавского городища (рис. 2,*2*, 5,*5*). Здесь они тоже связаны с одиночным всадником и тоже изображены по бокам его, но уже в довольно необычной сцене охоты, где собака не бежит за хозяином, а льнет к одному из этих загадочных существ (см. выше). О какой же паре персонажей, в одном случае встречающих умершего с ритоном, идет речь? В алано-осетинской традиции есть только одна такая пара, и очень важная. Это пара однотипных существ (в одной версии — Сын Солнца и Сын Луны, в другой — Дзендзет и Дзеранзет), которые встречают умершего на границе Царства мертвых по снабжают его необходимым для дальней дороги в иной мир[109]. Возможно, речь идет исходно о парных божествах, близких к скифским Коракам (Lucian. Tox. 1—8).

Итак, рассмотрение региональной специфики поминально-погребальных сюжетов Малой Скифии выявляет значительное сюжетное и иконографическое своеобразие микрорайонов, отнюдь не сводимое лишь к влиянию культуры Херсонеса или Боспора, копированию продукции камнерезов Пантикапея и пресловутому «растущему синкретизму» религиозных верований на периферии Римской империи. Сюжеты с явным сакральным акцентом, как и следовало ожидать, имеют наибольшую близость не к религиозных культам Фракии или боспорских эллинов, а к хорошо известным специалистам визуальным образам и сюжетам восточноевропейских и центральноазиатских иранцев. Реальное влияние соседних античных государств на круг сюжетов «позднескифского» искусства в имеющейся литературе представляется сильно преувеличенным.

[108] *Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007. Рис. 142,*1*.

[109] *Миллер В. Ф.* Отголоски кавказских верований… С. 129—131.

С.А. Яценко

Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I—III вв. н. э.

Рассмотрены изображения на поминально-погребальных памятниках трех районов крымской Малой Скифии I — начала III вв. н. э., выявлено много новых важных деталей. Их иконография и семантика получают объяснение из религиозных доисламских верований иранских и индоиранских народов, преимущественно — алано-осетинской традиции.

Ключевые слова: поминально-погребальные памятники, Малая Скифия, сюжеты, иконография, региональная специфика, религия иранских народов.

S.A. Yatsenko

Regional Features of the Subjects and Everyday Life Attributes in the Monumental Funeral and Memorial Artifacts of Scythia Minor in the 1st — early 3rd cc. AD

The series of depictions on the Funeral and Memorial monuments in three regions of Crimean Scythia Minor in the 1st — early 3rd cc. AD were examined, many new important local details were came to light. Their iconography and semantics may be explained on a religious pre-Islamic believes of Iranian and Indo-Iranian peoples, first of all — on Alanian-Ossetian traditions.

Keywords: funeral and memorial monuments, Scythia Minor, subjects, iconography, regional features, religion of Iranian-speaking peoples.

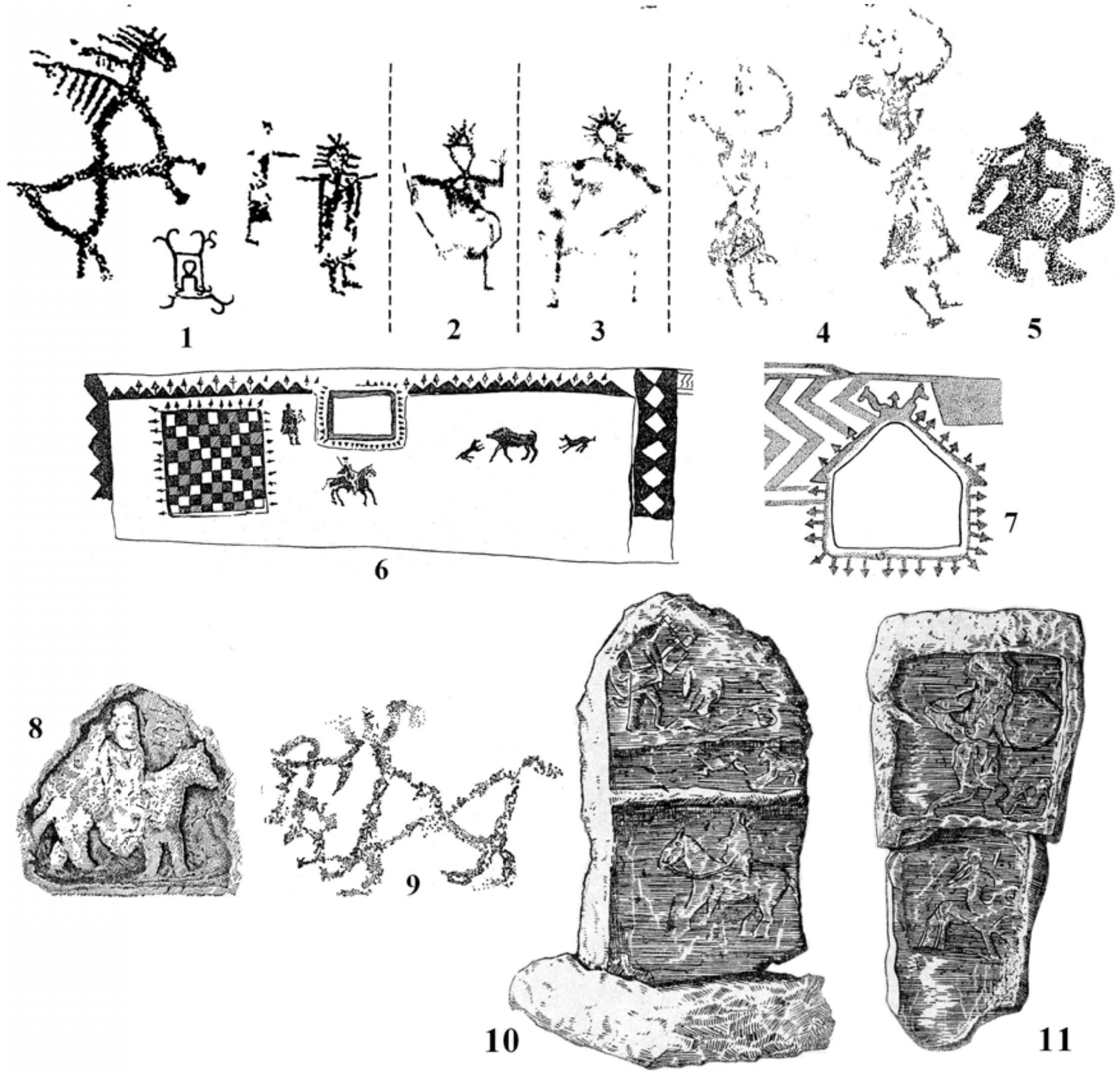

Рис. 1. Изображения Центрального Крыма

1-3 — Неаполь, скальный склеп 1 (детали северной, южной и западной стен, по Е.А. Поповой); *4-5, 9* — скальный склеп 8 (по О.Д. Дашевской); 6-7- Неаполь, скальный склеп 9 (детали западной и северной стен, по Е.А. Поповой); *8* — Неаполь, скальный склеп 6; *10* — Красное / Кермен-Кыр (по О.Д. Дашевской); *11* — Неаполь (по О.Д. Дашевской).

Рис. 2. Изображения Северо-Западного Крыма

1 — Южно-Донузлавское городище (по Е.А. Поповой и О.Д. Дашевской); *2* — Южно-Донузлавское городище (по П.Н. Шульцу); *3* — городище «Чайка» (по Е.А. Поповой); *4* — Красное / Джан-Баба (по П.Н. Шульцу).

Рис. 3. Изображения Юго-Западного Крыма

1 — Усть-Альминское, склеп 550 (по А.Е. Пуздровскому); *2* — Краснозерье / Чоткара, 1916 г. («Голубинка / Фоти-Сала») (по О.Д. Дашевской); *3* — Рамазан-Сала (по М.Я. Чорефу).

Рис. 4. Предполагаемые изображения умерших из Юго-Западного Крыма

1 — Заветное / Алма-Кермен, изваяние 4, 1962 г. (по Н.А. Богдановой и О.Д. Дашевской); *2* — Заветное, изваяние 1, 1958 г. (по Н.А. Богдановой); *3* — Заветное, изваяние 2, 1959 г. (по Н.А. Богдановой); *4* — Краснозорье, 1995 г. (по А.А. Волошинову); *5* — Краснозорье, 1972 г. (по М.Я. Чорефу); *6* — Предущельное (по А.А. Волошинову и М.Я. Чорефу); *7* — Заветное, изваяние 3, 1962 г. (по Н.А. Богдановой); *8* — Заветное, изваяние 5, 1963 г. (по Н.А. Богдановой).

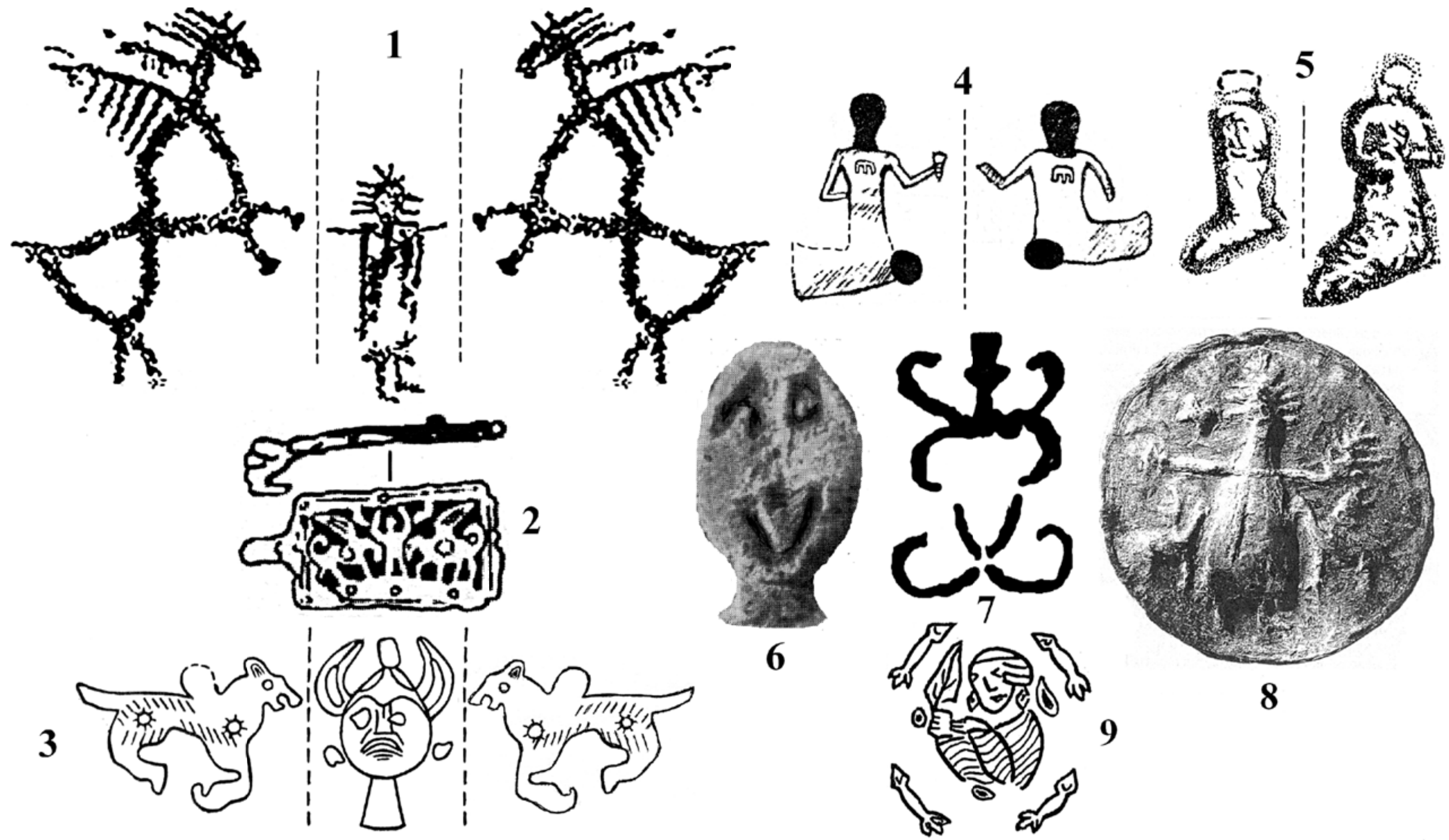

Рис. 5. Мифологические персонажи и их аналоги (8)

1 — Неаполь, скальный склеп 1, северная стена (реконструкция); *2* — железная пряжка из кургана у с. Чистенькое (по Ю.П. Зайцеву); *3* — Ростов-на-Дону, курган 6, 1983 г. (по П.А. Ларенку; реконструкция); *4* — Усть-Альминское, склеп 550 (по А.Е. Пуздровскому; реконструкция); *5* — Южно-Донузлавское (по П.Н. Шульцу); *6* — Краснозерье / Чоткара, 1916 г. («Голубинка») (по О.Д. Дашевской); *7* — Неаполь, скальный склеп 1 (реконструкция по серии фрагментированных изображений); *8* — Илурат, оттиск штампа (по И.Ю. Шаубу). *9* — Бельбек IV, медальон (по С.А. Яценко).

УДК 904:726.54(477.7)«05/12»

С.В. Ушаков

БАЗИЛИКА «КРУЗЕ» В ХЕРСОНЕСЕ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ

Из всех многочисленных христианских храмов Херсонеса в настоящее время активно исследуется тот, с которого более 180 лет (в 1827 г.) назад начались раскопки «Русских Помпей» — базилики № 7 («Крузе»). Напомним, что для Херсонеса и всего Северного Причерноморья этот храм[1] (рис. 1) — оригинальный и даже уникальный по своим пропорциям и конструктивным особенностям: 1) ширина его (без учета апсиды) практически равна длине; 2) форма алтарной части — триконхиальная, укреплённая внешним поясом кладки; 3) относительно узкие боковые нефы (левый или северный неф — 2,9 × 10,5 м, правый или южный — 2,7 × 10,5; ширина централью нефа — 8 м)[2]; 4) отсутствие правого бокового входа (рис. 2). Перед храмом отсутствовала площадь. В целом можно сказать, что базилика, расположенная на перекрестке продольной и поперечной улиц, доминировала в этом районе города.

Новый современный этап его изучения (после краткого полевого сезона 1998 г. с австрийскими коллегами) начался регулярными раскопками археологической экспедиции КФ ИА НАНУ, Филиала МГУ в Севастополе и НЗХТ в 2005 г.[3] К сегодняшнему дню в ходе археологических работ удалось выяснить основные этапы строительной истории этого участка городской территории. О регулярной жизни здесь первоначально (уже во второй—третьих четвертях V в. до н.э.) позволяет утверждать комплекс разнообразных находок в наскальном слое в районе центрального нефа[4]. Позже на этом месте (как и везде, в Херсонесе) появилась жилая застройка позднеклассического-элинистического времени. Позднее, в римское время здесь функционировал рыбозасолочный комплекс: в ходе наших работ были обнаружены две прямоугольные в плане цистерны для засолки рыбы, одна — перед входом в храм, вторая, более крупная — под полом базилики, а также многочисленные пифосные ямы с остатками тарных сосудов, одном из которых обнаружен небольшой «склад» плинфы (рис. 3). В юстиниановскую эпоху территория была снивелирована и на

---

[1] *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет за 1891 год // Архив НЗХТ. Д. 2; *Айналов Д.В.* Памятники христианского Херсонеса. Т. 1: Развалины храмов. М., 1905.

[2] *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Пиленгер Р., Пюльц А., Ушаков С.В.* Раскопки т.н. «Базилики Крузе» в Херсонесе (Украинско-австрийский проект) // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 8—10.

[3] *Ушаков С.В.* Базилика «Крузе» в Херсонесе: результаты исследований 2005-2008 гг. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.—К.: ИА РАН, 2010. С. 241—247; *Ушаков С.В.* Базилика «Крузе» в Херсонесе: основные итоги исследований // Причерноморье в Средние века. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. С. 198—212.

[4] *Ушаков С.В., Лесная Е.С., Тюрин М.И.* Новый керамический комплекс V в. до н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященных 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 308—315; *Ušakov S., Bočarov S.* Chersonesos Taurike und die Ägäis: Neue archäologische Fundkomplexe im 5.–3. Jahrhundert v. Chr. // Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods / ed.: Victor Cojocaru, Altay Coşkun, Mădălina Dana. Cluj-Napoca: Mega, 2014. S. 231—233, Taf. IV, V.

этом месте возведена базилика. Просуществовал храм примерно до рубежа X—XI вв. и затем здесь появляется некрополь, который действовал до конца существования города. Еще раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича были вскрыты XIX могил[5], связанных в основном с самим храмом, а позднее в 1998 и 2005—2013 гг. открыто ещё 19 более поздних погребений (№ 1—19)[6].

Раскопки продолжаются до сего дня, но теперь есть возможность подвести основные итоги исследований за последнее десятилетие. В том числе и по главному вопросу — о времени постройки базилики. Оно определяется многочисленными и разнообразными археологическими материалами и монетами из нескольких комплексов, которые имеют отношение ко времени строительства храма: засыпи под полами южного и центрального нефов, а также из рыбозасолочных цистерн, упомянутых выше.

Во-первых, это разнообразные амфоры (типа «мирмекийской», светлоглиняные узкогорлые, с воронковидным горлом, тонкостенные со слюдой в тесте (Зеест 95), Делакеу и морковки («carotte), коричневоглиняные амфоры с перехватом (тип V по АДСВ-1971), амфоры-корчаги (тип IV по АДСВ-1971) ближневосточного производства (тип «Газа»), с «набегающей волной» (LRA-1), с зональным рифлением (LRA-2)[7] (рис. 4,*1—11*). Важно отметить, что верхние хронологические рамки самых поздних типов амфор из раскопок базилики (те, которые связаны со временем ее строительства) не выходят за пределы VI — VII вв.

Во-вторых, это несколько типов поздней краснолаковой керамики: понтийская позднеримская группа форма 1, 3, 4, 7; фокейская сигиллята (почти все представлены формой 3)[8], херсонесская сигиллята[9] (рис. 4,*13—32*) (табл. 1).

В-третьих, это монетные находки. Из тех монет, что содержались в упомянутых комплексах и которые удалось определить, было всего семи десятков (см.: табл. 2). Большая их часть происходила (на момент раскопок 2013 г.) из центрального нефа (33 экземпляра) и цистерны под полом этого же нефа (19 штук). Большинство монет относится ко второй половине IV (чекан Валентиниана II, Феодосия I, Аркадия и Гонория), первой половине V (монеты Феодосия II и Валентиниана III, Феодосия II) и второй половине V и началу VI вв. (Лев I, Анастасий I).

Единичным экземпляром представлена монета Юстиниана I Великого (527—565), которая была обнаружена в цистерне перед базиликой на глубине 1,2 метров. Анализ основных датирующих находок (табл. 3; рис. 5) позволяет определенно утверждать, что *время образования засыпи в этой цистерне* (по крайней мере, верхней ее части), *можно отнести к юстиниановскому времени (в пределах второй-третьей четвертей VI в.)*[10].

---

[5] *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет за 1891 год // Архив НЗХТ. Д. 2.

[6] *Ушаков С.В., Данилова С.В.* Средневековый некрополь на территории базилики «Крузе» в Херсонесе // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том III. Казань: Отечество, 2014. С. 341—342.

[7] Ср.: *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. Рис. 1—7; *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995, классы 1—6.

[8] Аналогии: *Arsen'eva T.M., Domzalski K.* Late Roman red slip pottery from Tanais // EURASIA ANTIQUA. Zeitschrift für Arhäologie Eurasiens. Band 8. 2002. P. 422—433, Fig. 5—18.

[9] *Ушаков С.В.* Херсонесская краснолаковая керамика // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь. 2005. Вып. VIII.

[10] *Ушаков С.В.* Новая рыбозасолочная цистерна из Херсонеса (к вопросу о времени строительства базилики «Крузе») // Древнее Причерноморье. Выпуск X. Одесса: ФЛП «А.С. Фридман», 2013. С. 590—596.

Нынешним летом (2014 г.) мы завершили раскопки второй еще более объемной рыбозасолочной цистерны (той ее части, что располагалась под полом центрального нефа) (рис. 6,7). Ее глубина достигала 4,85 м. Она была заполнена грунтом, насыщенном бутовым камнем и многочисленными керамическими материалами. Основная масса находок (строительная керамика, тарная, кухонная и столовая, прежде всего, краснолаковая посуда) (рис. 8, 9) может быть датирована в хронологических пределах (верхняя граница) V — начала VI вв. н.э. Присутствовали там и материалы более раннего времени. Есть и интересные раритетные находки[11] (рис. 10). Самый верхний ярус засыпи по характеру и набору находок составляет одно целое с подсыпкой под пол базилики, совершенной, очевидно, строителями храма[12].

Еще раз следует подчеркнуть, что характер археологических находок из всех комплексов, которые мы можем связать со временем возведения раннехристианского культового здания, практически идентичен. Таким образом, можно заключить, что *финальное время образования засыпи под полом базилики (и, аналогично, в упомянутых цистернах — верхние ярусы) должно быть определено также в хронологических пределах времени правления императора Юстиниана I.* Это, пожалуй, один из самых главных выводов на сегодня по исследованию базилики «Крузе».

Важно также отметить, что в полевом сезоне 2013 г. мы обнаружили помещение (№ I) (рис. 11), пристроенное снаружи к северному «плечу» храма. Это помещение (размеры — 5,6 × 6,8 м) было выстроено в единой технике с самим храмом (двухпанцирные стены из полуобработанного известняка на цемянковом растворе), что позволяет предположить единовременное строительство всего комплекса. В углах здания сохранились массивные каменные блоки, выступающие внутрь помещения, возможно, служившие опорами арочных конструкций. Находки из перекрывающего слоя (на плотном утрамбованном полу) все относились к средневековой эпохе (не раньше IX—X вв.). У восточной стены были зачищены разрозненные остатки мужского костяка (вероятно, «следы» раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича). У северной стены помещения располагались остатки каменной конструкции, которые можно интерпретировать как основание алтарного стола. Можно предполагать, что подобное помещение, симметрично расположенное, должно находиться и за правым «плечом» базилики, как это наблюдается, например, у некоторых раннехристианских храмов Балканского полуострова (пример — одна из базилик Истрии VI в.).

В полевом сезоне 2014 г. мы продолжили здесь раскопки (рис. 12) и выяснили, что под полом этого помещения до скалы располагалось два основных горизонта культурного слоя. Нижний (0,20—0,25 м мощности) относился к римскому (позднеантичному) времени (II—IV вв.), верхний содержал материалы типологически и хронологически не отличающиеся от находок из под пола нефа и заполнения цистерн (V — начало-середина VI вв.). Сомнений нет, что этот второй (верхний) слой относится ко времени строительства здания. Это обстоятельство позволяет еще раз утверждать о единовременном возведении всего

---

[11] *Ушаков С.В., Дорошко В.В.* Новая находка из Херсонеса: светильник в виде римского военного сапога-кальцея // Stratum plus. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа. № 4, 2013. С. 171—177.

[12] Краснолаковая керамика: *Ушаков С.В., Дорошко О.П.* Краснолаковая керамика из раскопок центрального нефа базилики «Крузе»: к вопросу о времени строительства храма (предварительная информация) // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме: Тезисы докладов и сообщений. Сер.: История, археология. Ялта: РИО КГУ, 2011. С. 111—112.

храмового комплекса в эпоху Юстиниана Великого, что связано с активным укреплением христианства по всей Византийской империи. А сам храм должен выглядеть не совсем так, как его привыкли изображать на виртуальных реконструкциях (рис. 13).

Таким образом, за последние годы раскопок участка базилики «Крузе» получены новые важные материалы, которые позволяют внести существенные коррективы в научные представления, как о хронологии всего комплекса построек, так и особенностей планировочной схемы его главного культового здания[13].

С.В. Ушаков

Базилика «Крузе» в Херсонесе: новые исследования.
Основные итоги

Раскопки последних лет храмового комплекса базилики «Крузе» в Северо-восточном районе Херсонеса позволяют (на основе археологических и нумизматических материалов) обоснованно утверждать, что его возведение произошло в эпоху Юстиниана Великого. Планировочная схема храма (с пристроенными с востока помещениями) выглядит еще более оригинально, чем это представлялось ранее.

Ключевые слова: Херсонес, базилика «Крузе», Юстиниан Великий, амфоры, краснолаковая керамика, монеты.

S.V. Ushakov

Kruze basilica in Chersonesos: new study.
Main outcomes

Excavations of recent years the temple complex of the Kruze basilica in the North-east area of Chersonesos allow (based on archaeological and numismatic materials) reasonably argue that its construction took place in the era of Justinian the Great. Schematic layout of the temple (with attached rooms to the east) is even more original than previously imagined.

Keywords: Chersonesos, Kruze basilica, Justinian the Great, amphorae, red slip pottery, coins.

[13] *Ушаков С.В., Моор В.В.* Базилика «Крузе» в Херсонесе: основные итоги изучения и графической реконструкции (2005—2011 гг.) // Современные проблемы изучения истории Церкви. Международная научная конференция: Тезисы докладов. Препринт. М.: Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. С. 242—245.

Таблица 1. Соотношение керамических находок в комплексах

№ п/п	Тип находки	Ю-Н	Ц-Н	Н	M VIII	Ц-1	Ц-2
I.	**Амфоры**						
1.	«Мирмекийские» (Зеест *72*)	+	+				
2.	Светлоглиняные узкогорлые	+	+	+			+
3.	Воронковидные	+	+	+		+	+
4.	Зеест, тип *95*	+	+	+	+	+	+
5.	Делакеу (Зеест, тип *100*)	+	+	+	+		+
6.	«Морковки» («carotte»)	+					+
7.	Тип I по АДСВ-1971	+	+		+		+
8.	Тип V по АДСВ-1971					+	+
9.	Тип IV по АДСВ-1971 («Газа»)	+					+
10.	Тип IX по АДСВ-1971; LRA-1 («набег. волна»)	+	+	+	+	+	+
11.	Тип XIV по АДСВ-1971	+					+
II.	**Краснолаковая керамика**						
1.	Понтийская позднеримская группа						
	Форма 1	+	+	+	+	+	+
	Форма 3	+	+	+	+	+	+
	Форма 4						+
	Форма 7	+	+	+		+	+
	Прочие	+	+				+
2.	Фокейская сигиллята						
	LRC/PhRS form 1A/B	+					
	LRC/PhRS form 1A/C	+					
	Миски		+				
	LRC/PhRS form 3					+	+
3.	Херсонесская сигиллята						
	Тип I		+	+	+	+	+
	Тип II	+	+	+	+	+	+
	Тип IV						+
	Кубки	+					+
	Кувшины	+					+

Примечание: Ю-Н — южный неф; **Ц-Н** — центральный неф; **Н** — нартекс; **М VIII** — могила VIII; **Ц-1** — цистерна 1; **Ц-2** — цистерна 2.

Таблица 2. Находки монет в комплексах (раскопки 2004-2013 гг.)

№ п/п	Типы монет	Ю-Н	Ц-Н	Н	Ц-1	Ц-2	Итого
1.	Проб (276-282)		IIв-3				**1**
2.	Лициний I (308-324)			IIIг		1	**2**
3.	Константин I (307-337)	1	1			2	**4**
4.	Константин I и сыновья (307-361), вып. 308-348 гг.		IIIв; 1; IIIб-4			2	**5**
5.	Константин I или Константин II. Выпуск 308-337 гг.					1	**1**
6.	Константин II (337-340)		Iв				**1**
7.	Констант (337-350 гг.), выпуск 337-340 гг.					1	**1**
8.	Констанций II (337-361), вып. 337-348 гг.		Iб-1 IIв-3				**2**
9.	Констанций II (337-361), вып. 354-361 гг.		IIIг (бровка)				**1**
10.	Констанций Галл (351-354)		IIIб-3(в пифосе)				**1**
11.	Грациан (367-383)		IIв (2)				**2**
12.	Валентиниан II (375-392)	1	IIб-2, IIв, IIв-3, IIIв	1, III		2	**9**
13.	Валентиниан II (375-392 гг.) или Феодосий I (379-395 гг.)			IIIв			**1**
14.	Феодосий I (379-395)	2	IIв (под полом), IIIб-3			2	**6**
15.	Феодосий I (379-395 гг.) или Аркадий (383-408 гг.		IIб-3			1	**2**
16.	Аркадий (383-408) или Гонорий (393-423)	в стене базил. (2)	IIв, IIIб-3	Мог. VIII		1	**6**
17.	Аркадий (383-408)		IIб			3	**4**
18.	Гонорий (393-423)	1					**1**
19.	Феодосий II или Валентиниан III (425-450)	1	1, IIб-3, IIв-3 (2), IIб-яма пифоса			3	**9**
20.	Феодосий II (438-408)		IIв				**1**
21.	Лев I (457-474)		IIIб, IIIб-3 (2)				**3**
22.	Анастасий I (491-518)	1	Vг, IIIб	Мог. VIII	2		**6**
23.	Юстиниан I (527-565)				1		**1**
Всего		**9**	**33**	**6**	**3**	**19**	
Итого		**70**					

Примечание: Только определяемые монеты, имеющие отношение ко времени строительства храма. Составлено по описям монет в Отчетах в соответствии с авторскими определениями; IIв-3 – название раскопочных квадратов с указанием слоев.

Таблица 3. Хронология основных материалов из цистерны перед базиликой «Крузе»

Группы материалов	IV в.				V в.				VI в.			
<u>Амфоры</u>												
«Набегающая волна» (LRA I)												
С воронковидным горлом												
Красно-коричневые тонкостенные (Зеест, тип 95)												
Узкогорлые светлоглиняные												
Красноглиняные желобчатые (тип V по АДСВ-71)												
Коричневоглиняные «колхидские»												
<u>Краснолаковая керамика</u>												
Херсонесская сигиллята												
Тип 1												
Тип 2												
Понтийская позднеримская группа												
Форма 1												
Форма 3												
Форма 7												
Фокейская сигиллята												
Форма 3												
Клейма												
34, 39, 40 — кресты, обрамленные двумя вдавленными линиями												
35 - крест обведенный одной линией, с концами, расходящимися наподобие ласточкиного хвоста												
37 - крест обведённый одной линией, с четырьмя кружками в углах перекрестья												
36 - один из радиально расположенных штампов в виде канфара												
38 - один из радиально расположенных штампов в виде подошвы сандалии												
<u>Монеты</u>												
Анастасий I								**491-518**				
Юстиниан I										**527-565**		
ИТОГО												

Рис. 1. Базилика «Крузе». Общий вид 2007 г.

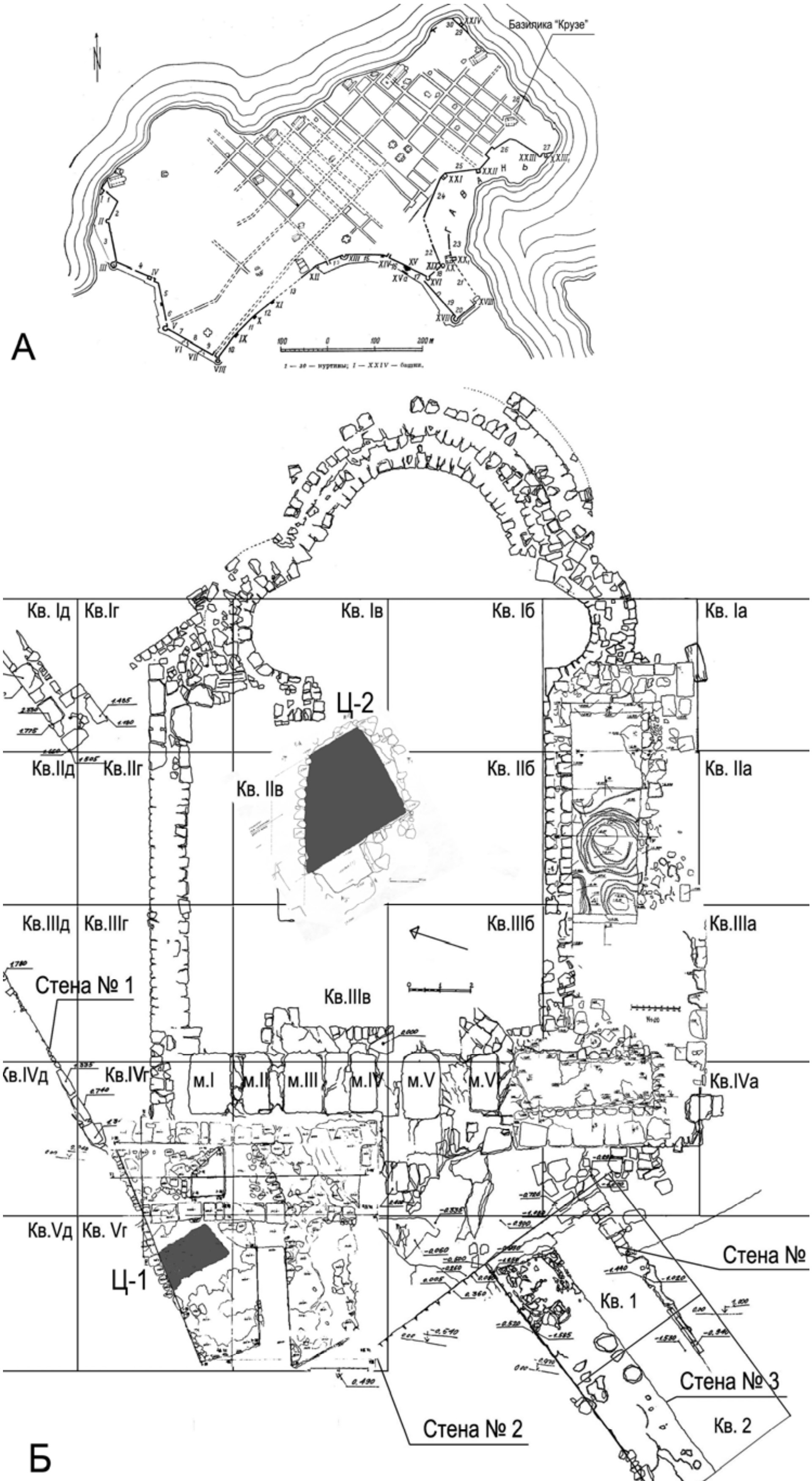

Рис. 2. Базилика «Крузе». Генеральный план раскопок 2005—2011 гг.

Рис. 3. Нижняя часть пифоса (под полом центрального нефа).
Фото автора.

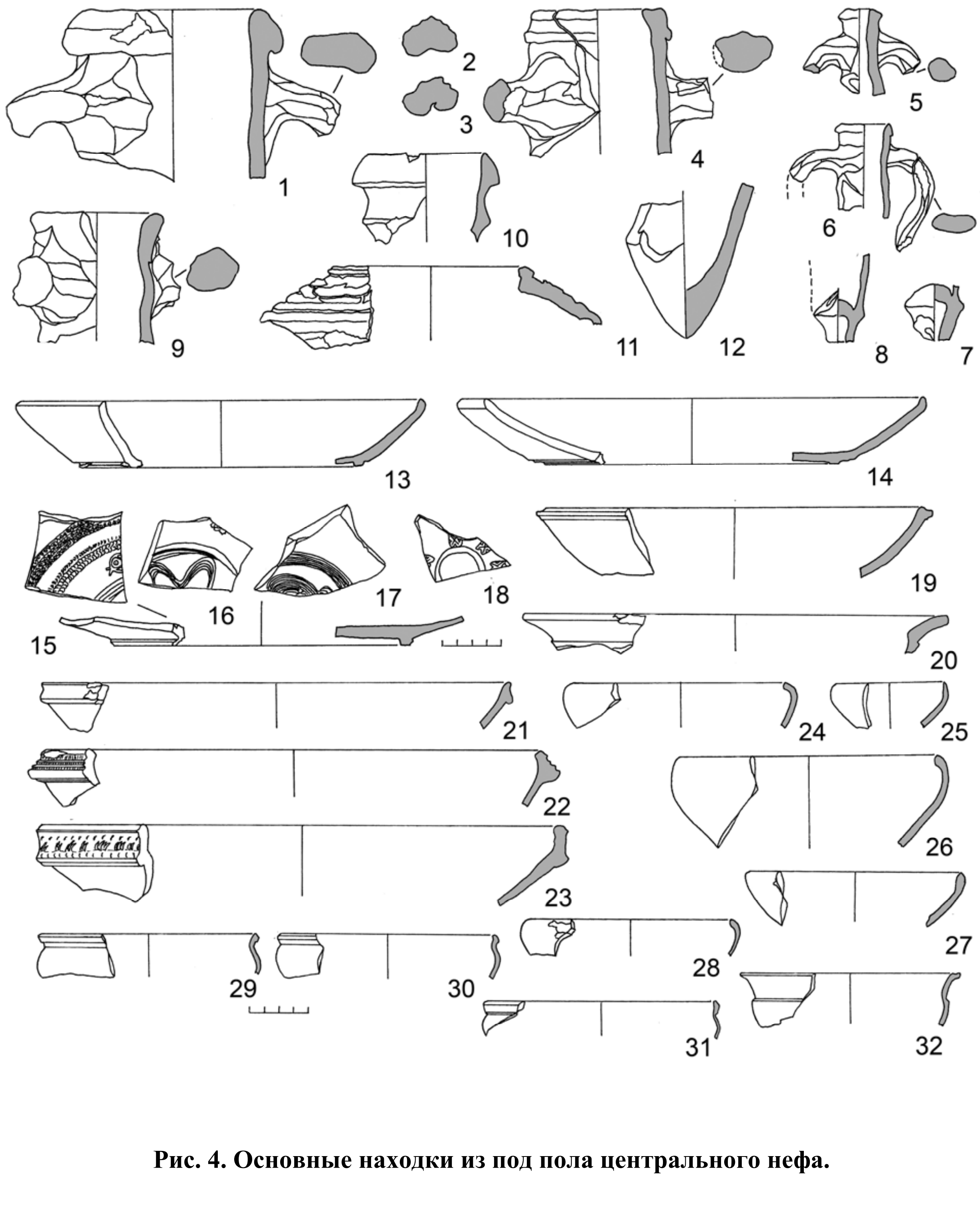

Рис. 4. Основные находки из под пола центрального нефа.

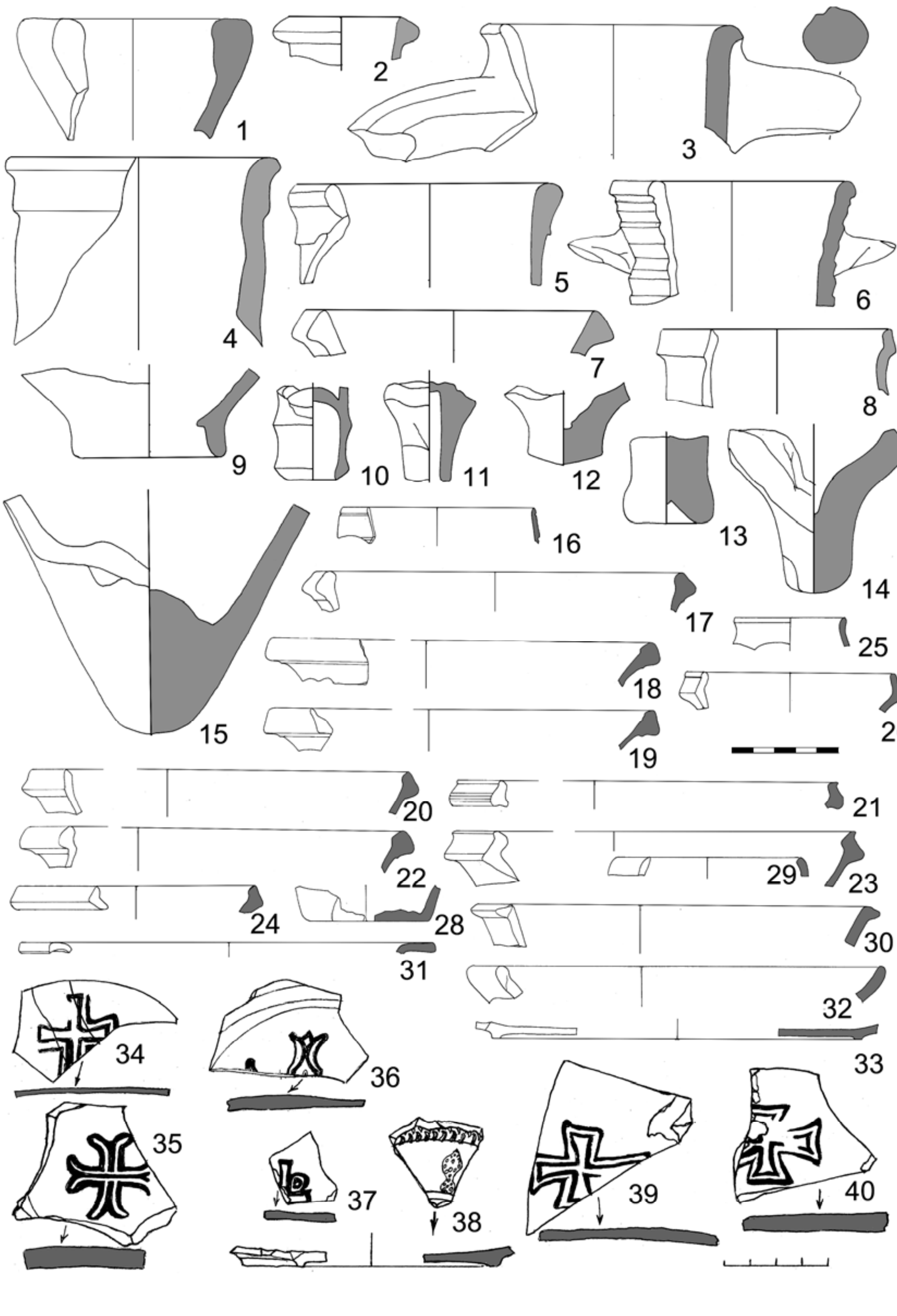

Рис. 5. Датирующие находки из цистерны (№ 1) перед храмом.

Рис. 6. Базилика «Крузе». 2013 г.
Фото автора.

Рис. 7. Цистерна (№ 2) под полом центрального нефа. 2014 г. Фото автора.

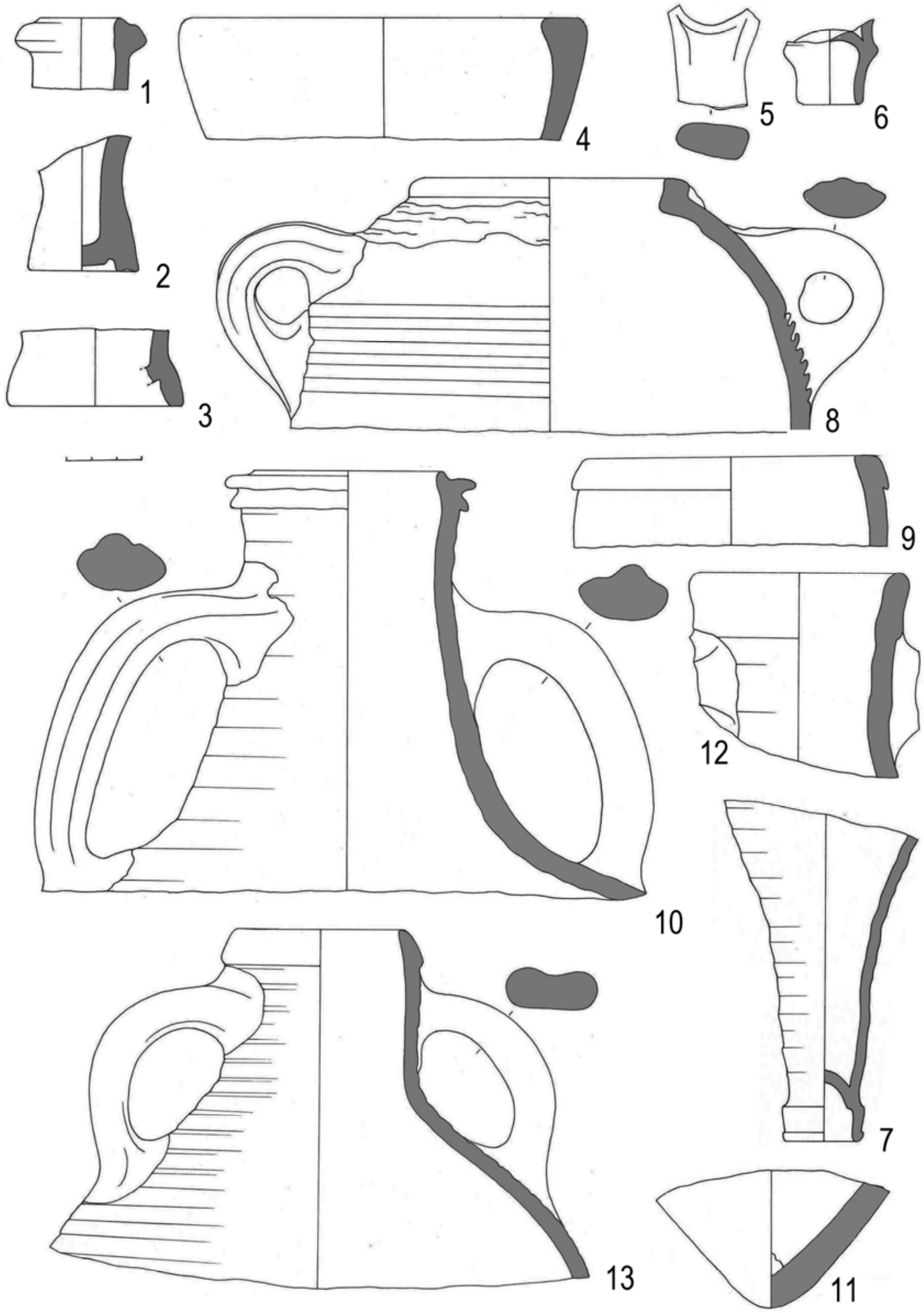

Рис. 8. Фрагменты амфор из цистерны № 2.
Рис. Т.В. Дюженко.

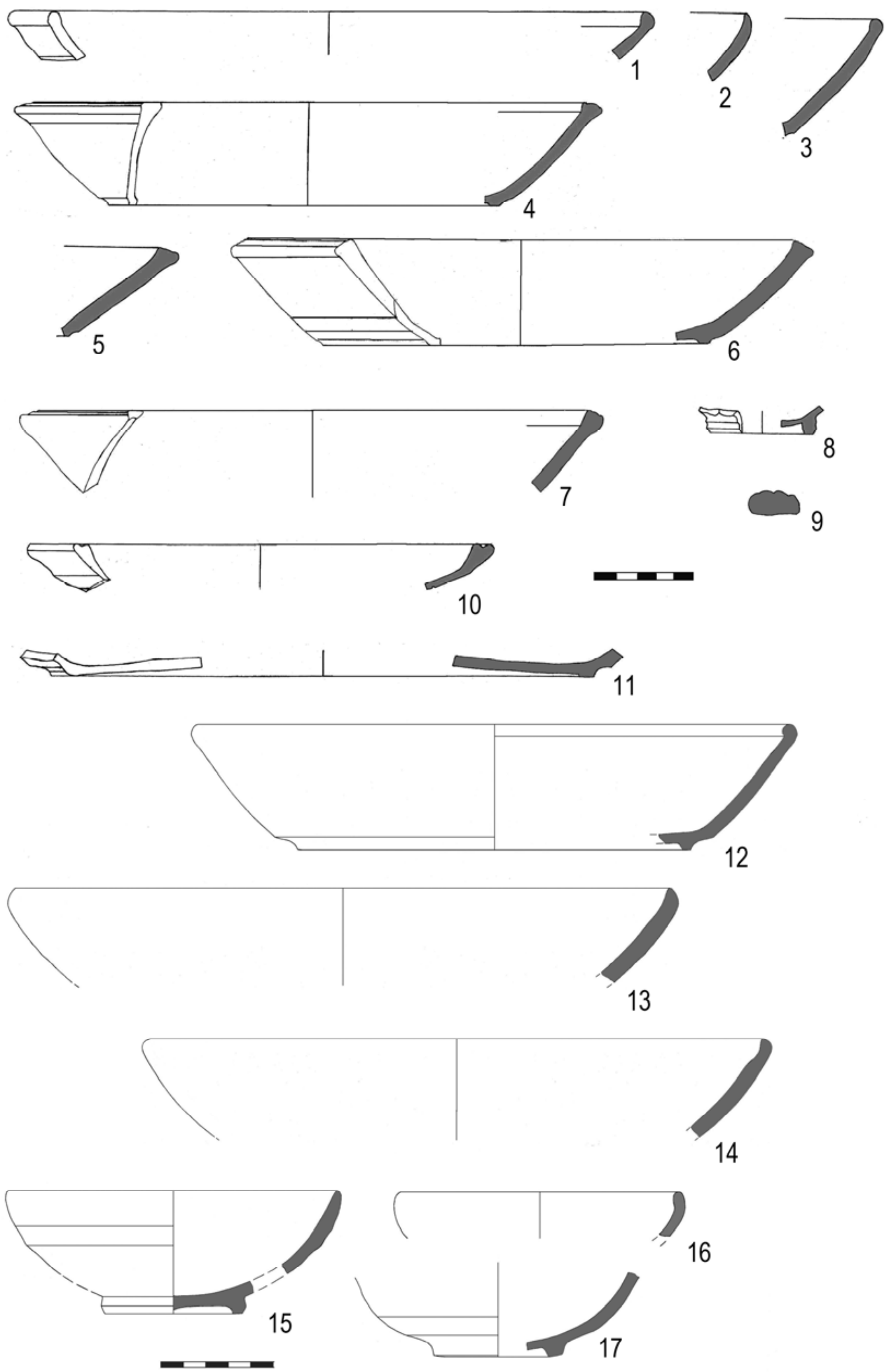

Рис. 9. Краснолаковая керамика из цистерны № 2.
Рис. В.В. Дорошко.

Рис. 10. Светильник в виде римского военного сапога. Цистерна № 2. Фото и рис. В.В. Дорошко.

А

Б

Рис. 11. Помещение (№ I). Раскопки 2013 г.
Фото автора.

Рис. 12. Помещение № I. Раскопки 2014 г.
Фото автора.

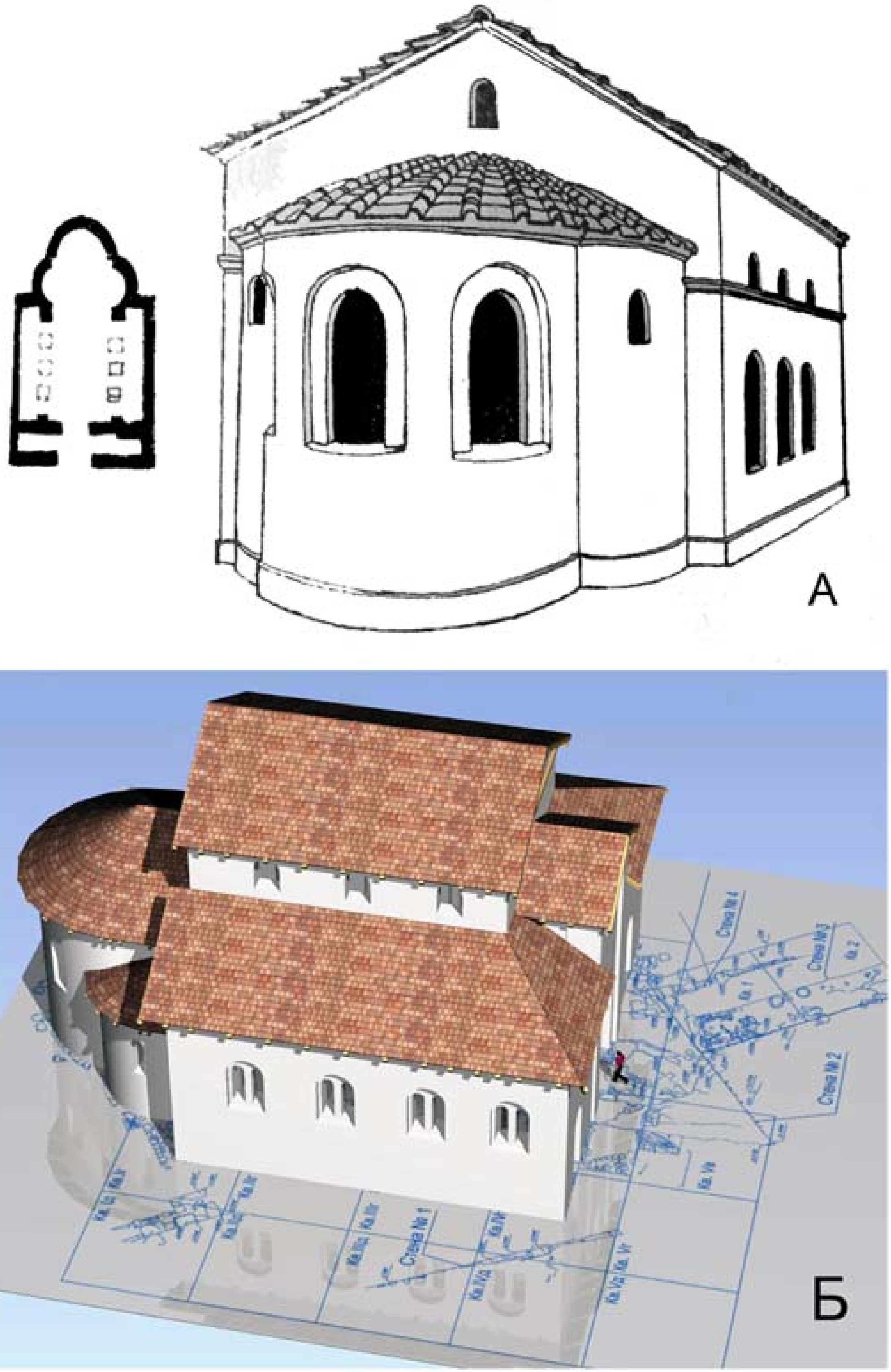

Рис. 13. Базилика «Крузе». Варианты реконструкции.
А — А.Г. Колесниковой и Г.М. Манто; *Б* — В.В. Моора.

УДК 903.5(477.7)

Г.В. Баранов

БОЛГАРО-ВИЗАНТИЙСКОЕ НАВЕРШИЕ РУКОЯТИ САБЛИ С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Византийская (Восточная Римская) империя, как одно из крупнейших средневековых государств, имела богатую культуру и традиции. Высокий уровень развития ее военного дела должен был оказывать влияние на военное дело окружающих народов. Однако сам вещевой комплекс вооружения византийской армии, в отличие от комплекса вооружения античного времени, до сих пор остается практически неизученным. Во многом это связано с распространением христианства среди соседних народов, в результате чего в распоряжении исследователей практически отсутствуют закрытые комплексы с предметами вооружения. Не способствовали распространению предметов вооружения и существовавшие в империи практики централизованных закупок и наказания за утерю оружия[1].

В настоящее время изучение византийского оружия продолжает в основном основываться на анализе письменных[2] или изобразительных источников[3]. Работы, учитывающие археологические находки[4], все еще достаточно редки и скорее являются исключением. Сами археологические находки предметов вооружения, происходящие чаще всего с территорий сопредельных с территориями Византии, зачастую представлены единичными образцами, что существенно затрудняет их атрибуцию, предоставляя или слишком узкое, или чересчур широкое поле для интерпретаций.

В этой связи ввод в научный оборот каждой новой находки является важным и необходимым условием для дальнейшего изучения византийского вооружения. К таким находкам относится обнаруженная на территории Краснодарского края Российской Федерации раннесредневековая сабля с нехарактерным для таких сабель и данного региона навершием рукояти.

Описание находки и атрибуция

Сабля происходит из случайной находки, произведенной в 2005 году на территории Краснодарского края Российской Федерации. Более точные данные по обстоятельствам находки и локализации установить не удалось.

---

[1] *Grotowski P.Ł.* Arms and Armour of the Warrior Saints: Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843—1261) / Translated by Richard Brzezinski. Leiden, Boston: Brill, 2010. P. 17—33.

[2] См. например: *Kolias T.G.* Byzantinische Waffen: Ein Beitrag zur Byzantinischen Waffenkunde von den Anfangen bis zur Lateinischen Eroberung. Wien, 1988.

[3] См. например: *Grotowski P.Ł.* Arms and Armour of the Warrior Saints…; *Баранов Г.В.* Три вида λωρίκια Константина Багрянородного и доспехи святых воинов на стеатитовых иконах из раскопок средневекового Херсонеса // МАИАСК. Севастополь—Тюмень, 2010. Вып. 2. С. 199—202.

[4] См. например: *Yotov V.* A new Byzantine type of swords (7th — 11th centuries) // Ниш и Византија IX. Ниш, 2011. С. 113—124; *Aleksić M.* Some typological features of Byzantine spatha // Зборник радова Византолошког института. Т. XLVII. 2010. С. 121—136.

Сабля имеет хорошую сохранность. Сохранились металлические элементы ножен и рукояти — перекрестье и навершие рукояти, наконечник ножен и две портупейные скобы (рис. 1). Судя по сохранности, сабля происходит из разрушенного погребения. Вероятнее всего, погребение было совершено по обряду кремации.

Общая длина сабли 930 мм, масса 450 г, длина клинка 808 мм, ширина клинка у основания 37 мм, на расстоянии 40 мм от основания ширина клинка, плавно сужаясь, достигает 30 мм. Клинок имеет обоюдоострый конец. Длина обоюдоострого конца 157 мм, сечение ромбовидное (рис. 2). Толщина клинка 5 мм, кривизна 5 мм. Спинка клинка прямая.

Наклон рукояти у сабли отсутствует, хвостовик смещен от центра в сторону спинки клинка. Хвостовик имеет длину 122 мм, ширину 19 мм у основания и 10 мм у конца, 15 мм в центре. Толщина хвостовика варьируется: у основания клинка ширина составляет 4,5 мм, плавно сужаясь до 2 мм на конце хвостовика. На хвостовике расположены два отверстия диаметром 3—4 мм, для крепления неметаллических обкладок рукояти. Отверстия расположены на расстоянии 38 и 105 мм от основания клинка (рис. 3).

У основания клинка смонтирована накладка—манжета шириной 10 мм, изготовленная из металлической полосы толщиной 1,5 мм (рис. 3).

Перекрестье сабли изогнутое, с шаровидными окончаниями, которое состоит из трех частей — двух боковин и центральной пластины (рис. 4). Размеры перекрестья — 82 мм в длину и 21 мм в ширину. Соединение двух боковин обеспечивается за счет пайки шаровидных окончаний «желтым» металлом. Диаметр шаровидных окончаний составляет 11—12 мм. По центру лицевой стороны расположено ромбовидное расширение, служащее декоративным элементом перекрестья. По длине перекрестье несимметрично и имеет заметное сужение к стороне лезвия, как бы повторяя сечение клинка.

Портупейные скобы С-образной формы размерами 4,8 × 2,8 см и 4,3 × 2,6 см, выкованы из серого металла. Ширина скоб 5 и 4 мм. Скобы изготовлены из листа толщиной около 1 мм, сечение П-образное с расстояние между щечками 3—2 мм. С двух сторон скобы имеют отверстия, в одном из которых сохранился гвоздик. В месте крепления к ножнам находятся фигурные расширения, напоминающие некий цветочный орнамент (рис. 5).

Наконечник ножен имеет форму уплощенного цилиндра, высотой 52 мм, сечение у донца 35 × 17 мм, сужается к устью до 32 × 15 мм (рис. 6). Донце искривленное, смонтировано из плоской пластины. На расстоянии 10 мм от устья по коротким сторонам имеются отверстия для крепления наконечника к ножнам. Наконечник со стороны устья имеет широкие вырезы. Цилиндрическая часть наконечника состоит из двух частей. Лицевая сторона так же как и боковые стороны сформированы из свернутого листа. На оборотной стороне в придонной части этот лист соединяется с помощью наложения подпрямоугольного листа металла, размерами 32 × 15 мм. Все части наконечника соединяются с помощью пайки. На лицевой стороне имеется рисунок в виде распускающегося бутона.

Основная часть элементов комплекса хорошо известна по другим памятникам региона. Перекрестья такого типа широко распространены в кочевнических памятниках IX—XI веков[5]. Форма наконечника ножен находит аналогии в венгерских древностях X века[6]. С-

[5] *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1 // САИ. Вып. Е1-36. М.—Л., 1966. С. 68—69; *Измайлов И.Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XIII в. Магадан—Казань: СВНЦ ДВО РАН, 1997. С. 28—32; *Кочкаров У.Ю.* Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII—XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: Таус, 2008. С. 31—32.

[6] *Daim F.* Auf den Spuren eines toten Kriegers: Das altungarische Reitergrab von Gnadendorf // Heldengrab im Niemandsland — Mosaiksteine. Forschungen am Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz, 2006. S. 29.

образные портупейные скобы характерны для оружия VIII—X веков[7], а в аланских древностях Северного Кавказа бытуют до XII века[8]. Форма клинка находит аналогии с образцами из Дюрсо[9] и Сухогомольшанского могильника[10], датируемых IX веком.

Исходя из имеющихся аналогий, общую датировку комплекса можно ограничить X веком.

Навершие рукояти

Самым интересным элементом гарнитуры является навершие рукояти сабли. Навершие имеет форму уплощенного цилиндра, расширяющегося в верхней части и имеющего полукруглую шляпку. Размеры навершия — ширина 28 мм, высота 26 мм, толщина 13 мм. Навершие смонтировано из двух частей — цилиндрическая часть, свернутая из листа толщиной в 1 мм, и прокованная шляпка. Цилиндрическая часть расширяется в верхней части и вместе со шляпкой как бы образует шляпку гриба. В цилиндрической части имеются два отверстия для крепления навершия к неметаллическим частям рукояти, расположенные на противоположных боковых сторонах, почти на самом нижнем крае навершия (рис. 7).

Единственной известной нам аналогией являются два навершия сабель, происходящие из болгарских и венгерских древностей[11]. Это сабля с территории Болгарии, точное место находки которой неизвестно, и сабля из древневенгерского могильника в районе города Оломоуц на территории современной Чешской Республики (рис. 9). Согласно наблюдениям болгарского исследователя В. Йотова, датировка этих предметов вооружения укладывается в период IX-X веков[12]. Навершие из Краснодарского края имеет более короткую цилиндрическую часть, чем болгаро-венгерские аналогии. Нижняя часть навершия рукояти сабли из Краснодарского края имеет неровный рваный край, что говорит о том, что нижняя половина цилиндрической части была просто срезана, примерно наполовину высоты. Скорее всего, мы имеем дело с вторичным использованием предмета. Вероятно, удаление нижней части могло произойти в результате устранения повреждений, полученных при демонтаже.

Данные навершия тяготеют к совершенно определенному типу сабель-палашей, с однолезвийным, прямым или слегка искривленным клинком, длиной 77—83 см (рис. 8). Это оружие отличается и определенным типом перекрестья, тип 2А по типологии В. Йотова, характеризующийся наличием втулки для монтажа с неметаллическими частями рукояти. Всего на территории Болгарии было обнаружено 8 сабель и перекрестий такого типа[13].

---

[7] *Крыганов А.В.* Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VIII—X вв.: дис… канд. ист. наук. Харьков, 1987. С. 75

[8] *Каминский В.Н.* Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа I—XIII вв.: дис… канд. ист. наук. Владикавказ, 1991. С. 84—93.

[9] *Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV - XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 203—204.

[10] *Крыганов А.В.* Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья, № 2, 1987. С. 100—101.

[11] *Йотов В.* Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII—XI век). Варна, 2004. С. 61—62.

[12] *Йотов В.* Сабля раннего средневековья — вклад болгар / доклад на конференции «Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.». Самара, 2008.

[13] *Йотов В.* Въоръжението и снаряжението… С. 69.

Выводы

Выраженная узкоограниченная территория распространения находок и отсутствие аналогий за пределами региона, позволили болгарскому исследователю Валерию Йотову предположить, что в данном случае мы можем иметь дело с особым «болгарским типом» сабель[14].

На наш взгляд, расширение географии распространения данного типа наверший позволяет говорить скорее не о болгарском, а о византийском происхождении такого типа древностей. Именно Византия, как место производства подобных предметов вооружения, наиболее подходит в качестве центра их распространения от Болгарии на западе, до Северного Кавказа на востоке. Связи средневековой Болгарии и Византии хорошо известны. Богатая история взаимоотношений Болгарских царств и Византийской империи содержит как примеры тесного сотрудничества, так и примеры кровопролитных войн. Территория Краснодарского края в IX—X веках находилась под влиянием Хазарского каганата, чьи взаимоотношения с империей так же были достаточно тесными[15].

Вероятнее всего, в случае «болгарских сабель», мы имеем дело не с саблями, а с парамирием (παραμήριον) — известным по письменным источникам византийским клинковым оружием с однолезвийным клинком[16]. Император Лев VI Мудрый в «Тактике Льва» описывает парамирии, как «большие однолезвийные махайры»[17]. В «Стратегике» императора Никифора II Фоки парамирий рекомендуется для вооружения византийской тяжелой кавалерии — катафрактариев (κατάφρακτος)[18].

---

[14] *Йотов В.* Сабля раннего средневековья...

[15] *Артамонов М.И.* История хазар. Ленинград: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.; *Афанасьев Г.Е.* Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? // Российская археология. 2011. № 3. С. 108—119.

[16] *Кулаковский А.Ю.* Стратегика императора Никифора. Записки Императорской академии наук. Т. VIII. Санкт-Петербург, 1908. С. 42—44.; *Kolias T.G.* Byzantinische Waffen… S. 137—138.

[17] Тактика Льва. Leonis imperatoris tactica / Пер. и ком. В.В. Кучмы; отв. ред. Н.Д. Барабанов. СПб.: Алетейя, 2012. V: 3. (Византийская библиотека. Источники).

[18] Никифор II Фока. Стратегика / Пер. и ком. А.К. Нефёдкина. СПб.: Алетейя, 2005. III: 7.

Г.В. Баранов

Болгаро-византийское навершие рукояти сабли с территории Северо-Восточного Причерноморья

В статье рассматривается новая находка сабли с территории Северо-Восточного Причерноморья и вводится в научный оборот нехарактерный для данного региона тип навершия рукояти, известный до сих пор только по памятникам Болгарии и Чехии. Новая находка расширяет область распространения таких наверший и позволяет предположить их византийское происхождение.

Ключевые слова: сабля, Византийская империя, средневековая Болгария, венгерское оружие, средневековое оружие, византийское оружие, археология Болгарии, археология Хазарского каганата, археология Северного Кавказа.

G.V. Baranov

A Bulgarian-Byzantine saber pommel from the northeast Black Sea region

This article regards a recently found saber from the north-east Black Sea region and introduces a new uncharacteristic type of pommel ending which was previously only known from artefacts from Bulgaria and the Czech Republic. The new discovery allows to extend the area of occurence of such pommel endings and to assume their Byzantine origin.

Keywords: saber, Byzantine empire, medieval Bulgaria, Hungarian arms, medieval arms, Byzantine arms, Bulgarian archaeology, Khazar archaeology, archaeology of North Caucasus.

Рис. 1. Общий вид сабли и гарнитуры.

Рис. 2. Обоюдоострый конец сабли.

Рис. 3. Основание клинка, манжета и хвостовик рукояти.

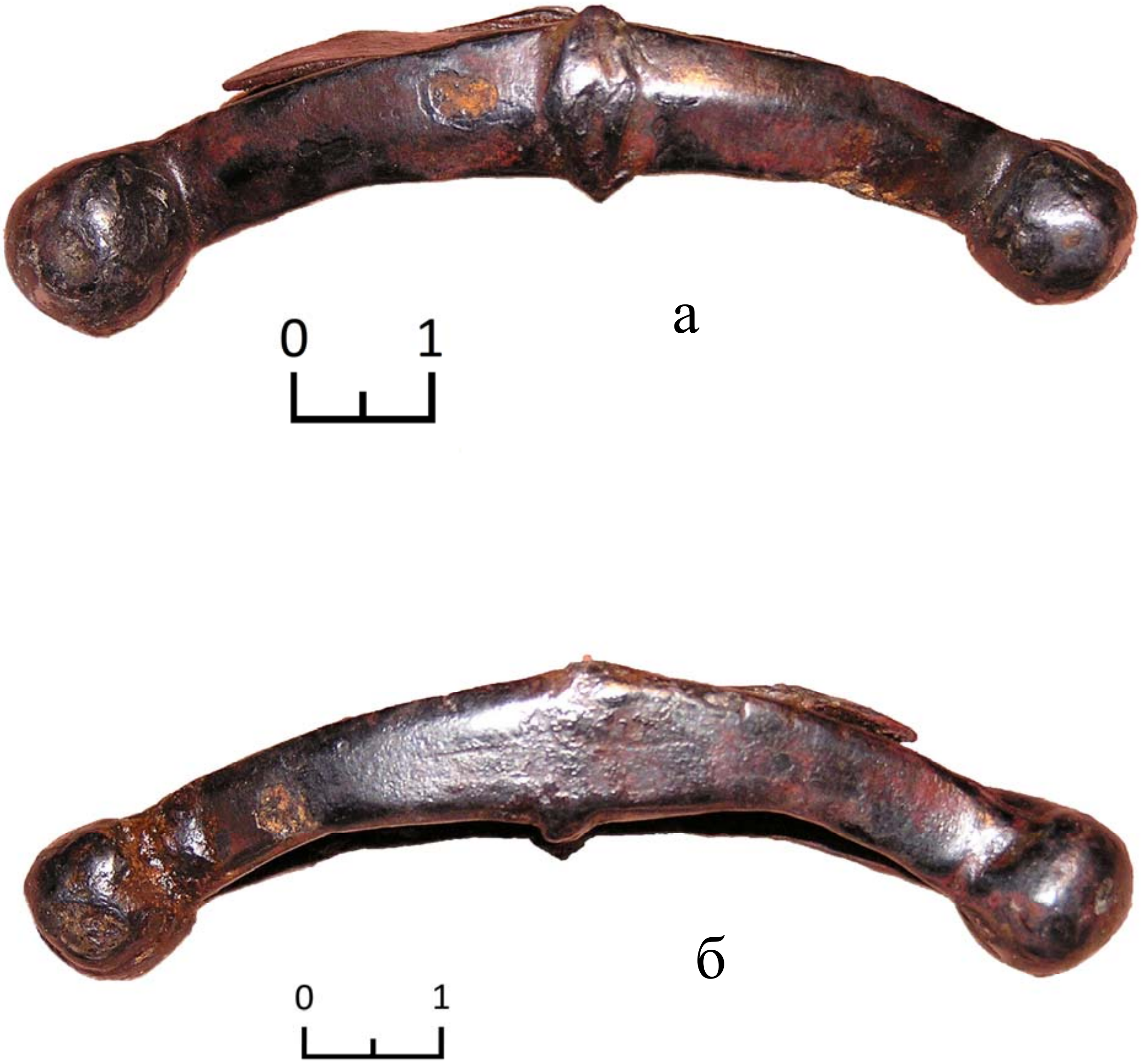

Рис. 4. Перекрестье: лицевая сторона (*а*); тыльная сторона (*б*).

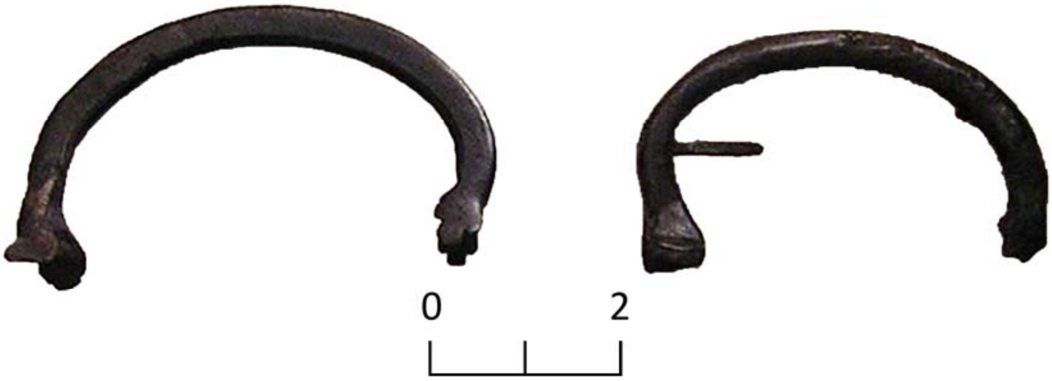

Рис. 5. Портупейные скобы.

Рис. 6. Наконечник ножен.

Рис. 7. Навершие: анфас (*а*); профиль (*б*).

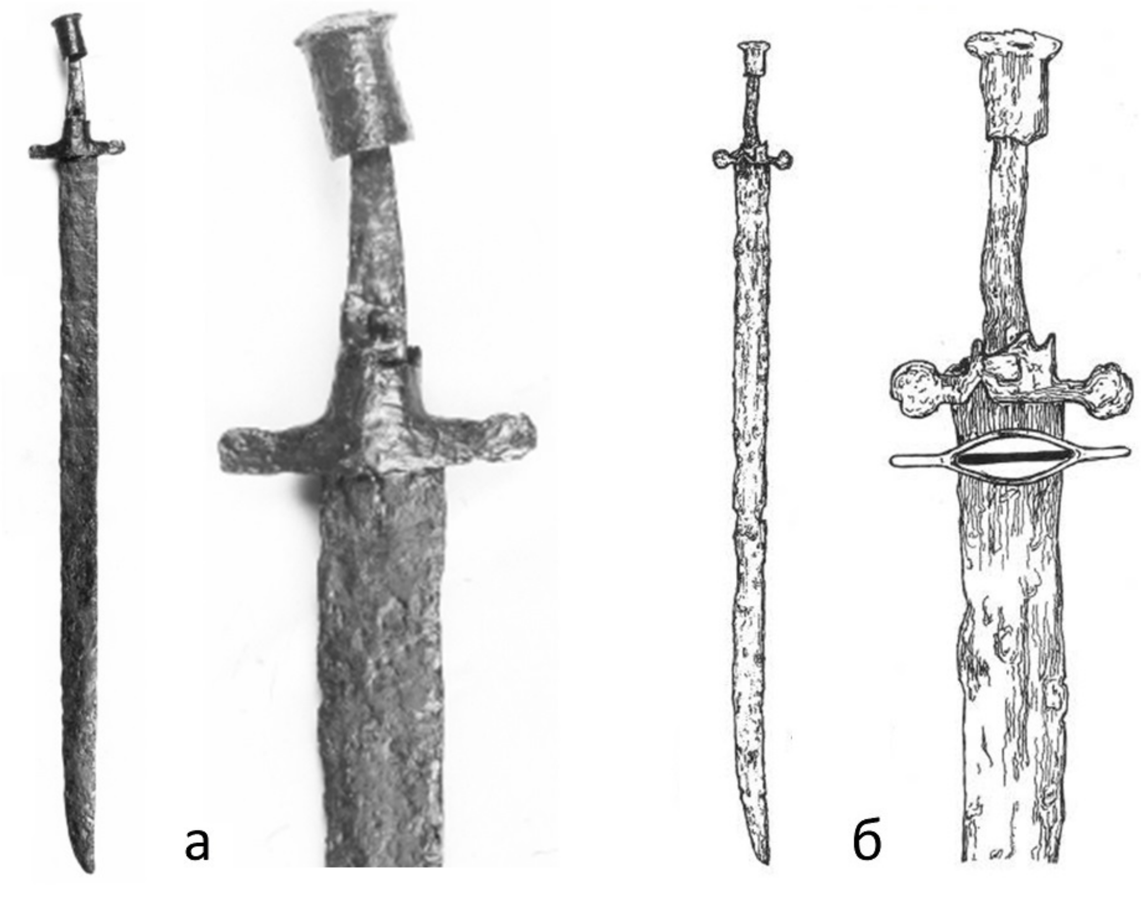

Рис. 8. Сабля неизвестного места находки из Болгарии (*а*) и сабля из древневенгерского могильника в районе Оломоуца, Чешская Республика (*б*) (по В. Йотову).

УДК 904:726.5(477.7)«04/14»

Н.П. Турова

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕЩЕРНЫЙ КОМПЛЕКС ХРЕБТА ИОГРАФ НАД Г. ЯЛТОЙ

На высоте около 1250 м над уровнем моря над г. Ялтой расположен археологический памятник — «Пещерный христианский средневековый комплекс хребта Иограф»[1] (рис. 1, 2). Он состоит из двух естественных пещер, находящихся на расстоянии не более 90 метров друг от друга, известных под названием Иограф I и Иограф II[2] (рис. 3). Пещеры расположены на южном макросклоне Ялтинского яйлинского массива Главной гряды Крымских гор, в верхней части хребта Иограф (Йерах-хюль, Иограф-Кая, Иерах-Фоль-Каясы, Иран-Фоль, Евграф-Кая)[3]. По хребту проходит одна из самых коротких троп с южного побережья на яйлу. Это так называемая Узенбашская тропа, разработанная в конце XIX в. ялтинским земством[4]. В основу этого проекта, по всей видимости, легли остатки древних дорог, связывающих яйлу с побережьем. Не доходя около трехсот метров до горного перевала, Узенбашская тропа раздваивается. Один ее рукав ведет на плато, а другой — в восточном направлении, где под верхними известняковыми утесами и расположены пещеры.

По сведениям карстолога, кандидата географических наук Г.Н. Амеличева, пещеры по старой классификации В.Н. Дублянского относятся к коррозионно-эрозионным пещерам-источникам (по В.Н. Дублянскому) или к гипогенному классу (по А.Б. Климчуку). Иограф I в

---

[1] *Турова Н.П.* Средневековые христианские храмы на ЮБК по полевой картотеке Е.И. Вісниовской // VI Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма. Симферополь: Таврия—Плюс, 2002. С. 10—11; Она же. Храм в пещере Иограф в Крыму: попытка локализации // Церковные древности: сб. материалов III Междунар. конф. «Церковная археология: литургическое устройство храмов и вопросы истории христианского богослужения» (Севастополь, 2003). Симферополь: Универсум, 2005. С. 240—248; Она же. Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета Ар Крым в 2011 г. Ялта, 2012 // Научный архив НАН Украины. Фонд экспедиций—2012. С. 4—7; Она же. Исследования на территории Большой Ялты // Археологічні дослідження в Україні 2011. Волинські старожитності, 2012. С. 132—136; Она же. Отчет об археологических раскопках в пещере Иограф I над г. Ялта в 2012 г. Симферополь, 2013 // Научный архив НАН Украины. Фонд экспедиций—2013. 212 с.; Она же. Пещерный христианский комплекс Иограф на юге Крыма // Stratum plus. № 6. 2013. С. 79—105; Она же. Пещерный христианский комплекс над г. Ялтой (предварительное сообщение) // Таврические духовные чтения: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 140 — летию создания Таврической духовной семинарии. Симферополь: Изд-во Симферопольской и Крымской епархии УПЦ, 2013. Т. 2. С. 344—353; Она же. Отчет об археологических раскопках средневекового христианского пещерного комплекса Иограф над г. Ялта в 2013 г. Симферополь, 2014 // Научный архив НАН Украины. Фонд экспедиций—2014. 194 с.

[2] *Турова Н.П.* Пещерный христианский комплекс Иограф…С. 79—105.

[3] *Белянский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В.* Крым. Географические названия: Краткий словарь. Симферополь: Таврия—Плюс, 1998. С. 55.

[4] *Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Одесса, 1908. Изд. 17. С. 203—204; *Мухин В.В., Кузнецов А.Я.* Крымские горы: возвращение к истокам: Занимательное пособие для экскурсоводов и пешеходов. Киев: ВД «Стилос», 2007. С. 46—47.

Кадастровом перечне пещер Украины[5] соответствует пещере Иограф-2 (302-3) длиной 61 м, глубиной (амплитуда) 10 м, объем около 700 м. куб. Пещера Иограф II, соответствует пещере Иограф-1 (302-2). Ее длина 34 м, глубина (амплитуда) 15 м, объем около 80 м. куб.[6]

Пещера Иограф I

Пещера представляет собой большой зал (длина — около 10 м, ширина — 12 м, высота — примерно 8 м) с узкими тупиковыми ходами (рис. 3, 6).

Ориентирована пещера по оси ЮЗ—СВ. Вход расположен с северо-восточной стороны. Напротив входа внутри полости находится каскадный распластанный натек, в ванночках которого были найдены пещерные жемчужины. Западная стена пещеры и своды зала не имеют натечных образований. С восточной стороны сталактиты обрамляют естественную нишу, имеющую прямоугольные очертания[7]. Дневной свет в пещеру проникает через ее вход. Западная часть зала пещеры в течение дня более или менее освещена, восточная же — почти всегда, за исключением восхода солнца, остается в темноте.

В конце XIX — начала XX вв. здесь, в восточной части пещеры, еще можно было увидеть остатки христианского храма.

Пещера Иограф II

Пещера Иограф II расположена около 90 м западнее пещеры Иограф I, чаще всего в литературе ее именуют «малой» (рис. 5, 7). Она представляет собой узкую щель длиной около 12 м. Минимальная ширина пещеры — 0,32 м, максимальная — не многим более 2 м.

В средней части пещеры в 7 м от ее входа выделяется камера, округлой формы, ориентированная по оси ЮВ—СЗ, выходом на СВ. Она имеет покатые стенки. Наибольшая длина камеры — 2, 26 м, ширина — 2,02 м, высота от современной дневной поверхности — около 2,30 м.

Ее западная стена профилирована двумя естественными полочками. Потолок — плоский с трещинами. Низкий коридор объединяет камеру и небольшой тупиковый зал с вертикальным выходом («камином»).

Крутизна склона перед входом в пещеру более 20°. Вход ориентирован на северо-восток.

Начальные сведения о памятнике содержатся в путеводителях конца XIX — начала XX вв. по Горному Крыму, в которых сообщается о неком каменном алтаре с дверью и каменной скошенной крышей внутри пещеры Иограф I[8]. Краеведы ее называют Юграф, Географ, Еграф, Евграф[9].

---

[5] Кадастровый перечень пещер Украины. I-A-3 = Ялтинский. [Электронный ресурс] // http://www.institute.speleoukraine.net/uisk_pages/kad_list.php?kr=I-%D0%90-3

[6] *Турова Н.П.* Пещерный христианский комплекс Иограф…С. 80.

[7] *Дублянский В.Н.* Пещеры Крыма. Симферополь: Таврия, 1977. С. 94—95; *Турова Н. П.* Пещерный христианский комплекс Иограф… С. 80.

[8] В дальнейшим будем использовать и другое название пещер. Пещера Иограф I — «пещера с храмом», пещера Иограф II — «малая пещера» или «малая».

[9] *Кондараки В.Х.* В память столетия Крыма. История и археология Тавриды. М., 1883. С. 229; *Москвич Г.* Практический путеводитель по Крыму. Одесса, 1899. Изд. 8. С. 320—322; Он же. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Одесса,. 1903. Изд. 12. С. 240; *Лебединский Я.* К фауне крымских пещер // Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. 1904. С. 82—83.

Это необычное сооружение в конце XVIII в. помнили как церковь св. Вознесения[10]. А местность, где находится пещера, связывают с именем Св. Георгия (Ай-Еры)[11].

Алтарь со сквозным окошечком и жертвенником, построенный «из мягкого камня аркообразно» внутри пещеры описал в 1883 г. известный краевед В.Х. Кондараки[12].

В путеводителях Г. Москвича встречаем упоминание и об остатках «древнего «мезарлы», т.е. кладбища», расположенного недалеко от пещеры[13].

Сведения о «малой пещере» (Иограф II) появляются в путеводителях в 20-х гг. XX в. Краеведы называют пещеру, то «маленькая»[14], то «пещера отшельника»[15], то «молельня»[16].

Таким образом, из краеведческой литературы конца XIX — начала XX вв. нам известно, что в одной из пещер хребта Иограф, располагался храм, в другой жилище или келья, и здесь же в их окрестностях находилось кладбище. Появление храма связывали со временем турецкого владычества и гонениями на христиан[17].

С конца XIX в. начинается археологическое изучение пещерного комплекса над г. Ялтой. В 60—70-х гг. XIX в. в «пещере с храмом» (Иограф I) побывал художник Д.М. Струков. Им были зарисованы виды церкви до и после очистки от кустарников и травы, вычерчены планы храма и пещеры[18] (рис. 8).

Д.М. Струков изготовил и пожертвовал в 1874 г. Церковно-Археологическому музею при Киевской духовной Академии гипсовый слепок храма в пещере[19]. Причем, по свидетельству секретаря Церковно-археологического общества Н. Петрова, храм представлен в виде «алтаря в форме особого здания… Престол был посредине; жертвенником служило окно, и с западной стороны видны следы впадин как бы для укрепления завесы»[20].

---

[10] *Мальгин А.В.* Из наследия А.Л.Бертье-Делагарда. Крымский музей. 1994. Симферополь: Таврия, 1995. Вып. 1. С. 157; *Кузнецов А., Мухин В.* Ялта и окрестности. Прогулки со словарем. Ялта, 1998. Вып. 1. С. 19.

[11] *Кузнецов А., Мухин В.* Ялта и окрестности… С. 19.

[12] *Кондараки В.Х.* В память столетия Крыма… С. 229.

[13] *Москвич Г.* Практический путеводитель по Крыму. С. 322; Он же. Иллюстрированный практический путеводитель… С. 240.

[14] *Вагин Л.С., Вульф Е.В., Двойченко П.А., Соколов В.В.* Крым. Путеводитель. Симферополь: Крымиздат, 1923. С. 382.

[15] *Кузнецов А., Мухин В.* Ялта и окрестности… С. 19.

[16] *Волошинов И.М., Лункевич В.В., Пузанов И.И., Штекер А.О. и др.* Крым. Путеводитель. Симферополь: Крымгиз. 1929. С. 192—193.

[17] *Москвич Г.* Практический путеводитель по Крыму… С. 321—322.

[18] *Ларина А.Н.* Находка альбома Д.М. Струкова «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде» // Москва-Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2002. Вып. 4. С. 326; *Шорохова Т.С.* Священный образ Тавриды: Православные святыни Крыма в изобразительном искусстве: Альбом. Симферополь: Н. Ореанда, 2012. С. 142; *Турова Н.П.* Пещерный христианский комплекс Иограф… С. 81, 84, рис. 5.

[19] *Петров Н.* Известия Церковно-археологического Общества при киевской духовной Академии за Март и апрель 1882 // Месяцеслов святых при рукописных богослужебных книгах церковно-археологического музея. Киев, 1882. С. 226.

[20] *Там же.* С. 226. В работе Н.В. Днепровского «История с «Географией», или об одном казусе Крымской христианской топонимики» говорится об архивных материалах Д.М. Струкова, хранящихся в Москве в Российской Государственной Библиотеки, в которых сохранились акварели художника, зафиксировавшего фрески внутри храма в пещере Иограф (См.: *Днепровский Н.В.* «История с «географией», или об одном казусе Крымской христианской топонимики» // МАИАСК, Севастополь-Тюмень, 2012. Вып. 4. С. 198). Однако, в результате исследований 2012—2013 гг. это не было подтверждено.

В 1880 г. пещеру Иограф описал К.С. Мережковский, искавший здесь останки древнего человека[21]. Им были проведены здесь исследования, но какого рода они были неизвестно. Результаты их остались видимо, не опубликованы.

В 1895 г. пещера Иограф I была осмотрена Е.И. Виснивской, которая посвятила исследованию памятника несколько лет.

Е.И. Виснивская (1869—1943 гг.) — художник, естествоиспытатель, археолог—краевед — в 20—30 х гг. XX в. работала в Ялтинском краеведческом музее (сейчас Ялтинский историко-литературный музей (далее — ЯИЛМ))[22].

В фондах Ялтинского историко-литературного музея хранится ее архив — картины, альбомы с акварельными и карандашными рисунками, дневники, письма, полевая картотека, составленная исследовательницей на археологические памятники восточного, южнобережного и горного Крыма, а также подъемный материал с некоторых объектов[23].

В карточках полевой картотеки Е.И. Виснивской содержится наиболее ценная информация в том числе и о памятнике хребта Иограф. Ему посвящены два из более чем 150 листов картотеки[24].

Пещеру Иограф I Елизавета Ивановна посетила в 1895 г., она называет данный объект «Древней церковью»[25]. Характеризуя состояние архитектурных остатков, она отмечает следующее: «*4) Пол пещеры весь разрыт кладоискателями. Постройка находится возле левой стены пещеры (смотря от входа). 5) Постройка совершенно разрушена в 1900-х годах. Осталось только часть стены сложенной из известняка, скрепленных известью, длина оставшейся стены 1½ м. 6) Находки встречаются на полу пещеры возле постройки. 7) В настоящее время в пещеру татары загоняют скот*»[26].

25 мая 1897 г. Елизавета Ивановна среди развалин храма обнаружила, а в 1920 г. передала в Ялтинский, тогда Естественно—исторический музей, фрагмент мраморной иконы (верхний правый угол) с изображением головы младенца Христа, который и сейчас хранится

---

[21] *Мережковский К.С.* Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // Известия Императорского Русского географического общества. 1881. Т. XVI. С. 106—146.

[22] *Турова Н.П.* Средневековые христианские храмы на ЮБК…С. 9—11.

[23] В коллекции музея хранятся 3 небольших этюда, выполненные масляными красками (ЯИЛМ КП 23036 Ж—83; ЯИЛМ НВ 2366; ЯИЛМ КП 86152 Ж—211). Это окрестности яйлы и скальные отроги над пещерами хребта Иограф (ЯИЛМ НВ 2366, этюд 1938 г.) (рис. 9), вид из пещеры на отроги Никитской Яйлы (ЯИЛМ КП 86152 Ж—211, без даты) (рис. 11), и сам храм внутри пещеры (ЯИЛМ КП 23036 Ж—83, картинка1906 г.) (рис. 10). На 5 акварельных рисунках исследовательницей запечатлен храм в интерьере пещеры и изображение самого здания в разных ракурсах (ЯИЛМ КП 1366 Г—298) (рис. 12), а также археологические находки, собранные Елизаветой Ивановной в двух пещерах (ЯИЛМ КП 1367 Г—297; ЯИЛМ КП 1369 Г—295; ЯИЛМ КП 1370 Г—294; ЯИЛМ КП 39672 Г—673) (рис. 13—15). В небольшом блокноте (ЯИЛМ КП 25883 Г—363) для акварельных рисунков несколько страниц также посвящено храму в пещере Иограф (рис. 16, 17, 19). Здесь можно увидеть остатки храмовой постройки, какой она была в первый визит исследовательницы в пещеру — в 1895 г. и эскиз 1906 г. — в период разрушения здания. Помимо названных архивных материалов в фондах музея имеется и лист с наброском рисунка храма, примыкающего к стене пещеры 1903 г. (ЯИЛМ КП 25889 Г—357) (рис. 18) и две схемы — планы пещер Иограф I и Иограф II, выполненные карандашом на тетрадных листах (рис. 20, 21).

[24] ЯИЛМ КП 37781 Д—5002; ЯИЛМ КП 37777 Д—5006. Подробнее см.: *Турова Н.П.* Средневековые христианские храмы на ЮБК…С. 9—11.

[25] ЯИЛМ КП 37781 Д—5002.

[26] Там же.

в музее (рис. 22). По мнению, А.Л. Бертье-Делагарда, икона относится к VIII в. [27] Другие находки (обломки стеклянных браслетов, железный гвоздь, часть балки от постройки и фрагмент черепицы) она собрала на полу пещеры возле развалин в 1919 г. вместе с директором музея А.С. Моисеевым[28] (рис. 13, 15).

«Малую» пещеру — Иограф II Елизавета Ивановна обследовала значительно позже. В полевой картотеке дата первого посещения относится к 15 июлю 1929 г.[29] Однако на вещах, хранящихся в музее и подписанных исследователем, стоит 1926 год. Этот памятник она назвала «Местом древнего поселения на яйле в маленькой пещере возле пещеры Иограф»[30].

Подъемный материал находился главным образом у входа в пещеру в земле и в промоинах. Внутри на полу собрано «небольшое количество» фрагментов черепицы. Всего в списке занесенных в картотеку стоит 67 предметов. Это фрагменты глиняной посуды (гончарной, поливной и украшенной вдавленным орнаментом), обломки стеклянных сосудов и браслетов, железный гвоздь и фрагменты бронзовых изделий (рис. 14)[31].

К сожалению, не все мелкие предметы, собранные в пещерах Иографа, были подписаны, и с течением времени некоторые из них трудно идентифицировать. Сейчас в фондах музея храниться 40 целых и фрагментированных вещей, найденных Е.И. Висниовской в обеих пещерах. Сравнивая их с рисунками художницы, можно определить из какой пещеры та или иная вещь происходит.

Дальнейшая история пещерного комплекса хребта Иограф мало известна. Во время Великой Отечественной войны партизаны в пещере Иограф I устроили наблюдательный пункт[32]. В 1947 г. «пещера с храмом» вместе с прилегающем участком Ялтинской яйлы, была объявлена памятником природы[33].

Известный еще с конца XIX в. храм в пещере Иограф не мог не привлечь исследователей в советский период. О.И. Домбровский[34], И.А. Баранов[35], Л.В. Фирсов[36] в своих работах упоминают пещерный храм. И.А. Баранов относит начальный период существования постройки к VIII—X вв.[37]

Однако о каких либо полевых археологических изысканий во второй половине XX в. на памятнике не известно.

В 1997, 1998 гг. сбор подъемного материала в пещерном комплексе Иограф был продолжен автором статьи и ялтинским скульптором О.В. Кавериным[38]. В «пещере с храмом» О.В. Кавериным были найдены фрагменты глиняной посуды и стеклянных лампад,

---

[27] Там же. С. 10.

[28] ЯИЛМ КП 37781 Д—5002. Александр Силыч Моисеев (1893—1939) — геолог, в дальнейшем профессор МГУ.

[29] ЯИЛМ КП 37777 Д—5006.

[30] Там же.

[31] ЯИЛМ КП 37777 Д—5006. Подробнее см.: *Турова Н.П.* Средневековые христианские храмы на ЮБК…С. 10—11.

[32] Там же.

[33] *Мухин В.В., Кузнецов А.Я.* Крымские горы:… С. 46—47.

[34] *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 19.

[35] *Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 158.

[36] *Фирсов Л.В.* Исары: Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990. С. 190.

[37] *Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского. С. 158.

[38] Всего 9 единиц хранения (ЯИЛМ НВ 21336-21338, 25731—25736).

один из них принадлежит многоручной (трехручной ?) лампаде из синего стекла с росписью[39]. Другие ее фрагменты были обнаружены в 2011—2013 гг. во время раскопок (рис. 31).

В 1998 г. О.В. Кавериным на правом натечном образовании в восточной стене пещеры на высоте более 0,50 м от современной дневной поверхности были открыты граффити в виде многочисленных крестов различного типа, монограмм и надписей. Общая площадь, покрытая резными изображениями, занимает 0,98 × 0,65 м. При предварительном обследовании небольшого участка граффити в 2003 г. А.Ю. Виноградовым была выявлена надпись: «Господи, помоги утвердившему (?) крест», относящаяся ориентировочно к XI в.[40]

Примерно в это же время в конце XX в. еще одна надпись, содержащая дату — 1472 г.[41], была вновь открыта другим ялтинцем С. Самко и показана экспедиции в 2012 г. Она расположена в одном из узких верхних ходов пещеры[42]. Эту же надпись в начале 1900 годов видел Я. Лебединский[43].

Сообщения в краеведческих изданиях, рисунки художника Д.М. Струкова, иллюстративные, архивные и полевые материалы Е.И. Висниовской конца XIX — начала XX вв., единичные находки конца XX в. Каверина О.В. и Туровой Н.П. — практически вся информация о данном археологическом комплексе над Ялтой на начало исследований его в 2011 г.

В 2011—2013 гг. на памятнике под руководством автора были проведены археологические раскопки[44].

Основными задачами полевых исследований пещерного комплекса хребта Иограф в 2011 г. стали уточнение датировки памятника и его интерпретация.

Судя по состоянию памятника, а в частности пещеры Иограф I, объект в разное время подвергался многочисленным грабительским раскопкам. Каких либо архитектурных остатков на поверхности зала пещеры к моменту начало исследований обнаружить не удалось.

В 2011 г. на территории памятника был собран подъемный материал, произведена топографическая съемка пещеры Иограф I (Д.И. Неяченко). С целью обнаружения не потревоженных стратифицированных культурных отложений, непосредственно перед входом в пещеру был заложен шурф (рис. 6).

Площадка, на которой велись раскопки, представляет собой небольшую поляну с крутым склоном в южной части. Шурф прямоугольной в плане формы, ориентирован по линии ЮЗ-СВ. Его размеры: длина — около 4 м, ширина — 1 м, глубина — до 0,5 м. Исследования доведены до материка, представляющегося собой глинистый грунт с

[39] ЯИЛМ НВ 21336, 21337, 25731—25736.

[40] *Турова Н.П.* Храм в пещере Иограф в Крыму: …С. 244; Она же. Пещерный христианский комплекс Иограф… С. 83.

[41] Определение А.Ю. Виноградова.

[42] Она же. Пещерный христианский комплекс Иограф… С. 82, рис. 5, с. 86.

[43] *Лебединский Я.* К фауне крымских пещер. С. 83.

[44] 2011 г. работы велись под эгидой Ялтинского историко-литературного музея, а в 2012-2013 гг. — в рамках исследований Ялтинского отряда Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАН Украины. Финансовую помощь в подготовки и работе экспедиции в 2013 г. оказали Владимир и Алексей Тюренковы (г. Москва). За содействие в подготовке данной работы выражаю свою благодарность сотрудникам КФ ИА НАН Украины к.и.н. В.П. Кирилко и к.и.н. И.Б. Тесленко.

разномерными камнями и выходами известняковой скалы. Уклон современной дневной поверхности около 15º. В стратиграфии выделено три слоя.

Слой 1 (верхний) — темный, почти черный гумуссированный грунт с большим количеством делювия известняков, очажными прослойками (остатки двух очагов — кострищ второй половины XX — начала XXI вв.), современным бытовым мусором (среди которого большая часть принадлежит осколкам стеклянных бутылок и банок второй половины XX — начала XXI вв.), обломками костей млекопитающих и отдельными древними фрагментированными артефактами, мощность — до 0,20 м. Среди последних — обломки черепицы VIII—X (?) вв. и мелкие фрагменты гончарной посуды XIV—XV вв. Образование слоя, скорее всего, следует связать с использованием пещеры в качестве туристской стоянки на протяжении второй половины XX — начала XXI вв.

Слой 2 (средний) образован достаточно плотным желтовато-коричневым глинистым грунтом, насыщенным делювием известняка, комками материковой глины, мелкой галькой (мощность — до 0,25 м). Наряду с обломками средневековой керамики здесь обнаружены фрагменты стеклянных бутылок XX в., железный штопор от складного ножа, гильза винтовочного патрона калибра 7,62 × 54 R к винтовке Мосина с маркировкой 1912 г. Слой 2, вероятно, сформировался в процессе проведения неких мероприятий по нивелировке площадки перед входом в пещеру и представляет собой отчасти отвал перемещенного материкового грунта.

Слой 3 (нижний) — плотный коричневый глинистый грунт с делювием материковых пород и незначительным количеством фрагментов средневековой керамики. Мощность отложений — до 0,40 м, залегал на скале, на глубине 0,10—0,30 м от современной дневной поверхности. Этот слой предварительно можно связать со временем функционирования храма и пещеры как культового комплекса. В верхней части отложений обнаружена османская монета начала XVI — середины XVII вв.[45]

Среди мелких фрагментов гончарной посуды выделяются обломки горшков с рельсовидным венчиком (группы ГРВ) середины XV — начала XVI вв.[46] и поливных монохромных и полихромных сосудов открытой формы с орнаментом «сграффито» XIV—XV вв. В целом, керамический материал немногочисленный и в нем отсутствуют артефакты XX — начала XXI вв. Возможно, площадка перед входом в пещеру использовалась гораздо менее интенсивно, чем внутреннее пространство[47].

---

[45] *Чореф М.М.* Монетные находки из пещеры Иограф // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Київ, 2013. Вип. 22. Ч. I. С. 363.

[46] *Тесленко И.Б.* Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Ч. I: Типология, распространение, происхождение // Древности 2010. Харьков. С. 92.

[47] Это подтвердилось и в 2013 г. когда экспедицией при расчистке территории и её благоустройству был вертикально срезан склон на 0,50 м к востоку от входа в пещеру, у самых скальных выходов. Образовав, таким образом, южнее входа в пещеру искусственную террасу с подпорной стеной высотой около 1,5 м и почти горизонтальной площадкой длинной более 20 м шириной 3—5 м. На данном участке грунт представляет собой гумусированный щебнистый слой сформированный деструкцией скальных пород известняка. Каких либо археологических артефактов не выявлено (См.: *Турова Н.П.* Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета Ар Крым в 2011 г. С. 4—7; Она же. Исследования на территории Большой Ялты. С. 132—133; Она же. Пещерный христианский комплекс Иограф… С. 83, 84).

В 2012 и в 2013 гг. Ялтинским отрядом Горно-Крымской экспедицией Крымского филиала ИА НАН Украины археологические исследования осуществлялись внутри пещер Иограф I и Иограф II[48].

Судя по рисункам Д.М. Струкова[49] и Е.И. Висниовской[50], храм располагался у восточной стены пещеры (рис. 23, 24). Церковь представляла собой прямоугольное в плане строение с полукруглой апсидой, ориентированной на северо-восток, покрытое двускатной крышей. Причем на рисунках художников мы не видим западной стены сооружения. Здание примыкало к восточной стене пещеры. В алтарной его части, в северной половине апсиды, располагалось окно, через которое проникал свет во внутреннее пространство храма.

К началу исследований 2012 г. скальная полость сильно была замусорена, имела следы многочисленных перекопов, ям, кострищ. В центральной и западной частях зала хорошо был заметен округлый котлован (диаметр более 9 м). Середина углубления, размером около 5,0 × 4,0 м, относительно горизонтальная. Здесь фиксировались остатки деструктированного известкового раствора. Они были отмечены и в естественной нише в восточной стене пещеры, украшенной драпировкой из натеков.

С двух сторон от ниши до начала раскопок, располагались скопления бутовых камней (диаметр — от 1,0 до 2,0 м), среди которых встречаются фрагменты и целые блоки прямоугольной формы из туфа с остатками известкового раствора и штукатурки, а также отдельные фрагменты красноглиняных керамид VIII (?) —X вв.

В 2012 г. в предполагаемом районе местонахождения здания, где прослеживаются следы деструктивного известкового раствора, был разбит раскоп общей площадью 16 м², разделенный на 4 квадрата 2 × 2 м, К данному раскопу были присоединены еще два квадрата в нише. Таким образом, общая площадь исследованного участка составила около 24 м² (рис. 23, 24).

Стратиграфия на исследованном участке нарушена многочисленными перекопами. Средневековые находки залегают в слое вместе с современным мусором (рис. 23).

В 2012 г. удалось локализовать остатки юго-восточной или южной стены храма, а в 2013 г. были зафиксированы остатки еще 3 стен (рис. 23, 24).

Храм представлял собой однонефную постройку, ориентированную на восток-северо-восток (магнитный азимут — 68 градусов). Его внутренние реконструируемые размеры (вместе с алтарной частью) — 2,2 на 1,2 м. Наружный контур на отдельных участках храма фиксируется плохо — реконструируемые размеры — 3,6 × 2,6 м (рис. 23, 24).

Кладки видимо, были двухлицевые, сложены из бута, кусков сталактитов, туфовых деталей прямоугольной и клинчатой формы частично на глине, а отчасти с использованием известкового раствора. Ряды кладок и углы не перевязаны между собой. На многих блоках (в основном туфовых), обнаруженных во время раскопок, сохранились следы светлой закопченной штукатурки без росписи. Видимо, внутри храм был отштукатурен, но наличие фресковой росписи не зафиксировано.

Апсидная часть храма, от которой сохранились незначительные остатки, впущена в материковую глину. Реконструируемый внутренний диаметр апсиды — около 1 м (рис. 24).

От северной части апсиды сохранились отдельные камни кладки. Наружный панцирь алтарного полукружия, видимо, придерживался крупными каменными плитами,

---

[48] *Турова Н.П.* Отчет об археологических раскопках в пещере Иограф I…; Она же. Отчет об археологических раскопках средневекового христианского пещерного комплекса...

[49] *Шорохова Т.С.* Священный образ Тавриды… С. 142.

[50] *Турова Н.П.* Средневековые христианские храмы на ЮБК… С. 10—11.

находящихся в материковой глине и образующих своеобразный пояс, остатки которого прослеживаются у северных границ квадратов 1А и 2А.

Восточная и юго-восточная наружная часть апсиды примыкала к поверхности ниши, о чем свидетельствуют отдельные участки, с известковым раствором сохранившиеся на стене пещеры.

Плечики не сохранились, но судя по рисункам Д.М. Струкова и Е.И. Вистниовской, они примерно на 0,10 м заходили внутрь апсиды.

В северной части апсиды фрагмент кладки был разобран на глубину около 1 м от современной дневной поверхности и около 0,50 м от сохранившихся камней кладки. Здесь в «стерильном» глинистом слое, со стороны каменного завала северной стены постройки, была обнаружена металлическая консервная банка с истлевшей бумажной этикеткой. Видимо, она относится к началу — середине XX в.

Южная стена храма наилучшей сохранности. От нее уцелели три-четыре ряда кладки: толщина — 0,75 м, высота — до 1 м, длина — 2,5 м (рис. 23—25). Внутренний панцирь поставлен на известковый пещерный натек, наружный — на скальную материковую поверхность.

От **западной стены** культового здания остались лишь незначительные фрагменты (отдельные камни со следами раствора) (рис. 23—25). Кладка имела два панциря с забутовкой, была установлена на пещерный натек, который, вероятно, мог быть предварительно подрублен. Ее толщина — около 0,50—0,65 м.

Вход в храм не фиксируется. Видимо, на завершающем этапе функционирования храма, данная стена уже была разобрана и образовавшийся проем выполнял функцию входа (возможно, с небольшим подъемом), о чем свидетельствуют рисунки Д.М. Струкова 60—70 гг. XIX в.[51]

Здесь в южной части квадратов 1Б и 2Б верхний слой образован перемещенным грунтом, вероятно сформированным отвалами от грабительских раскопок второй половины XX в. В слои присутствуют как современные артефакты, так и находки средневекового времени. Мощность его — от 0,06 до 0,30 м.

Под ним залегает прослойка более глинистого светлого грунта с находками как XX в., так и со средневековым материалом. В данном слое найдены: створка бронзового энколпиона X—XIII вв. (рис. 37, *ко 67/13*) и бронзовая двухчастная пуговица (рис. 39, *ко 68/13*).

В процессе зачистки наружного панциря стены (?) у ее основания фиксировалась «кротовина», идущая вдоль стены и с подкопом у южного угла постройки. В кротовине помимо костей млекопитающих, птиц, рыб, сигаретных фильтров, истлевшего целлофана, деревянной щепки найдена костяная орнаментированная пуговица — застежка (рис. 39, *ко 70/13*).

Пещерный натек перед наружным входом, служивший основанием западной стены, сильно разрушился, видимо под действием огня. Здесь был зачищен участок шириной 0,12—1,20 м и длинной — 2,86 м, на котором in situ сохранился единственный небольшой участок не потревоженного перекопами слоя, насыщенного продуктами горения. Мощность слоя — 0,04—0,10 м, глубина залегания — 0,50—0,60 м от современной дневной поверхности. В нем найдена медная монета — бешлык Селямет Гирая II (1152—1156 гг. х., 1740—1743 гг. н.э.). Данная часть натека могла быть использована как паперть перед входом в храм.

---

[51] *Турова Н.П.* Пещерный христианский комплекс Иограф… С. 79—105.

Северная стена храма сильно разрушена, связующий раствор деструктирован (рис. 23—25). Внутренний панцирь стены, сохранившийся в один ряд, поставлен на пещерный натек. Внешний панцирь плохо фиксируется, с большой долей осторожности можно предположить, что он примыкал к краю натека, который мог являться и основой стены (во всяком случае, у западного угла здания).

К северу от этой кладки расположен каменный завал, разобранный частично нами в квадратах 1А1Б. В квадрате 1А около предполагаемого северного плеча постройки каменный развал зачищен до материка на глубину до 1,50 м от современной дневной поверхности. Возможно, здесь была вырыта яма, диаметром около 0,80 м, впущенная в материк, позже забитая камнями развала. В заполнении углубления обнаружен материал конца XIX — начала XX вв.

По линии наружного контура стены, фиксируются четыре ряда кладки (высота около — 0,75 м), существенно сдвинутой к каменному завалу (рис. 25,*q*).

Основанием пола храма служил естественный пещерный известковый натек, с бугристой поверхностью, дополнительно выровненный слоем материковой глины.

При его зачистке встречаются угольки, единичные фрагменты керамики, остатки деструктированного известкового раствора, кости млекопитающих. Поверхность пола повреждена многочисленными грабительскими ямами. Возможно, в апсиде пол был выложен каменными плитами. Сохранилась одна из плит, под которой был обнаружен стержень массивного кованого железного гвоздя.

При зачистке пола у южной стены храма в восточной ее части были обнаружены фрагмент расписной синей лампады (рис. 31,*ко 47/2*), медная византийская монета г. Херсона XIII—XIV вв., фрагмент железного кованого предмета (подковы ?) (рис. 42,*ко 54*).

К архитектурным конструкциям, связанным с храмом в пещере Иограф I следует, вероятно, отнести и некую каменную «стену-перегородку», которая находилась внутри естественной ниши (рис. 24, 26).

Ниша прямоугольной в плане формы, шириной — немногим более 2,5 м, глубиной — около 1,0 м. С двух сторон ее обрамляют сталактиты в виде живописной драпировки, а кальцитовые натеки формируют своеобразные «плечики». К северному натеку, о чем говорилось ранее, частично примыкала апсидная часть храма. На южном натечном образовании, как уже отмечалось выше, в 1998 г. ялтинским жителем О. Авериным были открыты граффити в виде многочисленных крестов различного типа, монограмм и надписей.

О наличии каменной «стены-перегородки» свидетельствуют следы известкового раствора на восточной и северной стене ниши. Следы в виде контуров блоков, возможно, изготовленных из туфа, прямоугольной формы, размером — 23—28 × 36 см (рис. 24, 26). На восточной стене пещеры прослеживаются отпечатки пяти блоков, на высоту около 2 м.

Перегородка, располагалась видимо, перпендикулярно южной стене храма в один ряд или под небольшим углом, и примыкала или слегка заходила на апсиду с наружной стороны постройки.

Каких либо ее остатков при раскопках в ниши в 2012 г. и зачисток 2013 г. обнаружено не было.

Вход в нишу, судя по ориентации храма, находился с наружной стороны южной стены храма или у его юго-западного угла. И таким образом, доступ к южному правому натеку ниши с многочисленными граффити был открыт.

Об этой «стене-перегородке» нет сведений в источниках XIX — начала XX вв.[52] Ее изображения отсутствует и на рисунках Д.М. Струкова и Е.И. Виснiовской. То есть можно предположить, что она была разрушена ранее, чем сам храм.

Заполнение ниши было исследовано полностью, до материка, представляющего собой выходы скалы и вязкой материковой глины желтого цвета. Здесь, как и на предыдущем участке, стратиграфия нарушена многочисленными перекопами. Слой в ниши в целом достаточно однородный представляет собой плотный слой желто-коричневого оттенка. Местами он рыхлый, пережженный до темного цвета с многочисленным разномерным обломочным материалом местных скальных пород, угольками, костями млекопитающих и рыб. Мощность отложений составила — 0,80—1,25 м. Находки достаточно равномерно распределены по всему слою, не образуют отчетливых скоплений. Наряду с современным бытовым мусором здесь, как и на участке храма, обнаружены многочисленные древние артефакты: керамика, стеклянная посуда, изделия из металла, в том числе церковная утварь, предметы личного благочестия, различные украшения, монеты.

По периметру зала пещеры С—образно (кроме восточной стены пещеры) расположены отвалы из разномерного бутового камня и рыхлой желтовато-коричневой материковой глины.

Для выяснения природы образования отвалов и стратиграфии данного участка в 2013 г. здесь был заложен контрольный шурф (рис. 6).

Шурф прямоугольной в плане формы, размер — 2 × 1 м, ориентированный по оси ЮВ—СЗ, расположен у восточной стены пещеры, на расстоянии около 1 м от входа в зал.

В нем вскрыт достаточно однородный слой, состоящий из разноразмерных камней и переотложенной материковой глины с фрагментами средневековой керамики, стеклянных лампад, костей млекопитающих и птиц, с большим количеством мусора второй половины XX в. (мощность — 1,30 м), залегавший над скоплением крупных известковых глыб. На современной дневной поверхности в юго-восточной части шурфа сохранились следы кострища.

В результате исследований культурных напластований в данном шурфе можно предположить, что отвалы, сформировавшиеся по периметру пещеры, связаны не с начальным периодом строительства храма, как нам представлялось ранее, а были сформированы значительно позже. Судя по наиболее поздним артефактам, датируемым XX в., отвалы образовались в середине или в начале второй половины этого столетия и были связаны с какими-то земляными работами в пещере (например, с работами спелеологов, сведения о которых нам неизвестны)[53].

Это объясняет, почему переотложенная материковая глина с камнями перекрывает слои перекопов и кострищ конца XIX—XX вв. в центральной части пещеры и в квадратах 1А, 1Б. Таким образом, большая часть площади зала пещеры законсервирована поздними отвалами.

Что касается, пещеры Иограф II, то до весны 2013 г. пещера оставалась нетронутой раскопками (ни археологическими, ни грабительскими)[54].

В апреле 2013 г. грабителями был разрыт пол почти по всей площади пещеры Иограф II. За исключением последней камеры. Верхний слой был практически полностью перекопан

[52] *Кондараки В.Х.* В память столелия Крыма…. С. 229; *Москвич Г.* Практический путеводитель по Крыму… С. 320—322; Он же. Путеводитель по Крыму. Владикавказ, 1907. Изд. 16. С. 297—300.

[53] В шурфе был обнаружен камень со следами воздействия бура.

[54] *Москвич Г.* Путеводитель по Крыму…. С. 12—18.

на глубину 0,10—0,15 м. Частично грунт был выброшен наружу пещеры грабителями и накопился у ее входа, частично — был оставлен внутри пещеры

На поверхности оказалось множество фрагментов черепиц—керамид и глиняной посуды, которые не были заметны при осмотре пещеры экспедицией в 2012 г. Всего из перемещенного грунта собрано 104 находки. Это 72 фрагмента красноглиняных керамид VIII—X (?) вв., среди которых обломки с остатками известкового раствора, 6 фрагментов стенок красноглиняных амфор, 16 обломков красноглиняной посуды, в том числе и 4 осколка от поливных чаш. Также найдено 2 фрагмента стеклянных лампад, 2 железных гвоздя, 6 осколков костей млекопитающих. При этом следует отметить, что современный материал, относящийся к XX — началу XXI вв. не встречался.

Наличие фрагментов черепицы с остатками известкового раствора может свидетельствовать о существовании некоего сооружения. Так как сама пещера довольно узкая, то локализовать сооружение, возможно, будет только перед ее входом.

Для выяснения происхождения находок, а также для изучения стратиграфической ситуации перед входом в пещеру[55] был заложен прямоугольный в плане шурф размером 2 × 1 м, ориентированный по оси ЮЗ—СВ (рис. 27).

В шурфе под дерном прослежен достаточно однородный слой коричневого грунта с большим количеством щебня, залегавший на материке, представленном здесь светло-коричневым глинистым грунтом с разномерным щебнем и выходами известняковой скалы. Слой более темный у поверхности из-за насыщенности гумусом. Общая мощность слоя — 0,20—0,73 м.

Из слоя происходит 42 фрагмента черепиц-керамид VIII (?) — X вв.; 15 обломков красноглиняных амфор, большая часть которых имеет рифленую поверхностью и принадлежит к типу грушевидных амфор с дуговидными ручками XIII—XIV вв. (класс 45 по ХК—95)[56]; 41 фрагмент гончарной красноглиняной посуды, из которых 16 относится к поливным чашкам крымского производства, 13 обломков стеклянных лампад; мелкие фрагменты деструктивного известкового раствора, единичные кости млекопитающих. Здесь же обнаружена железная пряжка (рис. 41,*ко 180*), возможно обувная и антропоморфный амулет из белого металла (рис. 36,*ко 184/13*).

Также найдено незначительное количество артефактов XX — начала XXI вв.: 7 фрагментов стенок стеклянных бутылок из бесцветного и зеленого стекла, 2 свинцовые пули 5,6 калибра от мелкокалиберного патрона.

Каких-либо архитектурных остатков, с которыми могли бы быть связаны обломки черепицы и остатки деструктированного известкового раствора, в слое не обнаружено.

В процессе зачистки участка перед входом обнажились ступенчатые скальные выходы материковой породы (рис. 27). На одном из них прослеживается искусственная подрубка (шириной — 0,38 м, глубиной — более 0,10 м).

Общая длина ступенчатого скального входа в пещеру составляет более 2, 45 м (рис. 27).

Перед началом исследований внутри пещеры вся ее площадь от южной границы шурфа была разбита на участки № 1—7. Пять участков длиной по 2 м и два участка по 1 м. За условный «0» был взят выступ скалы к западу от входа. К данной точке были привязаны и основные высотные отметки шурфа (рис. 7).

Раскопки участков велись поэтапно с фиксацией поперечных разрезов.

---

[55] По свидетельству Е.И. Висниовской, именно здесь было найдено большинство древних артефактов.

[56] *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. С. 73—77.

На протяжении не более 10 м стратиграфическая ситуация в пещере достаточно однородна, подобна исследованной снаружи пещеры. В дальнейшем в низком коридоре-лазе, соединяющем округлую основную камеру пещеры с последней тупиковой камерой, выделяется слой щебня. Он лежит или на самой дневной поверхности или перекрыт рыхлой глиной — переотложенным материком, как в последней камере.

В одной из трещин плоского потолка основной округлой камеры над верхней полочкой был обнаружен кованный железный стержень.

Всего при исследовании пещеры Иограф II в 2013 г. было обнаружено 1910 археологических и фаунистических находок[57]. В коллекцию взято 178 предметов.

Большая часть археологических находок происходит с участков, расположенных на протяжении 10 м от входа в пещеру. Повышенная концентрация материала отмечена около входа в пещеру (участок №1), в самой широкой ее части — в округлой камере пещеры (участок №5) и в узкой части коридора, чего не скажешь о последних самых дальних участках полости (участок № 6).

Не исключено, что пещера Иограф II могла служить в качестве кельи. Пещера достаточно сухая. Однако, судя по незначительной мощности культурных напластований, период ее использования не был продолжительным.

Характеристика археологического материала

Керамические изделия

Строительная керамика представлена главным образом фрагментами красноглиняных керамид VIII (?) — X вв.[58]

В пещере Иограф I найдено 1020 фрагментов, из них 499 — обнаружены в нише.

Среди них встречаются обломки с остатками известкового раствора, видимо использованные в кладках стен. Боковые бортики керамид треугольной, трапециевидной или прямоугольной формы. На 9 фрагментах поля черепиц[59] сохранились остатки рельефных меток. Хорошо различимы метки в виде литеры «В» (3 экз.) и тамгообразного знака «» (2 экз.) (рис. 28).

Аналогичные рельефные знаки происходят из многих памятников Крыма. Они известны по раскопкам средневекового Херсонеса, на г. Пампук-Кая близ с. Гончарное (быв. Варнутка), на Эски-Кермене, Мангупе, в Партените, Горзувитах, на укреплении Алупка-Исар и других крепостях и поселениях Южного Берега Крыма[60]

---

[57] Среди фрагментов костей млекопитающих и рыб подавляющее большинство, видимо, принадлежит птицам. Все остеологические находки из пещеры Иограф II были взяты для дальнейшего исследования.

[58] В пещере Иограф I обнаружен лишь один фрагмент красноглиняного калиптера (?), видимо вторичного использования, сильно окатанного (См.: *Турова Н.П.* Пещерный христианский комплекс Иограф… С. 86.)

[59] Один фрагмент (См.: ЯИЛМ КП 1034 А1—1094) происходит из сборов Е.И. Висниовской. Сохранился также ее акварельный рисунок (См.: Там же) с фрагментами двух керамид с метками (рис. 15).

[60] *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17.С. 131, 140; Он же. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168. С. 163, табл. III, 11—17; Он же. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Ленинград: Наука, 1979. С. 93—107; *Мыц В.Л.* Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1. С. 230; *Фирсов Л.В.* Средневековое укрепленное поселение на крестовой горе близ Алупки // ЗОАО. Т. II. 1967. № 35. С. 224; *Паршина Е.А.* Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965—1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев: Наукова Думка, 1974. С. 84—89.

В пещере Иограф II найдено 383 фрагмента из них 225 мелких красноглиняных керамид, большая часть их найдена на участке № 1, расположенном около входа в пещеру. Имеются обломки с остатками известкового раствора.

Черепица аналогична фрагментам из «пещеры с храмом» (Иограф I). Боковые бортики керамид треугольной, трапециевидной или прямоугольной формы. Рельефных меток не обнаружено.

Не исключено, что кровельная черепица из храма в пещере Иограф I могла быть использована вторично для вымостки пола в пещере Иограф II. Возможно, это связано с каким-то ремонтом в храме, в процессе которого часть черепицы, оставшаяся не задействованной в ремонтных работах, была перенесена в пещеру Иограф II для ее «благоустройства».

Тарная посуда представлена обломками стенок пифосов VIII (?) — X вв., фрагментами амфор и высокогорлых кувшинов. Профилированные части сосудов не обнаружены[61].

Пифосы. Всего найдено 4 обломка гладкостенных красноглиняных пифосов VIII (?) — X вв., все они происходят из пещеры Иограф I.

Амфоры. Определены фрагменты херсонесских красноглиняных амфор или амфор-кувшинов «с внутренней бугристой поверхностью» (класс 52 по ХК—95) XIII—XIV вв.[62], а также обломки амфор с черепком светло-оранжевого цвета с желтоватым оттенком из тонкодисперсной глины с частицами слюды. Наружная поверхность обломков покрыта частым, на некоторых фрагментах четким рифлением. Видимо, они принадлежат типу грушевидных амфор с дуговидными ручками XIII—XIV вв. (класс 45 по ХК—95)[63].

В пещере Иограф I найдено 210 фрагментов амфор, из них 181 от 3—4 сосудов происходит из ниши.

В пещере Иограф II обнаружено 133 фрагмента. Большинство обломков принадлежат, видимо, одному сосуду и относятся к типу грушевидных амфор с дуговидными ручками XIII—XIV вв. (класс 45 по ХК—95)[64].

Высокогорлые кувшины. В пещере Иограф I найдено 32 фрагмента. В «малой пещере» только 5.

Высокогорлые кувшины также хорошо известны по исследованиям средневековых слоев памятников Крыма и Северо-Восточного Причерноморья[65]. Они датируются в рамках второй половины — последней трети IX в. — конца XI — начала XII вв., являясь массовым материалом для слоев X—XI вв. [66].

В кухонно-столовой посуде выделяются различные формы гончарных поливных и неглазурованных изделий[67], а также фрагменты не многочисленных лепных сосудов закрытых форм[68].

---

[61] *Турова Н.П.* Пещерный христианский комплекс Иограф…. С. 86.

[62] *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры… С. 83—89.

[63] Там же. С. 73—77.

[64] Там же.

[65] *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 52—58; *Герцен А.Г. Науменко В.Е.* Керамика IX—XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. 2001. № 32. С. 134—136; *Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев: Академпериодика, 2004. С. 185.

[66] *Герцен А.Г. Науменко В.Е.* Керамика IX—XI вв. … С. 136.

[67] Выражаю благодарность И.Б. Тесленко за помощь в определении керамических изделий из раскопок.

[68] *Турова Н.П.* Пещерный христианский комплекс Иограф…. С. 87—89.

Неглазурованная гончарная керамика насчитывает 1092 обломков. 685 фрагмента красноглиняных и коричневоглиняных сосудов закрытых форм X(?)—XVI вв. найдены в пещере с храмом (Иограф I). Из них 554 — происходит из ниши. 407 фрагмента — найдены в пещере Иограф II.

Некоторые стенки сосудов украшены вдавлениями, горизонтальными врезными и зигзагообразными линиями, росписью белом ангобом.

Керамика группы «Юго-Западный Крым» (ЮЗК) представлена в наибольшем количестве. Это тонкостенные изделия с коричнево-красным или темно-коричневым черепком, изготовленные из песчанистой формовочной массы на скоростном гончарном круге.

Подобная посуда была широко распространена на территории Таврики и в ближайших окрестностей (побережье Азовского и Черного морей) на протяжении XIV—XV вв.[69]

При раскопках в «пещере с храмом» обнаружены и отдельные фрагменты изделий *группы «горшков с рельсовидным венчиком» (ГРВ)*[70]. Характерными особенностями сосудов этой группы являются: большое количество черного остроугольного песка в тесте, следы подсыпки песком на днище, специфический профиль венчика. Нижняя дата группы ГРВ определяется временем не ранее середины XV в., верхняя — не позднее последней четверти XVIII в. [71]

Находок глазурованной посуды насчитывается 635 фрагментов. В пещере Иограф I найдено 455 фрагментов (356 из них происходят из ниши). В пещере Иограф II обнаружено 180 фрагментов, принадлежавших, по крайней мере, 9 красноглиняным чашам. Фрагменты одного и того же сосуда встречаются по всей площади пещеры.

Среди фрагментов керамики из раскопок памятника выделяются группы белоглинянной и красноглинянной посуды закрытых и открытых форм.

Белоглинянная глазурованная посуда представлена фрагментами двух-трех сосудов закрытой формы с зеленовато-желтой неравномерно окрашенной поливой, нанесенной непосредственно на черепок (рис. 29,*ко 135/12,ко 136/12,ко 402/12*). Видимо, они относятся к группе Glazed White Ware II по Дж. Хейсу[72].

---

[69] Например: *Кравченко А.А.* Средневековый Белгород на Днестре. К.: Наукова думка, 1986. С. 49, рис. 18,1; *Волков И.В.* Керамика Азова XIV—XVIII вв. (классификация и датировка): автореф... канд. ист. наук. М. 1992. С. 10—12, табл. 2,*13—14*; *Дмитриенко В.Н., Масловский А.Н.* Комплекс 1310-х годов из раскопок Азака // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов, 2006. 22. С. 235—236, 242, рис. 4,*8—16*; *Масловский А.Н.* Восточнокрымский поливной импорт в Золотоордынском Азаке // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.: II междунар. науч. конф. (Ялта, 19-23 ноября 2007 г.). Ялта, 2007. С. 383-388, рис. 31; *Айбабина Е.А.* Двухапсидный храм близ крепости Фуна // Византийская Таврика. Киев: Наукова Думка, 1991. С. 195—197, 203, рис. 8, 10; *Баранов И.А.* Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. К.: Наукова думка, 1991. С. 108—109, рис. 4,*4*; *Когонашвили К.К., Махнева О.А.* Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. Киев: Наукова Думка, 1974. С. 119—120, рис. 9; *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X—XV вв. К: Наукова думка, 1991. С. 100; *Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф.* Исследования средневековой Каффы в 1991—1992 гг. // Боспорский сборник. М., 1994. С. 181.

[70] *Тесленко И.Б.* Керамика из раскопок христианского храма с некрополем в с. Малый Маяк (быв. Биюк Ламбат, южный берег Крыма) // Археологический альманах. Донецк: Донбасс, 2012. Вып. 28: Древняя и средневековая Таврика. С. 233.

[71] *Тесленко І.Б.* Хронологія однієї групи кухонного посуду з пам'яток Криму XV ст. // Археологія. 2011. № 4. С. 60-68; *Она же.* Керамика из раскопок христианского храма… С. 229.

[72] *Hayes J.W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. The pottery. Princeton: Princeton University Press and Dumbarton Oaks Reserch Library and Collection, 1992. P. 18—19.

Это одна из разновидностей светло—глинянной керамики константинопольского производства, которая получает широкое распространение в Средиземноморье и Причерноморье примерно с начала X в.[73]

На территории Крыма находки константинопольской белоглиняной поливной посуды (преимущественно открытых форм) известны довольно широко[74].

Красноглиняная глазурованная посуда представлена изделиями, как импортного, так и местного (крымского) производства.

Фрагмент дна одного сосуда открытой формы скорее всего принадлежит блюду, близкому к изделиям группы «Aegean Wares» (рис. 29,*ко 70/12*). Для этой керамики характерен черепок оранжевого (красно-оранжевого) цвета, тонкодисперсная формовочная масса с мелкозернистым песком, желтая глазурь. Один из возможных центров производства локализуют на Кипре[75]. Его датировка — вторая половина XII — первая половина XIII вв. Подобная керамика широко распространена в Причерноморско—Средиземноморском регионе[76].

Возможно, к этой же группе или ее подражаниям относятся обломки большого блюда, видимо на низком массивном кольцевом поддоне, профилированные части его пока не обнаружены. Черепок приглушенного оранжевого цвета. В тесте видны включения значительного количества шамота. Полива желтая, равномерно окрашенная, покрывает внутреннюю поверхность сосуда и поддон. Точные аналогии найти не удалось.

К импортным изделиям византийского круга относятся 5 сосудов (рис. 29,*ко 247/12, 139/12, 344/12, 256/12, 69/12*). Два из них с монохромной глазурью без дополнительного декора (рис. 29, *ко 139/12, 69/12*), 3 — декорированы в различной манере (рис. 29,*ко 247/12, 344/12, 256/12*).

В их числе красноглиняный поливный сосуд открытой формы с орнаментом в виде концентрических кругов (рис. 29,*ко 247/12*). Керамика с аналогичным декором была широко распространена в Восточном Средиземноморье и Причерноморье (в том числе, в Крыму) во второй половине XIII — первой половине XIV вв.[77] Результаты химических анализов показывают, что подобные типологически и стилистически близкие изделия могли

---

[73]*Hayes J.W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. … P. 12—15; . *Vroom J.* Byzantin to modern pottery in the Aegen — 7th to 20th century. Bijleveld: Parnasus press. 2005. P. 75.

[74] Например: *Паршина Е.А.* Средневековая керамика Южной Таврики… С. 66—67; *Таллис Д.Л.* Поливная керамика Баклинского городища // СА. 1976. № 4. С. 64—73; *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство… С. 83-93; *Рыжов С.Г., Седикова Л.В.* Комплексы X века из раскопок квартала X «б» северного района Херсонеса // Херсонесский сборник. 1999. X. С. 325; *Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень… С. 206—208; *Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В.* Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. XII. С. 404—406.

[75] *Таллис Д.Л.* Поливная керамика …. С. 91

[76] *Vroom J.* Byzantin to modern pottery...; *Wartburg M.—L.* Chronology and stratigraphy of the Medieval Pottery of Cyprus: a critical review in: Çanak, Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts // BYZAS. 2007.7

[77] Например: *Тесленко И.Б.* Комплекс поливной керамики с места кораблекрушения второй половины XIII в. вблизи Судака (Крым) // Българите в Северното Причерноморие. Исследования и материалы. Велико Търново: Университетското издательство «Св. св. Кирил и Методий», 2000; *Зеленко С.М., Тесленко И.Б., Ваксман С.Й.* Несколько групп поливной посуды с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым) (Морфологическая типология и лабораторные исследования) // 1000 років візантійської торгівлі (V—XV століття). Київ, 2012. С. 131—132.

происходить из разных гончарных центров[78], работавших в популярном на то время стиле. Так две другие чаши из коллекции, декорированные в такой же манере (рис. 29,*ко 53/12, 141/12*), обладают различными визуальными характеристиками черепка и формовочной массы и вероятно, представляют собой образцы подражаний этому стилю, происходящие из различных регионов. Одна из них — сферической формы с ножкой в виде удлиненного выступа без подставки (рис. 29, *ко 53/12*), вероятно, могла использоваться вторично в качестве лампады.

Интерес представляет также обломок дна чашки полусферической формы, видимо, с сюжетной композицией на внутренней поверхности (рис. 29, *ко 256/12*). Рисунок выполнен в выемчатой технике в сочетании с сграффито под желтой прозрачной глазурью. Верхняя часть внешней поверхности покрыта зеленой поливой по белому ангобу. Подобные изделия объединяют под названием «Elaborate incised ware»[79]. Они получают широкое распространение в Восточном Средиземноморье и Причерноморье с конца XIII (?) — XIV вв. Вероятно, существовало несколько центров производства такой керамики, один из которых локализован в Стамбуле[80].

Остальные поливные изделия, вероятно, местного (крымского) производства (рис. 30). Большинство составляют сосуды закрытой и открытой формы группы Юго-Восточный Крым (ЮВК) XIV—XV вв.[81]

В их числе выделяются изделия с монохромной глазурью без дополнительного декора и с орнаментом сграффито, а также с орнаментом сграффито и подцветкой коричневой и зеленой минеральными красками. По особенностям техники нанесения рисунка, мотивам орнамента и используемой цветовой гамме декора можно уточнить хронологическую позицию некоторых сосудов.

Так, фрагмент с остатками растительного орнамента, выполненного тонким и широким резцами под светло-желтой глазурью (рис. 30, *ко 73/12*), принадлежит чаше, которую по аналогиям из комплексов второй половины XIV в., можно датировать в рамках этого периода[82]. Керамика с использованием двузубого или трезубого резца, коричневой и зеленой подцветки орнамента появляется примерно в третьей четверти XIV в. Она начинает абсолютно доминировать в комплексах середины — третьей четверти XV ст. как в Таврике, так и за ее пределами, а затем выходит из оборота[83].

---

[78] Например: *Waksman S.Y., Teslenko I.* «Novy Svet Ware», an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations / S.Y. Waksman. International Journal of Nautical Archaeology, 2010.

[79]Например: *Vroom J.* Byzantin to modern pottery... P. 123

[80] *Waksman Y.* The first workshop of Byzantine ceramics discovered in Constantinopol / Istanbul: chemical characterization and preliminary typological study. Atti del IX Congresso Internationale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23—27 novembre 2009, a cura di Sauro Gelichi. Venezi, 2012.

[81] *Волков И.В.* Керамика Азова... С. 9—10; *Масловский А.Н.* Восточнокрымский поливной импорт... ; *Тесленко И.Б.* Поливная посуда Крыма XV в… ; *Тесленко И.Б.* Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Ч. II. Хронология // Древности—2012. С. 233—237.

[82] См. например: *Белинский И.В., Масловский А.Н.* Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995—1997 гг. 1998. Вып. 15. Рис. 1,*4,9*, 15,*1*, 16,*1,3*; *Айбабина Е.А.* Керамика из раскопок золотоордынского поселения близ Феодосии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв. Киев: ИД «Стилос», 2005. Вып. I. Рис. 7,*2*, 8,*3*.

[83] См. например: *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Кафы // ВВ. 1997. Т. 57. С. 16—18; *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Поливная керамика из раскопок цитадели

В «малой пещере» Иограф II обнаружено исключительно фрагменты чаш местного (крымского) производства группы Юго-Восточный Крым (ЮВК) XIV—XV вв. (рис. 30, *нв 11323, нв 13075, ко 189/13*).

Лепная кухонно-столовая посуда обнаружена главным образом в пещере Иограф II и представлена фрагментами, по крайней мере, двух кувшинов, украшенных врезным зигзагообразным орнаментом в верхней части тулова. Лепные кувшины с подобной орнаментацией, происходят из раскопок хозяйственного помещения крепости Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен, датируются XIII в.[84]

Стеклянная посуда

Фрагменты стеклянных средневековых сосудов в пещерном комплексе Иограф являются массовыми находками наряду с керамической посудой[85].

В «пещере с храмом» найдено 1109 фрагмента стеклянных сосудов (932 — происходит из ниши). В «малой пещере» в 2013 г., в том числе и в шурфе около входа в пещеру, было найдено 192 осколка.

Это обломки различных типов лампад и рюмок, видимо также использованных в качестве осветительных приборов.

Особое место среди них занимает фрагментированный сосуд (один или два?), изготовленный из темно-синего стекла, расписанный орнаментом в виде линий, концентрических окружностей или дуг, точек, зигзагов, нанесенных желтой краской (рис. 31), обнаруженный при раскопках храма. Часть орнамента утрачена, сохранились очень слабые следы на поверхности, имеющие вид тонких линий и маленьких ромбов.

Всего насчитывается 35 фрагментов[86], почти все они найдены в нише на разных уровнях зачистки, в том числе и у материковой поверхности. Из них два фрагмента венчика, представляющий собой оплавленный, слегка расширяющий загнутый вовнутрь, край (диаметр неопределим), два — обломка плоского дна на кольцевом поддоне, диаметром около 8 см и ручки-петельки, характерной для трехручных лампад. Стенки толщиной 0,2—0,7 см.

Стеклянный сосуд с росписью из пещеры Иограф I близок фрагментам сосудов из синего византийского стекла XII—XIII вв., со следами золотой и эмалевой росписи, обнаруженных среди стеклянных изделий из Новогрудка (Республика Беларусь)[87].

Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв. Киев: ИД «Стилос», 2005. Вып. I. С. 68—72; *Кирилко В.П.* Крепостной ансамбль Фуны 1423—1475 гг. Киев: Стилос, 2005; *Масловский А.Н.* Восточнокрымский поливной импорт… С. 87; *Мыц В.Л.* Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50-70-е гг. XV в. // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев: Стилос, 2002. С. 157, рис. 25,*35*; *Тесленко И.Б.* Поливная посуда Крыма… С. 227—228; Она же. Керамика из раскопок христианского храма… С. 225—246.

[84] *Мыц В.Л.* Средневековое укрепление Исар-Кая //СА. 1978. № 2. С. 238, рис. 10,*5,10*

[85] *Турова Н.П.* Пещерный христианский комплекс… С. 89—93.

[86] Один из них был найден в 2011г. внутри пещеры у входа в качестве подъемного материала, одна из двух ручек-петелек обнаружена в 1997 г. и хранится в фондах Ялтинского историко-литературного музея (См.: ЯИЛМ НВ 25731).

[87] *Гуревич Ф.Д., Джанполадян, Малевская М.В.* Восточное стекло в Древней Руси. Л.: Наука, 1968. Табл. XII,*21,22.*

Другие стеклянные сосуды из пещер хребта Иограф изготовлены из бледно-зеленого, бледно-голубого, бледно-желтого и бесцветного монохромного стекла, в структуре которого заметно множество мелких округлых и вытянутых пузырьков.

При раскопках в пещере Иограф I обнаружены два фрагмента венчиков, край которого окрашен — синим цветом.

Среди стенок выделен обломок из бледно-голубого, почти бесцветного стекла, с рельефным декором, выполненный накладными нитями синего цвета и фрагмент бледно-голубого сосуда с марганцевыми разводами[88].

Фрагменты лампад с подсветкой венчика и ручек синим красителем, а также украшенные накладными нитями из синего стекла найдены при раскопках двухапсидного храма на г. Тузлух (правый борт балки Еди-Евлер, с. Семидворье, Лучистовского сельсовета), датированного исследователями в рамках IX — середины X вв.[89] Более ранние экземпляры стеклянных сосудов с окрашенным в синий венчиком известны в слое IV—V вв. Таманского городища[90].

В целом венчики стеклянных сосудов из двух пещер представлены 118 фрагментами (Иограф I — 92 фрагмента, Иограф II — 26 обломка), из них 16 с остатками ручек.

Большинство венчиков имеют оплавленный край, слегка наклоненный вовнутрь или отогнутый наружу. Край четырех фрагментов загнут вовнутрь. Диаметр — около 10—12 см (диаметр большинства фрагментов не определим, введу малых размеров обломков)[91].

Наибольшим разнообразием отличаются фрагменты и целые формы ножек, днищ и ручек.

Из 44 экз. донцев (три из них найдены в малой пещере[92]) можно выделить, по крайней мере, шесть разновидностей, внутри которых есть свои варианты (рис. 32).

Фрагменты рюмок на ножках, с подножками изготовленных из сплошного стержня из бледно-голубого, бледно-зеленого и бледно-оливкового стекла представлены 3 экз. (рис. 32, *ко 24, 173, 105*). Их ножки довольно массивные в верхней части в месте крепления к корпусу имеют утолщения. На дне (2 экз.) сохранился след от понтии в виде скола. На внутренней поверхности дна имеется округлая выпуклость, характерная для одновременного выдувания ножки и вместилища.

Сложно определить процесс изготовления ножек наших экземпляров — формовались они вместе с корпусом сосуда или отдельно. Заметим, однако, что на одном экземпляре бледно-оливкового цвета в нижней части стенок вместилища сохранились две рельефные узкие ленты, соединенные под углом (рис. 32, *ко 105*). Возможно, данные элементы связаны с конструктивными особенностями ручек.

Рюмки на ножках известны по раскопкам Херсонеса, происходят из комплексов второй четверти VI — третьей четверти VII вв., и на памятниках IX в. Юго-Западного Крыма[93].

---

[88] *Турова Н.П.* Пещерный христианский комплекс….С. 90.

[89] *Лысенко А.В., Тесленко И.Б.* Комплекс археологических объектов в балке Еди-Евлер и ее ближайших окрестностях (краткие итоги исследований 2003—2007 гг.) // Археологический альманах. Донецк: Донбасс, 2012. №. 28: Древняя и средневековая Таврика. С. 118. Выражаю свою благодарность исследователям памятника И.Б. Тесленко и А.В Лысенко за предоставленную готовящуюся к публикации информацию.

[90] *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 138, рис. 1,*12*.

[91] *Турова Н.П.* Пещерный христианский комплекс…С. 91, рис. 10.

[92] Один обнаружен Е.И. Виснивской.

[93] *Голофаст Л.А*. Рюмки из раскопок ранневизантийского Херсонеса //АДСВ. 1998. № 29. С. 239—242.

Большинство других днищ стеклянных сосудов и их фрагментов (не менее 40 экз.) относятся к различным типам лампад без ручек и лампад с тремя ручками. Среди них: *сосуды с вогнутым вовнутрь без поддона дном* (рис. 32, *ко 169*), *лампады на пьедестальных небольших ножках* (рис. 32, *ко 44/13, 89/13, 257*), на *ножке в виде стержня* (рис. 32, *ко 352*) и *конусовидным заостренным дном* (рис. 32, *нв 11326*), а также сосуды различного диаметра с *валикообразным полым краем* (рис. 32, *ко 412, 21/2, 46/13, 350*).

Среди обнаруженных в двух пещерах хребта Иограф лампадных ручках — 40 целых и 29 фрагментов (3 целых и 13 фрагментов ручек происходит из раскопок пещ. Иограф II) можно выделить три типа (рис. 33).

Первый — соответствует типу А по классификации Н.П. Сорокиной лампад с Таманского городища[94]. Они сформованы из гладкого круглого в сечении одинарного прута (одна ручка имеет небольшое ребро на наружной поверхности), прикрепленного верхним прилепом к венчику, а нижним — к стенке (7 экз.). Причем в большинстве своем данные лампады имели валикообразный полый край (рис. 33,I).

Подобные ручки обнаружены в комплексе 26 Херсонеса и датированы последней четвертью VII в.[95] Найдены они при раскопках двухапсидного храма конца VIII — первой половины IX — середины X вв. близ пгт. Семидворье[96] и на вершине горы Ай-Петри, где христианский храм функционировал не позднее XIII в.[97]

Ко второму типу относятся ручки-петельки, соответствующие типу Б по классификации Н. П. Сорокиной[98].

Капля стекла наносилась на стенку вместилища, образуя основание ручки, затем она вытягивалась, в небольшую петельку, второй ее конец в виде другой капли крепился в непосредственной близости от первой (рис. 33,*II*).

В пещерах Иографа было обнаружено, по крайней мере, 28 подобных целых ручек.

Л.А. Голофаст были выделены несколько способов изготовления ручек описанного типа[99]. Согласно одному из способов ручки крепились верхней части стенки сосуда, таким образом, что нижний прилеп был непосредственно ниже верхнего. Лампадки подобного крепления найдены в Херсонесе в комплексах последней четверти V в. — третьей четверти VII в.[100]

Точки соединения ручек другого способа были в непосредственном соприкосновении друг с другом, а иногда заходили друг на друга. В Херсонесе они обнаружены с материалом конца VI — начала VII вв.[101] Аналогичные ручки найдены при исследовании участка храмового комплекса VIII (?) —X вв. — XII—XIII вв. на г. Пахкал-Кая[102]; в слоях второй

---

[94] *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло… С. 156—158

[95] *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 140.

[96] *Лысенко А.В., Тесленко И.Б.* Комплекс археологических объектов… С. 118

[97] *Турова Н.П.* Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета Ар Крым в 2010 г. Ялта, 2011 // Научный архив НАН Украины. Фонд экспедиций—2011. С. 117.

[98] *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло… С. 156—158.

[99] *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского... С.141.

[100] Там же.

[101] Там же.

[102] *Лысенко А.В.* Позднеантичный — средневековый культовый комплекс на горе Пахкал-Кая // Археологічні дослідження в Україні 2010. Киев—Полтава, 2011. С. 223—224.

половины X в. в Судакской крепости[103], при зачистке пола храма X—XIII вв. возле перевала Гурзуфское Седло, который функционировал в период с конца XV по середину XVI вв.[104]

Среди нашего материала выделяются изделия двух описанных выше способов крепления. Одни из ручек располагались под краем венчиков лампад, другие намного ниже — на стенках сосудов.

Процесс изготовления третьего способа по Л.А. Голофаст, заключался в усложнении конструкции ручек. На лампадах появляется вертикальное ребро, идущее от ручки после формовки его кольца. Или, наоборот, сначала прикрепляли ленту к стенке сосуда, а затем формовали собственно ручку[105]. Судя по аналогиям, приведенным исследовательницей, подобные лампады появляются в Константинополе с середины V в. Комплексы Херсонеса с данными находками датированы концом VI — начала VII вв.[106]

Видимо конструктивные особенности лампад, ручки которых переходили в вертикальные ребра, идущие ко дну в дальнейшем были дополнены волнистыми стеклянными лентами, служившими как элементом декора, так и выполняли армирующую роль.

Третий тип ручек, представлен 23 целыми и фрагментированными экземплярами, которым соответствует 13 донцев лампадок на округлой пьедестальной ножке со следами понтии на дне (рис. 33,*III*). Характерной особенностей 12 ножек является полость с внутренней стороны дна лампадки. В пещере Иограф II была обнаружена одна такая ножка.

Фрагменты подобных лампад найдены в Коринфе, в слое, отнесенном к XI — первой половине XII вв.[107], в Северном районе Херсона, в квартале X в усадьбе 2 (помещение 15) в слое пожара второй половины XIII в.[108], при раскопках на Эски-Кермене[109] Аналогичная лампада обнаружена в 2007 г. на поселении Бокаташ II (окрестности Старого Крыма) и датирована исследователем второй половиной XIII в.[110]

Она имела сферическое тулово, отогнутую наружу горловину с тремя ручками. Ручки были расположены в верхней части тулова у горловины, выполнены в виде гладких полуколец с ленточными налепами — валиками. Они охватывали всю полусферу резервуара вплоть до придонной части лампы. По всей длине валик был украшен волнистым стеклянным жгутом[111].

Описанные типы стеклянных лампад из раскопок в пещерах Иограф I и Иограф II хорошо известны в странах Средиземноморья и на памятниках Северного Причерноморья, датируются второй половиной V—XI вв.[112] Лампады с тремя ручками, по мнению

---

[103] *Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень… С. 238, рис. 15.

[104] *Новиченкова Н.Г.* Скит на Гурзуфском Седле // Христианство на Южном Берегу Крыма. Материалы Крымской научно-практической конференции (24 ноября 2000 г.). Ялта, 2002. С. 10—11.

[105] *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского …. С.141.

[106] Там же.

[107] *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 425.

[108] *Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.* Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 189, 219—220, 224, 257, рис. 23,*9,14*.

[109] *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Позднесредневековая часовня … С. 446, рис. 14:3

[110] *Крамаровский М.Г.* Редкая сельджукская (?) лампа XII — начала XIII в. из пригорода Солхата // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 301—313.

[111] Там же.

[112]*Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло… Рис. 9; *Голофаст Л.А.* Рюмки из раскопок… С. 228—242.

исследователей, появляются в Северном Причерноморье в IV в. и продолжают бытовать вплоть до IX—X вв.[113]

Однако, судя по находкам в пещере Иограф и на других памятниках, подобные типы стеклянной посуды продолжают существовать и в более позднее время. Находки стеклянных сосудов известны при раскопках храма IX—XVI вв. на г. Аю-Даг[114]. Стеклянные сосуды с вогнутым дном без поддона и с валикообразным полым краем были обнаружены в слое пожара датированного второй половиной XIV—XV вв. из барбакана башни «Барнабо Грилло» крепости Чембало[115].

Другие предметы церковной утвари и инвентаря

Кроме лампад к церковной утвари относятся непременные их атрибуты — бронзовые проволочные держатели и крючья для их крепления, а также обрезки узких свинцовых пластин для фитиля.

Достаточно много их было найдено в пещере Иограф I. Всего обнаружено 32 бронзовых проволочных деталей крепления лампадок. Из них 5 — это крюки для подвешивания (рис. 34) и бронзовый пластинчатый крест с двумя сквозными отверстиями входивший в систему лампадного крепления (рис. 34, *ко 219*).

В пещере Иограф II данные артефакты редки. Вместе с тремя найденными в 20—30 х гг. XX в. Е.И. Визниовской бронзовыми держателями, в 2013 г. нами обнаружено только две находки, одна из которых представляет собой бронзовый проволочный погнутый крюк для подвешивания всей конструкции. Возможно, многие фрагменты железных стержней так же могли выполнять роль держателей. Свинцовых узких пластин для фитиля в «малой пещере» вовсе не обнаружено. В «пещере с храмом» (Иограф I) их найдено 75 штук.

При раскопках в 2012 г. в пещере Иограф I найдены части бронзовой крышки кадильницы XIII в. (рис. 35, *ко 364, 319*), застежки богослужебных книг (рис. 35, *ко 27/2, 216*), бронзовый ключ (рис. 35, *ко 318*), хорошо известные при раскопках средневековых памятников Северного Причерноморья.[116]

Возможно, фрагменты рельефных пластин, вырезанные из листов тонкого белого металла с пуансонным орнаментом, могли быть накладками, украшавшие оклады книг или другие изделия (рис. 35, *ко 89, 370, 95/13, 369, 367, 368*).

---

[113] *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло… С. 156—158; *Засецкая И.П.* Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV—VII вв. н.э. (из собрания Эрмитажа) // Боспорские исследовании. 2008. Вып. XX. С. 34.

[114] *Тесленко И.Б., Семин С.В., Лысенко А.В.* Раскопки храма XIV—XVI вв. на северо-восточном склоне г. Аю-Даг // Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии). Киев: Стилос, 2002. С. 170.

[115] *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. С. 479, рис. 365,*2,4,5,7,8*.

[116] *Рыжов С.Г.* Средневековая усадьба XIII в. в северном районе Херсонеса (постоялый двор) // Древности 1997—1998. Харьков, 1999. С. 175, 178; *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега и гор Таврических»: сб. науч. Трудов (по материалам конференции в честь 210 — летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: ИД «Стилос», 2004. С. 262; *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Позднесредневековая часовня… С. 452, рис. 20,*12*; *Булгаков В.В., Булгакова В.И.* Портовый комплекс Сугдеи (по данным подводных исследований 2004—2005 гг.) // Археологический альманах. Донецк: Донбасс, 2012. Вып. 28: Древняя и средневековая Таврика. С. 303.

Особый интерес представляет изделие (навершие) из белого металла смятое и имеющее утраты (рис. 35, *ко 41*). Оно обнаружено в каменном завале внутри храмовой постройки (в кв. 2Б), состоит из двух частей, соединенных припоем. Одна — округлая, сферической формы, другая — втульчатая. Край втулки, место соединение и самая широкая часть (диаметр — около 1,15 см) сферы — украшены сканью. Скань в виде скрученной проволоки. Размеры изделия — 2,1 × 1,2 × 0,7см, диаметр втулки — 1,2 см; диаметр сферической части — 1,15 см. Внутри округлой части присутствовали кусочки смолянистого вещества, видимо, для соединения навершия с корпусом предмета (возможно деревянного ?).

Предметы личного благочестия

К предметам личного благочестия относится костяная икона-пластинка прямоугольной формы с изображением Св. Никиты (рис. 36, *ко 246*). Она была обнаружена в нише на глубине не более 20 см от современной дневной поверхности.

Пластина высотой — 5,2 см, сохранилась на ширину — 4,05 см толщиной — 0,35—0,6 см. Ее левый верхний угол и часть поля с левой стороны — утрачены. В центре, в прямоугольном поле помещено погрудное изображение молодого мужчины анфас с коротко остриженными волосами и маленькой бородой, голова на четверть повернута вправо. Вокруг головы — нимб. В левой руке — крест. С правой стороны на гладком поле сохранилась надпись на греческом языке, расположенная вертикально в два столбца: «NIKIT» и отдельно, напротив предпоследней буквы, развёрнутого под прямым углом Т-образного знака. С левой стороны от изображения прослеживаются начертание слова, видимо «агиос» — «святой». Поле иконы обрамлено узким гладким бордюром. В нижней половине слева и посередине сверху сохранились элементы крепления в виде парных круглых отверстий и штыря. По всей видимости, икона представляла собой изображение великомученика Никиты Готского (†372).

Святой великомученик Георгий (†303) в образе всадника помещен на круглом свинцовом медальоне диаметром 2,5 × 1,5 см (рис. 36, *ко 365*). Изображение всадника обращено в левую сторону, дано в слабом рельефе. Конь показан в движении: правая передняя и левая задняя ноги подняты. Тыльная сторона медальонного кружка гладкая, слегка вогнутая. В верхней части медальона проделано два сквозных отверстия для подвешивания.

Аналогичная композиция с конным изображением святого воина помещена на свинцовом медальоне, обнаруженного при исследовании храма на г. Пахкал-Кая в слое VIII (?) — X вв.[117]

Из 13 крестов, найденных в пещере Иограф I, восемь относятся к нательным с оглавием в виде плоского ушка (рис. 37).

Один крест из белого металла четырехконечный с закругленными лопастями с парными спиралевидными выступами. На лицевой поверхности греческая надпись: «Господи помоги носящему»[118] (рис. 37, *ко 42*). Оборотная сторона гладкая. Крест был обнаружен во внутренней части храмовой постройки в верхней части слоя разрушения, в каменном завале.

[117] *Лысенко А.В.* Позднеантичный — средневековый культовый комплекс… С. 223.
[118] Перевод А.Ю. Виноградова.

Другие пять нательных крестов находят аналогии среди подобных артефактов из раскопок городов, сельских поселений и курганных могильников с территории древнерусских княжеств.[119]

Среди них два нательных круглоконечных двухсторонних креста из медного сплава с выемчатой эмалью (с одной стороны — желтой, с другой — зеленой) (рис. 37, *ко 218, 92/13*).

Находки подобных крестов были широко распространены на территории Древней Руси в домонгольское время, датируются по сопутствующему материалу XI—XII вв.[120]

Аналогии им в памятниках Крыма неизвестны. Мастерская по их производству была обнаружена на Подоле в Киеве[121].

К XII—XIII вв., судя по находкам из Суздаля и Киева[122], относится нательный двусторонний четырехконечный крест из медного сплава с шаровидными концами с «ушками» (рис. 37, *ко 248*).

В его средокрестии помещено рельефное изображение прямоконечного креста с рельефной рамкой по краю, в котором находится еще один прямоконечный крест из двух рельефных линий.

Этим же временем, XII—XIII вв., датируется двусторонний четырехконечный крест с уплощенно-шаровидными концами (рис. 37, *ко 317*). На лицевой стороне в плоском округлом средокрестии с рельефным бортиком по краю помещено рельефное изображение контурного прямоконечного креста. На оборотной стороне в плоском средокрестии находится слаборельефное изображение косого креста с выпуклой точкой в центре. Аналогичные нательные кресты происходят из киевской и житомирской областей[123].

В Суздале, Киевской и Московской области, а также в Латвии известны находки нательных четырехконечных равносторонних крестов с трехчастным завершением лопастей. Лицевая и оборотная сторона их повторяют друг друга. В центре ромбовидного средокрестия, в круглом углублении помещено выпуклое полушаровидное изображение солярного круга, вокруг которого крестообразно расположены четыре точки в круглых углублениях. Трехлопастные концы украшены подобными углубленными кружками с точками. Датируются подобные находки XII в.[124] В пещере Играф был обнаружен фрагмент такого креста (рис. 37, *ко 417*).

---

[119] *Кутасов С.Н., Селезнев А.Б.* Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески. М.: Группа «ИскателИ», 2010. С. 80, 137—143, 209, 248.

[120] *Мальм В.А.* Крестики с эмалью // Славяне и Русь. К шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова. М.: Наука, 1968. С. 116—117; *Кутасов С.Н., Селезнев А.Б.* Нательные кресты…С. 137—143, вар. 9; *Веремейчик Е.М.* Предметы христианского культа XI—XIII вв. на сельских поселениях черниговского полесья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10—16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор—История, 2010. С. 347.

[121] *Сагайдак М.А., Сергеева М.С., Михайлов П.С.* Новые находки древнерусского ремесла в Киеве // Древности—1996. Харьков, 1997. С. 31—42; *Беленькая Д.А.* Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. 1976. № 4. С. 89, рис. 1,*1*; *Кайль В.А., Нечитайло В.В.* Каталог нательных христианских крестов, подвесков и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X—XIII ст. Луганск, 2006. С. 20—22; *Кутасов С.Н., Селезнев А.Б.* Нательные кресты…С. 137—143, вар. 9; *Веремейчик Е.М.* Предметы христианского культа XI—XIII вв… С. 347.

[122] *Кайль В.А., Нечитайло В.В.* Каталог нательных христианских крестов… № 283; *Кутасов С.Н., Селезнев А.Б.* Нательные кресты…С. 248, № 571.

[123] *Кутасов С.Н., Селезнев А.Б.* Нательные кресты…С. 209, № 449 А, Б, тип XXI, вар. 1.

[124] Там же. С. 80, № 76 А.

У западной стены храма в 2013 г. была обнаружена лицевая створка бронзового энколпиона. Крест с прямыми, немного расширяющимися концами, с низкорельефным изображением распятого Христа в колобии (рис. 37, *ко 67/13*).

Врезными линиями выделены контуры фигуры Христа в одежде и нимб. Нижнее крепление шарнира — утрачено. Аналогичный крест—складень представлен в собрании Ханенко[125]. По классификации Г.Ф. Корзухиной относится к X—XII вв.[126]

В нише, где было обнаружено большинство крестов (8 штук), найден и небольшой ажурный нательный янтарный крестик (рис. 37, *ко 99/13*).

Среди подъемного материала выделяется фрагмент, напоминающий часть подтреугольного окончания ветви пластинчатого креста, с точечным пуансонным орнаментом по краю (рис. 37, *ко 135/13*).

К числу предметов личного благочестия, видимо, можно отнести и монету-привеску конца X — первой половины XI вв. (рис. 36, *ко 47*). Это монета Тмутараканского княжества, являющаяся подражанием милиарисию Василия II и Константина VIII[127]. Монета обнаружена при зачистке южной стены храма с внутренней стороны на глубине 0,20—0,30 см от современной дневной поверхности.

Большинство известных находок монет—привесок происходят из дружинных некрополей Киева, Гнездова, Шестовиц, Чернигова, Новгородской земли. Это обстоятельство дало основание А. Е. Мусину рассматривать их как «крестильные дары» и связать их с распространением процесса христианизации на «пути из варяг в греки»[128].

В расщелине ниши пещеры обнаружен и один железный крест, изготовленный из согнутого железного прута с зауженной нижней частью (рис. 37, *ко 220*).

Подобные кресты хорошо известны на территории Таврики, найдены они и в Горном Крыму, например на Гурзуфском Седле[129], на вершине г. Ай-Петри,[130] в слоях XII—XIII вв. храма на горе Пахкал-Кая.[131] Большинство из них имеют загнутый под прямым углом нижний удлиненный конец для крепления. Исследуя кованные железные пластинчатые кресты византийско-кавказского типа с подобным завершением нижней части М.Н. Ложкиным и С.Н. Малаховым было высказано предположение не столько о литургическом назначении крестов, сколько использования их в качестве вотивов.[132]

---

[125] *Ханенко Б.И., Ханенко В.Н.* Древности Русские. Кресты и образки // Древности Русские. Кресты и образки. (Выпуск II), 1900. табл. XXIV,*275*.

[126] *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI—XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. Табл. 2,*I.1/8*.

[127] *Бабаев К.В.* Монеты Тмутараканского княжества. М.: Древлехранилище, 2009. С. 36—67, тип III а—2.

[128] *Мусин А.Е.* Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средиземноморья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское востоковедение (Серия «Militari Antiqua»,VIII), 2005.С. 152, 154.

[129] *Новиченкова Н.Г.* Комплекс находок из раскопок христианских культовых сооружений на Гурзуфском Седле // VIII Дмитриевские чтения(27—28 марта 2003 г.): история Южного берега Крыма. Симферополь: Магистр, 2005. С. 17.

[130] *Турова Н.П.* Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета АР Крым в 2010 г. … С. 17—19; Она же. Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета АР Крым в 2011 г…С. 8—10.

[131] *Лысенко А.В.* Позднеантичный — средневековый культовый комплекс …С. 223—224.

[132] *Ложкин М.Н., Малахов С.Н.* Железные кресты византийско-кавказского типа из Отрадненского музея // Историко-археологический альманах. 1996. 2. С. 202—209.

В пещере Иограф II из предметов личного благочестия найдено два нательных креста и, видимо, фрагмент третьего, от которого сохранилось оглавие (рис. 36, *ко 252/13, 309/13, 254/13*).

Один из крестов (рис. 36, *ко 252/13*) изготовлен из оловянистой (?) бронзы, криноконечный (1,8 × 1,55 × 1,25 см). В средокрестии соединен рельефными дугами. На лицевой стороне в центре средокрестия помещена выпуклая точка. Оборотная сторона креста плохо проработана. Между выступами на концах боковых лопастей расположены лепестки с Т-образными завершениями. Аналогии ему обнаружены в Киеве, в Курске, на поселение Настасьино датируются XI—XII вв.[133]

Другой крест (рис. 36, *ко 309/13*) двухсторонний четырехконечный с шаровидными концами (2,6 × 1,8 × 0,45 см). На лицевой и оборотной сторонах в квадратном средокрестии помещено слаборельефное изображение косого креста в рельефной рамке. Оглавие в виде плоского ушка. Подобные находки обнаружены в Брянской области относятся XI—XIII вв.[134] Они известны и в Крыму, например, при раскопках храма в Тепе-Кермене и датирована XIII—XIV вв.[135] Подобные кресты изготавливали в Новгороде, где была обнаружена литейная форма.[136]

К предметам личного благочестия, с большой долей осторожности, можно отнести и антропоморфный амулет из белого металла, найденный в шурфе около входа в пещеру Иограф II (рис. 36, *ко 184/13*). Он залегал на глубине не более 0,10 м от современной дневной поверхности.

Амулет пластинчатый (2,25 × 2,35 × 0,2 см) в виде антропоморфной фигуры в позе оранта отлитый в форме вместе с выступом, имеющим сквозное отверстие для подвешивания. Фигура дана по пояс. Лицевая сторона — в слабом рельефе, обратная — вогнутая. Руки согнуты в локте ладонями кверху. Голова в фаз. Детали изображения не проработаны. Выделены: глаза (точками), пальцы рук, позвоночник, плечи и живот (не глубокими черточками).

Близкие аналогии нашему амулету, изображающего человека с поднятыми согнутыми в локте руками ладонями к верху, можно найти в комплексах поздней античности, раннего средневековья. Исследователи приписывают их гуннам, сармато—аланам, славянам.[137]

Учитывая контекст нашей находки ее можно отнести ко времени не ранее X—XI вв.

---

[133] *Мальм В.А.* Крестики с эмалью. …С. 183, вариант 6, № 367.

[134] *Кутасов С.Н., Селезнев А.Б.* Нательные кресты, …С. 214, № 464.

[135] *Петровский В.А.* Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики (сборник материалов по церковной археологии). Киев: Стилос, 2002. С. 91, рис. 6,*31*.

[136] *Колчин Б.А.* Ремесло — в кн. Древняя Русь. Город. Замок. Село / отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985 (Серия Археология СССР). С. 289, табл. 105,*8*.

[137] *Шелов Д.Б.* Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 87—93; *Ковалевская В.Б.* Антропоморфные амулеты VI—IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. 1983. № 176. С. 176; *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982. С. 266; *Василев В.Й.* Бронзовая накладка в виде человеческой фигуры из Южной Добруджи // СА. 1991. № 3. С. 273—275; *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 234, рис. 55,1.

Украшения

Среди украшений, найденных в пещерном комплексе Иограф, выделяются браслеты, пуговицы и пуговицы-бубенчики, перстни, серьги, нашивная бляшка, ажурные пряжка и подвеска, бусины из стекла, камня, металла, подвеска из раковины каури и зуба млекопитающего.

Браслеты в основном представлены стеклянными изделиями, изготовленными из гладкого вытянутого полупрозрачного прута из зеленого и бледно-синего стекла. Дрот округлой в сечении формы. Браслеты представлены шестью обломками из пещеры Иограф I и семью фрагментами из пещеры Иограф II. Браслеты одного типа, без орнамента (рис. 38).

Эти украшения, являющиеся ярким хронологическим репером, были широко распространены в Северном Причерноморье в XI—XII вв. В материалах второй половины XIII в. они встречаются лишь в виде отдельных мелких фрагментов.[138]

В пещере Иограф II найдены два фрагмента возможно пластинчатого бронзового браслета (рис. 41, *ко 287/1,2*) с орнаментированной одной стороной и гладкой с другой. Орнамент, отчеканенный в виде пунктирной линии.

На одной части сохранился сетчатый ромбический орнамент, образованный двойной пунктирной линией. Другая часть, видимо, конец изделия с прямоугольными углами, украшена с торца 4-мя параллельными линиями. Толщина фрагментов — 0,05—0,1 см.

Пуговицы и пуговицы-бубенчики представлены 20 экз. шести типов. Они изготовлены из кости и металла (рис. 39, 41).

К первому типу пуговиц относятся две костяные застежки. Одна из них обнаружена в пещере Иограф I, представляет хорошо известный тип круглых пуговиц-застежек с отверстием в центре (диаметр — 2,15 см; высота — 0,7 см; диаметр отверстия — 0,6 см) (рис. 39, *ко 70/13*). Она украшена циркульным орнаментом и насечками и, возможно, была выкрашена зеленой краской (?).

В Сугдее восемь из девяти костяных застежек подобного типа найдены в христианских погребениях.[139] Костяные пуговицы-застежки получили распространение на территории Восточной и Центральной Европы, Средней Азии и Переднего Востока.[140] Массовые находки данных изделий обнаружены в южной части ареала: в Крыму, в Волжской Болгарии, на территории Нижнего Поволжья, в Северном Подунавье, на территории Древней Руси.[141] Эти изделия, бывшие в моде во второй половине X—XIV вв., встречаются как у оседлого, так и кочевого населения Восточной Европы.[142] По мнению М.С. Сергеевой в X—XI вв. пуговицы могли попадать на территорию восточной Европы как импорт с Византии[143]. В

---

[138] *Майко В.В.* Стеклянные браслеты византийской Таврики. Вопросы типологии, технологии и хронологии // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Международной научной конференции (Харьков, 9—10 ноября 2012 г.) Харьков:ООО «НТМТ», 2012. С. 88—89.

[139] Он же. Изделия из кости и рога византийской Сугдеи X—XII вв. // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 319—320, рис. 3,*4*.

[140] *Сергеева М.С.* Об одном типе средневековых пуговиц на территории Восточной Европы// Археологія і давняя історія України. Випуск 2 (13) Київ. 2014. С. 150—158.

[141] *Федоров-Давыдов Г.А*. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Издательство Московского университета, 1966. С. 70—71; *Майко В.В.* Изделия из кости и рога византийской…С.. 320-321; *Сергеева М.С.* Об одном типе средневековых пуговиц… С. 150—158.

[142] *Майко В.В.* Изделия из кости и рога византийской… С. 321—322; *Сергеева М.С.* Об одном типе средневековых пуговиц… С. 150—158.

[143] *Сергеева М.С.* Об одном типе средневековых пуговиц… С. 153.

XII—XIII вв. их производство было налажено и на территории Древней Руси (Киева)[144]. В малой пещере также найдено костяное изделие (пуговица ?) со сквозным отверстием в виде неправильного усеченного конуса, в плане подтреугольной формы (высотой 0,55 см; размеры основания — 1 × 0,9 см; диаметр отверстия — 0,4 см) (рис. 41, *ко 275*). Верхняя часть выпуклая, нижняя плоско срезана со следами среза. Канал цилиндрический достаточно широкий.

Второй тип пуговиц представлен крупным литым бубенчиком с крестообразной щелью, обнаруженный в «малой пещере» (рис. 41, *ко 286*). Данный тип хорошо известен в Крыму и датируется XI — первой половины XII вв.[145] Бубенчики с крестообразной щелью происходят из могильников окрестностей Судака,[146] христианского некрополя к западу от Баклы[147].

К третьему типу относятся литые пуговицы-бубенчики с одной щелевидной прорезью, украшенные концентрическими линиями (5 экз. — из пещеры Иограф I и 1 экз. — из пещеры Иограф II) (рис. 39, *ко 263, 372, 373, 337, 338*; рис. 41, *кп 59139*).

В крымских памятниках подобные изделия встречаются с конца VII в., а также в X—XII вв.[148] На территории Древней Руси они появляются во второй половине XI в. и используются вплоть до XIII в.[149]

К четвертому типу относятся девять целых и фрагментированных пуговиц сферической формы, соединенные из двух поперечных половинок из пещеры Иограф I и две пуговицы с пещеры Иограф II. Внутри типа выделяется 3 варианта.

1 вариант представлен сферическими пуговицами без каких либо особенностей диаметром от 0,8 см — до 1,8 см (3 экз. из пещеры Иограф I и 2 — из пещеры Иограф II) (рис. 39, *ко 109, 386, 374, 324*; рис. 41, *ко 313*).

Ко 2 варианту относится большие пуговицы диаметром 2,3—2,5 см, с узкой прорезью в нижней части (виде трещины) (2 экз. — Иограф I) (рис. 39, *ко 320, 108*). На одной из пуговиц сохранились следы врезного орнамента в виде креста (?). Верхняя часть отлита вместе с прямоугольным ушком, в которое была продета проволока (сохранился ее небольшой фрагмент). Вся верхняя половина пуговицы покрыта окислами железа (рис. 39, *ко 320*).

К варианту 3 относятся две пуговицы из раскопок пещеры Иограф I с небольшим выступом в нижней части имеющие различную конфигурацию. В одном случае — это небольшой заостренный выступ (рис. 39, *ко 68/13*), в другом — выступ виде полого цилиндра (рис. 39, *ко 375*).

---

[144] Там же.

[145] *Майко В.В.* Материальная культура Восточного Крыма второй половины X— II вв. // Ῥομαῖος: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков: Майдан, 2013. Т. 2. Харьков: Майдан, 2013. С. 249.

[146] Он же. Средневековые некрополи Судакской долины. К.: Академпериодика, 2007. С. 75, рис. 47

[147] *Петровский В.А., Труфанов А.А.* Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993—1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь: Таврия, 1996. Рис. 4*,2,3*, 10,*6,7*, 12,*3,10, 11*.

[148] *Новиченкова Н.Г.* Комплекс находок … С.. 19; Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1 (Раскопки 1977, 1982-1984 гг.). Симферополь; Керчь. 2008. С. 69, рис. 34: 23,24; *Они же.* Позднесредневековая часовня…С. 452, рис.20,*8,9,13*.

[149] *Степанова Ю.В.* Привески в составе древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10—16 апреля 2006 г.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. С. 298.

Второй подвариант представлен нижней частью небольшой посеребренной (?) пуговицы (диаметр — 1,25 см) (рис. 39, *ко 375*). Подобная пуговица в виде «плода граната» происходит из грунтовой могилы № 4 XIII в. монастырского комплекса на мысе Димитраки в Юго-Восточном Крыму[150]. Аналогичная находка найдена при раскопках храма в с. Малый Маяк.[151] Храм отнесен исследователями к концу XIV — начала XV, некрополь же его просуществовал до последней четверти XVIII вв.[152] Здесь же была обнаружена и другая маленькая цельнолитая пуговица, близкая экземпляру из пещеры Иограф I, отнесенному к пятому типу (рис. 39, *ко 211*).

К шестому типу относится часть полой пуговицы шарообразной филигранной работы с узором из спиралевидных завитков и припаянной внизу пирамидкой из шариков (рис. 39, *ко 366*).

Подобные полые шарообразные подвески с пластинчатым ушком обнаружены при исследовании укрепления Фуны датируются третьей четвертью XV в.[153] Многочисленные находки аналогичных пуговиц—подвесок происходят из Прохладненского могильника Бахчисарайского района, датируется второй половиной XVII—XVIII вв. и относятся к этнографическому костюму крымских греков[154].

Перстни представлены девятью целыми и фрагментированными экземплярами (рис. 40). В основном они обнаружены в пещере Иограф I в нише (рис. 40, *ко 88, 205,206, 207, 210*).

Среди них сохранился круглый слегка выпуклый наружу щиток перстня, украшенный рельефным изображением креста (рис. 40, *ко 88*).

Особый интерес представляет ажурный перстень из белого металла, собранный из нескольких частей (рис. 40, ко 205). Его коробчатый щиток, украшен в центре вставкой из бирюзы (?). Своими морфологическими и стилистическими особенностями он близок ювелирным изделиям Симферопольского клада XIII—XV вв.[155]

К серьгам, по крайней мере, относятся три металлических изделия — это простая проволочная серьга с незамкнутыми концами (рис. 40, *ко 389*) из пещеры с храмом. И две серьги из малой пещеры (рис. 41, *ко 311, ко 312*). Одна, проволочная небольшая с заходящими друг на друга концами (рис. 41, *ко 312*), другая серьга состоит из дрота круглого в сечении со сложно навитой вокруг него проволоки (рис. 41, *ко 311*).

Бусины, обнаруженные в пещерном комплексе Иограф представлены тридцатью 6 экз. (14 — из пещеры Иограф I и 22 — из пещеры Иограф II) (рис. 40, 41).

Они изготовлены из стекла (31 экз.), янтаря (1 экз.), сердолика (2 экз.), жемчуга (?) (1 экз.), бронзы (1 экз.). Кроме этого в пещере Иограф I найдена подвеска из раковины каури (рис. 40, *ко 96*), а в пещере Иограф II — клык млекопитающего с просверленным отверстием (рис. 41, *ко 219*).

Среди стеклянных бусин представлены: монохромные (20 экз.) и полихромные (11 экз.).

---

150 *Баранов И.А.* Раскопки на мысе Димитраки в 1982 г. // Сугдейский сборник. 2010. Вып. IV. С. 612, рис. 12,*3*.

151 *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Средневековый христианский храм …С. 289, рис. 12,*9*.

152 Там же. С. 260—296.

153 *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV в. … С. 444, рис. 351,*40*.

154 *Белый А.В., Белый О.В., Лобода И.И.* Позднесредневековые плитовые могильники Юго-Западного Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь: Таврия, 1993. С. 170, 392, рис. 18: 7-10.

155 *Мальм В.А.* Симферопольский клад. Сокровища Государственного ордена Ленина Исторического музея. М.: Внешторгиздат, 1980.С. 12.

Среди монохромных выделяются бусины, изготовленные с помощью навивки, различных форм. Выделяются: шаровидные, в виде колец, призматические граненые, биконическая, зонные одночастные и двухчастные. Среди двухчастных навитых бусин имеется ребристая (рис. 41, *ко 216*). Бусины изготовленные из синего, желтого, зеленого, коричневого стекла. Подобные изделия встречаются довольно широко в средневековых слоях Таврики X—XIII вв. и за ее приделами, в том числе и на территории древнерусских княжеств.

Полихромные бусины — глазчатые, украшенные накладными нитями в виде спирали, фестона, ободков. Особенно большим разнообразием декора и форм отличаются находки из пещеры Иограф II (рис. 41).

Аналогичные стеклянные бусы происходят из некрополей Судакской долины,[156] средневекового христианского комплекса к западу от Баклы IX—XII вв.,[157] они обнаружены среди находок с Тепе-Кермена.[158] Подобные бусины известны из раскопок памятников севера Руси.[159]

Среди каменных бусин — две сердоликовые: одна — шаровидной формы (рис. 40, *ко 359*), другая призматическая — восьмигранная (рис. 40, *ко 17/13*).

Подвески из раковин каури и клыков млекопитающих широко распространены в некрополях Крыма античного и средневекового времени. Известны они в могилах Бахчисарайского района к западу от Баклы[160] и в окрестностях Судака[161].

Среди украшений и деталей этнографического костюма выделяются фигурная пряжка и подвеска из белого металла, обнаруженные в ниши в пещере Иограф I (рис. 40, *ко 214, 215*). Подобные детали пряжки — застежки хорошо известны из Прохладненского плитового могильника.[162] Находки аналогичных изделий найдены и на Южном берегу Крыма. Так при исследовании храма с некрополем в с. Малый Маяк обнаружено несколько подобных изделий. По условиям их обнаружения они датированы временем не ранее XVI в.[163]

Пряжка железная (обувная или подпружная ?) безщитковая с прямым язычком с продольно ориентированной полуовальной рамкой найдена в шурфе перед входом в пещеру Иограф II (размер — 2,5 × 2,55 × 0,6 см) (рис. 41, *ко 180*).

Здесь же при входе в пещеру Иограф II была обнаружена деформированная бляшка из желтого металла полусферической формы (1,1 × 0,6 × 0,3 см; реконструируемый диаметр — 1 см), имеющая с двух противоположных сторон сквозные пробитые отверстия (рис. 41, *ко 220*).

Подобные бляшки известны при раскопках древнерусских некрополей в Новгородской области, реконструируются как элементы женского головного убора или одежды.[164]

---

[156] *Майко В.В.*Средневековые некрополи … С. 63,7.

[157] *Петровский В.А., Труфанов А.А.* Средневековый христианский комплекс… Рис. 4,*9*, 8,*3*, 9,*7*, 10,*3*.

[158] *Петровский В,А.* Православные памятники Тепе-Кермена. … Рис. 7.

[159] *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: «Индрик», 2004. Рис. 301,*34*; *Захаров С.Д., Кузина И.Н.* Изделия из стекла и каменные бусы // Археология северорусской деревни X—XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология, 2008. С. 142—215.

[160] *Петровский В.А., Труфанов А.А.* Средневековый христианский комплекс… С. 247, 248, рис. 12,*4*, 13,*7*.

[161] *Майко В.В.*Средневековые некрополи… С. 63, 86, 90, 93, рис. 36, 55, 58, 61.

[162] *Белый А.В., Белый О.В., Лобода И.И.* Позднесредневековые плитовые могильники… С. 171.

[163] *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Средневековый христианский храм… С.. 265, 289, рис. 12.

[164]*Шмелев К.В.* Находка комплекса древнерусских женских украшений у дер. Ивня // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сборник научных статей. СПб.: Нестор—История, 2010. С. 135, рис. 2.

Оружие и орудия труда

При раскопках в пещере Иограф II обнаружена деталь поясного набора — медная обоймица от ножа (?) (рис. 42, *ко 338*). Вырезанная из тонкой пластины в виде неправильного овала со сквозной прорезью овальной формы (размером 1,5 × 0,7 × 0,1 см), она близка плоским яйцевидным обоймицам известным при раскопках средневекового города Северо-Восточной Руси — Белоозеро.[165]

Наконечник стрелы железный крупный, найден в пещере Иограф II (рис. 42, *ко 315*). Длиной (сохранившаяся часть) — более 8,5 см, длина — пера — 6,16 см, ширина пера — 3,25 см. Перо в виде ромба, имеет слегка намеченный упор для древка. Подобные стрелы стали широко распространены в Восточной Европе с XIII — до начала XV вв. Они применялись для стрельбы по коням и не защищенным бронею воинам.[166]

Свинцовая пуля от ручного огнестрельного оружия, обнаружена у входа в пещеру Иограф II, она видимо силой выстрела была впущена в материк (рис. 42, *ко 229*). Пуля в виде шарика диаметром 1,35 см. не имеет следов литья и швов.

При раскопках 2011—2013 гг. пещерного комплекса Иограф найдено 67 целых и фрагментированных кованных железных гвоздей. Из них 47 обнаружены в пещере Иограф I (большая часть, из них найдена в нише, у восточной стены пещеры)[167]: 6 гвоздей — в шурфе 2011 г., около входа в «пещеру с храмом». В малой пещере Иограф II найдено 14 кованных гвоздей.

Выделяется, по крайней мере, три типа данных изделий. Первый — это крупные гвозди длиной от 5,50 — до 12 см (около 10 экз.). Второй тип — средние, длиной около 3 см (более 20 гвоздей). И третий тип — мелкие, около 2 см длиной, преимущественно с округлыми выпуклыми шляпками. Видимо, большинство гвоздей второго и третьего типов, служили для крепления подков (рис. 42, *ко 23/11, 181*).

Оселки, вернее их фрагменты, найдены в пещере Иограф I и в шурфе около ее входа, всего — 3 экз. (рис. 42, *ко 14/11, 1/12, 132/13*). Изделия брусковидной формы, изготовлены из мелкозернистого песчаника.

Монеты

Во время археологических исследований пещерного комплекса хребта Иограф, обнаружено 86 монет из них 51 — найдена в нише пещеры Иограф I[168].

Большинство из обнаруженных в «пещере с храмом» монет составляют монеты Крымского ханства второй половины XV — первой половины XVIII вв: Хаджи Гирая I (1441/2—1467 гг.) — 1 экз., Менгли Гирая I (1467—1515 гг.) — 4 экз., Мухаммеда Гирая I (1515—1523 гг.) — 3 экз., Сахиб Гирая I (1532-1550 гг.) — 3 экз., Девлет Гирая I (1550—1577 гг.) — 11 экз., Мухаммеда Гирая II (1577—1584 гг.) — 13 экз., Ислам Гирая II (1584—1588 гг.) — 1 экз., Гази Гирая II (1588—1607/8) — 9 экз., Джанибек Гирая (1610—1623 гг.) — 1 экз., Мухаммеда Гирая III (1641—1644, 1654—1666 гг.) — 1 экз., Мухаммеда Гирая IV

---

[165] *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро… Рис. 119,*4,5*.

[166] *Медведев А.Ф.* Татаро-монгольские наконечники стрел в восточной Европе // СА. 1966. № 2. С. 59.

[167] Помимо, названных находок при раскопках в ниши в пещере Иограф I найдено более тридцати фрагментов стержней и аморфных кованных изделий из железа.

[168] Монеты определены к.и н. М.М. Чорефом.

(1641—1644, 1654—1666 гг.) — 1 экз.[169]; Менгли Гирая II (1724—1730 гг.) — 2 экз.; Селямет Гирая II (1740—1743 гг.) — 1 экз.

Кроме того, найдены упомянутая ранее монета Тмутараканского княжества конца X — первой половины XI вв. — подражание милиарисию Василия II и Константина VIII (рис. 36, *ко 47*) с отверстием для подвешивания, византийская монета Алексея III (1195—1203 гг.), анонимный фоллис г. Херсона XIII—XIV вв., три монеты Золотой Орды XIV в., две генуэзско—татарские монеты чекана г. Каффы XV в. и монета Ивана Грозного (1533—1584 гг.). Четыре монеты плохой сохранности остались неопределенными.

Полной неожиданностью оказалась находка в 2013 г. монеты г. Себастополиса первой половины XV в. — пятая монета из числа известных в мире на данных момент. На аверсе монеты помещено погрудное изображение святого и надпись «● МАТФЕ» [Ἅγιος Ματθαίος] — «*святой Матфей*». На реверсе — двухстрочная надпись: «+ПLAN SABAS» — «*Регион Сабас*».[170]

Таким образом, из 65 монет найденных в пещере Иограф I к началу X — XIV—XV вв. относятся 9 монет, ко второй половине XV — началу XVII вв. — 47 монет, к середине — второй половине XVII — первой половине XVIII вв. — 5 монет.

При исследованиях пещеры Иограф II и ее окрестностей обнаружено 21 монета Крымского Ханства XV—XVII вв.: Хаджи Гирая I (1420—1466 гг.) — 1 экз. Менгли Гирая I (1466—1467, 1469—1474, 1475, 1478 и 1479—1515 гг.) — 4 экз.[171], Сахиб Гирая I (1532—1550 гг.) — 5 экз., Девлет Гирай I (1550—1577 гг.) — 4 экз., Мухаммеда Гирая II (1577—1584 гг.) — 6 экз.; Джанибек Гирая (1627—1635 гг.) — 1 экз.

Выводы

В результате анализа хорошо датирующихся археологических находок из раскопок пещер Иограф I и Иограф II можно выделить пять этапов существования пещерного христианского комплекса над Ялтой.

I этап — X (?) — XI—XIII вв. связан со строительством храма в пещере Иограф I и начальным функционированием всего пещерного комплекса.

К этому времени относятся фрагменты глазурованных белоглиняных и красноглиняных импортных сосудов открытой и закрытой формы, многочисленные фрагменты стеклянных лампад и сопутствующие им бронзовые крепления, предметы церковной утвари и личного благочестия, стеклянные браслеты и бусины, большинство типов пуговиц—бубенчиков.

II этап — XIV—XV вв. Характеризуется многочисленными находками фрагментов неглазурованной и глазурованной посуды местного (крымского производства), монетами.

III этап — конец XV — конец XVIII вв. Этот период, вероятно, связан с постепенным упадком данного культового места, обусловленным захватом в 1475 г. Крыма Османской Портой и последующим разрушением храма уже после принудительного переселения крымских христиан в Приазовье. В памяти этих людей он остался как церковь св.

[169] *Чореф М.М.* Монетные находки из пещеры… С. 361—362.

170 *Чореф М.М.* «Verba volant, scripta manent», или к истории Шадибека // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 9. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. С. 11.

[171] Одна монета найдена В.И. Виснiовской, сохранилась только на ее рисунке. Монета была опубликована М.М. Чорефом (См.: *Чореф М.М.* Монетные находки из пещеры… С. 360—361).

Вознесения[172]. К этому периоду относятся единичные предметы этнографического костюма местных жителей и многочисленные нумизматические находки как в «пещере с храмом» (Иограф I), так и в «малой» пещере (Иограф II)[173].

После присоединения Крыма к России (1783 г.) — на IV этапе истории культового комплекса, храм в пещере Иограф разрушился окончательно в силу естественных причин. Интерес к объекту был возобновлен на короткое время в конце XIX — в первых десятилетиях XX вв., но только в качестве краеведческой достопримечательности.

V этап — современный, он начался во второй половины XX в. Пещера Иограф I превратилась в место удобной туристической стоянки. И, как следствие этого, с каждым годом в пещере появляются все новые и новые кострища, перекрывающие перекопы минувших столетий.

Таким образом, хронологические рамки функционирования христианского пещерного комплекса хребта Иограф в качестве культового объекта, охватывает период с X(?)—XI до конца XVIII вв.

На данный момент известно три храма, расположенных в радиусе более 10 км от пещерного комплекса Иограф (рис. 43). Это два наземных сооружения — храм у перевала Гурзуфское Седло и храм на г. Ай-Петри и третий храм, построенный в пещерном комплексе г. Басман.

Храм у перевала Гурзуфское Седло находится в 12 км северо-восточнее описанных пещер хребта Иограф, на высоте 1434 м. над уровнем моря[174]. При раскопках его исследователями было зафиксировано три строительных периода, которые связаны с тремя культовыми постройками, сооруженными на одном и том же месте[175]. Это храм конца VII—X, храм X—XIII вв., и скит конца XV — середины XVI вв.[176] Видимо, период X—XIII вв. судя по опубликованному материалу, являлся наиболее ярким в истории христианского культового комплекса. К этому времени Н.Г. Новиченкова относит многочисленные находки кубиков смальты от мозаики, «*фрагменты амфор, обломки высокогорлых кувшинов, херсонесские и византийские монеты, кресты, в том числе два бронзовых энколпиона*»[177]. В XIII в. здание подверглось разрушению, в связи с первыми набегами монголо-татар.[178]

В это же время и, возможно по тем же причинам, был разрушен храм на вершине г. Ай-Петри, сооруженный в IX—XI вв.,[179] находящийся более 10 км к юго-западу от хребта Иограф на высоте 1234 м над ур. моря.

---

[172] *Мальгин А.В.* Из наследия… С. 157; *Кузнецов А., Мухин В.* Ялта и окрестности… С. 19.

[173] *Чореф М.М.* Монетные находки из пещеры … С. 360—363.

[174] *Новиченкова Н.Г.* Христианские памятники на Гурзуфском Седле // V Дмитриевские чиения. История Крыма: факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары. Симферополь:Таврия—Плюс, 2001. С. 3—11; Она же. Скит на Гурзуфском Седле… С. 10—13; Она же. Комплекс находок из раскопок христианских культовых…С.16-20; *Она же.* Распространение христианства на Южном Берегу Крыма (по материалам археологических исследований) // Город начинался с Поликура (Материалы конференции, посвященной 170—летию освящения храма, 14—16 сентября 2007 г. Симферопь: Бизнес-Информ, 2008. С. 24—29.

[175] Она же. Скит на Гурзуфском Седле… С. 10—13.

[176] Она же. Христианские памятники… С. 3—11; Она же. Скит на Гурзуфском Седле… С. 10—13; Она же. Комплекс находок из раскопок христианских культовых…С. 16—20; Она же. Распространение христианства… С. 24—29.

[177] Она же. Распространение христианства… С. 27.

[178] Там же.

[179] *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Отчет об археологическом обследовании трассы проектируемого газопровода г. Ялта — пгт. Форос (участок г. Ялта — с. Веселое) в 2004 г. Симферополь, 2004. С. 16; Они же. Археологические

Средневековый археологический материал, выявленный на памятнике, представлен: фрагментами туфовых архитектурных деталей, обломками красноглиняных черепиц (керамид и калиптеров) VIII—X (?) вв., фрагментами высокогорлых кувшинов второй половины IX — первой половины XI вв., отдельными обломками гончарных сосудов группы ЮЗК XIII в., осколками стеклянных лампад, кремнем для кресала, крестами, среди которых, выделяются железные кованные, согнутые из прута, фрагментом бронзового бубенчика.[180]

Однако среди археологического материала полностью отсутствуют находки фрагментов поливных сосудов[181]. Судя по археологическим исследованиям, храм на вершине г. Ай-Петри, разрушенный в XIII в. не был восстановлен.

Что же касается храма на Гурзуфском Седле, то в конце XV — середине XVI вв., он был отстроен, но функционировал уже как скит.[182] В 10 метрах к северу от него была обнаружена безинвентарная плитовая могила с одиночным погребением.[183] Впоследствии, на месте развалин скита был установлен менгир высотой в 1 м. Вплоть до присоединения Крыма к России намоленное место по-прежнему оставалось почитаемо[184].

Таким образом, два упомянутых выше объекта были построены и существовали в одно и тоже время с культовым комплексом хребта Иограф. Однако если они были хорошо видны каждому путнику, который проходил по древним дорогам, расположенным на яйлах, то храм, построенный в пещере Иограф, был скрыт от постороннего взгляда.

Пещерный комплекс хребта Басман[185] является наиболее близкой аналогией нашему памятнику. Он расположен на расстоянии чуть более 10 км на северо—северо—восток от пещерного комплекса Иограф, на высоте около 1136 м над ур. моря.

Храм обнаружен в одной из многочисленных пещер (№ 5) хребта Басмана[186]. Его внутренние размеры 3,2 × 1,6 м, при диаметре апсиды — 1,3 м, почти соответствуют внутренним параметрам храма в пещере Иограф I (2,2 × 1,2 м — вместе с апсидной частью). Стены храмовой постройки на Басмане сложены из бутовых камней на известковом растворе. Туфовыми блоками был выложен коробовый свод храма, а из клинчатых деталей мшанкового известняка выполнены арки окна в апсидной части и вход в западной стене

разведки на территории Ялтинского горсовета в 2004 г. // Археологические исследования в Украине 2003—2004 гг. Вып. 7. Киев: ИА НАН Украины: Запорожье: Дикое Поле, 2005. С. 295—296; *Турова Н.П.* Средневековые христианские храмы… С. 11; Она же. Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета АР Крым в 2010 г. С. 18, 19; Она же. Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета АР Крым в 2011 г… С. 8—9; Она же. Исследования на территории Большой Ялты... С. 133—135.

180 *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Отчет об археологическом обследовании трассы … С. 16; *Турова Н.П.* Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета АР Крым в 2010 г... С. 18, 19; Она же. Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета АР Крым в 2010 г. С. 18, 19; Она же. Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета АР Крым в 2011 г…С. 8—9; Она же. Исследования на территории Большой Ялты... С. 133—135.

181 По словам Н.Г. Новиченковой, фрагментов средневековых поливных сосудов на Гурзуфском Седле так же почти нет.

182 *Новиченкова Н.Г.* Христианские памятники... С. 8; Она же. Скит на Гурзуфском Седле… С.10—13.

183 Она же. Скит на Гурзуфском Седле …С. 12.

184 Там же. С. 12—13.

185 *Иванов Б.Н., Дублянский В.Н., Домбровский О.И.* Басманские пещеры в Горном Крыму (Карстологический и археологический очерк) // Крымское государственное Заповедно-охотничье хозяйство (50 лет). Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 21—32.

186 Там же. С. 29—30.

храма. Кровля храма сложена из каменных плиток. Рядом с храмом обнаружены три могилы с неоднократными захоронениями (в них найдено 18 мужских, женских и детских погребений).[187]

Культурный слой в пещере № 5 мощностью более двух метров. Нижние напластования насыщены золой, многочисленными фрагментами посуды, костями домашних животных и другими находками, датируется VIII—X вв.[188] Верхний слой, лежащий на тонкой прослойке золистого грунта поверх завала нижней постройки, состоит из строительного мусора, малочисленных фрагментов столовой посуды, единичных костей млекопитающих и насыщен человеческими костями. В этом слое найдена поливная посуда[189]. К сожалению, вещевой комплекс не опубликован. По мнению исследователей, до X в. пещера № 5 Басмана использовалась для жилья, затем на месте жилой постройки был построен храм, который просуществовал до начала XV столетия.[190]

По мнению В.Л. Мыца, в IX—XIII вв. здесь размещался монастырь. А на вершине г. Басман над группой пещер в IX—XIII вв. находилось убежище, укрепленный загон для скота[191].

Следовательно, в непосредственной близости с пещерным комплексом хребта Иограф расположены три близких в типологическом, культурном и хронологическом контексте археологических памятника.

Если храмы на Гурзуфском Седле и вершине г. Ай-Петри, сооружены на месте «варварских» языческих святилищ, а храмовая постройка пещер Басмана — построена на месте некогда жилого комплекса, то каких либо слоев, предшествующих существования небольшого храма в пещерах Иографа не обнаружено.

Исключением являются несколько предметов относящихся к более ранним эпохам. Это, в первую очередь, изделия из кремня, которых при исследованиях в 2011—2013 гг. в двух пещерах Иографа найдено 15 ед. (рис. 44). Среди них, по крайней мере, четыре (рис. 44, *ко 306/12, 23/13, 35/13, 133/13*) из раскопок пещеры Иограф I и одно (рис. 44, *ко 251/13*) из пещеры Иограф II представляют собой орудия на пластинчатых отщепах, относящиеся к эпохи мезолита — неолита. В пещере Иограф I также найден венчик лепного сероглиняного (?) сосуда закрытой формы с гладким блестящим лощением с известковыми включениями в тесте (рис. 44, *ко 118*), напоминающий керамические сосуды эпохи поздней бронзы—раннего железного века.[192]

К сожалению, материалы раскопок 1880 г. К.С. Мережковского (если таковы были), ведущего поиски стоянки каменного века в пещере Иограф, не опубликованы[193]. Возможно, в пещере Иограф I находилась временная стоянка.

Пещерный комплекс хребта Иограф, не привязан ни к какому поселению, ни к культовым языческим центрам предшествующих эпох, расположен недалеко от горного перевала, через который, видимо, и в древности проходила тропа или дорога. Он был укрыт от постороннего взгляда.

---

[187] Там же. С. 30.

[188] Там же.

[189] Там же.

[190] Там же.

[191] *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики…С. 130.

[192] *Турова Н.П.* Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского Совета АР Крым в 2013 г. Симферополь, 2014. С. 4—6.

[193] *Мережковский К.С.* Отчет о предварительных исследованиях …. С. 106—146; *Турова Н.П.* Пещерный христианский комплекс... С. 81.

Его нельзя отождествлять и с монастырем, так как следов какой либо хозяйственной деятельности или построек не обнаружено. Он достаточно далеко расположен и от источников воды. Хотя и сейчас многие старожилы помнят, что были годы, когда в ванночках пещеры можно было набрать необходимое количество воды. Сама морфология пещеры свидетельствует о существовании в ней источника. Но было ли его достаточно, в то время когда существовал храм — не ясно.

Исходя из расположения остатков храма в пещере Иограф I, прочерченных изображений крестов и надписей в нише, доступ к которым был открыт в процессе функционирования храма, можно заключить, что эта естественная полость представляла собой некое особо почитаемое место, используемое для специальных культовых действ.

Предметы личного благочестия, украшения, детали этнографического костюма, обнаруженные как в пещере Иограф I, так и в пещере Иограф II, являются не чем иным как вотивными приношениями. В X (?) — XI—XIII вв. — здесь формируется некий культово—меморативный комплекс.

Пещерный комплекс южной части Крымских гор аналогичен хорошо известным на Балканах так называемым эксоклисиям[194].

Они представляли собой небольшие храмы, которые строились в отдалении от поселений, городов. Служили «*утешением и знаком их благоговейного отношения к Богу. В них были источники с целебной водой, были иконы, которые плакали, говорили, творили чудеса. Эти маленькие храмы были прибежищем для людей, утомленных непосильным трудом, были их больницами, убежищем в страданиях и трудностях их горькой жизни. Обычно они возводились после какого-либо сна, видения или обеду. Их строили на свои деньги бедные труженики, чаще всего своими же руками. Архитектором было их глубокое благоговение, оттого они и получались такими красивыми и приятными для глаз*»[195].

В.Х. Кондараки в 1880-х гг. ссылается на рассказ стариков, согласно которому когда-то в пещере был обнаружен «*чрезвычайно древний образ Божьей Матери*»[196]. Позднее, в 1897 г., Е.И. Висниовской в пещере был найден фрагмент Богородичной иконы, изготовленной из мрамора (рис. 22). Он представляет собой верхний правый угол иконы прямоугольной формы с изображением головы младенца Христа, который сейчас хранится в Ялтинском историко-литературном музее (рис. 22)[197]. Возможно, это часть того «*древнего образа Божьей Матери*» о которой писал В.Х. Кондараки. Данная икона могла и быть тем самым меморативом — именем-посвящением для храма в пещере Иограф I.

Остается открытым вопрос о христианском кладбище, расположенном недалеко от пещеры, не раз упомянутым в краеведческой литературе конца XIX — начала XX вв.[198] В полевой картотеке Е.И. Висниовской таких сведений нет. Да и само месторасположение пещер на довольно крутом склоне не располагает к вырубке могильных ям в сыпучем щебнистом грунте.

Из рукописной карты И.Л. Белянского юго—западнее скал с пещерами на расстоянии около 1 км, рядом с Узеньбашской тропы, идущей по хребту, имеется топоним — урочище

---

[194] *Григорий (Зумис), архим.* Люди Церкви, которых я знал / пер. на русский язык В. Шолох. Киев: Издательский дом «АДЕФ-УКРАИНА», 2013. С. 49.

[195] Там же. С. 49—50.

[196] *Кондараки В.Х.* В память столетия Крыма… С. 230.

[197] *Турова Н.П.* Средневековые христианские храмы… С. 10—11; *Она же.* Пещерный христианский комплекс… С. 99, 100.

[198] *Москвич Г.* Практический путеводитель по Крыму…. С. 320—322; Он же. Путеводитель по Крыму… С. 297—300.

Садых-мезар или Садыгын-мезары. В переводе с крымско-татарского могила некоего Садыха или Садыгына.

Это название, видимо, связано с легендой приведенной В.Х Кондараки в его «Универсальном описании Крыма» о неком богатыре (карамане) Садыхе, который погиб в данной местности в бою с неприятелем[199]. Вряд ли он имеет что-то общее с христианским некрополем около храма.

В 2012 г. при раскопках ниши пещеры Иограф I, в верхней части слоя разрушения, был обнаружен фрагмент изделия из камня размером 5,2 × 5,4 × 3,9 см (рис. 45,*1*). У него сохранилось три грани — две параллельные — плоско-гладкие и третья с рельефным орнаментом, ввиде плетенки. Изделие было интерпретировано как часть архитектурной рельефной детали.

При дальнейшем изучении стало очевидным, что данный обломок является частью бордюра хорошо известного типа надгробия с изображением рельефного креста на «голгофе» или креста с «горкой с головой Адама».[200]

Подобные надгробия из мшанкового белого мелкозернистого известняка были обнаружены в Алуште в 1886 г. В.Ф. Миллером[201] и в 1950 г. экспедицией Е.В. Веймарна[202] (рис. 45,*2,3*). Детально проанализировав эпиграфику надгробных памятников Е.Ч. Скржинская, отнесла их к XIII—XIV столетиям[203].

Не менее загадочным остается и сам топоним хребта пещеры Иограф, Йерах-хюль, Иограф-Кая, Иерах-Фоль-Каясы, Иран-Фоль, Евграф-Кая[204], Юграф, Географ, Еграф, Евграф[205], Зоографи[206].

В свое время, В. Х. Кондараки называя пещеру Евграф-хаясы, высказал две гипотезы о происхождения данного топонима. Первое — связано с именем святого Евграфа, другое, что «ев на татарском языке означает дом, жилище, а граф на греческом: пишу, что в общем составляет писанный дом».[207] Данное объяснение поддерживает и ряд современных ученых[208]. Однако Н.В. Днепровский считает что, возможно название «Географ» трансформировалось от «Агиографии», имеющее отношение к тому, что там могли работать агиографы — мастера иконописцы[209].

---

[199] *Кондараки В. Х.* Универсальное описание Крыма. Часть четвертая. СПб., 1875.

[200] *Скржинская Е.Ч.* Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма //История и археология средневекового Крыма. М: Издательство Академии Наук СССР, 1958. С. 155—165.

[201] *Миллер В.Ф.* Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г. // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1888. Т. XII. С. 132, таб. II,*2*.

[202] *Скржинская Е.Ч.* Новые эпиграфические памятники… С. 156—162.

[203] Там *же.* С. 156-165.

[204] *Белянский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В.* Крым. Географические названия: Краткий словарь. Симферополь: Таврия—Плюс, 1998. С. 55.

[205] *Кондараки В.Х.* В память столетия Крыма… С. 229; *Москвич Г.* Практический путеводитель… С. 320—322; Он же. Иллюстрированный практический путеводитель… С. 240; *Лебединский Я.* К фауне крымских пещер… С. 82—83.

[206] *Шапошников А.К.* Словарь древнейшей ономастики Таврического полуострова // Топонимика Крыма 2011: сборник статей. Симферополь, 2011. С. 320.

[207] *Кондараки В.Х.* В память столетия Крыма…. С.229—230.

[208] *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2005. № 1. С. 320; *Днепровский Н.В.* «История с «географией»…С. 194—206; *Могаричев Ю.М.* Православные святые средневековой Тавриды. Учебное пособие. Симферополь: Бизнес—Информ, 2012. С. 230.

[209] *Днепровский Н.В.* «История с «географией», …С. 203.

Таким образом, пещерный христианский комплекс хребта Иограф является уникальным археологическим памятником, своеобразным христианским святилищем, вокруг которого собрано множество легенд и преданий.

Это единственный из известных в южной части Крымских гор и Южного Берега Крыма христианский пещерный комплекс[210].

Дальнейшее археологическое изучение даст возможность не только получить ответы на еще открытые вопросы относительно данного комплекса, но стать началом нового этапа в возрождении древней христианской святыни, сделать ее местом паломничества как для верующих, так и многочисленных гостей Крыма.

Н.П. Турова

Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над г. Ялтой

Средневековый пещерный комплекс над г. Ялтой расположен на высоте около 1250 м над уровнем моря. Он состоит из двух пещер Иограф I и II. В первой из них некогда располагался храм, известный по рисункам художников конца XIX — начала XX вв., во второй пещере — «малой», по словам краеведов, была «келья» или «молельня», «место древнего поселения».

В результате археологических раскопок 2011—2013 гг. внутри пещеры Иограф I удалось локализовать остатки храма и исследовать естественную нишу, находящуюся между южной стены храма и восточной стены пещеры. Здесь на скальной поверхности обнаружены прочерченные изображения крестов и надписи, а в культурном слое найдены многочисленные предметы личного благочестия, украшения, детали этнографического костюма, фрагменты церковной утвари и пр. Эти материалы свидетельствуют о том, что ниша была особо почитаемым местом и использовалась для вотивных приношений. При исследовании пещеры Иограф II также найдены украшения, предметы личного благочестия.

Пещерный христианский комплекс хребта Иограф является уникальным археологическим памятником, своеобразным христианским святилищем, вокруг которого собрано множество легенд и преданий.

Это единственный из известных в южной части Крымских гор и Южного Берега Крыма христианский пещерный комплекс.

Анализ полученных материалов из пещер позволяет выделить пять этапов в истории средневекового христианского комплекса, начавшейся в X (XI?) — XIII вв. и продолжающейся до наших дней.

Ключевые слова: Крым, Ялта, хребет Иограф, средневековье, храм в пещере, культовые предметы.

---

[210] В полевой картотеке Е.И. Виснiовской (ЯИЛМ КП 37770, Д — 5013) имеются сведения об остатках храма рядом с пещерой на Ай-Петринской яйле в местности Ат-Башское Беш-текне. Развалины расположены на поляне, окруженной со всех сторон скалами. На южной стороне поляны находится скала, в которой есть пещера, из-под скалы вытекают два родника. Возле родников и были заметны развалины постройки сложенной на извести. По свидетельству Е.И. Виснiовской, татары об этих развалинах говорили как об остатках некогда бывшей церкви. В 1927 г. Е. И. Виснiовской здесь был собран подъемный материал, представляющий собой фрагменты черепицы с загнутым краем, обломки глиняной посуды, и часть туфового блока из стены постройки.

N.P. Turova

Medieval cave complex of Iograf Ridge over Yalta

The medieval cave complex over Yalta is located at the height about 1250 m above sea level. It consists of two caves Iograf I and II. In the first of them the temple known on drawings of artists of the end of XIX — beginnings of the XX centuries, in the second cave — "small" once was located, according to local historians, there was "cell" or "chapel", "a place of the ancient settlement".

As a result of archeological excavations of 2011 — 2013 in a cave of Iograf I was succeeded to localize the remains of the temple and to investigate the natural niche which is between the southern wall of the temple and east wall of a cave. Here on a rocky surface the drawn images of crosses and an inscription are found, and numerous subjects of personal piety, ornament, a detail of an ethnographic suit, fragments of church utensils and so forth are found in an occupation layer. These materials testify that the niche was especially esteemed place and was used for the votivnykh of gifts. At research of a cave Iograf II jewelry, subjects of personal piety is also found.

The cave Christian complex of Iograf Ridge is a unique archaeological monument, a peculiar Christian sanctuary round which the set of legends and legends is collected.

It is the Christian cave complex, only from the Crimean Mountains and the Southern Coast of the Crimea, known in the southern part.

The analysis of the received materials from caves allows to allocate five stages in the history of a medieval Christian complex, begun in X (XI?) — XIII centuries and proceeding up to now.

Keywords: Crimea, Yalta, Iograf Ridge, Middle Ages, the cave temple, cult objects.

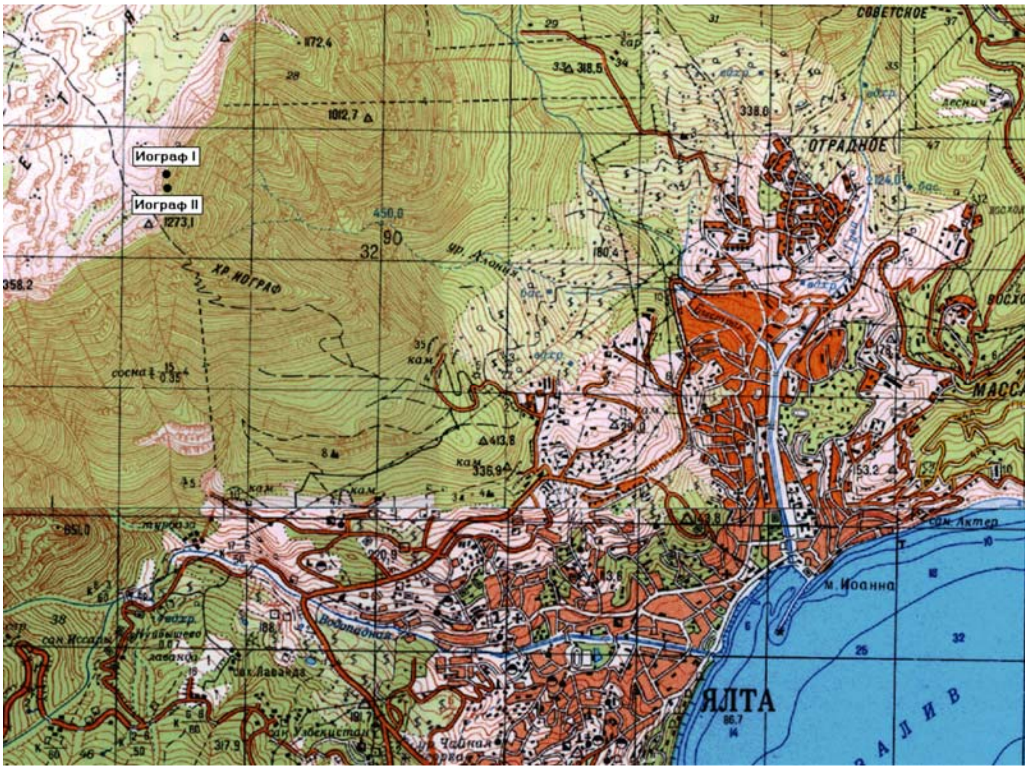

Рис. 1. Месторасположения средневекового христианского пещерного комплекса над г. Ялта. Карта М—1:50 000

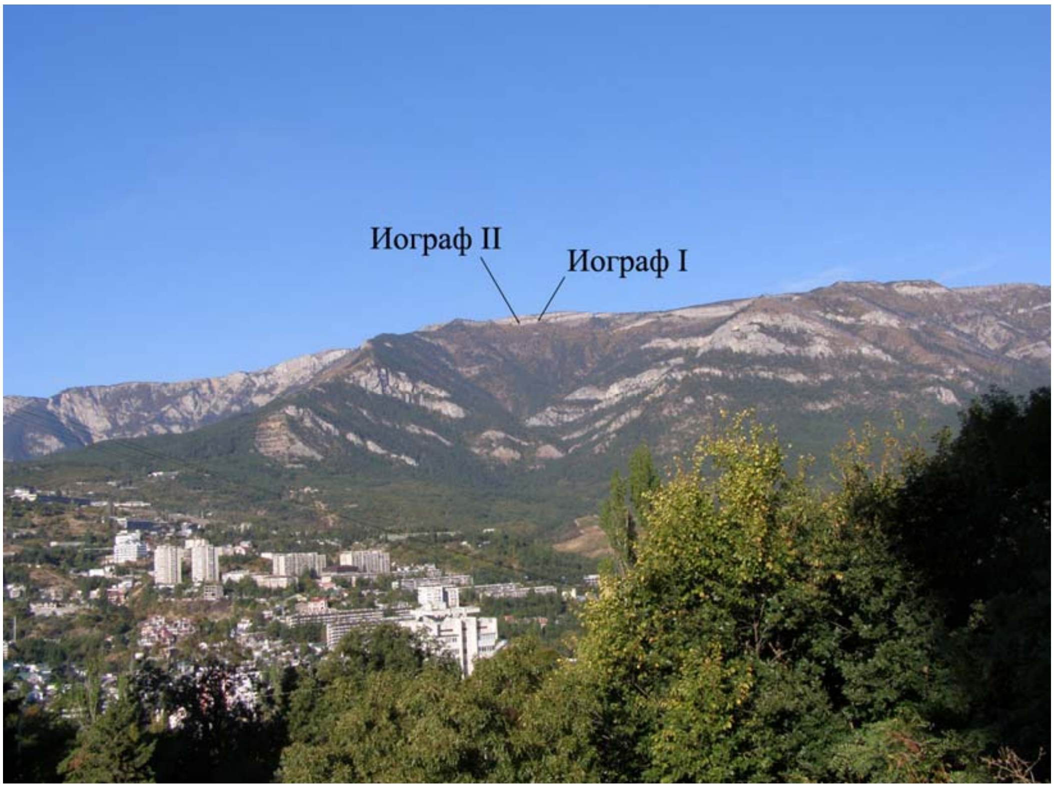

Рис. 2. Месторасположения пещер Иограф I и II. Вид с юго-восточной стороны г. Ялта. Фото 2011 г. (фото автора).

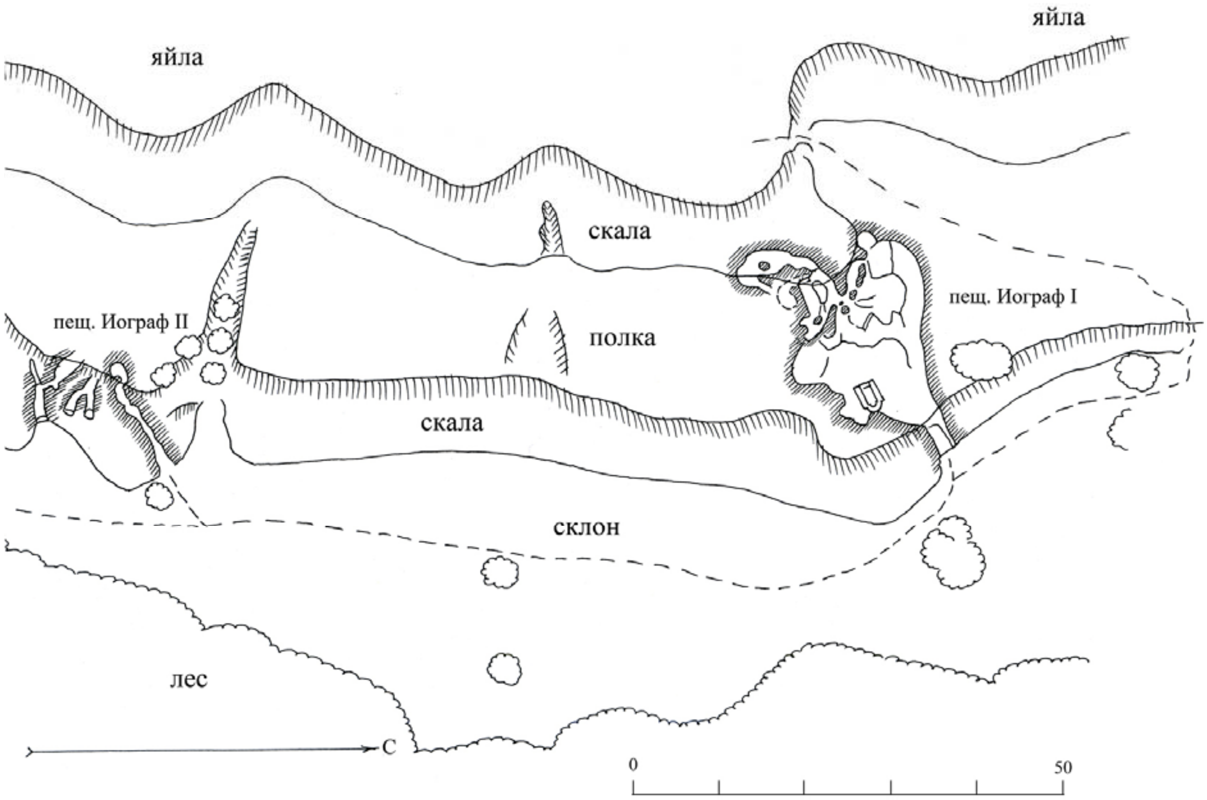

Рис. 3. Месторасположение пещер Иограф I и II над г. Ялта. М-1:500. Чертеж Д.И. Неяченко 2013 г.

Рис. 4. Вход в пещеру Иограф I. Вид с северо-востока. Фото 2011 г.

Рис. 5. Вход в пещеру Иограф II. Вид с северо-востока. Фото 2011 г.

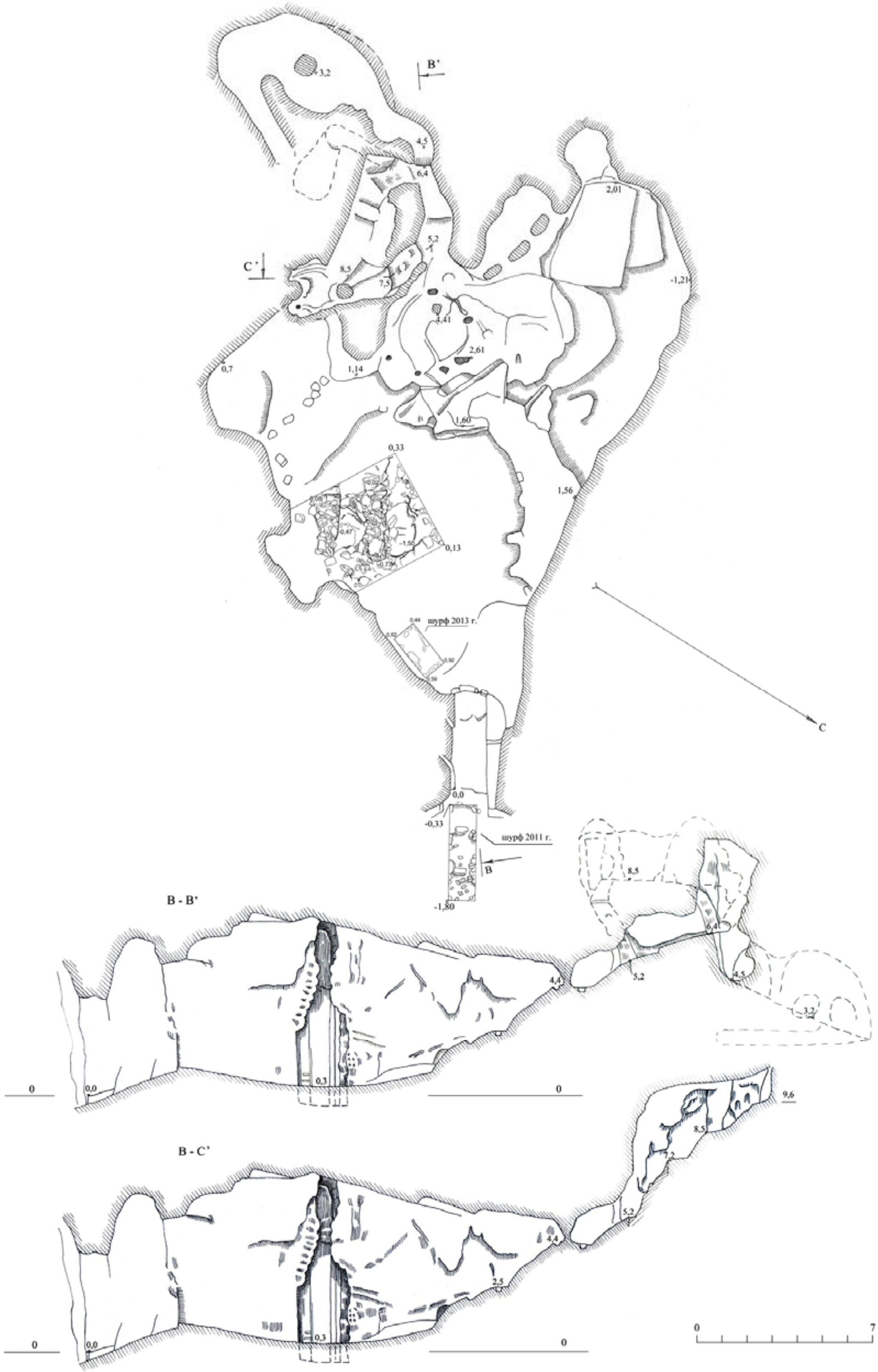

**Рис. 6. Пещера Иограф I — 2011-2013 гг. с исследованными участками.
План и разрезы. Масштаб 1:100.**

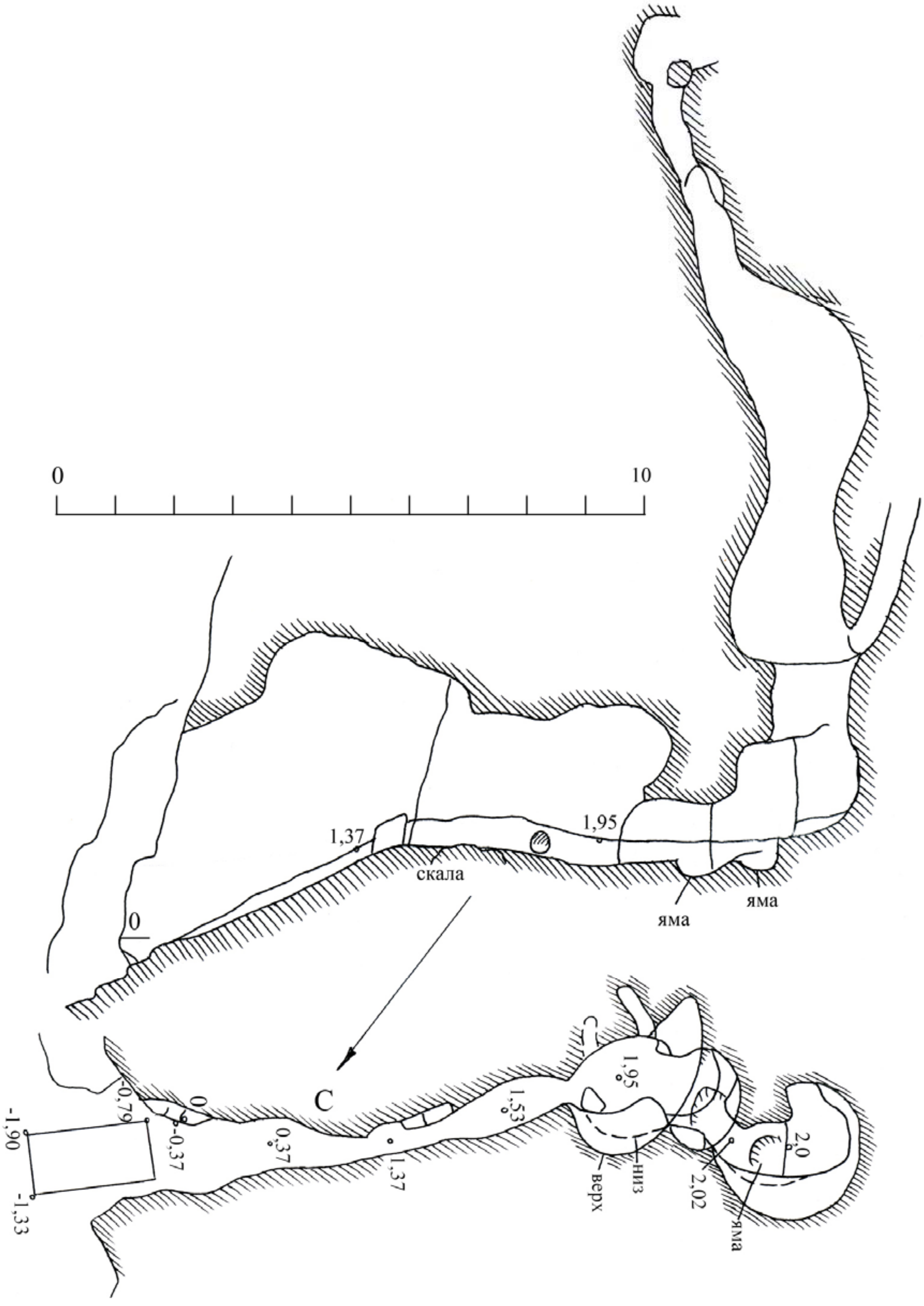

Рис. 7. Пещера Иограф II - 2013. План и продольный разрез пещеры. Масштаб 1:100.

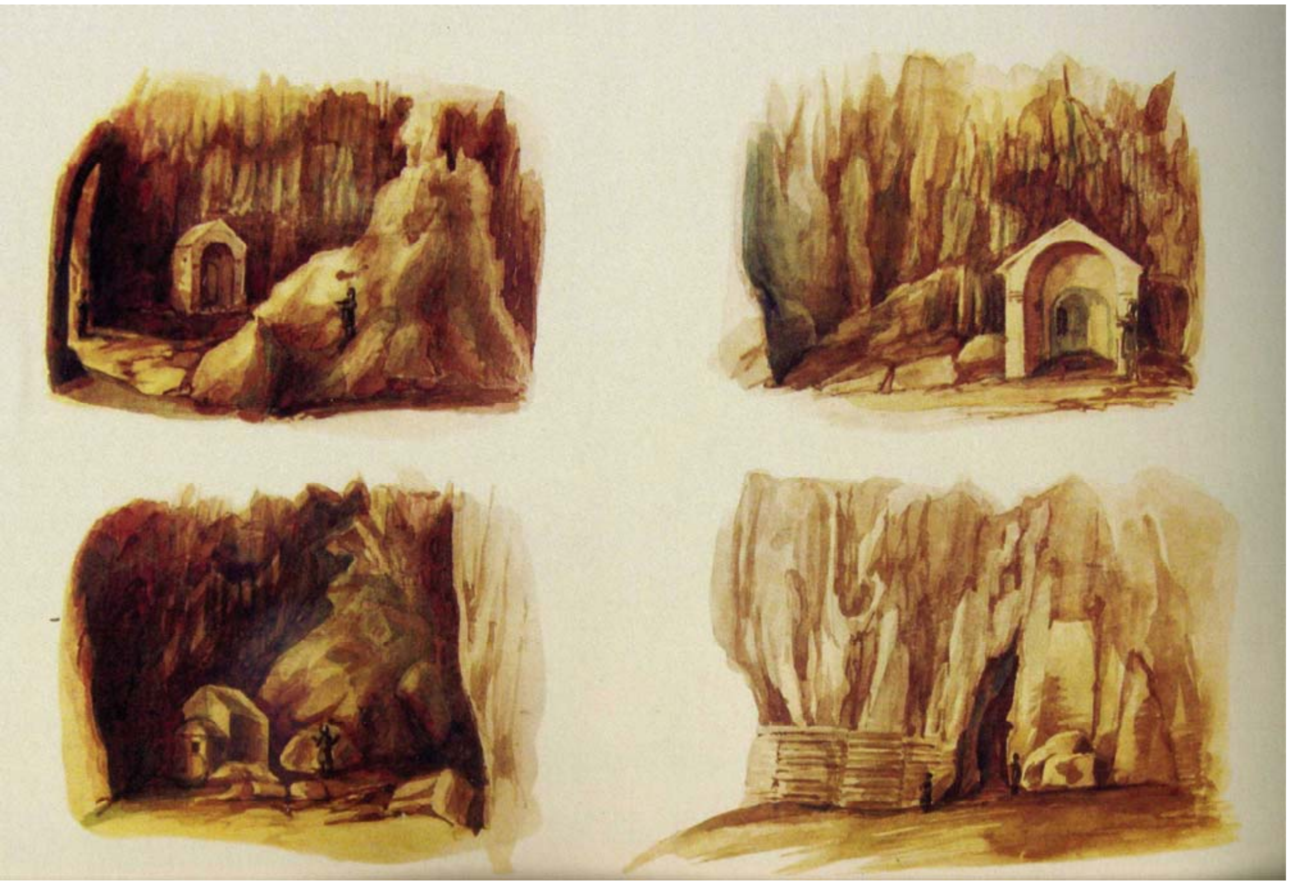

Рис. 8. Храм в пещере Иограф I. Рисунки Д.М. Струкова (по Т.С. Шороховой).

Рис. 9. Этюд. «Общий вид возле пещеры Иограф 1938». Е.И. Висниовская
Холст, масло. ЯИЛМ НВ 2366.

Рис. 10. Этюд. «Пещера Иограф 1906».
Холст, масло. Е.И. Висниовская ЯИЛМ КП 23038 Ж-83.

Рис. 11. Этюд. Рассвет. Пещера Иограф.
Холст, масло. Е.И. Виснiовская ЯИЛМ КП 86152 Ж-211.

Рис. 12. Рисунок. Храм в пещере Иограф I. Е.И. Висниовская.
Бумага, акварель. ЯИЛМ КП 1366 Г-298.

Рис. 13. Рисунок. Находки из пещеры Иограф I.
Е.И. Висниовская. Бумага, акварель. ЯИЛМ КП 1367 Г-297.

Рис. 14. Рисунок. Находки из пещеры Иограф II.
Е.И. Висниовская. Бумага, акварель. ЯИЛМ КП 1369 Г- 295.

Рис. 15. Рисунок. Фрагменты черепицы с рельефными метками из пещеры Иограф.
Е.И. Висниовская. Бумага, акварель. ЯИЛМ КП 1370 Г-294.

Рис. 16. Рисунок. Храм в пещере Иограф I. Вид с северо-запада. 1895.
Е.И. Виснiовская. Лист из альбома. Бумага, карандаш. ЯИЛМ КП 25883 Г-363.

Рис. 17. Рисунок. Храм в пещере Иограф I. Вид с юга. 1895.
Е.И. Виснiовская. Лист из альбома. Бумага, карандаш. ЯИЛМ КП 25883 Г-363.

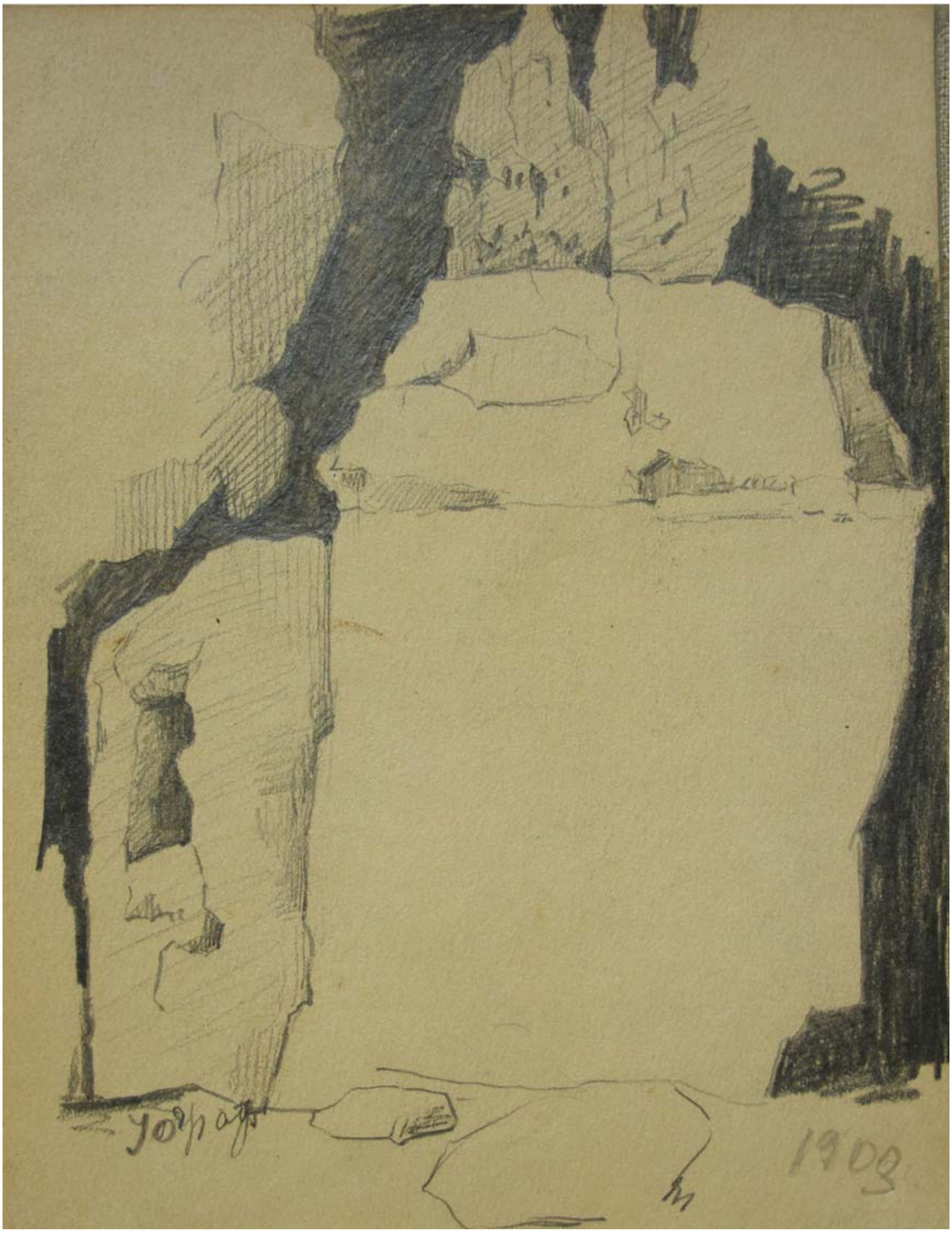

Рис. 18. Рисунок. Храм в пещере Иограф I. Вид с запада. 1903.
Е.И. Висниовская. Бумага, карандаш. ЯИЛМ КП 25889 Г-357.

Рис. 19. Рисунок. Храм в пещере Иограф I. Вид с северо-запада. 1906.
Е.И. Вислиовская. Лист из альбома. Бумага, карандаш. ЯИЛМ КП 25883 Г-363.

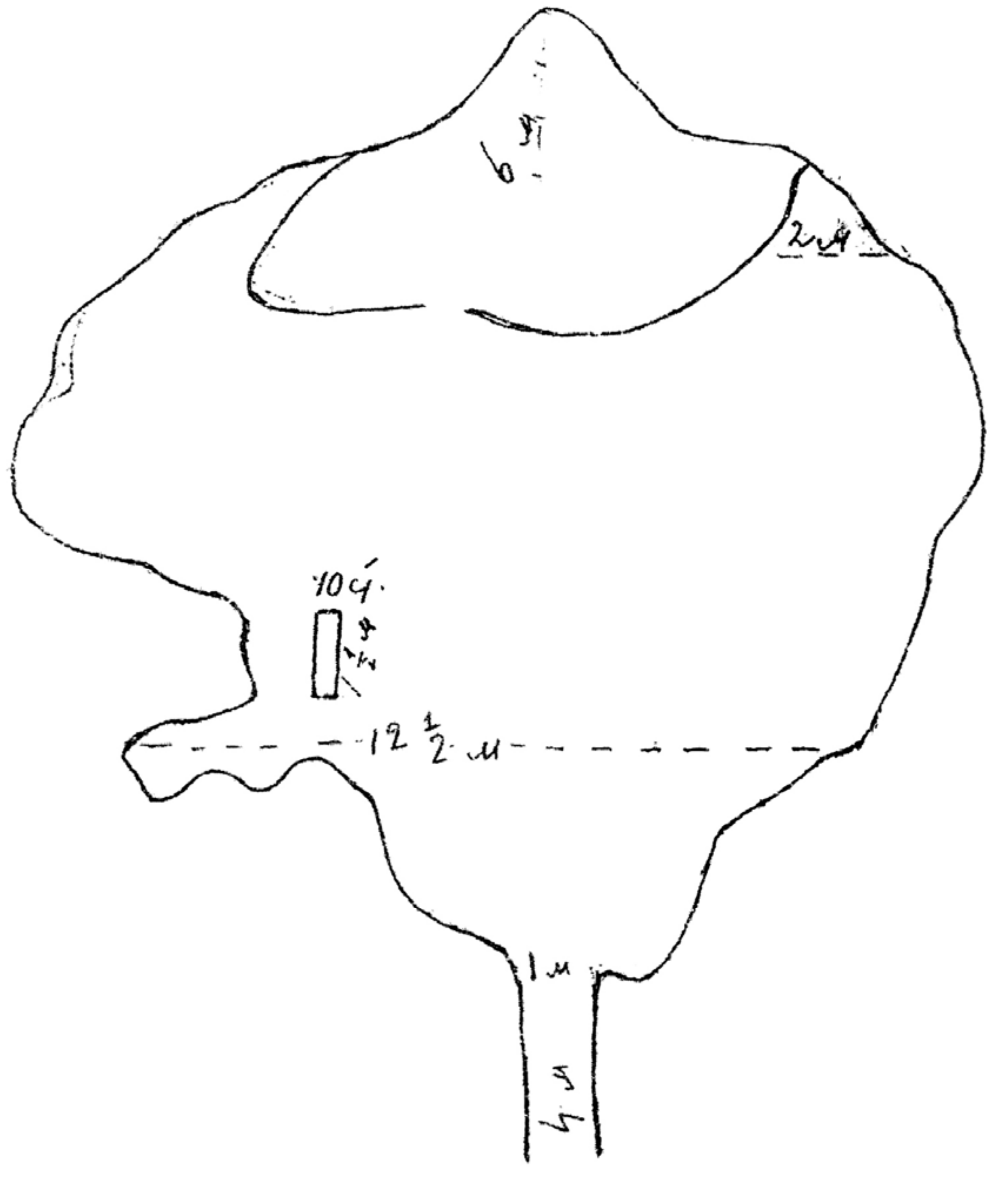

Рис. 20. Рисунок. План пещеры Иограф I.
Е.И. Вистниовская. Бумага, карандаш. Архив ЯИЛМ.

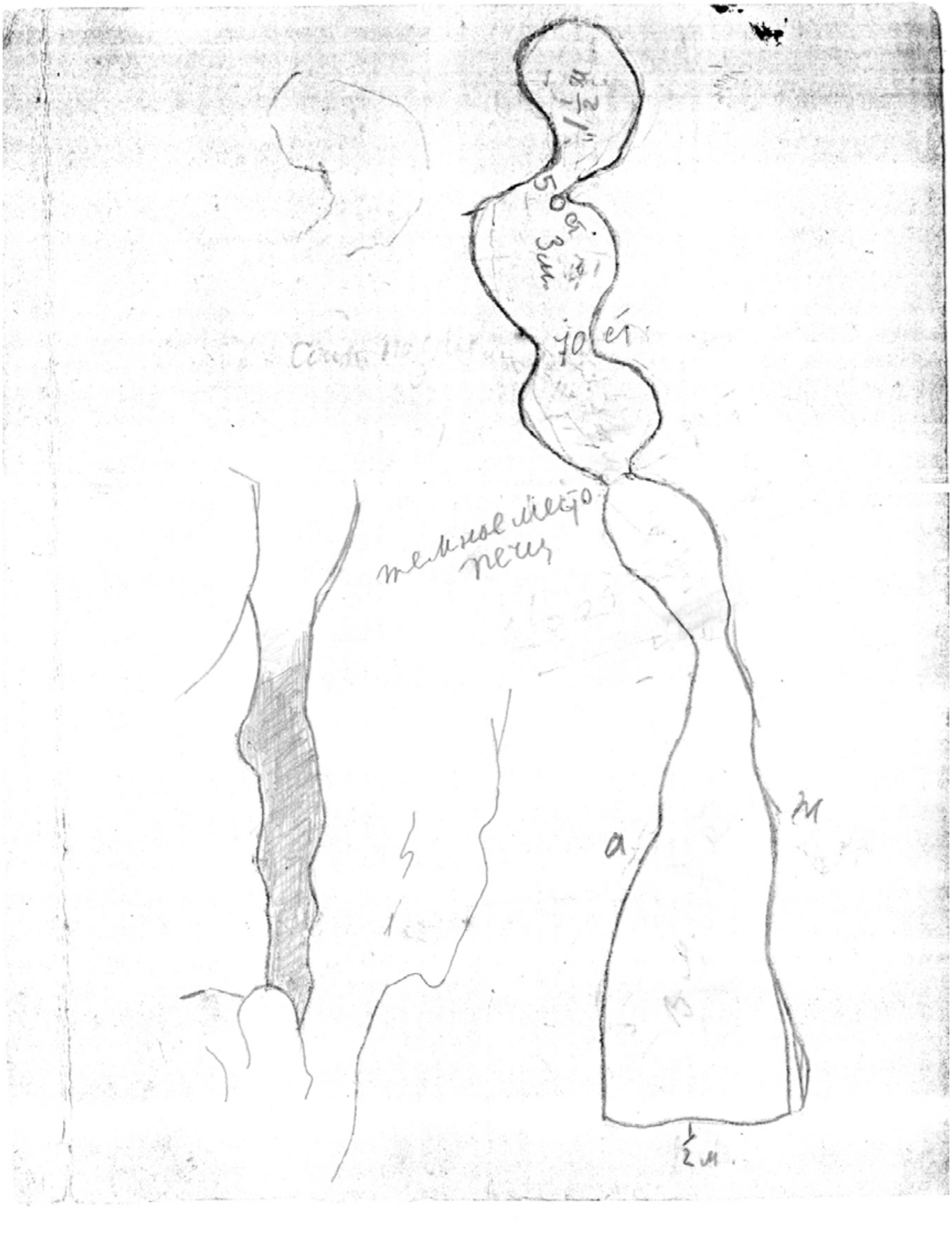

Рис. 21. Рисунок. План пещеры Иограф II.
Е.И. Висниовская. Бумага, карандаш. Архив ЯИЛМ.

Рис. 22. Фрагмент мраморной иконы.
ЯИЛМ КП 1066 А2-40.

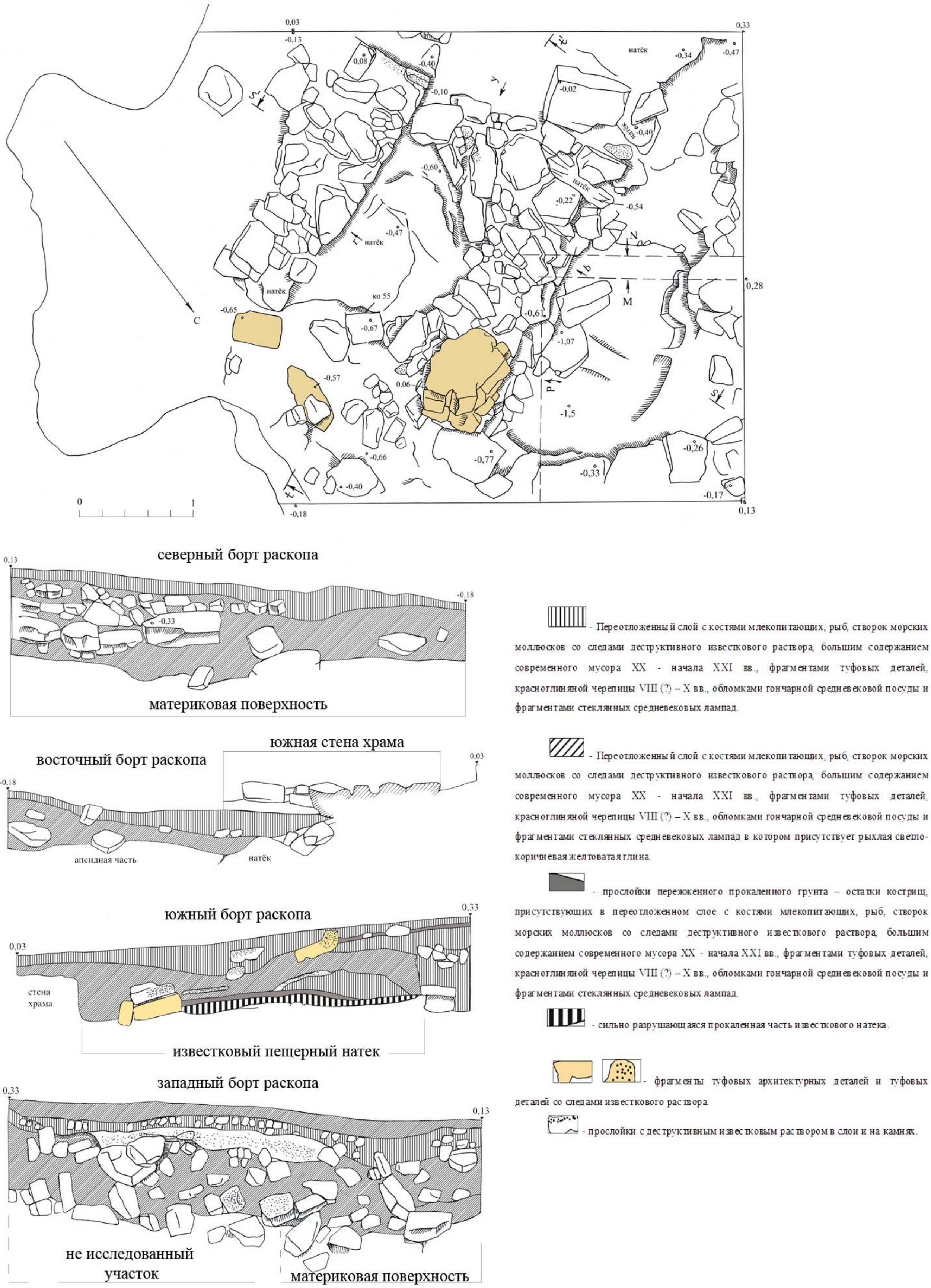

Рис. 23. Пещера Иограф I — 2013. План и стратиграфия бортов исследованного участка. Масштаб 1:20.

Участок ниши со следами известкового раствора
в восточной стене пещеры.

Рис. 24. Пещера Иограф I — 2012-2013.
План исследованного участка с остатками стен храмовой постройки и ее реконструкция. Масштаб 1:20.

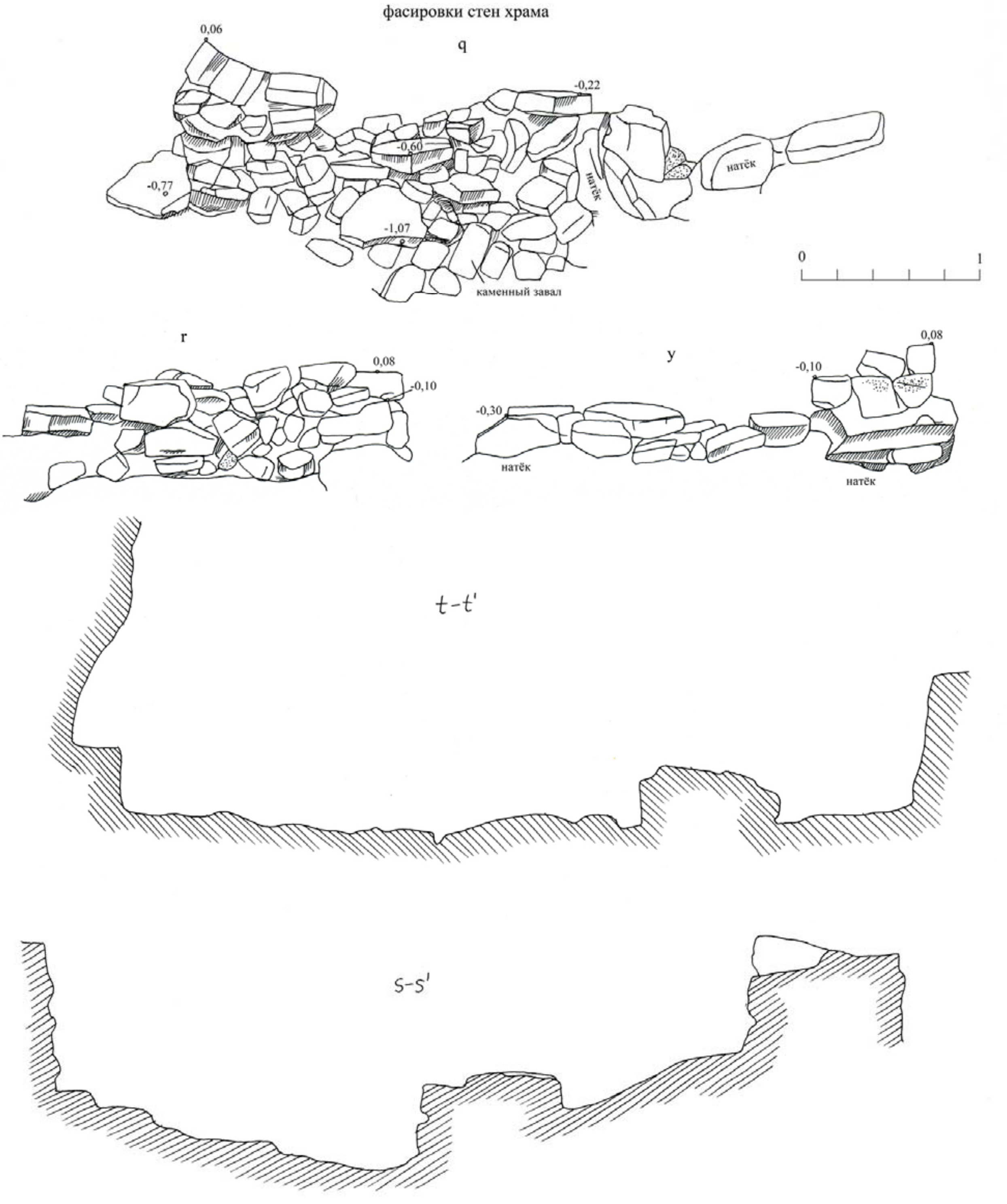

Рис. 25. Пещера Иограф I — 2013.
Фасировки, продольный t-t´ и поперечный s-s´ профили остатков стен храма.
Масштаб 1:20.

Рис. 26. Пещера Иограф I — 2013.
Участок ниши со следами известкового раствора в восточной стене пещеры.
Вид с северо-запада. Фото 2013 г.

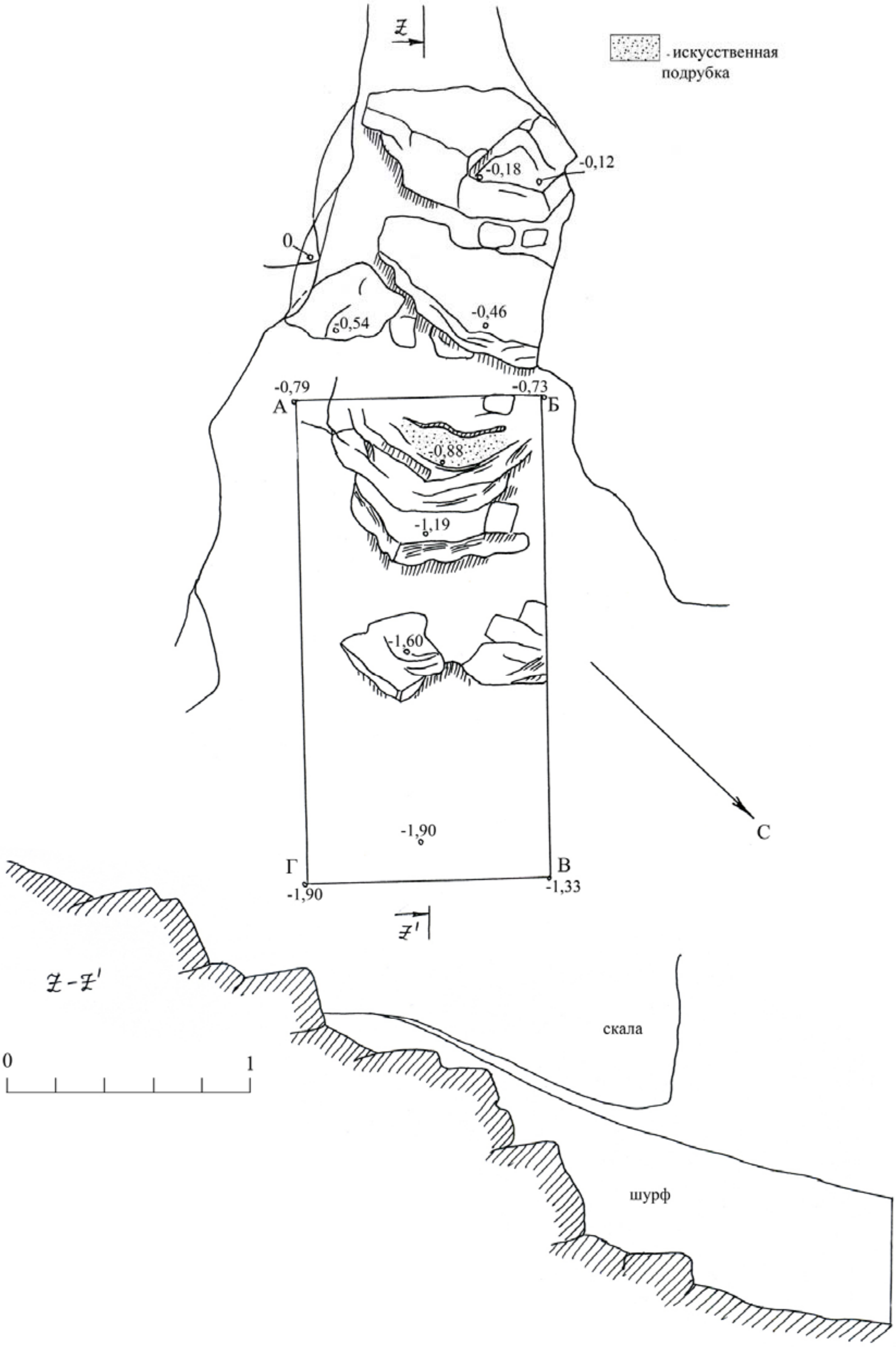

Рис. 27. Пещера Иограф II — 2013.
План шурфа перед входом в пещеру и разрез ступенчатого входа. Масштаб 1:20.

Рис. 28. Пещера Иограф I.
Фрагменты красноглинянных черепиц—керамид с рельефными метками.

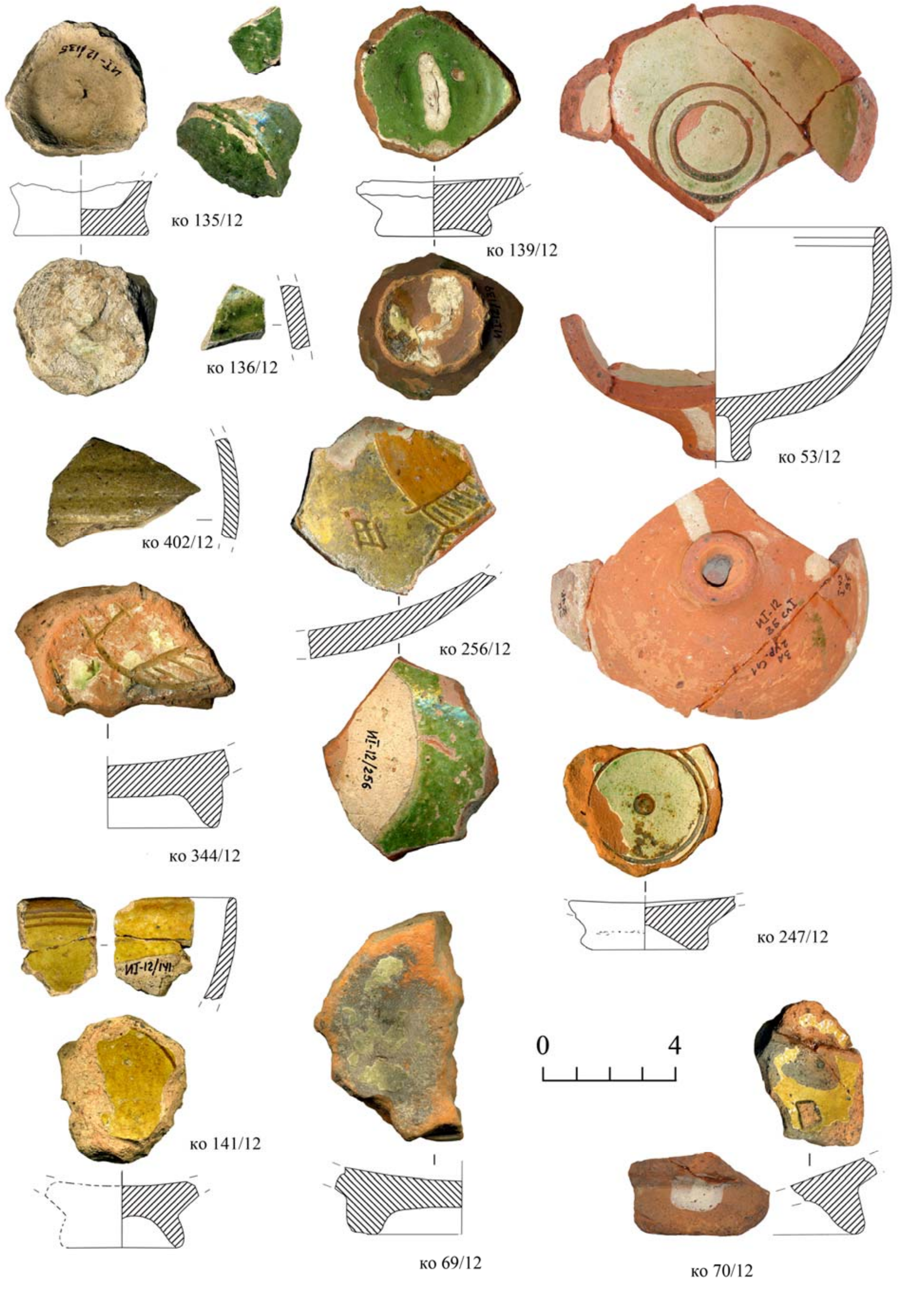

Рис. 29. Глазурованная импортная керамика из пещеры Иограф I.

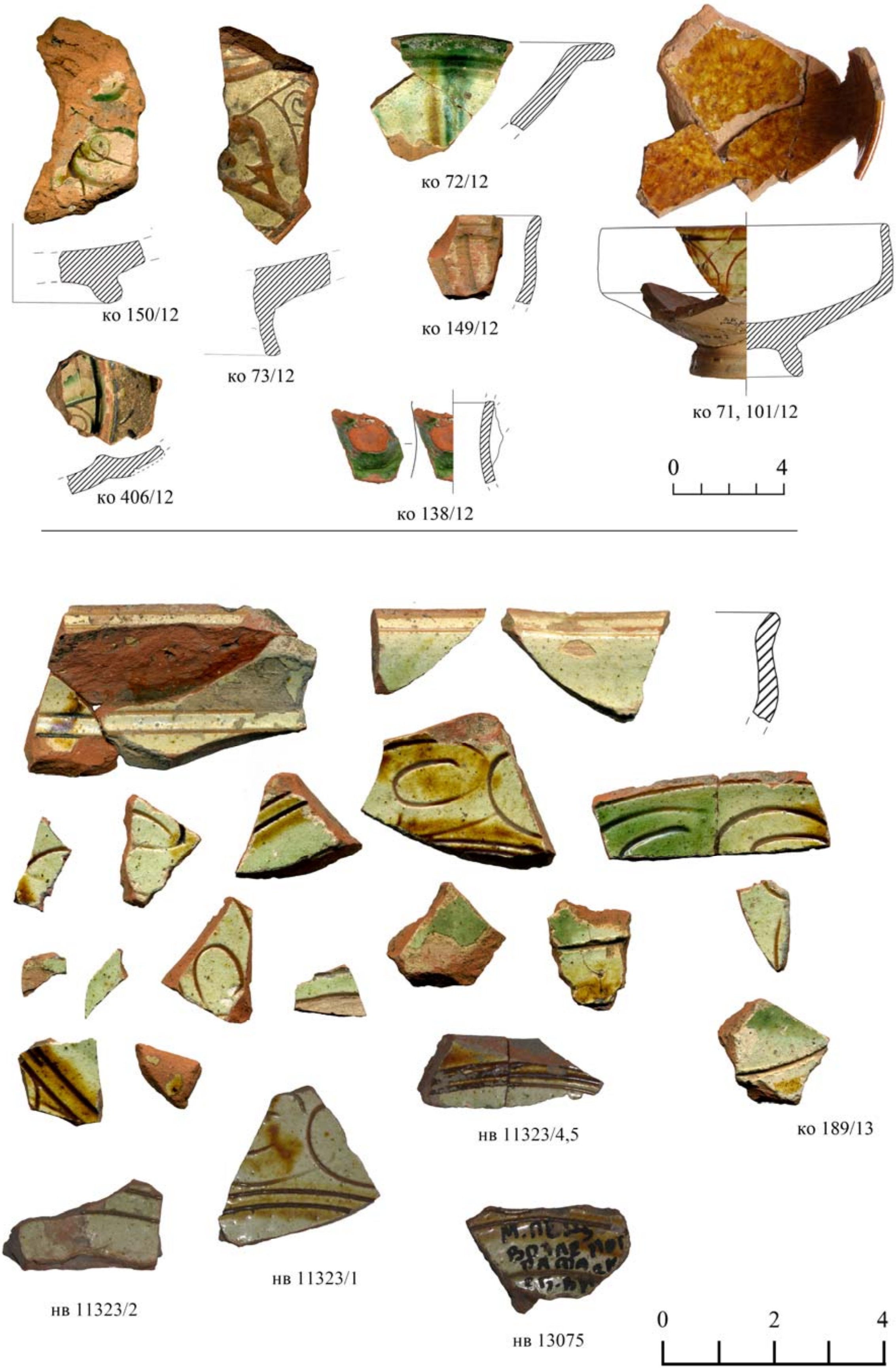

Рис. 30. Глазурованная местная (крымская) керамика из пещерного комплекса Иограф.

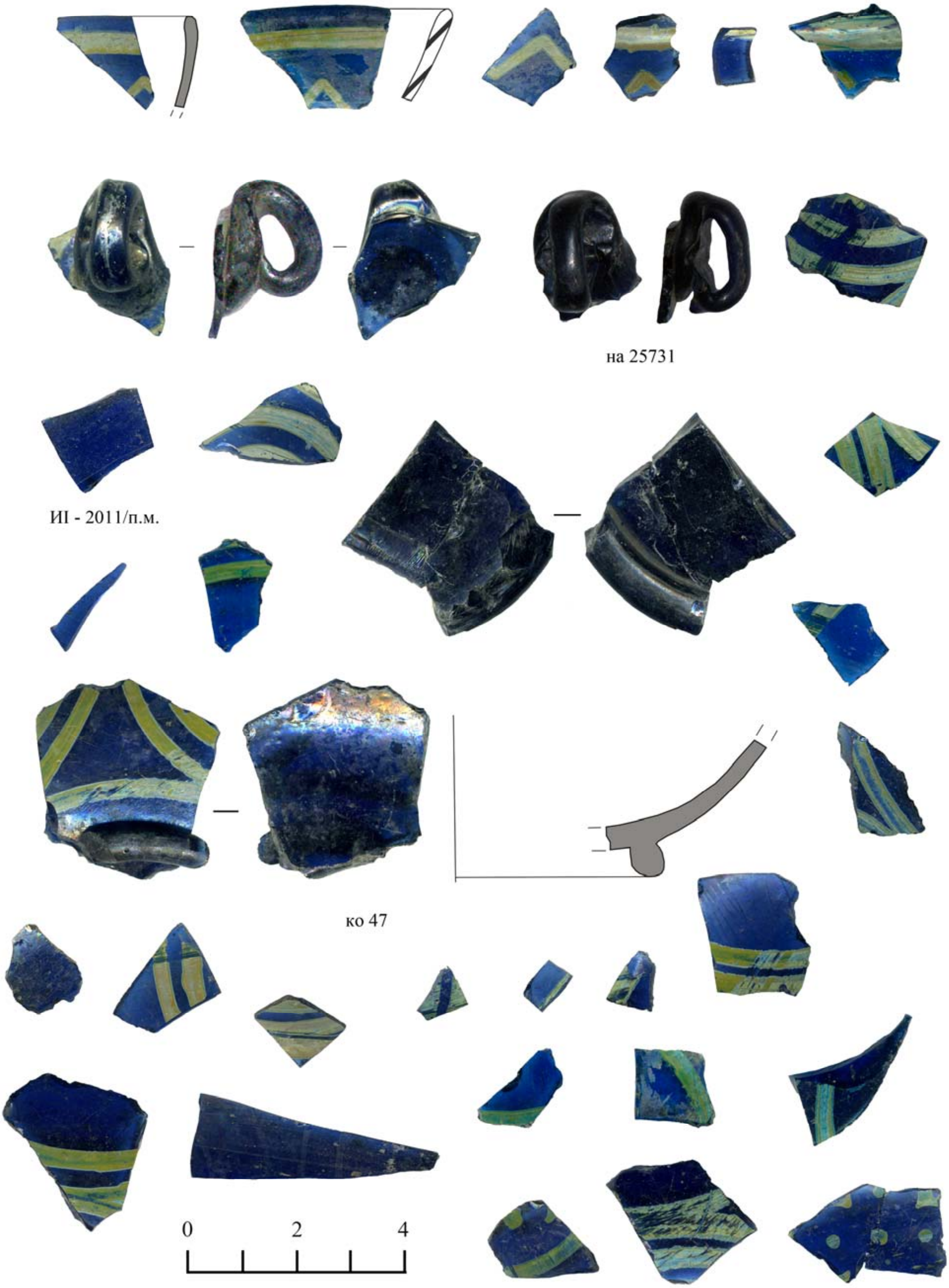

Рис. 31. Фрагментированный стеклянный сосуд с росписью из пещеры Иограф I.

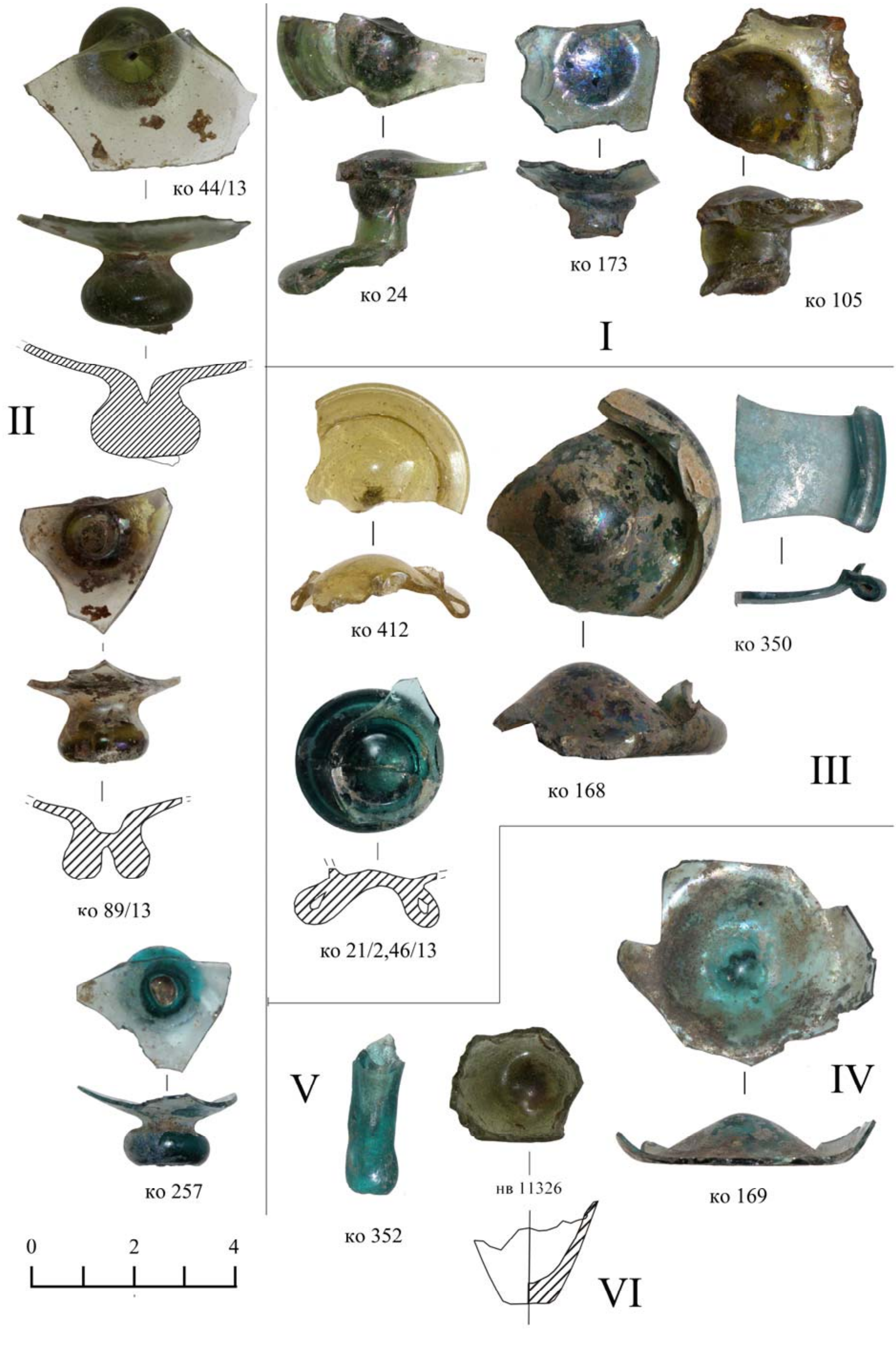

Рис. 32. Типы донцев стеклянных лампад из пещерного комплекса Иограф.

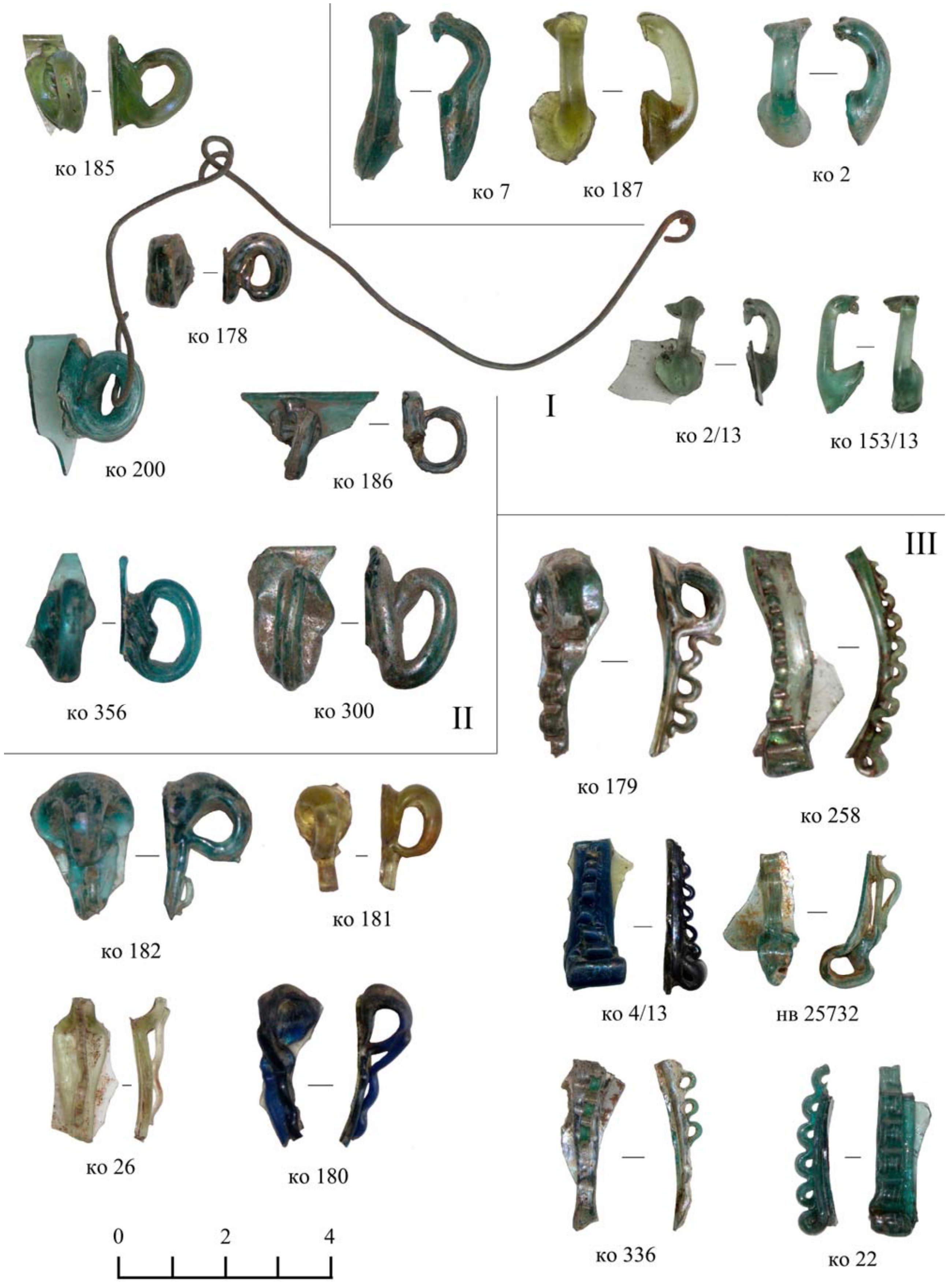

Рис. 33. Типы ручек стеклянных лампад из пещерного комплекса Иограф.

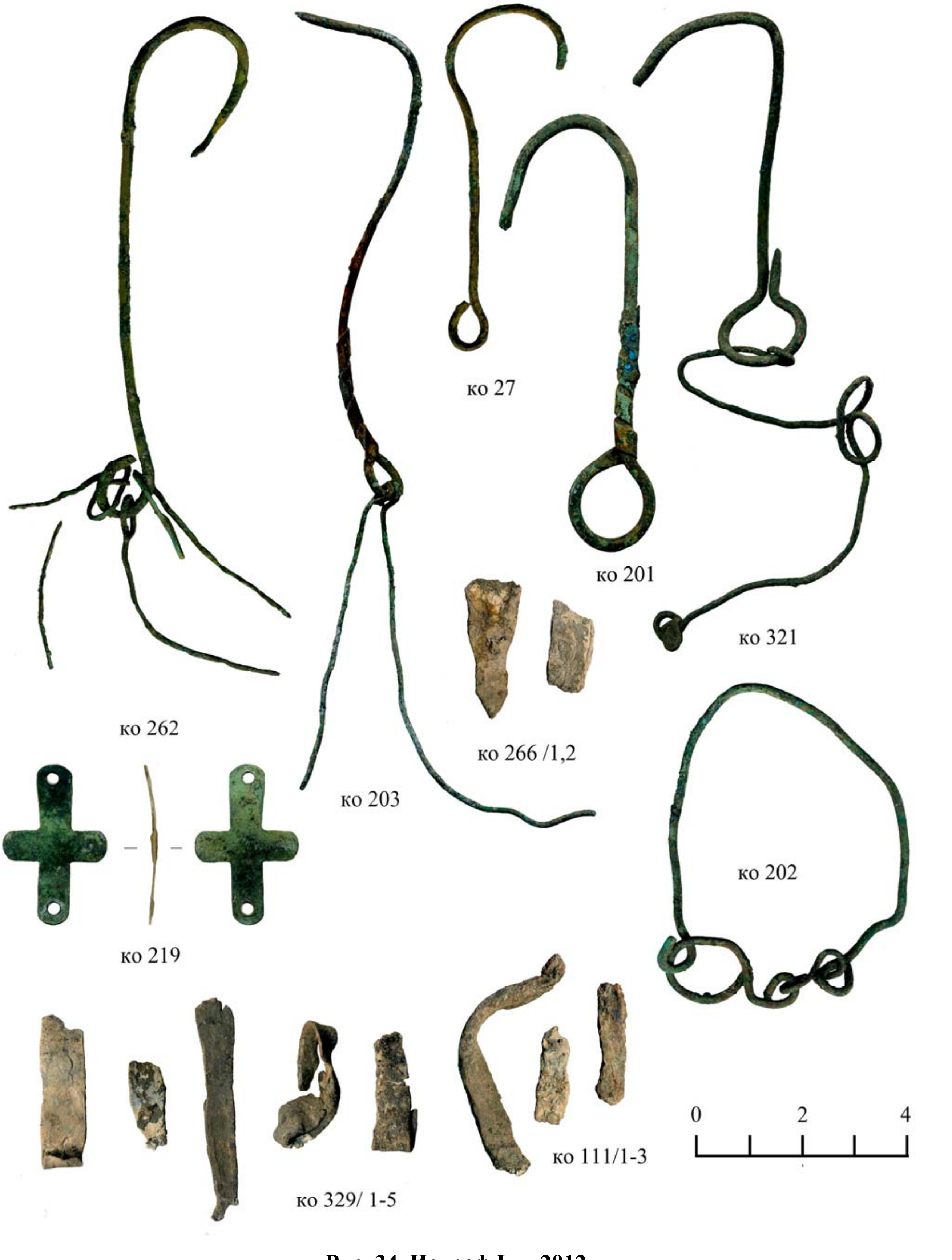

Рис. 34. Иограф I — 2012.
Фрагменты лампадных креплений и держателей фитиля в лампадах.

Рис. 35. Иограф I. Предметы церковной утвари и инвентаря.

Рис. 36. Предметы личного благочестия.

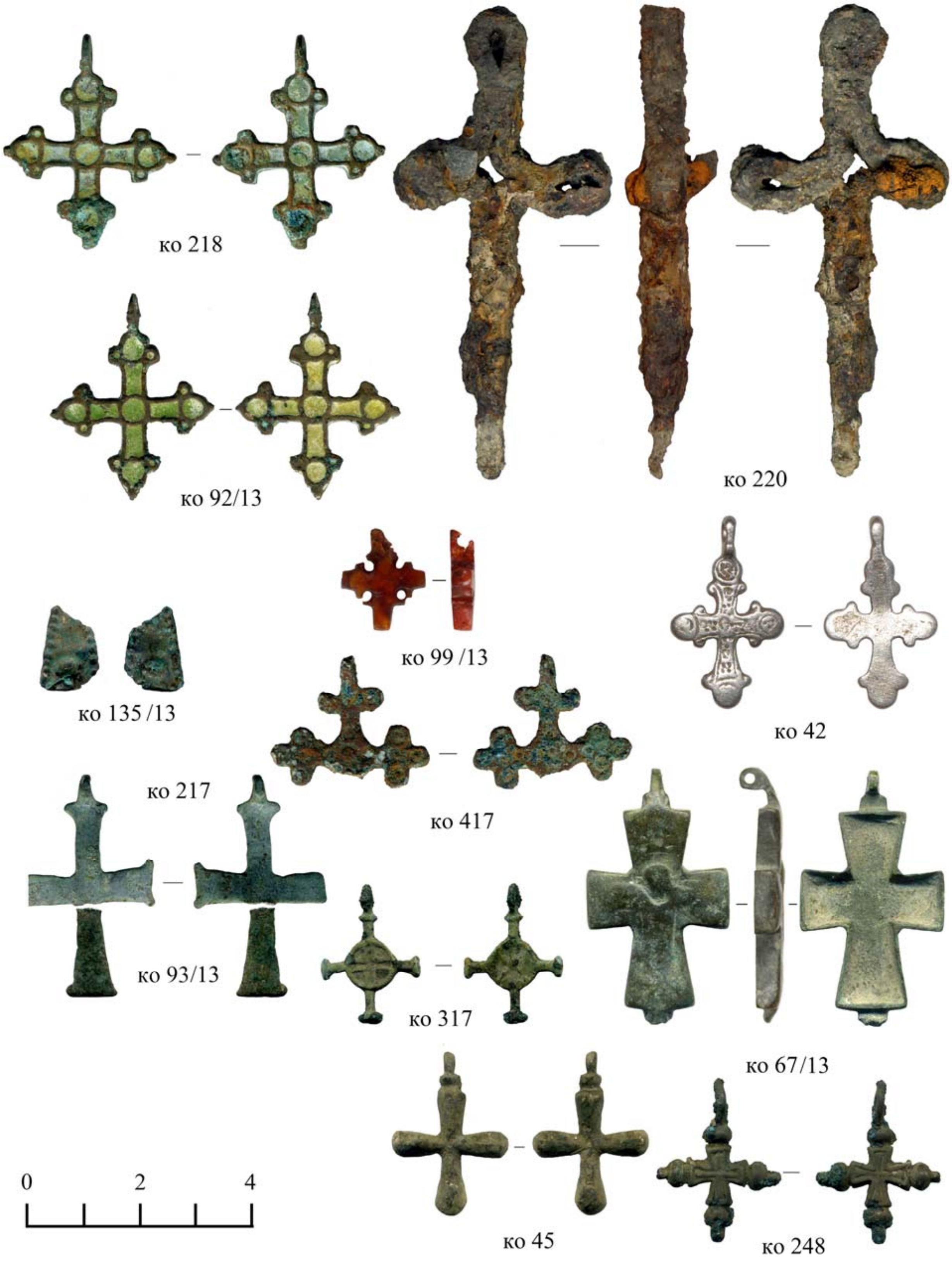

Рис. 37. Кресты из пещеры Иограф I.

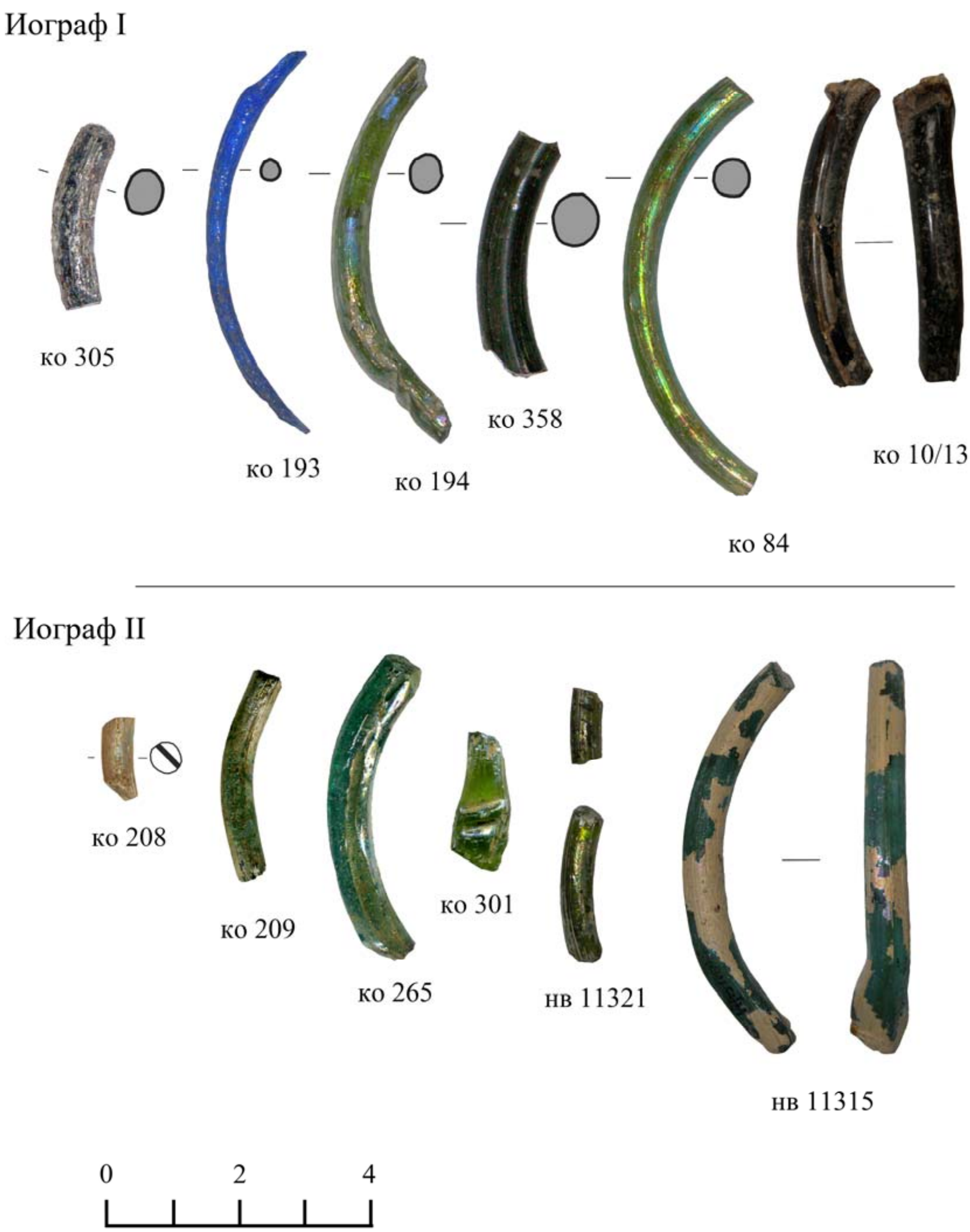

Рис. 38. Фрагменты стеклянных браслетов из пещерного комплекса Иограф.

Рис. 39. Иограф I. Пуговицы и бубенчики.

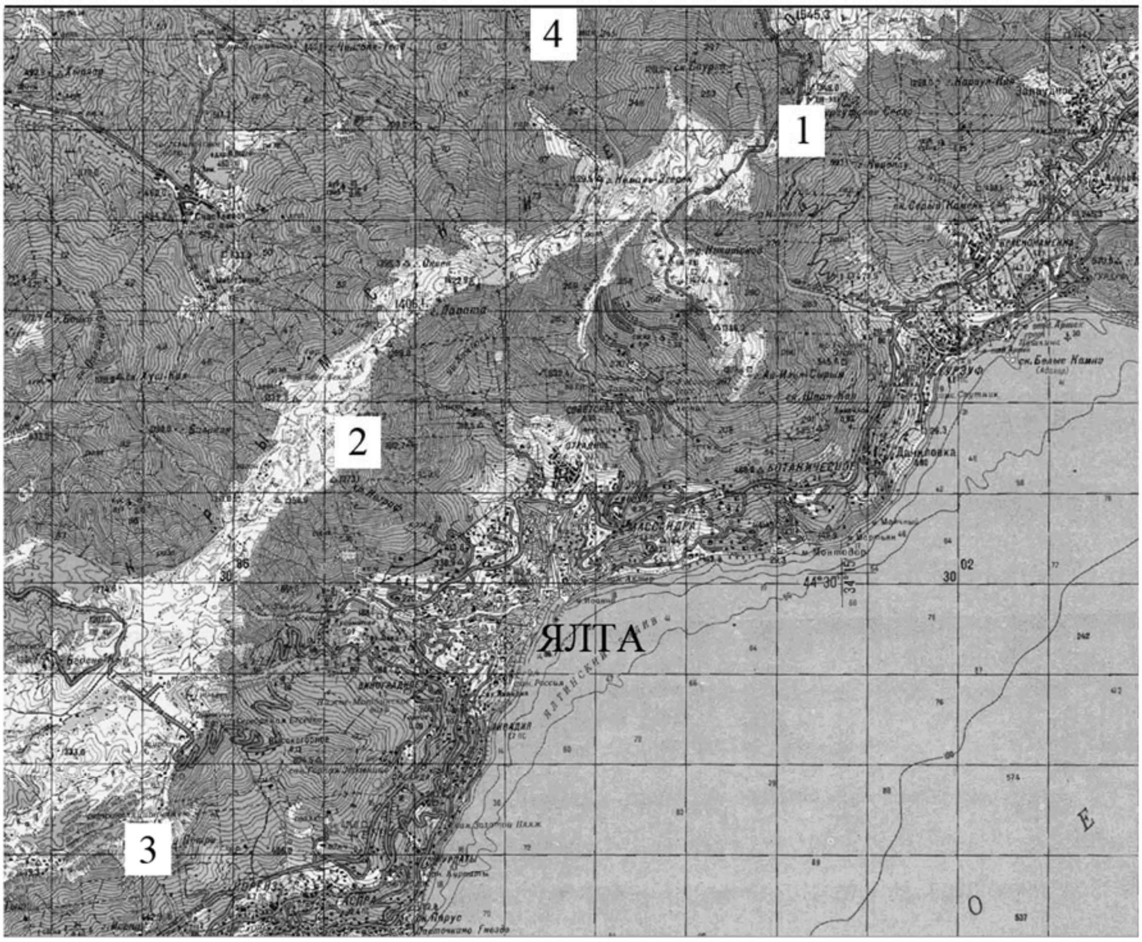
Рис. 40. Иограф I. Украшения.

Рис. 41. Иограф II. Пуговицы и украшения.

Рис. 42. Орудия, оружия и другие металлические предметы из пещерного комплекса Иограф.

Масштаб 1:1000

Рис. 43. Месторасположение средневековых христианских храмов в окрестностях пещерного комплекса Иограф над г. Ялтой.

1 — храм у перевала Гурзуфское Седло; *2* — пещерный христианский комплекс хребта Иограф; *3* — храм на г. Ай-Петри; *4* — пещерный храм на г. Басман.

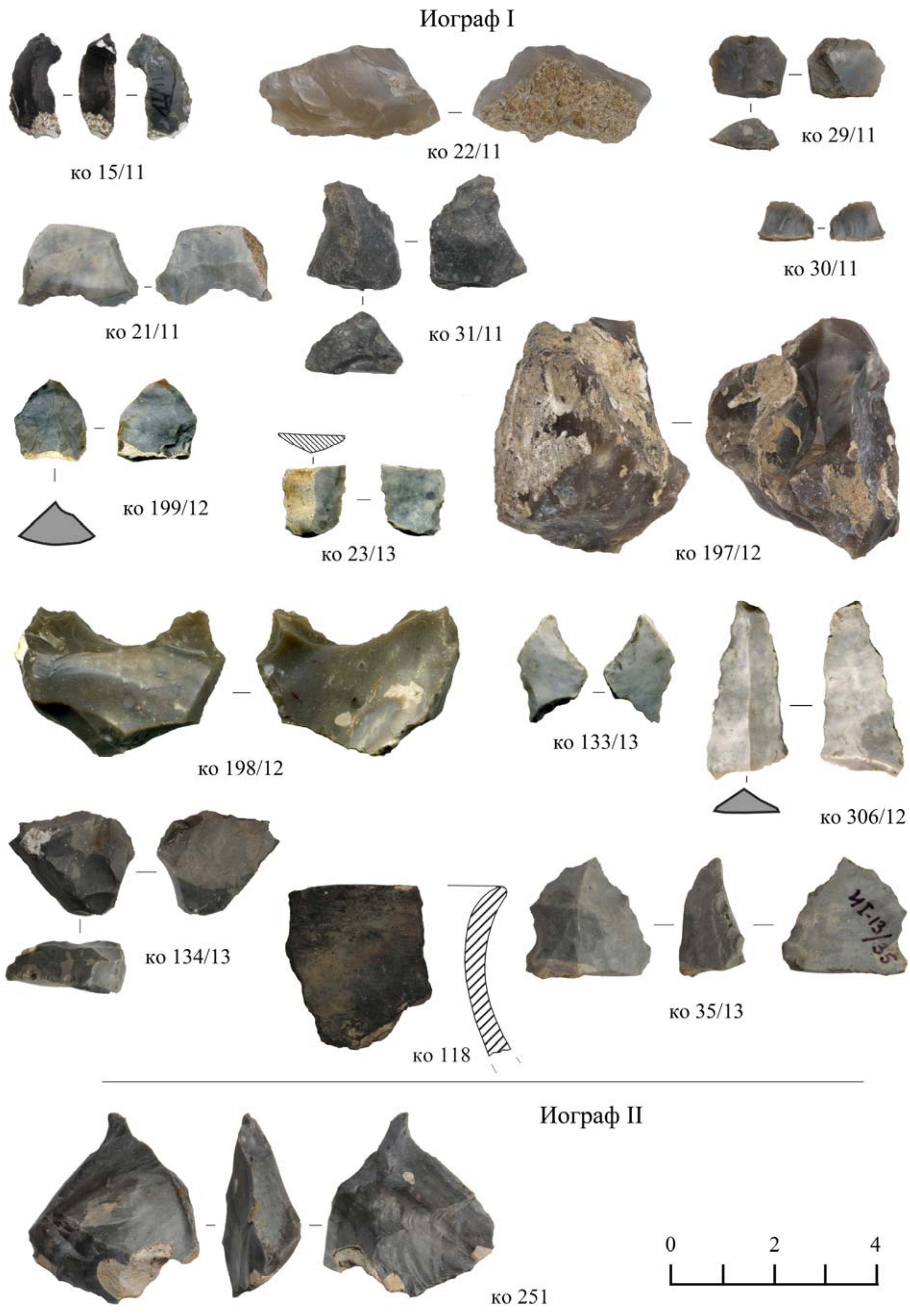

Рис. 44. Изделия из кремня.

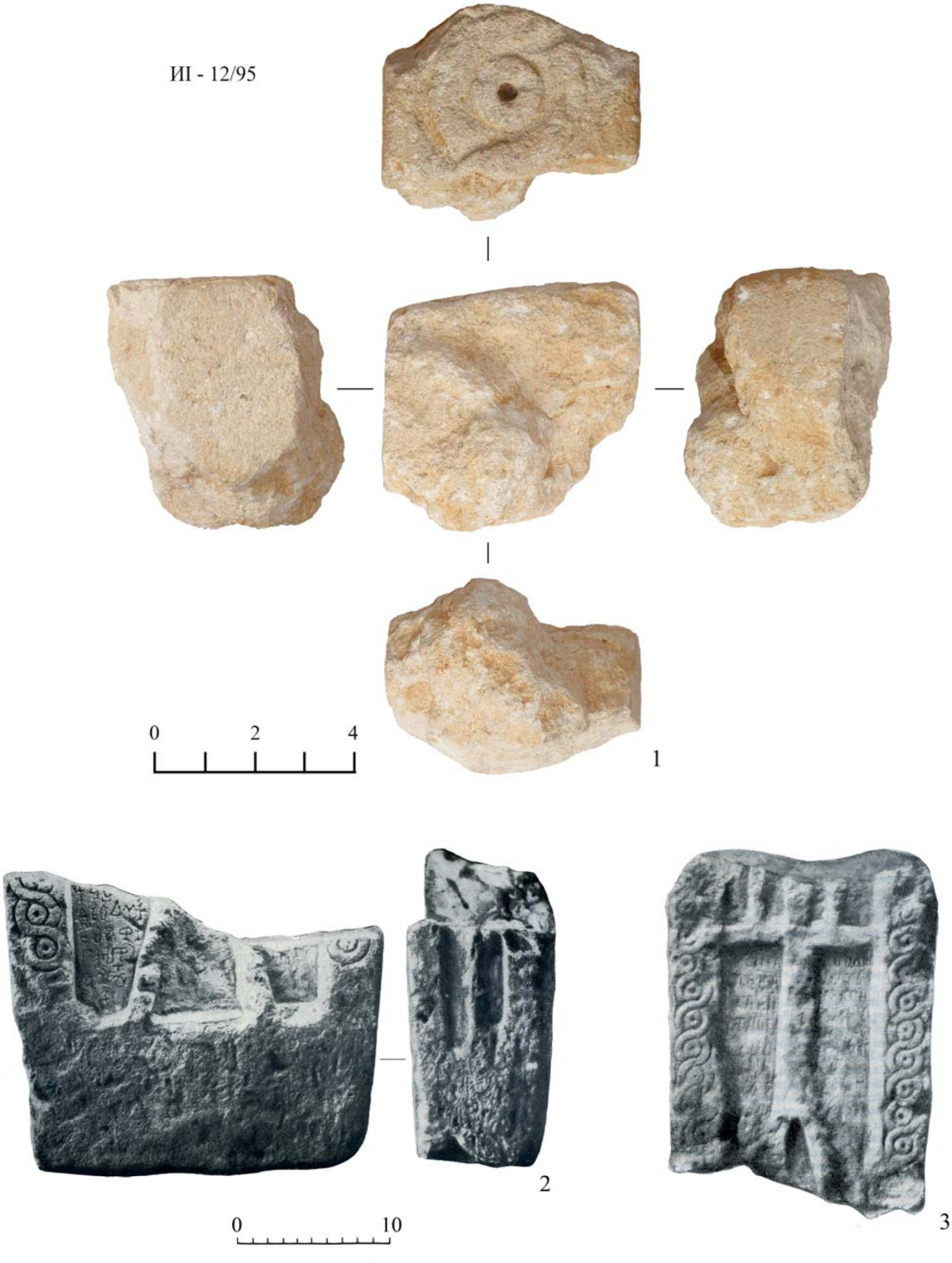

Рис. 45. Фрагмент надгробия из пещеры Иограф I (*1*), раскопки 2012 г.; надгробие из Алушты, раскопки 1950 г. (*2*). ЯИЛМ КП 5677 А2 — 84; надгробие из Алушты, найденное в 1886 г. В.Ф. Миллером (*3*).

УДК 930.2:726.825(477.7)

†М.Я. Чореф

НОВЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАДПИСИ ИЗ КЕРМЕНЧИКА[1]

Выше с. Высокого Бахчисарайского района находятся развалины небольшого укрепления XIII—XIV вв., известно в литературе под именем Керменчик[2].

В 1,5 км от села справа от дороги, ведущей в деревню Богдановка, на небольшом холме и вокруг него существовало греческое кладбище. Возможно, что его отмечали А.Л. Бертье-Делагард[3] и А.И. Маркевич[4].

В 200—300 м к северо-востоку от указанного места в небольшой балке видны останки построек. Возможно, что кладбище принадлежало этому давно покинутому жителями селению.

При глубокой вспашке в 1967 г. на холме были обнаружены фундамент здания вытянутой формы, ориентированного на северо-восток и множество обломков надгробий разнообразных форм. Положение, ориентация и обстановка вокруг, позволяют предположить, что на холме был небольшой храм. К сожалению, в настоящей работе мы не можем поместить план церкви и кладбища из-за их плохой сохранности.

Среди обломков архитектурных деталей на холме были обнаружены две плиты с греческими надписями.

Первая (рис. 1) сохранилась довольно хорошо: у нее лишь плугом была уничтожена часть надписи (рис. 1,*1*), остальные же буквы видно отчетливо. Она была вырезана в неглубокой нише стелообразного надгробия, укрепленного орнаментами (рис. 1,*2,3,4*). Судя по содержанию текста, это обычная надгробная надпись XIV—XV вв. К сожалению, восстановить более точную дату по фотографиям и эстампажу не представляется пока возможным.

От второй надписи осталось сравнительно немного (рис. 2), т.к. часть букв на ней была вырезана, остальные же были нанесены черной краской.

Отчетливо видны в нижней части памятника цифры: 800 и 50, таки образом, если считать первой цифрой числа 6000, имеем 6850, т.е. надпись можно датировать 1340—1360 гг.

Это соответствует уже установившемуся мнению, что все эпиграфические памятники[5] Керменчика относятся к XIV и к началу XV вв. Наличие же большого числа храмов и христианских кладбищ с греческими надписями в округе Керменчика: А.Л. Бертье-Делагард насчитывает их десять или одиннадцать[6], указывает на значительное христианское население, проживавшее здесь в XII—XIV вв., поддерживающее культурные связи с

---

[1] Из личного архива М.Я. Чорефа, переданного М.М. Чорефом на хранение в КРУ БИКЗ. Оригинал статьи в настоящее время хранится в личном фонде М.Я. Чорефа в н/а КРУ БИКЗ (ф. 29).

[2] *Бертье-Делагард Л.А.* Керменчик Крымская глушь. Одесса, 1899. С. 29—32.

[3] Там же. С. 29.

[4] *Маркевич А.И.* Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасу-базара // ИТУАК. 1899. № 29. С. 103; Протоколы заседания таврической архивной комиссии // ИТУАК. 1899. № 29. С. 97—98.

[5] *Латышев В.В.* Заметки к сборнику христианских надписей // ЗООИД. 1898. Т. XXI. С. 240.

[6] Там же. С. 231.

Херсонесом, так существует мнение, что древний храм между селами Керменчик и Лака построен «Херсонесской строительной артелью»[7].

М.Я. Чореф

Новые средневековые надписи из Керменчика

В 1967 г. в результате вспашки земли близ села Высокого были обнаружены развалины храма и стелы с греческими эпитафиями. Последние представляли собой надгробия, установленные во второй половине XIV в. Сам же факт их обнаружения убедительно свидетельствует в пользу предположения А.Л. Бертье-Делагарда о наличии в XII—XIV вв. активных связей между жителями округи Керменчика и византийским Херсоном.

Ключевые слова: Византия, надгробия, Херсон, христианство, эпиграфика.

M.Ya. Choref

New medieval inscriptions from Kermenchik

In 1967, as a result of plowing the land near the village of Vyisokoe were discovered the ruins of the temple and stele with Greek epitaphs. The last represented the gravestones established in the second half of the XIV century. The fact of their detection convincingly testifies in favor of A.L. Bertier de la Garde’s assumption of existence in the XII—XIV centuries of active communications between inhabitants Kermenchik's district and the Byzantine Cherson.

Keywords: Byzantium, gravestones, Cherson, Christianity, epigraphy.

[7] *Гайдукевич В.Ф.* Мнимая базилика Лаврентия—Леонтия // МИА. 1953. № 34. С. 311—313; *Маркевич А.И.* Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая… С. 101—102; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.—Л., 1964. С. 98.

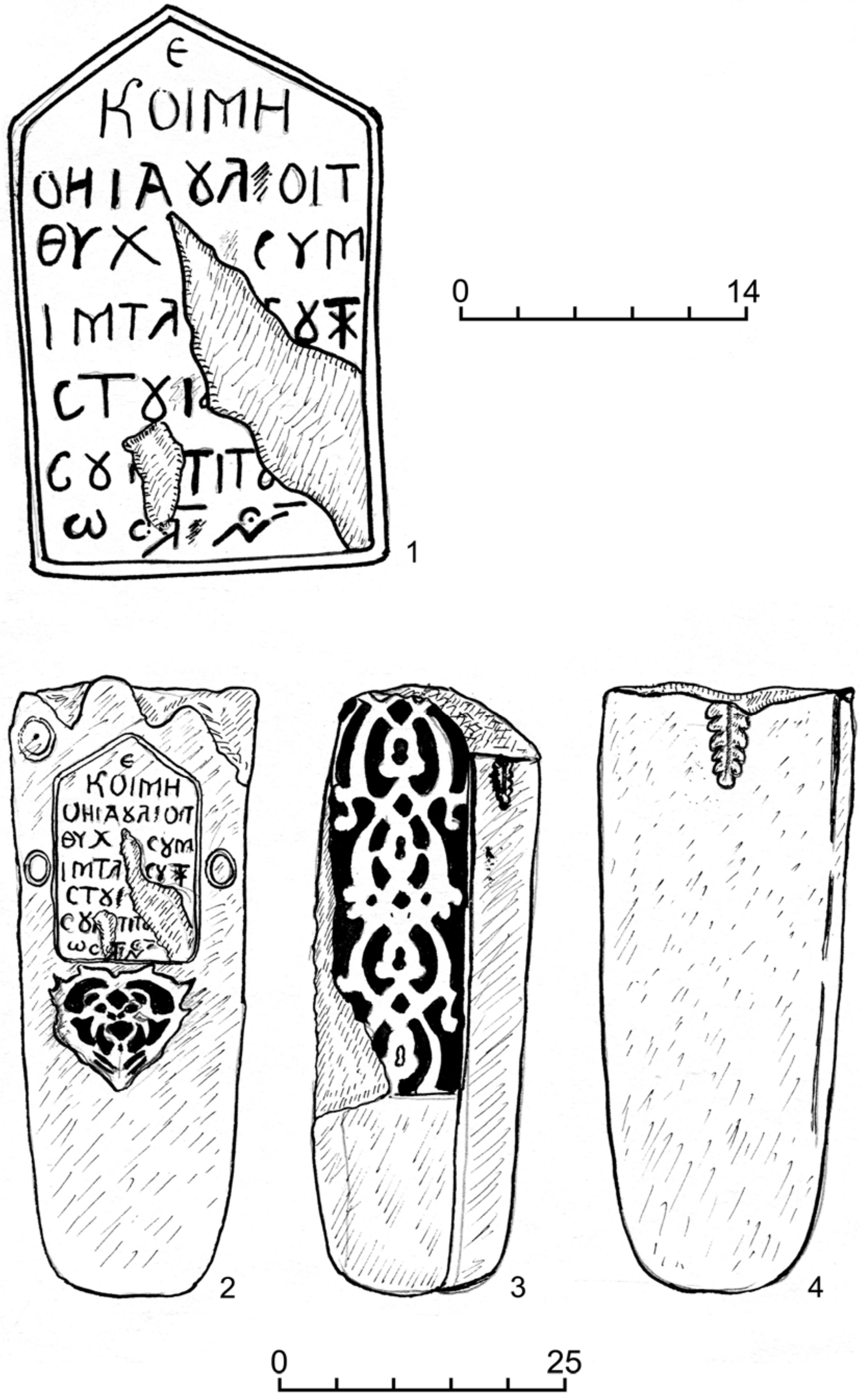

Рис. 1. Надгробие № 1.

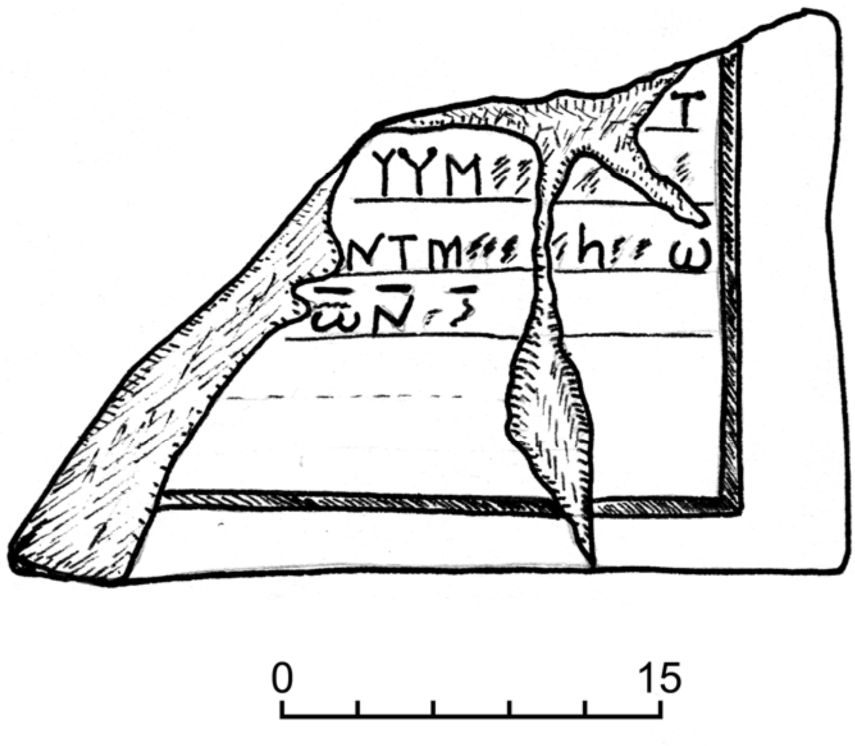

Рис. 2. Надгробие № 2.

ИСТОРИЯ

УДК 94(37).07

М.И. Жих

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ *SPALI* ИОРДАНА И *SATARCHEOS SPALAEOS* ПЛИНИЯ СТАРШЕГО

Одним из ключевых событий в истории готов на их пути от Балтики к Причерноморью была, согласно повествованию Иордана (середина VI в.), восходящему к трудам более ранних авторов Кассиодора и Аблабия, а в конечном счёте, к готской эпической традиции, их война с неким «народом» (gens) спалов (*Spali*) и овладение страной Ойум (*Oium*, готское *Aujom* – «страна, изобилующая водой»; Iord., Get. 27—29).

Исследователи давно пытались выяснить степень исторической достоверности рассказа Иордана и найти ему соответствие в каких-то историко-археологических реалиях[1].

Не вдаваясь в рассмотрение всех аспектов сложной темы локализации земли Ойум и «племени» спалов, остановимся на проблеме соотношения последних с упоминаемыми Плинием Старшим сатархеями-спалеями (*Satarcheos Spalaeos*; Plin. VI. 22—23).

Иордан так рассказывает о миграции готов к Чёрному морю: «(26) Когда там (в Готискандзе на южном берегу Балтики — М.Ж.) выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер (если Берига связывать с появлением в Поморье памятников типа Одры-Венсеры в середине I в. н.э., то пятое поколение после него придётся где-то на 150—170 гг. н.э. — М.Ж.), сын Гадарига, то он постановил, (27) чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселения] он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум. Филимер, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не осталось возможности ни прийти, ни вернуться. Говорят, что та местность замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами; таким образом, сама природа сделала ее недосягаемой, соединив вместе и то и другое. Можно поверить свидетельству путников, что до сего дня там раздаются голоса скота и уловимы признаки человеческого [пребывания], (28) хотя слышно это издалека. Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы. Отсюда уже, как победители,

---

[1] Историографию см.: *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. М., 2013 (Византийская библиотека. Источники). С. 188—190. Коммент. 68—70; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1994. С. 116—119. Коммент. 21—37; *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. 2-е изд. СПб., 2001 (Византийская библиотека. Исследования). С. 94; *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 143; *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Вып I. Краснодар, 2013. С. 122—127; *Жих М.И.* Славяне и готы на Волыни и в Верхнем Поднестровье. Проблема локализации земли Oium и «племени» (gens) Spali // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинёв]. 2014. № 2 (36). С. 79—84.

движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель (29) готского народа, в своей достовернейшей истории»[2].

Привязка этих сообщений Иордана к историко-географическим реалиям затруднена тем, что ни страна Ойум, ни «племя» спалов не известны другим источникам, представляя собой гапаксы. Более того, имя земли Ойум является лишь описательным («страна, изобилующая водой») и не уникальным для готской традиции, она знает и другие Ойумы. У Иордана упоминается (Iord., Get. 96) местность, в которой одно время жили гепиды: Гепедойос (*Gepedoios*), т.е. «Ойум гепидов»[3]. По этой причине попытки связать Ойум Иордана с какими-либо причерноморскими топонимами известными по античным источникам[4], лишены оснований.

В поисках хоть каких-то параллелей данным Иордана историки давно обратили внимание на рассказ Плиния Старшего (между 22 и 24 гг. — 79 г.) о скифо-сарматских этносах начала н.э., согласно которому «Некоторые пишут, что река Охарий течет через земли кантиков и сапеев и что Танаис перешли сатархеи, гертихеи, спондолики, синхиеты, анасы, иссы, катееты, тагоры, кароны, нерипы, агандеи, меандареи, сатархеи-спалеи» (Plin. VI. 22-23)[5].

Сопоставление *Spali* Иордана и *Satarcheos Spalaeos* Плиния стало одним из общих мест историографии[6], но есть ли для него какие-либо основания?

Недавно вышли две обстоятельные статьи, посвящённые проблеме локализации Ойума и атрибуции спалов[7], что, безусловно, говорит о её актуальности и позволяет вернуться к верификации сопоставления двух этнонимов у Иордана и Плиния.

Как Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов, так и О.В. Шаров принимают тождество *Spali* Иордана и *Satarcheos Spalaeos* Плиния Старшего почти как аксимому[8], хотя локализуют место столкновения с ними готов по-разному: у Д.А. Мачинского и С.В. Воронятова, повторивших соответствующую идею В.В. Седова и Ф. Бирбауэра[9], страна Ойум – Волынь, а по О.В. Шарову она находилась близ Меотиды, вероятнее всего, в степном Крыму.

Авторы обеих статей столкнулись, тем не менее, с серьёзными трудностями на пути сближения *Spali* Иордана с *Satarcheos Spalaeos* Плиния. Поскольку Плиний Старший знает сатархеев-спалеев где-то в Подонье, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов в соответствии со

---

[2] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. С. 66. См. также: Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 105.

[3] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. С. 253. коммент. 312.

[4] См. например: *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 71—72.

[5] *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. С. 189.

[6] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. С. 189. Коммент. 70.

[7] *Щукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М.Б. Щукину. СПб., 2011; *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум».

[8] *Щукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка. С. 255—256 и сл.; *Воронятов С.В.* О территории сражения готов со спалами в «Getica» Иордана // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Ростов-на-Дону, 2014. С. 57—58; *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум». С. 134 и сл.

[9] *Седов В.В.* 1) Славяне в древности. М., 1994. С. 227—228; 2) Славяне. С. 147; *Бірбрауер Ф.* Готи в I—VII ст. Територия розселення та просування за археологічними джерелами // Археологія. 1995. № 2. С. 38—39.

своими взглядами на локализацию Ойума, вполне соответствующими, надо сказать, тексту Иордана, явно помещающего его где-то на северо-западе Скифии, вынуждены были постулировать не имеющее никакой опоры в источниках допущение, согласно которому они переселились далеко на северо-запад, а заодно из небольшого «племени», фигурирующего в конце длинного перечня стали «настолько сильными, что победа над ними отпечаталась в эпической памяти готов»[10].

В свою очередь, О.В. Шаров, понимая, что никаких оснований «переносить» сатархеев-спалеев из Придонья и Приазовья источники не дают, локализовал Ойум вопреки тексту Иордана не на северо-западном пограничье Скифии, куда ранее всего продвинулись готы, а на её далёкой юго-восточной окраине. Очевидной слабостью такой локализации «желанной земли» является следующий факт: согласно повествованию Иордана готы вступили в Ойум сразу по приходу в Скифию, т.е. искать его логично где-то в северо-западной её части, но никак не на юго-востоке.

Кроме того, сам О.В. Шаров констатирует, что «на сегодняшний день, мы не знаем ни одного памятника вельбаркской культуры в данном обширном регионе (Крым и Приазовье — М.Ж.), которые можно было бы как-то соотнести с миграцией готов Филимера»[11]. Учёный пытается решить эту проблему так: напомнив о том, что по пути готы подчинили ряд других германских племён, он приводит данные о находках в крымско-приазовском регионе германских артефактов интересующего нас времени (вторая половина II — начало III в.) en masse[12]. Однако, едва ли такой подход можно считать решением проблемы, скорее это можно было бы назвать стремлением обойти её, причём едва ли удачным: археологическим эквивалентом миграциям готов является распространение вельбарской культуры, что общепризнано со времён работ Р. Волонгевича[13]. Поэтому находки просто германских артефактов никак не могут служить доказательством присутствия где-либо готов, ибо так можно «доказать» их присутствие везде, где найдётся что-либо германское. Если уж предполагается, что даже младшие союзники готов оставили где-то свой археологический след, то археологический след готов там тем более должен обнаруживаться. Да и число германских артефактов, указанных О.В. Шаровым, весьма скромно. Что же касается ранних комплексов могильников типа Ай-Тодор[14], то едва ли они могут маркировать масштабную готскую миграцию, о которой повествует Иордан и доказывать присутствие в регионе значительных масс готского или вообще германского населения, скорее только небольших дружин.

Налицо противоречие: Ойум Иордана — это явно северо-запад Скифии, скорее всего, действительно, Волынь или какие-то близкие к ней территории, а сатархеи-спалеи Плиния живут где-то в Подонье или Приазовье. Соответственно, тем, кто отождествляется спалов Иордана со спалеями Плиния приходится «переносить» либо Ойум, либо спалеев. Удовлетворительно согласовать повествование Иордана об Ойуме с отождествлением его

---

[10] *Щукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка. С. 256.

[11] *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум». С. 142.

[12] Там же. С. 142—144.

[13] *Wołągiewicz R.* Kultura wielbarska — problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk, 1981; *Седов В.В.* 1) Славяне в древности. С. 222—232; 2) Славяне. С. 142—150; *Щукин М.Б.* 1) На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий VI в. до н.э. — I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. С. 244—249; 2) Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 28—48, 93—108.

[14] *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум». С. 144.

спалов с сатархеями-спалеями Плиния нельзя. Видимо, правы те, кто как, например, А.Н. Анфертьев полагают, что перед нами лишь случайная омонимия[15].

Более того, есть серьёзные основания полагать, что спалеи/Spalaei Плиния — это вообще не этноним. По словам О.Н. Трубачева «Плиниевская форма Spalaei уводит в индоарийский Крым и относится к сатархам — Satarcheos Spalaeos, букв, ‘’сатархи – жители пещер’’ от греч. апеллатива Σπηλιοι ‘пещерники’»[16]. Т.е. перед нами всего лишь определение, данное в источнике сатархам и ничего больше. То, что это именно так удостоверяет следующий пассаж из «Хорографии» Помпония Мелы (I в. н.э.), объясняющий плиниево прозвище сатархов: «*Сатархи…* из-за суровой и к тому же постоянной зимы *живут в выкопанных в земле жилищах, в пещерах и подземельях*, при этом они закутывают всё тело и даже лицо прикрывают так, чтобы только видеть (курсив мой – М.Ж.)» (II. 10)[17]. Обычно считается, что о них же говорит Страбон (ок. 64/63 г. до н.э. – ок. 23/24 г. н.э.) в своей «Географии», описывая предгорья Кавказа: «Здесь живут также некоторые *троглодиты, из-за холодов обитающие в звериных берлогах*; но даже у них много ячменного хлеба (курсив мой — М.Ж.)» (XI. V, 7)[18].

Греческое «кабинетное» прозвище сатархов – «пещерники» (*Spalaei*) не имеет никакого отношения к реальной этнической номенклатуре Восточной Европы и, соответственно, не может привлекаться для атрибуции спалов Иордана. Данному этнониму следует искать другое объяснение.

---

[15] Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 118—119. Коммент. 37.

[16] Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 8. М., 1981. С. 241.

[17] *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники. С. 55.

[18] *Страбон.* География в 17 книгах / Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. М., 1994 (Памятники исторической мысли). С. 479.

М.И. Жих

К вопросу о соотношении *Spali* Иордана
и *Satarcheos Spalaeos* Плиния Старшего

В статье рассматривается проблема соотношения этнонимов *Spali* Иордана и *Satarcheos Spalaeos* Плиния Старшего. Автор показывает, что они не связаны друг с другом, так как *Spalaeos* – это всего лишь греческое «кабинетное» определение, данное сатархам («пещерники»).

Ключевые слова: готы, спалы, Иордан, Ойум.

M.I. Zhih

To a question of a ratio of Spali of Jordanes
and Pliny the Elder Satarcheos Spalaeos

In article the problem of a ratio of ethnonyms of *Spali* of Jordanes and Pliny the Elder *Satarcheos Spalaeos* is considered. The author shows that they are not connected with each other as *Spalaeos* is only the Greek «room» definition given to satarkhas («the inhabitants of the caves»).

Keywords: Goths, spali, Jordanes, Oyum.

УДК 930.272:94(37).07

В.А. Тихонов

К ВОПРОСУ О РИМСКО-БОСПОРСКОЙ ВОЙНЕ В СОЧИНЕНИИ «ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ» КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО

История античного Боспора Киммерийского в поздний период его существования в IV—VI вв. слабо освещена источниками. Античная историография этого периода мало интересовалась боспорской окраиной. Одним из редких исторических произведений того времени является отрывок из неизвестного историка Херсонеса Таврического о войнах Боспора с Римской империей и с Херсонесом в частности, отображающий события конца III—IV вв., который сохранился в труде византийского императора X в. Константина Багрянородного «Об управлении империей»[1].

Боспорский отрывок Константина распадается на четыре эпизода: нашествие боспорцев на римские территории Лазику и Понт, боспорско-херсонская война, в результате которой граница между двумя государствами была проведена в районе Кафы (Феодосии), ещё одна боспорско-херсонская война, в результате которой граница сдвинулась восточнее не то до района местности, известной в античности как Казек, не то до Киммерика (гора Опук) и история о херсонесской гражданке Гикии, которая сумела разоблачить коварство своего мужа-боспорца, сына боспорского царя Асандра.

Наиболее развёрнуто в военном отношении описан у Константина первый эпизод – нашествие боспорцев на Лазику и Понт. Современные представления о понимании этого места даёт современный русский перевод Константина Багрянородного. Однако, эта историческая интерпретация может усовершенствована.

События развивались, по уверению неизвестного херсонесского историка, из которого практически без изменений списывает Константин Багрянородный или его помощники в написании текста «Об управлении империей», следующим образом. В правление римского императора Диоклетиана правитель города Боспора (так тогда назывался Пантикапей, столица Боспорского царства) возглавил нашествие сарматов на территории Римской империи Лазику и Понт, дойдя до реки Галис. На помощь римским войскам, противостоящим сарматам и боспорцам в районе этой реки пришли граждане Херсонеса Таврического (в тексте — этот город назван Херсоном), входившего в состав Римской империи. Херсониты вторглись на территорию самого Боспора и взяли саму столицу царства, вынудив боспорцев пойти на мир с Римом и отступить с территории Римской империи[2].

---

[1] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991. С. 246—271 (Гл. 53); Культура Византии: Вторая половина VII—XII вв. М., 1989. С. 94.

[2] *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 169—174; *Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 28—33; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.—Л., 1949. С. 457—462; *Зубарь В.М., Русяева А.С.* На берегах Боспора Киммерийского. Киев, 2004. С. 212—216; *Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. М., 1967. С. 204—208; *Шаров О.В.* Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху: автореф. дисс. … докт. ист. наук. СПб., 2009; *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913; *Nadel B.* Literary Tradition and Epigraphical Evidence // Annales litteraires de l'Universite Besancon. 1977. № 25.

При этом автор подчёркивает, что эта победа под городом Боспором была достигнута благодаря использованию «хироболистр» (греч. — χειροβολίστρα), которые в русском переводе, якобы, перевозились на колесницах, хотя в самом греческом тексте стоит выражение «армата полемика» (греч. — ἅρματα πολεμικά), если буквально перевести это место, то получится вовсе не «военные колесницы», а «военные орудия», причём первое слово здесь — греческое, а второе — заимствовано из латыни.

Такая смесь греческих и латинских слов вовсе неудивительна для греческого языка византийских времён. Примерно с правления императора Диоклетиана (пришёл к власти в 284 г.) и вплоть до распада империи на Западную и Восточную Римские империи после смерти императора Феодосия в 395 г. по всей Римской империи, включая и её восточную, грекоязычную половину, шло официальное навязывание латинского языка населению и администрации Империи. Больших успехов в таком внедрении единственного государственного языка в греческой половине Империи не было достигнуто, но некоторые военные и государственные термины в греческий язык проникли и сохранялись в нём и в византийский период. Именно к этим латинским неологизмам и относится в данном случае «армата» Константина Багрянородного.

Авторы русского перевода Константина оставили греческое слова «хироболистра» без перевода. Первый компонент этого составного слова «хиро-» — греческий, означает «ручной». Второй компонент «болистра» — слегка искажённое латинское слово «баллиста» — военная машина в виде большого лука с ложем для метания деревянных или каменных снарядов. Как видно, и в этом слове сказывается военное влияние латинского языка на греческий в IV в. Автор греческого текста намеренно добавил к вполне понятному слову «баллиста» термин «ручной», чтобы подчернуть небольшие размеры этих баллист, которые здесь являются вовсе не большими сооружениями, которые, действительно можно было транспортировать только на повозках, а ручным оружием.

Греко-латинское, византийское слово «хироболистра», которое затруднились перевести на русский переводчики Константина Багрянородного, это не что иное, как неискажённый прототип слова «арбалет», попавшего в русский язык из французского языка. Слово «арбалет» есть искажённое слово «хироболистра». То, что именно из византийского греческого заимствовали европейцы в средние века термин для арбалета, неудивительно. Византийская империя вплоть до XIII в. превосходила Западную Европу не только в уровне развития экономики и культуры, но и в военной технике. Описание арбалета и его действия в византийской исторической традиции есть в «Алексиаде» Анны Комнины[3]. Скорее всего, в ходе Крестовых походов конца XI—XIII вв. и произошло заимствование арбалета у византийцев европейцами, прежде всего французами[4].

Таким образом, не громоздкие военные метательные машины использовали херсониты в войне с Боспором, а арбалеты, «ручные баллисты». Это новшество в тогдашней военной технике помогло им одолеть Боспор.

Ещё одна неточность в понимании текста Констатнина Багрянородного о римско-боспорской войне позволяет по-новому истолковать состав боспорского войска в этой войне. В описании нашествия боспорцев на Лазику и Понтику в греческом тексте стоит слово «ἐστρατοπεδεύσατο», в котором видны две составные части «στρατ-» (войско) и «-πεδε-», то есть пешее. Таким образом, Константин Багрянородный прямо говорит, что это боспорское нашествие было не конным, а именно пешим. Но это противоречит традиционному составу

---

[3] *Анна Комнина*. Алексиада. СПб., 1996. С. 281—282 (книга X, глава 8).

[4] *Контамин Ф.* Война в Средние века. СПб., 2001. С. 84—88.

войска сарматов, которые, по уверению автора текста составляли главный компонент боспорского войска.

То, что сарматы вряд ли могли ещё существовать как этнос в Приазовье при Диоклетиане и позднее, уже отмечалось исследователями. Сарматы всегда на войне воевали в конном строю, как и все степные кочевники Северного Причерноморья и глубинной Азии (скифы, гунны, хазары, монголы и др.). Сарматами названы воины боспорского владыки не по своему этническому облику, а по месту обитания по берегам Меотидского озера (Азовского моря). Можно сделать вывод, вовсе не настоящие сарматы составляли боспорское войско в этом походе. Это могли быть и готы, и смешанное греко-варварское население Боспора. Рассматривая эту римско-боспорскую войну исследователи уже выдвигали предположение, что за «сарматами» Константина здесь скрываются готы, о роли которых в истории Позднего Рима существует обширная литература[5].

Убедительно на археологическом, в основном, материале О.В. Шаров проиллюстрировал присутствие германцев на Боспоре и на соседних к нему землях начиная с приблизительно 150 г. и вплоть до примерно 350 г. Это склоняет к преимущественно германскому составу боспорского войска в походе в Лазику и Понтику, описанному у Константина Багрянородного[6].

Самого боспорского правителя автор называет «Савроматом», то есть греческим вариантом этнонима «сармат». Среди боспорских царей конца I—III вв. действительно были несколько царей с таким именем. Скорее всего, перед нами, не настоящее имя боспорского царя, а традиционная полупрезрительная, стремящаяся подчеркнуть негреческий, варварский этнический облик боспорцев, херсонесская кличка всех боспорских царей вообще. В период правления императора Диоклетиана на роль боспорского царя, двинувшегося на завоевании Лазики и Понтики, больше всего подходит Фофорс, чьё имя известно по монетам[7]. Из лапидарных надписей времени правления Фофорса известно найденное в столице Боспорского царства посвящение «Богу Всевышнему Внемлющему» начальника Феодосии Валерия Сога, датированное 306 г. В этой надписи упоминается, что Валерий Сог шестнадцать лет пребывал вне Боспора. При этом в надписи нет имени боспорского царя Фофорса, но упоминается римский император Диоклетиан[8]. М.М. Чореф путём выявления технологии чеканки монет Фофорса и атрибуции дифферентов, имеющихся на них, пришёл к выводу, что Фофорс чеканил свои монеты не только на монетных дворах на территории собственно Боспорского царства, но и будучи изгнанным римско-херсонесскими войсками в степи Причерноморья и Приазовья. Римский император на монетах Фофорса не может быть ни Диоклетианом, ни его соправителями, потому что Диоклетиан сделал императорскую власть групповой (тетрархия) и на монетах мог изображаться только в паре со своим соправителем. Выводы М.М. Чорефа выглядят убедительно[9].

---

[5] *Вольфрам Х.* Готы. СПб., 2003; *Пиоро И.С.* Крымская Готия. Киев, 1990. С. 36—43; *Рябцева М.Л.* Боспор и готы в конце IV—VI вв. // НвБелГУ. 2008. № 2. С. 31—36; *она же.* Отражение германского присутствия на Боспоре в период великих миграций в письменных и археологических источниках // Вестник Нижегородского университета. 2012. № 6. С. 219—227; *Щукин М.Б.* Готский путь. СПб., 2005. С. 199.

[6] Шаров О.В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре // Stratum plus. 2010. № 4. С. 251—285.

[7] *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 126—128; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. В 2-х ч. Ч.2. М., 1997. С. 75—111, 287—313.

[8] КБН. М.—Л., 1965. С. 71—73, № 64.

[9] *Чореф М.М.* Боспорское царство при Фофорсе: по нумизматическим данным // РАЕ. 2014. № 4. С. 329—371.

Само развёртывание военных действий в этой войне вызывает вопрос, почему же боспорский царь «Савромат» со своими «сарматами» пошли в поход на столь отдалённые римские владения в Лазике (нынешняя западная Грузия) и в Понтике (нынешняя северо-восточная Турция), а не на римские владения в Херсонесе Таврическом в Крыму, на восточной окраине котого расположена столица Боспора?

Бурный период истории Римской империи в III—IV вв. позволяет предположить, что и здесь не обошлось без очередного мятежа и слабой легитимности тех римских мятежников, которые контролировали перед началом боспорского похода Лазику и Понтику. Боспорские цари ещё с I в. до н.э. признавали себя зависимыми от римского императора. Можно даже говорить о вхождении Боспора в состав Империи в качестве автономной территории вплоть до средних веков. Вряд ли боспорский царь посмел бы поднять руку на великий Рим, будь всё совершенно ясно с тем, кого из претендентов считать законным римским императором.

Вероятно, формально боспорцы заняли римские территории для борьбы с очередной узурпацией на территории Римской империи для помощи центральным римским властям. Поскольку, очевидно, для территорий Римской империи в районе Херсонеса Таврического в Крыму такого предлога не существовало, то и никакие военные действия против римского Херсонеса для продолжавшего входить в состав Римской империи Боспорского царства были невозможны, то есть римская администрация Херсонеса и сам коллектив граждан херсонесского полиса признавали законным римским императором именно того императора, которого признавал и боспорский царь. При этом понятно, что император Диоклетиан, пославший против боспорцев войска, чтобы освободить Понтику и Лазику, некоторое время ещё не признавался законным императором боспорским царём. По-крайней мере Херсонес Таврический признал Диоклетиана императором раньше Боспора.

Помещение нашествия боспорцев на римские земли в период римско-персидской войны при Диоклетиане, особенно в начальный, неудачный для римлян её период выглядит менее предпочтительным, так как в тексте Константина такая мощная в то время держава как сасанидская Персия не упоминается вовсе.

На самом деле даже имя римского императора в этом сюжете Константина Багрянородного нельзя считать вполне достоверным. Византийская цивилизация, к выдающимся образцам культуры которой относится труд этого автора, формировалась в период Поздней Империи, так называемый период домината. Этот период начался с правления именно Диоклетиана, пришедшего к власти в 284 г. н.э.[10] Наиболее почитаемым «отцом» византийской цивилизации и культуры сами византийцы считали императора Константина, первого римского императора официально принявшего христианство. Однако, и Диоклетиан, в отличии от многих доконстантиновских императоров, не был забыт самосознанием византийцев. И это вполне справедливо, так как именно масштабные государственные реформы Диоклетиана очень многое изменили в Империи и определили само лицо византийской цивилизации. «Царя Диоклетиана» в Византии помнили хорошо и вполне могли ему приписывать многие деяния, относившиеся к другим императорам.

Такая хронологическая неопределённость римско-боспорской войны может быть несколько уменьшена обращением к дошедшей до нас херсонесской надписи IV в. о баллистариях в составе гарнизона города, датируемой 370—375 гг. н.э.[11] Из текста

---

[10] *Зосим.* Новая история. Книга 1 // Античный мир. Белгород, 1999. Гл. 31—34; Римские историки IV в. М., 1997. С. 189—197 (Евтропий); *Князький И.О.* Император Диоклетиан и конец античного мира. М., 1999; *Barnes T.D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge (Mass.), 1982.

[11] *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 28—30, № 3.

Константина Багрянородного следует, что римский император, признавая заслуги херсонесских арбалетчиков в войне с Боспором взял на содержание тысячу этих воинов, присылая каждый год по тысяче «аннон», то есть годовых пайков на содержание войск и присылая при необходимости материалы для арбалетов — жилы, дерево, железо и оливковое масло. Само количество херсонесских баллистариев — одна тысяча человек — указывает, что вряд ли это был персонал для обслуживания больших баллист, применяемых в то время, главным образом, для осады крепостей и для защиты крепостных стен. Для обороны стен города не требовалось столько воинов для обслуживания военных метательных машин. Гораздо более вероятным выглядит содержание Империей тысячи арбалетчиков в составе херсонесского гарнизона.

В ходе исследования боспорского отрывка сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей» удалось уточнить вид вооружения, использовавшегося херсонитами в войне против Боспора в конце III — первой половине IV вв. (использовались арбалеты). Также удалось показать неточность в наименовании Константином воинов боспорского царя «сарматами». Возможно также, что и само занятие боспорскими войсками римских территорий в Лазике и Понтике было связано с очередной узурпацией в восточных провинциях Римской империи.

В.А. Тихонов

К вопросу о римско-боспорской войне
в сочинении «Об управлении империей» Константина Багрянородного

В рассказе о римско-боспорской войне конца III — начала IV вв. у Константина Багрянородного описано применение херсонитами против боспорцев арбалетов, боспорцы для вторжения в римские пределы использовали пехоту, что делает невозможным считать боспорские контингенты сарматами, сама римско-боспорская война могла быть связано с какой-то, ближе неизвестной, узурпаций на востоке Римской империи в этот период.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, сарматы, Херсон, император Диоклетиан, арбалет, баллиста, Константин Багрянородный.

V.A. Tikhonov

To the question of the Roman-Bosporan war in
«On the management of empire» of Constantine Porphyrogenitus

The story of Roman-Bosporan war of the late III — early IV centuries of Constantine Porphyrogenitus described the use hersonitam against the citizens of Bosporus crossbows, citizens of Bosporus for the invasion of the Roman limits used infantry, which makes it impossible to consider the Bosporus contingents Sarmatians, the Roman-Bosporan war could be associated with some closer to the unknown, usurpare in the East Roman Empire in this period.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Sarmatians, Cherson, Emperor Diocletian, crossbow, ballista, Constantine Porphyrogenitus.

УДК 930.272:2-264

В.М. Лурье

СОЛУНСКАЯ ЛЕГЕНДА: ОРИГИНАЛЬНОЕ СЛАВЯНСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИЛИ ПЕРЕВОД С СИРИЙСКОГО? КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ПРАВДОПОДОБНОСТИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ГИПОТЕЗ[1]

1. Введение

Для научных дискуссий в гуманитарных науках довольно типичны две одинаково неконструктивные манеры ведения: либо отказывать гипотезам в сколько-нибудь серьезном праве на обладание истиной, либо считать все гипотезы, пока они не доказаны, одинаково плохими (или пусть даже одинаково хорошими: тут важно, что «одинаково»). Обе манеры сводятся к тому, что научные споры, опирающиеся на гипотезы, якобы, не имеют серьезных перспектив.

Мы не будем говорить о том, что такое «доказательство» в гуманитарных науках, то есть чем гипотеза отличается от теории. Сделаем вид, будто мы это понимаем. Нас будет интересовать оценка таких гипотез, которые никому и не представляются доказанными.

Ниже я постараюсь предложить некоторую методику, основанную на известных положениях индуктивной логики, но адаптированную к материалу гуманитарных исследований. В гуманитарных исследованиях, хотя, как правило, не проводят экспериментов, но точно так же, как, допустим, в астрономии делают наблюдения. И нельзя сказать, что с результатами этих наблюдений не работают количественными методами. Как раз работают, хотя отчасти в духе немецкой шутки о сути научного метода: *einmal ist keinmal, zweimal ist immer*. Если правда, что эту поговорку придумали крестьяне для интерпретации своих естественнонаучных наблюдений над явлениями природы, то это лишний раз напоминает нам, что и естественные науки в недалеком прошлом были такими же, как и гуманитарные в настоящем. В естественных науках (за исключением астрономии) только недавно, в XVII в., как-то научились преодолевать приблизительный характер любого измерения реальной величины и приходить от неточных измерений к математически точным выводам. В гуманитарных науках это оказалось не так просто, потому что и приблизительность измеряемых параметров, как правило, выше: она, в целом, соответствует принципиальной нечеткости человеческого мышления и естественного языка. Но сегодня мы знаем, что расчеты можно вести и с нечеткими величинами.

Практический пример, который будет разбираться ниже, разумеется, взят из моих собственных научных тем. В качестве примера он оказался очень удобен. Неудивительно, что потребность в оценке гипотез, относящихся к этому примеру, привела к разработке предлагаемой здесь методики.

---

[1] В настоящей статье использованы материалы исследования, выполняемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований; проект № 13-06-00832, «Описание логики естественного языка как системы модальных операторов».

Методика разработана только в виде эскиза, когда многие решения легко принять *ad hoc*, тогда как следовало бы их рассматривать на разных примерах и обсуждать подробности теоретически. Вместо таких теоретических исследований я буду просто указывать те логические теории, которые, на мой взгляд, тут следовало бы применить. Я буду очень рад, если кто-нибудь воспользуется этими идеями для уже профессиональной разработки статистических методов оценки степени достоверности логических выводов в гуманитарных науках.

2. Индуктивная логика и научные гипотезы

Индуктивная логика позволяет оценивать правдоподобие некоторого утверждения в зависимости от правдоподобия предыдущего утверждения. Это, в свою очередь, позволяет ее применить для оценки прочности логических цепочек в науке. В частности, для оценки различных научных гипотез. В этом разделе мы дадим лишь самый общий (без формул) очерк соответствующего подхода (более подробно и с формулами см. ниже, особенно в разделе 10[2]).

Разумеется, индуктивная логика не может подменить собой никакое научное исследование в конкретной области. Это означает, что оценка правдоподобия той или иной научной гипотезы как абсолютной величины в индуктивной логике невозможна. Для этого надо обладать таким знанием, которого ни у кого не может быть никогда, а именно, знанием вообще всех возможных гипотез относительно данного предмета.

Но зато индуктивная логика хорошо справляется со сравнением двух любых альтернативных гипотез относительно одного и того же предмета. Она не может сказать, какая из них правильная (может быть, неправильны обе), но она может привести здравые аргументы в пользу одной из них относительно другой, либо показать, что правдоподобие альтернативных гипотез более-менее одинаковое.

Чтобы к сравнению научных гипотез можно было применить логическую методику, нужно оценивать результаты либо экспериментов, либо наблюдений (что более привычно для гуманитарных наук) по таким параметрам, которые должны меняться в зависимости от принятой гипотезы. Чем сильнее выбор гипотезы влияет на прогнозируемое значение этих параметров и чем больше набрано самих наблюдаемых результатов, тем более достоверным окажется сравнение.

Дальнейшая идея проста и естественна: правдоподобнее будет та из гипотез, в которой наблюдаемые значения зависимых от нее параметров чаще совпадают с прогнозируемыми.

На основании этих идей можно построить некоторую вычислительную модель. Основой для нее служит теорема Байеса, которая связывает между собой две разных вероятности (так называемые «условные вероятности», т.е. вероятности одного события при условии наступления другого события): события A при условии состоявшегося события B и события B при условии состоявшегося события A. Если события A и B совершенно никак друг с другом не связаны, то вероятности каждого из них никак не будут зависеть от того, состоялось ли другое событие или нет. Но если связаны, то будут зависеть друг от друга

[2] В качестве общего введения можно особо рекомендовать *Hawthorne J.* Inductive Logic // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2014 Edition) / E.N. Zalta (ed.) [Электронный ресурс] // http://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/logic-inductive/. В качестве введения в соответствующий логико-философский подход см. особо последнюю книгу Ричарда Джеффри (1926–2002), завершенную за пять дней до смерти: *Jeffrey R.* Subjective Probability: The Real Thing. Cambridge: Cambridge UP, 2004.

весьма ощутимо, и эта зависимость как раз и описывается теоремой Байеса. Поскольку любая гипотеза содержит ряд взаимосвязанных утверждений, то правдоподобие гипотезы в целом будет определяться рядом зависимых друг от друга вероятностей.

Логика не налагает никакого ограничения на тот способ, которым мы будем измерять «количество» вероятности. В традиционной математической теории вероятностей для этого используются действительные числа в интервале от 0 до 1, но они почти никогда не подходят для описания процессов, происходящих за пределами нашего воображения. В жизни мы крайне редко имеем дело с абсолютно точно определенными количествами. В древности считалось, что абсолютно точные измерения возможны только в астрономии, а теперь (то есть уже давно) мы знаем, что и в астрономии они невозможны.

Все количества, которые мы измеряем в реальном мире, — это некоторые интервалы с размазанными краями. Но это не означает, что эти неточные количества нельзя измерять, и на основании таких измерений выводить точные законы природы. Когда человечество (в лице Галилея) сделало такой вывод, произошла научно-техническая революция XVII в.[3]

С начала XX в. существует специальная теория статистической обработки данных, которая позволяет жестко отсечь лишь практически важную часть этого интервала (например, так называемый метод наименьших квадратов). Так поступают в естественных науках.

В гуманитарных областях существует та же самая проблема нечеткости («размазанности») количеств, но при этом нечеткость настолько велика, что обычные статистические процедуры не смогут дать удовлетворительного приближения. Эти обычные процедуры основаны на том, чтобы заменить нечеткое значение четко определенным интервалом, за пределами которого находится тот разброс наблюдаемых величин, которым можно пренебречь. В гуманитарных областях заменить нечеткую величину четким интервалом и просто отбросить оставшуюся нечеткость не получится. Нужно работать с нечеткими количествами такими, каковы они суть, — то есть не пытаясь уйти от их нечеткости.

Если наши количественные оценки не могут быть выражены иначе, нежели в таких понятиях, как «много», «мало», «далеко», «близко», «часто», «редко», то для такого рода количественных показателей нужно использовать особую математику, основанную на так называемой нечеткой логике и теории нечетких множеств. Ее мы и постараемся применить в предлагаемой ниже методике.

3. Две гипотезы относительно «Солунской легенды»

Переходя к описанию примера, который мы будем рассматривать, можно сделать предупреждение о том, что для описания методики безразлично, реальный он или выдуманный, но автору (то есть мне) это небезразлично. Впрочем, здесь я буду использовать только конечные результаты моего содержательного анализа различных гипотез о происхождении «Солунской легенды» (далее СЛ)[4]. Те, кто считает, что я неправильно интерпретирую связь различных гипотез с наблюдаемыми данными, не согласятся с моими

[3] См. особ. *Koyré A.* Études galiléennes (Histoire de la pensée. № 15). Paris: Hermann, 1966.

[4] *Lourié B.* The Slavonic *Solunskaja Legenda* (“The Thessalonican Legend”) and Its Syriac Original // Bible and Syriac Studies in Context / C.B. Horn (ed.) (Eastern Mediterranean Texts and Contexts). Warwick, RI: Abelian Academic. (forthcoming). Здесь же см. и подробную библиографию.

выводами относительно СЛ, но это никак не должно сказаться на их оценке предлагаемой методики (просто для них она будет показана как бы на воображаемом примере).

Проблема языка оригинала СЛ была поставлена еще в XIX в. в связи с крайней невразумительностью ее текста в ключевой сцене. Текст этот следующий:

S свытькь сьчици скокине сьгѹле свезане

k сборокъ с'чице со куки и жголѣ свр'зана

T зборькь сьчици скокине соупоуль свезаноу

x зборькь сьчицискокине соугоуль звезаноу

p зборькь сь чици с кокине с оугоуль свезану

N зборакь сь числи бльгарскыми

Сиглы средневековых (XV—XVI вв.) рукописей даны заглавными буквами, сиглы списков XIX в. с утраченных средневековых рукописей — строчными буквами. Рукописи распадаются на два семейства, из них ближе к общему архетипу всех рукописей семейство ***SNk***, дальше — ***Txp***. Рукопись ***T*** древнейшая (конец XV в.), рукопись ***S*** (XVI в.) — наиболее исправная с точки зрения близости к общему архетипу.

Редактор ***N*** переписал темное место по-своему, но не очень впопад. Список ***x*** приведен согласно всем его изданиям, первые два из которых (1856 и 1859 гг.) осуществлены самим открывателем этого списка И. Хаджиконстантиновым-Джинотом. При этом, однако, сохранился рукописный список Хаджиконстантинова, с которого текст был напечатан в 1856 г., и в этом списке вместо «соугоуль» ясно читается «соупоуль». Видимо, Хаджиконстантинов колебался в прочтении своей (нам уже недоступной) средневековой рукописи, где буквы «г» и «п» писались похоже. Минимально отличающийся от ***x*** список ***p*** (изданный в 1877 г. Порфирием Успенским, но вскоре забытый, пока о нем не пришлось напомнить мне) подтверждает чтение «соугоуль» (на котором, напомню, остановился и Хаджиконстантинов).

Последнее слово в этом фрагменте (во всех рукописях, кроме ***N***) означает нечто связанное. Первое слово — также очевидно славянское, но с определением его значения возникают трудности. Между первым и последним словами заключены три сегмента, то есть, очевидно, три значимых слова с предлогами или без, которые и составляют главную загадку. По контексту можно сказать, что речь идет о каких-то предметах, которые на Кирилла, главного героя СЛ, сбросил ворон (ворон в ***SNk***, но голубь в ***Txp***). Эти предметы упали к нему «на крыло», то есть куда-то в область плечевого пояса, он переложил их себе за пазуху, а там они вошли в его тело и исчезли, но после этого Кирилл забыл греческий язык и стал знать славянский.

Вся эта сцена имеет место в следующем контексте (сейчас мы позволим себе некоторый объяснительный пересказ части СЛ, учитывающий подробности и контекст, не отмеченные прежними исследователями, но и не зависящие от гипотезы относительно языка оригинала).

Удрученный невозможностью, как ему кажется, выучить славянский язык, Кирилл в воскресный день идет в Фессалонике в церковь. Уже на выходе из церкви он видит

каркающего ворона, который и сбрасывает на него эти предметы. Кирилл подсчитывает их количество (то ли 32, то ли 35; разногласия в списках), после чего впоследствии создает азбуку для славян с точно таким же количеством букв (средневековые славянские предания о количестве букв в алфавите знают оба числа, и 35, и 32; количество букв алфавита — это всегда некое символическое число, мало связанное с реальной орфографией).

Легенды о вороне (но не голубе!), сидящем на церкви и наделенном сверхъестественными способностями, засвидетельствованы (правда, только арабо-мусульманскими авторами) для разных регионов христианского мира, включая окрестности Константинополя (хотя для Фессалоники таких легенд мы не знаем). Связь изучения алфавита для священных писаний с воскресной литургией хорошо известна из разных полуофициальных богослужебных чинопоследований, встраивающих в контекст воскресной Евхаристии (или еврейского праздника Пятидесятницы, дарования Завета Моисею — Шавуот) символическое поедание букв. В СЛ, однако, этот образ усиливается, т.к. речь идет не о поедании букв, а о прямом их доступе к сердцу.

Тот факт, что тут имеется в виду попадание предметов, взаимно-однозначно связанных с буквами, именно в сердце, видно как из стандартных для христианских и иудейских традиций молитв о просвещении именно сердца для уразумения священной азбуки, так и из более широкого контекста нашего эпизода внутри самой СЛ. В более широком контексте СЛ эксплицитно представляет своего Кирилла мессианской фигурой наподобие нового Моисея, который дает новому (и эсхатологически последнему верному) народу новый Завет. В самом начале СЛ говорит, что Кирилл должен будет дать славянам «Закон». В конце она говорит, что Кирилл учил славян лишь немного, но они сами понимали очень многое. Это явная реминисценция пророчества Иеремии (31, 34) о новом Завете: «И не научит кийждо ближняго своего и кийждо брата своего, глаголя: познай Господа. Яко вси познают Мя от мала даже и до великаго их». Но новый Завет, согласно Иер. 31, 33 и 2 Кор. 3, 3, пишется на сердце, а не на скрижалях каменных.

По сделанным в 2003 г. подсчетам В.М. Загребина, существовало не менее 11 способов реконструкции темной фразы СЛ, а он сам предложил еще один, 12-й. Среди прежних 11 способов 8 (а также девятый загребинский) исходили из возможности прочтения темного места на славянском языке (возможно, с примесью греческого), 2 — на еврейском языке, 1 (предложенный мной в докладе 1994 и статье 1996 г.) — на сирийском языке. В последней работе о СЛ я предлагаю несколько иной способ прочтения этого места на сирийском языке; это уже, как минимум, тринадцатая попытка реконструкции. Характерно, что нет попыток реконструкции темного места на основе греческого языка. По ряду причин, на которых здесь можно не останавливаться, гипотеза о наличии у СЛ греческого оригинала не имеет сторонников. Обе гипотезы о наличии оригинала еврейского также давно уже не имеют сторонников, и мы их рассматривать не будем.

Идея о том, что СЛ изначально была написана на славянском, а темное место в ней возникло вследствие некоей порчи славянского текста, в настоящее время представлена в виде двух групп гипотез: «старых» восьми гипотез и «новой» одной В.М. Загребина. Различие между «старыми» и «новой» методологическое: «старые» просто подбирали похожие слова и не делали особых предположений относительно механизмов их искажения до того вида, который они получили в рукописях СЛ; В.М. Загребин подошел противоположным образом, подобрав в качестве объяснений ко всем странностям славянского текста те или иные явления в тех или иных южнославянских языках.

Гипотеза В.М. Загребина оказалась слишком жестко собранной и поэтому разбивающейся при столкновении с реальностью. Для достижения идеала «полного

объяснения» В.М. Загребину пришлось ввести ряд крайне маловероятных предположений (так, для двух из трех ключевых слов он реконструирует такие формы, которые, по его признанию, не зафиксированы ни в одном из славянских языков, хотя и не противоречат морфологии некоторых из них) и при этом выбрать чтения тех рукописей, которые, по мнению исследователей текстологии СЛ, отстоят дальше от общего архетипа дошедших списков и поэтому являются *a priori* менее достоверными. Многие из этих предположений независимы от остальных, чем дополнительно снижается правдоподобность всей конструкции. Поэтому за научную строгость гипотезы (в смысле отсутствия в ней необъясненных мест) пришлось заплатить ее правдоподобием: чем больше мелких деталей в твоей гипотезе, тем хуже она работает, то есть меньше похожа на правду. Если же из гипотезы Загребина убрать все мелкие детали, все эти маловероятные допущения относительно существования именно в СЛ нигде более не зафиксированных славянских слов или особых значений известных славянских слов, то в ней останутся, в основном, лишь такие элементы, которые встречались уже в «старых» гипотезах о славянском происхождении текста.

Конечно, именно славянские гипотезы являются *a priori* самыми правдоподобными, но только не в варианте Загребина. Чтобы вообще отказаться от славянского подхода, нужны очень веские аргументы. Поэтому сравнение предложенного мною сирийского подхода со славянским будет иметь в виду не гипотезу В.М. Загребина (слишком легкого спарринг-партнера для любой иной гипотезы), а некоторую обобщенную и идеализированную «славянскую гипотезу». Это будет такой умственный конструкт, который заведомо правдоподобнее всякой реальной славянской гипотезы, не только существующей, но и даже возможной теоретически[5]. В рамках этой нашей идеальной «славянской гипотезы» мы в каждом случае выбираем самое лучшее из возможных «славянских» объяснений каждого отдельного факта, не утруждая себя необходимостью связать результаты таких отдельных выборов между собой (в любой реальной гипотезе это сделать необходимо, и это всегда вызывает значительные затруднения). Таким образом, мы будем оценивать потенциал славянского подхода по такой методике, по которой он будет заведомо сильно завышен. Что касается сирийского подхода, то мы будем ориентироваться на его новую версию, предложенную мною в статье 2015 года.

4. Области сопоставления гипотез

Гипотезы сопоставляются на основании значений тех параметров, которые от этих гипотез должны зависеть. Все прочие факты, которые объясняются при учете обеих гипотез одинаково, во внимание не принимаются.

Вопрос о языке оригинала какого-либо документа никогда не может быть окончательно решен на основании только текстологических и лингвистических данных, так как необходимо еще учитывать культурный контекст. В случае документа агиографического, которым является СЛ, этот культурный контекст — прежде всего, контекст других агиографических традиций, а, во вторую очередь, контекст общеисторический. Но для того или иного вывода о языке оригинала хорошая гипотеза, основанная только на данных

[5] Его максимальная апостериорная правдоподобность, то есть максимальное соответствие результатам реальных наблюдений, будет, разумеется, достигаться ценой его абсолютной нереалистичности: в этом конструкте будут разрешены любые сочетания по смыслу несочетаемых слов, т.е. в целом он будет бессмысленным. Но мы сделаем вид, будто не замечаем его бессмысленности.

текстологии и лингвистики, является необходимой, хотя и не достаточной предпосылкой. Этим и определяется важность обсуждаемого сейчас вопроса — сравнения двух подходов, но лишь в пределах текстологии и лингвистики, игнорируя все остальные контексты.

Оставаясь в рамках текстологии и лингвистики, мы можем только предложить некую реконструкцию для темного места в СЛ и затем посмотреть, насколько она будет гармонировать с текстом легенды как целым. За пределы текста СЛ мы выходить не будем, хотя для полноценной интерпретации СЛ это было бы необходимо.

В рамках лингвистики и текстологии мы можем выделить четыре следующих области для сравнения:

1. Фонологическо-лексикологическая: реконструкция слов, изначально бывших в славянском тексте темного места (эти слова, хотя и оказались в славянском тексте, не обязательно должны быть славянскими; так, в некоторых из «старых» гипотез одно из трех слов могло быть греческим, а в нашем сирийском подходе — все три сирийские);
2. Лексикологическая: реконструкция изначально подразумевавшихся значений этих слов (подобрать слово бывает легче, чем выбрать его значение!);
3. Контекстуальная: уместность реконструкции темного места в рамках СЛ как целого;
4. Текстологическая: определение причины «темноты» темного места.

Сразу скажем, что мы можем предварительно упростить себе задачу, сократив сопоставление двух наших подходов во второй области (лексикологической). Здесь оба подхода имеют, приблизительно, одинаковую эвристическую силу, сталкиваясь с однотипными трудностями. — Но иначе и быть не могло, так как место это недаром является темным. Речь идет о том, что, независимо от конкретной гипотезы, мы будем иметь дело с какими-то необычными значениями слов, хотя сами слова могут быть (а могут не быть) обычными.

Главным камнем преткновения во всех гипотезах является первый из трех «темных» сегментов — сьчици. В рамках славянского подхода в отношении этого сегмента имеется два типа гипотез: либо это минимально искаженное в поздней (но еще средневековой) южнославянской орфографии слово «сучки», либо это очень сильно искаженное слово со значением «дощечки» («дщицы»). В первом случае остается не очень понятным, как и почему эти сучки соотносятся с буквами, но зато легче понять, почему они входят в тело Кирилла, будучи взятыми за пазуху: пусть они и не заостренные специально, но все-таки, некоторым образом, колющие предметы. Во втором случае, помимо того, что следующий сюжетный ход выглядит совершенно немотивированным (плоские дощечки не очень легко ассоциировать с чем-то проникающим в тело), возникает проблема домысливания связи дощечек с буквами. Разумеется, дощечки сразу представляются аналогами скрижалей Моисея, но это довольно существенное исправление текста средствами воображения: текст, если понимать его буквально, соотносит буквы алфавита с самим количеством предметов, которые Кирилл пересчитывает сразу по получении. Нельзя сказать без натяжки, что Кирилл пересчитывает не сами предметы, а какие-то буквы на них. Все эти трудности обеих гипотез примиряются в нашей идеализированной славянской гипотезе: предположим, она имеет в виду некие предметы, которые образуют счетное множество со взаимно-однозначным соответствием элементам множества букв алфавита, но при этом название этих предметов передается в первом «темном» сегменте почти без искажения, а контекстуально их образ встраивается в символический ряд «нового Завета» не хуже (но и не лучше) гипотетических

дощечек-скрижалей (если Завет новый, то наличие для него каких-то отдельных от «скрижалей сердца плотяных» скрижалей несколько сомнительно).

Сирийская гипотеза (в ее нынешнем варианте) состоит в следующем. Сброшенные предметы суть связки (одна или несколько) птичьих перьев для письма. Традиционно самыми лучшими перьями такого рода считались перья ворона или лебедя (а перья голубя — непригодными вообще вследствие их мягкости). Второй и третий «темные» сегменты читаются как записанные славянскими буквами почти без искажения два сирийских слова, означающих «связку» («сгуло», мн. ч. «сгуле»), перевязанную ремешками (обычно кожаными) — «скокине» (< *съкокинь / *сакокинь). Первый сегмент интерпретируется как минимально искаженная передача слова «цуцийот» (с заменой сирийского окончания множественного числа *-йот* славянским). Все три слова образуют одно словосочетание, которое славянский переводчик, согласно гипотезе, не смог понять и просто транслитерировал (возможно, понимая его грамматику и постаравшись ее передать через множественное число для первого слова).

Тут проблема в том, что слово «цуцийот» нигде не фиксируется в значении «птичье перо для письма». Но эта проблема не так велика, как может показаться на фоне латыни или славянских языков, так как в сирийском не существовало специального термина для такого пера (в отличие от лат. *penna*). В отношении к птичьим перьям для письма сирийская традиция занимала промежуточное положение между византийской (где такие перья не применялись вообще, и специального термина для них не существовало вовсе; для письма использовались только тростниковые перья) и латинской (где такие перья применялись издавна, а особенно популярными стали с начала VI в.). В сирийской традиции они применялись с начала VI в. включительно до X или даже XI вв., но потом вновь вышли из употребления. Что касается славянской традиции, то относительно ее самых ранних этапов ситуация неясна, а русская с древнейших времен использует только птичьи перья, совершенно отказавшись от тростниковых; этот факт можно считать доказательством раннего использования птичьих перьев также и у южных славян, от которых на Руси были заимствованы традиции письменности.

В сирийской традиции для обозначения пера не тростникового, а птичьего нужно было использовать то или иное сочетание из двух слов. По контрасту с этим, слово «трость» (тростник) означало сразу и растение, и тростниковое перо. Слово «цуцийот», обычно обозначающее различные продолговатые и при этом мягкие предметы, фиксируется в одном из сирийских текстов VI в. в качестве обозначения мягких тростниковых соцветий (метелок), внешне похожих на птичьи перья для письма. Конечно, соцветие-метелка — это не та часть тростникового стебля, которая годится для изготовления калама, но зато она и метафорически (по внешнему сходству), и метонимически (по семантической смежности — принадлежности к тростнику как материалу для изготовления пера для письма) подходит для обозначения писчего пера из пера птицы. Даже если для сирийского языка такое обозначение не было обычным (о чем мы, строго говоря, судить не можем, не имея достаточно репрезентативного массива текстов, т.к. птичьи перья для письма слишком давно вышли из употребления у сирийцев), оно могло легко возникнуть *ad hoc* в высоко-поэтическом образном строе легенды. Кроме того, оно хорошо согласуется и с последующим сюжетным ходом — вхождением (заостренных предметов, какими являются перья для письма) в тело Кирилла, а также с появлением птицы и особенно ворона (чьим перьям могли бы составить конкуренцию только перья лебедя) и с «упаковкой» сбрасываемых предметов именно в виде связки (оптовые количества птичьих перьев для письма также упаковывались в связки).

Но следует признать, что и наша сирийская гипотеза использует такое значение ключевого слова, которое нельзя вычитать из словаря. Если ее сравнивать только в этом отношении с гипотезой славянской в ее идеализированном виде, то силы окажутся приблизительно равны. Поэтому из дальнейшего анализа мы эту область (лексикологическую) исключаем.

Заодно это избавит нас от необходимости оценивать еще один довольно сложный параметр — степень пробабилистической зависимости между значениями слов, выбранных для каждого из трех сегментов: очевидно, что она велика, а ниже мы будем использовать формулы, простота которых подразумевает пробабилистическую независимость друг от друга результатов наших наблюдений. Для остальных областей наблюдения предположение о независимости наблюдаемых параметров будет вполне разумным.

Для дальнейшего формализированного сопоставления гипотез у нас остаются три области. Далее при описании методологии я буду рассчитывать на читателя, хотя бы смутно помнящего программу старших классов средней школы по математике, однако, даже те читатели, которые ее не помнят, смогут при желании следить за изложением.

5. Понятие правдоподобия предположения

Правдоподобие P (*likelihood*) определяется как особого рода вероятность, определяющая степень строгости логического следования, если она зависит от случайных событий. Если предположение h_1 существенно правдоподобнее, чем h_2, то это означает, что его правдоподобие существенно выше, а именно:

$$P[e \mid h_1 \cdot b \cdot c] >> P[e \mid h_2 \cdot b \cdot c],$$

где e — это результат наблюдения при условиях c, который должен, согласно гипотезе h_1 или h_2, каким-то определенным образом зависеть от этой гипотезы. Это определение так называемой правдоподобности прямого вывода (*direct inference likelihood*), которая представляет собой полностью объективную величину.

Все это при условии одинакового «бэкграунда» b (то есть знаний о данной области, на которые выбор гипотезы не влияет), а также при условии, что интерпретации наблюдений ведутся по одинаковым правилам[6].

Пользу и неочевидность такого подхода легко пояснить на конкретном примере.

Мы будем говорить о гипотезах, имеющих одинаковый «бэкграунд» b, то есть общие представления о текстологии и лингвистике, а также одинаково подходящих к интерпретации результатов[7].

Рассмотрим такой пример, к которому можно сразу применить оценку численными методами, а именно, разночтение в одной согласной («г» или «п») в сегменте «соугоуле». Для сирийского подхода жизненно важно настаивать на аутентичности «г». Для славянского — желательно настаивать на аутентичности «п» (тогда «соупоуле» можно трактовать как искажение «с полу» или чего-то подобного, то есть «надвое» или «пополам»), но возможно смириться и с «г» (тогда речь пойдет о чем-то «с углов», что труднее вписать в общую

[6] То есть одни и те же факты не будут трактоваться совсем по-разному сторонниками разных гипотез. Это условие можно нарушить, но тогда мы будем сопоставлять субъективные представления о правдоподобии, соответствующие разным школам, и нам придется оперировать не общими для всех значениями P, а значениями P_α, P_β и т.д.

[7] Поэтому будем оперировать только P, а не P_α, P_β и т.д.

картину, и что предполагает еще более сильные искажения текста). Нашей задачей будет установить, какой вклад в общее целое вносит только одна эта составляющая — выбор в качестве аутентичного чтения либо «г», либо «п». Интуитивно может показаться, что, коль скоро «п» в одном списке, а «г» в четырех, то правдоподобности соответствующих предположений об аутентичности каждого из чтений должны отличаться в четыре раза. Но на самом деле это не просто не так, а далеко не так. Насколько же именно далеко?

Для оценки правдоподобия гипотезы об аутентичном чтении мы обращаемся к пяти спискам: это пять наблюдений при пяти условиях $c_1 \ldots c_5$ (тут «условие» = «отдельный список»), при которых мы получаем пять результатов наблюдений (outcomes) $e_1 \ldots e_5$. Из этих результатов четыре «г» и один «п». Если бы результаты имели четкое распределение по семействам рукописей, мы не могли бы их рассматривать как независимые. Следовало бы учитывать возможность того, что ошибка принадлежит общему протографу одного из семейств, которому могло больше повезти в выживании. Таким образом, нужно было бы учитывать влияние принятой нами гипотезы на сами условия наблюдения[8]. Но в нашем случае этого не требуется, т.к. четыре рукописи, содержащие «г», распределены по обеим редакциям СЛ. Следовательно, не должно быть большой ошибки в том, чтобы считать результаты наблюдений статистически независимыми (и, следовательно, не учитывать влияние принимаемой гипотезы на сами условия наблюдения).

Независимо от того, которое из этих чтений аутентично, в рукописной традиции существует определенная вероятность искажений. Скажем, для традиции небрежного переписывания не особенно важных текстов ошибку можно принять вероятной для каждого десятого списка. Для нашего *lectio difficilior* вероятность ошибки при переписывании довольно мала (может быть, 0,05%, например), но предположим ее неправдоподобно большой: пусть ошибка считается допустимой для каждой пятой рукописи (= 20%)[9]. Тогда гипотеза об аутентичности либо «г», либо «п», должна теоретически предполагать, что нужное чтение встречается в 80% рукописей. В наших реальных пяти рукописях мы видим иное, и это влияет на оценку правдоподобия гипотез. Понятно, что гипотеза с «п» видится существенно менее вероятной, если смотреть только на разночтения рукописей, но нам важно оценить, насколько именно. Чем больше мы допускаем случайности для этих разночтений, тем меньше должны различаться правдоподобности гипотез, но мы увидим, что даже при огромном (и выходящем за пределы естественного) допуске 20%-ной случайной ошибки различия правдоподобности весьма велики.

Правдоподобие отдельной гипотезы тогда вычисляется по формуле (1) (которую желающие могут пропустить, т.к. нам будет нужна не она сама, а следующая формула,

---

[8] Формально это можно было бы сделать любым образом, при котором ожидаемость (вероятность появления) данного разночтения будет определяться как условная вероятность, зависящая от вероятности появления этого разночтения в соответствующем субархетипе. Последнюю (независимую) вероятность нужно было бы как то оценить, потом в рамках данного семейства оценить условную вероятность данного разночтения, а итоговая вероятность (ожидаемость) данного разночтения была бы равна произведению его условной вероятности на вероятность этого разночтения в архетипе. В таком случае, $P(a) = P(a \mid A) \times P(A)$, где $P(A)$ — вероятность появления данного разночтения в субархетипе (пропорциональна числу субархетипов), $P(a \mid A)$ — вероятность данного разночтения в рамках субархетипа, а $P(a)$ — итоговая вероятность данного разночтения.

[9] Назначение этих вероятностей происходит по процедуре, описанной ниже (раздел 7) для терм-множества значений величины m_i. На данном этапе читатель может удовлетвориться интуитивным пониманием этой процедуры. Говоря более строго, значение p или q (при условии, что гипотез может быть только две) должно сильно отличаться от 0,5 (в любую сторону), т.к. оно показывает меру неслучайности наблюдаемых значений выбранных параметров, тогда как значение 0,5 соответствует чистой случайности их обоих.

полученная на ее основе, — формула для сопоставления двух гипотез (2); см. ниже):

$$(1) \quad P[e \mid h_{\text{r}} \cdot b \cdot c] = \frac{n!}{m! \times (n-m)!} \times r^{m} \, (1-r)^{n-m}$$

где (для нашего примера) r = 0,8 (наше предположение о проценте правильных, согласно выбранной гипотезе, чтений от общего числа), n — количество рукописей, содержащих интересующее нас чтение в том или ином его виде, m — количество рукописей, имеющих правильное чтение согласно данной гипотезе (знак ! — знак факториала, то есть произведения всех целых натуральных чисел от 1 до указанного включительно; при этом 0! = 1 = 1!)[10].

В этой формуле не учитывается априорная вероятность (*prior probability*) данного предположения, которая, в принципе, может серьезно влиять на правдоподобие предположения в целом. В нашем примере мы вправе предположить, что априорные (без учета той или иной гипотезы) вероятности появления «п» или «г» одинаковы, а потому могут не учитываться при сопоставлении гипотез. Поэтому в формуле выше приводится только расчет апостериорной составляющей (*posterior probability*) правдоподобности гипотезы.

Расчет этой величины для нас, впрочем, бесполезен, и мы не будем его проводить, т.к. всё, что касается полезности гипотез, познается логически только в их сравнении. А для сравнения апостериорных правдоподобностей двух гипотез мы получаем тогда такую формулу, определяющую уже не сами правдоподобности как абсолютные величины, а их соотношение:

$$(2) \quad \frac{P[e^{n} \mid h_{q} \cdot b \cdot c^{n}]}{P[e^{n} \mid h_{r} \cdot b \cdot c^{n}]} = \frac{q^{m}(1-q)^{n-m}}{r^{m}(1-r)^{n-m}}$$

где, предположим, r — это ожидаемое количество «п» в рамках гипотезы h_r (т.е. «п» аутентичное чтение, его ожидаемая вероятность 80%, т.е. r полагаем равным 0,8), q — ожидаемое количество *все того же чтения* «п», но теперь уже в рамках гипотезы h_q об аутентичности чтения «г»; положим для простоты, что q = 0,2, что соответствовало бы возможности ошибки только между «п» и «г», т.е. похожими кириллическими буквами); n — общее число сопоставляемы рукописей (оно равно 5), m — число таких рукописей, в которых реально наблюдается «п» (оно равно 1).

Остановимся подробнее на величинах r и q. Возможность использовать биноминальное распределение вероятностей ограничивает нас оценкой только таких событий, в которых возможны лишь два исхода (аналогично результату бросания монеты). Фактически, мы оцениваем правдоподобие двух гипотез: будто «п» выпадает с ожидаемостью 80% (h_r) и будто «п» выпадает с ожидаемостью 20% (h_q). По условиям нашей задачи, последняя гипотеза эквивалентна предположению, что «п» выпадает лишь в пределах погрешности рукописной традиции, тогда как аутентичным чтением является некое «не-п», и оно уже имеет 80% ожидаемость. Так как мы условно приняли, что других ошибок, кроме путаницы между «п» и «г», быть не может, то «не-п» у нас означает «г», то есть $r + q$ мы принимаем равным 1. Предположение о невозможности других ошибок, строго говоря, является

[10] Это так называемая биноминальная формула для расчета вероятностей. Она применима только к таким ситуациям, когда вариантов исхода для наблюдения или эксперимента только два. Первый член справа, так называемый биноминальный коэффициент, выражает число сочетаний по m из общего числа элементов n.

неверным, но его целесообразно принять, поскольку вероятности подобных ошибок намного (на порядки) меньше, чем ошибка вследствие путаницы похожих букв «п» и «г».

Получаем для соотношения правдоподобия двух гипотез: $0{,}2^1\,(1–0{,}2)^{5-1}$ / $0{,}8^1\,(1–0{,}8)^{5-1}$ = 64. Предположение об аутентичности чтения «г» правдоподобнее не в четыре, как могло бы показаться, а в 64 раза (4^3). Ровно такой же результат мы получим, если слегка изменим условия, а именно учтем чтение рукописи Константинова-Джинота (с «п»), но при этом будем учитывать его же публикацию с «г» как отдельный список. Тогда у нас $n = 6$, $m = 2$, а соотношение апостериорных правдоподобностей не меняется.

Еще раз изменим условия, чтобы оценить влияние предположения о тщательности переписчиков. Предположим, у нас $n = 5$, $m = 1$, но теперь $r = 0{,}9$, $q = 0{,}1$; это соответствует всего лишь не особенно небрежному переписыванию. Тогда соотношение правдоподобия вырастет до $9^3 = 729$ раз. А если сделать поправку на тщательность переписывания *lectio difficilior* — хотя бы до $r = 0{,}95$, $q = 0{,}05$, — то оно достигнет величины $19^3 = 6859$ раз.

Из разобранного примера мы можем сделать вывод лишь о том, что любые гипотезы, опирающиеся на чтение «соупоуле» вместо «соугоуле», сильно вредят своей правдоподобности. Но, возможно, они это делают так, чтобы где-то в другом отношении что-то выигрывать так сильно, что эта потеря компенсируется. Наша идеализированная славянская гипотеза теряет на «соупоуле» довольно мало, т.к., в отличие от любой реальной гипотезы, она имеет возможность следовать за наиболее правдоподобными с текстологической точки зрения решениями (но все-таки, как мы увидим, что-то теряет все равно).

Остановимся еще раз на величинах r и q. Предположим теперь, что мы обязаны учитывать не два варианта ошибки, а неопределенно много, то есть сумма r и q (ожидаемостей появления «п» и «г» соответственно гипотезам об аутентичности каждого из этих чтений) будет существенно меньше 1, т.к. теперь мы не сможем принять, что «г» это просто «не-п». Тогда нам будет очень трудно найти величины r и q, то есть правдоподобность появления чтения «п» или «г» в зависимости от гипотезы. Степень аккуратности переписывания (которую мы использовали выше, оценив ее в 0,8, а потом в 0,9 и 0,95), сама по себе, не зависит от наших гипотез относительно аутентичного чтения, и поэтому никак не скажется на сравнении их правдоподобия, если «г» перестанет быть «не-п». Если мы не найдем какого-то другого способа предсказывать вероятность появления того или иного чтения в зависимости от гипотезы (а сделать это нам будет трудно), то тогда весь метод неприменим.

Итак, наш метод довольно легко применим только тогда, когда мы можем свести все разнообразие возможных гипотез только к одной паре, то есть принять в качестве разумного приближения $r + q = 1$. В других случаях его применить труднее, т.к. параметры r и q надо будет задать каким-либо специальным образом.

На практике принятие условия $r + q = 1$ означает не то, что все остальные гипотезы абсолютно исключены, а то, что — на основании каких-либо априорных, но разумных соображений — мы считаем, что их правдоподобностями можно пренебречь по сравнению с двумя сопоставляемыми величинами (и, разумеется, если апостериорно мы и на самом деле не встретили ничего, кроме двух оцениваемых вариантов, «п» и «г»). Зато, если мы можем упростить изучаемую ситуацию до эквивалентности между r и q ($r = 1 – q$), то фактически мы получаем некоторую эмпирическую константу (за нее можно принять либо r, либо q), которая является характеристикой когерентности текста (в наших примерах это 0,8, 0,9 и 0,95) либо, напротив, некогерентности (в наших примерах 0,2, 0,1 и 0,05). При рассмотрении случайных ошибок при переписывании мы имеем частный случай когерентности —

аккуратность переписывания. Но критерий когерентности, как мы увидим, можно будет применять на совершенно всех уровнях построения текста.

Когерентность текста оценивается независимо от сопоставляемых гипотез, но чем выше когерентность, тем сильнее расходятся апостериорные правдоподобности для одного и того же числа наблюдений n и одного и того же числа положительных исходов наблюдений (т.е. исходов в пользу одной из пары гипотез) m.

Весь разобранный только что пример был нужен для того, чтобы показать в общих чертах и без обращения к специальным методам нечетких логик, как устроены методы сопоставления альтернативных гипотез в зависимости от наблюдаемых результатов.

6. Сопоставление славянской и сирийской гипотез: общие соображения относительно метода

Обсуждая гипотезы в связи с конкретными наблюдениями над СЛ, мы, в принципе, делим все факты на три категории: безразличные для данной гипотезы, благоприятные для нее и неблагоприятные. Правдоподобности всех гипотез, кроме славянской и сирийской, мы принимаем практически равными нулю, исходя из априорных соображений.

Мы по-прежнему можем считать, что все наблюдаемые факты, если они как-то зависят от одной из сопоставляемых гипотез, делятся на благоприятные для, допустим, славянской гипотезы и неблагоприятные для нее. Относительно сирийской гипотезы те же факты будут иметь обратное значение (мы опять принимаем, что $r + q = 1$).

За нами остается выбор константы когерентности текста (либо r, либо q, поскольку эти величины у нас эквивалентны), которая теперь уже будет учитывать как его сохранность в рукописной традиции, так и его внутреннюю связность, включительно до, например, взаимосвязанности сюжетных ходов. Эта константа оценивается независимо от гипотезы относительно языка оригинала[11].

Традиционно считалось, что у СЛ она довольно низкая (текст, якобы, составлен наивно и неряшливо и не менее неряшливо переписывался), то есть, допустим, 0,8. После исследований СЛ в контексте славянской апокалиптики (особенно Анисавы Милтеновой) стало ясно, что текст отнюдь не наивен и не прост. Позже и я постарался показать, что когерентность текста СЛ, напротив, крайне высокая: насколько можно судить без обращения к той или иной гипотезе относительно языка оригинала, текст весьма целен концептуально, последователен и хорошо сохранился. Его низкая оценка ранними исследователями происходила из того, что они не понимали в должной мере его библейско-паралитургического символизма именно нового Завета по Иеремии, а не просто Завета

[11] Когерентность текста удобно рассматривать как некую обобщенную величину тогда, когда его бытование в рукописной традиции примерно соответствует его изначальной целевой аудитории, т.е. когда можно предположить, что переписчики относились к своему делу с той же тщательностью или небрежностью, что и авторы и редакторы. Для СЛ это выглядит правдоподобным утверждением, но читатель может сам пересчитать мои оценки, меняя константу когерентности для разных групп наблюдений. Классический пример текста, где подобное допущение заведомо недопустимо, — канонические евангелия: в дошедших до нас рукописях они переписывались тщательно, но сами дошедшие редакции составлялись иногда довольно небрежно (очень много взаимоисключающих утверждений, например, в географических подробностях…). Несмотря на большое сходство общей для всего произведения и его рукописной традиции константы когерентности с известным параметром «средней температуры по больнице», для маленьких текстов, переписывавшихся с более-менее одинаковой аккуратностью, этот критерий может быть удобен. В других случаях нужно назначать разные константы когерентности для разных групп эмпирических данных.

Моисеева, а поэтому смотрели на многие подробности сюжета как на «лишние детали», т.е. элементы информационной энтропии. Если же прочитать символический ряд сюжета, то все детали оказываются осмысленными и на месте, и ни одна из них не является необязательным элементом художественного украшательства[12].

Проблемы возникают из-за того, что наблюдаемые факты бывают благоприятными или неблагоприятными в разной степени, и когда нужно учесть одновременно вклад множества фактов, то мы не можем просто так взять и воспользоваться приведенной выше формулой биноминального распределения вероятностей.

«Условиями» c_i для каждого наблюдения у нас будет наличие такого параметра текста, значение которого сильно зависит от выбранной гипотезы (те параметры текста, значения которых от выбора гипотезы не зависят, во внимание не принимаются). Количество таких набранных «точек для наблюдения» по-прежнему образует некое целое число n. Чем больше таких точек мы наберем, тем надежнее будет наше сравнение.

Но зато число m, т.е. число положительных, с точки зрения одной из сопоставляемых гипотез, исходов наблюдения, у нас перестанет быть натуральным числом и вообще перестанет быть числом в обычном математическом смысле. В отличие от ситуации с бросанием монеты или даже с выбором разночтений рукописей между «п» и «г», мы не сможем использовать четкие «да» и «нет» при ответе на вопрос, в пользу какой гипотезы свидетельствует данный исход данного наблюдения. Даже наше предельно сильное «да» не будет иметь абсолютного, 100%-го характера, т.к. оно не будет исключать полностью логическую возможность «нет».

7. Модификация формального аппарата на основе нечеткой логики

Тут и приходит на помощь нечеткая логика. Вместо обычных числовых переменных она предоставляет нам то, что ее создатель, Лотфи Заде, назвал «лингвистической переменной» — такую переменную, различные значения которой выражены в терминах реального человеческого восприятия (типа «много», «мало» и т.п.), а не в числах[13]. При желании, однако, эти величины можно аппроксимировать действительными числами. В частности, если у нас речь идет о долях («бóльшая часть», «меньшая часть» и т.д.), то это будут числа в интервале от 0 до 1 (где твердое и четкое «нет» принимается за 0, такое же «да» за 1, а все остальные, то есть реально встречающиеся значения, занимают весь остальной континуум).

---

[12] См. подробно мою статью 2015 года, где совсем за пределами комментария остаются только две важных подробности: упоминание Кипра и Крита как промежуточных остановок на пути Кирилла из Александрии в Фессалонику. География агиографических легенд неспособна упоминать неважные для нее места, поэтому из критико-агиографических соображений и эти элементы текста нельзя считать случайными. Однако должен признать, что значение их в географии СЛ мне пока неясно.

[13] Лучшим введением в основы нечеткой логики остается небольшая монография Лотфи Заде: *Zadeh L.A.* The Concept of a Linguistic Variable and Its Application to Approximate Reasoning, I // Information Sciences. 1975. Vol. 8(3). P. 199—249; *idem.* The Concept of a Linguistic Variable and Its Application to Approximate Reasoning, II // Information Sciences. 1975. Vol. 8(4). P. 301—357; *idem.* The Concept of a Linguistic Variable and Its Application to Approximate Reasoning, III // Information Sciences. 1975. Vol. 9(1). P. 43—80. Рус. пер.: *Заде Л.* Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / Пер. Н.И. Ринго. Математика. Новое в зарубежной науке. Вып. 3. М.: Мир, 1976.

Оценка того, насколько результат данного наблюдения говорит в пользу одной из двух альтернативных гипотез, — это значение лингвистической переменной[14].

Таким образом, параметр *m* в формуле биноминального распределения вероятностей (1) приобретает смысл лингвистической переменной и может быть, при желании, аппроксимирован суммой дробных чисел, каждое из которых находится в интервале от 0 до 1 (в обычной же теории вероятностей он представляет собой сумму единиц, то есть некоторое натуральное число).

В нашем случае *m*, став лингвистической переменной, будет образовываться как сумма не единиц, а лингвистических переменных m_i, каждая из которых может быть аппроксимирована дробным числом в интервале от 0 до 1.

(3) $$m = \sum_{i=1}^{n} m_i$$

Нечеткие количественные представления основаны на бинарных оппозициях: например, «много» — это то, что не «мало»; «куча» (из античного парадокса кучи, не имеющего решения в классической логике) — это то, что уже не является счетным числом песчинок… Точность таких заведомо нечетких чисел зависит от подразумеваемой шкалы: например, имеется ли в виду только двучленная оппозиция «много—мало» или же более сложное деление, подразумевающее также «не очень много» и «не очень мало»… Такую подразумеваемую шкалу принято называть терм-множеством для значений лингвистической переменной; оно включает те значения, которое такая переменная может принимать внутри заданного для нее интервала (сам же этот интервал значений называется множеством-носителем).

Для практических целей часто бывает достаточно взять пять значений (образующихся при делении всего интервала возможных значений сначала на два, а потом каждой половины — еще раз на два): «(почти) всё», «большей частью», «средне / поровну», «меньшей частью», «(почти) ничего». Эта шкала грубо аппроксимируется численными значениями, соответственно: 1; 0,75; 0,50; 0,25; 0 (для последующих арифметических действий с этими величинами важно будет помнить, что «0» в данном случае — это не 0, а некая положительная величина, неуловимо — в условиях наших наблюдений — превышающая значение 0).

Чем хороша такая пятичленная шкала: она, с одной стороны, является достаточно общей, чтобы разные эксперты не сильно спорили по поводу отнесений тех или иных наблюдаемых значений лингвистической переменной к одному из ее термов, а, с другой стороны, она обеспечивает достаточную селективность для решения с ее помощью многих практических задач. В частности, такая шкала обеспечит и нам вполне ощутимые различия между правдоподобностями альтернативных гипотез.

Как только что было упомянуто, отнесение данного наблюдаемого значения к определенному терму терм-множества значений лингвистической переменной осуществляется на основе экспертной оценки. Учитывая собственную пристрастность в качестве эксперта в своем же собственном деле, я постараюсь сознательно завышать все результаты наблюдений в пользу славянской гипотезы (как отчасти уже видно из того, что

[14] Предлагаемый ниже подход выдержан в общем духе работ Лотфи Заде по нечеткой теории вероятности и смежным проблемам. См., в частности, *Zadeh L.A.* Toward a Perception-Based Theory of Probabilistic Reasoning with Imprecise Probabilities // Journal of Statistical Planning and Inference. 2002. Vol. 105. P. 233—264.

саму славянскую гипотезу я рассматриваю в ее идеальном и практически неосуществимом виде). Но поскольку я буду обсуждать каждое наблюдение отдельно, желающие смогут подставить в те же формулы другие значения лингвистической переменной и получить свою собственную оценку.

Конкретно процедуру оценки значения m для индивидуального наблюдения лучше пояснить на примере. Напомню, что в «четких» вычислениях эта величина всегда равна сумме единиц и нулей, т.е. результат каждого данного наблюдения — либо «за», либо «против» выбранной гипотезы. В нашем случае все результаты будут лишь отчасти «за», а отчасти и «против». Это лучше пояснить на примере, относящемся к СЛ.

В тексте СЛ трижды (что много для небольшого текста) употреблена идиома «спускаться в» в значении «входить (а вовсе не спускаться) в населенный пункт». Это типичный семитизм. Можно сказать, что его наличие, да еще систематическое (трижды), идеально согласуется с гипотезой о семитском (т.е. сирийском) оригинале. Используя аппроксимацию термов дробными числами, мы можем записать $m_i^+ = 1$, но мы не можем записать просто $m_i = 1$, т.к. наличие подобных семитизмов возможно и в оригинальном славянском тексте, хотя вероятность их там мала; в случае же СЛ она даже и не так уж мала, поскольку текст построен на библейских аллюзиях и даже просто на библейском субстрате (новый Завет по Иеремии), и поэтому семитизмы как библицизмы там вполне ожидаемы. Можем (с некоторой щедростью в пользу славянской гипотезы) оценить $m_i^- = 0{,}5$. Получается, что искомое нами число m всегда складывается из двух компонент — степени благоприятствования данного факта для той гипотезы, по отношению к которой мы ведем сравнение (m_i^+), и степени благоприятствования данного факта для альтернативной гипотезы (m_i^-)[15].

Каждая из двух величин, m_i^+ и m_i^-, может принимать любые значения в интервале от нечеткого «0» до нечеткой «1» и, вообще говоря, никак не зависит от другой. Их значения связывает только одно общее правило: они не могут быть похожими до неразличимости. Совпадение (в пределах нечеткости) для этих величин означает, что данное наблюдение одинаково в пользу той и другой гипотезы. Но это противоречит нашему начальному условию брать для рассмотрения только те наблюдения, в которых различие между гипотезами вполне уловимо. Кроме того, эти величины не могут быть одновременно равны нечеткому «0» еще и потому, что это противоречило бы нашему априорному условию, согласно которому наши две сопоставляемые гипотезы являются единственными гипотезами, о которых имеет смысл говорить. Если эмпирически мы наблюдаем для какого-

---

[15] Как нетрудно заметить, введенное сейчас понятие «степени благоприятствования» соответствует тому, что обычно в нечеткой логике называется функцией принадлежности, определяемой для элементов нечеткого множества (в данном случае, множества наблюдений с положительным исходом). Функция принадлежности показывает, насколько данный элемент (данный результат наблюдения) принадлежит нечеткому множеству (множеству наблюдений с положительным исходом, которое у нас стало нечетким). Переход от нечеткой теории вероятностей к оценке байесовых правдоподобностей пропозиций осуществляется через отождествление последних с вероятностями того, что Л.А. Заде назвал «нечеткими событиями» (*fuzzy events*): *Zadeh L.A.* Probability Measures for Fuzzy Events // Journal of Mathematical Analysis and Applications. 1968. Vol. 23. P. 421—427. Идеология этого подхода сформулирована Джулианеллой Колетти и Романо Скоццафавой; см. особ.: *Coletti G., Scozzafava R.* Probabilistic Logic in a Coherent Setting (Trends in Logic. Vol. 15). Dordrecht: Kluwer, 2002; *Scozzafava R.* The Membership of a Fuzzy Set as Coherent Conditional Probability // On Fuzziness: A Homage to Lotfi A. Zadeh — Volume 2 / R. Seising *et al.* (eds.) (Studies in Fuzziness and Soft Computing. Vol. 299). Berlin—Heidelberg: Springer-Verl., 2013. P. 631—635.

то факта значение «0» сразу для m_i^+ и m_i^-, то это означает, что мы сделали ошибку в своем априорном суждении относительно заведомой неправдоподобности любой третьей гипотезы.

Уже из этого запрета на одинаковые величины для m_i^+ и m_i^- можно заметить, что эти значения лингвистической переменной ведут себя не так, как те дробные числа, которыми их можно аппроксимировать в некоторых случаях.

Принимая к рассмотрению только те значения m_i^+ и m_i^-, которые ясным образом отличимы друг от друга, мы сталкиваемся с необходимостью найти правила для вычисления по ним нечеткого числа m_i (которое также является значением лингвистической переменной, но уже полученной из сложения — правила которого мы должны будем установить — m_i^+ и m_i^-).

Эти правила можно установить из следующих соображений (подразумевающих для лингвистической переменной m_i такое терм-множество, которое устроено аналогично терм-множествам переменных m_i^+ и m_i^-).

Симметричная ситуация, когда результат наблюдения свидетельствует одинаково в пользу обеих гипотез, соответствовала бы $m_i = 0{,}5$, но это значение у нас запрещено, т.к. оно показывает, что наше наблюдение не обладает селективностью по отношению к сравниваемым гипотезам и поэтому не должно было приниматься во внимание вовсе. Значения m_i больше 0,5 означают, что результат наблюдения, скорее, в пользу первой гипотезы, а значения меньше 0,5 — что, скорее, в пользу второй. Безусловному перевесу первой гипотезы соответствует нечеткое значение $m_i = 1$, а такому же перевесу второй гипотезы — $m_i = 0$ (также нечеткому; т.е. этот «0» всегда чуть больше 0, а «1» всегда чуть меньше 1). Дальше естественно установить средние значения перевеса как условные (нечеткие), соответственно, 0,75 и 0,25, а для слабых и сильных значений перевеса выбрать, соответственно, 0,6 и 0,9 (в пользу первой гипотезы) и 0,4 и 0,1 (в пользу второй гипотезы.

Соответствующие правила сложения m_i^+ и m_i^- приводятся в Таблице 1. Таблица примерно соответствует расчету по формуле:

$$\frac{m_i^+ + (1 - m_i^-)}{2}$$

с тем, однако, отличием, что под «мало» («малая часть») мы все же понимаем, скорее, некое меньшее количество, чем 0,25, а под «много» («бóльшая часть») — скорее, большее, чем 0,75. Поэтому удобнее воспользоваться не какой-либо уточненной формулой, а таблицей. За этим внешне малым отличием имеется большой теоретический бэкграунд, обсуждать который подробно мы не будем; если коротко, то он состоит в том, что для прогнозов в нечеткой логике больше, нежели концепция нечетких множеств Заде, подходит особая концепция интуитивистских нечетких множеств[16].

[16] Строго говоря, отказавшись следовать слепо за формулой, оперирующей функцией принадлежности, мы перешли от обычных нечетких множеств к интуитивистским нечетким множествам, в которых, наряду с функцией принадлежности $\mu(x)$, выражающей степень принадлежности элемента x нечеткому множеству X, вводится «функция непринадлежности» $\nu(x)$, что позволяет присвоить x так называемый интуитивистский индекс $\pi(x) = 1 - \mu(x) - \nu(x)$, который служит мерой неопределенности самой принадлежности элемента x множеству X. Этот подход разработан Красимиром Атанасовым: *Atanassov K.T.* Intuitionistic Fuzzy Sets // Fuzzy Sets and Systems. 1986. Vol. 20. P. 87—96; подробно см.: *Atanassov K.T.* Intuitionistic Fuzzy Sets. Theory and Applications (Studies in fuzziness and soft computing. Vol. 35). Berlin—Heidelberg: Springer-Verl. 1999, и, особенно: *idem*. On Intuitionistic Fuzzy Sets Theory (Studies in fuzziness and soft computing. Vol. 238). Berlin—Heidelberg: Springer-Verl., 2012.

Согласно этим правилам, в рассмотренном выше примере ($m_i^+ = 1$, $m_i^- = 0{,}5$) $m_i = 0{,}75$. Здесь и ниже наши расчеты ведутся при выборе сирийской гипотезы в качестве первой, а славянской в качестве второй, т.е. «не-сирийской» (мы могли бы поступить и противоположным образом: тогда надо было бы m_i^+ обозначать результаты для славянской гипотезы, а m_i^- — для сирийской)

Таблица 1.

m_i^- \ m_i^+	**0**	**0,25**	**0,5**	**0,75**	**1**
0	–	0,6	0,75	0,9	1
0,25	0,4	–	0,6	0,75	0,9
0,5	0,25	0,4	–	0,6	0,75
0,75	0,1	0,25	0,4	–	0,6
1	0	0,1	0,25	0,4	–

Читатель, знакомый со стандартными примерами из теории вероятностей, уже мог заметить, что мы тут попытались формализовать нечеткий аналог бросания монеты, у которого может быть только два исхода: орел или решка (один из них условно называется «успешным», а другой «неуспешным»); тогда *m* подсчитывается как количество успешных бросков. Наша «нечеткая» монета ведет себя похоже, но не вполне так[17]. Она всегда заваливается набок, но никогда не лежит и не стоит. Даже если кажется, что выпал орел (или решка), то на самом деле это лишь наш глаз не может отличить настоящее положение монеты от горизонтального (поэтому мы записываем в счет *m* то ли ноль, то ли единицу, но в действительности это нечеткие величины, *похожие до неотличимости* на 0 и 1). В действительности монета лежит под углом, хотя и очень малым. У нас такая монета, которая вообще не может выпасть иначе, чем под углом. Гораздо чаще этот угол настолько велик, что заметен невооруженным глазом, и для его значений легко подобрать подходящее терм-множество. Но, как всякая порядочная монета, наша монета тоже никогда не выпадает на ребро, причем, даже на нечеткое ребро. Если состояния, практически неотличимые от горизонтальных (обоих), для нее возможны, то вертикальное состояние невозможно как таковое, даже если оно, строго говоря, не является вертикальным, а лишь похоже на вертикальное до неотличимости. На ребро не падают даже нечеткие монеты – так что даже в мире нечеткости *Ordnung muß sein* («совесть тоже надо иметь»).

8. Применение формального аппарата на основе нечеткой логики

Попытаемся теперь сравнить славянскую и сирийскую гипотезы, оценивая потенциально зависимые от этих гипотез факты в трех оставшихся (после исключения лексической) областях: фонетико-лексикологической, контекстуальной и текстологической.

В фонетико-лексикологической части: оценивается реконструкция трех сегментов, которые, согласно славянской гипотезе, являются искаженными славянскими словами, а, согласно сирийской гипотезе — транслитерациями сирийских слов. Всего наблюдений в этой области три, соответственно количеству сегментов.

[17] Благодарю за помощь в описании этой монеты О.В. Митренину.

Для первого сегмента (сьчице): доступное в идеализированной славянской гипотезе слово со значением «сучки» подходит идеально, что дает $m_i^- = 1$; в сирийской реконструкции такого идеального совпадения нет, но все же соответствие неплохое, что дает $m_i^+ = 0{,}75$; получаем $m_1 = 0{,}4$.

Для второго сегмента (скокине): доступное в идеализированной славянской гипотезе слово «кокин» (славянское, а не греческое слово, означающее красную нить или шнурок, причем, оформленное по правилам не церковнославянской, а македонской грамматики; предложено Загребиным) дает $m_2^- = 1$; в сирийском соответствие также является точным, что дает $m_2^+ = 1$. Для этого случая нельзя будет рассчитать m_2, и он просто исключается из дальнейшего сопоставления. Косвенно он все равно будет учитываться — на контекстуальном уровне. Таким образом, наше наблюдение номер 2 оказалось неудачным, то есть неселективным. Бывает.

Для третьего сегмента (соугоуле) даже идеализированная славянская гипотеза дает не очень хороший результат: все разночтения с «г» предполагают сильное искажение текста в рукописи, а разночтение с «п», хотя и предполагает не такое сильное искажение, имеет само очень малую вероятность быть аутентичным. Поэтому, в лучшем случае, имеем здесь $m_2^- = 0{,}5$. В то же время, для сирийской гипотезы имеем здесь $m_2^+ = 1$. Окончательно получаем $m_3 = 0{,}75$.

В контекстуальной части: оценивается, во первых, соответствие реконструкции темного места контексту легенды и, во-вторых, наличие в других местах текста каких-либо признаков, свидетельствующих в пользу того или иного языка оригинала.

Для оценки соответствия контексту легенды реконструированной части нужно принять во внимание, как минимум, следующие четыре параметра, которые мы пронумеруем, продолжая нумерацию наших прежних наблюдений.

4. Соответствие сброшенных предметов буквам: тут надо учитывать, что Кирилл, по легенде, считает сами сброшенные на него предметы, а не буквы, на них нанесенные (как реконструируют смысл этой сцены те, кто видят в сброшенных предметах «дощечки»). Впрочем, в рамках обобщенной славянской гипотезы доступно толкование «сучки», и тогда тут проблемы не возникает. Но зато возникает другая проблема — объяснить, почему буквы оказались представлены какими-то сучками. Поэтому у сторонников славянской гипотезы тут, в любом случае, не все гладко, хотя и не все плохо: $m_4^- = 0{,}5$. Сирийская гипотеза предлагает видеть в сброшенных предметах писчие перья, и тут связь с буквами очевидна. Поэтому $m_4^+ = 1$. Получаем $m_4 = 0{,}75$.

5. Символизм нового Завета: о нем подумали те сторонники славянской гипотезы, которые предлагают видеть в сброшенных предметах две дощечки, аналогичные скрижалям Моисея. Это довольно хорошо, но не идеально, т.к. новый Завет тем и отличается от ветхого Моисеева, что он пишется не на скрижалях, а на сердце. Специальные перья для письма на сердце предполагаются в сирийской гипотезе. Поэтому $m_5^- = 0{,}75$, $m_5^+ = 1$, $m_5 = 0{,}6$.

6. Образ птицы (и желательно именно ворона): в рамках славянской гипотезы он не имеет жесткой связи с остальным сюжетом, хотя и никак не мешает его остальным элементам. Это означает $m_6^- = 0{,}5$. В сирийской гипотезе, где появляются птичьи перья для письма, причем, очень вероятно, что именно ворона, — $m_6^+ = 1$. Получаем $m_6 = 0{,}75$.

7. Проникновение сброшенных предметов в тело: этот сюжетный ход не особенно совместим с деревянными дощечками, но кое-как совместим с сучками. Поэтому для идеализированной славянской гипотезы можно принять $m_7^- = 0{,}25$. С перьями для письма он, разумеется, совместим идеально, и поэтому $m_7^+ = 1$. Получаем $m_7 = 0{,}9$.

Следующие три наблюдения относятся к тексту СЛ в целом, а не специально к темному месту.

8. Синтаксис: чрезвычайно много союзов «и» в начале фраз, причем видно, как редакторы старались от части из них избавляться. Это не просто нехарактерно для оригинальных текстов на славянских языках, но нехарактерно даже и в качестве библицизма. Я бы вообще сказал, что в оригинальном славянском тексте такой синтаксис невозможен, но сторонники славянской гипотезы будут слишком сильно протестовать против такого радикального вывода, и поэтому я сформулирую мягче: $m_8^- = 0{,}25$ (сделаю вид, что изредка такой синтаксис возможен — хотя, на самом деле, едва ли можно найти хотя бы один близкий пример). Что касается сирийского языка, то в нем подобный синтаксис не только возможен, но и нормативен, поэтому $m_8^+ = 1$. Получаем $m_8 = 0{,}9$.

9. Уже разобранный выше пример с идиомой «сходить (в город и т.п.)» в значении «входить»: $m_9^- = 0{,}5$; $m_9^+ = 1$; $m_9 = 0{,}75$.

10. Идиома «ни гласа», когда по-славянски естественнее было бы сказать «ни слова» («я не слышал *ни гласа* о Болгарской земле»). В славянских языках «глас» в значении «сведения, слух» употребляется, но не особенно часто, тогда как в сирийском весьма часто употребляемое слово имеет в качестве обычных значений и «речь, слово», и «глас». Ситуацию можно оценить как $m_{10}^- = 0{,}25$; $m_{10}^+ = 0{,}75$; $m_{10} = 0{,}75$.

11. Последнее наблюдение относится к области **текстологии**: в чем причина «темноты» темного места? Славянская гипотеза тут оказывается во власти парадокса: чем яснее предлагаемое ей объяснение, тем труднее объяснить, почему такой текст был искажен еще на уровне общего архетипа всех рукописей. Приходится допускать, что текст в этом месте изначально содержал что-то темное и заумное — но это плохо вяжется с остальным, весьма ясным текстом легенды. Гипотеза о переводе с сирийского предполагает, что переводчик не смог правильно интерпретировать ключевое слово, означавшее в данном тексте перо для письма, сделанное из птичьего пера, а поэтому не понял и всей синтагмы, построенной вокруг этого слова, оставив ее в транслитерации вместо перевода. Предположим с осторожностью (завышая, как мне представляется, значение для славянской гипотезы и занижая для сирийской), что тут $m_{11}^- = 0{,}5$; $m_{11}^+ = 0{,}75$; $m_{11} = 0{,}6$.

Итак, мы попытались сделать 11 наблюдений, из которых нам удались 10. Получаем для них $n = 10$, а для m — по формуле (3) $m = 0{,}4 + 0{,}75 + 0{,}75 + 0{,}6 + 0{,}75 + 0{,}9 + 0{,}9 + 0{,}75 + 0{,}75 + 0{,}6 = 7{,}15$.

9. Оценка апостериорного компонента соотношения правдоподобий гипотез

Напомню, что мы будем исходить из того, что $q + r = 1$. Будем рассматривать результаты вычислений для все тех же значений $r = 0{,}8$; $0{,}9$; $0{,}95$ ($q = 0{,}2$; $0{,}1$; $0{,}05$), что соответствует разным предположениям о когерентности текста СЛ, но не зависит от сопоставляемых гипотез. За первую гипотезу мы уже приняли сирийскую, поэтому именно сирийская гипотеза принимается за h_q, а славянская — за h_r. (Эта процедура выбора «первой» гипотезы из двух никак не влияет на результат, а влияет лишь на то, будет ли конечное отношение правдоподобностей гипотез большим целым числом или малым дробным).

Получаем следующие результаты для трех разных оценок консистентности текста (0,8; 0,9; 0,95):

$$(4.1)\qquad \frac{P[e^{10} \mid h_{0.8} \cdot b \cdot c^{10}]}{P[e^{10} \mid h_{0.2} \cdot b \cdot c^{10}]} = \frac{0.8^{7.15}(1-0.8)^{10-7.15}}{0.2^{7.15}(1-0.2)^{10-7.15}} = 388.023 \approx 388$$

$$(4.2)\qquad \frac{P[e^{10} \mid h_{0.9} \cdot b \cdot c^{10}]}{P[e^{10} \mid h_{0.1} \cdot b \cdot c^{10}]} = \frac{0.9^{7.15}(1-0.9)^{10-7.15}}{0.1^{7.15}(1-0.1)^{10-7.15}} = 12683.607 \approx 12684$$

$$(4.3)\qquad \frac{P[e^{10} \mid h_{0.95} \cdot b \cdot c^{10}]}{P[e^{10} \mid h_{0.05} \cdot b \cdot c^{10}]} = \frac{0.95^{7.15}(1-0.95)^{10-7.15}}{0.05^{7.15}(1-0.05)^{10-7.15}} = 315239.394 \approx 315239$$

10. Обсуждение результатов: теоретическая сторона

Сейчас самое время поговорить о том, что же мы, в итоге, навычисляли, и к чему это можно применить. Прежде чем обратиться к нашим практическим задачам, скажем теперь корректнее о том, откуда взялись формулы, которыми мы пользовались выше, а также о том, какие еще существуют формулы, чтобы мы смогли понять, как можно применить полученные результаты.

Основой всех наших вычислений является теорема Байеса, примененная к понятию правдоподобности гипотезы; само это понятие было определено выше согласно выражению (1). Теорема Байеса применительно к правдоподобности гипотезы h_i имеет вид:

$$(5)\qquad P[h_i \mid b \cdot c^n \cdot e^n] = \frac{P[e^n \mid h_i \cdot b \cdot c^n] \times P[h_i \mid b]}{P[e^n \mid b \cdot c^n]} \times \frac{P[c^n \mid h_i \cdot b]}{P[c^n \mid b]}$$

Последний ее член учитывает влияние гипотезы на сами условия наблюдений или экспериментов. Вероятно, этот член должен учитываться, например, тогда, когда мы строим гипотезы об аутентичности тех или иных рукописных чтений, но доступные нам варианты статистически репрезентативно тяготеют к определенным субархетипам. Если же гипотеза не влияет на условия наблюдений или ее влиянием можно пренебречь, то последний член равен единице и поэтому может быть пропущен при записи (5).

Членом $P[e^n \mid b \cdot c^n]$ определяется вероятность данного исхода наблюдения при данных условиях и при том же бэкграунде *b*, если бы никаких особых гипотез по его поводу не выдвигалось. Когда мы дальше будем сравнивать отношения правдоподобностей разных гипотез, то от соответствующих членов нам удастся избавиться, а поэтому практическим вычислением этой величины нам заниматься нет нужды.

Ключевое значение, помимо уже знакомого нам члена $P[e^n \mid h_i \cdot b \cdot c^n]$ (апостериорной правдоподобности), имеет член $P[h_i \mid b]$ — априорная правдоподобность: насколько правдоподобной представляется данная гипотеза до того, как мы начали делать наши наблюдения. Сюда входят не только чисто психологические компоненты, связанные с психологическим устройством научного сообщества (в котором, как показал Томас Кун, радикально меняющие прежнюю научную картину данные обычно отвергаются до тех пор, пока не сменится поколение ведущих ученых[18]). Отчасти это и представления научного сообщества о имеющих отношение к оцениваемой гипотезе данных из смежных дисциплин. Например, в случае гипотез о СЛ — это данные об истории христианства у славян и истории

[18] *Kuhn Th. S.* The Structure of Scientific Revolutions. 50th Anniversary edition. Chicago: University of Chicago Press, 2012 (много раз издавалась в рус. пер.).

агиографических традиций, связанных с созданием славянской письменности. Эти данные не могут быть безразличными для создания убедительной теории о происхождении СЛ, но мы никаких наблюдений в этих областях не ставили, и поэтому имеем для них только априорные оценки.

Из теоремы Байеса, то есть выражения (5), видно, что при сравнении правдоподобности разных гипотез (при условии одинаковых бэкграундных знаний, отсутствия влияния выбора гипотезы на условия наблюдений, одинаковых методов интерпретации фактов) решающая роль будет принадлежать члену $P[e^n \mid h_i \cdot b \cdot c^n] \times P[h_i \mid b]$. Выше мы оценивали лишь первую часть этого выражения, используя формулу (2). Но полная формула для определения соотношения правдоподобности разных гипотез учитывает и второй член (при этом я предполагаю, что член, связанный в влиянием выбора гипотезы на условия, учитывать не надо, т.к. такого влияния нет совсем или нет практически). Это не что иное, как снова теорема Байеса, но записанная в форме соотношения:

$$(6) \qquad \frac{P[h_j \mid b \cdot c^n \cdot e^n]}{P[h_i \mid b \cdot c^n \cdot e^n]} = \frac{P[e^n \mid h_j \cdot b \cdot c^n]}{P[e^n \mid h_i \cdot b \cdot c^n]} \times \frac{P[h_j \mid b]}{P[h_i \mid b]}$$

Для пробабилистически независимых наблюдений (как мы приняли для наших наблюдений над СЛ) выражение (6) может быть записано в следующей форме:

$$(7) \qquad \frac{P[h_j \mid b \cdot c^n \cdot e^n]}{P[h_i \mid b \cdot c^n \cdot e^n]} = \frac{P[h_j \mid b]}{P[h_i \mid b]} \times \prod_{k=1}^{n} \frac{P[e^k \mid h_j \cdot b \cdot c^k]}{P[e^k \mid h_i \cdot b \cdot c^k]}$$

Выражение (7) показывает, что (при условии пробабилистической независимости наблюдений) гипотезы могут сопоставляться по результатом каждого из наблюдений в отдельности. Выше мы воспользовались этим свойством наших данных, чтобы исключить ряд наблюдений из расчетов заранее — в тех случаях, где соотношение правдоподобности исхода наблюдений в пользу каждой из гипотез было неотличимо от единицы.

Из выражений (6) и (7) видно, почему высокое соотношение апостериорных правдоподобностей в пользу сирийской гипотезы еще не означает автоматически, что она выигрывает у славянской в общем зачете. Совершенно очевидно, что в соотношении априорных вероятностей может выигрывать только славянская гипотеза. Поэтому окончательная оценка отношения правдоподобий в целом будет зависеть от соотношения порядков величин, с одной стороны, соотношения априорных правдоподобностей, а, с другой стороны, апостериорных.

11. Обсуждение результатов: практическая сторона

Теперь мы должны будем оценить наши результаты (4.1-3) в связи с тем, что можно сказать об априорном соотношении вероятностей сирийской и славянской гипотез. Конечно, могут найтись такие ученые, которые считают априорную вероятность сирийской гипотезы неотличимой от нуля, и с ними тут обсуждать просто нечего. Их априорная убежденность «помножит на ноль» (здесь в буквальном смысле) любые результаты наблюдений.

В соотношении априорных вероятностей двух наших гипотез хотелось бы выделить составляющую, которая хотя бы очень ориентировочно может быть оценена апостериорно. Для этого можно предложить несколько разных подходов, дополняющих друг друга.

Подход филологический. Будем оценивать вероятность оказаться переводом с сирийского (прямым, минуя греческий посредник) для любого *нам известного* произведения, написанного на славянском языке до XV в. включительно (времени древнейшей рукописи СЛ). Представление об общем объеме этой письменности может быть получено на основе различных справочников, но, к сожалению, общей базы данных, аналогичной *TLG*, пока нет. На мой взгляд, речь может идти, максимум, о нескольких тысячах произведений. Во всяком случае, количество независимых произведений (не редакций), учтенных в сумме в *Clavis Patrum Graecorum* и в *Bibliotheca Hagiographica Graeca* составляет что-то около 10 000 (скорее, меньше). Но это все произведения греческой патристики (независимо от того, на каких языках они сохранились) до VIII в. включительно плюс все произведения агиографии на греческом языке, включая послевизантийское время. Славянская письменность указанного выше периода едва ли располагает и парой тысяч произведений (при том, что мы включаем в это число и всю древнерусскую литературу, т.к. в ней нередко сохранялись южнославянские памятники, утраченные в письменности южных славян).

Далее сделаем два следующих альтернативных предположения: [1] либо, как я попытался показать в других работах, из этого числа не менее четырех произведений, не считая СЛ, являются прямыми переводами с сирийского[19]; это предположение можно ослабить, заменив «не менее четырех», скажем, на «не менее двух»; [2] либо среди этих произведений переводом с сирийского может быть, максимум, одно (а я в своих прочих исследованиях неправ).

Для первого предположения мы имели бы правдоподобность появления в славянской письменности указанного периода прямого перевода с сирийского порядка нескольких единиц во втором десятичном знаке (результат деления «не менее двух» на «не более 2000»), то есть правдоподобность измерялась бы в сотых долях. Для второго предположения она была бы на порядок меньше, то есть измерялась бы в тысячных долях.

Различие между [1] и [2] принципиально для оценки результата (4.1). Напомню, что это результат такого расчета, в котором предполагается, что СЛ написана неумело и переписывалась небрежно.

Если принять [1], то (4.1) интерпретируется как приблизительная равновероятность славянской и сирийской гипотезы, а если принять [2], то как проигрыш сирийской гипотезы славянской, хотя и не с разгромным счетом.

Конечно, если бы в (4.1) у нас была бы заложена не идеализированная и в реальности невозможная славянская гипотеза, а любая из реально предложенных, то результаты и там были бы резко в пользу сирийской гипотезы. Но таким расчетом мы бы не решили поставленной в начале задачи — оценивать не конкретные предложения толкователей СЛ как оригинального славянского произведения, а потенциал той научной парадигмы, в которой они думают.

Подход исторический: СЛ, как и всякая легенда, не может быть вне той исторической реальности, которой она порождена. Это реальность до-кирилломефодиевского христианства у славян, которая каким-то образом представлена в СЛ, чей заголовок в не так давно (1966) обнародованной рукописи ***S*** эксплицитно обозначает сюжет легенды как крещение славинии. Но идеализированная славянская гипотеза, в отличие от большинства реальных, и не настаивает на после-кирилломефодиевском происхождении легенды. В последнее время такой взгляд высказал Иван Добрев (2003). Также и христианство второго хана Первого

[19] *Lourié B.* Direct Translations into Slavonic from Syriac: a Preliminary List // *FS Mario Capaldo* / C. Diddy *et al* (eds.) (forthcoming).

Болгарского царства, Тервеля (695–721), хотя и получает в последние 20 лет признание ученых, ничего не говорит в пользу сирийского происхождения СЛ. Большинство исторических фактов о раннем христианстве у славян по отношению к нашим гипотезам нейтральны.

Резко в пользу сирийской гипотезы говорит только один исторический эпизод. Он зафиксирован с идеальной достоверностью (в протоколах Шестого Вселенского собора, XVI заседание от 9 августа 681 г.), но так как он только один, на нем нельзя выстраивать статистику (эпизодов селективных в пользу славянского происхождения СЛ пока неизвестно вообще, поэтому у нас тут вся выборка была бы из одного-единственного наблюдения). Все это заседание собора было посвящено выслушиванию предложения об унии между сторонниками одной и двух воль во Христе. Выступал плохо говоривший по-гречески сирийский пресвитер Константин из Апамеи. Выступая, он жаловался, что если бы в самом начале собора (сентябрь 680 г.) его пустили бы выступить, как он просил, то сейчас не было бы недавнего (лето 681 г.) поражения в войне с «Болгарией». Театром военных действий в упомянутой войне была византийская территория, где только что была учреждена фема Фракия. Ее новоназначенный глава (нечто вроде генерал-губернатора) патрикий Феодор и был тем человеком, как это отмечено в протоколах собора, которому, в конце концов, отцы собора уступили, согласившись послушать Константина Апамейского (это не помешало им его в итоге анафематствовать).

Этот исторический эпизод относится к той самой войне, которая в 681 г. привела к созданию Первого Болгарского царства на Дунае и к вовлечению в орбиту его влияния славиний к югу от него, на территории Византии. Другим эпизодом той же самой войны является трехлетняя (676—678) осада Фессалоник болгарами и славянами, ставшая одним из центральных сюжетных узлов СЛ. Случай Константина Апамейского доказывает нам непосредственно, что византийское гражданское и военное начальство (то и другое в лице патрикия Феодора) считало влияние сирийцев некоего невизантийского вероисповедания значимым для славян и болгар того места и того времени, о котором говорит СЛ. Это, в свою очередь, доказывает нам — опосредованно, но не менее достоверно, т.к. компетентности патрикия Феодора целесообразно доверять, — что какая-то эффективно работавшая сирийская миссия среди славян и болгар Фракии (в первоначальных границах одноименной фемы, т.е. включая будущую фему Македония) имела место на самом деле.

Возвращаясь к результату наших расчетов (4.1), мы можем отметить, что исторические данные способны сдвинуть наши оценки правдоподобности в пользу сирийской гипотезы в том случае, если без их учета у нас была ситуация, близкая к равновесию (см. условие [1] выше). Но если сирийская гипотеза проигрывала славянской (условие [2]), то исторические соображения могут, в лучшем случае, помочь приблизить общую оценку к равновесной.

Подход критико-агиографический, в отличие от чисто исторического подхода, мне кажется крайне многообещающим. Он предполагает полный анализ агиографических легенд, связанных с разными культами святых и разными версиями легенд о создании письменности в раннем славянском христианстве, где можно выделить значительный сирийский субстрат, но об этом я постараюсь написать отдельное исследование.

Разумеется, возможны и **другие подходы**, так или иначе способные доставить нам данные для наблюдений, селективных по отношению к нашим альтернативным гипотезам о СЛ. Но уже и сказанного выше достаточно, чтобы представить себе, за счет чего может меняться та составляющая общей сравнительной правдоподобности двух наших гипотез, которая в нашем исследовании рассматривалась как априорная.

Теперь применим эти знания к оценке следующего результата — (4.2). Этот расчет сделан в предположении, что СЛ составлена профессиональным и ответственным автором (то есть таким автором, который не составлял свой текст из небрежно подогнанных фрагментов более ранних источников, и сам при этом обладал достаточными навыками художественного изложения) и переписывалась со среднестатистической аккуратностью, а не как-то особенно неграмотно или небрежно.

При оценке (4.2) на фоне того, что мы выше описывали как результаты филологического подхода к оценке соотношения априорных вероятностей, мы видим уверенную победу сирийской гипотезы. Даже неблагоприятное для сирийской гипотезы предположение [2] (будто вероятность для славянского произведения оказаться переводом с сирийского должна измеряться в тысячных, а не сотых долях) не позволяет уничтожить апостериорный 12-тысячный перевес сирийской гипотезы. Дальнейшие априорные соображения (хотя бы эпизод с Константином Апамейским) дополнительно увеличивают этот разрыв в пользу сирийской гипотезы.

Третий результат наших расчетов, (4.3), выполнен исходя из предположения о крайне высокой степени упорядоченности как текста, так и рукописей СЛ. Такое предположение не претендует на реалистичность, но было полезно для того, чтобы посмотреть, насколько быстро возрастает селективность наших наблюдений в зависимости от выбираемого предположения о связности текста. После отметки 0,9 счет быстро переходит на сотни тысяч раз.

Итак, по моему представлению, ближе всего к реальности оценка наших наблюдений по расчету (4.2), что дает в итоге не разгромный, но уверенный счет в пользу сирийской гипотезы.

Сирийская гипотеза сможет считаться доказанной в том случае, если — за счет каких-либо других наблюдений и априорных, но разумных соображений — мы сможем увеличить разрыв между правдоподобностями альтернативных гипотез хотя бы до десятков тысяч раз. Как отчасти видно из только что изложенных соображений, вероятности в тысячных долях — это самые малые вероятности, которыми еще нельзя пренебрегать.

В.М. Лурье

Солунская легенда: оригинальное славянское произведение или перевод с сирийского? Количественный подход к оценке правдоподобности альтернативных гипотез

Для количественного сравнения двух гипотез о происхождении «Солунской легенды» использован метод индуктивной логики, опирающийся на расчет отношения байесовых правдоподобий альтернативных гипотез. Расчет, в свою очередь, базируется на методах нечетких теорий вероятности и прогнозирования. Метод удобен для количественной оценки правдоподобия альтернативных гипотез в любой гуманитарной области, где количество всех подлежащих рассмотрению гипотез можно свести к двум.

Ключевые слова: «Солунская легенда», первоначальная славянская письменность, славянская агиография, индуктивная логика, правдоподобность гипотезы, теорема Байеса, интуитивные нечеткие множества.

Basil Lourié

The Thessalonican Legend: Original Work in Slavonic or Translation from Syriac? A Quantitative Approach to Evaluation of the Likelihoods of the Alternative Hypotheses

The two hypotheses on the original language of the *Thessalonican Legend* are compared in a quantitative way using the procedures of Bayesian inductive logic. The ratio of likelihoods is calculated as that of fuzzy likelihoods using the apparatus of the theory of (intuitive) fuzzy sets. The method could be convenient in humanities for quantitative evaluation when the number of alternative hypotheses is reducible to two.

Keywords: Thessalonican Legend, early Slavic writing, Slavic hagiography, Bayesian inductive logic, intuitive fuzzy sets, fuzzy likelihood.

УДК 94(47).04:930.272

Р.А. Беспалов

ДОКУМЕНТЫ О СНОШЕНИЯХ КРЫМА С МОСКВОЙ ПО ПОВОДУ ОДОЕВСКОГО ЯСАКА

Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу выплат одоевского ясака в Крымскую Орду (с 1502 г. — в Великую Орду под властью Крыма) содержатся в РГАДА в фонде 123 «Сношения России с Крымом». К моменту данной публикации выявлено всего восемь таких документов. По одному документу находится в книгах с 1-ой по 4-ую, по два документа — в книгах 5-ой и 6-ой. Семь документов являются ярлыками-посланиями крымских ханов великим московским князьям. Еще один документ представляет собой ответ московского государя на послание крымского хана. Некоторые документы в посольских книгах имеют заголовки московских делопроизводителей, причем в двух случаях указано, что это «грамоты о одоевском ясаке».

Впервые на них обратил внимание А.Ф. Малиновский в 1793 г. Однако его сочинение о московско-крымских отношениях было напечатано лишь в 1863 г. в 5-ом томе Записок Одесского общества истории и древностей. Три грамоты об одоевском ясаке были им упомянуты, а одна из них опубликована[1]. Затем шесть документов было издано под редакцией Г.Ф. Карпова и Г.Ф. Штендмана в 41-ом и 95-ом томах Сборника Императорского русского исторического общества, вышедших, в 1884 и 1895 гг., соответственно[2]. Эти документы охватывают период с 1498 по 1519 гг. и относятся к времени правления Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея, а так же Ивана III и Василия III. В.Е. Сыроечковский в своем исследовании о вассалах крымского хана Мухаммед-Гирея дополнительно использовал два архивных документа[3]. Они относятся к 1529—1531 гг. — времени правления Саадет-Гирея и Василия III.

Наиболее подробно опубликованные документы об одоевском ясаке исследовала А. Л. Хорошкевич[4]. Актуальность новой публикации главным образом состоит в том, что в одном из ярлыков крымского хана Саадет-Гирея, упомянутом еще А.Ф. Малиновским, содержатся сведения о взимании одоевского ясака в Крымскую Орду еще в середине XV в. Ярлыки Саадет-Гирея могут быть удовлетворительно истолкованы только с привлечением аналогичных ярлыков его предшественников. В этой связи принято решение опубликовать вместе все восемь документов.

Первый из публикуемых ниже ярлыков Саадет-Гирея об одоевском ясаке был составлен в декабре 1529 г. и доставлен ко двору Василия III к июлю 1530 г. В частности, в нем сообщалось: «О*т* начала напере*д* на покойнико*в* ц(а)рей, ц(а)ря о*т*ца н(а)шего (Менгли-

---

[1] *Малиновский А. [Ф.]* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 184, 200, 255; С. 392. № 22.

[2] СИРИО. Т. 41. №58. С. 269; №64. С. 306; СИРИО. Т. 95. №2. С. 29; №10. С. 158; №30. С. 522; № 36. С. 638.

[3] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского государственного университета. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 46—47.

[4] *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001. С. 235—238.

Гирея — *Р. Б.*) и ц(а)ря дяди н(а)ше*г*(о) (Нур-Довлата — *Р. Б.*), въ упокойниковы*х* лета, да еще и в великаго ц(а)ря деда н(а)ше*г*(о) въ Ази-Гиреевы ц(а)ревы, его же сарая пребыва*н*(и)е в раю имеетца, времена, старому нашему слузе Ба*к*шеишу, и его детемъ на всякои го*д* со всяки*м* бо*л*ши*м* посло*м*, к Рязани которые городы тяну*т*, с Одоева города тысяча а*л*ты*н* моско*в*скими деньгами жалова*н*(и)я твоего и*м* шло»[5].

Итак, по словам Саадет-Гирея, при Хаджи-Гирее (был крымским ханом в 1441—1466 гг. с перерывами), Нур-Довлате (был крымским ханом в 1466—1469 гг. с перерывами и в 1475—1476 гг.) и Менгли-Гирее (был крымским ханом в 1467—1515 гг. с перерывами), ханскому слуге Бакшеишу и его детям с «одоевских городов» ежегодно причитались определенные выплаты. Согласно ярлыку Менгли-Гирея 1498 г., Бакшеиш был одоевским дарагой. Выплаты с Одоева составляли 2000 алтын в год: 1000 алтын предназначалась крымскому хану, а другая 1000 алтын — самому Бакшеишу[6].

В ярлыке 1498 г. выплаты названы «ясаком», иначе «пошлиной». В ярлыке 1508 г. доля Менгли-Гирея называется «поминками» или «городовыми поминками», а доля Бакшеиша — «ездом»[7]. По мнению А.Л. Хорошкевич, в данном случае термин «поминки» соответствуют «ясаку», а термин «езд» — «даражской пошлине»[8].

Словом «езд» в русском языке обозначалась плата за поездку по административным и судебным делам[9]. Из ярлыка 1508 г. становится известным, что кроме своей доли (в тысячу алтын) дараге Бакшеишу, его слугам и их коням также причитался «корм» с одоевских волостей. Из речей Ивана III следует, что в 1503 г. Бакшеиш приезжал с тремя слугами, у них на четверых могло быть до десяти или более коней. Их «корм» составляли продукты питания, включавшие в себя: курицу, хлеб, соль, заспу (крупу) и овес для коней[10].

В ярлыке 1498 г. термины «ясак» и «пошлина» явно приравниваются друг к другу. В ярлыках 1515 и 1519 гг. снова видим термины: «пошлина», «одоевская пошлина», «пошлина с Одоева»[11]. В ярлыках 1518, 1529 и 1531 гг. те же выплаты названы «одоевским годовым взимком», «взимком с Одоева с города» или просто «взимком», который выплачивался «на всякий год»[12]. Московская сторона отчасти переняла крымскую терминологию. В ответе Ивана III 1500 г. выплаты с Одоева названы «податью» или «пошлиной», а в заголовках московского делопроизводителя к ярлыкам 1519, 1531 гг. — «одоевским ясаком», что приравнивалось к терминам тех же ярлыков «пошлина» и «взимок». Не имея оригиналов крымских ярлыков сложно судить о точности их средневекового перевода на русский язык, но в переведенных документах терминами «ясак», «пошлина», «подать» и «взимок» обозначалось одно и то же.

По мнению А. Л. Хорошкевич, термин «ясак» соответствовал известному из источников термину «выход», обозначавшему одынскую дань[13]. В докончании рязанских князей 1496 г. плата в Орду обозначена термином «выход», а плата касимовскому царевичу

---

[5] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 276 об.; Приложение № 7.

[6] СИРИО. Т. 41. С. 269.

[7] СИРИО. Т. 95. С. 29.

[8] *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. С. 236.

[9] Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 38.

[10] СИРИО. Т. 41. С. 496—497.

[11] СИРИО. Т. 95. С. 158, 638.

[12] СИРИО. Т. 95. С. 522; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 276-276 об., 370—370 об.; Приложение №7, 8.

[13] *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. С. 235—238.

названа «ясаком»[14]. То есть выплаты татарам названы двумя разными терминами. Так или иначе, одоевский ясак (подать, пошлина, взимок) представлял собой дань татарам.

В ярлыках Менгли-Гирея 1498 г. и Саадет-Гирея 1531 г. номинал одоевского ясака указан в «денгах» [15]. В 1500 г. Иван III писал Менгли-Гирею, что отчина одоевских князей пуста, поэтому они вынуждены были платить дараге Бакшеишу тем, чем жаловал их за службу сам Иван III[16]. В ярлыке Саадет-Гирея 1529 г. уточнено, что речь идет о «московских денгах»[17]. Не располагая последним источником, Е.И. Колычева, как оказывается, справедливо переводила 2000 алтын (12000 денег) в 60 московских рублей [18]. Однако до перехода на московскую службу князья новосильского дома не могли выплачивать дань в московской монете. До первой трети XV в. в Новосильско-Одоевском княжестве широкое обращение имели джучидские деньги[19]. На литовской службе новосильские князья и их бояре получали вознаграждение пражскими грошами, а так же в натуральном выражении[20]. Московская же монета в их владения почти не проникала. Местные дани собирались шкурками бобров и куниц, медом, но также и грошами[21]. То есть в верховьях Оки пражские гроши были в ходу. В последней трети XV в. одоевский ясак в эквиваленте 12000 московских денег (2000 алтын или 60 рублей московских денег) равнялся 2400 пражских грошей (40 коп или 24 рубля пражских грошей) или 7200 крымских денег (1200 алтын крымских денег)[22].

---

[14] ДДГ. №84. С. 333.

[15] СИРИО. Т. 41. С. 269; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 370—370 об.; Приложение №8.

[16] СИРИО. Т. 41. С. 306; В Верхнем Поочье известны находки кладов, состоящие из монет Ивана III и Василия III (*Ильин А.А.* Топография кладов древнерусских монет X-XI в. и монет удельного периода // Труды нумизматической комиссии. Вып. 5. Л., 1924. С. 33—34. № 30, 32).

[17] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 276 об.; Приложение №7.

[18] *Колычева Е.И.* Новосильско-Одоевская корпорация и судьбы ее представителей в XV в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Международная конференция. Чтения памяти академика Л.В. Черепнина. Ч. I. М., 1994. С. 203; Для сравнения, дань с уделов младших сыновей Ивана III, составляла от 40,5 до 82 рублей в год (ДДГ. № 89. С. 362).

[19] *Беспалов Р.А.* Денежное обращение в верховьях рек Оки и Дона во второй половине XIV — первой трети XV века в контексте политической истории региона // Позднесредневековый город III: археология и история. Материалы III Всероссийского семинара. Ноябрь 2009 г. Тула, 2011. С. 84—97; *Беспалов Р.А., Казаров А.А.* Клады и денежные комплексы первой трети XV века, обнаруженные в верховьях Оки, Дона и Десны в 2008—2011 годах (по результатам предварительного исследования) // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011 г. Тула, 2013. С. 80—85.

[20] LM. Kn. 4. P. 38, 81, 83.

[21] LM. Kn. 6. P. 121. №137.

[22] По сведениям С. Герберштейна, в первой четверти XVI в. рыночная стоимость 1 венгерского гульдена в Москве составляла 100 московских денег (иногда больше, иногда меньше). В Литве венгерский золотой стоил 40 литовских грошей (*Герберштейн С.* Записки о Московии / Перевод А.И. Малеина и В.Д. Назаренко. М., 1988. С. 123, 126). Следовательно, в пересчете через венгерский гульден 1 литовский грош стоил 2,5 московских деньги. Однако литовский грош начал чеканиться только в самом конце XV в. при Александре Казимировиче. Он являлся полугрошем по отношению к пражскому грошу, который до этого массово обращался на территории Великого княжества Литовского. Следовательно, 1 пражский грош приравнивался к 5 московским денгам. В 1484 г. 1 пражский грош приравнивался к 3 крымским денгам (LM. Kn. 4. P. 103. № 47.5). К сожалению, нам не известен реальный обменный курс крымских денег с московскими денгами. Но в последней трети XV в. вес 5 московских денег (по 0,39 гр) равнялся весу 3 крымских денег (по 0,65 гр), что в точности соответствует обменному курсу этих монет, пересчитанному через пражский грош.

Проблемы политической истории, затронутые в документах об одоевском ясаке, выходят далеко за рамки одоевско-крымских отношений, и включают в себя также вопросы взаимоотношений Литвы, Москвы, Крыма, Одоева, а в некоторой степени и Рязани. Из текста ярлыков следует, что после распада Золотой Орды «одоевские города» (по всей видимости, вся территория Новосильско-Одоевского княжества) попали в вассальную зависимость от ее преемника Крымской Орды[23]. Данные документы в совокупности с рядом других опубликованных ранее источников позволяют существенно уточнить статус Новосильско-Одоевского княжества в середине — второй половине XV в.

Как известно, в конце июля 1427 г. князья новосильского дома во главе с великим князем Юрием Романовичем Одоевским присягнули в верности великому князю литовскому Витовту и заключили с ним договор о своей службе Литве. Договор предусматривал возможность его расторжения в случае несоблюдения его условий со стороны литовского господаря, но также и возможность его продления (возобновления) в случае смерти одного из контрагентов. В 1432 г. литовско-новосильский договор 1427 г. разделился на две ветви: литовско-воротынскую, представленную далее договорами 1432, 1442 и 1483 гг., и литовско-одоевскую, представленную далее договорами 1432, 1459 и 1481 гг.[24] В историографии уже отмечалось, что литовско-новосильские договоры имели высокий межгосударственный статус, а территория Новосильско-Одоевской земли не входила в состав Великого княжества Литовского[25]. Тем самым она отличалась от других русских земель, попавших под власть литовских господарей в XIV — начале XV вв.

Русские земли Великого княжества Литовского сохраняли зависимость от Крымской Орды. Крымские ханы своими ярлыками жаловали великим литовским князьям подчиненные Крымской Орде русские земли, с которых литовская сторона была обязана выплачивать дань. В случае прекращения выплат татары были вправе применить силу[26]. Одоев в этих ярлыках-пожалованиях не упомянут. Следовательно, великие литовские князья не имели отношения к выплатам одоевского ясака в Крымскую Орду.

Из источников известны попытки великих литовских князей взять ярлык-пожалование на Одоев. 22 июня 1432 г. представители новосильского княжеского дома в качестве великих князей заключили договор с великим князем литовским Свидригайлом[27]. Однако к октябрю 1433 г. Свидригайло помог царевичу Сеид-Ахмеду прийти к власти в Крыму[28]. По всей

[23] Подробнее см.: *Беспалов Р.А.* Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV — начала XVI веков // Средневековая Русь. Вып. 11. Проблемы политической истории и источниковедения. М., 2014. С. 257—326.

[24] *Беспалов Р.А.* Литовско-одоевский договор 1459 года: обстоятельства и причины заключения // Istorijos šaltinių tyrimai T. 4. Vilnius, 2012. P. 46—50.

[25] *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой половины XVI в. М., 1995. С. 38—46.

[26] *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th-18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden—Boston, 2011. S. 529—533, 539-544; *Барвіньский Б.* Два загадочні ханьскі ярлики на рускі землі з другої половини XV столїтя // Історичні причинки. Розвідки, замітки і материяли до історії України-Руси. Т. 2. Львів, 1909. С. 16—21.

[27] GStAPK, OBA. 6138; *Беспалов Р.А.* Литовско-одоевский договор 1459 года… P. 49—50.

[28] Еще в сентябре 1432 г. Свидригайло сообщал гроссмейстеру Немецкого ордена, что его сопровождал татарский царевич «Sydachmath Bexubowitz» (LEuC UB. Bd. 8. №624. S. 366). Отец последнего Бек-Суфи в 1419-1421 гг. был «императором Солхата», то есть «крымским ханом» (Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. / Publiés par N. Jorga. Paris, 1899. P. 25—26). В своих письмах от 10 октября 1433 г. и от 11 апреля 1434 г. Свидригайло свидетельствовал, что посадил Сеид-Ахмеда «на отцовский трон»

видимости, новый крымский хан выдал Свидригайлу обычный ярлык-пожалование на русские земли Великого княжества Литовского [29]. Кроме того, 1 мая 1434 г. Свидригайло писал гроссмейстеру Немецкого ордена: «царь передал нам этих [князей] Одоева и их землю и собственноручно записал»[30]. Фактически он сообщал о ярлыке-пожаловании на Одоевскую землю, которой по цареву повелению, якобы, стал владеть. Ранее он упоминал об Одоевских как о «Großfürsten» — великих князьях. Теперь же величал их титулом «Fürsten» — просто князьями. Лишь вследствие неустойчивости власти Сеид-Ахмеда в Крыму, а также в результате скорого крушения власти Свидригайла, в будущем упомянутый ярлык-пожалование Сеид-Ахмеда не имел продолжения[31].

Несмотря на то, что в середине XV в. действовали договоры 1442 и 1459 гг. о службе князей новосильского дома Литве, к тому времени у литовского господаря по-прежнему не было ярлыка на Одоев. В начале 1470-х гг. Казимир IV предпринял новую попытку взять такой ярлык в Крымской Орде. В посольстве к Панам Раде Великого княжества Литовского в 1506 г. крымский хан Менгли-Гирей вспоминал: «А до мене приехал от брата нашого Казимира, короля, воевода троцкии пан Богдан Андрушкович, а с ним Ивашенцо. Отца нашого ярлык з собою принесли. О Киев и о Смолнеск, и о иных городех ярлык взяли. И в том ярлыку нашом от короля, брата нашого, жадали о резанские городы, о Одоев. И в нашом ярлыку вписали»[32]. Текст этого ярлыка-пожалования, выданного в 1472 г. или в 878 г. х. (май 1473 г. — май 1474 г.) сохранился[33]. К прежнему ярлыку-пожалованию Хаджи-Гирея в нем действительно добавлено: «rezeńskie państwo, Perejasław w głowach», но Одоев в ярлыке-пожаловании Менгли-Гирея не упомянут[34].

(*Halecki O.* Z Jana Zamoyskiego Inwentarza Archiwum Koronnego materialy do dziejów Rusi i Litwy // Archiwum Komisji Historycznej. T. 12. Cz. 1. Kraków, 1919. S. 216. №6; *Коцебу А.* Свитригайло, великий князь Литовский, или дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб., 1835. С. 192, 193—194; *Флоря Б.Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430—1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 183).

[29] В конце XV в. Менгли-Гирей вспоминал, что еще при Сеид-Ахмеде к Крымской Орде «тянули» многие города Великого княжества Литовского, а люди этих городов давали ясак крымским дарагам (СИРИО. Т. 35. С. 290—291). Подобные отношения регулировались ярлыками крымских ханов, пожалованными великим литовским князьям. На этом основании следует полагать, что Сеид-Ахмед, будучи крымским ханом, выдал аналогичный ярлык Свидригайлу.

[30] Цитируется с учетом уточнений перевода, выполненных С. В. Полеховым (GStAPK, OBA. 6809; Коцебу А. Свитригайло, великий князь Литовский… С. 194—196).

[31] *Беспалов Р.А.* Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV — начала XVI веков. С. 289—293.

[32] LM. Kn. 8. №24. P. 59; LM. Kn. 7. №11. P. 63; Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469—1515). Akta i listy. / Wydał i szkicem historycznym poprzedził Kazimierz Pułaski // Stosunki polski z tatarszcsyzną od połowy XV wieku. T. I. Kraków-Warszawa, 1881. №78. S. 293.

[33] Датировка ярлыка от рождества Христова (1472 г.) не соответствуют датировке по Хиджре (878 г. х.) (*Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania… S. 539—541; *Барвінський Б.* Два загадочні ханьскі ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 18—20).

[34] По мнению Б. Н. Флори, выдача крымского ярлыка на Рязанское княжество объясняется тем, что в Литве находился опальный пронский князь, который любыми средствами пытался отстоять свое право на рязанское княжение (*Флоря Б.Н.* Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 187—189). На мой взгляд, такая возможность могла появиться в результате сближения позиций по этому вопросу Менгли-Гирея, Казимира, какого-то представителя рязанского княжеского дома и рязанского дараги князя Темира. Казимир имел мирный договор с великим князем Василием Ивановичем Рязанским (LM. Kn. 4. №129. P. 139), а в 1471 г. склонил на свою сторону беклербека хана Ахмата князя Темира (ПСРЛ. Т. 18.

В этой связи некоторую сложность представляет собой осмысление требования Саадет-Гирея о взимании дани «к Рязани которые городы тянут, с Одоева города». А. Ф. Малиновский полагал, что здесь речь идет о дани с рязанских городов и отдельно о дани с города Одоева[35]. Однако, судя по документам предыдущего времени, Бакшеишу и его детям причиталась только дань с Одоева. Грамот о рязанском ясаке в посольских книгах не имеется[36]. Эту фразу можно понять и таким образом, что к 1529 г. Одоев административно был подчинен Рязани. В таком случае, запись в ярлыке Менгли-Гирея начала 1470-х гг. «rezeńskie państwo, Perejasław w głowach» по умолчанию могла бы включать в себя и Одоев. Однако такое предположение не согласуется с источниками. К началу 1425 г. великие рязанские князья находились на литовской службе, тогда как князья новосильского дома находились в союзе с Москвой[37]. В конце июля — начале августа 1427 г. великие рязанские князья (переяславский и пронский) и великий князь новосильский практически одновременно заключили договоры с Витовтом о своей службе Литве[38]. Однако это были отдельные друг от друга договоры. После смерти Витовта политические пути рязанских и новосильских князей разошлись. Новосильские в 1432 г. возобновили договор с Литвой, а рязанские оказались в союзе с Москвой. В московско-рязанском договоре 1434 г. было записано: «А ([если] — *Р. Б.*) новоси*л*ские кн(я)зи добью*т* чело*м* тобе, великому кн(я)зю (московскому — *Р. Б.*), и мне (великому князю рязанскому — *Р. Б.*) с ними взяти любовь по тому *ж*»[39]. То есть московский и рязанский князья рассматривали Новосильско-Одоевскую землю в качестве субъекта самостоятельных межгосударственных отношений, и не подразумевали, что Одоев может «тянуть» к Рязани. После смерти великого князя Ивана Федоровича Рязанского, его малолетний сын князь Василий в 1456-1464 гг. находился под московской опекой[40]. В то же время новосильские князья находились на литовской службе. В литовско-новосильских договорах (литовско-воротынском и литовско-одоевском) 1442, 1459 гг., заключенных по «Витовтову докончанию» 1427 г., было закреплено право новосильских князей на самостоятельные сношения с великим князем московским и великими рязанскими князьями (переяславским и пронским)[41]. Такая же статья содержалась

М., 2007. С. 224). В свою очередь, князь Темир еще до 1481 г. сблизился с Менгли-Гиреем и порой вел самостоятельную политику по отношению к крымскому престолу (Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469-1515). Akta i listy. №15. S. 209; см.: *Трепавлов В.В.* Большая Орда — Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010. С. 66—67, 77—78, 82).

[35] *Малиновский А.[Ф.]* Историческое и дипломатическое собрание дел… С. 255.

[36] Термин «рязанский ясак» в посольских книгах упоминается, но он связан с ошибкой московского делопроизводителя, копировавшего посольские документы в книгу. Когда Мухаммед-Гирей воцарился в Крыму, то послал в Москву большое посольство. В одной из грамот он просил великого князя Василия III направить одного из крымских людей с ярлыком к великому князю Ивану Васильевичу Рязанскому. Это послание в посольской книге озаглавлено: «А се грамота Магметъ-Киреева царева о рязанскомъ ясаке къ великому князю съ его человекомъ съ Ахметемъ ичкою». Сохранился и ханский ярлык-послание к рязанскому князю. Однако о ясаке в этих документах ничего не говорится (СИРИО. Т. 95. С. 160, 162).

[37] CEV. №1181. S. 688.

[38] CEV. №1298. S. 779; ДДГ. №25, 26. С. 67—68.

[39] ДДГ. №33. С. 85.

[40] ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 275, 278.

[41] LM. Kn. 5. №130. P. 247; №137. P. 255; ДДГ. №39. С. 118; №60. С. 193.

в аналогичных литовско-новосильских договорах 1481, 1483 гг.[42] Никаких источников, прямо говоривших бы о подчиненности Одоева Рязани в XV в. не имеется.

Подобные сведения отразились в довольно поздних европейских источниках. В 1674 г. Г. Сансон, а в 1706 г. Г. Делиль воспроизвели карту княжеств, на которой Одоев ("Odoief") был отнесен к Рязанскому княжеству ("Duché de Rezan"), правда без других новосильских и одоевских городов: Новосиля, Белёва и Воротынска. Чертежи Г. Сансона и Г. Делиля восходят к карте Г. Меркартора 1594 г., который, по мнению Б. А. Рыбакова, использовал некий источник 1508-1537 гг., а также опираются на сведения С. Герберштейна, посещавшего Москву в 1517 и 1526 гг.[43] Однако ни в карте Г. Меркартора, ни в сочинении С. Герберштейна ничто не указывает на принадлежность Одоева Рязани[44]. Так или иначе, карты Г. Сансона и Г. Делиля в части Одоева согласуются со сведениями Саадет-Гирея. Поэтому обратим внимание на то, что к первой четверти XVI в. великий князь московский уже владел многими жребиями одоевских и воротынских князей[45], а в 1521 г. в состав его владений также вошла и Рязань[46]. Не следует ли полагать, что вследствие этих изменений в данном регионе могли произойти новые административные преобразования? Может быть, Саадет-Гирей знал о подчиненности Одоева Рязани еще в 1525 г., когда впервые заключал мирный договор с Василием III и параллельно должен был подниматься вопрос о выплате в Крым «одоевского ясака»? Иначе сложно объяснить его слова, отраженные в ярлыке 1529 г.

Поскольку в ярлыках-пожалованиях крымских ханов великим литовским князьям Одоев не упоминался (до начала 1470-х гг. в них не упоминалась и Рязань), то литовские господари не владели Одоевом, не обязаны были собирать дань с «одоевских городов» и выплачивать ее в Крым. Следовательно, крымские ханы своими ярлыками-пожалованиями возлагали эту функцию непосредственно на «большого», то есть старшего князя новосильского дома. С одной стороны такие ярлыки, видимо, предписывали новосильским князьям выплачивать в Крым ежегодную дань, но с другой — закрепляли за ними их исконную вотчину и давали иммунитет от посягательства на их землю иных русских и литовских князей. Тем самым, самостоятельные новосильско-ордынские отношения определяли территориальный суверенитет Новосильско-Одоевской земли[47].

---

42 *Казакоў А. У.* Невядомае дaканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя Навасільскага і Адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г. // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2010. С. 299-300; АЗР. Т. 1. №80. С. 101; РГАДА, Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 2.

43 Вывод Б.А. Рыбакова о составлении карты княжеств князем И.М. Воротынским в 1525 г. сомнителен, поскольку на исследованных им картах верховья Оки, где располагалась вотчина воротынского князя, воспроизведены крайне неточно (См.: *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974. С. 85-111).

44 *Кордт В.В.* Материалы по истории русской картографии. Вып. 1. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899. Табл. XXIV; *Герберштейн С.* Записки о Московии. В двух томах. Т. 1. М., 2008. С. 308—309.

45 См.: СИРИО. Т. 41. С. 306; ДДГ. №89. С. 355, 360; *Назаров В.Д.* Тайна челобитной Ивана Воротынского // Вопросы истории. М., 1969. №1. С. 211, 213—217.

46 *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 2008. С. 121—124.

47 В договорах с князьями новосильского дома, восходящих к «Витовтову докончанию» 1427 г., великие литовские князья обязались в Новосильско-Одоевскую землю не вступаться. В этой связи интересен вопрос об обязательстве князей новосильского дома, выплачивать литовскому господарю «полетное» (ежегодную дань) (LM. Kn. 5. №130. P. 247; №137. P. 254—255; ДДГ. №39. С. 118; №60. С. 192—193; *Казакоў А.У.* Невядомае дaканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя Навасільскага і Адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г. С. 298-299; АЗР. Т. 1. №80. С. 100—101). По мнению А.Л. Хорошкевич, одоевские князья

Как заметил М.М. Кром, Вильно так и не смогло инкорпорировать Новосильско-Одоевскую землю в состав Великого княжества Литовского[48]. Ситуация изменились после перехода новосильских князей на московскую службу в конце XV в. В историографии уже отмечалось, что в отношениях с Литвой Иван III не раз подчеркивал суверенность новосильских князей[49]. Позиция московского государя имела все основания, поскольку территория Новосильско-Одоевского княжества не входила в состав Великого княжества Литовского, а дань с «одоевских городов» непосредственно выплачивалась в Крымскую Орду. Необходимой предпосылкой для вмешательства Ивана III в политику князей новосильского дома стало его сближение с Менгли-Гиреем в 1470-х — 1480-х гг. Получив в союзники крымского хана, Иван III должен был отвечать его интересам. В 1487—1493 гг. он регулярно информировал Менгли-Гирея о своих военных и политических успехах в верховьях Оки и о переходе князей новосильского дома со своей вотчиной на московскую службу[50].

27 июня 1492 г. в Москву прибыл крымский посол Мерека. После окончания посольских дел Менгли-Гирей просил отпустить его «на Новосиль»[51]. Вместе с Мерекой был некто Давлет-Яр[52]. Так звали старшего сына одоевского дараги Бакшеиша. Можно думать, что именно у Девлет-Яра были даражские дела в Новосиле. Вероятно, хан рассчитывал возобновить отношения Крыма с Новосильско-Одоевским княжеством. Правда, дело затягивалось. Мерека и прибывшие с ним люди были отпущены в Крым только в апреле 1495 г.[53] Тем временем, по московско-литовскому договору 1494 г. новосильские князья со своими вотчинами были закреплены за Москвой[54].

На рубеже XV—XVI вв. в новосильско-крымских отношениях произошел окончательный перелом. В августе 1498 г., Менгли-Гирей направил Ивану III ярлык, в котором сообщал, что князья «одоевских городов» уклоняются от уплаты установленной по старине пошлины (ясака). Из послания следует, что крымский хан по-прежнему рассматривал область «одоевских городов» в качестве отдельной административно-территориальной единицы, которая имела свои отношения с Крымской Ордой. Но поскольку теперь князья «одоевских городов» служили Ивану III — союзнику Менгли-Гирея, то

платили в Литву именно «ордынщину» (*Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию… С. 289—290). Однако, рассмотренные выше источники позволяют установить, что в состав «полетного» не входил одоевский ясак, собираемый с собственной территории Новосильско-Одоевской земли и предназначенный для выплат в Крымскую Орду. Ранее мной уже приводились аргументы в пользу того, что «полетное» взималось с литовских земельных «пожалований» князьям новосильского дома, которыми их наделили великие литовские князья в качестве вознаграждения за их службу Литве (*Беспалов Р.А.* Литовско-одоевский договор 1459 года… P. 48—49). Необходимость выплат «полетного» была связана с тем, что наделение иноземных служилых князей земельными «пожалованиями» не должно было нарушать литовскую государственную податную систему. Недавно этот тезис был развит (*Беспалов Р.А.* Реконструкция докончания Витовта с князьями новосильского дома 1427 года // Очерки феодальной России. Вып. 18. [в печати]).

[48] *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. С. 43—44.

[49] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952. С. 296; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 81—82.

[50] СИРИО. Т. 41. С. 66—67, 139—140, 186, 192.

[51] СИРИО. Т. 41. С. 154.

[52] СИРИО. Т. 41. С. 216.

[53] СИРИО. Т. 41. С. 215—216.

[54] LM. Kn. 5. №78.2. P. 135; ДДГ. №83. С. 330; СИРИО. Т. 35. С. 126—127, 130.

Бакшеиш не решился применить силу, а просил московского государя быть посредником, чтобы уладить дело миром[55].

Послы Менгли-Гирея были задержаны в Москве на полтора года, поэтому ответ Ивана III последовал только в апреле 1500 г. Московский государь сообщал, что одоевским князьям платить нечем, поэтому он выплатил Бакшеишу одоевскую подать из своих средств, и просил Менгли-Гирея больше не посылать дараг в Одоев[56].

В конце 1514 г. Менгли-Гирей вспоминал, что передал Ивану III целый ряд городов, среди которых был и Одоев[57]. По всей видимости, речь идет о ярлыке-пожаловании на Одоев, которым ранее не раз пытались завладеть великие литовские князья. Вероятно, московский государь получил его из рук крымского хана в самом начале XVI в. Как заметила А.Л. Хорошкевич, вхождение в состав Русского государства прежних данников Крыма превратило русского государя в лицо, ответственное за сбор их же пошлин в пользу крымского хана и его дараг[58]. По мнению К.В. Базилевича, после присоединения Одоева к Москве Иван III стал платить за одоевских князей их дань в Крым[59]. Однако из ярлыка Менгли-Гирея 1508 г. следует, что Иван III платил не свои деньги, он посылал своих людей к одоевским князьям и, взяв с них ясак, отсылал его в Крым вместе с дарагой Бакшеишем. О том же Менгли-Гирей просил и Василия III[60]. По мнению А. Л. Хорошкевич, упразднение должности дараг произошло в 1518 г., поскольку в шертной грамоте Мухаммед-Гирея, определявшей его мирные отношения с Москвой, содержалась статья: «а дарагам и пошлинам даражским и иным пошлинам никак не быти»[61]. Однако эта статья возобновляла аналогичную статью московско-крымского договора 1475 г., которая касалась только прежней территории Великого княжества Московского[62]. Одоев же не был освобожден от ордынской тяготы. Выплаты предполагались и далее, о чем ходатайствовал Мухаммед-Гирей через послов, которые привезли в Москву утвержденную шертную грамоту в мае 1519 г.

Тем не менее, перемены для Одоева были весьма существенными. Ранее крымские дараги забирали одоевский ясак непосредственно у старшего одоевского князя или у старшего князя новосильского дома. Так было во время нахождения новосильских князей на литовской службе и некоторое время после их перехода со своей землей на службу к московскому государю. Затем Иван III ограничил их во внешних сношениях, в том числе в контактах с Крымом. Для этого ему пришлось взять на себя роль посредника для выплат одоевской дани в Крымскую Орду, от него стала зависеть их полнота и регулярность. Так для крымских ханов непосредственные отношения с князьями «одоевских городов» потеряли всякий смысл. Сами же новосильские князья утрачивали возможность сношений с Крымской Ордой как элемент прежней самостоятельности.

Одоевские дараги ездили в Москву каждый раз, когда туда отправлялся «большой» (старший) крымский посол. Однако далеко не всегда они везли с собой особое напоминание хана об одоевском ясаке. Так, в 1503 г. дарага Бакшеиш был в Москве, и, видимо, получил

---

[55] СИРИО. Т. 41. С. 269.
[56] СИРИО. Т. 41. С. 306.
[57] СИРИО. Т. 95. С. 154; *Беспалов Р.А.* Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV — начала XVI веков. С. 320.
[58] *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. С. 237—238.
[59] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства… С. 448.
[60] СИРИО. Т. 95. С. 29.
[61] *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. С. 193—194.
[62] СИРИО. Т. 41. С. 4—5.

свою одоевскую пошлину без особого послания хана к московскому государю [63]. Вероятно, ему достаточно было какого-то удостоверительного знака о том, что он являлся одоевским дарагой.

В появлении в посольских делах ханских ярлыков-посланий о выплатах с Одоева имеется закономерность. Ярлык-послание 1498 г. был связан с нарушением выплат одоевского ясака и содержал просьбу их возобновить. Затем до смерти Ивана III в 1505 г. московско-крымские отношения и выплаты с Одоева не нарушались. В начале правления Василия III отношения Москвы с Крымом осложнились из-за отношений Москвы с Казанью [64]. К тому же в московско-крымские отношения стала вмешиваться Литва. Польский король Сигизмунд I надеялся вернуть себе русские земли, которые ранее были подчинены Великому княжеству Литовскому, а к 1503 г. отошли к Москве[65]. Он добился от Менгли-Гирея того, что в июле 1507 г. крымские войска напали на белёвские, одоевские и козельские места. Однако князья новосильского дома совместно с воеводами Василия III успешно отразили татарский набег [66]. В августе 1508 г. был заключен договор Менгли-Гирея с Василием III на тех же условиях, как было при Иване III. Как следствие, в Москву был послан ярлык с просьбой о возобновлении выплат одоевского ясака[67]. В мае 1512 г. «по наводу» Сигизмунда I был совершен набег крымских татар на Белёв, Одоев, Воротынск и Алексин[68]. Эти события стали предпосылкой к новой московско-литовской войне 1512-1514 гг.[69] С наступлением потепления в московско-крымских отношениях, в 1515 г. Мухаммед-Гирей прислал в Москву очередной ярлык с просьбой о выплате одоевского ясака[70]. В августе 1517 г. крымские татары по навету Сигизмунда I напали на Тулу и волость Беспуту. Князья новосильского дома участвовали в отражении их набега[71]. В следующем году между Москвой и Крымом завязались переговоры о мире, который удалось заключить в 1519 г. Параллельно летом 1518 и вначале 1519 гг. стороны вновь контактировали по поводу одоевской дани[72]. В 1525 г. Василий III заключил мир с ханом Саадет-Гиреем и его наследником Саин-Гиреем. Однако другие царевичи не обязались соблюдать мир и в свою очередь боролись за власть в Крыму. Осенью 1527 г. Ислам-Гирей совершил очередной, хотя и неудачный набег на московские украины[73]. Осенью 1529 г. между Москвой и Крымом завязались переговоры о мире, но вскоре были прерваны новыми раздорами. Мир был заключен только в ноябре 1531 г.[74] Одновременно в 1529-1532 гг. крымская сторона вела переговоры с Москвой о «поминках» (регулярных подарках царю и его окружению), а также был поднят вопрос об одоевском «взимке» [75].

---

[63] СИРИО. Т. 41. С. 472, 486, 497.

[64] См.: *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. С. 166—169.

[65] Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469-1515). №93. S. 320; №95. S. 323; №101. S. 334.

[66] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 379—380.

[67] *Малиновский А.[Ф.]* Историческое и дипломатическое собрание дел… С. 182—185; С. 392. № 22; СИРИО. Т. 95. С. 29.

[68] Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469—1515). №132. S. 396; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 394—395.

[69] *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. С. 170—172.

[70] *Малиновский А. [Ф.]* Историческое и дипломатическое собрание дел… С. 199—202; СИРИО. Т. 95. С. 158.

[71] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 408—409.

[72] СИРИО. Т. 95. С. 522, 638.

[73] ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 272.

[74] *Малиновский А. [Ф.]* Историческое и дипломатическое собрание дел… С. 253—259, 417—419.

[75] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 276—276 об., 370—370 об.; Приложение №7, 8.

В этой связи можно думать, что выплаты с Одоева прерывались в годы нарушения мирных отношений Москвы с Крымом. С восстановлением же мира крымская сторона каждый раз надеялась возобновить их и направляла в Москву соответствующие ярлыки об одоевском ясаке, которые и отразились в посольских книгах.

Нарушение мира между Москвой и Крымом было выгодно литовской стороне, которая стремилась вернуть себе русские земли, ранее входившие в состав Великого княжества Литовского. В июле 1507 г., в декабре 1513 г., в июне 1514 г., в октябре 1520 г. и так вплоть до 1535 г. при заключении мира крымские ханы выдавали Сигизмунду I ярлыки-пожалования, аналогичные ярлыкам XV в. Они фиктивно жаловали Литве прежние земли в верховьях Оки: Мценск, Любутск, Тулу, Берестей, Ретань, Козельск, Волкону, Спаш[76]. Литовская сторона также рассчитывала вернуть на литовскую службу и князей новосильского дома. Этот вопрос рассматривался, например, в 1520 г.[77] Однако сама Новосильско-Одоевская земля никогда ранее не принадлежала Литве, и крымские ханы не обещали ее королю Сигизмунду I.

Вопросы о назначении того или иного одоевского дараги находились в ведении крымских ханов, которые «жаловали» своим слугам право взимать одоевскую пошлину и получать с нее свою долю. Еще В.Е. Сыроечковский заметил, что в Крымской Орде традиционно соблюдался принцип наследственности ханского пожалования. В одной из своих грамот Мухаммед-Гирей писал: «и которых хоти не стало будет, и мы теми месты детей их или братью их жалуем, или кто роду их будет»[78]. В этой связи, несмотря на перемены власти в Крымской Орде, взимание одоевского ясака на долгие десятилетия стало привилегией одного и того же семейства. Оно хотя и не обладало княжеским достоинством, но служило при дворе, относились к числу «добрых» (знатных) слуг царя, и в этой связи занимало высокое положение в среде крымской знати.

Одоевский дарага Бакшеиш в ярлыках Саадет-Гирея назван Кара-Бакшеишем (Черным Бакшеишем). Вероятно, это его полное имя, которое в других случаях попросту сокращалось. Бакшеиш был долгожителем, и занимал свою должность при Хаджи-Гирее, Нур-Довлате и Менгли-Гирее[79]. Сохранились сведения о его поездках в Москву в 1498—1500, 1503, 1508—1509 гг.[80] После его смерти Менгли-Гирей пожаловал одоевскую пошлину его сыну Девлет-Яру (до 17 апреля 1515 г.)[81]. Возможно, Бакшеиш умер еще до нарушения московско-крымских отношений, и его сын Девлет-Яр занял должность одоевского дараги до мая 1512 г. К июлю 1518 г. Девлет-Яр погиб от рук своего же слуги. Тогда Мухаммед-Гирей пожаловал одоевскую пошлину его младшему брату Алди-Яру. Последний ездил за ясаком, например, в 1519 и 1532 гг.[82] В поездке второй половины 1518 г. его замещал племянник Илеман[83], а в 1529—1530 гг. — еще один сын Бакшеиша — Нан[84].

---

[76] *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania… S. 557—558, 596, 606, 634, 643, 682, 703.

[77] LM. Kn. 7. №199. P. 377.

[78] СИРИО. Т. 95. С. 158; *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 47.

[79] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 276—276 об.; Приложение №7.

[80] СИРИО. Т. 41. С. 269, 306, 472—473, 486, 496—497, 512—513; СИРИО. Т. 95. С. 29.

[81] СИРИО. Т. 95. С. 158.

[82] СИРИО. Т. 95. С. 638; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 370—370 об.; Приложение №8.

[83] По отношению Алди-Яру Илеман назван «брата его большого сыном» (СИРИО. Т. 95. С. 522). Должно быть, Илеман был сыном Девлет-Яра.

[84] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 276—276 об.; Приложение №7.

По мнению В.Е. Сыроечковского, Бакшеиш, а также и его дети были сокольниками[85]. Так, из посольства 1503 г. Бакшеиш вез Менгли-Гирею красного кречета[86]. Однако в 1498 г. кречетов должен был привезти вовсе не Бакшеиш, а Хозя Магамет, который обычно и выполнял подобные поручения[87]. В 1515 г. одной из задач «молодого человека» Девлет-Чара (или Давлет-Яра?) было выбрать и привезти в Крым белого ястреба, но его нельзя уверенно отнести к сыновьям Бакшеиша[88]. В 1518 г. белого же ястреба должен был привезти Илеман[89]. В 1519 г. Алди-Яр тоже ездил за кречетами. В московском подзаголовке ханской грамоты он назван «сокольником». Однако основной задачей Алди-Яра в этой поездке было взимание одоевского ясака. С ним же в Москву отправился другой человек Менгли-Гирея, который в ханской грамоте прямо назван «сокольником»[90]. Также обратим внимание на то, что в 1503 г. Бакшеиш привез в Москву ярлык о доставке хану краковского сыра[91]. Однако вряд ли его деятельность можно связать с кухней хана. У крымских ханов были и другие слуги, доставлявшие в Крым охотничьих птиц и другие товары. Поэтому можно думать, что соколиная охота все же не была основным занятием семейства Бакшеиша. Его представители выполняли и куда более важные посольские поручения. Так, в 1503 г. Менгли-Гирей предлагал Ивану III расспросить Бакшеиша по важному делу[92]. В августе 1516 г. некий Алди-Яр (вероятно, сын Бакшеиша) был гонцом к Сигизмунду I[93]. В апреле 1521 г. у Сигизмунда I находился гонец Мухаммед-Гирея Илеман[94].

Само взимание дани с русских земель для Крымской Орды было важным государственным делом. Об этом свидетельствует и оформление ярлыков-посланий об одоевском ясаке. Несмотря на то, что они дошли до нас лишь в переводных копиях, в их текстах сохранились сведения об удостоверявших их знаках. Четыре из семи ярлыков 1498, 1508, 1515, 1519 гг. были скреплены «синим нишаном». Из них три 1508, 1515, 1519 гг. также были запечатаны «жиковиной». Три других 1518, 1529, 1531 гг. были запечатаны только «жиковиной» (Табл. 1).

---

[85] *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 47.

[86] СИРИО. Т. 41. С. 502.

[87] СИРИО. Т. 41. С. 270.

[88] Упомянутый под 1515 г. Девлет-Чар (или Давлет-Яр) назван «молодым человеком» (СИРИО. Т. 95. С. 117, 156). Однако у Девлет-Яра Бакшеишевича к 1518 г. был сын Илеман, способный самостоятельно отправиться в далекую поездку в Москву (СИРИО. Т. 95. С. 522). Поэтому в 1515 г. Девлет-Яр Бакшеишевич был уже не молодым. Под 1508 г. в посольских книгах упомянут князь Девлет-Яр, который, видимо, тоже не имеет отношения к семейству Бакшеиша (СИРИО. Т. 95. С. 33).

[89] СИРИО. Т. 95. С. 522.

[90] СИРИО. Т. 95. С. 637—638.

[91] СИРИО. Т. 41. С. 476.

[92] СИРИО. Т. 41. С. 475.

[93] LM. Kn. 7. P. 346. № 182.1.

[94] LM. Kn. 7. P. 394. № 213.

Таблица 1. Удостоверительные знаки крымских ханов на ярлыках об одоевском ясаке

Год составления ярлыка	Синий нишан	Жиковина
1498	+	—
1508	+	+
1515	+	+
1518	—	+
1519	+	+
1529	—	+
1531	—	+

М.А. Усманов пришел к выводу, что в золотоордынской, а затем и в крымской традиции большие квадратные печати (нишаны) золотого и синего цветов прилагались к наиболее важным документам государственного значения[95]. Жиковина представляла собой небольшую перстневую печать миндалевидной формы и оставляла оттиск белых букв на черном фоне. Печать такой формы имели только джучиды[96]. Поскольку представители семейства Бакшеиша служили при дворе крымских ханов и пользовались их особым расположением, то на выданных им ярлыках устойчиво появляется личная перстневая печать хана. Из удостоверения ярлыков 1498—1519 гг. выпадает только ярлык 1518 г., что, видимо, было связано с исключительными обстоятельствами: когда погиб дарага Девлет-Яр, сменивший его брат Алди-Яр не смог поехать в Москву, а поехал племянник Алди-Яра (сын Девлет-Яра). Статус посланника за одоевским ясаком оказался ниже предыдущих, и выданная ему грамота не была удостоена синего нишана. Удостоверения Саадет-Гирея 1529 и 1531 гг. уже явно не придавали аналогичным ярлыкам-посланиям государственного значения, а предполагали лишь личную просьбу хана. Примечательно, что Саадет-Гирей уже не настаивал на выплате ханской доли в тысячу алтын, которая к тому времени, по всей видимости, ушла в прошлое. Он просил выплатить его слугам лишь их долю, называя ее «пожалованием» московского государя. Чтобы не нарушать мир, Василий III был вынужден идти на уступки и платить слугам хана одоевскую дань в тысячу алтын московскими деньгами. В контексте иных «поминков», направлявшихся Василием III в Крым, одоевский «взимок» уже можно рассматривать не в качестве обязательной дани, а в качестве части средств, предназначенных для замирения ордынцев.

К сожалению, далеко не все посольские книги о дипломатических сношениях Москвы с Крымом опубликованы. Архивные книги 123 фонда РГАДА, начиная с 6-ой и далее, еще и не достаточно изучены. В этой связи можно думать, что в них могут содержаться еще невыявленные документы об одоевском ясаке. В этой связи мы не можем ответить на вопрос: когда притязания Крыма на одоевский ясак были прекращены окончательно? Тем не менее, публикуемые здесь ярлыки Саадет-Гирея являются важнейшим дополнением к шести

[95] *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV-XVI вв. Казань, 1979. С. 173—175.

[96] *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV-XVI вв. С. 140—142, 170.

известным ранее документам. Они помогают приоткрыть завесу прошлого над историей Новосильско-Одоевского княжества и одновременно освещают этап постепенного освобождения «одоевских городов» от ордынской зависимости.

Приложение

Публикация документов об одоевском ясаке

В публикации приняты следующие правила. Текст разделен на слова, предложения и абзацы, введена современная система пунктуации. Знаки в виде точки посередине строки не отмечаются. Имена собственные начинаются с большой буквы. Пропущенные буквы в сокращенных словах вносятся в строку и заключаются в круглые скобки. Выносные буквы печатаются курсивом. Буквы, отсутствующие в современном алфавите, заменены на соответствующие им современные буквы, за исключением буквы «і». Буквы, обозначающие числа и цифры, заменены на современные цифры. В начале строки ставится знак |. В начале листа и оборота листа ставится его номер, заключенный в квадратные скобки.

№1.

Около июля-августа 1498 г.
Ярлык крымского хана Менгли-Гирея
великому князю московскому Ивану III

| [л. 293] Менли-Гиреево слово. Великому кн(я)зю Ивану, брату моем*у*, | много покло*н*. И*з* старины одое*в*ски*х* городо*в* кн(я)зи, по стари | не к на*м*, что давали ясаку тысячю а*л*ты*н*, а дарагамъ | другую тысячю а*л*ты*н* давали, по тои по*ш*лине да | рагу и*х* Ба*х*шеиша посла*л* есми. Ка*к* сесь писа*н* ясакъ | н(а)шъ две тысячи а*л*ты*н* пошлину н(а)шу бе*з*убыто*ч*но | и дати на*м* не похотя*т*, и ты бы взя*в* на ни*х*, да да*л*. Мои*м* | здоро*в*(і)емъ и твои*м*, брата мое*г*(о), здоровіе*м* хоти*м* свыше | учинити дело свое. А одое*в*ски*х* кн(я)зеи, Ива*н* в голо | ва*х*, и лю*ди* его учну*т* лычити, самъ свое крепкое сло | во мо*л*ви*в*, спо*л*на, что сеи писано, Ба*х*шеишу взя*в* | ши, вели*ш*(ь) о*т*дати, бра*т*ство твое ведае*т*. Мо*л*вя, | съ сини*м* нишано*м* ярлы*к* посла*л* есми.

РГАДА, фонд 123 «Сношения России с Крымом», оп. 1, кн. 1, л. 293. Грамота ранее публиковалась: СИРИО. Т. 41. №58. С. 269.

Примечание: А. Л. Хорошкевич датировала ярлык 9 июля 1498 г. на основании ярлыка Менгли-Гирея об отправке крымских послов Казимира и Хозяша, с которыми в Москву прибыл и Бакшеиш: 9 июля, суббота, 903 г. х. (в дате число не совпадает с днем недели)[97]. Грамота об одоевском ясаке, как и многие другие из этого посольства, не имеет даты. Среди дел посольства есть грамота, датированная 23 августа, суббота, 903 г. х. (в дате число не совпадает с днем недели, а 903 г. х. заканчивался 18 августа 1498 г.)[98].

№2.

Не позднее начала апреля 1500 г.
Ответ великого князя московского Ивана III крымскому хану Менгли-Гирею

Заголовок в посольской книге: [л. 42] А се мо*л*вити ц(а)рю
кн(я)зю Ивану опосле все*х* де*л*

| Кня*з*(ь) велики веле*л* тебе говорити: писа*л* еси к на*м* | въ своеи грамоте съ свои*м* ч(е)л(ове)к(о)мъ с Бакшеише*м* | о Одоевски*х* кн(я)зе*х*: что которую тебе по | дать давали, и они бы тебе и н(ы)не по тому же | ту пода*т*(ь) давали. Ино одое*в*ски*х* кн(я)зеи бо*л*ши*х* | не

---

[97] *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. С. 235; СИРИО. Т. 41. С. 263.
[98] СИРИО. Т. 41. С. 270.

стало, а о*т*чина и*х* пуста. А иные кн(я)зи одое*в* | скіе[99] намъ служа*т*, наши слуги, мы | и*х* корми*м* и жалуе*м* и*х* свои*м* жалованіемъ. А ины*х* || [л. 42 об.] кн(я)зеи одое*в*ски*х* жере*б*(ь)и за нами. И что тебе дава | ли и твоему ч(е)л(ове)ку, ино и*х я*з же темъ жаловалъ, | а имъ нечего давати, о*т*чина и*х* пуста. А и н(ы)не | твоего ч(е)л(ове)ка я*з* же пожалова*л*, а и*м* нечего дава | ти. И ты бы одоевски*м* кн(я)з(е)мъ впере*д* свою пош | лину о*т*ложи*л*, да и дара*г* бы еси и*х* к ни*м* не посыла*л* | по свою пошлину, меня деля.

РГАДА, фонд 123 «Сношения России с Крымом», оп. 1, кн. 2, л. 42 — 42 об. Грамота ранее публиковалась: СИРИО. Т. 41. №64. С. 306.

Примечание: В грамоте содержится ответ Ивана III на послание Менгли-Гирея, направленное в Москву еще в 1498 г. вместе с послами Казимиром и Хозяшем. Крымские послы были задержаны и находились в Москве еще в октябре 1499 г., когда туда прибыл посол Ази-Халиль, через которого Менгли-Гирей просил отпустить всех его послов в Крым[100]. Грамота не имеет даты. Направлена в Крым вместе с посольством князя Ивана Семеновича Кубенского, которое переправилось через Угру 24 апреля 1500 г.[101]

№3.

Накануне сентября 1508 г.
Ярлык хана Менгли-Гирея великому князю московскому Василию III

Заголовок в посольской книге: [л. 10 об.] А се ц(а)р(е)ва ж грамота

| Мен-Гиреево ц(а)р(е)во слово. Великому кн(я)зю Васи*л*(и)ю, братоу | моему, слово н(а)ше то. В сяков же го*д* писа*л* есми к тебе | в свое*м* ярлыке з Бакшаише*м*: которые н(а)ши городовые по | минки, да и Бакшаишу, которое ему иде*т* езду, то еси | къ на*м* присла*л*. А и*з* старины при велико*м* кн(я)зе Іване, по тому *ж* | с одоевски*х* кн(я)зеи, которые посылали к на*м* н(а)ши поминки, | и тому Бакшаишу что на по*до*вши шло[102], посыла*л* та*м*, да | взявши тамо, да з Бакшаишо*м* к на*м* посыла*л*. И ты бы | н(ы)н(е)ча, бра*т* мои, по старине, что на*м* иде*т* с Одоева, без ущерба, | собравши сполна, присла*л* к на*м* с наши*м* ч(е)л(ове)ко*м* з Бакшаишо*м*. | А и в сяко*в* же го*д* сполна не дали, не по тому прислали. И | н(ы)не бы по старине, собравъ бы еси, да *з* Бакшеишо*м* к на*м* при || [л. 11] сла*л* еси. Да сколко на*м*, собравъ с Одоева, пошлешь з Бакшаишо*м*, | и ты бы то написа*л* на списо*к*, да то*т* списо*к* к на*м* прислалъ | с свои*м* посло*м*, которои к на*м* с Магме*д*шою поиде*т*. А Бакшаишо | во, коне*м* его и ему, кормъ с Одоевски*х* волостеи. Та*к* ведая, | чтобы еси ему и коне*м* его кормъ дава*л* досыти. Молвя, жи | ковиною запечата*в*, [с] сини*м* нишано*м* ярлы*к* посла*л* есми.

РГАДА, фонд 123 «Сношения России с Крымом», оп. 1, кн. 3, л. 10 об. — 11. Грамота ранее публиковалась: Малиновский А. [Ф.] Историческое и дипломатическое собрание дел… С. 392. №22; СИРИО. Т. 95. №2. С. 29.

---

99 Здесь в рукописи слово «одое*в*скіе» повторено, а затем зачеркнуто.

100 СИРИО. Т. 41. С. 288.

101 СИРИО. Т. 41. С. 313—314.

102 Так в рукописи. Если здесь погрешность копииста, не разобравшего оригинальный текст, возможно, следует читать «на подати шло». Слово «подать» иначе «пошлина» употребляется в письме Ивана III 1500 г.

Основание для датировки: Грамота не имеет даты. В посольских делах находится среди ярлыков хана Менгли-Гирея, составленных к началу сентября 1508 г. Прибыла в Москву с послом Магомедшой 27 октября того же года[103].

№4.

Июль 1515 г. (921 г. х.)

Ярлык хана Мухаммед-Гирея великому князю московскому Василию III

Заголовок в посольской книге: [л. 30] А се грамота о одое*в*скомъ ясаку Ма*г*ме*д*-Гире | ева ц(а)рева сь его посломъ сь Янчурою:

|| [л. 30 об.] Великіе Орды велико*г*(о) ц(а)ря Мегме*д*-Гиреево ц(а)ре | во слово. Брату моему великому кн(я)зю Ва | си*л*(и)ю Івановичю. Слово н(а)ше то: Бакше | ишева с(ы)на Девле*т*-Яра, по о*т*ца своего по жалованію, | ка*к* его о*т*(е)цъ н(а)шъ пожалова*л*, и *яз* его пожалова*л* *одо* | евскою пошлиною. А и напере*д* того Девле*т*-Я*р* | на о*т*ца н*а*шего и на н(а)ше дело е*з*дилъ, и *з*де бы | бы*л* у на*с*. И мы бы з бо*л*шимъ с свои*м* посло*м* послали | к тебе. При о*т*це н(а)ше*м*, которую ему пошлину | с Одоева давали, и ты *б* и н(ы)не ему веле*л* ту | пошлину давати. Мо*л*вя, к тебе, к брату | своему, сю грамоту посла*л* есми, да и слово*м* есми к тебе Янчуре дувану наказа*л* говорити. | Мо*л*вя, съ сини*м* нишаномъ, жиковиною запеча | тав, грамоту посла*л* есми, лета девя*т*со*т*, | дватца*т*(ь) перваго, іюл(я) м(е)*с*(я)ца.

РГАДА, фонд 123 «Сношения России с Крымом», оп. 1, кн. 4, л. 30 — 30 об. Грамота ранее публиковалась: СИРИО. Т. 95. №10. С. 158.

Примечание: Грамота прибыла в Москву 31 августа 1515 г. с послом Янчурой дуваном[104].

№5.

Около июля 1518 г.

Ярлык хана Мухаммед-Гирея великому князю московскому Василию III

Заголовок в посольской книге: [л. 155 об.] А се третіа грамота ц(а)р(е)ва к великому кн(я)зю с Кудааро*м* же:

| Великіе Орды велико*г*(о) ц(а)ря о*т* Мегме*д*-Ги | реа ц(а)ря, брату моему великому кн(я)зю Васил(и)ю Ивановичу, мно*г*(о), мно*г*(о) покло*н*. Слово | н(а)ше то. Изначала къ брату к своему | к тебе о добре коли пошле*м* бо*л*ше*г*(о) свое*г*(о) | посла, и мы завсе к тебе покойника Де | вле*т*-Ара посылали. И н(ы)не Девле*т*-Ара дьа | во*л*ски*м* навоженіе*м* ч(е)л(ове)къ е*г*(о) поколо*л*. А бра*т* у не*г*(о) меншеи есть, и о*н* с те*м*, которои у не*г*(о) | брата уби*л*, той крови для н(а)ше*г*(о) двора || [л. 156] береже*т*, и о*н* за те*м* не поше*л* к тебе. И мы | брата е*г*(о) бо*л*шо*г*(о) с(ы)на к тебе послали. И ты б | оди*н* белои ястре*б* присла*л* к на*м* с те*м* с н(а)ши*м* | паро*б*ко*м* с Ылемано*м*, которои к тебе сю н(а)шу | грамоту привезе*т*. Да пожалова*л* бы еси, | одое*в*скои годовои взимо*к* присла*л*, ка*к* еси | напере*д* то*г*(о) присылыва*л*. Мо*л*вя, жиковиною | запечата*в*, грамоту посла*л* есми.

РГАДА, фонд 123 «Сношения России с Крымом», оп. 1, кн. 5, л. 155 об. — 156. Грамота ранее публиковалась: СИРИО. Т. 95. №30. С. 522.

---

103 СИРИО. Т. 95. С. 19.

104 СИРИО. Т. 95. С. 151.

Примечание: Грамота не имеет даты. Послана вместе с посольством Кураяра, выехавшим из Крыма в конце июля 1518 г. и прибывшим ко двору Василия III 24 августа 1518 г. [105]

№6.

Конец января 1519 г. (925 г. х.)
Ярлык хана Мухаммед-Гирея великому князю московскому Василию III

Заголовок в посольской книге: [л. 324] А се грамота семая ц(а)р(е)ва о одое*в*ско*м* ясаке:

| Великiе Орды велико*г*(о) ц(а)ря Мегме*д*-Гиреево | ц(а)р(е)во слово великому кн(я)зю Васи*л*(и)ю Иванови | чю, брату моему. Слово н(а)ше то. Беднои Ба | кшеише*в* с(ы)нъ Девле*т*-Яръ на Бо*ж*(ь)ю волю поше*л*. || [л. 324 об.] И мы пожаловали, н(ы)не сю грамоту взя*в*, поше*л* бра*т* | его меншеи Алди-*Я*р тою пошлиною его. И н(ы)не | у тебя у брата моего проше*н*(и)е мое то. Что | бедному Девле*т*-Яру шло твое жалова*н*(и)е, то | бы еси пожалова*л*, тому н(ы)не веле*л* дати, за*н*(е)же | мои да и твои, брата моего, холопъ и слуга. | И ты *б* сего моего слова инаково не учини*л*, дру*ж*бе | и бра*т*стве примета то. Да о се*м* же деле | и слово*м* есми тебе наказа*л* говорити болше | му своему послу Апаку кн(я)зю, та*к* бы еси, ведая, | вери*л*. Мо*л*вя, з жикови*н*ною печа(ть)ю с синимъ | нишано*м* грамоту посла*л* ес(м)и. Ле*т*(а) 925 ге*н*ва | ря м(е)*с*(я)ца в ысходе. Писа*н* в Кы*р*коре.

РГАДА, фонд 123 «Сношения России с Крымом», оп. 1, кн. 5, л. 324 — 324 об. Грамота ранее публиковалась: СИРИО. Т. 95. №36. С. 638.

Примечание: Грамота прибыла в Москву к концу марта 1519 г. с послом князем Апаком [106].

№7.

Декабрь 1529 г. (936 г. х.)
Ярлык хана Саадет-Гирея великому князю московскому Василию III

Заголовок в посольской книге: [л. 276] А се грамота ц(а)р(е)ва ж че*т*вертая:

| Великие Орды велика*г*(о) ц(а)ря силы нахо*д*ца Сааде*т*- || [л. 276 об.] Гиреево ц(а)рево слово. Брату моему великому кн(я)зю | Васи*л*(и)ю Ивановичу заповеди ц(а)ря ц(а)ре*м* слово то. | О*т* начала напере*д* на покойнико*в* ц(а)рей, ц(а)ря о*т*ца н(а)шего | и ц(а)ря дяди н(а)ше*г*(о), въ упокойниковы*х* лета, да еще | и в великаго ц(а)ря деда н(а)ше*г*(о) въ Ази-Гиреевы ц(а)ревы, | его же сарая пребыва*н*(и)е в раю имеетца, времена, | старому нашему слузе Ба*к*шеишу, и его детемъ | на всякои го*д* со всяки*м* бо*л*ши*м* посло*м*, к Рязани которые | городы тяну*т*, с Одоева города тысяча а*л*ты*н* | моско*в*скими деньгами жалова*н*(и)я твоего и*м* шло. | И н(ы)не Ба*к*шаишо*в* с(ы)нъ Алдыя*р* у меня во *д*воре жи | ве*т*. И ты *б* н(ы)нешнево году свое жалова*н*(и)е | ту тысячу а*л*ты*н* своего жалова*н*(и)я да*л*, а мы ся | печалуе*м*. А н(ы)не к тобе к брату моему поеха*л* бра*т* его Нанъ и даи б(ож)е доеха*л*, а ты б его не изде | ржа*л*, отпусти*л*. И с Одоева з города то бы еси | взимо*к* веле*л* ему дати, да ко мне еси его | отпусти*л*.

[105] СИРИО. Т. 95. С. 513.
[106] СИРИО. Т. 95. С. 658.

Изначала то*т* взимо*к* бы*л* твое жалова*н*(и)е, | инако *б* еси не мо*л*ви*л*. Мо*л*вя, Алдыяра брата На | на к тобе посла*л*. Жиковиною грамоту запе | чата*в*, ле*т*(а) девя*т*со*т* три*д*ца*т*(ь) шестаго дека*б*ря м(еся)ца. Писана в Кы*р*коре.

РГАДА, фонд 123 «Сношения России с Крымом», оп. 1, кн. 6, л. 276 — 276 об. Грамота впервые упомянута А.Ф. Малиновским, затем использовалась В.Е. Сыроечковским, ранее не публиковалась.

Примечание: Грамота прибыла в Москву 16 июня 1530 г. с послом Ахмет-Уланом.

№8.

Конец 1531 г.

Ярлык хана Саадет-Гирея великому князю московскому Василию III

Заголовок в посольской книге: [л. 370] А се грамота ц(а)р(е)ва ж о одое*в*ско*м* ясаке:

| Великие Орды велико*г*(о) ц(а)ря Саади*т*-Гиреево ц(а)р(е)во | слово. Брату моему великому кн(я)зю Васи*л*(и)ю Івано || [л. 370 об.] вичу всеа Русiи запове*д*ншие слово то. Напере*д* | сего при о*т*це н(а)ше*м* Кара-Ба*к*шаишу одое*в*скои взимо*к* на всякой го*д* по тысячи а*л*ты*н* дене*г* жалова*н*(и)е | твое было. И после того в Магмет-Гиреевы ц(а)р(е)вы лета, которой человекъ у тобя был о том, и ты де | дав, о*т*пусти*л* еси. И н(ы)не в мои, брата тво*ег*(о) леты, | по тому же обычею жалова*л* еси то*т* взимо*к* | тысячю а*л*ты*н*. Которои (к) тобе поеха*л* о ни*х* бити | чело*м*, тому бы еси да*л*, о*т*пусти*л*. Издавна то | та*к* твое жалова*н*(и)е, инако бъ еси не учини*л*. | Мо*л*вя, жиковиною запечата*в*, грамоту посла*л* | есми. Кара-Ба*кша*ишеву с(ы)ну, слузе своему, А*лд*i-Яро | ву брату, сею дорогою то*т* взимо*к* да*л* бы еси.

РГАДА, фонд 123 «Сношения России с Крымом», оп. 1, кн. 6, л. 370 — 370 об. Грамота использовалась В. Е. Сыроечковским, ранее не публиковалась.

Примечание: Грамота не имеет даты. Прибыла в Москву в начале апреля 1532 г. с послом Авельшихом.

Р.А. Беспалов

Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака

В статье исследуются документы конца XV — первой трети XVI вв. о сношении крымских ханов с великими московскими князьями по поводу выплаты дани с «одоевских городов». Эти выплаты являлась пережитком самостоятельных отношений князей новосильского дома с Крымским ханством, которые существовали до конца XV в. Затем, после вхождения Новосильско-Одоевского княжества в состав Русского государства, великие московские князья еще некоторое время были вынуждены выплачивать одоевский ясак крымским ханам.

Ключевые слова: Восточная Европа, XV век, XVI век, Крымское ханство, Великое княжество Московское, Новосильско-Одоевское княжество, ярлыки крымских ханов, ясак.

R.A. Bespalov

Documents about relations between the Crimean Khanate and Moscow over Odoyev's tribute

The article examines the documents of the late 15th — the first third of the 16th centuries about relations between the Crimean khans and the Grand Dukes of Moscow about paying tribute from "Odoyev's cities". These payments were a relic of independent relations of the princes of the Novosil House with the Crimean Khanate, which existed until the end of the 15th century. Later on, when the Novosil-Odoyev principality became a part of the Russian state, the Grand Dukes of Moscow were forced to pay Odoyev's tribute to the Crimean khans for some time.

Keywords: Eastern Europe, 15th century, 16th century, Crimean Khanate, Grand Duchy of Moscow, Novosil-Odoyev principality, yarliqs Crimean khans, tribute.

УДК 94(47).04:930.272

Я.Г. Солодкин

РУССКО-КРЫМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII ВЕКОВ В ИЗОБРАЖЕНИИ НОВОГО ЛЕТОПИСЦА (К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИСТОЧНИКОВ ПАМЯТНИКА)[1]

В Новом летописце старшей редакции (далее — НЛ) — крупнейшем памятнике официального летописания времени «первого Романова» — в отличие от созданных накануне и синхронных ему произведений такого жанра, в частности, Соловецкого, Поволжского, Пискаревского летописцев, наблюдается устойчивый интерес к истории отношений России и Крымского ханства, особенно за периоды царствований Федора Ивановича и его «премудрого» шурина Бориса. О военном противостоянии либо мирных контактах двух этих стран речь идет (прямо или мимоходом) в 16 статьях самого обширного нарративного сочинения, посвященного перипетиям отечественной истории 1580-х — 1620-х гг.

В работах Л.В. Черепнина, Л.Е. Морозовой, В.Г. Вовиной-Лебедевой и ряда других исследователей очерчен широкой круг повествовательных, документальных и устных источников десятков статей НЛ. При этом интересующие нас рассказы и заметки почти не принимались во внимание. Постараемся выяснить источники отведенных русско-крымским отношениям статей «Летописца … о нашествии Литвы на Московское государство и о раззорении градов»[2], что представляется немаловажным для решения спорных вопросов происхождения одного из крупнейших памятников русской книжной культуры XVII в.

Две из соответствующих статей — 15-я и 24-я, хотя и разделены в летописном повествовании, обнаруживают тесную сюжетную связь и стилистическое единство. Здесь читаем о выезде в Россию крымского царевича Малат-Кирея (точнее, Мурад-Гирея) «съ снохою да и съ племянникомъ»[3] и многими другими татарами. Щедро пожалованный «святоцарем» Федором, Мурад-Гирей в сопровождении воевод князя Ф.М. Троекурова и И.М. Пушкина был направлен в Астрахань, где «многую службу ко государю показал», подчинив ему «бусурманские языки[4]. Видя это, — продолжает летописец, — «бусурманы … прислаша ис Крыму и ис Казыева улуса ведунов и его (царевича. — Я. С.) испортили». Лекарь Арап (вероятно, араб), найденный воеводой Ф.М. Троекуровым, заявил о необходимости отыскать ведунов, дабы помочь царевичу, тех «переимали», начался розыск,

---

[1] Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

[2] Так определяется НЛ в одном из списков. См.: *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 84.

[3] Его звали Кумак-Гиреем. См.: Разрядная книга 1550—1636 гг. (далее — РК). М., 1976. Т. 2. Вып. 1. С. 48—50, 66—67.

[4] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1965. Т. 14. С. 37. Следом ссылки на НЛ приводятся в тексте статьи с указанием страниц. О выезде крымского царевича «со многими мурзы и тотары» «на государево имя», причем вначале в Астрахань, а потом в Москву, сообщается и в Соловецком летописце одной из ранних редакций. См.: *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники (далее — ЛХ): 1980 г. М., 1981. С. 240.

во время которого «царевичи оба и царицы и с ними татаровя многие и татарки все померли». Из Москвы в Астрахань был послан О.М. Пушкин, чтобы пытать и сжечь виновных (сделавший это «своим мастерством» Арап был пожалован), признавшихся в том, как «портили» Мурад-Гирея и его близких — «пили изъ нихъ сонныхъ кровь»; «царевичевыхъ татаръ досталныхъ велелъ государь перевести къ Москве и устроити по городомъ поместьями и кормами» (39—40).

По наблюдению Л.Е. Морозовой, в НЛ в отличие от «разрядов» говорится об отъезде Мурад-Гирея в Астрахань с Ф.М. Троекуровым и И.М. Пушкиным, а не думным дворянином Р.М. Пивовым и М. Бурцовым[5]. Известно, что крымский царевич был «отпущен» в Астрахань летом 1586 г., через год после прибытия в Москву, тогда как Ф.М. Троекуров в 1586 и 1587 гг. возглавлял посольства в Речь Посполитую и являлся судьей Ямского приказа, а назначение в город, где по распоряжению русского правительства оказался один из ханских сыновей, получил в апреле следующего года[6].

В начале второй четверти XVII в. в Посольском приказе хранился наказ Ф.М. Троекурову, Р.М. Пивову и М. Бурцову относительно Мурад-Гирея[7]. Видимо, располагая этим документом или выпиской из него, создатель НЛ рассудил, что крымского царевича сопровождал в Астрахань ее новый воевода. Анонимный книжник мог прийти к такому заключению и потому, что Ф.М. Троекуров находился в Астрахани в пору смерти Мурад-Гирея[8]. Рассказ же о кончине этого царевича и его родственников, вопреки мнению Л.Е. Морозовой[9], нельзя считать легендарным, в основу данной статьи НЛ лег документальный материал, в частности, следственное дело о смерти крымских царевичей, хотя «списатель» опять-таки допустил ряд неточностей. К примеру, вдова Мурад-Гирея Ертучан (Ертуган) была жива еще в 1602 г., спустя десятилетие с лишним после смерти мужа[10].

Согласно НЛ, когда на Москву «со многими ордами» и турками двинулся Казы-Гирей, русские воеводы, не сумев остановить его в южных уездах, «укрепив по городом осады», отступили к столице и расположились в «обозе»; хан, разбив ставку в Коломенском, «воевал» окрестности «царствующего града», «погании топтаху московских людей и до обозу», но мало русских «бьюще». Когда же Казы-Гирей узнал от пленных о подходе рати новгородской «и иных государств московских», которая «сее нощи» собиралась двинуться

---

[5] *Морозова Л.Е.* Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000. С. 375.

[6] См.: *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 54; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 140—144, 146, 275. Прим. 119; С. 285. Прим. 45; *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 89, 92, 215, и др.

[7] См.: Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 316. Ср.: С. 282, 336.

[8] Кстати, в так называемом Московском летописце второй четверти XVII в. есть «роспись» отправленных в Астрахань администраторов, включая Ф. М. Троекурова, с упоминанием о «дядьках» Мурад-Гирея (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 233). Возможно, «слогателю» НЛ был известен подобный же документ, где говорилось про И.М. Пушкина.

[9] См.: *Морозова Л.Е.* Смутное время в России (конец XVI — начало XVII в.). М., 1990. С. 57; *она же.* Смута … С. 375.

[10] *Солодкин Я.Г.* Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. Нижневартовск, 2008. С. 154; *он же.* «Межуусобная кровь пролилась»: Очерки по истории публицистики и летописания в России конца XVI — первой трети XVII вв. Нижневартовск, 2011. С. 155 — 156, 170. Прим. 67. Мурад-Гирей предположительно умер весной 1591 г. (*Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения в 1570—1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2010. Вып. 2. С. 274, 296, 297, и др.).

на крымцев, хан бежал, «коши пометав», его не могли догнать и «скорые полки», а «украинные» города он «обежаше» (42—43). Этот рассказ, отчасти перекликающийся со свидетельствами других летописцев, отразил воспоминания участников событий лета 1591 г.[11] С точки зрения В.И. Корецкого, в глазах анонимного «слогателя» татар отогнала от Москвы святая молитва царя Федора. Но исследователь сам процитировал летописное сообщение о том, что пленные известили хана о подошедших к русской столице подкреплениях[12], и в испуге тот спешно бежал.

«О приходе крымских царевичев на Украйну» повествуется в небольшой статье НЛ, причем его создатель, довольно равнодушный к хронологии[13], умалчивает про то, когда татары «безвестно» (т. е. внезапно, застав русских врасплох) напали на рязанские, каширские и тульские «места», где сожгли села и деревни, перебили немало жителей, взяли «полону много множество» — дворян и детей боярских с женами и детьми, крестьян[14]. Выразительная концовка статьи — «яко и старые люди не помнят такие войны от поганых» (45) — наводит на мысль, что летописец запечатлел устную традицию, тогда как перечень уездов, подвергшихся нападению, скорее всего имеет документальную основу[15]. При этом в НЛ не говорится о сожжении царевичами Фети-Гиреем и Бахты-Гиреем в мае 1592 г. крепости в Епифани и осаде крымцами восстановленного лишь накануне Ельца[16].

Следом в небольшой статье сообщается о «поставлении украйных градов» — Белгорода, Оскола, Валуек, а прежде Воронежа, Ливен, Курска, Кром для предотвращения татарских набегов (45, ср. 55). Курск, впрочем, был возрожден почти одновременно с возведением стен и башен Белгорода и Оскола (в 1596 г.), а Валуйки основаны уже в начале царствования Бориса Годунова (в 1599 г.)[17]. Представляется, что летописец пользовался выпиской из какого-то приказного дела о строительстве городов на «крымской украйне»[18].

В НЛ упоминается и о «присылке крымским ханом» послов в Москву (они присоединились к возвращавшемуся из Турции русскому посланнику Д. Исленьеву) «с советными грамоты … и учинися с ним, государем, в братстве, в совете и в дружбе» (48). (Д. Исленьев, отправившийся в Османскую империю в июле 1594 г., находился в ее столице еще

[11] *Солодкин Я.Г.* Русские летописцы первой трети XVII века о крымском нашествии 1591 г. на Москву // Россия и исламский мир: история и перспектива межцивилизационного взаимодействия: Международ. научно-практ. конф., посвященная 120-летию Карима Хакимова: 24—26 марта 2011 года: Сб. ст. и мат-лов. Уфа, 2011. С. 171 — 172.

[12] *Корецкий В.И.* История русского летописания … С. 212—213.

[13] Там же. С. 137.

[14] Ср.: *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. // ЛХ: 1984 г. М., 1984. С. 216.

[15] *Солодкин Я.Г.* Очерки … С. 152; *он же.* «Межуусобная кровь пролилась» … С. 141, 144.

[16] См. об этом: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений … С. 183; *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 216—217; *Глазьев В.Н., Тропин Н.А.* Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592—1594 годах как исторический источник // Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592—1594 годах. Елец, 2001. С. 8.

[17] См., напр.: *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 24—25, 44, 45; *Солодкин Я.Г.* К истории основания первых русских городов на Поле // Владимир Загоровский: к 80-летию со дня рождения: Мат-лы научных чтений. Воронеж, 2006. С. 34, 35.

[18] Подобная «Выписка» «в Разряде о построении новых городов и черты» известна за 1681 г. См.: *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 24—25.

три года спустя[19]. Известно, что в конце царствования Федора Ивановича в Крым послали гонца И. Бунакова[20]). Приведенное известие, видимо, основано на посольской документации[21].

В 54-й статье НЛ сказано о псковском море, а затем сообщается о вторжении татар в мещовские, козельские, воротынские и перемышльские «места»; посланный для их защиты М.А. Безнин, выступив из Калуги, разгромил крымцев на реке Выйсе и «языки многие поима» (48). По наблюдениям В.И. Корецкого, эти события произошли не в середине 1590-х гг., как можно заключить, следуя НЛ, а десятилетием ранее, в мае 1584 г., причем в рассматриваемом памятнике искажены фамилия воеводы и название реки[22]. На взгляд В.Г. Вовиной-Лебедевой, летописец зафиксировал какое-то предание о напутствии Федором Ивановичем своего «дядьки» М.А. Безнина[23]. Сообщения же об уездах, которые подверглись нападению татар, и обстоятельствах их «побоя» находят параллели в «разрядах»[24].

60-я — 62-я статьи НЛ посвящены знаменитому Серпуховскому походу царя Бориса, состоявшемуся «после Велика дни» 1598 г. Оказывается, «в сход» к новому государю пришли «со всее земли», т. е страны, ратные люди под началом бояр и воевод. В Серпухов, однако, явился посланник Л. Лодыженский, сообщивший, что хан «учинился в миру (с Борисом Федоровичем. — Я. С.) и присла к нему послов своих». Их разместили по прибытии верстах в 7 от государева стана, на лугах у Оки, а ночью царь велел служилым людям беспрерывно стрелять, дабы запугать крымцев, что и случилось. В день памяти святых Петра и Павла (т. е. 29 июня) Борис Федорович принял посланцев хана, которые, видя «великое войско» (стрельцы стояли на расстоянии 7 верст, ратные ездили на конях), ужаснулись; пожалованные московским самодержцем, они были «отпущены» в Крым с русскими посланниками и щедрыми дарами (50, 51). В этом рассказе, подтверждаемым документально[25], ощутимы и впечатления очевидца; отзвук их сохранили строки, из которых мы узнаем о приеме в Серпухове дипломатов Казы-Гирея[26].

По утверждению летописца, посланный в Крым князь Ф. Барятинский «з гордости и едва мирново поставления не нарушил»; хан «писа на него (Барятинского. — Я. С.) к царю Борису», и князя постигла опала. Направленный следом к Казы-Гирею князь Г. Волконский вскоре сообщил московскому государю (тогда ходившему на богомолье к «Макарию Калязинскому»), что сумел подтвердить прежнее мирное соглашение, и был пожалован старинной вотчиной на реке Волконе (56)[27]. Еще Н.М. Карамзин заметил, что вопреки НЛ,

---

[19] См.: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 10. Стлб. 101, 108; Прим. 297, 299; *Савва В.И.* Посольский приказ в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. С. 257. Н.М. Карамзин неточно отнес данное летописное известие к 1595 г.

[20] См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. С. 9, 10; *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья … С. 223; Отдел рукописей Рос. Нац. Библиотеки. Собр. Соловецкого монастыря. № 852/962. Л. 268 об. — 269, 275 — 275 об., 276 об — 277.

[21] *Солодкин Я.Г.* «Межуусобная кровь пролилась» … С. 140—141.

[22] *Корецкий В.И.* История русского летописания … С. 79.

[23] *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец … С. 342—343.

[24] См.: *Солодкин Я.Г.* Очерки … С. 157.

[25] См., напр.: РК. Т. 2. Вып. 1. С. 157, 159; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений … С. 226, 227.

[26] Ср.: ПСРЛ. Т. 34. С. 201, 237; Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 57.

[27] В Пискаревском летописце мы читаем лишь о том, что в 1601/02 г. Борис Федорович с царицей «ходил в Колязин монастырь и нес раку к Макарью чюдотворцу» (ПСРЛ. Т. 34. С. 203).

Ф.П. Барятинский побывал в Крыму вслед за Г.К. Волконским[28]. Тем не менее подобно В.Г. Вовиной-Лебедевой можно думать, что летописец, близкий к официальным кругам, почерпнул данное известие от Г.К. Волконского[29], которому, как видим, изменила память. Вместе с тем укажем, что в начале царствования Михаила Федоровича в посольском архиве имелось «дело (1603/04 г. — Я. С.) крымское, доводное на князя Федора Борятинского»[30]. Нельзя исключать, что создатель НЛ, если не располагал этим документом, то знал о нем.

В статье «О посылках литовских» говорится про ответ «расстриги» на предложение дипломатов Сигизмунда III выступить вместе с войсками Речи Посполитой против хана: как заявил Лжедмитрий, он «со всею ратью на весну (1606 г. — Я. С.) готов, и посла на Украйну во град Елец с нарядом и со всякими запасы и рати повеле бытии всем готовым» (68). Это сообщение обнаруживает зависимость от «Истории вкратце» Авраамия Палицына[31].

Еще в одной статье «Летописца» «о взятии царства Сибирского и о Гришке Ростриге»[32], посвященной уже времени противостояния Москвы и Тушина, речь идет «о приходе на помочь крымских царевичев» Василию Ивановичу, который направил к ним в Серпуховский уезд бояр князей И.М. Воротынского и Б.М. Лыкова, а также окольничего А.В. Измайлова. Под Боровском, на реке Наре, татары вступили в бой с «Вором», и он едва «усиде в таборах», после чего мурзы вернулись к царевичам, остававшимся с боярами у Серпухова; потом крымцы двинулись за Оку, «сказаша, что изнелъ ихъ голодъ, стоять не мочно»; посланцы же царя Василия возвратились в Москву (98). Д.В. Лисейцев уточнил, что эти события произошли не в 1610 г., как следует из НЛ, а годом прежде[33]. Думается, летописец поведал о появлении крымцев в южнорусских уездах, дабы оказать помощь царю Василию, по воспоминаниям князя Б.М. Лыкова (входившего в конце 1620-х гг. в окружение Михаила Федоровича)[34], если не князя Г.К. Волконского, который направлялся к крымцам «з дары и речью» о скором прибытии к ним посланцев государя[35].

---

[28] *Карамзин Н.М.* История … Кн. 3. Т. 10. Прим. 36. О посольстве князя Г.К. Волконского в Крым летом 1601 г. см., напр.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4 (т. 7 — 8). С. 371—373. Князя Ф.П. Барятинского и дьяка Д.И. Бохина послали в Крым 26 ноября 1603 г. (Разрядная книга 1475—1605. М., 1994. Т. 4. Ч. 1. С. 76).

[29] *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец … С. 290, 293. О том, что князь Г.К. Волконский добился от хана принесения шерти, известно документально. См.: Акты времени правления царя Василия Шуйского (19 мая 1606 г. — 17 июля 1610 г.) / Собр. и редакт. А.М. Гневушев. М., 1914. С. 241, 245, 261, 263.

[30] Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960. С. 132. См. также: Акты времени Лжедимитрия I-го (1603—1606 гг.) / Под ред. Н.В. Рождественского // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1918. Кн. 1. С. 176.

[31] *Солодкин Я.Г.* «История» Авраамия Палицына в летописании XVII века // Проблемы истории культуры. Нижневартовск, 1997. С. 93. М.Ю. Зенченко, рассматривая дискуссионный вопрос о подготовке Лжедмитрием I похода на Крым, к НЛ не обращается (*Зенченко М.Ю.* Служилые корпорации в елецком восстании 1606 года // Мининские чтения: Тр. науч. конф. Нижний Новгород, 2007. С. 17—18, 20—21). В.Д. Назаров же называет данную статью НЛ среди тех, которые основаны на архивных документов приказов, прежде всего Посольского. См.: *Назаров В.Д.* «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I // ЛХ: 1973 г. М., 1974. С. 308.

[32] Так назвал НЛ один из переписчиков. См.: *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец … С. 135.

[33] Лисейцев Д. Русско-крымские отношения в эпоху Смуты//Россия XXI. 2000. № 1. С. 118; *он же.* Русско-крымские контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник: 2005: Тюркские народы России и Великой Степи. М., 2006. С. 270.

[34] Как не исключает В.Г. Вовина-Лебедева, со слов князя Б.М. Лыкова в НЛ рассказано о битве на Восме (*Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец … С. 297). Князь И.М. Воротынский же умер в январе 1627 г., и вряд

В статье о захвате Ливен и Ельца гетманом П. Конашевичем-Сагайдачным рассказывается о том, что в то время к хану были посланы С. Хрущов и подьячий С. Бредихин, а с ними полсотни «крымскихъ людей»; их черкасы взяли в плен, многих перебили под Ельцом, кроме того, казакам досталось «мяхкие казны на десять тысящь»; «пословъ же техъ рускихъ и крымскихъ вымениша подъ Москвою» (144). В.Г. Вовина-Лебедева полагает, что летописцу сообщил об этом кто-то из родственников С. Хрущова[36]. О том, что «взял его в полон Саадачной на Елце, как он, Степан, послан был на государеву службу в Рым (Крым. — Я. С.) послом», известно и благодаря одному недавно фрагментарно опубликованному документу[37]. Возможно, о пленении русских и крымских дипломатов, а также их скором освобождении летописец знал по выписке, составленной в стенах Посольского приказа.

К тому же источнику есть основания возвести и упоминание в НЛ о том, что в Кафе (т. е. Керчи) калга перебил отправленных к султану всех русских (И. Бегичева «с товарыщи»), да и турецких послов, а «казну всю государеву поимаше» (150). Это случилось в 1624 г.[38]

Стало быть, источниками почти всех весьма многочисленных статей НЛ об отношениях Московского государства и Крымского ханства могут считаться документальные материалы, прежде всего посольские, и воспоминания ряда близких к царскому двору лиц, если также не самого официального «историографа».

ли летописец прибегал к воспоминаниям этого знатного боярина, тем более что, видимо, приступил к созданию своей «книги» позднее.

[35] См.: *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 98—99, 188.

[36] *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец … С. 367.

[37] Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009. С. 519. Ср.: С. 121, 193 (Памятники истории Восточной Европы: Источники XV—XVII вв. Т. 8).

[38] См.: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. 2. С. 17—18 (Уч. зап. МГУ. Вып. 94).

Я.Г. Солодкин

Русско-крымские отношения конца XVI — начала XVII веков в изображении Нового летописца (к определению источников памятника)

С целью определения источников посвященных русско-крымским отношениям 1580-х — 1620-х гг. статей Нового летописца старшей редакции последние сопоставляются с другими известными нам документальными и нарративными памятниками того времени. Это произведение, в отличие от иных сочинений такого же жанра отмеченное устойчивым интересом к военному противостоянию или мирным контактам двух стран, позволяя судить об оценках двусторонних связей в окружении царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, почти во всех соответствующих статьях имеет документальную основу либо запечатлело устную традицию.

Ключевые слова: Новый летописец, источники, русско-крымские отношения, Федор Иванович, Борис Годунов, московская Смута, Казы-Гирей, крымские царевичи.

Ya.G. Solodkin

Russian-Crimean relations the end of XVI — the beginning of the XVII centuries in the image of the Novyiy letopisets (to definition of sources of a monument)

For the purpose of definition of the sources devoted to the Russian-Crimean relations of the 1580th — the 1620th of articles of the Novyiy letopisets of the senior edition the last are compared with other documentary and narrative monuments of that time known to us. This work unlike other compositions of the same genre noted by steady interest in military opposition or peaceful contacts of two countries, allowing to judge estimates of bilateral ties in an environment of the tsar Mikhail Fedorovich and the patriarch Philaret, almost in all relevant articles has a documentary basis or imprinted oral tradition.

Keywords: Novyiy letopisets, sources, Russian-Crimean relations, Fedor Ivanovich, Boris Godunov, Time of Troubles of Moscow, Kazy-Girey, Crimean tsarevitches.

УДК 904:726.8(477.7)

В.В. Агеев

ПОГРЕБЕНИЯ ГЕРАЕВ В АРХИТЕКТУРНОМ КОМПЛЕКСЕ МУРАД РЕЙСА[1]

Как известно, некоторые из крымских правителей, а также члены их семей нашли свое последнее упокоение на острове Родос, находящегося у юго-западного побережья Малой Азии. Став частью Османской империи в 1522 г., остров превратился в место ссылки для опальных представителей политической элиты: кроме крымских ханов на этот остров отправляли великих визирей, командующих османским флотом и других. В 1912 г. по итогам Итало-турецкой войны Родос был включен в состав Королевства Италии, а после Второй мировой войны передан Греческой Республике.

Господство турок—османов отразилось на архитектурном облике острова — на его территории возводились как отдельные памятники мусульманской культуры (мечети, фонтаны и пр.), так и целые архитектурные комплексы — кюллие. В одном из них — комплексе Мурад Рейса — расположены сохранившиеся до настоящего времени ханские погребения вместе с могилами других политических ссыльных. В состав этого комплекса входят мечеть, кладбище с мавзолеями, теккие, фонтаны, библиотека, а также дом сторожа при тюрбе[2] (рис. 1, 2). Кюллие находится в северо-восточной части города Родос, к северу от Старого Города, и ограничена с запада — ул. Николау Саввы, юга — ул. Георгиоса Папаниколау, востока — пл. Кондуриоти, севера — социальными объектами. Площадь комплекса — около 0,9 га. Его территория огорожена, вход расположен со стороны площади Кондуриоти. Несмотря на затянувшуюся реставрацию комплекса, сейчас его можно посетить свободно. Однако, вход в мечеть, некоторые тюрбе (в том числе и Гераев), библиотеку, теккие и в дом сторожа недоступен[3].

Кюллие названа в честь похороненного на ее территории знаменитого османского флотоводца Мурад Рейса (умер в 1018 г.х. (1609—10 г.)). Впоследствии его тюрбе стало объектом для паломничества[4]. Кладбище комплекса было одним из мест для погребения османской элиты — везирей, морских министров, пашей, вали, каймакамов, капудан-пашей, поэтов, литературоведов, ученых и муфтиев[5] (рис. 3). К настоящему времени сохранилось около 250 могил и 7 тюрбе[6]. Большинство объектов кюллие относится к XVII — началу XX вв.

На протяжении XX—XXI вв., в связи с геополитическими изменениями в регионе, комплекс пришел в плачевное состояние. Во время Итало-турецкой войны (1911—1912 гг.) пострадал минарет мечети[7]. После включения острова в состав Королевства Италии, часть

---

[1] За помощь, оказанную в создании публикации, автор, в первую очередь, выражает благодарность Аммару Ибрахимгилу (Анкара), а также А. Емельянову (Санкт-Петербург) и Д. Мадурову (Чебоксары).

[2] *İbrahimgil A.* Rodos, Murat Reis Külliyesi Belgelemesi ve Restorasyon Önerisi. Ankara, 2012 // Gazi Üniversitesi Açık Arşiv C.2 [Электронный ресурс] // http://acikarsiv.gazi.edu.tr/index.php?menu=2&secim=10&YayinBIK=8093.

[3] В связи с этим, возможности фотофиксации были ограничены.

[4] См., например, *Çelikkol Z.* Rodos'taki Türk Eserleri ve Tarihçe. Ankara, 1986. С. 30—34.

[5] *İbrahimgil A.* Rodos, Murat Reis Külliyesi… С. 31.

[6] Там же. С. 2.

[7] См., например, *İbrahimgil A.* Rodos, Murat Reis Külliyesi… С. 157.

территории кюллие была застроена[8]. В 1974 г. комплекс пострадал в ходе обострения Кипрского конфликта[9]. Также за последние сто лет было утрачено два мавзолея — тюрбе Трех женщин и тюрбе Мехмеда Шекип паши и его супруги Айше Ханым. Последнее, находясь в аварийном состоянии, несколько лет назад обвалилось. Проводившаяся ранее реконструкция комплекса в настоящее время заморожена[10].

Упоминание о кюллие Мурад Рейса мы находим уже у Эвлия Челяби, побывавшего на Родосе в 1671 году[11]. Однако активное изучение комплекса началось только после присоединения острова к Итальянскому Королевству. Одно из первых исследований, посвященное комплексу Мурад Рейса, упомянем вышедшую в 1934 г. работу Виталиса Струмзы[12]. В 40-е гг. XX в. были изданы две книги: Гермеса Балдуччи (в 1987 г. переиздана)[13] и Джелалеттина Родослу[14]. В 1986 г. вышла (в 1992 г. переиздана) работа Зеки Челиккола[15]. Упомянутые последние три книги посвящены турецким архитектурным памятникам на острове, в том числе особое внимание в них уделено комплексу Мурад Рейсу и погребальным памятникам Гераев. В этих книгах представлены фотографии, дан исторический комментарий, а также приведена краткая библиография.

В настоящее время комплекс продолжает привлекать внимание зарубежных исследователей. Так, например, в 2008—2010 гг. в рамках научно-исследовательского проекта Университета Гази (Анкара), была произведена инвентаризация всех надгробий комплекса[16]. Одной из последних крупных работ посвященных кюллие Мурад Рейса является опубликованная в 2012 г. диссертация Аммара Ибрахимгила[17]. Однако интересующие нас захоронения Гераев А. Ибрахимгил в своей работе фактически обходит стороной. Комплекс рассматривается и в статьях европейских исследователей[18].

В русскоязычных работах комплекс Мурад Рейса упоминается в качестве места захоронения Гераев у В.Д. Смирнова[19], а также в переводе «Розового куста ханов» Халим Герая[20]. Этому комплексу было уделено внимание в работах О. Гайворонского, где автор приводит в том числе и изображение тюрбе Джанибек Герая[21]. Однако исследователь лишь процитировал предшественников (в том числе и Зеки Челиккола). Более подробная

---

[8] См., например, *Rodoslu C.* Rodos ve İstanköy Adalarında Gömülü Tarihi Simalar. Ankara, 1945. C. 67.

[9] *Çelikkol Z.* Rodos'taki Türk Eserleri… C. 34, 38.

[10] Данная информация получена в ходе посещения комплекса автором.

[11] *Evliya Çelebi.* Seyahatnamesi. Cilt 9. İstanbul, 1935. C. 233—257.

[12] *Strumza V.* Il "Tecche" di Murad Reis a Rodi. Rocca S. Casciano: Stabilimento tipografico L. Cappelli, 1934.

[13] *Balducci H.* Rodos'ta Türk Mimarisi. Çeviren Celalettin Rodoslu. 2. baskı. Ankara, 1987.

[14] *Rodoslu C.* Rodos ve İstanköy…

[15] *Çelikkol Z.* Rodos'taki Türk Eserleri…

[16] *İbrahimgil Mehmet Z.* Stèles Funéraires de L'époque Ottomane sur L'île de Rhodes // 14th International Congress of Turkish Art: Proceedings, 19—21 September 2011. Paris: Collège de France, 2013. C. 389—400.

[17] *İbrahimgil A.* Rodos, Murat Reis Külliyesi…

[18] См., например, *Regina Economides.* Murat Reis Complex // Ottoman Architecture in Greece. Hellenic Ministry of Culture — Directorate of Byzantine and Post-Byzantine Antiquities, 2008. C. 378—379.

[19] *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. М., 2005. С. 371.

[20] *Халим Гирай Султан.* Розовый куст ханов, или История Крыма. Перевод переложения А. Ильми 1909 г. и пояснения К. Усеинова 2004 г. 2-ое издание. Симферополь, 2008. С. 64.

[21] *Гайворонский О.* Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце. Симферополь, 2006. С. 12, рис. 9; *он же.* Повелители двух материков. Т. II: Крымские ханы первой половины XVII столетия в борьбе за самостоятельность и единовластие. К.—Бахчисарай, 2009. С. 194—195 (прим. 87), 264 (прим. 57).

публикация нескольких надгробий Гераев на Родосе была произведена И.В. Зайцевым[22]. В ней же упоминаются осмотры комплекса отечественными специалистами. Несмотря на то, что указанные работы О. Гайворонского и И.В. Зайцева являются первыми публикациями захоронений Гераев на Родосе на русском языке, они поверхностны, а сами памятники не рассмотрены в контексте всей кюллие Мурад Рейса.

В июле 2014 г. автором было осуществлено посещение комплекса, результаты которого изложены в данной публикации.

В настоящее время известные захоронения Гераев на Родосе находятся в двух мавзолеях комплекса — тюрбе Джанибек Герая и тюрбе Шахин и Фетих Гераев; отдельное захоронение принадлежит Саадет Гераю. Ниже приводятся описания этих погребальных памятников.

Тюрбе Джанибек Герая (рис. 4, 5)

Тюрбе Джанибек Герая самое крупное на территории комплекса. Усыпальница представляет собой восьмиугольное в плане сооружение, увенчанное куполом без барабана. Имеются шесть зарешеченных окон. Вход в мавзолей с северо-северо-западной стороны. На противоположной от входа стене расположена мраморная михрабная ниша. Есть упоминание о наличии таблички над входом в тюрбе у Челяби[23].

В центре сооружения находится надгробие крымского хана Джанибек Герая, сосланного на Родос в 1635 г. и умершего здесь в 1636 г. Этот памятник в виде мраморного саркофага с примыкающими к нему в голове и ногах вертикальными стелами (рис. 6, 7). Все его стенки украшены растительным орнаментом в вазонах и декоративными розетками — по одной на торцах и по три на боковых сторонах. В центральную розетку юго-восточного фасада саркофага вписано изображение кинжала. Надгробный памятник располагается по линии с юго-запада на северо-восток. Стела в ногах имеет в плане вид правильного многоугольника. Стела у изголовья, содержащая на лицевой стороне текст эпитафии в восемь строк, прямоугольная в плане и увенчана чалмой. Надписи эпитафий и элементы орнамента позолочены. И.В. Зайцев указывает, что на момент более раннего осмотра саркофаг был разломлен и поэтому полностью прочитать эпитафийную надпись нельзя[24]. В настоящее время все фрагменты соединены, что позволяет, опираясь на указанные выше турецкие работы, реконструировать всю надпись (рис. 8).

В тюрбе также находятся опубликованные в работе И.В. Зайцева головная стела с эпитафией от надгробия матери хана Каплан Герая (умерла в 1124 г.х. (1712—13 г.)) и фрагмент надгробия, отнесенного исследователем к ближайшей родственнице Джанибик Герая[25].

[22] *Зайцев И.В.* Крымские ханы в ссылке на Родосе // Восточная Коллекция. Лето 2009. № 2 (37). С. 96—101. Автор выражает благодарность А. Якушечкину (Симферополь) за возможность ознакомиться с этой публикацией.

[23] *Evliya Çelebi.* Seyahatnamesi… С. 251.

[24] *Зайцев И.В.* Крымские ханы… С. 100.

[25] Там же. С. 100—101.

Тюрбе Шахин и Фетих Гераев (рис. 9—11)

Усыпальница представляет восьмиугольное в плане сооружение, увенчанное куполом на восьмигранном низком барабане. Вход в тюрбе расположен с северной стороны. На противоположной от него стене на месте окна находится ниша для светильника. По заметным сейчас следам видно, что перед входом был небольшой портик[26].

В мавзолее расположены саркофаги Шахин Герая и Фетих Чобан-Герая (рис. 12). Первый — калга и нурэддин, сын хана Саадет Герая, был сослан на остров в 1633 г., где позже был казнен. Его надгробие (северное), также как и надгробие Джанибек Герая, в виде мраморного саркофага с двумя стелами — у изголовья и в ногах. С четырех сторон гробница украшена розетками — по одной на торцах и три на боковых сторонах. Стела у изголовья на лицевой стороне содержит текст эпитафии в пять строк и увенчана чалмой. Эпитафия сохранилась с незначительными сколами, но поддается чтению и переводу (рис. 13).

Соседнее (южное) захоронение принадлежит Фетиху, сыну Девлета и брату хана Адиля Герая. При Мухаммеде IV Фетих был калгой. Во время ссылки Мухаммеда в 1644 г. на Родос, Фетих сопровождал низложенного хана на остров[27], где умер в 1074 г.х. (1663—64 г.) в возрасте 39 лет[28]. Надгробие Фетиха почти идентично надгробию Шахина. Стела у изголовья имеет более вытянутую и узкую форму, а эпитафия в 12 строк на ней представлена в виде стихотворения (рис. 14).

Оба саркофага параллельны друг другу, вытянуты по линии запад-восток. Тюрбе Шахина и Фетих Гераев упоминается в работе О. Гайворонского[29].

Надгробный памятник Саадет Герая (рис. 15)

Надгробие расположено у юго-западной стены тюрбе Шахин и Фетих Гераев, в небольшом дворике (рис. 10). Саркофаг, вытянутый по линии с северо-востока на юго-запад, по форме и орнаменту аналогичен предыдущим памятникам. Надгробие разломано, но впоследствии реставрировано. Стела в ногах, а также задняя торцевая и северо-западная стенки утрачены. Торцевой фасад у изголовья и правая боковая стенки саркофага украшены растительным орнаментом и декоративными розетками. На юго-восточном фасаде видны следы сколов, в его центральную розетку вписано изображение кинжала (рис. 16).

Текст эпитафии сохранился и поддается прочтению (рис. 17). Однако указанный в ней год (1066 г.х. (1655—56 г.)) и упомянутый после имени титул «султан» не позволяют нам согласиться с турецкими исследователями, идентифицирующими погребенного с крымским ханом Саадет Гераем, сыном Кырыма Герая[30]. Впрочем, этот хан также похоронен на острове[31].

Упоминание в отечественной историографии о данном надгробии нами не встречено.

Таким образом, к настоящему времени удалось выявить и зафиксировать захоронения следующих представителей рода Гераев в кюллие Мурад Рейса: 1) хана Джанибек Герая; 2)

[26] *İbrahimgil A.* Rodos, Murat Reis Külliyesi… С. 24.
[27] *Смирнов В.Д.* Крымское ханство… С. 413.
[28] *Çelikkol Z.* Rodos'taki Türk Eserleri… С. 37.
[29] *Гайворонский О.* Повелители… С. 264 (прим. 57).
[30] *Rodoslu C.* Rodos ve İstanköy… С. 58; *Çelikkol Z.* Rodos'taki Türk Eserleri… С. 37.
[31] См., например, *Смирнов В.Д.* Крымское ханство… С. 449.

калги и нурэддина Шахин Герая; 3) калги Фетих Чобан-Герая; 4) султана Саадет Герая; 5) матери хана Каплан Герая; 6) вероятно, близкой родственницы хана Джанибек Герая.

Погребения Гераев на Родосе являются ценными историческими источниками, а также памятниками искусства и письменности. В частности, эпитафии позволяют выяснить ряд биографических деталей (например, имена близких родственников, точную дату кончины и др.), дополнить и подтвердить данные письменных источников, а также определить статус сосланного и отношения между различными представителями рода.

Вместе с тем рассмотрение этих памятников в контексте кюллие Мурад Рейса показывает их органичную связь с другими памятниками комплекса, демонстрирует принадлежность к Османской культурной традиции. Этот контекст позволяет показать статус Гераев в системе Османской иерархии, объяснить выбор этого комплекса в качестве места для их погребения, а также наметить пути поиска захоронений других членов ханского рода.

В.В. Агеев.

Погребения Гераев в архитектурном комплексе Мурад Рейса

В настоящей работе рассматриваются захоронения Гераев на острове Родос в контексте архитектурного комплекса Мурад Рейса. В ней дается описание этого комплекса с выборочной библиографией и краткой историей изучения. В рамках публикации приводятся все выявленные на данный момент погребальные памятники Гераев в составе комплекса, показывается возможность и перспективность их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Родос, комплекс Мурад Рейса, Гераи, захоронения Гераев, Крымское ханство, Османская империя.

V.V. Ageev

The Gerays burial in the architectural complex of Murad Reis

The paper deals with Gerays graveside on the island of Rhodes in the context of Murat Reis architectural complex. It describes the complex and provides selective bibliography and concise history of studying it. The author lists all Gerays burial monuments of the complex discovered to date, shows the possibilities and prospects of their further examination.

Keywords: Rhodes, Murat Reis Complex, House of Giray, Girays Burial, Crimean Khanate, Ottoman Empire.

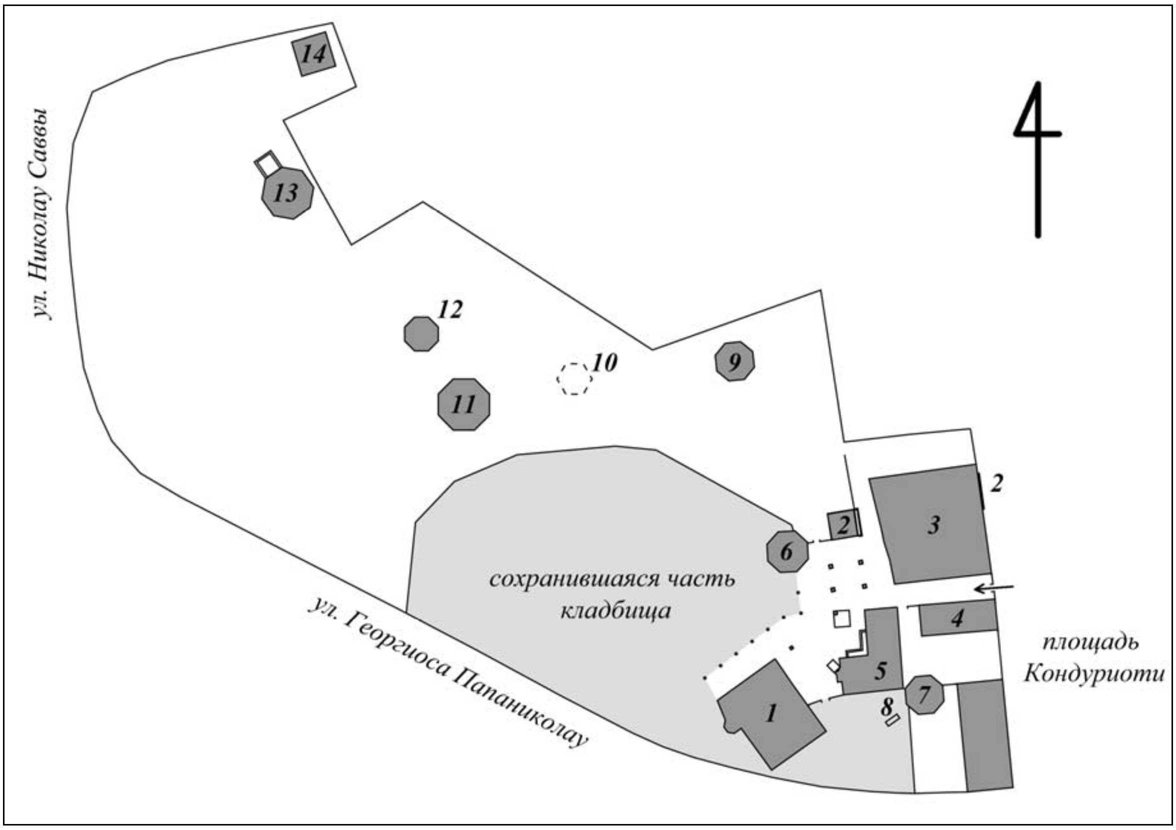

Рис. 1. План комплекса Мурад Рейса. Составлен автором.

1 — мечеть; *2* — фонтаны; *3* — теккие; *4* — библиотека; *5* — дом сторожа при тюрбе; *6* — тюрбе Мурад Рейса; *7* — тюрбе Шахин и Фетих Гераев; *8* — надгробный памятник Саадет Герая; *9* — тюрбе шаха Ирана Сафи Мирзы II; *10* — тюрбе Мехмеда Шекип паши и его супруги Айше Ханым (в руинах); *11* — тюрбе Джанибек Герая; *12* — тюрбе Хавваш бея Сенджара; *13* — тюрбе Мели паши; *14* — тюрбе сераскера Мехмеда Редиф паши.

Рис. 2. Вид на комплекс со стороны улицы Георгиоса Папаниколау. Фото автора.

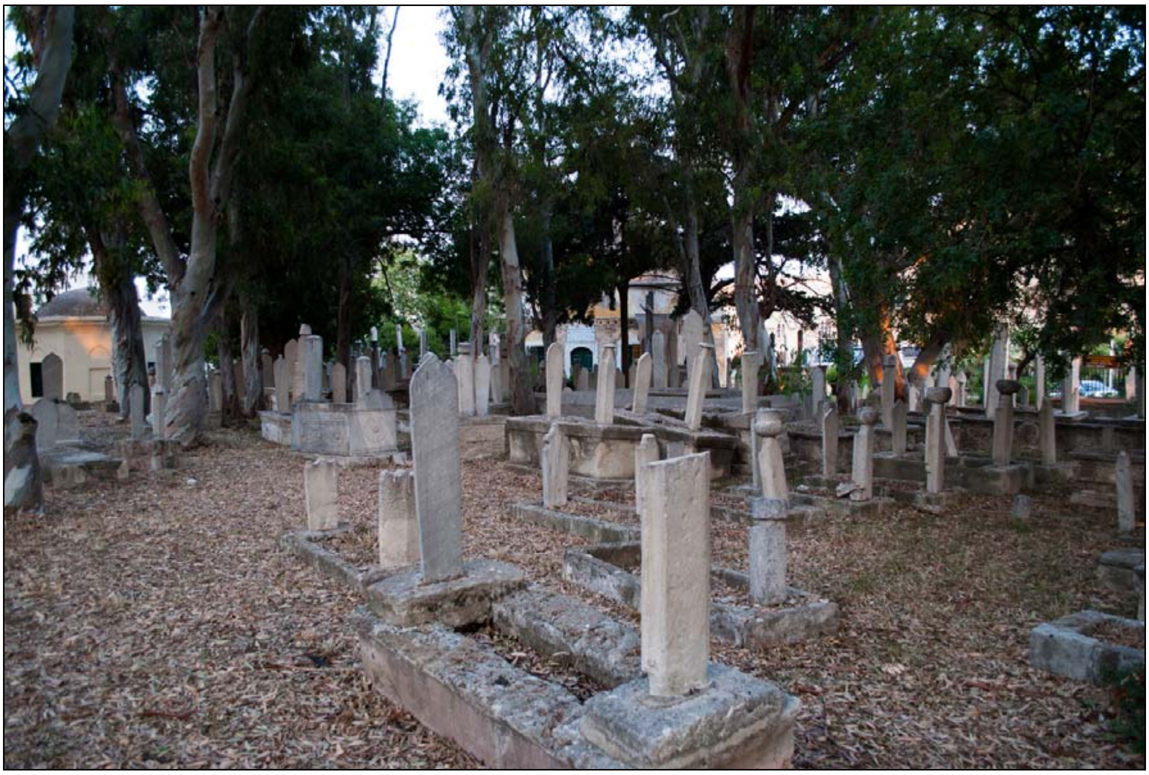

Рис. 3. Сохранившаяся часть кладбища. Вид с северо-запада. Фото автора.

Рис. 4. Тюрбе Джанибека Герая (справа) и тюрбе Хavваш бея Сенджара (слева). Вид с запада. Фото автора.

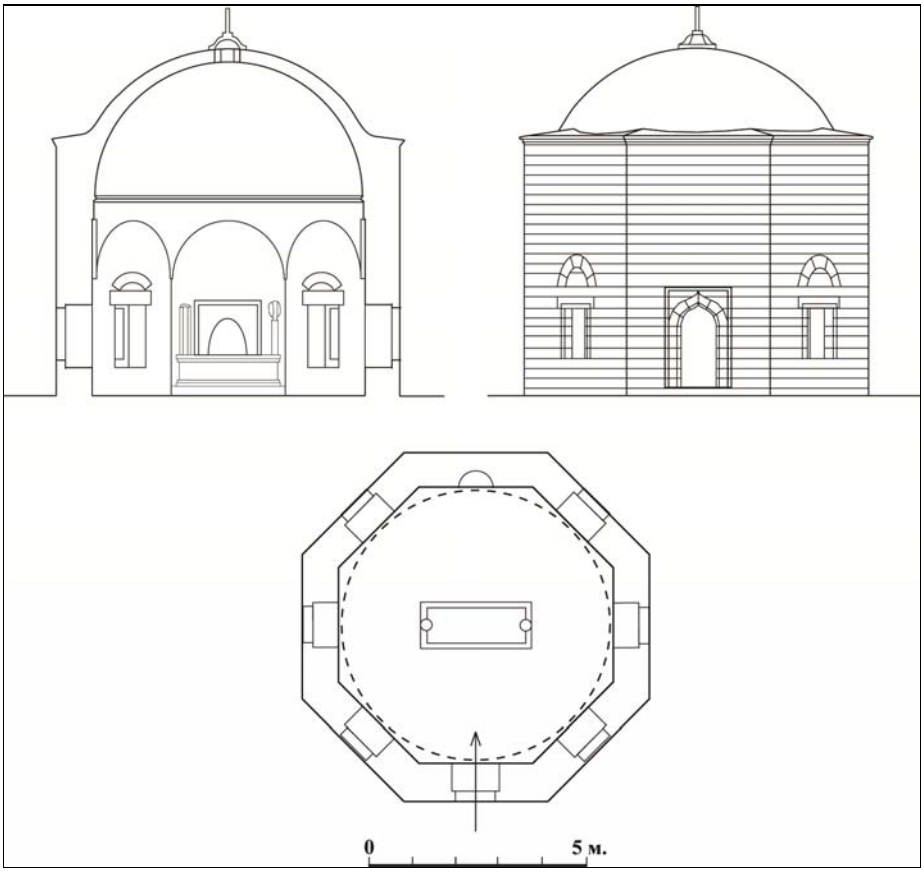

Рис. 5. Тюрбе Джанибек Герая. План Г. Балдуччи
(цит. по: *Çelikkol Z.* Rodos'taki Türk Eserleri… Plan: IV).

Рис. 6. Надгробный памятник Джанибек Герая. Вид с запада.

На мраморном саркофаге лежит фрагмент от надгробия предположительно родственницы хана. На заднем плане видна головная стела от надгробия матери хана Каплан Герая. Фото автора.

Рис. 7. Надгробный памятник Джанибек Герая. Вид с востока. Фото автора.

Рис. 8. Головная стела надгробия Джанибек Герая. Текст эпитафии. Фото автора.

Рис. 9. Тюрбе Шахин и Фетих Гераев. Вид с севера. Фото автора.

Рис. 10. Тюрбе Шахин и Фетих Гераев (в центре кадра). Вид с юго-запада.
Перед тюрбе виден надгробный памятник Саадет Герая. Фото Аммара Ибрахимгила.

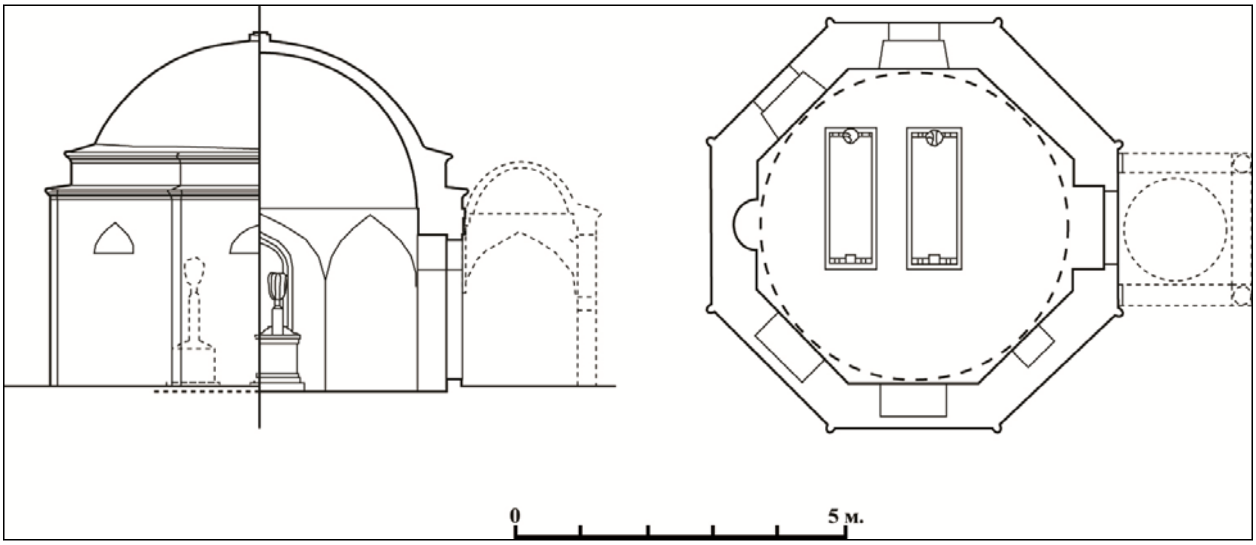

Рис. 11. Тюрбе Шахин и Фетих Гераев. План Г. Балдуччи
(цит. по: *Çelikkol Z.* Rodos'taki Türk Eserleri… Plan: III).

Рис. 12. Надгробные памятники Фетих (на переднем плане) и Шахин (на заднем плане) Гераев. Фото автора.

Рис. 13. Головная стела надгробия Шахин Герая. Текст эпитафии. Фото автора.

Рис. 14. Головная стела надгробия Фетих Герая. Текст эпитафии. Фото автора.

Рис. 15. Надгробный памятник Саадет Герая. Фото Аммара Ибрахимгила.

Рис. 16. Южный фасад надгробия Саадет Герая. Фото Аммара Ибрахимгила.

Рис. 17. Фрагмент головной стелы надгробия Саадет Герая. Текст эпитафии.
Фото Аммара Ибрахимгила.

УДК 94(47).04

Е.В. Неделькин

К ИСТОРИИ СЕЛА ЧЕРНОРЕЧЬЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

На территории города федерального значения Севастополь расположено 40 сел и поселков. Многие из них значительно древнее, чем сам город: их история уходит корнями в эпоху средневековья, но о прошлом этих селений известно очень немногое, особенно — о времени до вхождения Крыма в состав Российской империи. Но без ее изучения невозможно создать полноценного исторического описания Севастопольской земли. Поэтому, исследование истории каждого населенного пункта Севастопольского региона представляется актуальным. В данной статье речь пойдет об одном из поселений Балаклавского района города — селе Черноречье (быв. Чоргунь).

Селение расположено у входа в каньон р. Черной, образованного между горами Телеграфной и Гасфорта, в части долины, которая называется Мокрая Луговина. Она представляет собой своеобразную котловину, которая ограничена Чоргунскими высотами, состоящими из горы Артиллерийской (Батарья-Баир, Чакла-Баир, Чакыл-Таш), Средней и Безымянной, а также Телеграфной (Телеграфической) и Гасфорта (Гасфортова высота, Итальянская гора). Черноречье является составной частью Балаклавского муниципального округа, который в свою очередь вместе с Орлиновским и Терновским муниципальными округами, а также городом Инкерманом, расположены в границах административно-территориальной единицы — Балаклавского района города федерального значения Севастополя[1].

О дате основания Чиргуны/Чоргуня практически ничего не известно. С того времени не сохранилось ни одного документа, напрямую посвященного данному населенному пункту. Серьезных археологических исследований на территории этого населенного пункта также не проводилось. И все же следует обратить внимание еще на ряд обстоятельств, которые могут пролить свет на время возникновения села:

I. Происхождение ойконима населенного пункта. До 21 августа 1945 г. село называлось Верхний и Нижний Чоргунь[2]. Также в конце XV — начале XX вв. зафиксирован ряд вариаций данного названия: Чиргуна, Чергона, Чиргона, Чоргуна, Чоргун, Чергуна, Джургани, Джоргун, Ашага-Чоргуна и Юкары-Чоргуна. А.К. Шапошников полагает, что это гибридное словосложение гидронима Чер и эллинистического ион. γοῦνα, γουνός («колено») или γωνία («угол»)[3]. В более ранней работе автор, относительно данного ойконима и гидронима, говорил, что «место падения ударения и весь облик свидетельствует о его дотюркском происхождении (исключает возможность толкования из тюркских родо-племенных наименований джургун, джуркун), искажение при заимствовании греч. τετράγωνη «четырехугольная», «квадратная» (?) … в ряде иран. диал. cor<čatur «четыре,

[1] Закон города Севастополя № 17-ЗС от 3.06.2014 г. «Об установлении границ и статусе муниципальных образований в городе Севастополе» [Электронный ресурс] // http://sevastopol.gov.ru/17-zs-ot-3-06-2014.html

[2] Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783-1998 гг. Справочник / под ред. *Л.В. Гурбовой*. Симферополь, 1999. С. 400.

[3] *Шапошников А.К.* Древнейшая ономастика Таврического полуострова // Топонимика Крыма. Сборник статей / сост. Ю.А. Беляев. Симферополь, 2011. С. 429.

четырех-» и gun «угол» (?)»[4]. А.Н. Ахаев также выводит этот топоним из иран. чор — четыре и гунь — угла, места[5]. В.Г. Шавшин, не приводя никаких доказательств, говорит, что «его истоки от родоплеменного названия — Ошак, Очак, Ача»[6]. Гипотеза В.А. Бушакова о тюркском или монгольском происхождении этого ойконима[7] не обоснована и вообще маловероятна[8].

При рассмотрении данного вопроса определенный интерес представляет генуэзский документ 1461 г., в котором среди поименных пунктов К. Десимони отметил один из них — Baganda, помещая его в Готии[9]. А.Л. Бертье-Делагард, не давая точной локализации данному пункту, предполагал, что это одно из урочищ на Южном берегу Крыма, то есть на территории генуэзской Готии[10]. В.Л. Мыц справедливо заметил, что наиболее близким по звучанию Boganda (Боганда) является гидроним Brgana (Бргана) или Bargana (Баргана)[11], означающий один из притоков реки Черной, впадающий в нее в районе Чоргуня[12]. Из этого следует, что это селение уже могло существовать во второй половине XV в., и находиться на территории Готии, которая была под юрисдикцией владетелей греко-готского княжества Феодоро. Это подтверждается и отчасти данными османских налоговых ведомостей, в которых селение начинает фигурировать с 20-х гг. XVI в. под названием Чиргуна/Чоргуна.

Но, что более вероятно, фигурирующий в документе конца XV в., о котором подробнее будет сказано ниже, ойконим селения — Чиргуна/Чоргуна и есть наиболее приближенный к первоначальному/автохтонному варианту.

II. Географическое положение Черноречья. Село разделено на две части — Верхнее и Нижнее Черноречье[13]. Оба населенных пункта лежат практически на одном уровне, а по отношению к течению реки Нижнее Черноречье примерно на два километра ниже Верхнего. Гипотетически, можно предположить, что эта топонимическая особенность последствие средневекового разрастания этого селения с образованием нескольких сельских общин, которые объединились в «общество». Образовалось оно, видимо, путем расширения

---

[4] *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К.* Житие Иоанна Готского в контексте «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 286, 289.

[5] *Ахаев А.Н.* Имена Крыма (Этимологический словарь топонимов Крыма) [Электронный ресурс] // http://turkology.tk/library/561

[6] *Шавшин В.Г.* Имя дома твоего. Книга II. Описание географических названий (топонимов) Севастопольского региона. К.—Севастополь, 2012. С. 108.

[7] *Бушаков В.А.* О происхождении крымскотатарского народа // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции (23-28 сентября 1991 г.). Симферополь, 1991. Вып. 1. С. 20; *Бушаков В.А.* Лексичний склад історичної топонімії Криму. К., 2003. С. 134.

[8] Относительно критики монографии в целом, см. рецензию А.И. Галенко (См.: *Галенко О.І.* Топонімія Криму справа наліво // Український гуманітарний огляд. К., 2005. Вип. 11. С. 121-128. Рец. на кн.: Бушаков В.А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського, 2003. 321 с.).

[9] *Desimoni C.*, *Belgrano L.T.* Atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. T. Luxoro // ASLSP. 1867. Vol. V. P. 255.

[10] *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. Т. 57. С. 31.

[11] [*Паллас П.С.*] Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг. / перевод с немецкого *Ф.К. Бруна*, *Г.Э. Караулова*, с прим. *Н.Н. Мурзакевича* // ЗООИД. 1881. Т. XII. С. 120; *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах / пер. с немецкого. М., 1999. С. 56.

[12] *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 163.

[13] С локализацией этих двух топонимов существует довольно запутанная проблема, которая заключается в том, что в разное время и в разных документах они меняются местами.

населенного пункта, от которого отделилось дочернее поселение, которое приобрело со временем полную автономию в самоуправлении. При этом в таких поселениях в совместном пользовании оставались леса, реки, выпасы, сенокосы, колодцы, озера, дороги и прочее[14].

III. Наличие в селе, рядом с Чоргунской башней, еще в 60-х гг. XIX в. руин небольшого одноапсидного храма[15]. Учитывая тяжелое положение христианского населения в Таврике после 1475 г., доходившего до рабского обращения, ущемления в правах, уплаты повышенных налогов, запрета строительства церквей и установки на них крестов[16], в результате чего к 1783 г. уцелело только 33 церкви и 1 монастырь[17], то вероятнее всего, храм в Чоргуне был возведен до османского завоевания. Однако, он мог действовать и некоторое время после захвата Таврики, так как еще в XVI в. в селе была большая православная община[18].

IV. Следующим обстоятельством, которое может указывать на возникновение этого селения в XV в., как уже выше было сказано, является наличие на его территории так называемой Чоргунской башни, которая, возможно, была возведена в 30—40-х гг. XV в. правителем Феодоро Алексеем I (Старшим) (1411—1446 гг.) на юго-западном порубежье княжества и сочетала в себе донжон и сторожевую крепость[19].

В связи с изложенными выше аргументами, свидетельствующими о существовании села, по крайней мере в XV в., возникает вопрос о локализации, упомянутой в письме от 9 июля 1434 г. знатного генуэзского нобиля, политика, банкира, адмирала и купца Карло Ломеллини[20] своему племяннику Матео Ломеллини, крепости Брозони (Brozoni), название которой может быть искаженным ойконимом Баргана/Чиргуна. Он пишет, что «после того, как была одержана победа над Чембало, Каламитой, Брозони и тамошней Готией, мы прибыли в Каффу»[21]. Источником, который также может пролить свет на локализацию Брозони, является запись из хроники Андреа Гатари о том, что после захвата Каламиты (10 июня 1434 г.) «сухопутное войско, образовав ряды, получило приказ идти по дороге Готии

[14] *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X-XV вв. К., 1991. С. 118.

[15] *Ларина А.Н.* Находка альбома Д. М. Струкова «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде» // Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. М., 2002. Вып. 4. С. 326, 331.

[16] *Броневский М.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio) / пер. *И.Г. Шершеневича* // ЗООИД. 1867. Т. VI. С. 348, 357; *Маркевич А.И.* Краткий очерк деятельности генералиссимуса А. В. Суворова в Крыму (к 6-му мая 1900 года) // ИТУАК. 1901. Т. 31. С. 6; *Тур В.Г.* Пещерные монастыри Крыма в XIX — начале XX вв. К., 2006. С. 67.

[17] *Лашков Ф.Ф.* Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. 1886. Т. XIV. С. 91—141. К моменту исхода христиан из Крыма в 1778 г. на территории полуострова сохранилось четыре православных монастыря: Успенский, Георгиевский и в Кафе — Св. Петра и Св. Георгия (См.: *Катунин Ю.А.* Монастыри Крыма в XIX-XX веках (по материалам крымских архивов). Симферополь, 2000. С. 13).

[18] *Öztürk Y.* Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475 — 1600. Ankara, 2000. S. 247, 254.

[19] *Недедькин Е.В.* К вопросу о границе княжества Феодоро и владений Генуэзской республики в Юго-Западной Таврике // МАИАСК. 2013. Вып. V. С. 68.

[20] *Кузь А.І.* Карло Ломелліні: торгівець, політик чи воїн? (Біографічний портрет генуезького нобиля) // Науковий вісник Чернівецького університету: Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини. 2012. Вип. 607-609. С. 13-19; *Кузь А.І.* Військова нагородна справа у генуезькій Газарії // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы IX Международной научной конференции (Харьков, 30-31 октября 2014 г.). Харьков, 2014. С. 66.

[21] *Agosto A.* Due lettere inedite sugli eventi del Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434 // ASLSP. NS. 1977. № 5. Vol. XVII. Fasc. II. P. 515.

проводить набеги»[22]. Из сообщения А. Гатари следует, что после захвата Каламиты генуэзские войска напали на территорию феодоритской Готии. Значит, упомянутая в письме Карло Ломеллини, также после захвата Каламиты, крепость Брозони, вероятнее всего, находилась на территории, попадавшей под юрисдикцию правителей Феодоро. На роль этой крепости подходит Чоргунская башня, являвшаяся единственной крепостью в долине р. Черной.

В.Л. Мыц полагает, что возможно, землями, на которых находится Чоргунь, владел один из сыновей Алексея I (Старшего)[23]. Это вполне вероятно, учитывая, что государство Готия, состоявшее из разделенных горами долин, во второй половине XV в. было разделено на уделы («части»), которых было, как минимум, одиннадцать. Владели же ими сыновья Алексея I (Старшего) и иные представители правящей династии[24].

Возможно, находившаяся в селе Чоргунская башня выполняла функции своеобразной таможни. Контролируя большую транспортную артерию, по которой велась торговля с главным опорным пунктом лигурийцев в этой части Таврики — Чембало. Местное же население, вероятно, втягивалось с Чембало в товарно-денежные отношения, рост которых наблюдается в XV в.[25]. Еще в конце XIV в. Чембало становится значительной по товарообороту факторией, на рынке которой продавали кожу, лен, соль, зерно, вино, рыбу, фрукты, овощи, доставляемые из селений Готии[26]. Размеры налогов, которыми облагались товары ввозимые, в частности с территории феодоритской Готии, и продаваемые в Чембало были строго регламентированы Уставом 1449 г.[27] (утвержден в Генуе 28 февраля 1449 г.). Так, например, «пристав имеет право взымать и получать с каждого воза плодов, привезенных в Чембало, по одному аспру с половиной и столько же с воза соли и муки…»[28], или мог «взымать с каждого ведра вина продаваемого в Чембало и в пределах Чембальского места (территория консульства Чембало — *Е.Н.*), по одному аспру…»[29]. Также, вполне вероятно, в Чембало могли доставлять с территории Готии дрова для «отопления ратуши», на что ежегодно выделялось 700 аспров[30].

Также Устав 1449 г. содержит интересные сведения о сельских общинах Готии. Так в главе № 35, озаглавленной «О том, чтобы не давать взаймы общинам Готии», говорится:

---

[22] *Колли Л.П.* Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам) // ИТУАК. 1913. Т. 50. С. 117—118; *Кирилко В.П.* Строительная летопись Таврики второй половины XIII — третей четверти XV веков // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. I. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. С. 419.

[23] *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке… С. 402.

[24] *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 148; *Виноградов А.Ю.* Свод греческих надписей Эски-Кермена и его ближайшей округи // *Харитонов С.В.* Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. СПб., 2004. С. 128; *Виноградов А.Ю.* «Разряд» и «Часть». Как нам обустроить Феодоро? // ССб. 2005. Вып. II. С. 436.

[25] *Бадян В.В.*, *Чиперис А.М.* Торговля Каффы в XIII—XV вв. // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. К., 1974. С. 185.

[26] *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке… С. 108.

[27] В Уставе 1449 г. содержится пункт, по которому даже консул Чембало «не смел и не думал покупать или брать у жителей Чембало и селений хлеба, вина или дров иначе как по рыночной и справедливой цене…» (См.: Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / пер. и коммент. *В.Н. Юргевича* // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 784).

[28] Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г… С. 784.

[29] Там же. С. 783.

[30] Там же. С. 790.

«Постановляем и повелеваем, чтобы никакой генуэзец не смел и не думал давать взаймы никакого количества денег общинам селений и других мест Готии, или налагать на эти общины какое-нибудь обязательство продажею товаров или другим образом…»[31]. По мнению В.Л. Мыца, общины Готии для своевременной выплаты налогов (30 тыс. номисм) князю «вынуждены были брать деньги взайм, что ставило их в зависимость от итальянских купцов, а это, в свою очередь, приводило к трениям между Колонией и княжеством Феодоро»[32].

Однако не стоит забывать и о том, что, вероятнее всего, это селение тяготело и входило в сферу влияния, отстроенной на месте раннесредневекового укрепления в 1427 г. князем Алексеем I (Старшим) и ставшей единственным портом княжества, крепости Каламита. За полвека со времени основания Каламита развилась в небольшой портовый город, центр достаточно плотно населенной округи, выполняющий важные коммерческие, военные и идеологические функции[33].

О достаточно высоком уровне развития региона, где находилось селение, свидетельствует сообщение побывавшего в 1395 г. в юго-западной Таврике, и в частности — Инкерманской долине[34], иеромонаха Матфея, который говорил, что эта «земля весьма богата фруктами и зерном; диких животных и прирученных в большом количестве носит на себе; гавани изобилуют массами рыб»[35;36]. Возможно, особую статью доходов этого селения составляло производство вина, так как немецкий (баварский) солдат, а в последствии путешественник Иоганн Шильтбергер, побывавший в Таврике в начале XV в. отмечал, что «греки-христиане, населяющие горную часть полуострова (Готию — *Е.Н.*) производят превосходное вино[37]»[38].

Новая страница истории Чиргуны начинается после трагических событий лета 1475 г., когда в Таврику вторглись османские завоеватели во главе с великим визиром Гедик Ахмед-

[31] Там же. С. 726.

[32] *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X-XV вв… С. 115—116.

[33] *Иванов А.В.* Градообразование в Юго-Западной и Южной Таврике X-XV вв. Периодизация формирования городских поселений региона // Ῥωμαῖος: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков, 2013. Т. 2. С. 180.

[34] *Герцен А.Г.* Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 259; *Герцен А.Г.* Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 565.

[35] *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936. P. 189; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 287.

[36] А.К. Шапошников предлагает свой вариант перевода данного фрагмента текста: «она изобильна всеми плодами и урожаем, богата дикими и домашними животными, а воды кишат множеством рыб» (См.: *Шапошников А.К.* Феодоро в письменных источниках // *Фадеева Т.М.*, *Шапошников А.К.* Княжество Феодоро и его князья. Крымско-готский сборник. Симферополь, 2005. С. 225).

[37] Виноградарство и виноделие не утратили своего значения и после завоевания княжества Феодоро и генуэзских колония Османской империей, а в некоторых микрорегионах даже активно развивались (См.: *Галенко А.* Виноделие в османском Крыму // Виноград и вино России. 2001. № 1. С. 51—56; *Галенко А.И.* Виноделие в османском Крыму // Дионис—Вакх—Бахус в культуре народов мира. Симферополь, 2002. Вып. 1. С. 49-70; *Halenko O.* Wine production, marketing and consumption in the Ottoman Crimea, 1520-1542 // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2004. Vol. 47. № 4. P. 507—547).

[38] The bondage and travels of Johann Schiltberger, a native of Bavaria, in Europe, Asia, and Africa, 1396-1427 / trans. *J. Buchan Telfer*. London, 1879. P 50; Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / пер. с немецкого и прим. *Ф.К. Бруна* // Записки императорского Новороссийского университета. 1867. Т. I. С. 58.

пашой[39]. Стратегия обороны, выстроенная последним феодоритским князем Александром (1475 г.), предусматривала отзыв всех гарнизонов крепостей княжества Феодоро в столицу. Ведь оставлять гарнизоны маломощных пограничных крепостей на расправу туркам представляло бы собой недальновидный поступок[40]. Очевидно, также был отозван и небольшой гарнизон Чоргунской башни.

После полного завоевания османами Генуэзских колоний в Таврике и последнего оплота православия на полуострове в Средние века — Феодоро, которое завершилось падением в декабре 1475 г. столицы княжества г. Феодоро (Мангупа)[41], была создана турецкая администрация, а их территория разделена на Кефенский, Судакский, Мангупский, Балаклавский каза/кадылыки, которые в свою очередь вместе с Керченским, Азакским и Таманским вошли в состав новообразованного Кефенского санджака[42]. В 1568 г. этот санджак вошел в состав Кефенского бейлербейства[43] или эялета (эйялета)[44].

В свое время авторитетный исследователь истории Крыма А.И. Маркевич оставил краткое, но емкое замечание о дальнейшей судьбе христианского населения после османского завоевания полуострова. Он говорил, что после падения генуэзской Каффы «пало и Мангупское княжество, последним князем которого был Исайко. Татарское владычество в Крыму переменилось на турецко-татарское, продолжавшееся три столетия, до присоединения Крыма к России, и бывшее самым тяжелым для христианского населения Тавриды. Политическое торжество ислама над христианством печально отразилось на положении христиан в Крыму»[45].

Продолжая мысль ученого, «осень средневековья» (XIV—XV вв.)[46] для христианской Таврики завершилась с завоеванием полуострова османами в 1475 г., и далеко не тем, чем

---

[39] *Хайбуллаева Ф.Х.* Новый турецкий источник по истории Крыма // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 363—365; *Финкель К.* История Османской империи. Видение Османа / пер. с англ. К. Алексеева, Ю. Яблокова. М., 2010. С. 104.

[40] *Руев В.Л.* Османские осады Константинополя 1453 г. и Мангупа 1475 г.: сравнительный анализ // Материалы X Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2011 года и X Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2011» / под ред. В.А. Трифонова, В.А. Иванова, В.И. Кузищина и др. Севастополь, 2011. С. 90; *Руев В.Л.* Турецкое вторжение в Крым в 1475 г. Симферополь, 2014. С. 186.

[41] *Герцен А.Г.* Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 109-110.

[42] *Çelik N.* Black Sea and the Balkans under Ottoman Rule // Karadeniz Araştırmaları. 2010. Cilt 6. Sayı 24. S. 20. Санджак — административно-войсковой округ в Турции и Таврике. В Турции санджак являлся частью эйалета и управлялся пашой с титулом санджакбей, направляемым Портой, т.е. центральным правительством. В Таврике название санджак означало четыре района, на которые разделялась подвластная Стамбулу часть полуострова. Для обозначения санджака в Турции и в Таврике употребляли арабское слово лива (См.: *Курникова О.М.* Архивные материалы по истории османских владений на территории Крыма (XVI-XVIII вв.) // Восток. 2008. № 3. С. 130).

[43] Как санджак так и бейлербейство в неофициальном употреблении могли называться пашалыком (См.: *Галенко О.І.* Середньовічні держави українського примор'я // Історія державної служби в Україні / відп. ред. Т.В. Мотренко, В.А. Смолій. К., 2009. Т. 1. С. 150).

[44] *Іналджик Г.* Османська імперія. Класична доба 1300-1600 / пер. з англійської *О.І. Галенко*. К., 1998. С. 117.

[45] *Маркевич А.* К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества: историческая справка // Таврический церковно-общественный вестник. 1910. № 10. С. 452.

[46] В научный оборот это понятие было введено нидерландским историком культуры Йоханом Хёйзингой (См.: *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья / пер. с. нидерл. *Д.В. Сильвестрова*, коммент. *Д.Э. Харитоновича*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 768 с.).

для Западной Европы. Например, польский дипломат, находившийся в 1578 г. в Крыму свыше девяти месяцев в качестве посла польского короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммеду II Гираю (985—992 гг. х., 1577—1584 гг. по Р.Х.), Мартин Броневский писал, что «в местах, представляющих выгодное положение, на горах и в лесах, видны следы развалин, древних греческих замков, городов, храмов, монастырей, которые потеряли уже свои названия, оставаясь в течение стольких веков в забвении и без обитателей»[47]. Он также говорит, что от христиан-греков «осталась лишь одна тень их существования», а «греки христиане, живущие в некоторых деревнях, работают и возделывают поля, как невольники»[48]. Священник Иаков Лызлов, побывавший на полуострове с отправленным царем Михаилом Федоровичем посольством Бориса Дворянинова и Андрея Непейцына (1634—1635 гг.), описывает запустение в церквях и Инкерманской обители, и, в частности, говорит, что «по горцам многие христианские церкви разорены ж, а промеж гор живут армян и христиан много, но от насилия татарского благочестие иссякло»[49].

Первое письменное упоминание о селении в период османского владычества содержится в документе из ведомства имперской казны от 12 августа 1498 г. В нем говорится, что во время пожара в крепости Мангуб, сгорел дом солдата ее гарнизона по имени Караджа Охри. Вместе с домом пламя уничтожило и привилегий выданный Карадже и его боевому товарищу на тимар, в который входили села Çergona, Elçü и Sikite. Поэтому губернатор провинции шагзаде Мехмед обратился к стамбульским властям с просьбой о выдаче нового привилегия, что и было сделано. В документе использованы данные более ранней переписи, согласно которым в селении насчитывалось 25 домохозяйств, прибыль с которых составляла 2250 акче в год[50]. Если принять средний размер семьи в тот период за 4-5 чел., то, возможно, население Чергоны в это время составляло 100-130 чел. Интересно заметить, что владелец тимара Караджа был славянином из Охрида (совр. Македония)[51].

В начале XVI в. село Чиргуна/Чиргона начинает фигурировать в османских налоговых ведомостях (дефтерах). Две сохранившиеся османские переписи 1520 и 1542 гг. лива-и Кефе содержат уникальные сведения об экономике и населении юго-западной Таврики и в частности указанного селения.

В этот период село входило в состав хасса, бывшего в пользовании губернатора (санджакбея) провинции Кефе, которым в 1542 г. был Али Бей приемник Мехмед Бея. Он непосредственно представлял административную власть и собирал в свою пользу налоги[52].

По данным переписи 1520 г. в Чиргуне проживало 25 полноценных православных греческих семей и 7 которые потеряли мужчину-кормильца (153 чел.), а также 6 семей

---

[47] *Броневский М.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio)… С. 351; *Броневский М.* Описание Крыма / пред. и ком. *А.Г. Герцена* // ИНК. 2005. № 10. С. 175.

[48] *Броневский М.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio)… С. 348, 357.

[49] *Оболенский М.* Сказание священника Иакова // ЗООИД. 1848. Т. II. С. 689; *Петровский Н.М.* Повесть священника Иакова «О мощах неведомых» по списку А.И. Соколова // ИОАИЭ при Императорском Казанском университете. 1895. Т. XIII. Вып. 2. С. 53; *Белоброва О.А.* Повесть известна и удивлению достойна о мощах недоведомаго святого… // ТОДРЛ. 1988. Т. XLI. С. 37.

[50] *Beldiceanu-Steinherr I.*, *Berindei M.*, *Veinstein G.* La Crimée ottomane et I'institution du «timār» // Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. 1979. Vol. 39. P. 549-550.

[51] *Галенко О.І.* Нікіта/Сікіта османського часу // ИНК. 2004. № 8. С. 85.

[52] *Галенко О.І.* Село Камра за записами османських податкових переписів першої половини XVI століття // Черноморские чтения. Материалы I Всеукраинской исторической научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.А. Секиринского и О.И. Домбровского (г. Симферополь, 14-15 марта 2014 г.). Симферополь, 2014. С. 13.

мусульман (30 чел.)[53]. Сумма годового налогового сбора с селения в 1520 г. составила 3178 акче[54]. В материалах более полной переписи 1542 г.[55] содержатся данные о том, что в это время православная община села состояла из 25 полных семей, 5 вдовьих и 6 взрослых холостяков (145 чел.). 36 членов христианской общины были внесены в список налогоплательщиков. В частности: Коста Алекси, Чолпан Димитри, Агаб Хараджи, Черкес Юсуф, Хараджи Алекси, Антон Йолджи, Йолджи Антон, Триндафило Сотире, Калийорги Балык, Байо Калйан, Микалбек Йорги, Бабаджи Алекси, Никола Калол, Сотире Триндафило, Тодор Йорги, Тодор Калйан, Димитри Чолпан, Тодор Агаб, Калоди Лийор[56], Михал Лийор[57], Калийор Фоти[58], Пандази Калийори[59], Конак Тодор[60], Афендика Алекси[61], Баба Татар Яни[62], Тодор Триндафило, Калийорги Михал, Алофранко Михал, Никола Михал, Кирьязи Конак. Вдовы: Василики (муж) Кальян, Василики (муж) Калмаз, Калана (муж) Балык, Кирарин (муж) Кутлубек, Кирарин (муж) Алез. Также в списке налогоплательщиков значится раб Калоди Лийора и Михала Лийора[63].

Мусульманская община селения в указанный период состояла из 8 семей и 4 взрослых холостяков (40 чел.). 12 ее членов были внесены в список налогоплательщиков. В частности: Хемзе бен Абдуллах, Искендер бен Хемзе, Юсуф бен Ильяс, Сади бен Ильяс, Ибрагим бен Ильяс, Давуд бен Юсуф, Юсуф бен Джанполад, Ахмед бен Юсуф, Давуд бен Искендер. Также в списке мусульман-налогоплательщиков Чиргуны значится подданный (крымского — *Е.Н.*) хана Джанкара Татар и два пушкаря Высокого Порога — Якуб[64] и Хюсейн бен Мехмед Субаши.

Общая сумма учтенных налогов составляла 4792 акче. В том числе 775 акче составлял поземельный налог с христианского населения Чиргуны и 192 акче с мусульман. Десятина с пшеницы была 1080 акче (180 кейльдже[65] по 6 акче), ржи — 172 акче (43 кейльдже по 4 акче), ячменя — 112 акче (28 кейльдже по 4 акче), проса — 60 акче (12 кейльдже по 5 акче), льна — 431 акче, ульев — 365 акче, конопли — 184 акче, грецких орехов — 57 акче, сена — 57 акче, овощей — 24 акче, фасоли — 10 акче, чеснока — 9 акче, фруктов — 5 акче, чечевицы — 5 акче, лука — 2 акче. Десятина с произведенного христианами вина составляла 390 акче (65 медре[66] по 6 акче), откуп же с виноградников мусульман составлял 24 акче. 682

---

[53] *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the Mid-Seventeenth Century: Some Problems and Preliminary Considerations // HUS. 1979-1980. Vol. III/IV. P. 220; *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // HUS. 1981. Vol. V. № 2. P. 154; *Öztürk Y.* Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475 — 1600… S. 247.

[54] *Berindei M.*, *Veinstein G.* La présence ottomane au sud de la Crimée et en mer d'Azov dans la première moitié du XVIe siècle // CMRS. 1979. Vol. 20. № 3-4. P. 428.

[55] Этот дефтер датирован 20 Receb 949 г. х. (30 октября 1542 г. по Р.Х.). Но начало описания в нем относится к 945-946 г. х. (1538-1539 гг. по Р.Х.), и скорее всего дата, обозначенная на дефтере, — это время окончания его составления (См.: *Курникова О.М.* Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI-XVIII вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2009. С. 11.).

[56] Прибыл из селения Шулы.

[57] Прибыл из селения Шулы.

[58] Прибыл из селения Камра.

[59] Прибыл из селения Камра.

[60] Прибыл из селения Оби.

[61] Прибыл из Мангуба.

[62] Прибыл из Мангуба.

[63] Başbakanlık Osmanlı Arşivi. Tapu ve Tahrir defterleri. № 214. S. 166.

[64] В документе говорится, что он был сыном заима.

[65] 1 кейльдже — 25,659 кг.

[66] 1 медре — 10,256 л.

акче было собрано за счет налога на невест, уплачиваемого при выдаче их замуж, и всевозможных штрафов, а также 60 акче в качестве подати с овец. Налог с 4 мельниц, действовавших в селе, составил 96 акче, причем с 2 он взымался по 32 акче, а еще с двух — по 16 акче[67].

Однако дефтеры, являясь ценными источниками по истории селения в этот период, возможно, не отражают некоторые исторические реалии того времени. Во-первых, следует сказать о фигурирующем в дефтерах греческом населении. К концу X в. в горной Таврике завершился многовековой ассимиляционный процесс формирования горнокрымской народности. Она впитала в себя аланский, готский, ромейский и булгарский компоненты. Их объединяли христианство и византийская культура[68]. Усилился процесс этноконфессиональной интеграции различных групп населения в период существования княжества Феодоро, этнокультурный фон которого был греческим[69]. Окончательно же православное население горной Таврики консолидировалось под властью османских завоевателей, став в последствии единой греческой народностью[70].

Во-вторых, перепись 1520 г. фиксирует, что в селении было 7 семей христиан потерявших мужчину-кормильца, а 1542 г. — 5. Возможно, причиной этому были не только естественные причины. Какие именно? На этот вопрос, возможно, поможет ответить сообщение Ожье Гильсена де Бусбека, который в 1555—1562 гг. был послом Австрии в Османской империи. В Константинополе ему удалось встретиться с греком и готом из Таврики, которые сообщили ему уникальные сведения о языке крымских готов, и кроме всего прочего, что готы «это воинственный народ, который и сегодня обитает во многих селах, из которых царек татар, когда он готовиться к войне, набирает восемьсот пехотинцев с огнестрельным оружием, составляющих оплот его войск»[71]. Речь здесь идет о еще не полностью ассимилировавшемся готском, но говорящем на греческом языке, носившем греческие имена и исповедовавшем православие, населении сел Готии, из которого к тому же комплектовалось особое подразделение пехоты в Крымском ханстве. Этих стрелков можно было использовать в качестве ханской гвардии и, возможно, в качестве военных поселян[72].

Иная ситуация с христианским населением Чоргуня наблюдается спустя девяносто лет. По данным джизйе дефтера 1634 г. в составе Мангупского каза/кадылыка находилось 50 сел, в которых было 958 дворов иноверцев (немусульман), в том числе 213 семей которые переселились в пределах османских владений. В то же время 343 семей выселились в

---

[67] Başbakanlık Osmanlı Arşivi. Tapu ve Tahrir defterleri. № 214. S. 166—167.

[68] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 229.

[69] *Айбабин А.И.*, *Герцен А.Г.*, *Храпунов И.Н.* Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 216.

[70] *Архимандрит Арсений* Готская епархия в Крыму // ЖМНП. 1873. Ч. CLXV. С. 72—73; *Герцен А.Г.* Христианская община Мангупа под властью турок // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. Симферополь, 2006. С. 29—30; *Герцен А.Г.* Христианство в Мангупе под властью турок // Таврические духовные чтения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 140-летию открытия Таврической духовной семинарии. Симферополь, 2013. Т. II. С. 309—310.

[71] *Ганина Н.А.* Крымско-готский язык. СПб., 2011. С. 95.

[72] *Гайворонский А.Е.* К вопросу о христианских подразделениях в армии Крымского ханства // БИАС. 2001. Вып. 2. С. 442.

пределы Крымского ханства[73]. В самом Чоргуне в этот период было всего 10 дворов христиан[74]. Также джизйе дефтер 1634 г. содержит интересные сведения о том, что в это время из Чоргуня на территорию Крымского ханства переселилось 3 семьи христиан, которые вместе с выходцами из некоторых других населенных пунктов Мангупского кадылыка (Инкерман, Мангуб, Сурен (?), Отар, Папа Никола (?)) сформировали немусульманскую общину села Майрам[75].

В 1652 г. среди населения Чоргуня христиане уже не фиксируются[76]. В чем же причина столь быстрого исчезновения всего христианского населения села? На этот вопрос, возможно, поможет ответить группа документов. Первый из них — это опубликованное А.В. Ефимовым письмо кефинских чиновников 1634 г., в котором указывается, что из-за нападений «злосчастных русских разбойников … крымцы остались голыми и погорельцами, райяты же рассеялись и разбежались»[77]. В данном случае под «русскими разбойниками» понимались казаки, о жестокости которых свидетельствует сообщение доминиканца Эмиддио Дортелли д'Асколи, в котором говорится, что «казаки разрушают, грабят, жгут, уводят в рабство, умерщвляют; часто осаждают укрепленные города, берут их приступом, опустошают и выжигают»[78]. Вероятнее всего, это обстоятельство, стало причиной массового выезда христиан как из Чоргуня, так и других прибрежных сел. К этому добавлялось и то обстоятельство, что, как замечал Эмиддио д'Асколи, «под татарином живешь несравненно спокойнее и платишь меньше дани, чем под турком»[79]. Хотя, и в Крымском ханстве христиане «лишенные строгого покровительства законов государства, представляли средину между рабом и полноправным гражданином»[80].

В связи с вышесказанным большой интерес представляют материалы русских посольств в Крыму, которые в частности сохранили описание совместного похода донских и запорожских казаков в 1631 г. Из него следует, что в конце августа 1631 г., после того как казаки разграбили и сожгли Гезлев, они приплыли на судах к руинам Сары-Кермена (Херсонеса) и устроили здесь временный лагерь. Затем совершали пешие вылазки к селениям, находившимся вплоть до двадцати километров от лагеря, а после «разорили» и Инкерман[81]. Возможно, одним из селений, на которое напали казаки был и Чоргунь.

---

[73] *Ефимов А.В.* Джизйе-дефтер лива-и Кефе 1634 года как источник по истории Крыма // Греки Балаклавы и Севастополя. М., 2013. С. 28; *Ефимов А.В.* Христианское население Крыма в 1630-е годы по османским источникам // Вестник РГГУ: Исторические науки. Региональная история. Краеведение. 2013. № 9 (110). С. 141.

[74] *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the Mid-Seventeenth Century: Some Problems and Preliminary Considerations… P. 220.

[75] *Ефимов А.В.* Джизйе-дефтер лива-и Кефе 1634 года как источник по истории… С. 33.

[76] *Ефимов А.В.* Из османской налоговой ведомости. XVII век // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник / под ред. В.В. Харабуга. Симферополь, 2000. С. 283—290.

[77] *Ефимов А.В.* Джизйе-дефтер лива-и Кефе 1634 года как источник по истории… С. 35.

[78] Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 / пер. с итальянского *Н.П. Пименова*, с прим. *А.Л. Бертье-Делагарда* // ЗООИД. 1902. Т. XXIV. С. 98.

[79] Там же. С. 120.

[80] *Хартахай Ф.А.* Историческая судьба крымских татар (статья вторая) // Вестник Европы. 1867. Т. II. Июнь. С. 143.

[81] [*Сухоруков В.Д.*] Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1869. Т. I. С. 227—228.

Пострадало село, вероятно, и во время нападения казаков в 1629 г. на Мангуп (ок. 10 мая), где «хан и иные знатные татары тех краев хранят самые драгоценные вещи»[82].

Вероятнее всего, именно эти события легли в основу легенды, о том, что Чоргунская башня была «сооружена турецким пашою, при содействии какого-то богача Кара-хады, чтобы предоставить возможность жителям укрываться в ней от Черкезского племени Чавка, делающего набеги со стороны южного берега»[83]. В данном случае частично подтверждается тезис О.Я. Савели об использовании башни в качестве убежища при нападении казаков, хотя и автор данной работы не согласен с его датировкой сооружения башни в 20-х гг. XVII в.[84]

Завершая разговор об этнических процессах, происходивших в юго-западной Таврике, и в частности в Чоргуне, можно сделать следующий вывод: возникшее на периферии некогда могучего, но постепенно угасающего Херсона, селение оказалось на территории где в период средневековья происходили сложные этнические процессы. Проживавшие на этих землях «потомки завоевателей, готов и аланов, растворившие в своей среде осколки других этносов, благодаря культурному, идеологическому и политическому влиянию Византии уже стали неотъемлемой частью средневекового греческого христианского мира»[85]. Еще более процесс этнокультурной интеграции различных групп населения усилился в период существования особого этнополитического организма средневековой Таврики — княжества Феодоро, этнокультурный фон которого был греческим. Но, вероятнее всего, несмотря на полное доминирование греческого языка и православия, еще оставались в княжестве довольно значительные группы не полностью ассимилированного населения. В частности готов, сохранявших еще на бытовом уровне свой язык.

Ситуация изменилась в 1475 г., когда в Таврику вторглись османские завоеватели. В декабре, после полугодовой осады, пала столица княжества, располагавшаяся на горе Мангуп. В это время православное население горной части полуострова окончательно консолидируется под властью завоевателей и постепенно полностью переходит на греческий язык. А память о тех же готах сохранялась теперь только в названии церковной епархии, паства которой, именуемая теперь «греками», была переселена российской императрицей Екатериной II в Приазовье в 1778 г.[86]

Одной из сложных проблем позднесредневековой истории Чоргуня является определение этнической принадлежности мусульман, которые постепенно стали доминирующей группой его населения, а затем и полностью сменили христианское. В этом отношении большой интерес представляет сообщение В.Х. Кондараки, посетившего село в 70-х гг. XIX в. Он говорил, что местные татары «наружными чертами лица» похожи на турков, а также «они не сохранили никаких преданий, которыми изобилуют татары, при

[82] Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч… С. 121; Описание Перекопских и Ногайских Татар, Черкесов, Мингрелов и Грузин, Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена (1625) / пер. с франц. *Н. Юрченко* // ЗООИД. 1879. Т. XI. С. 484; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948. С. 136.

[83] *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. Николаев, 1873. Ч. I. С. 116.

[84] *Савеля О.Я.* Чоргунская башня — памятник истории казачества в Крыму? // 350-летие Азовского осадного сидения. Тезисы докладов конференции. Азов, 1991. С. 42.

[85] *Герцен А.Г.* Между вторым и третьим Римом // Московский журнал. История государства Российского. 1998. № 11. С. 45.

[86] *Колтухов С.Г.*, *Юрочкин В.Ю.* От Скифии к Готии. Симферополь, 2004. С. 201.

напоминании им ханских времен». Этого же мнения придерживался и местный татарин мулла[87].

Во второй половине XVI—XVII вв. происходит постепенное переселение в юго-западную Таврику татар с территории Крымского ханства. Еще несколько столетий назад кочевники татары своими набегами приносили этому региону только боль, страдания и разрушения, но теперь для их осевших потомков эта земля постепенно стала родным домом. Все это привело к усилению мусульманской общины селения, которая постепенно стала доминирующей, а затем и вовсе полностью сменила православную (окончательно «угасла» во второй половине XVII в.). В свою очередь изменение этноконфессионального состава жителей повлекло ориентализацию облика как городских[88], так и сельских поселений данного региона.

Итак, по состоянию на 1783 г. можно выделить следующие «компоненты», из которых сформировалась мусульманская община Чоргуня:

1. Принявшего ислам автохтонного населения. Эта часть была наименьшей, но наиболее «древней».
2. Мусульмане-переселенцы из охваченных бунтами и подверженных многолетним неурожаям санджаков Восточной Анатолии[89].
3. Татар, разного социального положения, которые в результате миграционных процессов постепенно переселялись с территории Крымского ханства в османские владения на полуострове. При этом феодалы и зажиточные татары получали от султана довольно крупные земельные пожалования, а оборона большей части территории эялета была возложена на хана.

Во всяком случае, окончательно пролить свет, на сложные этнические процессы происходившие с населением Чоргуня в позднем средневековье, вероятнее всего, могло бы данные, полученные в результате археологического исследования христианского и мусульманского некрополей соответствующего периода.

Побывавший в 1666 г. в Чоргуне турецкий путешественник Эвлия Челеби ибн Мехмед Зилли Дервиш говорил, что «оно расположено в широкой долине на берегу реки Казаклы-озен (р. Черная — *Е.Н.*). Деревня с садами, виноградниками, ста пятьюдесятью домами, крытыми черепицей, одной баней и одной соборной мечетью. Между прочим, перед домами жителей Чоргане Мустафы-аги и также Ахмеда-аги, у которых мы гостили, есть большая башня с железными воротами и подъемным мостом. По милости хозяев этих домов все путешествующие находят здесь благодеяния»[90]. Также он упоминает о четырехпролетном мосте через р. Черную, построенном в 1657/58 г. Сефер Гази-агой (визирь Мухаммеда IV Гирая (1051—1054, 1064—1076 гг. х., 1641—1644, 1654—1666 гг. по Р.Х.) и Ислама III Гирая (1054—1064 гг. х., 1644—1654 гг. по Р.Х.))[91].

---

[87] *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма… С. 117—118.

[88] *Иванов А.В.* Мусульманские культовые постройки османского времени в Инкермане и Балаклаве // Великая схизма. Религии мира до и после разделения церквей. Тезисы докладов и сообщений XVI Международной конференции по истории религии и религиоведению (Севастополь, 26-31.05.2014). Севастополь, 2014. С. 17.

[89] *Ефимов А.В.* Из османской налоговой ведомости… С. 290; *Ефимов А.В.* Джизйе-дефтер лива-и Кефе 1634 года как источник по истории… С. 34.

[90] Evliya Çelebi Seyahatnamesi / hazırlayan A. Cevdet ve N. Asim. İstanbul, 1928. Cilt VII. S. 582; Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667 гг.) / пер. и коммент. *М.Б. Кизилова*. Симферополь, 1996. С. 89; *Эвлия Челеби* Книга путешествия… С. 75.

[91] Там же. С. 75.

Однако, несмотря на всю важность данных, приводимых Э. Челеби, не всем им можно однозначно доверять. В особенности это касается численных значений, которые автор, как правило, завышает. Он говорит, что в Чоргуне было 150 домов, но, к сожалению, не сообщает о делении на полноценные и вдовьи семьи, а также холостяков. Если взять наибольший коэффициент 5, то выходит приблизительно 750 чел. Но подобная демографическая обстановка в селении фиксируется только в последнем десятилетии XIX в. — 685 чел. в 1887 г.[92], 872 чел. в 1893 г.[93] и 948 чел. (из них 259 православных, 682 мусульманина) в 1897 г.[94]

Говоря о разочтениях в демографических данных, которые предоставляют источники, следует упомянуть письмо председателя городского совета Рагузы венецианскому дожу Пьетро Мочениго, в котором кроме всего прочего говорится, что до захвата турками в 1475 г. Феодоро, его правителю было подвластно 30 тыс. домов (семейств)[95]. Если учесть что семья в то время состояла в среднем из 5—6 человек, то выходит, что население феодоритской Готии во второй половине XV в. составляло 150—180 тыс. человек. А.Л. Бертье-Делагард доводил эту цифру до 200 тыс. чел.[96] Однако, по данным османских дефтеров, к 1520 г. народонаселение Мангупского каза/кадылыка составляло 12460 чел. Если учитывать, что Балаклава (972 чел.)[97] и ряд населенных пунктов Южного берега, находившихся на территории генуэзского Капитанства Готии, не входили в состав Феодоро, но относились к Мангупскому каза/кадылыку, выходит, что на территории бывшего княжества проживало около 10 тыс. чел. На фоне таких данных трудно представить, что за менее чем полвека население бывшего княжества сократилось в 15-16 раз.

Интересные данные о селении, содержащиеся в Кадиаскерском Сакке 1097-1111 гг. х., 1686-1710 гг. по Р.Х., приводит А.И. Маркевич. Так, относительно записей касающихся освобождения невольников он пишет: «русский невольник Василий был освобожден в сороковой день после смерти (мудебир) своего хозяина Сейбулла-аги, согласно его завещанию. Кевгер-хан Бике, житель д. Чоргун, освободил русского невольника Бекзата. Али, сын Сейбуллы, дал своему невольнику, русскому, Диляверу, казаку, 33 старых баранов и 5 однолеток на 5 лет с тем, что если он возвратит ему, по прошествию этого срока, 200 баранов, то получит свободу. Асан, сын Кантемира, освободил свою невольницу Ганджа (Анна), русскую, «ради Бога» и слов пророка, что если кто освободит раба, того Бог избавит от ада»[98].

Около 9 лет это селение находилось в подчинении Крымского ханства. После заключения 10 (21) июня 1774 г. Кючук-Кайнаджирского мирного договора между

---

[92] Памятная книжка Таврической губернии. Сборник статистических сведений по Таврической губернии / под ред. *К.А. Вернера*. Симферополь, 1889. Т. IX. С. 33.

[93] ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 367. Л. 12.

[94] Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905. XLI. Таврическая губерния. С. 219; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга / под ред. *В.П. Семенова-Тян-Шанского*. СПб., 1910. Т. XIV. Новороссия и Крым. С. 735.

[95] *Колли Л.П.* Исторические документы о падении Каффы // ИТУАК. 1911. Т. 45. С. 17.

[96] *Бертье-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. Т. 55. С. 34.

[97] *Курникова О.М.* Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI-XVIII вв.: дисс. … канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2009. С. 110, 237, 238.

[98] *Маркевич А.* К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества: историческая справка // Таврический церковно-общественный вестник. 1910. № 11. С. 531.

Российской и Османской империями, завершившего русско-турецкую войну 1768—1774 гг., Крымское ханство получило независимость от Османской империи[99] и ее владения в юго-западном и юго-восточном Крыму[100]. Мангупский каза/кадылык, вместе с Чоргунем, вошел в состав Бахчисарайского (Бакче-сарайского) каймаканства[101]. В это же время Чоргунь и многие другие села и города Мангупского, Судакского, Кефинского и Таманского кадылыков были отданы на откуп последним крымским ханом Шагин Гираем (1191—1197 гг. х., 1777—1783 гг. по Р.Х.), управляющему монетным двором Абдул-Гамиду Аге, и «при нем находящимся» Аджи-Мегмеду, Мулла-Омеру и Мулла-Ресулю[102;103].

8 (19) апреля 1783 г. императрица Екатерина II издала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу»[104]. Начинается новый период истории Чоргуня…

---

[99] *Юзефович Т.П.* Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869. С. 26—27; *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты в XVIII в. до присоединения его к России. Одесса, 1898. С.148; *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 279—280.

[100] *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 — 1794 годах… С. 157.

[101] *Лашков Ф.Ф.* Камеральное описание Крыма 1784 г. (Продолжение) // ИТУАК. 1888. Т. 6. С. 43.

[102] *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 — 1794 годах… С. 157-158; *Лашков Ф.Ф.* Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения (Введение) // ИТУАК. 1895. Т. 22. С. 108—110.

[103] Ф. Дюбуа де Монпере, побывавший в Крыму в 1834 г., говорил, что до присоединения Крыма к Российской империи Чоргунем владел один из членов семьи Крым-Гирея (См.: *Dubois de Montpéreux F.* Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Avec un atlas géographique, pittoresque, archéologique, géologique, etc. T. VI. Paris, 1838. P. 269; *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. Т. 5, 6 / пер. с французского *Т.М. Фадеевой*. Симферополь, 2009. С. 251). Интересным фактом является и то, что в 1784 г. в Чоргуне и на прилегающих территориях находились довольно обширные владения представителей крымскотатарской аристократии Арсланша Мурзы и его сына Аметша Мурзы (См.: ГАРК. Ф. 799. Оп. 3. Д. 3. Л. 12).

[104] Полное собрание законов Российской империи, 1649-1825: в 45 т. / под ред. М.М. Сперанского. СПб., 1830. Т. XXI. С. 897—898.

Е.В. Недселькин

К истории села Черноречье в Средние века

В данной статье рассмотрен один из важных аспектов истории с. Черноречье (Чоргунь), находящегося на территории города федерального значения Севастополя, — средневековый период его существования. Автор привел аргументы, которые свидетельствуют о существовании этого селения уже в XV в. на территории греко-готского княжества Феодоро. Затем последовательно рассмотрен слабо представленный в письменных и археологических источниках период истории этого населенного пункта с XV в. до вхождения Крыма в состав Российской империи в 1783 г.

Ключевые слова: Черноречье, Чоргунь, Феодоро, Османская империя, XV в.

E.V. Nedelkin

To the history of the Chernorechie village in the Middle Ages

In this article author explored one of the most important aspects of the history of the Chernorechie (Chorgun) village, which located on the territory of the city of federal importance of Sevastopol — the medieval period of its existence. The author lead arguments that suggest the existence of this village in the 15th century on the Greek-Gothic Principality of Theodoro. Next successively investigated historical period of the settlement from the 15th century before joining the Crimea to the Russian Empire in 1783, which is poorly represented in the written and archaeological sources.

Keywords: Chernorechie, Chorgun, Theodoro, the Ottoman Empire, 15th century.

УДК 94(47).08:726.5(477.7)

Д.А. Прохоров

К ИСТОРИИ ВИЗИТОВ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ РОМАНОВЫХ В «ПЕЩЕРНЫЙ ГОРОД» ЧУФУТ-КАЛЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Одним из малоизученных, и поэтому зачастую подвергающихся искажению аспектов прошлого крымских караимов является история контактов российских монархов и членов их семей с представителями караимских общин Крыма. Актуальность выбранной темы обусловлена и тем, что в 2013 г. отмечалось 400-летие дома Романовых, а также 230-летие присоединения Крыма к России. Однако, несмотря на то, что историография вопроса насчитывает ряд работ различного уровня, следует отметить, что многие эпизоды остались вне поля зрения исследователей; кроме того, отдельные публикации носят поверхностный и откровенно дилетантский характер. Для работы над предлагаемой статьей были привлечены материалы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Крым (г. Симферополь)[1], а также труды дореволюционных и современных авторов по истории династии Романовых.

Описание обстоятельств визита на Крымский полуостров императрицы Екатерины II после присоединения Крыма к России сопровождалось в литературе различными непроверенными фактами. Например, сообщения ряда авторов о том, что российская императрица Екатерина II в 1787 г. посетила Чуфут-Кале, очевидно, являются не более чем домыслами[2]. В соответствии с имеющимися сведениями, кортеж императрицы прибыл в Бахчисарай вечером 20 мая 1787 г., а спустя день, согласно разработанного и заранее утвержденного маршрута путешествия, Екатерина II должна была выехать в направлении Севастополя. В многочисленных источниках (в частности, в дневнике французского историка и дипломата, посла Франции при дворе российской императрицы Луи-Филиппа Сегюра, сопровождавшего Екатерину II в этом путешествии, а также в записках ее статс-секретаря А.В. Храповицкого) подробно описана программа пребывания монархини и ее кортежа в Крыму. Проанализировав эти документы, можно сделать вывод, что императрица во время своего пребывания в бывшей столице Крымского ханства Чуфут-Кале не посещала. 21 мая 1787 г., в день тезоименитства великого князя Константина Павловича и великой княжны Елены Павловны Екатерина II присутствовала на литургии в походной церкви Старооскольского пехотного полка; после окончания обедни она «благоволила жаловать к руке воинский генералитет, штаб-офицеров, гражданских чиновников,

---

[1] Далее — ГААРК.

[2] *Кокизов Ю.Д.* Караимы. Краткий исторический очерк. СПб: Тип. В.С. Балашев и Ко, 1898. С. 11; [*Пигит С.Ш.*] Дни минувшие…: Из воспоминаний С.Ш. Пигита [Пер. с древнеевр. И. Круглевич] // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 8—9. январь-февраль. С. 60; Посещение Екатериной Великой Крыма // Караимские вести. М., 1994, июнь. № 6. С. 1; Крым после присоединения к России // Караимская народная энциклопедия. Т. 1. Вводный. М., 1995. С. 119, 120; *Богославская Т.* Забытая страничка истории Кале: родовое гнездо крымских караимов: дворец Беньямин Ага // Къырым-къарайлар. 2011. № 8. С. 5. (Приложение к газете Къырым. 2011. 7 сентября (№ 54); *Полканова А.* Хотя плит в Кале уже нет: [памятные плиты в честь всех посещений крепости членами царских фамилий] // Къырым-къарайлар. 2010. № 6. С. 10. (Приложение к газете Къырым. 2010. 15 мая. № 36—37); *Кропотов В.С., Полканов Ю.А., Полканова А.Ю.* Крымские караимы Российской империи // Крымъ. Иллюстрированный историко-краеведческий альманах. Вып. 2; Сост. А.Ф. Козлов, В.Ф. Козлов. М.: Издательский центр «Краеведение», 2013. С. 328, 329, 357.

дворянство и мурз, в хорунге[3] служащих»[4]. Затем в нижней дворцовой зале Бахчисарайского ханского дворца она «изволила иметь обеденный стол» с сопровождавшим ее графом Фалькенштейном (под этим именем скрывался император Священной Римской империи и король Германии Иосиф II, инкогнито путешествовавший вместе с императрицей по России) — на обед были приглашены высшие генеральские чины, а также крымскотатарский муфтий Мусалаф-эфенди и кадиаскер Мехмет-Сеид эфенди. 22 мая в 10 часов утра кортеж Екатерины II отбыл из Бахчисарая в Инкерман[5]. Из вышеприведенного отрывка очевидно, что императрица во время своего пребывания в бывшей столице крымских ханов Чуфут-Кале не посещала. Как замечал профессор Новороссийского (Одесского) университета А.Г. Брикнер, Екатерина II и ее ближайшее окружение во время пребывания в Бахчисарае занимались чтением и сочинением стихов «в тесном кружке, рассказывая анекдоты и беседуя о разных предметах». Впоследствии, возвращаясь из поездки по Байдарской долине, монархиня со свитой вновь направилась на ночлег и отдых на один день в Бахчисарай[6].

По этой же причине имени Екатерины II нет и в списке царских особ, побывавших на Чуфут-Кале, который позднее был опубликован в работах С. Бейма и С.М. Шапшала[7]. На плато Чуфут-Кале поднялся австрийский император Иосиф II — он побывал в караимской кенасе, был приглашен в дом знатного караима Биньямина-Ага[8] и, по-видимому, посетил богатую караимскую усадьбу, в которой позднее жил газзан Шеломо (Соломон) бен Авраам Бейм[9] (об этом визите императора в Чуфут-Кале сам С. Бейм упоминал в одном из своих очерков)[10].

В связи с этим следует упомянуть о том, что в фондах Бахчисарайского историко-культурного заповедника сегодня хранятся фрагменты двух шлифованных плит, изготовленных из мраморовидного известняка розовато-желтого цвета с прожилками. На одной из них была выполнена, посредством резьбы и последующим нанесением на буквы позолоты, надпись на русском языке (несмотря на то, что некоторые части этой плиты не сохранились, все

---

[3] Хорунга (от польск. хорунга — знамя) — *зд.:* воинское подразделение.

[4] *Храповицкий А.В.* Журнал Высочайшего путешествия Ея Величества государыни императрицы Екатерины II. самодержицы всероссийской в полуденныя страны России, в 1787 году // Записки Одесского Общества Истории и Древностей (ЗООИД). Одесса: гор. тип., 1853. Т. III. С. 284.

[5] Там же.

[6] Записки графа [Л.-Ф.] Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789) Пер. с франц. СПб.: тип. В.Н. Майкова, 1865. С. 212, 213; *Храповицкий А.В.* Журнал Высочайшаго путешествия Ея Величества… С. 284; *Брикнер А.Г.* Путешествие императрицы Екатерины II в полуденный край России в 1787 году // ЖМНП. 1872, июль. Ч. CLXII, отд. 2. С. 43, 46.

[7] *Бейм С.А.* Память о Чуфут-Кале. Одесса Тип. Х. Алексомати, 1862. С. 44—46; *Шапшал С.М.* Караимы в Крыму. Краткий очерк. Б.м., б.г. С. 33.

[8] Биньямин (Вениамин) бен Самуил Ага являлся управляющим финансами и заведующий монетным двором Шагин-Герая. В его обязанности входили, в частности, переговоры с представителями местной администрации (а при необходимости, и с вышестоящим начальством). Бывший ханский казначей также вошел в состав делегации, отправившейся в 1795 г. в Санкт-Петербург и уполномоченной представлять интересы караимов. Скончался Вениамин бен Самуил Ага в 1824 г. (*С.П.* [*Познанский С.*] Ага, Вениамин бен-Самуил // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем; Под ред. Каценельсона. СПб.: изд-ие Общ-ва для научных еврейских изданий и изд-ва Брокгауз и Ефрон. Т. I: А—Алмемар. кол. 382, 383).

[9] Военный Крым. Корреспонденция Н.В. Берга / Подготовка текста, вступ. статья и примеч. Д.К. Первых (Васильевой) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 11. С. 65.

[10] *Бейм С.А.* Чуфут-Кале и его первоначальные обитатели // Новороссийский календарь на 1859 г. Одесса, 1858. С. 436.

же бóльшая часть текста вполне читаема): «Возрадуется Израиль о Создателе своем и сыны Сиона восторжествуют в честь Великих Царей и Августейших Фамилий удостоивших своим высоким посещением древнее обиталище Караимов. В приезд в Тавриду Её В<ели>чества Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II в 1787 году посетил Чуфут-Кале и <…> Римский Император ИОСИФ II Его Высочество Великий Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ в 1816 году Его Высочество Великий Князь МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ в 1817 году Его Величество Государь Император АЛЕКСАНДР Благословенный в 1818 и 1824 году Его Величество Государь Император НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ <и> Ея Величество Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ФЁДОРОВНА, Его <…>[11] <цесаревич> наследник <АЛ>ЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ Ея Высочество Великая Княгиня МАРИЯ НИКОЛАЕВНА и Ея Высочество Великая Княгиня ЕЛЕНА ПАВЛОВНА в 1837 году Ея Высочество Великая Княгиня ЕЛЕНА ПАВЛОВНА и Ея Высочество Великая Княгиня МАРИЯ МИХАЙЛОВНА в 1841 г. Его Высочество Великий Князь КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ в 1845 году»[12]. На второй плите, изготовленной из такого же мраморовидного известняка, надпись, повторявшая текст на первой плите, была выполнена на иврите[13].

Со значительной долей вероятности можно утверждать, что они были установлены в одной из чуфут-кальских кенас[14]. В пользу этой версии может свидетельствовать тот факт, что в очерке газзана С. Бейма «Память о Чуфут-Кале» упоминается, что в Большой (Соборной) кенасе Чуфут-Кале, возле алтаря, рядом с даром императрицы Александры Федоровны — серебряной кружкой, установленной на особом пьедестале — были «перечислены имена всех Августейших посетителей синагоги»[15]; очевидно, речь в приведенном фрагменте именно об этих памятных плитах.

В память о посещении императрицей Екатериной II Бахчисарая, недалеко от ханского дворца, рядом с мостом через р. Чурук-Су, была установлена «екатерининская миля». От других подобных знаков, установленных на территории полуострова по пути следования императрицы, бахчисарайскую милю отличает то, что в верхней ее части на двух гранях была сделана надпись, выполненная на русском и крымскотатарском языках: «Благородной памяти императрица Екатерина II изволила быть в Бахчисарае 1787 года, мая 14». Миля была украшена двуглавым

[11] Вероятно, утраченное слово в этом фрагменте надписи — «Высочество».

[12] БИКЗ КП № 11037 (64,5 х 33 х 7). Указанная плита была обнаружена сотрудником БИКЗ Г.И. Золотовой в 1980-е гг. в подвале фонтанного дворика Ханского дворца. Остается упомянуть, что единственным источником, как считалось ранее, зафиксировавшим эту надпись, являлось письмо Татьяны Эринчек и Сергея Кальфа-Калиф С.М. Шапшалу от 16 сентября 1956 г. (информация об этом письме впервые была обнаружена в Рукописном отделе библиотеки литовской Академии Наук и введена в научный оборот М.Б. Кизиловым). Авторы письма предложили С.М. Шапшалу убрать данную надпись, т.к. она содержала слова «синагога» и «Израиль». Действительно, вскоре надпись исчезла, и дальнейшая судьба плиты была неизвестна вплоть до сегодняшнего дня (См: *Прохоров Д.А., Кизилов М.Б.* Чуфут-Кале — «Иудейская крепость» в Крыму — как экскурсионный объект в конце XIX — начале XX вв. (К проблеме использования памятников караимской истории и культуры) // Параллели. Русско-еврейский альманах. М.: Дом Еврейской книги, 2009. № 10—11. С. 64; *Прохоров Д.А.* Памятные плиты кенасы Чуфут-Кале из фондов Бахчисарайского историко-культурного заповедника // Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Тезисы докладов международной конференции XV Боспорские чтения (19—23 мая 2014 г.) / Ред-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2014. С. 343—349).

[13] БИКЗ КП № 11038 (64,5 × 33 × 7). Эта плита также была обнаружена сотрудником БИКЗ Г.И. Золотовой в 1980-е гг. в подвале фонтанного дворика Ханского дворца.

[14] *Бейм С.А.* Чуфут-Кале и его первоначальные обитатели… С. 434, 435.

[15] *Бейм С.А.* Память о Чуфут-Кале... С. 47, 48.

орлом, перенесенным с «железных», или «посольских» дверей Ханского дворца — там он был установлен вместо мусульманского полумесяца ранее, во время проведения ремонтных работ (ныне эта деталь на памятном знаке отсутствует). Дата визита Екатерины II в Бахчисарай была также выбита на «триумфальной» арке каменных ворот при въезде в город: «мая 1787 года»[16], специально сооруженной в 1787 г. в ознаменование визита государыни[17].

В дальнейшем представители династии Романовых продолжали регулярно бывать в Крыму, и, в том числе, в «пещерном городе» Чуфут-Кале. Так, российский император Александр I Благословенный посетил крепость несколько раз — в 1818, 1824 и в 1825 гг.[18] Организацией приема августейшего гостя занимался газзан Чуфут-Кале Исаак бен Шломо. 18 мая 1824 г. российский монарх, в сопровождении флигель-адъютанта и историка А.И. Михайловского-Данилевского отправился в Чуфут-Кале, осмотрел местную кенасу, при этом даже присутствовал на богослужении. Затем «он пошел пешком в дом богатого жителя» Биньямина бен Самуила Ага, где для царственного гостя был приготовлен завтрак, состоявший из «орехов, сотов, масла, сыра, плодов и цареградских конфект»[19]. Александр I «подкрепился немного едою и отдохнул, а после вышел к женщинам, ласково говорил с ними, шутил с маленькими детьми и целовал их, а после всего этого направился в Бахчи-Сарай, оттуда уехал в Симферополь и затем в «Ор», т.е., в Армянск, и по приезду в Ор прислал оттуда золотое кольцо с бриллиантовым камнем»[20]. В мемуарах А.И. Михайловского-Данилевского также упоминается, что Биньямин-Ага, выражая императору Александру I благодарность за оказанную ему честь, просил государя посетить и его гарем, в котором оказалось «женщин до десяти, от 15 до 50 лет». Не ожидавшие посещения, они крайне перепугались и закрыли лица руками, а когда «муж объяснил, что перед ними государь, они изумленно смотрели». В ответ Александр I сказал им по-французски: «Dites a ces dames, que je suis enchante d'avoir fait leur connaissance» («Сообщите этим дамам, что я в восторге от знакомства с ними»)[21]. В честь посещения императором у входа в Малую кенасу Чуфут-Кале была установлена памятная плита из известняка с надписью на иврите (к сожалению, ее полный текст, за исключением слов «император Александр I», был впоследствии утрачен)[22].

Как сообщал биограф Александра I М.И. Богданович, после визита на Чуфут-Кале Александр I на обратном пути остановился в Успенском монастыре близ Бахчисарая; «обедал в ханском дворце, угощая муфтия и нескольких татарских мирз (князей), очарованных его ласковым приемом и веселостью, и пожелав видеть их мечети, присутствовал при некоторых обрядах Ислама». После чего государь 31 октября (13 ноября) прибыл в Евпаторию, где

---

[16] Сегодня камень с этой надписью хранится в фондах БИКЗ.

[17] *Домбровский Ф.* Историко-статистический очерк г. Багчесарая // Новороссийский календарь на 1849 г., издаваемый Ришельевским лицеем. Одесса, 1848. С. 387.

[18] *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. СПБ.: тип. Ф. Сушинского, 1871. Т. V. С. 381, 382.

[19] *Михайловский-Данилевский А.И.* Записки А.И. Михайловского-Данилевского. 1818 год // Исторический вестник, 1892. Т. 48. № 5. С. 371.

[20] *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I… С. 516, 517; *Б.К.* Посещение императором Александром I Чуфут-Кале // Караимское слово. Вильна: тип. Бр. Яловцер, 1913, сентябрь-октябрь. № 3—4. С. 3.

[21] *Михайловский-Данилевский А.И.* Записки А.И. Михайловского-Данилевского... С. 371.

[22] *Кизилов М.Б.* Толерантность, мистицизм и еврейские религиозные секты в эпоху императора Александра I // Российская история. 2010. № 1. С. 113.

осмотрел «церкви, мечети, синагогу, казармы <…> принял депутацию жителей города с просьбой о восстановлении у них порто-франко»[23].

К визиту монарха в 1825 г. для него в Бахчисарайском дворце были приготовлены апартаменты в отдельном флигеле, где к тому времени был проведен ремонт под руководством архитектора И.Ф. Колодина. В самом флигеле, в котором останавливался император, «была сделала новая лестница, из тесаного камня с поручнем на столбах; в комнатах устроены были диваны, обитые шелковыми материями, повешена люстра»[24]. Александр I прибыл в Бахчисарай 29 октября 1825 г.; 1 ноября 1825 г. император осмотрел евпаторийскую кенасу; по свидетельству современников, прием, оказанный ему караимами, произвел на монарха благоприятное впечатление; в знак своей милости он принес в дар караимской общине серебряный кубок[25]. Тогда же Исаак бен Шломо исполнил в присутствии Александра I сложенную в его честь кантату на караимском и русском языках (начальные буквы строф русского перевода, выполненного, по всей видимости, Йосефом Шломо бен Моше «Яшаром» Луцким (1771—1844), образовывали акростих «АЛЕКСАНДР ИМПЕРАТор»)[26]. После посещения Крыма император 5 (17) ноября возвратился в Таганрог, где через несколько дней скоропостижно скончался «от горячки с воспалением мозга» в возрасте 47 лет[27].

В ознаменование посещения государем евпаторийских кенас Симха бен Шломо Бабович (официально избранный 4 апреля 1839 г. караимским гахамом) вскоре возбудил ходатайство перед министром МВД графом Л.А. Перовским: по предложению евпаторийской караимской общины, собравшей необходимые средства «для увековечения столь важного события для сынов, преданных Отечеству и Царю»[28], гахам выступил с инициативой соорудить во дворе евпаторийских кенас памятник, проект которого был вскоре представлен на утверждение в вышестоящие инстанции в Санкт-Петербург[29]. Этот документ в декабре 1850 г. удостоился Высочайшего одобрения императора Николая I, причем им же было дано распоряжение о беспошлинной доставке из-за границы мрамора для памятника (второй вариант предполагал постройку монумента из крымского порфира)[30]. На лицевой стороне мраморной стелы, установленной во дворике караимских кенас, была сделана надпись на русском языке: «Императору Александру I. В ознаменование посещения синагоги[31] ноября 1-го дня 1825 г. От Евпаторийских караимов. Сооружен в 1851 г.»[32]

---

[23] *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I… С. 516, 517.

[24] *Маркевич А.И.* К истории ханского Бахчисарайского дворца. Архивная справка // ИТУАК. Симферополь, 1895. № 23. С. 171.

[25] *Кизилов М.Б.* Толерантность, мистицизм... С. 114.

[26] *Султанов С.* Памятник Александру Благословенному в Евпатории // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 12, май. С. 68.

[27] *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I... С. 517.

[28] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 10. Л. 7—10; ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

[29] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 6, 6 об.

[30] Там же. Л. 1 об.

[31] Впоследствии слово «синагога» в русском варианте надписи было заменено на «кенаса»; в надписи, сделанной на караимском этнолекте крымскотатарского языка ивритской графикой, слово «синагога» сохранилось (*Кизилов М.Б.* Толерантность, мистицизм... С. 114).

[32] Как явствует из переписки Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП) с Евпаторийской таможней, памятник Александру I был возведен все же не в 1851 г., как это следует из памятной надписи, а не ранее апреля 1853 г. Кроме того, первоначальный вариант надписи на монументе гласил: «Императору Александру I. В ознаменование посещения синагоги ноября 1-го дня 1825 г. От Евпаторийских караимов поставлен» (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 10. Л. 3, 6; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 12. Л. 1, 6, 6 об., 7).

В память о пребывании императора Александра I в Бахчисарае в городе был также сооружен фонтан, стилизованный под *дюрбе*[33] (предположительно, по проекту архитектора Ф. Эльсона, занимавшегося реставрацией Ханского дворца). Башенка, украшенная фигурными зубцами по всему периметру, увенчана каменным куполом. С трех сторон стены фонтана прорезаны высокими стрельчатыми арками, покрытыми стилизованными лепестками цветущего лотоса. На четвертой, глухой стене, над ныне заложенной нишей, была установлена плита с арабской надписью о посещении императором Александром I Бахчисарая[34].

В 1837 г. российский император Николай I изъявил желание посетить Крым вместе с семьей; в связи с этим было принято решение вновь провести в Бахчисарайском дворце ремонтные работы, которые теперь производились под наблюдением самого Симхи Бабовича. По поручению Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова караимский гахам в апреле 1837 г. специально ездил в Стамбул для приобретения необходимых материалов для восстановительных работ, покупки мебели, ковров, тканей, утвари и украшений (причем, по словам современников, активное содействие Симхе Бабовичу в этом вопросе оказывал великий визирь Османской империи Иваззаде Халил-паша (Галиль-бей (1724—1777)[35]. За проявленное усердие при подготовке дворца к визиту императора и деловые качества Симха Бабович «удостоился неоднократно получать лично одобрение и благодарность Государя Императора и всей Императорской фамилии»[36]. В Бахчисарай императрица Александра Федоровна и великая княжна Мария Николаевна прибыли в субботу, 11 сентября 1837 г.; Николай I и наследник престола цесаревич Александр присоединились к ним днем 12 сентября[37]. В ознаменование визита царской семьи в ханском дворце был устроен праздник, на котором присутствовали: Новороссийский генерал-губернатор М.С. Воронцов, таврический гражданский губернатор М.М. Муромцев, губернский предводитель дворянства, статский советник П.А. Взметнев, командующий гвардейским крымско-татарским эскадроном князь Адиль-бей Балатуков, а также крымско-татарские мурзы и духовенство. Русский поэт В.А. Жуковский, ставший очевидцем этого торжественного события, так описывал встречу императорской семьи: «Прекрасный вид собравшегося народа. Караимы в белых чалмах. Сима Бабович, красный камзол, зеленое бархатное нижнее платье. Горы, увенчанные народом. Татарки в белых саванах. Приезд императрицы. К(няз)ь Долгоруков <…> Освещенные мечети, дворы, горы. Гарем, явление караимских женщин и их костюм. Мария Николаевна в татарском костюме. Дервиши в мечети. Поклоны, лай, кружение. Молитва. Музыка из тамбуринов и скрипок и песни.

---

[33] Дюрбе (тюрбе) — в османской архитектуре тип монументальных гробниц-мавзолеев шести- и восьмиугольной формы, распространенных на территориях проживания мусульманского населения, в т.ч., и в Крыму. Обычно усыпальница знати либо известных духовных лидеров. Как правило, дюрбе располагается на земле мечети или религиозного комплекса.

[34] *Фадеева Т.М., Соколова М.В.* Бахчисарай и его окрестности. Путеводитель. Симферополь: Бизнес-информ, 2003. С. 57, 58; *Зайцев И.В.* Фонтаны новым падишахам // Восточная коллекция. 2014. № 4(59). С. 44—46.

[35] [*Сафонов С.В.*] Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года / Сост. С. Сафоновым. Одесса: Гор. тип., 1840. С. 11; *Вихнович В.Л.* Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. СПб.: Петербуржское Востоковедение, 1997. С. 89; *Фадеева И.Л.* Еврейские общины в Османской империи. Страницы истории. М.: Крафт+, ИВ РАН, 2012. С. 61; *Желтухина О.* А. Романовы в Бахчисарае. Севастополь: Библекс, 2005. С. 8.

[36] [*Сафонов С.В.*] Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года… С. 11.

[37] Там же. С. 14.

Чтение «Бахчисарайского фонтана» <А.С. Пушкина>»[38]. Присутствовавших на празднике в честь визита государя-императора караимов в «оригинальном богатом одеянии, в особенности отличавшемся пестротою» отмечали и другие свидетели этого события. Тогда же император Николай I и императрица Александра Федоровна «изволили милостиво принять» Симху Бабовича вместе с членами его семьи, вознаградив их ценными подарками[39].

13 сентября 1837 г. императрица Александра Федоровна и великая княжна Мария Николаевна отправились в Чуфут-Кале, где их принимали лично гахам Симха Бабович и газзан Мордехай бен Йосеф Султанский. «У главных ворот караимские мальчики, выстроившись в линию под начальством стариков-раввинов, пели духовную песнь, оканчивая каждый стих хором и молитвою о сохранении августейшей Фамилии. Караимские женщины встретили также августейших посетительниц у ворот города, укутанные белыми покрывалами, но с открытыми лицами <…> В сопровождении многочисленной и разнообразной толпы, въехали в город и по извилистым и узким улицам [и] достигли караимской синагоги. Там раввины вновь воспели Всемогущему Богу молитву о сохранении царствующего дома. Императрица с любопытством рассматривала Ветхий Завет, написанный на огромных листах пергамина и сохраняющийся в богатых ящиках, обделанных бархатом и серебром. Оставив синагогу, Государыня Императрица удостоила своим посещением дом одного из зажиточных Караимов — Мангуби, где была угощаема завтраком, состоящим по восточному обычаю, большею частью из варенья, конфектов и азиатского блюда «халвы» (гелва), составляемого из сахара, яиц, муки и части меда. Ея Императорское Величество долго любовалась богатыми нарядами караимских женщин и детей и оставила Чуфут-Кале около 2-х часов, выехав через другие ворота»[40].

Как сообщал В.А. Жуковский, побывавший в Чуфут-Кале в тот день, на него произвели впечатление «вид города, живописность, лица, синагога и пальба», устроенная в честь императора и его семьи; из достопримечательностей гостями были осмотрены также мавзолей дочери хана Тохтамыша Ненекеджан Ханум (Джанике-ханым) и его окрестности[41]. От всей караимской общины Чуфут-Кале императрице Александре Федоровне и великой княжне Марии Николаевне были переданы в дар две лошади с богатой сбруей. «Седла были сделаны в Константинополе; по красному и зеленому бархату, расстилались цветы, вышитые золотом, серебром и жемчугом; узды и прочий убор, равно были богаты и красивы», — отмечал российский историк и общественный деятель С.В. Сафонов[42]. 14 сентября Чуфут-Кале также посетили Николай I и цесаревич Александр, в сопровождении супруги и великой княжны Марии Александровны, которые «показывали им то, что они видели накануне»[43].

---

[38] Дневники В.А. Жуковского. Сообщ. И.А. Бычков // *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / Под ред. И.А. Айзиковой, Н.Ж. Вётшева, Э.М. Миляковой, Ф.З. Кануновой, О.Б. Лебедевой, и др. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834—1847. С. 76.

[39] [*Сафонов С.В.*] Описание пребывания императорской фамилии в Крыму… С. 18, 24.

[40] Там же. С. 21, 22.

[41] Дневники В.А. Жуковского... С. 75.

[42] Мемуарист замечал, при каждой подаренной лошади, на которых императрица и великая княгиня совершали конные прогулки, постоянно «находился один караим, который особенно в крутых и опасных местах шел пешком подле лошади». Во время таких прогулок впереди ехал сопровождавший августейших гостей Симха Бабович, представлявший, по свидетельству очевидцев, в своем «великолепном и разноцветном одеянии красивый авангард» ([*Сафонов С.В.*] Описание пребывания императорской фамилии в Крыму... С. 17, 62, 63).

[43] Там же. С. 22.

Во время визита императорской четы в Бахчисарайский Свято-Успенский мужской монастырь произошел любопытный эпизод. Как свидетельствовали очевидцы, по окончании богослужения императрица Александра Федоровна и великая княжна и Мария Николаевна вышли на галерею, стены которой обыкновенно бывают покрыты множеством надписей. Там же августейшие гости сделали собственноручно надписи: «Александра, 13-то Сентября 1837», «Мария, 13-го Сентября 1837». Спустя несколько дней в монастыре побывали сам император Николай I и цесаревич Александр, которые тоже отметились надписями: «Николай, в первый раз 26 Іюня 1816», «Во второй раз 14 Сентября 1837»; «Александр, 14 Сентября 1837»[44].

26 июня 1842 г. прибывший в столицу Симха Бабович добился высочайшей аудиенции у императора, во время которой принес от всего караимского народа поздравления Николаю I и Александре Федоровне по случаю их «серебряной свадьбы, а вместе с тем желая принести поздравления благословенным царственным детям Ея их императорским высочествам наследнику Александру Николаевичу и Марии Николаевне со вступлением в священный брак», сообщив также, что «народ караимский <…> о здравии и благоденствии всей августейшей царственной фамилии и о благосостоянии всего отечества России <…> во всех Синагогах каждую субботу приносит теплые ко Всевышнему молитвы»[45]. Помимо всего прочего, Симхой Бабовичем, от лица всех караимов и «во изъявление же чувств своих, по древним обычаям» монаршей семье были вручены ценные подарки: «Из Крымских изделий три золотые браслеты Ея Величеству Всемилостивейшей Государыне Императрице их Императорским Высочествам Великим Княжнам Марии Александровне и Марии Николаевне, так же всем им по одному ожерелью и по одной турецкой Серальской феске, а их императорским Высочествам Великим княжнам по одной серебряной браслетке по ожерелью и по феске. Его императорскому Величеству Всемилостивейшему Государю императору и их императорским Высочествам: Великому Князю цесаревичу наследнику и другим великим князьям но одному черепаховому гребешку в азиатском вкусе с жемчужными для каждого футлярами»[46]. Помимо этого, Симха Бабович сообщал в своем письме П.М. Волконскому, что государь во время своего посещения Чуфут-Кале изволил удостоить «Высочайшей ласки малолетних детей» гахама, и повелел привезти их в Санкт-Петербург. По достижению 16-летнего возраста сыном Симхи Бабовича Эммануилом гахам привез его в 1842 г. в столицу и просил князя представить своего отпрыска императору[47].

В ответ на преподнесенные Симхой Бабовичем подарки и в знак особого монаршего благоволения императрица Александра Федоровна прислала летом 1842 г. караимам Чуфут-Кале серебряную кружку с выгравированной на ней памятной надписью: «Бахчисарайскому караимскому обществу»; эта кружка была передана таврическим губернатором, генерал-лейтенантом В.И. Пестелем 31 декабря 1847 г. в Симферополе представителям караимов, и хранилась у местной общины вплоть до 1911 г., когда была украдена вместе с другими

[44] Там же. С. 19, 22, 23.
[45] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 116.
[46] Там же. Л. 116, 119
[47] Там же. Л. 119.

ценными предметами из бахчисарайской кенасы, и затем переплавлена на металл злоумышленниками[48].

Визит императорской четы в Чуфут-Кале караимы решили отметить особым памятным знаком. В январе 1848 г. представители караимской общины во главе с Симхой Бабовичем составили ходатайство, в котором, в частности, говорилось: «С самого покорения Крымского полуострова под Российскую державу имеем мы счастие доныне пользоваться как благословенным спокойствием, так и многими преимуществами и милостями, дарованными нам от Всероссийского престола»[49]. Относительно монаршего подарка ходатаи заявляли, что «дар сей, как знак Высшей милости караимам от Государыни Императрицы, должен хранится в предместии города Бахчисарая Чуфут-Кале <…> и поэтому в память и в ознаменование на вечные времена сей Высочайшей милости и для поддержания самого Чуфут-Кале мы единодушно определяем: учредить в оном такое заведение, которое бы вполне соответствовало предназначенной цели»[50]. Вскоре изготовили две плиты (из мраморовидного известняка розовато-желтого цвета с прожилками), которые затем были установлены, как уже было сказано, на стене Большой (Соборной) кенасы Чуфут-Кале, у алтаря; дар императрицы Александры Федоровны был помещен там же, на особом пьедестале. Сегодня эти мемориальные плиты, состоящие из нескольких фрагментов, хранятся в фондах БИКЗ. Надпись на одной из них, выполненная на русском языке посредством резьбы с последующим нанесением позолоты на буквы (часть надписи не сохранилась и была частично повреждена), гласит: «<Росси>йская <Г>осударыня Императрица <АЛ>ЕКСАНДРА ФЁДОРОВНА Высочайше пожаловала обществу караимов в Чуфут-Кале серебряную кружку за поднесённые <Ея>[51] <Вел>ичеству в 1842 году пове<ренны>м его Си<м>ою Бобовичем <за>[52] <Кр>ымские изделия <по>[53] Высоча<й>шей милости <с благосло>вен<ием и>[54] б<л>агоговением <п>ринят от Господина Генерал Лейтенанта Владимира Ивановича Пестеля в губернском городе Симферополе в лето 1847 Декабря 31го. И да сохранится память на вечные <вр>емена в потомств<е Кар>аимов»[55]. На второй плите текст, идентичный надписи на первой плите, вырезан на древнееврейском языке[56].

Помимо этого, в память об императрице Александре Федоровне, скончавшейся 20 октября (1 ноября) 1860 г. в Царском Селе, караимами было принято решение о проведении ежегодного торжественного церемониала. Поминальный обряд назначался на 1 июля — «как

[48] [*Пигит С.Ш.*] Дни минувшие... С. 61; Хроника текущей жизни. Общие известия. Симферополь. Дело об ограблении бахчисарайской кенаса // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь. С. 125; Хроника текущей жизни. Общие известия. Ограбление кенаса в Бахчисарае (В симфер.<опольском> окружном суде) // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 5—6, октябрь-ноябрь. С. 126, 127.

[49] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1449. Л. 1, 1 об.

[50] Там же. Л. 1 об., 2.

[51] Место утраченного фрагмента плиты со словом «Ея».

[52] Утраченный фрагмент плиты с предлогом «за»

[53] Утраченный фрагмент плиты с предлогом «по».

[54] Плита в этом месте надписи сильно повреждена; фрагменты надписи были утрачены. Очевидно, здесь следует читать: «с благословением и».

[55] БИКЗ КП № 11035.

[56] БИКЗ КП № 11039. Обе плиты были также обнаружены сотрудником БИКЗ Г.И. Золотовой в 1980-е гг. в подвале фонтанного дворика Ханского дворца. У плиты с текстом на иврите отсутствует большой фрагмент.

день рождения Ея величества в Бозе почившей Императрицы[57] и месяц, в который пожалован сей дар»[58]. Помимо депутатов от караимских общин, караимского духовенства, ко дню торжества в Чуфут-Кале приглашались таврический губернатор или один из высших губернских чиновников, а также представители местных властей Бахчисарая. После богослужения, во время которого произносились молитвы об упокоении душ скончавшихся членов императорской семьи, начиная от Екатерины II, из Большой (Соборной) кенасы Чуфут-Кале процессия выдвигалась на караимское кладбище в Иосафатовой долине; один из почетных депутатов-караимов на «особо приготовленном подносе» нес подарок императрицы — серебряную кружку. По совершении краткой панихиды «о душах почивших благодетелей Караимов» процессия возвращалась в кенасу, где моление оканчивалось пением псалма «Господи, силою твоею возвеселится Царь!» (Пс. 20:1—13). Окончание обряда заключалось в торжественном обеде «в восточном вкусе», проходившем, как правило, в доме газзана Чуфут-Кале; во время трапезы, где присутствовали все почетные гости, провозглашались тосты о «здравии Императорского Дома и начальствующих особ», а затем общий хор караимов исполнял гимн «Боже, Царя храни!» Завершалось торжество раздачей милостыни малоимущим караимам[59].

Отметим также, что в 1867 г. циркуляром ТОКДП в честь августейших покровителей караимов было предписано проводить религиозный обряд всем караимским общинам[60]; помимо этого, распоряжением духовного правления старостам караимских кенас предписывалось объявить об установлении денежного сбора с «женихов и невест во время бракосочетания в пользу серебреной кружки»[61].

В середине XIX в. представители императорской семьи Романовых продолжали посещать полуостров. В 1845 г. Бахчисарай с визитом побывал великий князь Константин Николаевич, чьи поездки в Крым приобрели характер регулярных, когда, после смерти императрицы Александры Федоровны в 1860 г. к великому князю перешло имение Ореанда. Переписка о поднесении великим князьям Константину и Михаилу Романовым адреса по случаю их приезда в Ялту в 1864 г. велась между ТОКДП и местными караимами — кстати, эти документы являются одним из первых свидетельств о появлении в этом городе караимской общины[62]. Великий князь Константин Николаевич посетил Чуфут-Кале в 1850 и 1866 гг.; в 1851, 1854 и 1866 гг. в «пещерный город» совершил визиты великий князь Николай Николаевич, а великий князь Михаил Николаевич — в 1851 и 1854 гг.[63]

В разгар Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. Александру II пришлось взять на себя непростые обязанности главнокомандующего русской армией — государственные финансы были истощены неудачной Крымской кампанией, в ходе которой Россия оказалась в полной международной изоляции. С 28 по 31 октября (9—12 ноября) 1855 г. Александр II находился в Бахчисарае, подробно знакомился с обстановкой на фронте. Как описывал это событие русский поэт, переводчик и журналист Н.В. Берг, в честь приезда государя «в городе была иллюминация из разноцветных фонарей и плошек <…> на горах зажгли смоляные бочки.

[57] День рождения императрицы Александры Федоровны, урожденной принцессы Фридерики Луизы Шарлотты Вильгельмины Прусской — 13 июля 1798 г. (по новому стилю).

[58] *Бейм С.А.* Память о Чуфут-Кале... С. 49, 50.

[59] Там же. С. 51—55.

[60] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1510. Л. 2; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1816. Л. 1—8.

[61] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1547. Л. 2.

[62] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1750. Л. 1—4.

[63] *Шапшал С.М.* Караимы в Крыму. Краткий очерк… С. 33.

По городу носятся каски, веют солтаны и блещут эполеты, давно нами не виденные»[64]. Здесь же присутствовал и командующий русской армией в Крыму князь М.Д. Горчаков. В Ханском дворце был устроен госпиталь для 150 раненых; 54 дома в городе использовались для военных надобностей. Местное население (в том числе, и крымские караимы) оказывало самую действенную помощь русской армии. Например, бахчисарайский купец караим Бабакай Ильягов Геким Баба Рофе с начала военных действий снабжал раненных, поставляя в госпиталь чай, сахар, белый хлеб «из добровольных приношений караимов и преимущественно от себя»; бахчисарайский купец Шолеме Кефели передал комиссару Бахчисарайского военного временного госпиталя 50 рубах, а купеческий сын Моисей Кальфа — 10 ведер уксуса[65]. Свой дом в Карасубазаре отдал под нужды раненых воинов и гахам Симха Бабович[66]. В мае 1854 г., по рекомендации генерала-лейтенанта В.И. Пестеля, газзан Шеломо (Соломон) Бейм занимался сбором сведений на территории Таврической губернии, снабжая информацией Главный штаб Южной армии, располагавшийся на Инкерманских высотах в прифронтовой полосе[67]. А владелец поместья на Каче, одесский купец Бабович (которому удалось бежать из плена в Евпатории), в декабре 1854 г. сообщил командованию русской армии ценные сведения о наступательных планах неприятеля[68]. Среди участников Крымской войны из числа караимов наибольшую известность также получили: будущий Таврический и Одесский караимский гахам С.М. Панпулов, (в Севастопольскую оборону находился при полевом госпитале Н.И. Пирогова в должности брата милосердия); заступающий должность городского головы Севастополя С.И. Кефели; служащий магистрата Ю. Кефели; купцы М. Айваз, Ю. Мичри, Т. Шакай, С. Сапак, Б. Кушлю, Э. Леви и др.[69] Как свидетельствовал в своем рапорте главнокомандующему М.Д. Горчакову генерал Д.Е. Остен-Сакен, «крымские караимы проявили в эту войну очень много усердия и самоотверженности, а главный караимский газзан [Шеломо] Бейм, замечательный умом и образованием, постоянно дает направление караимам и укореняет в них любовь к Отечеству»[70].

26 августа 1856 г., в день коронации Александра II, императором была подписана «Высочайшая благоволительная грамота» населению Таврической губернии, в которой, в частности, говорилось: «Война, разгораясь более и более, поразила вас тяжелым жребием вражеского нашествия <…> Ныне, когда пламя войны погасло на вашей земле, когда разоренные жилища и грады ваши поднимаются из-под пепла и утучненные кровью нивы и пажити зовут к себе труд и заботы, Мы перед лицом всей России с сердцем, исполненным отеческой любви к вам, объявляем вам искреннюю благодарность за жертвы святому делу

---

[64] Военный Крым. Корреспонденция Н.В. Берга... С. 72.

[65] *Маркевич А.И.* Таврическая губерния во время Крымской войны; По архивным материалам; Вступ. ст. С.В. Павличенко. Симферополь: Бизнес-информ, 1994. С. 98, 99, 103; *Терещук Н.М.* Документальные источники по истории севастопольского купечества периода Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. // Альминские чтения. Материалы науч.-практич. конференции (Песчаное-Бахчисарай, 21—22 сентября 2008 г.); Под ред. О.А. Желтухиной. Симферополь: АнтиквА, 2008. С. 129.

[66] *Маркевич А.И.* Таврическая губерния во время Крымской войны... С. 42.

[67] *Фельдман Д.З.* С.А. Бейм — глава караимской общины Крыма (по архивным материалам) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. М., 2000. № 3. С. 57, 58.

[68] Журнал военных действий в Крыму. Сентябрь — декабрь 1854 г. / Сост. А.В. Ефимов. Симферополь: АнтиквА, 2010. С. 128, 129.

[69] *Прохоров Д.А.* Караимские общины Крыма и Севастополя в конце XVIII — начале XIX вв. по документам Государственного архива в АР Крым: Исторический, демографический и медицинский аспекты // Вестникъ Морского врача. Севастополь, 2009. № 7. С. 160.

[70] *Фельдман Д.З.* С.А. Бейм — глава караимской общины Крыма… С. 58.

отечества»[71]. Помимо этого, население Таврической губернии получило от правительства материальное вознаграждение за понесенные во время войны убытки.

Следующий визит монарха в Бахчисарай состоялся 24 августа 1861 г., когда император Александр II, императрица Мария Александровна, цесаревич Николай Александрович и великая княгиня Мария Александровна также осмотрели Чуфут-Кале[72]. В начале 1860-х гг. старший сын императора Александра II Николай Александрович, в сопровождении своего воспитателя графа С.Г. Строганова совершил ознакомительные поездки по стране; в 1863 г. наследник престола прибыл в Чуфут-Кале. И в 1861, и в 1863 гг. для встречи августейших гостей «в родовом гнезде караимства» из Одессы (где он находился по приглашению одесской караимской общины) специально приезжал старший газзан Шеломо Бейм[73]. В 1866 г. «пещерный город» осмотрели Их Императорские Высочества, великие князья Николай Константинович (двоюродный брат Александра III), Сергей Александрович (пятый сын Александра I) и Владимир Александрович (третий сын Александра I), причем последний посетил Чуфут-Кале и в 1867 г. Во время этого визита Владимиру Александровичу Романову от караимов был поднесен национальный караимский костюм.

Осенью 1884 г. глава государства, вместе с женой, императрицей Марией Федоровной и детьми Ксенией и Михаилом впервые приехал в Крым. По железной дороге до Севастополя, а затем на крейсере «Ярославль» Александр III прибыл в Ялту, где посетил Ливадию. А 4 мая 1886 г. императорская семья — Александр III, Мария Федоровна, великая княгиня Елизавета Федоровна, наследник престола Николай Александрович и великие князья Алексей Александрович, Сергей Александрович и Павел Александрович — прибыли в Бахчисарай. Как сообщал «Правительственный вестник», «в четыре часа пополудни <…> Их Императорским Величествам представлялась депутация от караимского и Бахчисарайского обществ»[74]. В состав депутации от крымских караимов входили: ученый и педагог И.И. Казас, Таврический и Одесский караимский гахам С.М. Панпулов, потомственные почетные граждане С.И. Кефели и В.Б. Тонгур, бахчисарайский купец А.И. Прик и ялтинский купец Е. Майтоп[75]. После осмотра Бахчисарайского ханского дворца Александр III, Мария Федоровна и великие князья верхом на лошадях проследовали в Чуфут-Кале, где их ожидало «караимское общество, собравшееся в значительном числе из разных мест»[76].

В 1897 г. на Чуфут-Кале, на средства, собранные среди караимских общин разных городов, был простроен т.н. «Дом караимских обществ», предназначенных для приема высоких гостей — в первую очередь, для представителей царской семьи (сооружение самого здания обошлось в 25 тыс. руб.). Дом, возведенный рядом с усадьбой А.С. Фирковича на краю обрыва над Иосафатовой долиной (с широкой веранды здания открывался прекрасный вид на окружавшую

[71] № 30881. Августа 26. Высочайшая грамота всем сословиям Таврической губернии. О объявлении всем сословиям Таврической губернии Монаршей искренней благодарности за подвиги и терпение и за жертвы святому делу Отечества // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 2. СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. Т. XXXII, Отд. I. 1856. С. 803, 804.

[72] Маршрут высочайшего путешествия государыни императрицы в Крым 1861 года. СПб.: тип. Почтового ведомства, 1861. С. 9.

[73] [*Пигит С.Ш.*] Дни минувшие…, С. 60; *Кокизов Ю.Д.* Караимы. Краткий исторический очерк. С. 11; *Шапшал С.М.* Караимы в Крыму. Краткий очерк... С. 33; *Бейм С.А.* Память о Чуфут-Кале... С. 52.

[74] Крым после присоединения к России // Караимская народная энциклопедия: В 10 т.; Под ред. М. С. Сарача. М., 1995. Т. 1: Вводный, С. 120.

[75] Крым после присоединения к России... С. 120; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 519. Л. 11 об.

[76] Крым после присоединения к России... С. 120.

плато местность[77]), состоял из шести комнат, обставленных необходимой мебелью; центральный зал (гостиная) был оформлен в восточном стиле — кроме того, на его стенах были развешаны портреты императоров, посетивших в разное время Чуфут-Кале, а центральное место занимал большой портрет Екатерины II.

Следует сказать, что «Дом караимских обществ» несколько раз посещал последний российский император Николай II — в частности, его визиты на Чуфут-Кале состоялись в 1902 и 1913 гг. Утром 19 сентября 1902 г. Николай II и императрица Александра Федоровна в сопровождении свиты отправились с Малой царской пристани Севастополя в Бахчисарай, куда прибыли в 12 ч. 30 мин. Кортеж императора был встречен Таврическим губернатором В.Ф. Треповым, губернским предводителем дворянства С.Б. Скадовским, начальником 13-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом К.В. Церпицким, командиром 1-й бригады 13-й пехотной дивизии генерал-майором графом Сологубом, начальником жандармского управления генерал-майором С.В. Трубниковым, председателями уездной управы М.М. Кипчакским и губернской земской управы Я.Т. Харченко, уездным предводителем дворянства, а также бахчисарайским городским головой М. Давидовичем, поднесшим императору хлеб-соль. В открытой коляске Николай II с супругой проследовали в Бахчисарайский Ханский дворец, где их приветствовали делегации от крымскотатарской, караимской, греческой и еврейской общин. После посещения выставки местных кустарей, августейшая чета направилась на Чуфут-Кале: там, «встреченные гахамом <С.М.> Панпуловым, посетили синагогу, после чего Их Величества приняли завтрак от караимского общества». В четыре часа вечера Николай II и Александра Федоровна в сопровождении свиты отбыли в Успенский монастырь, где прослушали молебен, а в шесть часов возвратились в Севастополь, на императорскую яхту «Штандарт»[78].

В субботу, 31 августа 1913 г. на Чуфут-Кале вместе с императором прибыли великая Княгиня Ольга Александровна, великие княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна и Анастасия Николаевна Романовы, в сопровождении свиты (в числе прочих августейшую семью сопровождал таврический губернатор, камер-юнкер императорского двора Н.Н. Лавриновский). Николай II со свитой, сестрой и дочерями проследовал пешком по нижней дороге из Успенского монастыря в Иосафатову долину, у входа в которую августейших особ встречали представители караимской общественности: председатель Евпаторийской земской управы С.Э. Дуван, городской голова Евпатории М.М. Ефет, габбай бахчисарайской караимской общины Е.Ч. Майтоп, а также смотритель Чуфут-Кале А.С. Дубинский[79]. Затем вся процессия двинулась к главным крепостным воротам Биюк-Капу, откуда проследовала в «Дом караимских обществ», в главном зале которого был сервирован стол «с чаем, фруктами и караимскими сладостями». После завершения предложенной трапезы Николай II с семейством, в сопровождении представителей караимской делегации, осмотрел достопримечательности древнего города — мавзолей Ненекеджан-Ханум, караимскую кенасу (где экскурсанты были встречены евпаторийским караимским газзаном С.М. Нейманом, в то время — и.о. Таврического и Одесского караимского гахама).

Во время прогулки было сделано несколько фотографических снимков Николая II с сопровождавшими его особами[80]; Ольге Александровне, Ольге Николаевне, Татьяне

[77] *Бабиян В.* Экскурсия в Бахчисарай и Чуфут-Кале // Салгир. 1902. № 125. 8 июня; *Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму с приложением алфавита, семи новых карт Крыма, планов городов. Б.м., 1913. С. 179.

[78] Летопись. Севастополь // Салгир. 1902. № 209. 19 сентября.

[79] *Б. К.* Посещение императором Александром II Кале… С. 3, 4; Посещение Государем Императором Чуфут-Кале // Караимское слово. Вильна, 1913. № 5, ноябрь. С. 20, 21.

[80] *Миддор-Эль-Дур.* На высотах Кальских // Караимское слово. Вильна, 1914. № 11—12, май—июнь. С. 2—5.

Николаевне и Анастасии Николаевне караимскими девушками были преподнесены букеты цветов. Выйдя из кенасы, августейшее семейство направилось через средние (Орта-Капу) и малые (Кучук-Капу) городские крепостные ворота вниз. «По пути Его Величество, — сообщал корреспондент журнала «Караимское слово, — изволил интересоваться историей караимов и нынешним их местопребыванием в Евпатории, причем объяснения имел счастье давать С.Э. Дуван»[81]. У нижнего Чуфут-Кальского фонтана[82] Николай II выпил предложенную из него воду, а затем, простившись с принимавшими его караимами, отбыл через Бахчисарай в Ливадию.

Вот как сам Николай II описывал это посещение Чуфут-Кале в своем дневнике: «В 10 1/2 отправились большим обществом в Бахчисарай, куда прибыли к часу. Завтракали в Ханском дворце и обошли все помещения его и сады. Затем посетили Успенский монастырь в скале и влезли пешком на Чуфут-Кале. Ровно одиннадцать лет тому назад я был там с Аликс. Прошли весь мертвый город насквозь и вернулись к монастырю, а оттуда на моторах в Бахчисарай. Вид сверху далеко на море великолепный. Пили чай в саду дворца»[83]. Заметим также, что история «Дома караимских обществ» была относительно недолгой — в 1932 г. он был разобран до основания, однако фундамент этого здания до сих пор сохранился[84].

Тесные контакты между Романовыми и караимским духовенством, деятелями просвещения, предпринимателями и меценатами укрепляли позиции караимских общин в России. Содействие правительства и благосклонное отношение монархов во многих вопросах позволяло караимам, интегрировавшимся в российское языковое и культурное пространство, упрочить свое экономическое и правовое положение. По мнению представителей верхушки караимской общины, режиму такого благоприятствования должны были способствовать и частые визиты императора и членов его семьи в Крым, посещение ими караимских исторических и культурных достопримечательностей, встречи с представителями караимской интеллектуальной элиты и духовенством.

---

[81] Посещение Государем Императором Чуфут-Кале… С. 20, 21.

[82] По всей вероятности, речь идет о фонтане Газы-Мансур.

[83] Дневники императора Николая II; Под общ. ред. К.Ф. Шацилло. Сост., прим., комм. В.П. Козлов, Т.Ф. Павлова, З.И. Перегудова. М.: Орбита, 1991. С. 420, 421.

[84] *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь, 1993. С. 111.

Д.А. Прохоров

К истории визитов членов императорской семьи Романовых в «Пещерный город» Чуфут-Кале в XIX — начале XX вв.

В работе осуществлена реконструкция истории контактов между представителями династии Романовых и крымскими караимами, и, в частности, история визитов членов царской фамилии в «пещерный город» Чуфут-Кале в XIX — начале XX вв. В литературе многие эпизоды остались вне поля зрения исследователей; помимо этого, отдельные публикации носят поверхностный и откровенно дилетантский характер. Содействие правительства и благосклонное отношение монархов во многих вопросах позволяло караимам, интегрировавшимся в российское языковое и культурное пространство, упрочить свое экономическое и правовое положение, а также способствовало укреплению монархии и русского влияния на полуострове. Для работы над статьей были привлечены труды дореволюционных и современных авторов по истории династии Романовых, различные сборники, а также материалы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Крым.

Ключевые слова: Крым, караимы, «пещерный город» Чуфут-Кале, династия Романовых.

D.A. Prokhorov

To the history of visits of members of an imperial family Romanov to «cave city» of Chufut-Kaleh in XIX — the beginning of the XX centuries

This publication analyses the question about the contacts between Crimean Karaites and the members of an emperor’s dynasty of Romanovs, and about visits of the members of an emperor’s dynasty in the “cave towns” Chufut-Kaleh in the Nineteenth and Early Twentieth Century. In literature this problem undeservedly misses scholarly attention and has not yet been studied in details. Especially interesting the problem is activity of Karaite’s clergy in the context of the construction of the Karaites’s ethnic and confessional identity. This paper is grounded on the materials from the files in the State Archive of the Republic of the Crimea, as well as the data from collected documents and artifacts of the period.

Keywords: Crimea, Karaites, «cave towns» Chufut-Kaleh, emperor’s dynasty of Romanovs.

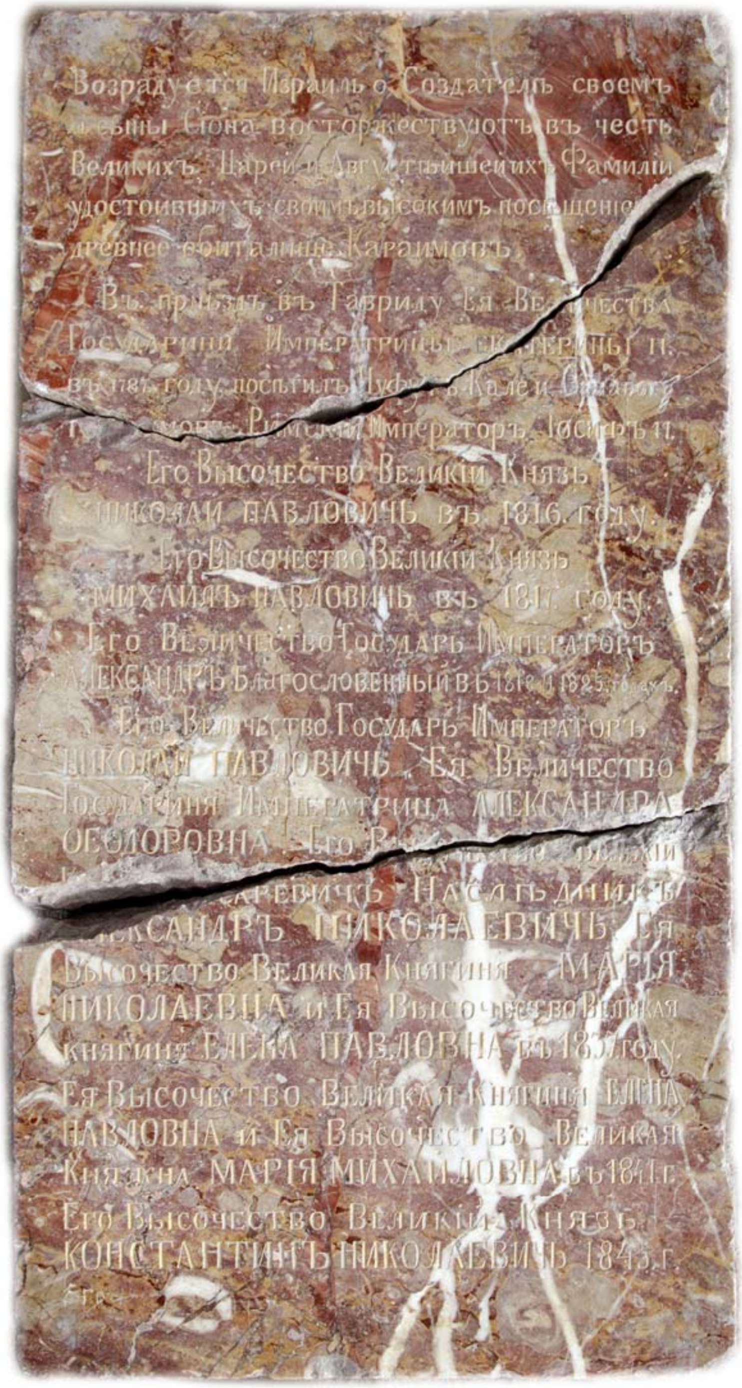

Рис. 1. БИКЗ КП № 11037. Памятная плита в честь посещения Чуфут-Кале членами императорской семьи Романовых и императора Иосифа II

Рис. 2. БИКЗ КП № 11035. Памятная плита в честь посещения Чуфут-Кале императрицей Александрой Федоровной Романовой

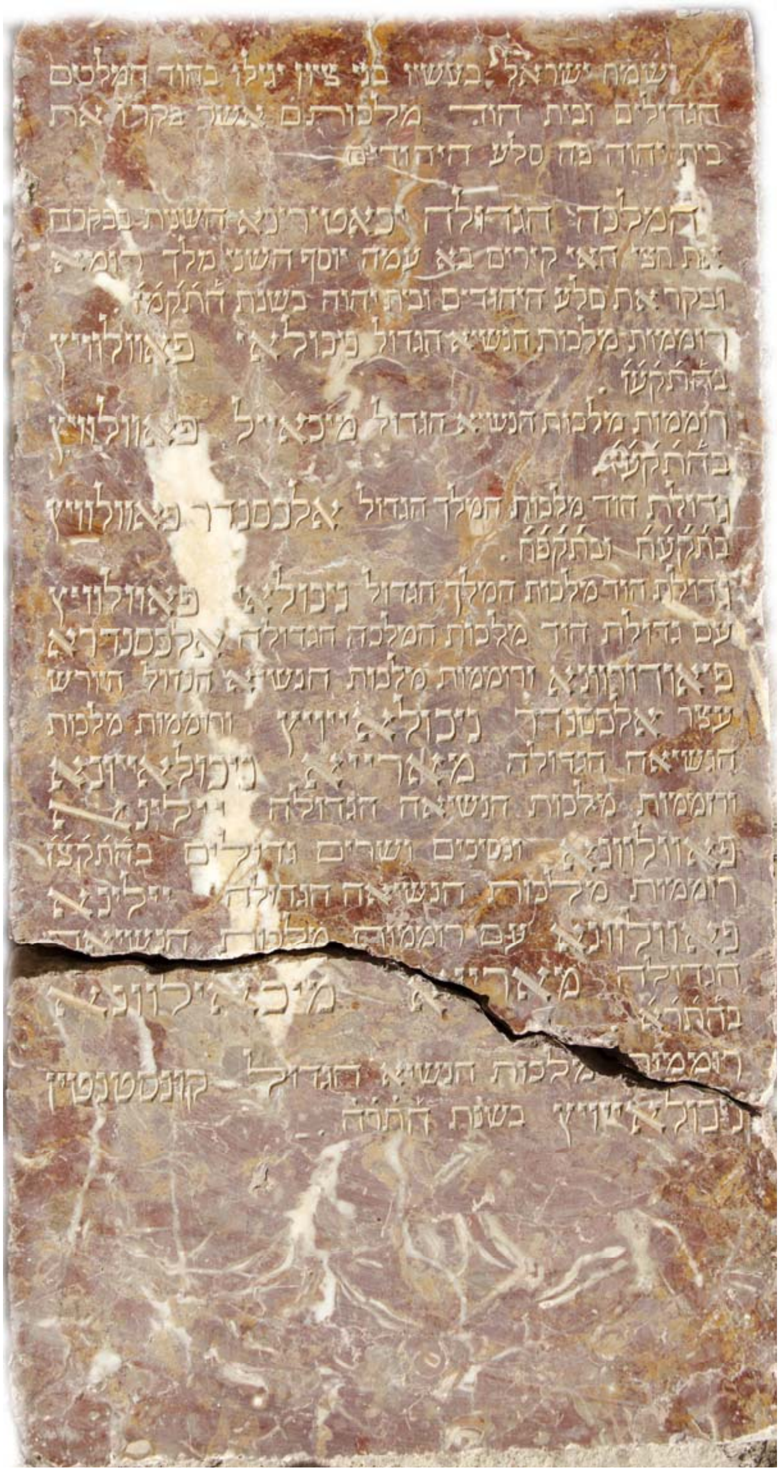

Рис. 3. БИКЗ КП № 11038. Памятная плита в честь посещения Чуфут-Кале членами императорской семьи Романовых и императора Иосифа II (иврит)

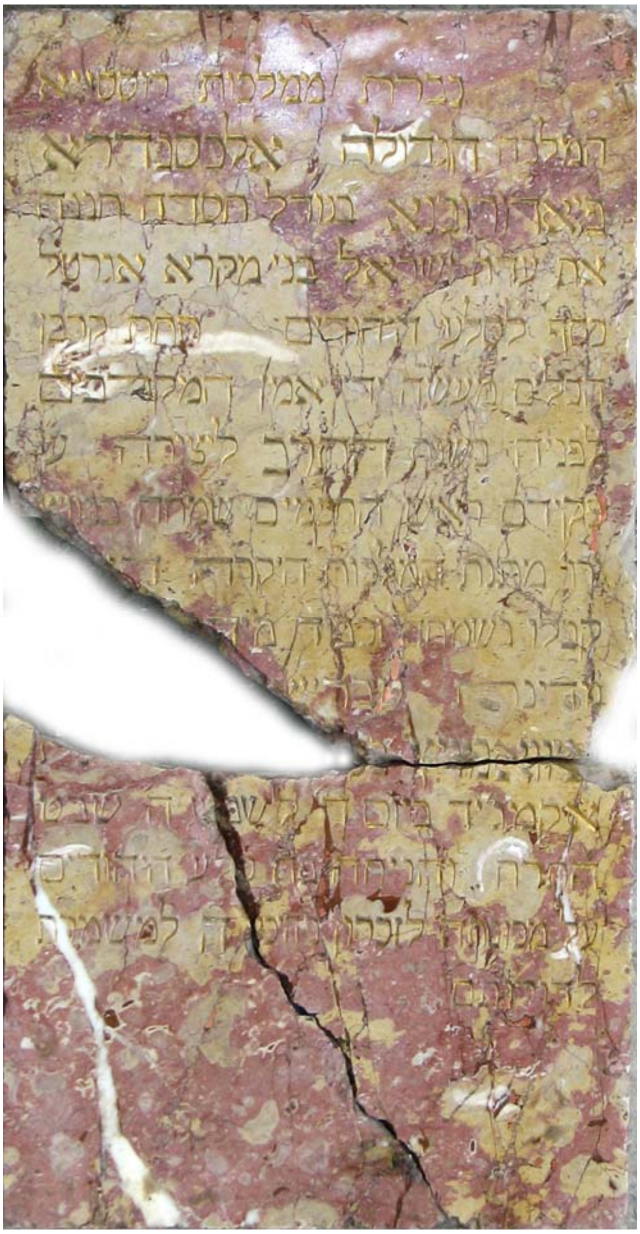

Рис. 4. БИКЗ КП № 11039. Памятная плита в честь посещения Чуфут-Кале императрицей Александрой Федоровной Романовой (иврит)

Рис. 5. Усадьба А.С. Фирковича на Чуфут-Кале (фото М.В. Гайдученко)

Рис. 6. Дом караимских обществ на Чуфут-Кале, 1897 г. (дореволюционное фото)

Рис.7. Мавзолей Ненекеджан-Ханым (фото М.В. Гайдученко)

Рис. 8. Панорама Чуфут-Кале (фото М.В. Гайдученко)

Рис. 9. Панорама Чуфут-Кале (фото М.В. Гайдученко)

Рис. 10. Большая (Соборная) кенаса Чуфут-Кале (фото М.В. Гайдученко)

Рис. 11. Визит членов императорской семьи Романовых на Чуфут-Кале в 1913 г.
У ворот Биюк-Капу (снимок из фондов Ялтинского историко-литературного музея)

Рис. 12. Николай II со свитой на Чуфут-Кале. У Средней оборонительной стены (снимок из фондов Ялтинского историко-литературного музея). Сзади, справа от императора – смотритель Чуфут-Кале А.С. Дубинский, справа от женщины в белой блузе, фрейлины великой княгини Ольги Александровны княжны Евгении Сергеевны Гагариной – бахчисарайский габбай (староста), купец Ефет Чефаньевич Майтоп, в начале 1900-х гг. осуществлявший надзор за Чуфут-Кале. Первый справа от Е.Ч. Майтопа – городской голова Евпатории Моисей Маркович Ефет (?). Крайний слева (рядом с таврическим губернатором Н.Н. Лавриновским) – председатель Евпаторийской земской управы Симха (Семен) Эзрович Дуван. Третий справа на фото – возможно, Абрам Исаакович Нейман, городской голова Евпатории (1910–1913).

Рис. 13. Главный парадный зал в «Доме караимских обществ», 1897 г. (дореволюционное фото)

Рис. 14. Визит императора Николая II на Чуфут-Кале в 1902 г.
(фото из журнала «Караимская жизнь», 1911 г.)

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 75.03(477.7)

М. В. Фомин

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

Попытки понять и объяснить процесс формирования Христианской Церкви привели к возникновению новых направлений в историографии и источниковедении. Так, в течение длительного времени велись работы направленные на изучение письменных источников. Но их противоречивость, сложности в прочтении и интерпретации привели к необходимости привлечения памятников материальной культуры. В этой связи особый интерес представляют произведения искусства, поскольку они наиболее полно отражают мировоззрение, его формирование, развитие, трансформацию, дополняют тексты, а иногда компенсируют их отсутствие. Искусство стало отражением системы мировосприятия, ценностей, философской и религиозной мысли. Не зря папа Григорий I Великий (Двоеслов) заявлял, что «икона — Библия для неграмотных» (Reg. epist. IX, 52, XI, 13).

Проблема становления христианского искусства до сегодняшнего дня остается дискуссионной. Традиционно считается, что оно зародилось в Риме. Обилие памятников привело к рождению целой плеяды исследователей, в свою очередь ставших основоположниками ряда школ[1]. Но революционные открытия в Дура-Европос во многом изменили сложившиеся представления[2]. Возник новый тезис — христианская художественная традиция сформировалась на Востоке[3], и оттуда распространилась на Запад, где легла в основу иконографии Римских катакомб. Действительно, среди христиан «Вечного города» было немало выходцев с Сирии и Палестины. Ближний Восток традиционно считается территорией раннего и весьма динамичного распространения христианства. Свидетельства об этом сохранились в книгах Нового Завета, апокрифических и гностических текстах, упоминают об этом и позднейшие труды по церковной истории, агиографические источники, свидетельства нехристианского происхождения[4].

Раннехристианская художественная традиция формировалась в сложных условиях: одновременно противопоставляя себя, и, в тоже время, испытывая влияние позднеантичного, эллинистического искусства. В связи с этим в церковной среде отношение к нему было

---

[1] *Беляев Л.А.* Христианские древности. СПб., 2001. С. 71—111.

[2] *Rostovtzeff M.I.* Dura-Europos and its Art. Oxford, 1938; *Бонгард-Левин Г.М., Литвиненко Ю.Н.* Парфянский выстрел. М., 2003.

[3] См. подробнее: *Strzygowski J.* Orient oder Rom: Beiträge zur Geschichte der Spätantiken und Frühchristlichen Kunst. Leipzig, 1901; *Бонгард-Левин Г.М., Литвиненко Ю.Н.* Парфянский выстрел; *Чаковская Л.С.* Воплощенная память о Храме: художественный мир синагог Святой Земли III—VI вв. н.э. М., 2011. С. 20—35.

[4] *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви. Киев, 2007. Т. 2. С. 253—258; *Дворкин А.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2005. С. 122—124; *Бонгард-Левин Г.М., Гаибов В.А., Кошеленко Г.А.* Распространение христианства на Востоке (в свете исследования памятников Дура-Европос) // ВДИ. 2005. № 3. С. 58—72; *Поснов М.Э.* История христианской Церкви (до разделения церквей 1054). Брюссель, 1964. С. 79—81.

достаточно сложным[5]. Но живопись становилась способом передачи информации, особым, сакральным языком. Памятники в своем большинстве несли не только изобразительное, иллюстративное значение. Они иероглифичны. При помощи символов были зашифрованы «тексты», прочитать которые мог лишь «посвященный». Не редко для этого использовались позднеантичные образы, трансформировавшиеся в христианстве и принимавшие новое значение. Вместе с проповедью нового учения постепенно распространялся и сакральный язык живописи.

Существенной проблемой изучения раннехристианского искусства является слабая исследованность христианских центров первых веков. Об этом неоднократно упоминалось в литературе[6]. В этой связи особый интерес представляют памятники Северного Причерноморья. Не смотря на отсутствие должного внимания к региону со стороны авторов первых веков, на территории Крымского полуострова зафиксированы следы раннего проникновения и утверждения Церкви. Археологические исследования могут частично дополнить, а во многом и компенсировать малую информативность письменных источников.

Особое место занимает Херсонес. Памятник находиться вне городской застройки, его исследование продолжается почти двести лет. На территории городища и в его ближайшей округе было открыт ряд уникальных комплексов позднеантичного и раннехристианского искусства. Они по праву могут стоять в одном ряду с катакомбами Рима и фресками Дура-Европос. Их исследование позволяет проследить процесс трансформации мировоззрения в период преобразования позднеантичного города в средневековый. К таким памятникам относятся в первую очередь херсонесские расписные склепы, сохранившие образцы погребальной живописи, а также открытые фрагменты фресковой росписи и мозаичного пола ранней «Базилики 1935 г.».

Наиболее полно изученной и многократно рассмотренной в историографии является погребальная живопись херсонесских раннехристианских склепов. Вокруг этой группы памятников не утихают дискуссии. На сегодняшний день открыто четырнадцать погребальных сооружений, содержащих росписи. Подробное описание восьми из них вошло в фундаментальный труд М.И. Ростовцева[7]. Материал о двух склепах (№ 1 и 2), открытых в 1998—1999 гг., был опубликован в приложении к работе В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного[8]. В 2002 г. был обнаружены два склепа с росписями[9] и с граффити, нанесенными по сырой штукатурке. Они были исследованы в 2006 г.[10] Помимо этого, во время строительных работ на западном берегу карантинной бухты был открыт, а впоследствии, исследован склеп «со

---

[5] См. подробнее: *Бычков В.В.* Эстетика отцов Церкви. М., 1995. С. 160, 190—199; *Голубцов А.П.* Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб., 1995 С. 89—105; *Александр (Салтыков), прот.* Тертуллиан об искусстве и о церковных художниках своего времени // Искусство христианского мира. М., 2001. Вып. 4. С. 5—15.

[6] *Bouras Ch.* City and Village: Urban and Architecture // JOB. 1981. T. 31/2. P. 617; *Foss C.* Archeology and the “Twenty Cities” of Byzantine Asia // AJA. 1977. Vol. 81. P. 469—486; *Романчук А. И.* Исследования Херсонеса—Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы: [в 2 ч.]. Ч. 2. Византийский город. Екатеринбург, 2007. С. 133—145.

[7] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913; *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.

[8] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI вв.). Киев, 2000. С. 144—154.

[9] *Marchenko L.V.* A New Early Christian Crypt in the Outskirts of Chersonese Tauric // International Conference: The Cult of Martyrs and Relics and its Architecture in East and West (3d—7th c. AD). Varna, 2003. P. 19—20.

[10] *Туровский Е.Я.* Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г. // НА НЗХТ. Д. № 3856.

сценами охоты», относящийся к дохристианской эпохе, но несущий значительное количество информации о предшествовавшей христианству художественной традиции в позднеантичном Херсонесе[11].

Значительный интерес в ряду раннехристианских памятников Херсонеса занимает ранняя «Базилика 1935 г.». Исследования в этом районе были начаты в 1931 г. Г.Д. Беловым. В 1935 г. была открыта базилика, за которой в литературе закрепилось название «Базилика 1935 г.». Раскопками были зафиксированы фундаменты и остатки стен трех последовательно существовавших на участке христианских храмов[12]. Поздняя базилика (базилика III) была центром кладбища X—XIII вв. и стояла на развалинах более раннего храма. В VI—X вв. им предшествовала большая базилика[13]. Во время раскопок под полукруглой апсидой базилики II была открыта пятигранная апсида так называемой ранней базилики (храма I), а под мраморным полом центрального нефа — остатки цементного пола римского времени[14].

В южном нефе, под полом базилики VI в. была открыта более ранняя мозаика с изображением килика, канфара и виноградных лоз[15]. В 1950 г. С.Ф. Стржелецким была исследована засыпь ниже уровня «Базилики 1935 г.». На всей площади южного нефа был зафиксирован слой желтоватого грунта, насыщенный фрагментами стенной штукатурки с остатками фресковой росписи.

Примерно на семидесяти осколках фрески (всего собрано более четырехсот) удалось обнаружить граффити в виде надписей и рисунков разнообразного содержания. Среди них: изображение креста на подножии, надписи, содержащие текст молитвы о спасении раба Божьего. На некоторых фрагментах той же фрески выявили надписи на иврите[16].

При исследование в центральном и северном нефах базилики Г.Д. Беловым, были выявлены фрагменты этой же фрески, а также куски расписной штукатурки, украшавшей другие стены постройки[17].

Желтый глинистый грунт, перекрывший мозаику, образовался в результате разрушения стен раннего здания, сложенных из сырцового кирпича[18]. Следы глины на остатках штукатурки подчеркивали принадлежность фрески именно к этой постройке[19].

Исследованиям разновременных составляющих комплекса «Базилик 1935 г.» посвящено множество работ[20]. Особенно острая дискуссия развернулась вокруг «ранней базилики», датировки возведения и перестройки, принадлежности памятника, а также ее росписей и мозаики.

Для данного исследования особый интерес представляет происхождение, сюжеты, стилистика росписей, их прочтение, интерпретация художественной системы собранной из

---

[11] См. Подробнее: *Рішняк О., Садова О., Туровський Є., Філіппенко А.* Некрополь Херсонеса Таврійського. Нові сторінки в історії досліджень. Львів, 2012. С. 54—79.

[12] *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках за 1935—36 гг. Севастополь, 1938. С. 137.

[13] Т.е. базилика II. Как правило, именно ее называют «Базиликой 1935 г.».

[14] Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994—1998 гг. Т. I. / Золотарев М. И., Коробков Д. Ю, Ушаков С. В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г., при участии Е. Олениной. М.—Севастополь, 2013. С. 35—36.

[15] Сейчас она экспонируется в средневековом отделе Херсонесского музея.

[16] Древняя синагога в Херсонесе Таврическом… С. 36.

[17] Там же. С. 37.

[18] *Белов Г.Д.* Итоги раскопок в Херсонесе в 1949—1953 гг. // СА. № 24. С. 37.

[19] *Жеребцов Е.Н.* К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. Т. XXIII. 1963. С. 205—213.

[20] Подробнее см. *Завадская И.А.* Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 г.» в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 94—105.

отдельных символов-иероглифов сохранившейся в декоре ранней базилики и расписных склепов. Такой анализ позволит проследить происхождение живописной традиции, ее последующую трансформацию как отражение процессов формирования элементов раннехристианского мировоззрения.

Существующая обширная историография в основном посвящена отдельным вопросам исследования данной группы памятников, в то время как комплексный системный анализ всех сохранившихся элементов оставался за сферой интересов ученых. Помимо этого, за последние несколько лет значительно расширился круг самих памятников: были открыты склепы с различными системами росписи и опубликованы результаты исследования территории, прилегающей к «Базилике 1935 г.». Все это предоставило возможность уточнить некоторые спорные вопросы. Это позволяет, опираясь на известные памятники раннехристианского искусства Херсонеса, проследить происхождение и развитие художественной традиции как отражение трансформации мировоззрения жителей позднеантичного города.

Раннехристианские расписные склепы

Сегодня известно четырнадцать памятников, относящихся к расписным херсонесским склепам. Два из них принадлежат языческой художественной традиции, двенадцать сохранили фрагменты раннехристианских росписей.

Датировка памятников. Острым остается вопрос датировки этих сооружений. М.И. Ростовцев, опираясь на нумизматический материал, относил памятники ко второй половине IV — началу V вв.[21] Позже эту дату поддержали П.Д. Диатроптов[22], Л.Г. Хрушкова[23], И.А. Завадская[24], Е.Я. Туровский, А.А. Филиппенко[25] и М.В. Фомин[26]. Опираясь на анализ археологических находок и систему росписи исследователи датировали их серединой IV в. А.Е. Филиппов относит их к III—IV вв.[27] Мнение о более позднем создании расписных склепов — не ранее второй половины V—VI вв., — отстаивал В.М. Зубарь[28].

[21] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 451, 457, 462, 469, 503—507.

[22] *Диатроптов П.Д.* Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология южной Руси. Сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.). Симферополь, 2002. С. 34—36.

[23] *Хрушкова Л.Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. 2004, Т. 63. С. 168—194.

[24] *Завадская И.А.* Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 258—288.

[25] *Туровский Е.Я. Филиппенко А.А.* Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г. // НА НЗХТ, Д. № 3856; *Туровский Е.Я.* Участок херсонесского некрополя у загородного храма Богородицы Влахернской: некрополь святых? // Херсонес — город святого Климента. Тезисы и сообщения VI Международной конференции по Церковной археологии (Севастополь 12—18 сентября 2011). Севастополь, 2011. С. 40.

[26] *Фомин М.В.* О раннехристианской живописи Херсонеса—Херсона IV—VI вв. // МАИАСК. 2013. Вып. 5. С. 13—19.

[27] См. подробнее: *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа // Очерки по истории христианского Херсонеса / Отв. ред. С.А. Беляев. СПб., 2009. С. 315.

[28] *Зубарь В.М.* По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1988. С. 12; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к

Несомненно, важнейшим аргументом в вопросе датировки могут выступать нумизматические материалы. Но в случае со склепами из Херсонеса не все так ясно некоторые специалисты — занижают их роль[29]. В склепах 1903, 1905 и 1912 гг. были обнаружены монеты второй половины IV в. По одной монете Льва I (457—474) найдено в склепах 1907 и 1912 гг. Именно на основании этих находок М.И. Ростовцев считал временем росписи большинства склепов вторую половину IV в.[30]. Однако, В.М. Зубарь неоднократно отмечал тот факт, что монеты IV—V вв. находились в денежном обращении Херсонеса—Херсона вплоть до VII в.[31]

Исследования последних лет увеличили число находок многократно, что позволяет по-новому оценить нумизматические источники. Необходимо отметить практически полное отсутствие в комплексах склепов монет языческого Херсонеса II—III вв. Подавляющее большинство находок — медные монеты римских императоров IV—V вв.: от Константина I Великого (306—337) до Аркадия (395—408). Отличительной особенностью этих находок является их очень малое нахождение в обращении (монеты «новые», изображения на них не затерты)[32].

Монеты находятся как по одной, так стопками и даже россыпью. Языческий обычай — вложение в рот или руку покойного обола Харона следует исключить и в виду того, что монеты находятся где угодно, но только не в головах и в руках погребенных. Такое предположение хорошо объясняет и факт отсутствия в комплексах склепов элевтерийных херсонесских монет с изображениями языческих божеств (Девы, Асклепия и Гигеи), которые также находились в обращении до VII в.[33] Единичные находки языческих монет эпохи эллинизма и этапа второй элевтерии могли попасть в склеп или с затечным грунтом, или в качестве приношения в тех случаях, когда изображение на монете практически отсутствовало, они определялись по нечетким контурам и фактуре кружка[34].

Из нескольких склепов происходят выпуски монет императора Льва I херсонесской чеканки. Это может свидетельствовать о том, что данные склепы, в частности склеп «на земле Н.И. Тура», использовались дольше для посещений, поминаний, молебнов. Монеты Льва I дают terminus ante quem использования херсонесских склепов с живописной росписью. Полное отсутствие в этих склепах монет конца V—VII вв. неопровержимо

христианству. Киев, 2000. С. 158—163; *Зубарь М.В.* К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. 10. С. 300—311.

[29] *Диатроптов П.Д.* Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология южной Руси. Сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.). Симферополь, 2002. С. 34—36; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 81—84.

[30] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 451, 457, 462, 469, 471, 479.

[31] *Зубарь В.М.* По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса. С. 4. Точнее — до правления Ираклия (610—641), при котором прошла денежная реформа, в результате которой медные монеты прежних выпусков были надчеканены (См.: *Чореф М.М.* История византийской Таврики по данным нумизматики): автореф. дисс … канд. ист. наук. Тюмень, 2013. С. 14.

[32] *Туровский Е.Я., Филиппенко А.А., Фомин М.В.* Раннехристианская погребальная живопись Херсонеса – Херсона (к итогу дискуссии о датировке) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2012. Вип. 45. С. 99—106.

[33] Вернее всего, они являлись местными жетонами (См.: *Чореф М.М.* К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства // Stratum plus. 2013. № 4. С. 209).

[34] *Туровский Е.Я., Филиппенко А.А., Фомин М.В.* Раннехристианская погребальная живопись Херсонеса—Херсона. С. 99—106.

свидетельствует о том, что в эти времена они уже не функционируют. Особенно показательно отсутствие среди находок пентануммиев императоров Зенона (474—474, 476—491), Анастасия I Дикора (491—518) и Юстиниана I Великого (527—565) херсонесской чеканки, которые составляли в городе массовый материал[35].

В этой связи особый интерес представляют находки, сделанные в склепах исследованных в 2006 г. Так, из камеры склепа № 1/2006, его дромоса и приделов каменной оградки происходит 29 монет (монеты времени явно предшествовавшему склепу — 4 экз., Констанций II (337—371) — 3 экз., Константин II (337—340) – 1 экз., Валент (364—368) — 3 экз., Прокопий (365—366) — 1 экз., Грациан (367—395) — 2 экз., Валентиниан II (375—383) — 5 экз., Феодосий I (378—395) — 3 экз., Аркадий (383—408) — 3 экз., неопределяемые — 4 экз.)[36]. Среди находок в склепе 2/2006 было 18 монет (Констанция II (337—361) — 7 экз., Константина I (337—350) — 1 экз., Констанция Галла (351—354) — 1 экз., Юлиана II (361—363) — 1 экз., Феодосия I (379—395) — 1 экз. Аркадий (395—408) — 3 экз., не определенных — 4 экз.)[37].

Помимо монет, во время раскопок были найдены другие находки, в частности, бронзовые пряжки и светильники, также не выходящие за пределы второй половиной IV — первой половиной V вв.[38].

Таким образом, на основание находок, сделанных во время исследования памятников можно констатировать, что расписные склепы были созданы в середине IV в. и использовались до начала V в.

Происхождение склепов. В целом традиция погребения в склепах была привнесена в Северное Причерноморье в первые века новой эры. В III—IV вв. их количество резко увеличивается в различных районах Крымского полуострова. На данный момент практически общепринято предположение, что этот тип погребальных сооружений появился под влиянием погребальной практики привнесенной с территории Малой Азии, где аналогичные комплексы известны с VI в. до н.э.[39]. В отличие от индивидуальных погребальных сооружений предшествующей эпохи — склепы стали формой коллективного погребения. Они предназначались для многократных ингумаций и получили широкое распространение. Скорее всего, они принадлежали отдельным семьям[40].

Резкая трансформация в таком консервативном вопросе как погребение может быть следствием изменения этнического состава или глубокого идеологического кризиса, и, как следствие этого, смены мировоззрения. Анализ религиозной и политической ситуации в Херсонесе в первые века подтверждает это.

Готские походы середины III в. привели к перемещению значительного количества жителей Малой Азии на Крымский полуостров, что, несомненно, так же повлияло на многие процессы в регионе, в том числе, связанные и с погребением. Существует предположение связывающее увеличение памятников христианства на полуострове в конце III — в первой

[35] Там же. С. 99—106.

[36] *Туровский Е.Я. Филиппенко А.А.* Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса. Л. 8—9.

[37] Там же. Л. 11—12.

[38] Там же.

[39] *Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического в I—IV вв. н.э. Киев, 1982 С. 28; *Масленников А.А.* Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора первых веков н. э. // СА. 1982. № 1. С. 33.

[40] *Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического в I—IV вв. н.э. С. 120; *Масленников А.А.* Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора… С. 33; *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 36—37.

половине IV вв. с христианами Ближнего Востока, привезенным в числе пленных, захваченных готами.

Вопрос морских походах готов и участия в них жителей Боспора рассмотрен в ряде научных работ[41]. В специальной литературе существует предположение, что готы-тетракситы (трапезиты), о которых вспоминает Прокопий, являлись потомками готов и боранов, которые в 257 г. совершили грабительский поход на малоазийское город Трапезунд, а затем вернулись в Таврику[42].

О христианах среди готских пленников упоминают Григорий Чудотворец (213 — ок. 270)[43], Филосторгий из Каппадокии (род. ок. 365 г.)[44], Эрмий Созомен, историк из Палестины (умер ок. 450 г)[45].

Несомненно, что пленники повлияли и на мировоззрение готов, об этом свидетельствует Афанасий Великий (293—373)[46]. Некоторые исследователи полагают, что в описании мученичества святого епископа Афиногена, в рассказе о его путешествие для выкупа христиан, его учеников (они были захвачены в плен во время набега 276 г. на город Педахтою в Каппадокии), речь идет о Боспоре[47].

При рассмотрении вопроса о распространении грунтовых склепов с нишами-лежанками в Северном Причерноморье, исследователи подчеркивают их идентичность с малоазийскими, и отчасти Восточно-Средиземноморскими гробницами, что может свидетельствовать о массовом притоке населения из этих регионов[48]. Одна из возможных причин этого переселения, последствия гонений на христиан, последний значительный всплеск которых приходится на годы правления Диоклетиана (284—305). Тогда целые общины могли искать убежища в далеком Херсонесе и Боспоре. Существует и другая точка зрения, в целом не противоречащая, а скорее дополняющая предыдущую. Приток населения связан с практически непрерывными варварскими набегами в северо-восточные и восточные районы Империи во второй половине III в.[49]. О том, что мигрантов было достаточно много,

---

[41] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999 С. 44; *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч.1. С. 266—267; Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. Т. 2. Вып. 2. С. 352—360; *Казанский М.* О германских древностях позднеримского времени в Крыму и Приазовье // Византия и Крым. Материалы междунар. конф. Севастороль, 1997 С. 48—51; *Пиоро И.С.* Крымская Готия. Киев, 1990. С. 34—56.

[42] Там же. С. 55.

[43] *Ременников А.М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. М., 1954. С. 95; *Сагарда Н.* Святой Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский. Его жизнь, творения и богословие. Пг., 1916. С. 198; *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 1. С. 267.

[44] *Филосторгий.* Церковная история // SC. Т. 1. Вып. 3. С. 739—740.

[45] *Кривушин И.В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998. С. 19—20; *Лебедев А.П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб., 2000. С.148—166; Эрмий Созомен // SC. Т.1. Вып. 3. С. 757; *Васильевский В.Г.* Русско-византийские отрывки // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2. С. 365—366.

[46] Творения св. Афанасия Великого: В 4 т. Сергиев Посад, 1902. Т. 1. С. 257; *Васильев А.А.* Готы в Крыму. С. 274—275.

[47] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 46; *Хайретдинова Э.А.* Новый письменный источник о варварских морских походах второй половины III в. н.э. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: сб. научн. матер. II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 173—174.

[48] *Масленников А.А.* Царская хора Боспора // Проблемы истории и археологии Украины: тез. докладов. Харьков, 1997. С. 46.

[49] *Хршановский В.А.* Раскопки некрополя Илурата // Археологические исследования в Крыму. 1993. Симферополь, 1994. С. 517—528.

говорит их влияние на столь консервативный вопрос как погребальная традиция, а, следовательно, и на религиозную жизнь в целом.

Склепы стали новой, быстро распространяющейся формой погребения. Они рассматривалась в качестве жилья умершего, их декор включал мотивы, использовавшиеся при оформлении жилых помещений античных домов[50].

Архитектура склепов. С архитектурной точки зрения херсонесские склепы представляют собой помещения, вырубленные в скале, в которые обычно ведет небольшой, прямоугольный вход из дромоса. В плане они близки к прямоугольнику и имеют, как правило, три ниши: по одной в каждой стене. В некоторых случаях встречается вариант, когда ниши могут быть расположены в два яруса (№ 2086/1905, № 2114/1853, № 2245/1907, в склепе № 1/2002 ниши нижнего яруса обозначены, но не вырублены до конца). Из общей серии выделяется склеп № 2270/1907, его особенностью является наличие столба поддерживавшего потолок.

Их почти полное соответствие языческим погребальным сооружением привело к распространению тезиса о повторном использовании. Но в некоторых случаях такое утверждение спорно. Так в склепах № 2270/1907, 1909 г., «на земле Н.И Тура» присутствуют ступеньки-скамейки, оставленные во время изготовления погребальной камеры.

Дело в том, что христианское погребальное сооружение (в отличие от языческого) было местом периодических посещений с целью совершения поминальных богослужений. Об этом же свидетельствуют заклады-перегородки отделявшие нишу с погребением от помещения погребальной камеры (№ 2114/1853, № 2245/1907, 1909 г. и 1912 г., возможно и № 1/2002). Можно предположить, что такие комплексы со ступенькой-скамьей были изначально изготовлены с учетом особенностей христианского поминовения усопших.

Также в некоторых случаях (вероятно, с целью подчеркнуть место погребенного в христианской общине) для захоронения изготавливалась ниша в виде аркосолия (№ 2086/1905, № 2114/1853) или ниша в форме саркофага (№ 2114/1853). Особенно необходимо отметить склеп «на земле Н.И. Тура».

Он был открыт в 1894 г., но раскопан лишь в 1912 г.[51]. В плане склеп изначально являлся типичным для подобного рода сооружений. Позднее он был перестроен — лежанка, расположенная напротив входа, была углубленна до уровня пола, а образованное таким образом «помещение», площадью около 5 кв. м, было соединено проходом, прорубленным в перемычке. Особенность внутреннего пространства полученного в результате перестройки натолкнули на тезис об использование сооружения в качестве места совершения богослужений.

Ю.М. Могаричев подверг критике предположение о культовых функциях склепа[52]. Исследователь обращает внимание на незначительные размеры сооружения (площадь около 5 кв. м и высоте менее 1,7 м). Кроме того, на изображениях фигуры двигаются от алтаря, а не к нему, как это положено по церковным канонам[53]. «Церквеобразная» архитектура склепа

---

[50] *Миятевъ К.* Декоративната живопис на Софийский некрополь. София, 1925. С. 75; *Овчаров Д.* Архитектура и декорация на старохристиянските гробници в нашите земли // Археология. 1977. Кн. 4. Об. 24—25; *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 493.

[51] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 470.

[52] *Могаричев Ю.М.* Склеп на земле Н. И. Тура: погребальное сооружение или церковь // БИАС. Симферополь. 2008. Вып. 3. С. 82—90.

[53] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913. С. 478; *Коковкин А.Я.* Я.И. Смирнов // Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991. С. 148; *Могаричев Ю.М.* Склеп на земле Н.И. Тура... С. 82—87.

имеет свои аналоги, примером которых могут служить склепы Мангупа[54]. Тот факт, что они не выполняли функции культовых сооружений, не опровергает возможности такого использования склепа «на земле Н.И. Тура». Он имел как минимум два строительных периода[55], и был переделан на последнем этапе. Это произошло, скорее всего, одновременно с созданием композиции росписи на заново оштукатуренной правой стене. Если сюжет фрески является иллюстрацией к агиографическому тексту, то его построение вполне закономерно. Таким образом, приведенные материалы и аналогии не исключают возможности функционирования склепа «на земле Н.И. Тура» как культового сооружения — молельни или мемориальной церквушки, периодические службы, проводимые в которой имели специфический (поминальный или мемориальный) характер.

Значительный интерес так же представляет склеп № 2270/1907. В его правой стене было сделано три ниши для светильников. Самая большая из ниш расположена посередине стены (высота от пола 0,57 м.). Аналогичное углубление, примерно на такой же высоте было в склепе «на земле Н.И. Тура».

Достаточно смелое предположение высказал А.А. Филиппов. Он выдвинул тезис, что эти ниши могли использоваться в качестве престола, на котором совершалось богослужение[56]. Подобные литургические устройства описывает Ю.Ю. Шевченко[57]. Если принять это предположение, то, учитывая высоту ниши, часть богослужения совершалась священником коленопреклоненно.

Появление склепов явилось результатом распространения новых представлений о загробном мире. Подобный тип погребального сооружения неоднократно соотносился с помещением в античном доме, именуемом как «триклиний» — место, где семья собиралась на трапезу, пир, а также в особых случаях[58].

Идея героизации умершего, представление о его посмертной участи, воплотились, в том числе, и в надгробиях со сценами «загробной трапезы». Во многом аналогичные памятники хорошо известны по некрополям Пальмиры и Эдессы. Их коллекции собраны в музеях Стамбула и Дамаска. Такие стелы были открыты и на некрополе Херсонеса[59]. Они являются отражением представлений о загробном пире, на котором «собирается все семья»[60]. Подобные воззрения проявляются и в увеличение столовых принадлежностей в погребальном инвентаре, остатков различных ягод и плодов, скорлупа яиц.[61]

---

[54] *Герцен А.Г.* Раннехристианские памятники из некрополей Мангупа // Культура и искусство христиан-негреков: Тез. докл. СПб., 2001. С. 10; *он же.* Дорос—Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ, 2003. Вып. 34. С. 99—100.

[55] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. С. 478; ср.: *Могаричев Ю.М.* Склеп на земле Н.И. Тура... С. 82—87.

[56] *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа // Очерки по истории христианского Херсонеса / Отв. ред. С.А.Беляев. СПб., 2009.

[57] *Шевченко Ю.Ю.* К вопросу о методике датировки первохристианских пещерных храмов восточной Европы // МАИАСК, Вып. 3. С. 55—147.

[58] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 47—48.

[59] *Буйских А.В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху Симферополь, 2008. С. 235—236.

[60] *Cumont F.* After life in Roman paganism. New York, 1959. P. 120. Подр. см.: *Зубарь В.М.* О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 64—65.

[61] Там же. С. 71—72.

Анализ декоративной системы в целом подтверждает это. Во время строительных работ на противоположном от Херсонеса берегу карантинной балки был открыт склеп, сохранивший античную погребальную роспись (склеп № 2/2008 г.). Склеп состоял из двух камер, росписи сохранились во второй[62].

Склепы с лежанками, получившие широкое распространение в первые века новой эры, отражали изменения в мировоззрение жителей города. Они моделировали «триклиний», место торжественной трапезы. Идея погребальной трапезы прослеживается и в надгробных памятниках позднеантичной эпохи и в погребальном инвентаре. С распространением христианства данная модель погребального сооружения была переосмыслена и дополнена: появились скамьи и специфические ниши, необходимые для погребального обряда.

Погребальная живопись склепов. Значительный интерес представляет склеп № 2/2008 г. Система росписи отражает позднеантичное восприятие загробного мира. На стенах в реалистичной художественной традиции изображены сцены охоты. На одной из стен — два всадника. Систему росписи связывают с культом Фракийского всадника, который был принесен в Херсонес возможно римскими военными. Его присутствие фиксируются в надгробиях. Сам склеп демонстрирует школу живописи, коренным образом отличающуюся от распространенной в Северном Причерноморье. Росписи единичны в своем роде и, скорее всего, были выполнены приезжими мастерами под заказ. Аналогичные памятники в Херсонесе не известны.

Совершенно другую систему демонстрируют остальные склепы. Она включает «структурный» стиль имитирующий конструкцию реальной стены: балки, плиты, ортостаты (наиболее выражен в склепах № 2114/1853, № 2086/1905, № 2245/1907, 1909 г., № 1/1988—1989 гг.). Также активно использовался «инкрустационный» стиль, имитирующий отделку мрамором (склепы № 2114/1853, № 511/1894, № 1494/1903, № 2086/1905, № 2270/1907, № 1/1998—1999 (6 из 12). Почти во всех склепах присутствуют прорисовки геометрических фигур. Символическое изображение плит передается прямоугольниками, в которые вписаны ромбы или круги, наиболее явно они прописаны в склепе № 1494/1903. Происхождение данного стиля связывают с эллинистическим Востоком[63]. Такие плиты имитируют внутренние убранство жилого дома.

Кроме того, интерес представляет «цветочный» стиль, который предполагает изображения листьев, цветов, деревьев, гирлянд, виноградной лозы, растительных узоров (присутствует фактически во всех известных памятниках). Происхождение стиля относят к эллинистическому Египту[64].

Структурный, «инкрустационный» и «цветочный» стили являются наследием античной традиции, перенятой и переосмысленной в христианской художественной системе.

Таким образом, можно сделать вывод, что сама традиция погребения в склепах на территорию Северного Причерноморья и Херсонеса была принесена выходцами с Ближнего Востока. Распространение новой формы погребального сооружения стало следствием глубокого идеологического кризиса первых веков, а также, вероятно, изменениям в этническом составе населения города. Увеличение числа мигрантов, привнесение новых религиозных воззрений отразилось и в трансформации погребальной традиции и обряда.

---

[62] См. Подробнее: *Рішняк О., Садова О., Туровський Є, Філіппенко А.* Некрополь Херсонеса Таврійського. Нові сторінки в історії досліджень. Львів, 2012. С. 54—79.

[63] *Ернштедт Е.В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955. Т. 1. С. 256, 272.

[64] Там же. С. 262.

С распространением христианства языческие склепы не просто продолжили функционировать, они активно использовались, приспосабливались под христианские погребения. Сооружались и новые, в целом отвечавшие «стандартам» предшествовавшей эпохи. При этом необходимо отметить, что новые сооружения содержали некоторые конструктивные особенности, отвечавшие изменившимся представлениям о погребальной традиции, как например ступени-скамейки или заклады, в особых случаях аркасолии или саркофагообразные ниши и как в исключительных ситуациях — конструктивные элементы которые могут интерпретироваться как престолы.

В период формирования обычая захоронения в склепе, сооружения могли принадлежать семье, отдельному клану. С распространением христианства они переходят в собственность общины, прихода. Погребенные в расписных склепах, скорее всего, принадлежали к числу особо уважаемых горожан. В нескольких случаях можно сделать предположение о погребение представителей высшего духовенства или месночтимых святых. Особая роль погребенных была подчеркнута системой росписи в целом.

В двух случаях можно предположить, что склепы могли использоваться для периодических богослужений, а возможно и совершения Литургии. На это указывают особенности архитектурной организации пространства и сохранившиеся конструктивные элементы.

Традиция создания расписных склепов существовала в городе незначительный промежуток времени и отразила в себе процесс развития христианского мировоззрения.

Базилика 1935 г.

Не меньший интерес представляет комплекс «Базилики 1935 г.».

Полемика о принадлежности. Одним из ключевых остается вопрос принадлежности культового сооружения именуемого ранней базиликой. Во время раскопок в апсиде был обнаружен камень с изображением миноры[65]. Он был использован вторично. На основании этой находки, а так же описанных выше граффити некоторые специалисты определяют здание в качестве синагоги[66]. Вокруг этого тезиса возник диспут.

Впервые проблема иудейской общины была поднята в работах Н.В. Пятышевой. Значительный по размерам позднеантичный центр, несомненно, включал различные этнические группы, что неоднократно подтверждалось источниками[67]. Если принять предположение, что община иудеев была достаточно большая по численности и влиянию, и могла себе позволить строить культовое сооружение (косвенно влияние иудеев подтверждается Житием епископов херсонских[68]) возникает вопрос местоположения такого сооружения в городе.

---

[65] *Соломоник Э.И.* К вопросу о населении Херсонеса Таврического // АДСВ. Вып. 16: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. С. 119—125.

[66] Подробнее см.: *Оверман Э., Макленнан Р., Золотарев М.И.* К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археологiя. 1997. № 1. С. 57—63.

[67] *Пятышева Н.В.* К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I—IV веках н.э. // Античное общество. М., 1967. С. 183—187; *она же.* Ювелирные изделия Херсонеса. IV в. до н. э. — IV в. н. э.: Коллекция Государственного исторического музея. М., 1956; *Соломоник Э.И.* К вопросу о населении Херсонеса Таврического. С. 119—124.

[68] *Виноградов А.Ю.* «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010. С. 24, 32.

Одним из предположительных мест размещения синагоги стала так называемая ранняя «Базилика 1935 г.». Памятник был открыт в 1935 г. и неоднократно изучался. В 90-е годы XX столетия украино-американской экспедиция провела раскопки близлежащей территории. Руководители исследований, основываясь на открытых материалах, предположили, что базилика II была возведена над руинами синагоги[69]. Обобщение результатов легло в основу фундаментального труда под редакцией С.В. Ушакова[70]. В издание проанализированы все известные на сегодняшний день материалы, связанные с исследованиями в этом районе. Предположение о существование на этом месте синагоги поддержали Э.И. Соломоник[71], И.А. Завадская[72] и Ю.М. Могаричев[73].

Одними из аргументов в пользу синагоги стали особенности конструкции сооружения, не типичные для Крыма (стены были возведены из саманного кирпича), а так же анализ росписи. Ряд специалистов заявили о нехристианском характере живописи. Но изучение сохранившихся фрагментов фресковой живописи и напольной мозаики позволяют констатировать их характерность для христианского искусства. Так А.Л. Якобсон отмечал близость фресок к росписи херсонесских христианских склепов и полагал, что они относятся к ранней базилике[74]. Это нашло поддержку и у других специалистов[75]. А.Л. Якобсон так же подчеркивал, что храм соответствует раннему этапу христианского строительства и имеет аналогии среди памятников других районов Византии[76].

На слое штукатурки сохранились отдельные граффити, содержащие надписи на древнееврейском. Кроме того, в греческих граффити упомянуты семитские имена Енох и Иуда[77]. Однако необходимо обратить внимание и на то, что на одном из фрагментов штукатурки имеется граффити с изображением креста, в христианском характере которого не может быть сомнения[78].

Другим аргументом стало открытие в апсиде плиты с изображением семисвечника[79]. Присутствие в кладке поздней базилики плиты с изображением миноры не является

---

[69] *Оверман Э., Макленнан Р., Золотарев М.И.* К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического. С. 57—63; *Коробков Д.Ю.* Об особенностях планировки здания позднеантичной синагоги в Херсонесе // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001. С. 25—31; *он же.* Вновь об иудейских сюжетах в декоре античных светильников // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь—Краков, 2001. С. 149—158.

[70] Древняя синагога в Херсонесе Таврическом...

[71] *Соломоник Э.И.* Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма: Очерки истории. Симферополь; Иерусалим, 1997. С. 15—16

[72] *Завадская И.А.* Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV—VI вв.) // МАИЭТ. 2004. Вып. 10. С. 402—426.

[73] *Могаричев Ю.М.* Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода: К постановке проблемы // ПИФК. 2003. Вып. 13. С. 287—300.

[74] *Якобсон А.Л.* К изучению фресок из южного нефа базилики 1935 г. в Херсонесе // СА. 1978. № 2. С. 96—104.

[75] *Жеребцов Е.Н.* К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. 1964. Т. 23. С. 205—213; *Стржелецкий С.Ф.* К вопросу интерпретации и датировки некоторых памятников Херсонеса из раскопок 1935–1936 гг. // Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1947. Т. 2. С. 145–160.

[76] *Якобсон А.Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983. С. 162.

[77] *Соломоник Э.И.* К вопросу о населении Херсонеса Таврического. С. 123.

[78] *Домбровский О.И.* Фрески южного нефа херсонесской базилики 1935 г. // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 221—223.

[79] *Завадская И.А.* Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 г.» в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 94—105.

достаточным основанием для признания храма синагогой. О христианском назначении постройки может свидетельствовать фрагмент раннехристианской скульптуры Доброго Пастыря. Он был найден в юго-восточном углу поздней базилики и явно относится к раннему христианскому культовому сооружению[80].

Аргументированную критику тезиса о синагоге приводит С.Б. Сорочан. Не отрицая в принципе возможности существования ее в Херсоне, он полагает, что плита с семисвечником из фундамента более поздней постройки не является бесспорным аргументом[81]. Один из авторитетнейших специалистов в истории средневекового Херсона А.И. Романчук, так же раскритиковала предположение о синагоге, посвятив вопросу целый подраздел в монографии[82].

Архитектура. Анализ архитектуры ранней базилики обращает внимание на непропорциональность апсиды, которая могла быть построена позднее. Изучение раннехристианских комплексов демонстрирует, что наличие апсиды не является обязательной деталью, примером может быть «Дома собраний» в Дура-Европос, который относится к самым ранним изученным христианским храмам[83]. С другой стороны, можно предположить, что синагога здесь действительно существовала, но непродолжительное время.

Сопоставляя имеющиеся данные можно прийти к выводу. В середине IV в. на этом участке городища могла быть возведена синагога. В конце IV в. она была перестроена в христианский храм. При этом стены получили росписи, пол был украшен мозаикой. Происхождение граффити на древнееврейском объясняется происхождением епископов херсонских. Возможно, с ними из Иерусалима прибыло некоторое количество сопровождающих. В целом, остальные граффити могут быть вполне и христианскими. Такая точка зрения в целом не противоречит мнению С.В. Ушакова[84].

Датировка комплекса. С.Ф. Стржелецкий, проводивший работы по доследованию базилики перед ее реставрацией, отнес мозаику к ранней базилике и датировал комплекс IV—V вв. По его мнению, памятник был разрушен землетрясением, произошедшим в 486 г.[85] А.Л. Якобсон, опираясь на приведенные Е.Н. Жеребцовым стратиграфические данные раскопок, пришел к выводу о том, что фрески «Базилики 1935 года» относятся к IV—V вв.[86] И.А. Завадская относит фрески и мозаику «южного нефа» к одному помещению и датирует их концом IV в.[87] Мозаика «Базилики 1935 г.» близка по стилю и художественным приемам мозаикам более поздних храмов[88]. Она имеет свои аналоги среди памятников Сирии, что

[80] Там же; *Колесникова Л.Г.* Раннехристианская скульптура Херсонеса // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 58.

[81] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. II. С. 1013.

[82] *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса—Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография: В 2 т. Т. 2: Византийский город. Тюмень, 2008. С. 313—325.

[83] *Беляев Л.А.* Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М., 1998. С. 100.

[84] Древняя синагога в Херсонесе Таврическом. С.268—272.

[85] *Стржелецкий С.Ф.* Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. // ВДИ. 1951. № 2. С. 136—144.

[86] *Якобсон А.Л.* К изучению фресок из южного нефа базилики 1935 г. в Херсонесе // СА. 1978. Т. 2. С. 96—104.

[87] *Завадская И.А.* Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «базилика 1935 года» в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 94—105.

[88] О происхождении сюжетов херсонесских мозаик см. подробнее: *Литовченко А.Н., Фомин М.В., Чекаль А.Г.* О происхождение раннехристианской художественной традиции в византийском Херсоне // Кондаковские чтения III. Человек и эпоха: Античность — Византия — Древняя Русь. Белгород, 2010. С. 121—133.

может быть дополнительным аргументом, как в христианской интерпретации, так и в датировке[89].

Система росписи. Группой исследователей под руководством О.И. Домбровского была проведена работа по анализу и последующей реконструкции росписи. Фрагменты настенных фресок базилики содержали элементы имитационного стиля, в частности мраморировки, а также, изображения геометрических фигур, гирлянд, птиц (в том числе и павлинов) близкие по технике выполнения и сюжетам херсонесским расписным склепам.

Нижняя часть росписи представляла собой невысокую панель, расчерченную под квадры с густой красно-коричневой и оранжевой окраской, имитирующей мрамор. Над панелью следовали филенки в виде ромбов в квадрате (цвет оранжево-желтый, коричневый, зеленый, серо-голубой, красный и черный). Над филенками был фриз в виде перспективно изображенных квадратных в сечение параллелепипедов, отделенный от филенок черной и красной полосами с воспроизводством светотени чередованием бело-серо-синего, серо-зелено-голубого и бело-розово-красного цветов.

Над квадратами находилась широкая (0,93 м) полоса цвета слоновой кости с росписью в виде гирлянд из пальмовых ветвей (краска зеленая и черная) с желтоватыми плодами и с серыми и красными лентами и изображениями павлинов и фазанов. О.И. Домбровский предполагает, что они чередовались.

Выше начинался второй ярус росписи, композиционно повторявший нижний. Большую часть второго яруса занимала имитация двухъярусных филенок. В нижнем части — прямоугольные филенки (широкая кирпично-красная полоса, внутри ее — узкая черная, проведенные на светло-розовом фоне с тонкими красными «прожилками» под мрамор) чередовались с продолговатыми окнами; в верхнем ярусе помещались квадратные филенки с вписанными в них ромбами, состоящими из оливково-зеленых полос на розовом фоне, причем четные расположены над окнами. По вертикали филенки разделены пилястрами с каннелюрами, нарисованными на фоне широких красных полос.

Над филенками, как и в нижнем ярусе, протянута тяга (здесь рельефная) с горизонтальными каннелюрами, над ней пояс из двух пересекающихся меандров, нарисованных в перспективе. Одна полоса меандра здесь светло-серая и красная, другая — голубая и зеленая.

Кроме того, и вне связи с приведенной композицией ярусов росписи, выявлены круги с зубчатым краем, раскраска которых имитирует каменную инкрустацию. О.И. Домбровский помещает эти круги над колоннами в треугольниках, обращенных вершиной вниз, хотя непонятно почему стороны треугольника прямые, а не следуют дуговидным очертаниям арок. Роспись венчалась рельефным гипсовым фризом, состоящим из следующих один над другим рядов мелких украшений: квадратов (без «перспективы»), ов, бус и пальметок[90].

А.Л. Якобсон выдвинул предположение, что «верхний ярус» на самом деле мог являться росписью другой стены помещения, если не другого помещения вообще[91].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что в середине IV в. на месте комплекса «Базилики 1935 г.» могла быть сооружена синагога. Спустя некоторое время, она была перестроена, с востока пристроена апсида, стены получили росписи, пол украшен мозаикой.

---

[89] *Литовченко А.Н. Фомин М. В. Чекаль А.Г.* Сирийские мотивы в раннехристианском искусстве Херсонеса — Херсона // ССб. Киев—Судак, 2012. Вып. V. С. 142—150.

[90] *Домбровский О.И.* Фрески южного нефа херсонесской базилики 1935 г. // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 221—223.

[91] *Якобсон А.Л.* К изучению фресок из южного нефа базилики 1935 г. в Херсонесе // СА. 1978. Т. 2. С. 96—104.

Росписи внутреннего пространства помещения были выполнены в той же технике и с использованием тех же художественных элементов и приемов, что и раннехристианские расписные склепы.

Раннехристианская живопись и система символов

Как уже упоминалось выше, склеп имитировал внутреннее помещение дома. Церковь — в первую очередь «Дом Божий». Это представление отразилось в прориси панелей повторяющих внутреннее убранство античного дома и одновременно отражавшем восприятие места, к которому стремились христиане — Рая. Вся система росписи состояла из отдельных элементов. Анализ отдельных составляющих позволит интерпретировать систему росписи в целом.

Хрисма. Одним из интереснейших элементов художественной системы склепов является изображение монограммы Христа — хрисмы, известной как Константинов Крест. Его изображения фиксируются на потолке в четырех склепах (№ 2114/1853, № 2245/1907, «на земле Н.И. Тура», № 2/2002(2006) «Аристона»). Кроме того в четырех случаях сохранившиеся незначительные фрагменты росписи потолка позволяют предполагать, что изображение хрисмы с высокой долей вероятности также могло присутствовать (№ 1494/1903, № 2086/1905, №2270/1907, склеп 1909 г.).

Известно значительное количество погребальных памятников IV—V вв., живопись которых содержит христианскую символику в виде хрисм и крестов[92]. В некоторых из них, как правило из числа наиболее ранних, так же как и в херсонесских склепах, христианские символы сочетаются с традиционными античными мотивами (гирляндами, венками, цветами, птицами), безусловно, наделенными новым содержанием. Подобное соединение старых форм и новых символов демонстрируют, например, погребальные памятники Сердики, Фессалоники, Никеи, Филипп[93].

Само по себе изображение хрисмы (совмещенные буквы «Х» и «Р») неоднократно трансформировалось и было широко распространено. Но именно Константиновская хрисма, обрамленная в лавровый венок, стала символом триумфа, победы, небесного креста.

Наиболее ранние такие изображения относятся к III в.[94] Одно из наиболее известных - роспись в катакомбе св. Люцилы в Риме[95] (в центре расположена христограмма, над ней лавровый венок, по сторонам буквы «ΔN» и «CS», внизу «VI», что трактуется как «Dominus noster Constantinus Victor» — «наш государь Константин победитель»[96], подобные надписи встречаются на серебряных блюдах IV—V вв. византийской работы[97], а также на византийских монетах IV—V столетий[98]). После Миланского эдикта (313 г.) хрисма получила широкое распространение. Согласно приданию, именно такое изображение увидел

[92] *Завадская И.А.* Декоративно-символическая система росписи... С. 258—288.

[93] *Миятевъ К.* Декоративната живопись на Софийский некропол. С. 25, рис. 9; *Завадская И.А.* Декоративно-символическая система росписи... С. 258—288.

[94] *Голубцов А.П.* Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб., 2006. С. 417—441; *Уваров А.С.* Христианская символика. М., 1908. С. 76; *Юрочкин В.Ю.* Древнейшее изображение Креста Господня // Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002. С. 36—37.

[95] *Гнутова С.В.* «Константинов крест» — древнейший памятник раннехристианского искусства на территории России [Электронный ресурс] // http://www.icon-art.info/book_contents.php?book_id=68

[96] *Гнутова С.В.* «Константинов крест» — древнейший памятник раннехристианского искусства…

[97] См. подробнее: *Dodd E.C.* Byzantine silver stamps. Washington, 1961.

[98] *Уваров А.С.* Христианская символика. М., 2001. С. 116—117.

Константин Великий перед битвой с Максенцием у стен Рима 28 октября 312 г. Встречается ее изображение, дополненное греческими буквами альфа и омега («я есмь Альфа и Омега, начало и конец» (Откр: 1:8; 21:13)). Со временем Константиновская монограмма вытесняется изображением монограмматического креста (вертикальная ветвь креста является греческая буква «Р» с удлиненной ножкой). В середине V в. Константиновская хрисма постепенно исчезает[99]. К середине IV — началу V вв. относят изображения хрисмы в венке на саркофагах, а также в погребальных памятниках в Риме, Испании, Галлии, Равенне[100]. Таким же временем датируют надгробные мозаики Северной Африки, где тексты позволяют довольно точно датировать погребения[101]. Изображения Константиновской хрисмы сохранились и в склепах Софии (Сердика), Фессалониках, Сиракузах, Нише, Сардах, при этом датировка этих памятников IV–V вв. тоже не вызывает сомнений[102].

Учитывая особенности трактовки внутреннего пространства склепа как помещения — триклиния, места трапезы, изображение хрисмы может быть отражением представления о присутствии «за столом» самого Христа.

Птицы. Среди сюжетов, распространенных в раннехристианском искусстве, значительный интерес представляет изображения птиц. Образы птиц занимали значительное место в античной и ближневосточной погребальной традиции[103]. Они были импортированы христианским искусством и наделены новым значением.

Упоминание птиц часто встречается в Новом и Ветхом Заветах. Одним из важнейших образов становиться голубь. В виде голубя Святой Дух снизошел на Спасителя во время Крещения. По окончании потопа (Быт. 8:11) именно голубь возвратившийся с масличной ветвью возвестив о появление суши. Христос также в проповедях часто обращался к образу птиц «Взгляните на птиц небесных, они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницу; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 10:29).

В художественной системе голубь становиться символом Святого Духа или души. В этой связи обращает на себя внимание изображение голубя на ветке, которое может быть прочтено как символ христианской души в райском саду.

Голуби присутствуют в росписях склепов № 1494/1903, № 2086/1905, склепе 1909 г, склепе «на земле Н.И. Тура», № 2 1998—1999 гг., склепе № 2/2002 г. «Аристона». Помимо росписи, в Херсонесе изображение голубя встречается и в виде скульптурных фрагментов в декоративном убранстве первых херсонесских храмов[104].

Не меньший интерес представляют павлины. Согласно эллинистическим представлениям павлин был символом бессмертия[105], основанием для этого послужило

---

[99] *Луковникова Е.* Древнехристианская изобразительная символика // Альфа и Омега. 1995. № 3 (6). С. 38—40.

[100] *Хрушкова Л.Г.* О начале христианского Херсонеса Таврического: крестообразная церковь на главном кладбище // ССб. 2005. Вып. 2. С. 415.

[101] *Alexander M.A.* Mosaic Ateliers at Tabarka // DOP. 1987. Vol. 41. P. 10; *Хрушкова Л.Г.* О начале христианского Херсонеса Таврического... С. 416.

[102] *Valeva J.* Les tombeaux ornés de croix et chrismes peints // XIII International Congress of Christian Archeology. Actes III. Citta del Vatikano. Split. 1998. P. 761—786.

[103] *Померанцева Н.А.* Эстетические основы искусства Древнего Египта. М., 1985. С. 65—86; *Соколов Г.И.* Искусство этрусков. М., 1990. С. 116—121.

[104] *Фомин М.В.* О некоторых сюжетах раннехристианской скульптуры Херсонеса IV—V вв. // МАИАСК. 2013. Вып. 5. С. 88—102.

[105] *Уваров А.С.* Христианская символика. М., 2001. С. 199—201; *Белова О.В.* «Физиолог» древнейшей редакции: к истории изучения и публикации // Физиолог александрийской редакции / пер. Я.И. Смирнова. М., 1990. С. 13.

представление о нетленности плоти этой птицы[106]. Павлин мог выступать в качестве символа Воскресения. Образ павлина часто согласуется с образами рая: пальмовыми ветвями, цветами, гирляндами[107]. Павлины присутствуют в склепах № 2114/1853 г., склепе 1909 г., склепе 1912 г., «на земле Н.И. Тура», № 1 1998/1999 гг., так же они фигурируют в росписях ранней церкви на месте «Базилики 1935 г.».

Особенно стоит отметить композицию с павлинами, расположенными симметрично вокруг объекта (гирлянды — склеп «на земле Н.И. Тура», кроме того композиции с симметрией известны в мозаике загородного храма Богородицы Влахернской (вокруг чаши), в христианских мозаиках городов Северной Сирии (вокруг сосуда))[108]. Основой изображения является горизонтальная, зеркально-симметричная, трехчастная композиция, крайние элементы которой подчеркивают значимость центрального. Мотив павлинов, пьющих или вкушающих из чаши или стоящих по сторонам от нее, несет образ Евхаристии. Павлины, несущие гирлянду («склеп на земле Н.И.Тура»), могут символизировать Воскрешение как победу над тленом, над смертью.

Цветы, венки и гирлянды. Цветы являлись одним из основных атрибутов погребальной традиции у многих народов. В росписях херсонесских памятников они представлены как на стебле, так и как отдельно взятые бутоны, включены в гирлянды и венки.

Гирлянды и венки являются одним из наиболее распространенных элементов декорирования не только склепов, но и внутреннего убранства ранней «Базилики 1935 г.». Венок традиционно был символом победы, триумфа. Их возлагали на победителей в соревнованиях, ими венчали военачальников. А. Грабар подчеркивает, что «это искусство изображает не торжество христианства, а победу Христа, творца этого триумфа»[109]. В венок обрамлены изображения монограммы Христа. Одним из ярких примеров может служить саркофаг, хранящийся в Латеранском музее в Риме[110]. Сочетание хрисмы и венка является символом воскресенья — победы над смертью.

Еще одним прочтением венка может быть венец мученичества. Венок как символ победы через принятие мученической смерти. Именно такую трактовку венка в склепе № 2114/1853 приводит М.И. Ростовцев[111]. Погребенный в нише был окружен особым почетом, на что указывает система росписи в целом.

Цветы также один из традиционных символов. Они символизируют вечность, бессмертие. Традиционно с античных времен погребения сопровождались цветами как символом вечной жизни.

Растительные и геометрические орнаменты. Практически во всех склепах, как и в «Базилике 1935 г.», встречаются растительные, а иногда и геометрически орнаменты. Подобные рисунки имеют очень давние корни и известны с древнейших времен. Они получили широкое распространение в эллинистическом искусстве. Традиционно их трактуют как символ вечности. Одной из разновидностей растительного орнамента может быть виноград.

---

[106] *Уваров А.С.* Христианская символика. С. 199—201.

[107] Там же. С. 202—203.

[108] *Литовченко А.Н., Фомин М.В., Чекаль А.Г.* Сирийские мотивы в раннехристианском искусстве Херсонеса. С. 142—150.

[109] *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 204.

[110] Там же. С. 244.

[111] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 456.

Виноград. Еще одним распространенным символом (склепы № 2086/1905, 2114/1853, склеп 1909 г.) является изображение виноградной лозы и гроздьев. Они встречается как в виде орнаментов, так и в виде изображения кустов и ветвей. Упоминание винограда и виноградника не редко встречается и в Новом Завете: «Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой — Виноградарь» (Ин. 15:1); «Я есмь Лоза, а вы — ветви; кто пребывает во Мне, а Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (15:5). Один из ведущих специалистов в области раннехристианского символизма Л.А. Успенский прямо указывал: «Изображение лозы и ее ветвей указывает на Христа и Его Церковь»[112]. Образ винограда был широко распространен в искусстве катакомб, присутствует он и в мозаиках Равенны и Северной Сирии[113]. Сохранилась традиция и в более позднее время. Часто виноград связан в композиции с изображением чаши, нередко встречается образ птиц поедающих плоды из чаш. Это может иметь прочтение как причащение или «вкушение учения Христа». Виноград, его плоды и ветви несут также евхаристическое значение.

Деревья. Не меньший интерес представляют изображения деревьев. Они прописаны в склепах № 2086/1905 и № 2114/1853; в некоторых случаях присутствуют ветви с плодами (№ 1494/1903). В экспозиции средневекового отдела Херсонесского музея находиться мраморная плитка с рельефным изображением дерева с плодами.

Сами плоды нередко используются как образ человеческих поступков. Так в текстах Евангелий встречаются упоминания о плодах в этом аспекте: «Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые» (Мф. 6:16—17). Судить «по плодам их», «всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь» (Мф. 6:19). Символика плодоношения и бесплодия воспринимается как отражение результатов человеческой деятельности, здесь же приводиться и расшифровка: «Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать» (Мф. 13:23).

В связи с этим особое внимание привлекает роспись «Уваровского» склепа (№ 2114/1853). Главная погребальная камера была отделена плитами с изображением плодовых деревьев. В поэме Ефрема Сирина присутствует образ плодов подвижнических трудов, («плод добрый»), которые прекраснее плодов рая. Отягощенные плодами деревья могут быть прочтены не просто как деревья райского сада, но и как плоды духовные, результат жизни. Изображение деревьев с ветвями, увешенными плодами, может трактоваться как символ духовных достижений погребенного. Его достоинство в данном склепе подчеркивается также изображением лаврового венка на внутренней стене ниши, возможно как символа мученичества.

Люди. Образы людей в системе росписей склепов встречается достаточно часто (склепы № 511/1884 г.; № 2114/1853 г.; склеп 1909 г.; склеп «на земле Н.И. Тура»; № 2/1998—1999 гг., склеп 2008 г.). Условно изображения можно разделить на несколько типов. Два относятся к языческой традиции. Фигуры из склепа № 511/1884, по мнению В.М. Зубаря, указывают на связь фресковой живописи с кругом сложных синкретических мистических представлений, отражавших хтонические аспекты культа Диониса-Сабазия, апофеоза

[112] *Успенский Л.А.* Богословие иконы православной Церкви. М., 2001. С. 39.

[113] *Литовченко А. Н., Фомин М. В., Чекаль А.Г.* О происхождение раннехристианской художественной традиции в византийском Херсоне... С.121—133; *Литовченко А.Н. Фомин М.В. Чекаль А.Г.* Сирийские мотивы в раннехристианском искусстве... С. 142—150.

покойных, вера в бессмертие души и надежда на лучшую участь в потустороннем мире[114]. В позднеантичный период такие представления были характерны для мировоззрения широких слоев населения. Другим типом могут быть изображения конных фигур из склепа 2008 г. Они отражают элементы культа Фракийского всадника и также относятся к дохристианской художественной традиции.

Христианские сюжеты представлены фигурами со свечей. При анализе росписи «Уваровского» склепа А.Е. Филиппов усматривал параллели с фресками Дура-Европос (сцена с женами-мироносицами)[115]. Особенностью изображений является фронтальное положение лиц, что так же является характерным для ближневосточной художественной системы[116]. Подобная традиция известна и на Боспоре[117]. В свою очередь, М.И. Ростовцев отмечал отсутствие аналогов среди фресок Римских катакомб[118].

Возможно, полная композиция выглядела следующим образом — в одной руке могла быть свеча (традиционный символ молитвы) в другой руке сосуд с миром (маслом, широко используемым в погребальной традиции). Такие изображения являться элементами запечатленной погребальной процессии.

Отдельно необходимо остановиться на композиции в склепе «на земле Н.И. Тура». Сложная сюжетная роспись в своей трактовке вызвала дискуссию. Н.М. Печенкин считал, что на правой стене представлен один из сюжетов жития Феодора Стратилата[119]. В соответствии с этим он видел изображение дракона[120]. М.И. Скубетов предполагал, что здесь помещались пальметки и изображение павлина[121]. М.И. Ростовцев реконструировал как изображение святого, мученика или христианина «в типичной для раннего христианства обстановке райского сада»[122]. В.М. Зубарь полагал, что изображен евангельский сюжет Мария с Иосифом, идущие в Вифлеем[123]. Возможна и иная трактовка — изображение умерших, идущих к Небесному Граду, к которому протянуты руки мужчины и женщины[124].

Учитывая особое отношение херсонитов к склепу, перестройку его в подземную церковь, которая могла выполнять мемориальные и кладбищенские функции, более вероятна связь с житийным чудом воскрешения мальчика по молитве св. Василея[125].

Таким образом, в херсонесских христианских росписях в системе изображения людей можно проследить два типа. Первый — композиции отражают погребальную процессию, второй — иллюстрирует житийный сюжет.

---

[114] *Зубарь В. М., Хворостяный А. И.* От язычества к христианству. Киев, 2000. С. 53.

[115] *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического... С. 199—201.

[116] *Шлюмберже Д.* Эллинизированный Восток. М., 1986. С. 186. О сходстве с Дура-Европос упоминали А.П. Чубова и А.П. Иванова (См.: *Чубова А.П., Иванова А.П.* Античная живопись. М., 1966. С. 171; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.—Л., 1949.С. 419—421.

[117] Там же. С. 419—421.

[118] *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 488.

[119] *Печенкин Н.М.* Роспись христианской катакомбы близ Херсонеса, на земле Н.И. Тура // ИТУАК. Симферополь. 1912. № 48. С. 145.

[120] Там же.

[121] Там же.

[122] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 479.

[123] *Зубарь М.В.* К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912… С. 300—301; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Киев, 2000. С. 80.

[124] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон... С. 845.

[125] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон… С. 1259.

Дверь. Одним из важнейших сакральных элементов художественной системы является символ входа, двери-врата, которые отделяют мир живых от мира мертвых, мир окружающий нас от «Царствия Небесного».

Образ двери, врат, перехода присутствует в текстах Нового Завета: «истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам» (Иоанн 10:17), «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет» (Иоанн 10:19). Особенно ярко образ двери прописан в книге Откровения «После сего я взглянул, и вот, дверь отверста на небе» (Откр. 4:1).

Дверь закрывала вход в гробницу Лазаря Четверодневного, воскрешенного Христом (его иконографическое изображение стало одним из самых распространенных в первые века н.э.). Жены Мироносицы увидели отваленным камень-дверь в гробницу Христа. Образ «двери» присутствует и в раннехристианской литературе, например в поэме св. Ефрема Сирина «О Рае»: «Блажен, кто вожделевает рая, его же вожделевает и рай, с радостью приемлет во врата свои», «райская дверь есть дверь испытующая»[126].

Сам образ «двери» является одним из важнейших символических элементов, широко распространенный и в дохристианской, эллинистической погребальной символической системе. Двери являются преградой отделяющей одно пространство от иного. Помимо естественного назначения отделения внутреннего помещения погребального сооружения от внешнего мира существовало и понимание — двери как символ перехода, портала соединяющего мир окружающий и мир потусторонний. Двери различной конструкции известны по погребальным сооружениям всего позднеантичного мира[127]. Они могли иметь лишь иллюстративный характер и быть оформлены как арки, ниши, портики с колоннадами. Значительное количество подобных примеров присутствует в атласе М.И. Ростовцева[128].

Надгробные памятники, имитировавшие входной портал были широко распространены и в Риме. Концепция двери была воспринята христианами, боле того, в форме такой конструкции было построено сооружение на месте «могилы ап. Петра» (дискуссия о результатах раскопок под Базиликой Петра продолжается, но в данном случае интерес представляет в первую очередь архитектура открытого раннехристианского погребального комплекса[129]).

Значительный интерес также представляет ряд херсонесских надгробий датируемых временем становления Церкви в городе. Среди них необходимо выделить «Памятник Христофору»[130]. Артефакт был найден на кладбище вблизи Загородного храма Богородицы Влахернской[131]. Он представляет собой прямоугольную известняковую плиту с полукруглым навершием (0,325 × 0,23 × 0,07 м.). На плите прочитывается эпитафия «Петру моряку. Памятник Христофору». По лучам креста широко распространенная в христианской погребальной традиции формула «Свет. Жизнь»[132]. Конструкция надгробия отдаленно напоминает собой дверь. Фактически можно говорить о надгробии, символизирующем портал-переход. Вся сложная, объемная композиция погребального сооружения

[126] *Ефрем Сирин.* О Рае [Электронный ресурс] // http://azbyka.ru/otechnik/?Efrem_Sirin/o_rae=1

[127] *Чекаль А.Г.* Эпиграфика в сакральном и погребальном искусстве Пальмиры и Дура-Европос // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. Збірка наукових праць. Харків, 2008. Віп. 9. С. 56—68.

[128] *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России.

[129] *Беляев Л. А.* Христианские древности. С. 165—170; *он же.* Введение в историю церкви. С. 586—589, рис. 9.

[130] *Фомин М.В.* Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV—X вв.). Харьков, 2011. С. 265.

[131] *Виноградов А.Ю.* Загородный крестообразный храм в Херсонесе и его надписи // Вопросы эпиграфики. 2009. Вып. 3. С. 226—249; *Фомин М.В.* Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне. С 265.

[132] Там же. С 74.

представлена в виде плоской двери, через которую умерший ушел и через которую он выйдет «в Воскресение». Известен еще ряд памятников, которые формой напоминают двери[133].

Эта концепция нашла отражение в архитектурной особенности ряда погребальных памятников. Так в склепах № 1494/1903, № 2114/1853 г., № 2086/1905, склепе «на земле Н.И.Тура» символика «двери» подчеркнута в конструкции входного отверстия.

Дверь отделяет «Царствие Земное» от «Царствия Небесного». Через эту дверь вносят тело усопшего, и он прибывает там в ожидание «Воскресения во плоти». Через эту дверь он и «выйдет» в своем личном воскресение «в конце времен».

Чаша. Чаша присутствует в системе росписи склепа 1909 г. и склепа № 1/1998—1999 гг. кроме того, конфар отображен на мозаики ранней «Базилики 1935 г.». Аналогичные изображения сосудов известны по многим памятникам, как отдельные, так и в составе композиций. Они есть и в Римских катакомбах, на мозаиках Равенны и Северной Сирии, на стенах раннехристианских саркофагов.

Интерпретация таких изображений однозначна. Они являются символами Евхаристии, Причастия, соединения с Богом.

Комплексное прочтение христианской живописи Херсонеса

Помимо символического значения каждого элемента, сочетание отдельных символов в комплексе имеют свою широкую трактовку. Так, еще в позднеантичной культуре закрепилось представление о загробном мире как о вечно цветущем саде. Цветы, ветви с плодами, птицы, все это отвечает в целом эллинистической концепции представлению о Рае. Отражения этого представления можно увидеть в росписях Боспорских античных склепов (склеп 1895 г. содержит изображения цветов, гирлянд, птиц, ветви винограда, примером также может быть склеп 1972 г., склеп 1873 г., склеп 1902 г., и др.)[134], языческих катакомб Рима, памятников эллинистического Ближнего Востока.

Позднеантичное восприятие загробного мира отраженное в погребальном искусстве трансформировалось в христианстве. Погребальная трапеза эллинистических надгробий и склепы-триклинии превратились в место «Тайной вечери», «Брачного пира». Традиционно, погребение отражало восприятие смерти и посмертной участи. Такая традиция сохранилась и в христианстве.

«Царствие Небесное» и его проповедь являются одним из ключевых сюжетов Евангелия. Его ожидание становиться главным в жизни христиан первых веков. Но при этом, источники не рисуют конкретную картину «Рая» и пребывания в нем праведников. Слово «Рай» (греческий «Парадиз») имеет древнеиранские корни и может быть переведено как «сад», «огороженное место»[135]. В книги Бытия о создание Рая говориться «И насадил Бог рай на востоке» (Быт. 2:8).

Попытка описания «Рая» была сделана в апокрифическом «Апокалипсисе Петра»[136]. Текст датируется началом II в. и долгое время (до окончательного утверждения канона Нового Завета) признавался подлинным произведением Апостола Петра. Апокриф

[133] Там же. С. 265—271.

[134] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Пг., 1914.

[135] *Аверинцев С.С.* «Рай» // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 2. С. 363.

[136] Апокрифические апокалипсисы. / Пер., сост., вступ. статья: М.Г. Витковская, В.Е. Витковский. СПб., 2001; *Ранович А.Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. С. 215—217.

пользовался широкой известностью у ранних христиан. Так Канон Муратори (конец II в.) признает его наравне с Откровением Иоанна, правда, с оговоркой, что этот текст «некоторые из наших не хотят читать в церкви». В «Истории Церкви» Евсевия Кесарийского (III, 25), написанной в первой половине IV в., Откровение Петра уже отнесено к подложным писаниям. Впоследствии текст его был утрачен. Его фрагмент был открыт в конце XIX в. в Египте на греческом языке[137]. В начале XX в. был найден и опубликован полный текст апокрифа на эфиопском языке[138]. Лишь незначительный фрагмент текста касается описания рая: «И показал мне Господь обширное место вне мира сего, которое все сияло светом, и воздух там пронизывали солнечные лучи, и сама земля цвела неувядающими цветами и была полна пряностей и растений, превосходно цветущих и не увядающих и дающих благословенные плоды»[139].

Другим источником является произведение Ефрема Сирина «О рае»[140]. Поэма не содержит конкретных описаний, но несет значительное количество символических образов, некоторые из которых имеют также литургическое значение[141].

В поэме поднимаются темы ограды и ее преодоления, «двери» отделяющей рай от мира, как и тема «трапезы» (евхаристии) имеют явно богослужебные аналоги. Также просматриваются параллели с погребальной традицией в темах «плодов» трудов, воздаяния праведникам, «образы спасения»[142].

Анализ текстов посвященных описаниям «Рая» и сопоставление их с раннехристианскими росписями Херсонеса позволяет сделать выводы о том, что представители художественных школ были знакомы с концепциями «Царствия Небесного» отраженными в источниках. Более того, на примере склепов прослеживается некая единая система росписи, которая переносилась из одного помещения в другое.

Само погребальное сооружение представляло собой дом упокоения, место пребывания умершего (подчеркивается декоративными элементами, имитирующими внутреннее пространство античного дома — мраморировка, различные «панели», геометрические фигуры), «райский триклиний» в котором совершалась евхаристическая трапеза, «Тайная вечеря», «Брачный пир». На нем присутствовали погребенные. Тема хрисмы являлась свидетельством участия Спасителя в трапезе, Христос возглавляет ее, возвышаясь над ней.

В «дом» ведет дверь. Особенно явно входное пространство оформлено в склепе №1494/1903 г.

Росписи стен несут в себе элементы картины рая, его пространства, подчеркивая, в некоторых случаях заслуги упокоенных.

Во многом фрески и мозаика ранней «Базилики 1935 г.» созвучны с живописью склепов. Это неоднократно отмечалось специалистами. Для прочтений комплексной композиции необходимо обратить внимание на восприятие церкви как помещения. Это не просто место собрания верующих для совместных молитв, это, прежде всего, «Дом Божий», в стенах которого присутствует Господь. Фактически это проекция «Рая на земле». Во время

---

[137] *Ранович А.Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. С. 215—217

[138] Апокрифические апокалипсисы. С. 197—198.

[139] Там же.

[140] *Ефрем Сирин.* О Рае.

[141] *Аверинцев С.С.* Поэты. М., 1996. С. 79

[142] *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического... С. 199—201.

совершения Божественной Литургии верующие причащаются Бога, становятся участниками «Тайной вечери». Они достойны Рая и оказываются в Раю, через его проекцию, созданную системой росписи и мозаики.

Переступая порог храма, верующий оказывается в иной реальности, он приходит к Богу. Через участие в таинствах, соединяется с Богом и становиться достойный Рая.

Заключение

Подводя итоги вышесказанному можно сделать вывод, что в первые века новой эры в Херсонесе происходят изменения, в той или иной мере затронувшие все сферы общественной жизни. Одним из существенных явлений становиться трансформация погребальной традиции – распространение склепов как коллективных форм погребения пришедших на смену одиночным могилам. Это стало следствием, в первую очередь, изменения в религиозной жизни, а возможно и в этническом составе населения города.

Сама традиция коллективных погребений в склепах была принесена с территории Ближнего Востока и получила широкое распространение на территории всего Северного Причерноморья. Этот процесс связывают с тесными торговыми и культурными связями, но возможно роль сыграли и готские походы, в результате которых на полуостров было привезено значительное количество пленников.

Из Ближневосточного региона начинается и процесс проникновения христианства. Жития епископов херсонских сохранили упоминания о том, что шесть из семи епископов были направлены Иерусалимской Церковью.

Единственный письменный источник упоминает лишь о приезде епископов, но скорее всего, вслед за ними в город приехали и художники. В середине IV в. появляются первые памятники монументального искусства. К сожалению, их количество позволяет лишь делать предположения. Возможно, в город прибывает артель художников, которая и создала росписи раннехристианских склепов, а также — внутреннего пространства ранней «Базилики 1935 г.». Этот период стал временем, когда символические, иероглифические изображения постепенно уступали место реалистичным иконографическим образам. Херсонес оказался местом, где символическая живопись задержалась на незначительное время.

Мастера в своих работах запечатлели образы Рая, создавая их в соответствии с мировоззренческими концепциями, сохранившимися до сегодняшнего дня в трудах Ефрема Сирина и апокрифическом Апокалипсисе апостола Петра. Внутренне пространство строилось из отдельных элементов, которые были тесно связаны между собой в логичные конструкции, создавая целостное представление, иллюстрируя восприятие Царствия Небесного. Идентичность отдельных составляющих — иероглифов, при помощи которых создавалась законченная композиция, позволяет говорить о том, что они переносились из неких стандартных собраний прорисей. Возможно эти «альбомы» с образцами были привезены с собой.

Можно утверждать, что в город была принесена готовая, сложившаяся изобразительная символическая система в своем сформировавшемся виде. Данная группа памятников просуществовала ограниченный промежуток времени. Возможно, прекращение их функционирования связано с землетрясением 480 г., которое привело к значительным разрушениям в городе. Последующие масштабные строительные работы, возведение новых величественных храмов привели к утрате своего значения склепов-мартириев. На месте

ранней «Базилики 1935 г.» была построена новая, большая базилика, остатки которой и сегодня впечатляют туристов.

Отсутствие памятников живописи периода рассвета церковного строительства, который пришелся на VI—VII вв., не позволяет делать выводы о судьбе художественной школы. Но сохранившиеся образцы напольных мозаик величественных херсонесских храмов дают основания предполагать, что в дальнейшем традиции позднеантичной раннехристианской художественной школы существовавшей в Херсонесе и влияли на монументальное искусство. Они нашли свое воплощение, в частности, в мозаиках более позднего времени.

Приложение

Описание склепов

Склеп №511 / 1894 г.

Склеп был открыт в нескольких метрах от круглой фланговой башни, недалеко от юго-западного угла оборонительной системы, в районе строительства береговой батареи. Он был расположен на полосе земли, предназначенной для проведения шоссе военно-инженерным ведомством, в связи, с чем после короткого осмотра был засыпан землей и мелким камнем[143].

Прямоугольный вход (0,7 × 0,4 м) вел в трапециевидный в плане склеп (3,3 × 3,66 × 1,65 м). В стене противоположной входу под потолком вырублена ниша (1,9 × 1 × 1,1 м). Также локулы сделаны в левой (1,9 × 0,7 × 0,7 м) и правой (2,1 × 0,5 × 0,6 м) стенах. Стены и потолок были оштукатурены и покрыты фресками[144].

Росписи сохранились плохо. Они были разрушены сыростью, а частично сбиты «грабителями» при помощи острого предмета. Следы фресок прослеживаются по обеим сторонам от входа на передней стене и частично на боковых стенах под нишами.

С правой стороны входа изображена женщина, повернувшаяся спиной, обнаженная почти до колен (рис.1). Левая рука грациозно придерживает приподнятый край одежды, правая опущена, слегка согнута и удерживает драпировку с другой стороны. Волосы собраны узлами, лицо и спина сильно повреждены ударами острого орудия. Высота фигуры — около 1 м, краска — светлая, фон бледный, контур выполнен более темным цветом.

С левой стороны входа изображены две обнаженные человеческие фигуры с крыльями и венками на голове, лежащие рядом, с наклоненными вниз ногами. Краска также светлая, фон бледный, контуры прочерчены темным. Листья венка и ветви, разбросанные по телу, они были писаны мокрою кистью без контуров.

На правой стене между углом и нишей изображен растительный орнамент в виде вьющегося красного стебля, и на нем круглых плодов черного цвета, листья отсутствуют. Снизу ниши нарисованы два круга, 0,7 м в диаметре, очень плохой сохранности, состоящие из тройной каймы и звездообразной розетки красного цвета.

В северном углу левой ниши сохранились хвост, нога и незначительная часть птицы, небрежно сделанной черной краской. Между той же нишей и северным углом уцелело несколько листьев от растительного орнамента черного цвета.

Штукатурка на потолке не сохранилась. Присутствующие фрагменты позволяют утверждать, что стены и ниши были украшены фресками.

По мнению М.И. Ростовцева три стены были расписаны в «инкрустационном» стиле. Над плинтусом стены были разделены на ортостаты в каждый из которых был вписан круг со звездой в центре. Входная стена могла иметь такую же систему росписи в нижней части, в свою очередь фигуры были размещены над ортостатами[145].

М.И. Ростовцев приводит параллель с росписью гробницы «сабазиастки Виби» в катакомбе около Аппиевой дороги в Риме. На плафоне была изображена «нагая женщина в

---

[143] *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках за 1894, 1895 гг. // НА НЗХТ. Д. № 4. Л. 71—72.

[144] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 443—444.

[145] Там же. С. 445.

той же позе … и так же придерживающая обеими руками сброшенный плащ»[146]. Во второй композиции исследователь видел сцену «уноса ввысь … юноши покойника крылатым Гением»[147].

По мнению В.М. Зубаря все указывает на связь фресковой живописи, с кругом сложных синкретических мистических представлений, отражавших хтонические аспекты культа Диониса—Сабазия, апофеоза покойных, вера в бессмертие души и надежда на лучшую участь в потустороннем мире. По мнению исследователя в позднеантичный период такие представления были характерны не только для утонченных философских учений, но и для мировоззрения широких слоев населения[148].

Склеп № 1494 / 1903 г.

Склеп был открыт к юго-востоку от Загородного храма, на расстоянии около 8 м. В него вел неглубокий дромос с тремя ступеньками. Вход (0,57 × 0,59 м) был закрыт плитой обмазанной известкой. Внутрь вело две ступеньки. Камера трапециевидная в плане (3,21 × 2,79—2,71 × 1,69 м) ориентирована на северо-запад (рис. 2). Под самым потолком были устроены три ниши-лежанки[149].

Стены были покрыты цемянкой, сверху которой нанесен слой штукатурки, а по ней — побелка светло-голубого оттенка. Большая часть штукатурки стен и почти вся с плафона обвалились.

Стены (за исключением входной) на высоте 0,15 м от пола расписаны прямоугольниками, в которые вписаны ромбы, в середине ромбов помещены круги (рис. 3). Внутреннее пространство круга заполнено желтым фоном, на котором коричневой краской прорисованы схематические деревья Углы прямоугольников и части ромбов, незанятых кругом, стилизованы под мрамор желто-коричневой краской по белому или желтому полю. В средней части росписи стен располагался прямоугольник меньших размеров. В его центр вписан круг в черной рамке. На желтом фоне круга нарисовано черной краской дерево с коричневыми листьями. Свободное поле этих прямоугольников также стилизовано под мраморную облицовку на белом фоне[150]. Роспись нижней части стен стилизована под декор жилого дома, вероятно обычного того времени[151].

Между задней и правой от входа стенами, на высоте ниши-лежанки, желтой рамкой изображена продолговатая плита, в середине помещена птица, повернутая влево, с головой вправо, хвост желтый с красными тенями, брюшко лилово-синее, лапы красные. В клюве птица держит оливковую ветвь. Над этим изображением имелся рисунок птицы меньших размеров, сделанный черным контуром, тулово птицы заполнено синим цветом[152].

Между задней и левой стеной погребальной камеры такая же прорисованная плита в рамке, на которой изображена ветка без листьев. На ней сидит птица с повернутой вправо

---

[146] Там же.

[147] Там же.

[148] Подробнее см.: *Зубарь В.М.* О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса... С. 74—79; *Зубарь В.М. Хворостянный А.И.* От язычества к христианству. С. 53.

[149] *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет за 1903 г. // НА НЗХТ. Д. 12; *он же.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК. 1905. Вып. 26. С. 37—110; *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 477—480, табл. CXI,*2*, CXII.

[150] Там же. С. 450—451, табл. CXII.

[151] *Зубарь В.М. Хворостянный А.И.* От язычества к христианству. С. 53.

[152] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 451, табл. CXII, *А*, Рис. 23.

головой. Роспись сделана в тех же тонах, что и птица на предыдущем рисунке[153]. На своде камеры роспись не сохранилась. Лишь в правом углу прослежены следы красной краски от рамки, которой, вероятно, был оформлен весь свод.

Вход оформлен как дверь. С внешней стороны над проемом и на левой стене с торца прорисованы антропоморфные изображения и просматриваются процарапанные кресты (рис. 4).

Склеп № 2114 / 1904/1853 г «Уваровский»

Склеп был открыт графом А.С. Уваровым в 1853 г. к северо-востоку от Загородного храма. В 1904 г. памятник был вновь расчищен по просьбе М.И. Скубетова[154].

К входу (0,63 × 0,80 м) вел дромос с одной ступенькой, внутрь вели три ступеньки. Склеп представлял собой трапециевидное в плане погребальное сооружение. Ниши были расположены по две, одна над другой, в левой и задней стенах, одна в правой стене (рис. 7). Все пространство помещения было ориентировано именно на эту локулу. Она имела аркосолий и была углублена наподобие саркофага. Образовавшееся пространство было заложено пятью каменными плитами.

Стены камеры оштукатурены известью с добавлением соломы, древесного угля и песка, тщательно выглажены и отполированы. Поверх штукатурки нанесена роспись, занимавшая пространство свода, передней и правой от входа стены (рис. 10). Росписи прослеживаются на плафоне, на входной стене слева от входа, на стене с главной нишей, слева и под ней, на плитах заклада, внутри ниши.

Вдоль пола по периметру всего помещения шла красная полоса, также полоса шла вдоль потолка[155].

Роспись свода. В центре был изображен круглый венок, внутри которого находится хрисма с буквами «альфа» и «омега» по сторонам (рис. 9). От венка к углам расходились гирлянды, образующие Х-образную композицию. По мнению М.И. Ростовцева, они создавали иллюзию крестовидного свода[156]. Рисунок сделан по предварительно прочерченным по сырой штукатурке линиям. Гирлянда состояла из листьев лавра, которые посередине перехватывались красной, малиновой и еще раз красной лентами. В месте соединения с венком они также перехвачены красной лентой. В углах свода гирлянды заканчивались много раз завязанными петлями и узлами. По своему характеру изображение восходит к эллинистическим образцам живописи. Такие гирлянды присутствуют в росписи главным образом первых веков н. э. и позднеантичного периода[157].

Фигура со свечей. Справа от входа, в простенке стены, была изображена повернутая вправо мужская фигура, с выдвинутой вперед левой ногой, сверху и слева обрамленная красной полосой[158]. Стопы, кисти, правая верхняя часть торса, голова не сохранились, но очевидно, что изображенный обращен ко входу, руки согнуты под прямым углом и направлены вправо (высота фигуры 1,02 м, от пола 0,32 м). Несмотря на это, его плечи были представлены в фас. Мужчина одет в желтую тунику с длинными рукавами, не доходящую

---

[153] Там же.

[154] Там же. С. 452—457, табл. CIV,*2*; CV,*3*, CVI. Рис. 24, 86.

[155] *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического...

[156] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 454.

[157] *Там же*.

[158] *Там же.* табл. CVI.

до колен и подпоясанную в талии, желтые штаны, на краях которых желтый цвет переходит в красный. На рукавах туники красные обшлага. Внизу туники черная вставка (рис. 14).

Общее пропорциональное строение фигуры и контур ног позволяют предположить, что ступни опирались на линию цоколя или, скорее, помещались в узкой полосе позема, как и на входной стене склепа «на земле Н.И. Тура». Стиль изображения плоскостной, с преобладанием активного красного контура. Раскраска локальна, без градаций.

По мнению М.И. Ростовцева в руках могли быть помещены две свечи по аналогии со склепом 1909 г.[159]. Фигура со свечой встречается также в росписи баптистерия в Дура-Европос («Жены-мироносицы у Гроба Господня») на что указывает А.Е. Филиппов, проводя параллели в художественной системе[160]. М.И. Ростовцев отмечал, что такая композиция неизвестна в росписях римских катакомб[161].

Фронтальная развернутость лиц имеет множество аналогий в Ближневосточной художественной традиции и в частности в живописи Дура-Европос[162]. Тоже можно проследить и в некоторых боспорских росписях. В частности, сходство с памятниками Дура отмечено в росписи склепа 1891 г.[163]. На фресках склепа 1909 г. лицо юноши представлено строго «анфас». По аналогии можно предположить, что лицо мужчины, изображенного на входной стене Уваровского склепа, также было представлено «анфас».

А.Е. Филиппов проводя аналогию фигуры юноши со свечой в руках и женских фигур в росписи в Дура-Европос, предположил, что в правой руке юноши из склепа 1909 г. был сосуд с миром, что соответствовало бы теме росписи, связанной с чином погребения. Аналогичным образом можно реконструировать и изображение на входной стене Уваровского склепа. Так же он выдвинул версию о том, что фигура была условным портретом погребенного в правой нише[164].

Правая стена. По мнению М.И. Ростовцева, роспись стены во многом аналогична росписям склепов № 511/1894 и № 1494/1903. Ее композиция разделяется вертикальной красной линией на два больших поля. Нижнюю часть занимает «панель под мрамор красными разводами по желтому полю»[165]. Над ним сверху находились плиты заклада локулы (рис. 8). Простенок слева от ниши образовывал второе поле, которое содержит изображение виноградной лозы с гроздьями, нанесенными красной краской по белому фону. М.И. Скубетов предполагал, что здесь изображено дерево. Но данную версию не поддержал М.И. Ростовцев[166]. Главная ниша-саркофаг была закрыта пятью плитами, обрамленными красной полосой. А.Е. Филиппов видел в этом отображение целостности. Плиты были оштукатурены и расписаны. На каждой из них изображено дерево с круглыми плодами желтого цвета с красным ободком. Похожие ветви с плодами были изображены вблизи верхних боковых ниш в росписи склепа 1905 года.

Ниша саркофаг. Внутренняя стенка саркофага, не смотря на свою закрытость для взора посетителей, была так же расписана. На задней стене находилось изображение венка.

---

[159] *Там же.* С. 455, табл. CVI.

[160] *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического... С. 309.

[161] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 488.

[162] *Шлюмберже Д.* Эллинизированный Восток. 186; *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического… С. 309.

[163] *Чубова А. П., Иванова А. П.* Античная живопись. М., 1996. С. 171; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М. —Л., 1949. С. 419—421.

[164] *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического… С. 236.

[165] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 456.

[166] Там же. С. 455.

М.И. Ростовцев подчеркивал, что оно «того же типа, что и на плафоне»[167]. На правой узкой стене ниши было фрагментированное изображение птицы обращенной вправо нанесенное красной, желтой и, возможно, коричневой краской. Птица сидит на зеленой ветке или на земле, показанной четырьмя параллельными линиями красного и черного цветов. Лапы птицы большие крепкие, оперение в сохранившейся части тулова пестрое, желтое с красным[168]. Можно предположить, что был изображен павлин. На это указывает начертание, хвост мог не сохраниться, но теоретически, в нише для него достаточно места[169].

По мнению М.И. Ростовцева, росписи могли появиться после того, как было совершено погребение в правой локуле[170].

Склеп был ограблен еще в древности, граф А.С. Уваров среди находок упоминают только несколько серебряных пряжек и обломок гипсового кружка с изображением креста[171].

По мнению К.К. Косцюшко-Волюжинича и М.И. Ростовцева, исследовавших памятник, здесь был погребен человек, особо чтимый в среде христианской общины Херсонеса. Скорее всего он мог быть местночтимым святым или одним из первых Херсонесских епископов. Весьма вероятно, что склеп являлся местом поклонения[172].

Склеп № 2086 / 1905 г.

Склеп был открыт к юго-западу от Загородного храма, примерно в 50 м от Уваровского склепа[173]. В него вел вход (053 × 0,63), внутрь спускалось две ступеньки. Он имел трапециевидную форму (3,32 × 2,94—3,42 × 1,68—170 м). В помещении было четыре лежанки (по две — одна над другой) в левой и правой стене, и ниша с аркосолием в стене против входа (рис. 5). К задней стене была сделана небольшая ниша для установки светильников. Стены и потолок склепа были оштукатурены и украшены росписями.

Аркосолий. Вся архитектура склепа была ориентирована на эту особенную нишу. Центральным сюжетом росписи является виноградная лоза без листьев с гроздьями (см. Рис. 6). Слева гроздья черного цвета, справа — темно-желтого. На потолке аркосолия изображены две птицы напоминающие голубей. Слева зелено-серая птица с желтыми или темными крыльями и красной грудью. Справа — красная птичка с черными крыльями. Птицы сидели на ветке с распустившимися и полураспустившимися цветами «шиповника». Не исключено, что между ними разбросаны лепестки этого же растения[174]. Полукруг подчеркивается гирляндами. С внешней стороны идет гирлянда из лавра с вплетенными светло-красными трилистниками. В трех местах она была перевязана красной, зеленой и опять красной лентами, на концах связана красноватыми тесемками[175]. Внутри стена аркосолия также обрамлена по линии арки гирляндой, перевязанной лентами с тесемками на концах. Простенки между аркосолием и боковыми нишами также заполнены рисунками.

[167] Там же. С. 456.

[168] *Зубарь В.М. Хворостянный А. И.* От язычества к христианству.

[169] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 456.

[170] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913. С. 457.

[171] Там же. С. 452—457.

[172] Там же.

[173] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 458—463, табл. CIV,*1*, CVII, CVIII. Рис. 28.

[174] Там же. Табл. CVIII,*1—6*. Рис. 29, 1.

[175] Там же. Табл. CVII,*1,2*.

Слева была изображена серая с черными тенями птица, напоминающая голубя. Она сидит на ветке без листьев с черными круглыми плодами (лавр?), а под веткой — рог изобилия с красным контуром. Рядом, слева, ветка хвойного дерева с темными иголками и шишкой, напоминающая кедр. Справа от аркосолия была расположена сидящая на ветке птица зеленоватого цвета, повернутая влево. Растению, на ветке которого сидит птица, принадлежат и побеги с шишками пинии. Сверху, над птицей, нарисован предмет, который, по мнению М.И. Ростовцева, напоминает пелту амазонок[176].

Стены. Значительный интерес также представляют росписи входной и боковых стен. В нижней части на небольшом расстоянии от пола идет широкая черная полоса, имитирующая панель или какой-то иной элемент конструкции. На боковых стенах изображены квадраты, декорированные под мрамор, заключенные в широкую рамку. На входной стене помещены вертикально стоящие прямоугольники, также обрамленные по периметру. Они располагаются почти на всю высоту стены, начинаясь чуть выше панели. В прямоугольники вписаны ромбы, в них, в свою очередь — круги. Все фигуры заполнены живописной имитацией мраморных прожилок.

Пространство между лежанками украшено гирляндой из лавровых листьев. По сторонам лежанок располагались горящие свечи. Рядом с ними, в простенках у входной стены, изображены ветви и деревца с большими круглыми плодами. Стены верхних ниш украшены ветками. Рядом с передней стеной были изображены ветки без листьев с круглыми черными плодами, видимо, лавра, а рядом с задней стеной - ветки шиповника с почками и цветами[177].

Роспись плафона. На потолке сохранились фрагменты росписи, позволяющие предположительно реконструировать полную картину. В правом дальнем углу уцелело изображение гирлянды, идущей по диагонали к противоположному углу. Гирлянда состояла из выполненных «почти черным»[178] цветом лавровых листьев с вплетенными между ними красными трилистниками и перевязана трехцветной лентой. На фрагментах штукатурки потолка были видны следы окружности, скорее всего, венка, возможно с хризмой внутри. Все это позволяет с достаточной уверенностью восстановить роспись плафона по аналогии с Уваровским склепом и склепом «на земле Н.И.Тура».

Склеп № 2270 / 1907 г. (№2 1907 г.)

Склеп был открыт на противоположном берегу Карантинной бухты. Вход представлял собой квадратное отверстие (0,62 × 0,62 м), внутрь вела одна ступенька. Склеп трапециевидный в плане, с несколько выгнутыми боковыми и задней стенкой и вогнутой передней (3,15 × 3,46—3,06—1,60—1,51 м), свод поддерживался столбом (рис. 11). Во время сооружения справа от входа вдоль стены была оставлена скамья-ступень. Это позволяет предположить, что он был изготовлен с учетом того, что будет посещаем. Погребальные ниши были вырублены в левой и задней нишах под потолком. В правой стене было сделано три небольших углубления (для светильников?), одно, самое большое, приблизительно в середине стены (0,57 м. от уровня пола), два другие в верхней части. Четвертая ниша была устроена справа от входа, в верхней части стены.

---

[176] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 461; табл. CVII,*1*, CVIII,*3*. Рис. 29,*1*.
[177] Там же. Табл. CVII,*1,2*. Рис. 30
[178] Там же. С. 460.

Достаточно смелое предположение выдвинул А.Е. Филиппов указав, что склеп мог использоваться для богослужений. Причем центральная ниша могла иметь культовое назначение и служить престолом[179]. Аналогичная ниша известна по склепу «на земле Н.И. Тура»[180]. Если принять это предположение, то вероятно, часть богослужения (возможно Литургии) совершалась священником коленопреклоненной.

О росписи говорить достаточно сложно. Потолок склепа был обрушен. Фрагменты штукатурки позволили проследить наличие изображения двух окружностей, внутри которых присутствовали следы краски. Это позволяет по аналогии с другими склепами интерпретировать рисунок как хрисму.

Вдоль пола была прорисована красная полоса, над которой нижняя часть стены разделялась на прямоугольники «с небольшими промежутками между ними»[181]. В свою очередь они также разделены по диагонали красными полосами[182].

Склеп № 2245 / 1907 г.

Склеп был открыт на южной стороне Карантинной бухты[183]. Камера трапециевидная в плане с вогнутой внутрь передней стеной (2,85 × 2,72—2,79 × 1,70 м).

В склепе четыре локулы, справа от входа две: одна над другой, и по одной в левой и задней стенах. Нижняя ниша, по словам М.И. Ростовцева, устроена «несомненно, после остальных»[184], поскольку, в отличие от других, ее стенки остались неоштукатуренными. Ниша в задней стене закрывалась плитами. Сами плиты, сохранившие следы покрытия цемянкой и побелки были обнаружены на полу, под лежанкой.

Росписи почти не сохранились. В углах прослеживаются вертикальные красные полосы, они же продолжаются вдоль свода. В углах сохранился «ряд зеленоватых и голубых пятен с красными черточками, может быть, остатки изображенных здесь цветов или растений»[185].

Склеп 1909 г.

Склеп был открыт в северо-западной части некрополя, за западными оборонительными стенами, недалеко от протейхизмы и калитки в стене[186].

К входному отверстию (0,60 × 0,57 м) вел вырубленный в скале неглубокий ход с двумя ступеньками. Склеп трапециевидный в плане с более широкой входной стеной (2,93 × 3,07—2,84 × 1,36 м). Слева от входа была устроена скамейка, которую покрыли плинфой, положенной на известь. В трех стенах, под потолком, вырублено по одной локуле (см. Рис. 12). Ниша в задней стене была заложена кирпичом (0,34 × 0,16 × 0,04 м), положенным на раствор цемянки (толщина раствора 0,05—010 м). Стенка состояла из 10 кирпичей. Заклад был проломлен в древности и материал не сохранился.

---

[179] *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического.

[180] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 473.

[181] Там же. С. 466.

[182] Там же. Табл. CXI,*1*.в

[183] Там же. С. 470, табл. CII,*5*.

[184] Там же. С. 464.

[185] Там же. С. 470.

[186] Там же. С. 467—469, табл. CI,*1*,*2*, CIX,*2*. Рис. 32.

Стены и потолок были оштукатурены, неровности были сглажены цемянкой. Штукатурка состояла из «известки хорошего качества», песка и соломы. Стены были выглажены и отшлифованы, в некоторых местах просматриваются следы копоти. В центре потолка был изображен круг, исполненный по штукатурке прочерченными линиями, очевидно, первоначально был венок из лавровых листьев с вплетенными красными трилистниками. Внутри венка росписи не сохранились (рис. 13). По мнению М.И. Ростовцева следы хрисмы отсутствовали[187]. Анализ стилистики росписи и аналогии позволяют предположить, что она могла не сохраниться. От круга по диагонали расходятся гирлянды из лавровых листьев с вплетенными трилистниками, на концах которых тесемки синего и красного цветов, завязанные двумя бантами в форме неправильных треугольников. Свободные концы тесемок похожи на листья. Гирлянда хорошо сохранилась у задней стены. По периметру свод обрамлен красной полосой.

У задней стены, на потолке между диагоналями гирлянд и красной линией сохранились фрагменты изображение павлина, повернутого вправо, с поднятой головой, влево. Просматриваются, лиловый хвост с синим глазком и с синеватыми концами перьев, грудь, голова и одна лапа красноватого цвета. Перед павлином помещался канфар на высокой ножке желтого цвета. Справа от канфара ветка с листьями и гроздьями винограда. Возможно, гроздья были и под ногами павлина. Прослеживаются фрагменты изображений павлинов и виноградных веток и в других сегментах потолка.

Низ стен под нишами был разделен горизонтальными и вертикальными линиями на квадраты. Но следов имитации мраморной облицовки не просматривается.

У ниши на задней стене, слева, была помещена фигура, повернутая вправо, нижняя часть ее не сохранились (рис. 14). Юноша был одет в длинную тунику, поверх которой стихарь или далматику с длинными узкими рукавами. Одежда прорисована белым, складки и контуры — красными линиями. Лицо юноши округлое, с короткими волосами. В вытянутых руках держал большую зажженную свечу.

На боковых стенах следы росписи были на простенках, примыкавших к задней стене. На правой и левой боковых стенах изображено по голубю, которые обращены к нишам боковых стен. Оперение голубей серое, крылья черные с красными контурами, лапы, хохолок и клюв — красные, глаза коричневые с черными зрачками. Внутренние стены лежанок тщательно оштукатурены, но не имели следов росписи.

Склеп 1912 г.

Склеп был открыт в районе шоссе, которое вело из г. Севастополя к монастырю св. Владимира, к западу от Девичьей горы[188].

Заглубленный на 0,71 м в скалу дромос в форме трапеции вел к входу (0,60 × 0,64 м). Внутрь помещения вели две ступеньки. Склеп был грубо вырублен, трапециевидный с более широкой задней стеной (3,00—3,21 × 2,92 × 1,92—1,82 м) и тремя локулами (рис. 15). Лежанка в левой от входа стене была замурована бутовым камнем на глине с добавлением битого кирпича (или керамики?). Стена вместе с закладом была покрыта крупнозернистой цемянкой, затем слоем извести и побелкой, по которой шла роспись. Снаружи лежанку обрамляла гирлянда из лавровых листьев. Она была вписана в рамку и заполняла все ее пространство. Рамка состояла из двух параллельных полос красной краски. Гирлянда

[187] Там же. С. 469.

[188] Там же. С. 470—471, табл. CIX,*1*, CX,*1,2*. Рис. 35

охватывала нишу сверху и с боков, на ее концах были пышные тесемки, завязанные треугольными бантами.

Между свешивавшимися завязками гирлянд, ниже заклада, на внешней стороне стены был изображен павлин, повернутый вправо (рис. 16). Сохранились часть хвоста и правая лапа. Хвост передан красной краской, глазки обведены черным контуром с заполнением серого цвета, центр черный с белыми бликами. Перья прорисованы коричневой краской, нога черной, перья ног серой с черной тонировкой. М.И. Скубетов внутри ниши фиксировал следы краски, но о том, была ли там роспись, ныне говорить сложно[189].

Склеп «на земле Н. И. Тура»

Он был открыт в 1894 г., но раскопан лишь в 1912 г.[190]. В плане склеп изначально являлся типичным для подобных сооружений (2,48—2,13 × 2,79 × 1,68—1,60 м). Ниши были расположены в левой и задней стене под потолком. При сооружении была оставлена ступень-скамья[191]. Позднее внутреннее помещение было существенно перестроено, лежанка, расположенная напротив входа, была углубленна до уровня пола. При углублении приблизительно посредине был оставлен небольшой выступ. В передней стенке был сделан проход (рис. 17)[192].

Стена ниши-абсиды. По периметру пространство было обведено красными линиями. Здесь были помещены два обращенных друг к другу павлина. В клювах они держат полукругом гирлянду из лавровых листьев. Декоративные концы гирлянды обращены внутрь полукруга. Между ними, над гирляндной, а также над каждым павлином, изображены «цветки» (принято считать, что шиповник) состоящие из четырех «сердцеобразных» лепестков и «зеленых усиков между ними»[193]. Такой же цветок, но меньшего размера, помещен в центр гирлянды (рис. 19). Существует предположение, что изображение могло символизировать просфору.

Под нишей и в правом простенке от нее были изображены, по предположению М.И. Ростовцева, «полосы деформированного меандра, разделенные на продолговатые прямоугольники и квадраты, ничем между собой не связанные»[194]. Каждый меандроподобный изгиб, выполненный коричневой линией, заключен в отдельную от других рамку, по периметру которой идет «бордюр из точек» (рис. 19). Композиция помещена на желтом фоне. Роспись могла представлять собой имитацию архитектурных деталей, «простенок направо от ниши и низ ниши, то есть, алтарная преграда, орнаментированы были чем-то вроде решетчатого орнамента, столь характерного для античных балюстрад и раннехристианских алтарных преград»[195].

Плафон был оформлен, как и в большинстве других херсонесских расписных склепов, в виде диагональных гирлянд и, вероятно, венка с хрисмой в центре[196]. Таким образом, вся роспись, за исключением правой стены, как по стилю, так и по набору

---

[189] Там же. С. 471
[190] Там же. С. 470.
[191] Там же. С. 472—474.
[192] Там же. С. 473—474.
[193] Там же. С. 469
[194] Там же. С. 475.
[195] Там же. С. 477.
[196] Там же. С. 478.

декоративных элементов, находится в полном созвучии с живописью остальных расписных херсонесских склепов.

Левая стена. Остатки фресок были зафиксированы под нишей. По мнению М.И. Ростовцева, здесь находилось изображение пальмовой ветки[197].

Правая стена. Роспись этой стены неоднократно становилась объектом дискуссии (рис. 18)[198]. В левой части стены сохранились следы изображения растения, покрытого плодами или цветами[199]. Ряд специалистов положили, что это виноград[200]. На некотором расстоянии от куста помещена женская фигура, которая одета в двойную тунику, подпоясанную на талии. Верхняя одежда желтая, нижняя красная. Правая рука согнута, предплечье направлено вправо, левая рука не сохранилась, одна ступня поставлена фронтально. Положение второй не совсем ясно.

Справа от женской фигуры размещается мужская. Он одет «почти так же», как и человек, изображенный в Уваровском склепе[201]. Руки согнуты в локтях, предплечья направлены вправо, ступни обращены так же вправо. Кисти рук, плечи, головы фигур утрачены, однако по аналогии с другими памятниками можно предположить, что они могли быть фронтальным. Направление движения передано жестом рук и положением ступней. Фигуры «не опираются» на поверхность, но земля присутствует и передана волнистыми коричневыми линиями.

Справа от фигур в верхней части сохранилось схематичное изображение городских стен с воротами и башнями. Правее черными линиями были изображены растения (заросли тростника, деревья?). Под изображением города сохранились следы росписи, которые трактуются исследователями различно.

Задняя стена. Здесь сохранился фрагмент росписи. В левом простенке была размещена мужская фигура, от которой сохранились лишь изображения ступней развернутых вправо.

После перестройки внутреннее пространство погребальной камеры получило подобие апсиды с алтарной преградой и престолом. Это позволяет предполагать использование помещения для богослужений, в том числе и Литургии.

Ю.М. Могаричев подверг критике предположение о культовых функциях склепа[202]. Во многом его аргументация построена на том, что помещение незначительных размеров: площадь около 5 кв. м, высота менее 1,7 м. Кроме того, анализ изображений демонстрирует, что они двигаются от алтаря, а не к нему, как это положено по церковным канонам[203]. «Церквеобразная» архитектура склепа имеет свои аналоги, примером которых могут

---

[197] Там же. С. 476.

[198] Там же. С. 473—474; *Зубарь В.М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 22; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 93; *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. С. 1069—1070; *Сорочан С.Б.* Мартирий Воскрешения, или еще раз о херсонесском склепе «на земле Н.И. Тура». С. 141; *Фомин М.В.* О почитании святых в Херсонесе—Херсоне по материалам некрополя // Мир Византии: материалы международного научного семинара. Белгород, 2007. С. 164— 165.

[199] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 477.

[200] Там же. С. 455.

[201] Там же. С. 477.

[202] *Могаричев Ю.М.* Склеп «на земле Н.И. Тура»… С. 82—90.

[203] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. С. 478; *Коковкин А.Я.* Я.И. Смирнов // Византиноведение в Эрмитаже. С. 148; *Могаричев Ю.М.* Склеп «на земле Н. И. Тура»… С. 82—87.

служить склепы Мангупа[204]. Тот факт, что они не выполняли функции культовых сооружений, не опровергает возможности такого использования склепа «на земле Н.И. Тура». Он имел как минимум два строительных периода[205], и был переделан на последнем этапе. Росписи на правой стене, по мнению А.Е. Филиппова, могли относиться к первому строительному периоду[206]. Если сюжет фрески является иллюстрацией к агиографическому тексту, то его построение вполне закономерно. Погребение в склепе почитаемого лица могло привести к перестройке сооружения и превращению его в мартирий. С.Б. Сорочан выдвинул версию, согласно которой склеп мог быть местом, где произошло «чудо», описанное в Житии епископа Василея[207].

Таким образом, приведенные материалы и аналогии не исключают возможности функционирования склепа «на земле Н.И. Тура» как культового сооружения — молельни или мемориальной церквушки, периодические службы, проводимые в которой имели специфический (поминальный или мемориальный) характер.

Склеп № 1 / 1998—1999 гг.

В 1898 г. совместная экспедиция Института археологии НАН Украины, Отделения раннехристианской археологии Института классической археологии университета г. Вены (Австрия) и Австрийской академии наук, Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Научно-просветительского общества «Коллегиум» произвела комплексное исследование памятников, которые были открыты примерно в 200 м. на северо-восток от Загородного крестообразного храма.

В склеп №1/1998—1999 гг. вел дромос (0,75 × 1,25 м глубина от современной поверхности 2,4 м). В его северо-восточной стене находилось входное отверстие (0,6х0,6 м), которое закрывалось известняковой плитой (0,84 × 0,78 × 0,20 м). Сама плита была сброшена грабителями внутрь помещения.

Погребальная камера была ориентирована по линии юго-запад — северо-восток (2,50-2,80 × 2,48—2,60 × 1,45—1,70 м), внутри было три ступеньки (рис. 20). В стенах склепа вырублено три локулы. Примерно на уровне 1,5 м от пола в северном и восточном углах при создании склепа были оставлены полочки (шириной 0,05 м).

Поверхность стен была оштукатурена и расписана, по-видимому, по сухой штукатурке. Роспись в значительной степени утрачена, но ее следы просматриваются на плафоне, в верхней части стен, на входной стене слева от входа.

Лежанка в северо-западной стене (слева от входа) была устроена на высоте 0,95 м на расстоянии 0,78 м от передней стены (1,65—1,82 × 0,45—050 × 0,55 м в сечении квадратная). Лежанка в северо-восточной стене (против входа) располагалась на высоте 0,8 м (2,08—2,40 × 0,5—0,55 × 0,65 м в сечении квадратная). Лежанка в юго-восточной стене (с права от входа) была вырублена на высоте 0,80 м на расстояние 0,53 м от входной стены (1,96—2.00 × 0,45—0,50 × 0,7 в сечении квадратная). В восточной ее части находиться грабительский лаз 0,4 м диаметром, соединявший склепы №1 и № 2.

---

[204] *Герцен А. Г.* Раннехристианские памятники из некрополей Мангупа. С. 10; *Герцен А.Г.* Дорос — Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ, 2003. Вып. 34. С. 99—100.

[205] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. С. 478; ср.: *Могаричев Ю.М.* Склеп «на земле Н.И. Тура»… С. 82—87.

[206] *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического. С. 293—297.

[207] *Сорочан С.Б.* Мартирий Воскрешения или еще раз о херсонесском склепе на земле Н.И. Тура. С. 140—154.

В нижней части стен при помощи красных и черных линий имитировались плиты. Большие горизонтальные прямоугольники чередовались с узкими вертикальными, во многом аналогично склепам 1909 года и № 2245/1907. Роспись являлась подражанием позднеантичной кладке «кордон на ребро, плита на образок»[208]. Горизонтальные прямоугольники были заполнены наклонными параллельными штрихами черного цвета, имитировавшими фактуру камня.

Можно предположить, что композиции в нишах боковых стен сходны, в тоже время внимание сосредотачивается на росписи ниши напротив входа. В целом роспись состояла из «стандартных» элементов собранных в композиции. Можно выделить несколько таких элементов (рис. 25)

Гирлянда сплетенная из цветов красного цвета, в большинстве случаев S-образная, наклоненная относительно вертикальной оси, подхваченная черными лентами, в верхней и нижней части – бантами продолговатой треугольной формы.

Цветок с красными лепестками, желтой сердцевиной, под ней лепестки, которые выполнены, как и ножка, черной краской. Авторы раскопок приводят обоснованное предположение, что цветок может быть атрибутирован, как относящийся к роду роз[209].

Стена со входом. Справа от входа черным цветом изображена чаша (высота 0,28 м, диаметр тулова в средней части — 0,24 м, высота ножки — 0,08 м, диаметр подставки — 0,17 м). Чаша на высокой подставке, которая опирается на цветок (рис. 21). Цветок с красными лепестками, желтой сердцевиной, под лепестками виднеются по два листика черного цвета, ножка, написанная двумя линиями черной краской (высота — 0,14 м, диаметр головки — 0,11 м, ножка — 0,085 м). По сторонам чаши и цветка изображения двух симметрично изогнутых гирлянд. Фрагмент нижней части гирлянды (0,20 м) сохранился у северного угла.

Справа от входа роспись на стене не сохранилась, но следы ее на штукатурке, позволяют предположить, что стена могла быть расписана аналогично.

Стена слева от входа. Росписи можно условно поделит на три части (рис. 22).

На высоте 0,63 м от пола прописана горизонтальная полоса красного цвета (0,025—0,03 м), на 0,06 м ниже роспись имитировала плиты кладки. Прослеживаются две «плиты» (ширина левой — 1,06 м, центральной — 0,015 правой — 1,28, высота — 0,51 м).

Поле (высота — 0,34 м) между красной полосой и краем локулы №1 орнаментировано плохо сохранившимися полукруглыми гирляндами. Почти под левым углом ниши помещен цветок (высота — 0,225 м, диаметр головки — 0,08 м).

Поле стены между западным углом камеры и лежанкой также сохранило фрагменты росписи. Справа от угла (0,26 м), выше красной полосы, помещен цветок на ножке с листиками по обеим сторонам (высота — 0,3 м, диаметр головки — 0,09 м). Между цветками (0,014 м от красной полосы), изображена гирлянда (длина — 0,4 м, ширина — 0,03—0,05 м).

Выше цветка и гирлянды (0,45 м от красной полосы) нарисован цветок с тремя распустившимися бутонами красного цвета на одной длинной ножке с черными листиками (длина 0,5 м).

На стене локулы росписи сохранились лишь в левой части. На уровне дна нарисован цветок с красными лепестками (0,016 м, диаметром головки 0,08 м), справа от него фрагмент (длина — 0,16 м) гирлянды, справа от нее следы цветка (высота — 0,12 м, диаметр — 0,08 м).

[208] *Зубарь В.М., Хворостяный А. И.* От язычества к христианству. С. 146.

[209] Там же.

Не смотря на плохую сохранность изображений можно попытаться восстановить композицию. Нижний регистр имитирует кладку, под локулой, под углами и по центру могло быть помещено три цветка, между которыми две гирлянды. Левая гирлянда, возвышавшаяся над цветками «связывала» композицию со стеной между локулой и углом. Левее гирлянды — связки помещено еще два цветка один над другим.

Стена справа от входа. Нижнее поле орнаментировано горизонтальной линией красного цвета (высота от пола 0,68 м). Под ней прослеживаются следы имитации блоков (высота от пола — 0,41—0,55 м), наиболее хорошо прослеживающимися в левой части (рис. 23).

Пространство между нишей и углом передней стены также было заполнено росписью. Сохранился след от гирлянды — изображение верхнего канта с тесемками (на высоте от пола — 1 м, длина — 0,11 м). Слева от гирлянды был помещен цветок. Над бантом (выше 0,1—0,15 м) сохранился фрагмент ножки цветка с листиками (длина — 0,37 м), его головка сильно закопчена гарью, оставшейся здесь после грабителей.

На задней стене лежанки роспись состояла из гирлянд и цветов. В правой части ниши, на уровне ее дна, нарисован цветок (высота — 0,2 м, диаметр головки — 0,08 м). Слева от него, (0,16 м от дна) начиналась гирлянда (длина — 0,4 м, ширина — 0,03—0,05 м). Левее ее на 0,06 м, на уровне дна, был помещен цветок (высота — 0,22 м, диаметр — 0,07 м), за которым на расстоянии 0,22 м имеется еще один, но с более короткой, несохранившейся ножкой (высота — 0,18 м, диаметр головки — 0,06 м). В нижней левой части задней стены, выше которой был пробит ход в склеп №2 — плохо сохранившиеся остатки нижней части гирлянды (0,1 м от дна, длина — 0,2 м, ширина — 0,04 м), Левее на 0,1 м сохранилась ножка цветка (длиной 0,15 м), головка которого погибла при сооружении лаза.

Есть основания предположить, что пространство стены было расписано аналогично левой стене. Главными элементами были чередующиеся цветы и гирлянды.

Стена напротив входа. Под нишей сохранились следы красной полосы, что позволяет предположить о наличии плит-орфостатов, аналогичных описанным выше (рис. 24).

Задняя стена локулы по замыслу художника должна была занимать главенствующее положение. Центром росписи является павлин, идущий влево по ветке черного цвета (длина — 0,35 м). Голова птицы не сохранилась, но можно предположить, опираясь на остатки росписи, что птица в клюве держит тинию. Фигура птицы с вытянутым туловищем и сложенными крыльями прорисована синим с четко обозначенным черным контуром. Длинный хвост с оперением передан красным цветом и мазками черной краски (длина туловища — 0,32 м, хвоста — 0,42 м, высота изображения — 0,27 м).

Справа от хвоста сохранился фрагмент гирлянды (длина — 0,25 м, ширина — 0,045—0,06 м). В левой части лежанки (0,15 м от дна) имеется фрагментированное изображение гирлянды (длина — 0,28 м, ширина — 0,04—0,05 м). По ее сторонам цветы, ножки которых с листками начинались на уровне дна (высота слева от гирлянды — 0,21 м, справа — 0,18 м. диаметр головок — 0,075 м).

Склеп пострадал вследствие хозяйственной деятельности садового товарищества. Помещение на высоту около 0,5 м было заполнено мусором. Затечная земля из склепа была удалена хозяином близлежащего садового участка, планировавшего использовать его под погреб. Вследствие этого, археологический материал, позволяющий датировать памятник, фактически отсутствует.

Склеп № 2 / 1998 - 1999 гг.

Расположен рядом со склепом № 1, к югу от него. Ориентирован по линии север—юг. Дромос располагался в 6 м к югу от дромоса склепа № 1 (2,5 × 0,35—0,50 м, глубина от современной поверхности возле входа — 2,0 м.). В южной части были сделаны покатые ступеньки (рис. 20.)

Вход (0,35 × 0,35 м) закрывала плита, которая, вероятно, была выброшена при ограблении. В камеру вели три полукруглых ступеньки (первая — 0,8× 0,15 × 0,6 м, вторая — 0,12 × 0,20 × 0,10 м, третья — 0,12 × 0,30 × 0,6 м). Камера прямоугольная в плане (3,0—3,05 × 2,47—3,05 × 1,6—1,85 м), свод имеет полукруглую в сечении форму, дно ровное.

Слева от входа (на расстоянии 0,22 м) вырублена локула (высота от уровня пола — 0,5 м), полукруглая в сечении (2,0 × 0,55 × 0,2 м). Другая локула расположенная в стене против входа (высота от пола — 0,7 м) также полукруглая в сечении (2,05 × 0,18—0,25 × 0,45 м). В правой стене локула (высота 0,4 м от пола) была овальная в плане и полукруглая в сечении (0,98 × 0,08—0,20 × 0,10—0,12 м). В восточном углу камеры зафиксирован грабительский пролом, который вел в соседний, не раскопанный склеп, заполненный наполовину землей и камнями.

Фресковая роспись фрагментарно сохранилась только в верхней части стены, расположенной слева от входа, над лежанкой, в 0,55 м от западного угла погребальной камеры. Просматриваются три диагонально расположенные на расстоянии 0,48—0,50 м друг от друга гирлянды с аморфными контурами, сплетенные из красных цветов и украшенные тиниями (первой — 0,37 × 0,3—0,5 м; второй — 0,44 × 0,2—0,4 м; третьей — 0,46 × 0,2—0,4 м).

В левой части композиции, перед гирляндой, расположен предмет, напоминающий опрокинутую вазу с большим букетом (роз?). Контуры сосуда намечены тонкой красной линией с тремя поперечными рубчиками (0,18 × 0,6—0,75 м). В центре фрески, между гирляндами, изображен сидящий, повернутый вправо голубь, тулово и ноги покрыты красной краской, крыло и контуры фигуры обведены синей линией (0,12 × 0,15 м). Рисунок в правой части композиции не сохранился (рис. 26).

При расчистке дромоса на глубине 2,1 м от современной поверхности, обнаружен фрагмент известнякового рельефа с изображением нижней части женской фигуры в хитоне справа, и нижней части лап с когтями какого-то стоящего животного, возможно, льва. Справа и слева от женской фигуры имеются выступы, которые, по мнению авторов раскопок, могут быть частями кресла. Можно предположить, что рельеф представлял собой изображение сидящей в кресле или стоящей Кибелы и стоящего рядом с ней льва[210]. Грубое исполнения рельефа позволяет предположительно отнести его к первым векам н. э. (рис. 27).

Погребальная камера была заполнена грунтом на высоту 0,6—0,7 м с обильным содержанием предметов нового времени. Но наряду с этим присутствовали обломки керамических форм античного времени, подавляющее большинство которых относится ко II—III вв.[211]. Обнаруженные фрагменты светильников датируются III — началом IV в. н.э.[212] рубеж II—III и IV в. н.э. В распоряжении экспедиции оказались 5 из 6 найденных «кладоискателями» монет: Константина (коммеморативный выпуск периода 330—346 гг.),

[210] Там же. С. 151—152.

[211] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 151—152.

[212] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Новый погребальный комплекс II—IV вв. н.э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев, 1986. С. 101—130.

Констанса (337—346 гг. н.э.), Валента (364—378 гг. н.э.), 2 монет плохой сохранности, предположительно конца IV в.). Учитывая ситуацию, при которой был найден этот материал, датировать памятник по нему довольно затруднительно.

Склеп № 1 / 2006 (2002) г. «склеп Димитрия»

Склеп был открыт 2002 г. к югу от церкви Богородицы Влахернской но исследован в 2006 г.

Прямоугольный в плане дромос (1,9 × 1,2 м) с плоским дном и отвесными краями начинается скругленным спуском. Входное отверстие (0,5 × 0,75 × 0,11—0,20) прямоугольной формы закрывалось каменной плитой (0,9 × 0,7 × 0,2 м). Внутрь вели две ступеньки, высота входа от пола 0,8 м. Камера склепа (2,33 × 2,5 × 1,75 м.) в ориентации близка к оси запад—восток. Внутри находилось три локулы вырубленные под самым потолком (рис. 38).

В нишах, в изголовьях штукатурным раствором устроены возвышения (0,05 м высотой, 0,15 м шириной). Левая локула (1,9 × 1,05 × 0,85 м) расположена на высоте 0,80 м. от пола. Центральная (2,2 × 1,1 × 2,08 м) находиться на высоте 0,77 м. Правая (2,2—1,9 × 1,0 × 0,78 м) на высоте 0,68 м.

Стены и потолок изначально были оштукатурены и выглажены и могли иметь белесый или голубоватый отлив. Сегодня из-за воздействия влаги и просачивающихся с поверхности частиц глины стены имеют красно-коричневый цвет, местами влага повредила штукатурку.

Воздействие воды на штукатурку привело к возникновению «узоров и рисунков». Но присутствуют и реальные надписи и рисунки, выполненные по сырой штукатурке, а так же одна надпись — позднее, уже по сухой (рис. 40).

Надпись №1 расположена на потолке по центру и левее от входа. Она представляет собой эпитафию. А.Ю. Виноградов восстановил ее следующим образом: «Димитрий сын Саторна, из Гераклеи, скончался 28 … , в воскресенье»[213].

Надпись № 2, выполнена в верхней части левой стенки центральной ниши. А.Ю. Виноградов и В.А. Сидоренко ее восстановили как: «Телехний гераклиот ради памяти написал»[214].

Надпись № 3, была выполнена над входом в камеру, тонкие буквы были процарапаны по сухой штукатурке. А.Ю. Виноградов интерпретировал ее как эпитафию «Ахиллид сын Николая»[215].

Авторы раскопок предположили наличие надписи в верхней части стены справа от входа. Но из-за плохой сохранности штукатурки подтвердить это не удалось. Возможно, под слоем глины находиться еще тексты или рисунки, но открыть их можно только после тщательной реставрации склепа.

Кроме надписей стены склепа сохранили изображения четырех парусных кораблей и лодочки-челна (рис. 41). Изображения судов выполнены очень реалистично, просматриваются конструктивные особенности и детали оснастки. Ракурсы изображений

[213] *Туровский Е.Я. Филиппенко А. А.* Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г. // НА НЗХТ, Д. № 3856. Л 7—9.

[214] Там же.

[215] Там же.

корпусов, поднятые и наполненные ветром паруса, развивающийся штандарт, выброшенный на конце якорь, торчащие весла придают динамичность картинам.

Авторы раскопок связывают изображения кораблей с элементами христианской символики. Но возможна и иная трактовка, связанная с профессией погребенных.

На входной стене процарапано изображение христограммы (рис. 39), кроме этого на стене просматриваются несколько изображений крестов в виде буквы «Х», помещенных в круге.

Не смотря на то, что склеп был ограблен, во время работ было сделано ряд находок, среди которых группа пряжек, ременной наконечник, бронзовое кольцо, светильник 29 монет разного времени. Анализ археологического материала позволяет сделать вывод о времени существования склепа и отнести его к середине IV — началу V вв.

Склеп 2/2006 (2002) г. «Аристона»

Он был открыт в нескольких метрах от предыдущего. В склеп ведет ложеобразный дромос (1,8 × 0,9 м), содержащий подрубы для закладной плиты. Вход (0,7 × 0,6 × 0,3 м) изначально был закрыт, но плита была разбита грабителями, части ее обнаружены в склепе. Предположительно, на основании найденных обломков она могла быть прямоугольной (1,0 × 0,7 × 0,25 м). Высота входа от пола 0,95 м.

Внутри располагалась ступенька (0,35 × 0,6 × 0,65—0,7 м). Склеп представлял собой трапециевидную в плане камеру (2,6 × 2,7 × 1,85 м) ориентирована приблизительно по оси северо-запад — юго-восток. В нутрии были устроены три локулы (рис. 28).

Левая ниша (1,95 × 0,95 × 0,8 м), центральная (2,07 × 1,02 × 0,86 м), правая (1,9 × 1,0 × 0,9 м), высота от пола 0,8—0,85 м. Под локулами сохранились следы подрубов, возможно планировалось сделать ниши в два яруса.

Стены были покрыты штукатуркой, за исключением северного угла камеры и низа стен (рис. 29). Полок был очерчен по периметру красной полосой ширенной 0,04 м. в центре размещалась хрисма, прописанная светло-коричневой краской. Она помещена в свою очередь внутрь чередующихся венков и окружностей (рис. 37).

Внутренний венок при помощи двух красных и двух зеленых «оплеток» разделен на четыре части (рис. 32, 33). Художник придал венкам эффект объемности. Ширина венка — ок. 0,1м. внешний диаметр — ок. 0,52 м. Венок помещен в окружность (диаметр — 0,57 м) прописанной красной краской. В свою очередь композицию обрамляет венок с двумя перевязками, его основание выполнено красной линией (ширина — 0,04 м). Ширина венка — 0,12 м, его диаметр — 0,85 м. Обрамляет рисунок красная окружность шириной 0,04 и диаметром 0,95 м.

Правая ниша окаймляется красной полосой (0,03 м) выше которой стилизованный растительный орнамент. Он состоит из волнообразных сплетающихся зеленых линий образующих петли и полупетли, внутри которых прорисованы «грозди-троеточия» (рис. 31). На задней стенке ниши прописаны две зеленые веточки с листиками и ягодами красного цвета (по три на каждой). В правой половине стены, ближе к входу окружность, описанная красной краской вокруг надписи. Текст переведен как «Аристон, будь незабвенен и душа твоя с праведными» (см. рис. 36)[216]. Свод ниши украшен четырех лепестковыми цветами (0,2 × 0,2 м). подобные цветы (всего их насчитывается 29) помещены на стенах и полусводах

[216] Там же.

других локул. Лепестки их выполнены красной краской, а кончики оттенены черной. Между лепестками трехчастные тычинки прописанные зеленым (рис. 33,*в*.).

Левая ниша содержит в центра свисающую гирлянду, прорисованную красной и зеленой красками. Слева (один) и справа (два) от нее, помещены описанные выше цветы (рис. 30).

Между левой и центральной нишей был прописан крест в квадрате, но он плохо сохранился. Между центральной и правой нишами был помещен голубь, сидящий на ветке (?), перед которым размещен красный плод (цветок). Композиция плохо сохранилась (рис. 35).

В склепе было обнаружено 18 монет середины IV — самого начала V вв.

Склеп 2008 г.

В 2008 г. на противоположной стороне Карантинной бухты, во время строительных работ была обнаружена группа склепов. Наибольший интерес представляет склеп № 2/2008, внутри которого сохранились следы полихромной живописи. Его исследование позволило открыть новую страницу в истории погребального искусства Херсонесского некрополя первых веков новой эры.

Погребальный комплекс представлял собой два соединенных помещения. Они сориентированы приблизительно по оси юг-юго-восток — север-северо-запад (рис. 42.). Трапециевидный в плане дромос заканчивался входом (0,5 × 0,55 м) в первую камеру. Проем закрывался плитой (не сохранилась), специально подтесанной под направляющие, позволявшие плотно закрывать доступ в склеп. На дне дромоса был высечен желоб (0,15 × 0,15 м) для рычага, позволявшего открывать проход. Склеп мог открываться для культовых посещений или дальнейших дозахоронений. Внутри для удобства было оставлено три ступеньки общей высотой около 0,85 м.

Помещение первой камеры трапециевидное в плане высотой около 2 м и шириной около 3,5 м. В камере было две ниши. Левая была смещена в противоположный от входа угол, почти прямоугольная в плане (1,9—2 × 1—1,1 м), находилась на высоте 0,78 м от уровня пола и содержала три погребения (2 в анатомическом порядке). Правая локула, была выполнена более аккуратно. Она располагалась ассиметрично относительно левой и была также близка к прямоугольной форме (1,98—2,2 × 1—1,1 м). Она располагалась на высоте 0,75 м. от уровня пола. Сохранность останков погребенных не позволяет сделать вывод об их количестве.

Противоположная от входа стена была оштукатурена в один слой, (раствор состоял из известь, песка, керамических включений), следы росписи не сохранились. В одном месте на штукатурке были процарапанные изображения похожие на лодки с поднятыми парусами. Прорисовка напоминает рисунки из склепа № 1/2006 (2002) г.

Почти в центре стены расположен проход во вторую камеру (1,85 × 0,7 м). Откосы были оштукатурены. Проход закрывался мраморной плитой, остатки которой были открыты в склепе. В проходе был сделан порог, пространство перед которым, как возможно и он сам были вымощены мраморной плиткой. При исследовании найдены следы цемянки розового оттенка, соответствующего следам на некоторых фрагментах мраморных плиток[217].

[217] *Рішняк О. Садова О., Туровський Є, Філіппенко А.* Некрополь Херсонеса Таврійського. Нові сторінки в історії досліджень. С. 19—26.

Кое-где на стенах видны следы горение лучины, свечи или светильника. Следы обугленного дерева и локального горения обнаружены в разных уголках склепа. В первой камере найдены обгоревшие человеческие кости[218].

Вторая камера трапециевидная в плане и почти вдвое меньше первой. На высоте около 0,9—1 м от пола в противоположной от входа, боковых стенах и под потолком были устроены локулы (левая 1,85 × 1,05 × 1,95 × 1,02 м, центральная 1,05 × 2,0 × 1,0 × 2,01 м, правая 1,08 × 1,8 × 1,02 × 1,9 м). В каждой нише осуществлено по одному захоронению с использованием деревянных конструкций. Отпечатки конструкций сохранилась на оштукатуренном полу локул.

Стены, потолок и ниши украшала живопись. В нижних частях стен под локулами прослеживаются три композиции. Слева от входа — сцена «Охота на косулю и зайца» (0,81 × 2,26 см) (рис. 43), на противоположной от входа стене - «Два всадника» (0,81 × 2,18 см) (рис. 44) и на правой - «Охота на кабана» (0,81 × 2,50см) (рис. 45)[219].

«Охота на косулю и зайца». Композиция выполнена на светлом фоне, действие развернуто слева на право. В левой части, на переднем плане изображена в профиль собака, которая бежит за всадником. Над ней сохранились следы надписи, которую восстанавливают как имя Скилакс[220]. На втором плане, в центре, верхом на лошади изображен молодой человек с копьем, который гонится за косулей и зайцем. Голова и торс развернуты к зрителю. Он одет в красную рубашку, охристый плащ, синие брюки и охристо-желтые сапоги. На голове — шлем. Лошадь в профиль, скачет в галоп. Перед ним на заднем плане косуля и заяц. Фигуры животных в профиль. В правой части композиции помещено лавровое дерево с крупными темно-зелеными листьями на коричневом стволе. Земля изображена с помощью легких темно-коричневых мазков под ногами животных. Динамика композиции направлена вглубь.

«Охота на кабана». Сцена помещена на противоположной стене. Пространство ограниченно изображениями деревьев. В центре всадник на лошади, движущейся слева направо, в галопе. В левой руке — уздечка, в правой — копье, занесенное для удара. Он одет в красную рубашку, синие брюки, серо-синий плащ и желтые сапожки. Перед ним, в профиль изображен большой темно-коричневый кабан, готовый броситься на охотника. Между охотником и кабаном собака с красным ошейником. Над ней сохранилась греческая буква альфа[221]. В левой части композиции помещена еще одна собака. Над ней прослеживается надпись, прочитываемая как Сисирион (Аристон)[222]. Земля передана аналогично предыдущей сцене. По бокам два дерева, они имеют охристые стволы и большие темно-зеленые листья. Правое дерево не уместилась на стене и художник дорисовал его на соседний, завершив композицию через угол.

«Два всадника». Сцена помещена на центральной стене. Изображены два всадника, обращенные лицом друг к другу. Слева в профиль мужчина в красной рубашке, синих штанах, синем плаще и желтых сапожках. Он сидит в спокойной позе, держа в руках уздечку. Лошадь также в профиль, на вытянутых ногах. Напротив него всадник в зеркальном отражении. Разница лишь в том, что лошадь светло-рыжей масти, а мужчина одет в охристый плащ. С обеих сторон композиции нарисованы деревья с коричневыми стволами и

---

[218] Там же.

[219] Там же.

[220] Там же.

[221] Там же.

[222] Там же.

большими зелеными листьями. Земля передана аналогично двум предыдущим сценам. С правой стороны под деревом помещен куст. Центральная часть композиции полностью утрачена, и восстановить изображение невозможно.

От ниш-лежанок живопись отделена красной полосой. Стенки локул также сохранили следы росписи. Ниша над композицией «Охота на косулю и зайца» имела изображение розового куста. В двух других нишах — следы изображения кустиков травы. Установить, что было нарисовано на потолке, невозможно, но сохранены вкрапления краски в штукатурке указывают на присутствие росписи и здесь.

Сюжеты росписи имеют параллели с почитанием фракийского героя—всадника. Этот культ в конце эллинистического периода распространился не только на территории Фракии и приближенных к ней землях[223]. И.О. Князький замечает, что при Диоклетиане в империи усилилось почитание многих местных языческих богов, а в конце III в. н.е. в армии популярным стал культ «Дунайского всадника»[224]. Распространению верования способствовала римская армия, в составе легионов которой было много выходцев из Фракии, Мезии, Паннонии и других дунайских территорий.

Сегодня известны сотни мраморных табличек, стел, бронзовых пластинок открытых на просторах Империи, где главным персонажем изображения выступает фракийский всадник. В перечень находок также входят надгробные рельефы, найденные на территории Северного Причерноморья.

Существует несколько сюжетов. Во всех случаях герой-всадник расположен в центре и его движение, как правило, направлено слева направо. В правой части может быть изображение женщины, алтаря или дерева обвитого змеей. Существует и другой вариант — кабан (часто под деревом), на которого охотится всадник с собакой. Встречается изображение героя возвращающегося с охоты с добычей (преимущественно с оленем). Сюжет, отображающий кульминационный момент охоты связан с героизацией умершего. С переходом души в потусторонний мир издавна связывают собак[225]. В период своего расцвета в III в. н.э. композиция включала изображение двух всадников, которые стояли с обеих сторон центральной фигуры богини, атрибутом которой была рыба[226].

Отдельной группой выделяются находки, на которых изображены двое всадников, которые стоят в спокойных позах, почти зеркально, развернуты друг к другу. Значительное количество подобных сюжетов было открыто на Керченском полуострове. Среди них, присутствуют в том числе и памятники живописи[227].

Прослеживается след культа героя—всадника и в Херсонесе. В коллекции музея присутствует надгробие с фракийским всадником (вариант 6 по классификации А.Ю. Буйских)[228]. Помимо этого известны вотивные плитки с изображением всадника. Рядом авторов был сделан вывод о перенесении данного культа из Нижней Мезии с римскими войсками[229]. Его происхождение имело малоазийско-фракийские и анатолийское корни[230]. В

---

[223] *Топоров В.Н.* Еще раз о фракийском всаднике в балканской и индоевропейской перспективе // Балканские чтения. Образ мира в слове и ритуале. М. 1992. № 1. С. 3—32.

[224] *Князицкий И.О.* Император Диоклетиан и конец античного мира. М., 1999. С.140.

[225] *Власов В.* Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. Т.7. СПб., 2007. С. 865.

[226] *Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического в I—IV вв. н.э. Киев, 1982. С. 65.

[227] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 346—389.

[228] *Буйских А.В*. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. С. 238.

[229] *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. — V в. н.э. (по материалам Херсонеса). Харьков, 1989. С. 99—100, рис. 9, 10

[230] *Буйских А.В*. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. С. 238.

первые века н.э. культ приобрел значительное распространение, а изображения бога—всадника стали часто встречающимися элементами декоративного сюжета надгробных стел практически во все западные и восточные провинции Римской империи[231]. При этом культ фракийского или как его еще часто называют дунайского всадника сформировался в Западнопонтийском регионе, где основные принципы иконографии его изображения начали складываться с конца I в. до н.э.[232]

Тематика и техника росписи склепа № 2/2008 выделяет памятник из ряда известных расписанных склепов Херсонеса. Главные композиции росписи «Охота на косулю и зайца», «Два всадника» и «Охота на кабана» базируются на известных иконографических образцах изображений фракийского всадника. Программа настенной росписи была направлена на героизацию умершего.

Живопись склепа отражает высокий профессиональный уровень исполнения. Это подчеркивают композиционные решения сцен, искусный рисунок, передача перспективы, светотеневое моделирование, высокий технологический уровень. Единичная находка такой живописи позволяет предположить о том, что мастера были скорее приезжими.

Заказать такую роспись могли лишь представители состоятельной семьи, что подтверждает погребальный инвентарь (золотые предметы, мраморная плита на входе). Погребальный комплекс мог принадлежать выходцам из придунайских территорий, возможно связанных с римской администрацией.

Открытые предметы датируются II—III вв. что может позволить констатировать дату начала функционирования погребального комплекса, но в помещениях были найдены вещи и гораздо более позднего времени[233]

---

[231] *Буйских А. В*. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. С. 238.

[232] Там же.

[233] *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического в I—IV вв. н.э. Киев, 1982.

Таблица 1. Элементы росписи склепов

Элементы	Склеп №511, 1894 г.	Склеп № 1494, 1903 г.	Склеп № 2086, 1905 г.	Склеп №2114, 1853 г.	Склеп № 2270, 1907 г.	Склеп № 2245, 1907 г.	Склеп 1909 г.	Склеп 1912 г.	Склеп на земле Н. И. Тура	1 Склеп 1998 - 1999 гг.	2 Склеп 1998 - 1999 гг.	Склеп 2/2006 (2002) г.	Склеп 1/2006 (2002) г.	Ранняя «Базилика 1935 г.»
Гирлянды			+	+		+	+	+	+	+	+	+		+
Свечи			+	+			+							
Растительные орнаменты	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+
Шиповники			+									?		
Цветы			+							+	+	+		
Виноград			+	+			+							
Лавр			+	+			+	+	+					
Изображения людей	+			+			+		+		+			
Деревья			+	+										
Ветви		+	+											
Монограммы Христа		?	?	+	?	+	?		+			+		
Птицы	+	+	+	+			+	+	+	+	+	+		+
Павлины				+			+	+	+	+				+
Голуби		+	+				+		+		+	+		
Геометрические фигуры	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			+
Венки			+	+		+	+		+			+		
Чаша							+			+				+
Икрустационная	+	+	+	+	+					+				+
Цветочная	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+
Граффити												+	+	+
Текст												+	+	+
Корабли												+	+	

Таблица 2. Архитектурные элементы

Элементы	Склеп №511, 1894 г.	Склеп № 1494, 1903 г.	Склеп № 2086, 1905 г.	Склеп №2114, 1853 г.	Склеп № 2270, 1907 г.	Склеп № 2245, 1907 г.	Склеп 1909 г.	Склеп 1912 г.	Склеп на земле Н. И. Тура	1 Склеп 1998 - 1999 гг.	2 Склеп 1998 - 1999 гг.	Склеп «Аристона» 2/2006 (2002) г.	Склеп «Димитрия» 1/2006 (2002) г.
Аркосолий			+	+									
Ступень-скамья					+		+		+				
Ниши одна под другой			+	+		+							
Кол-во ниш,	3	3	5	5	2	4	3	3	2	3	3	3	3 3 недоруб.
Ниша отделана закладом				+		+	+	+					?
Ниша-саркофаг				+					+				
Ниши для светильников			+		4				+	полки			
Вход-дверь		+											
Кресты		+										+	
Антропоморфные изображения		+											
Столб					+								

М.В. Фомин

Раннехристианская живопись позднеантичного Херсонеса

На территории Херсонесского заповедника были открыты памятники раннехристианской монументальной живописи, датируемые 4 в. н.э. К ним относятся расписные склепы и фрески ранней «Базилики 1935 г.». Их изучение позволяет сделать выводы о формирование нового мировоззрения среди горожан. Художественная система была принесена в готовом виде и получила развитие в памятниках Херсонеса. Росписи имеют глубокую смысловую нагрузку и отражают представления о Рае.

Ключевые слова: фреска, склеп, базилика, раннехристианское искусство, Херсонес.

M.V. Fomin

Early Christian painting of late antique Chersoneses

At the territory of Chersoneses reserve was found monuments with early Christian monumental murals, it was dated IV century. They included murals crypts and frescoes of early “Basilica 1935”. Studying these monuments leads us to make conclusions about formation of a new worldview among citizens. The art system was brought in finished form and was had developed in the monument at Chersoneses. This paintings have a deep meaning and reflect the views about paradise.

Keywords: frescoes, crypt, basilica, early Christian art, Chersoneses.

Рис. 1. Склеп № 511/1894. Элементы росписи (по М.И. Ростовцеву).

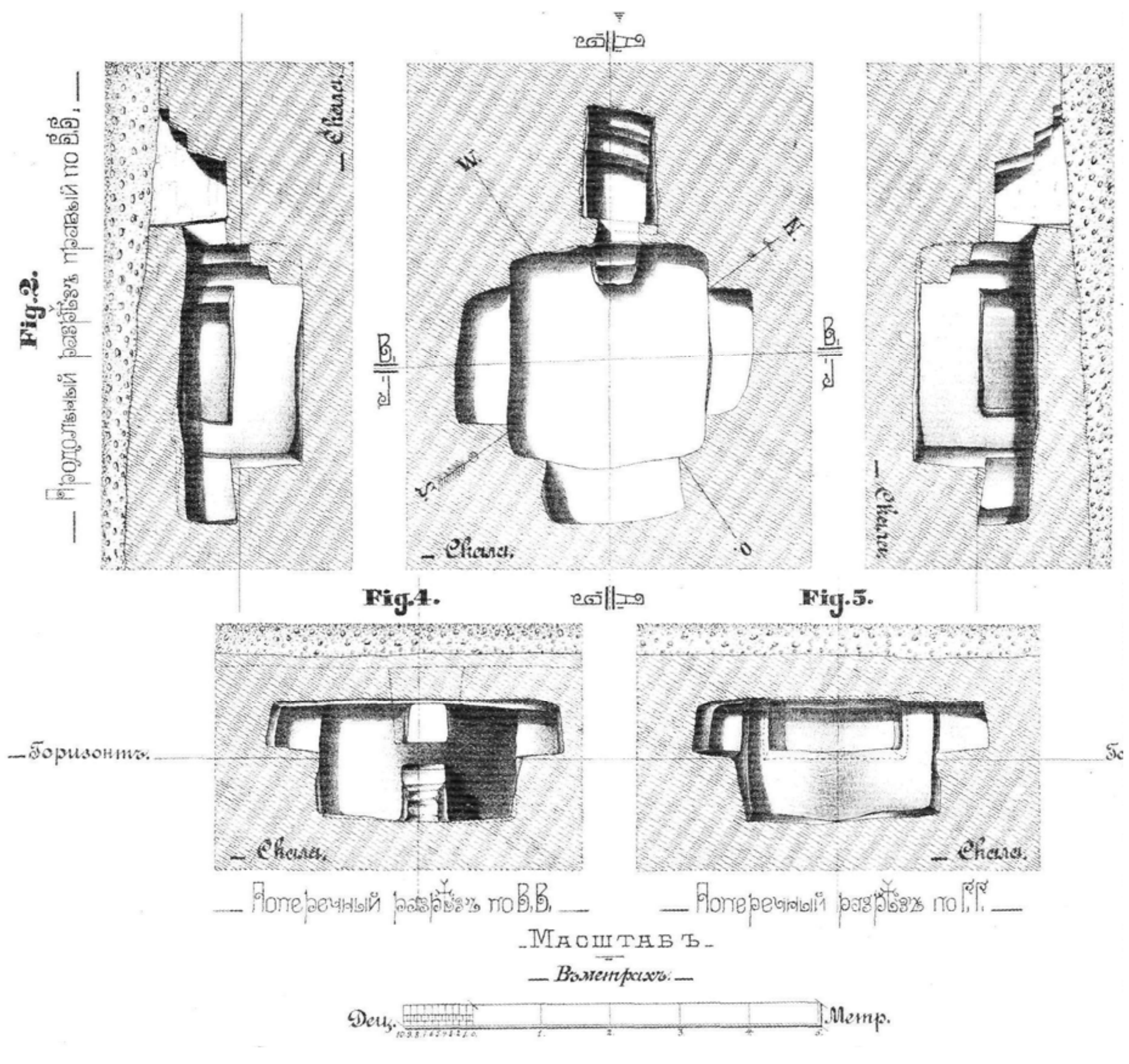

Рис. 2. Склеп № 1494/1903. План (по М.И. Ростовцеву).

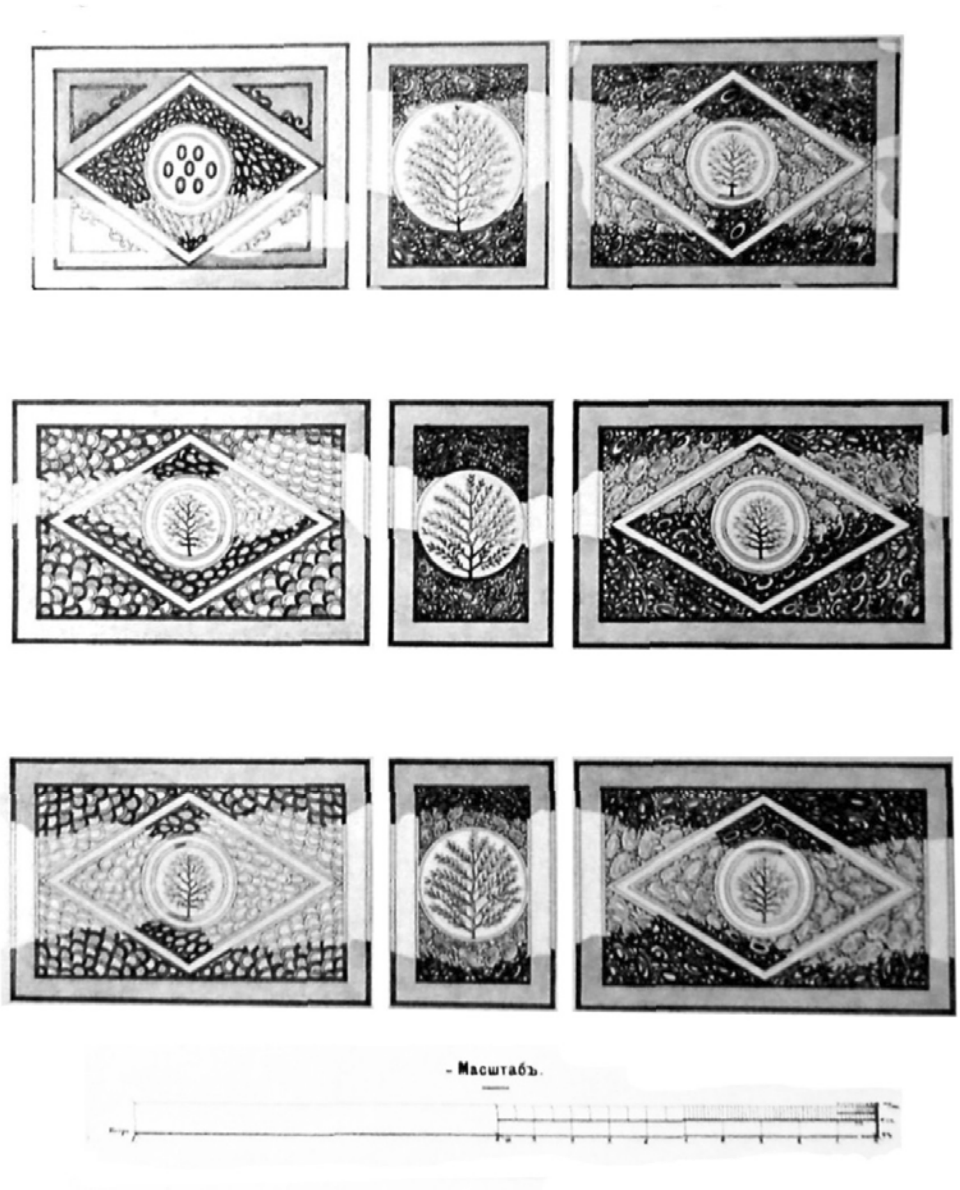

Рис. 3 Склеп № 1494/1903. Элементы росписи: панели (по М.И. Ростовцеву).

Рис. 4. Склеп № 1494/1903. Оформление входа (по М.И. Ростовцеву).

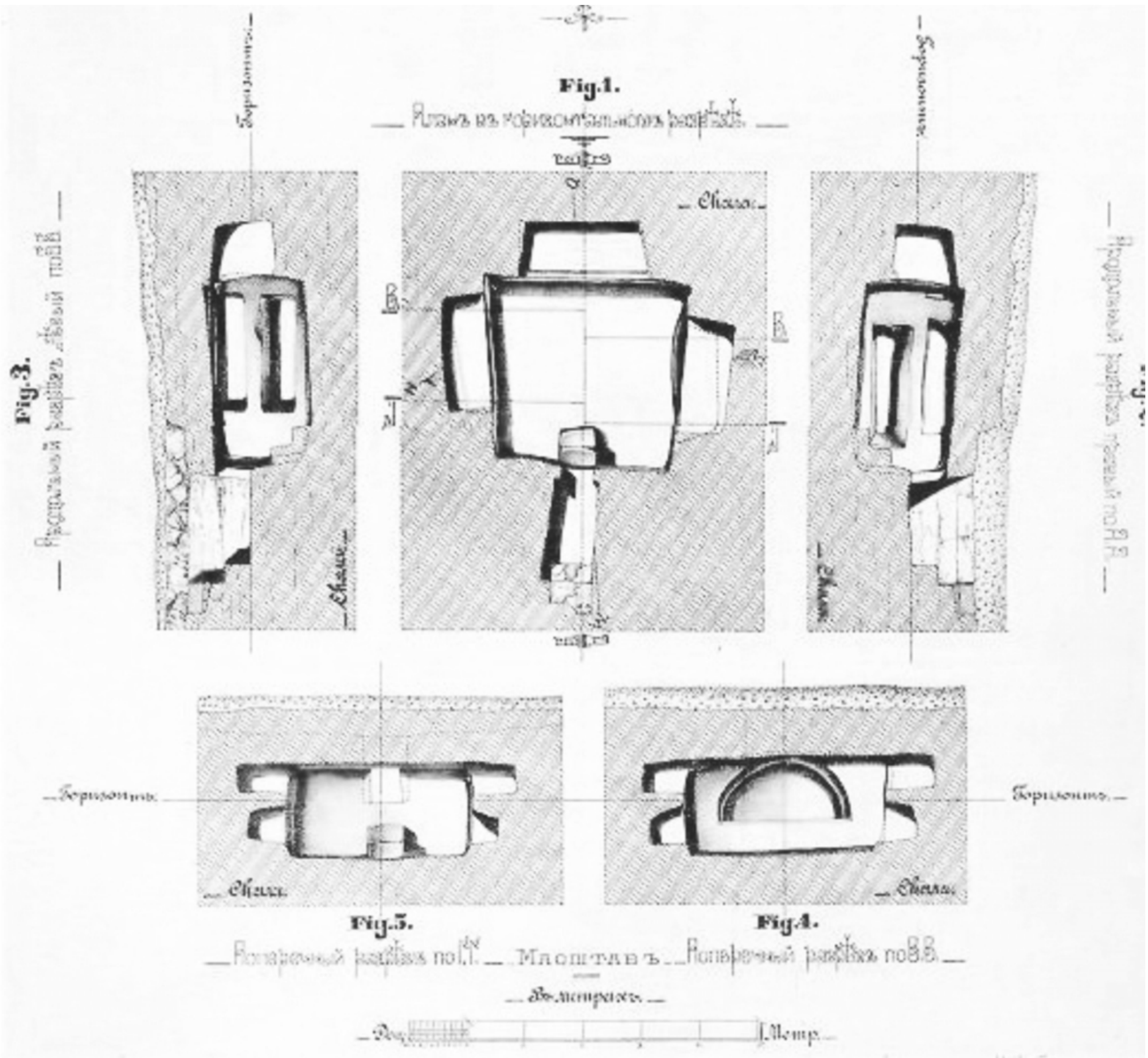
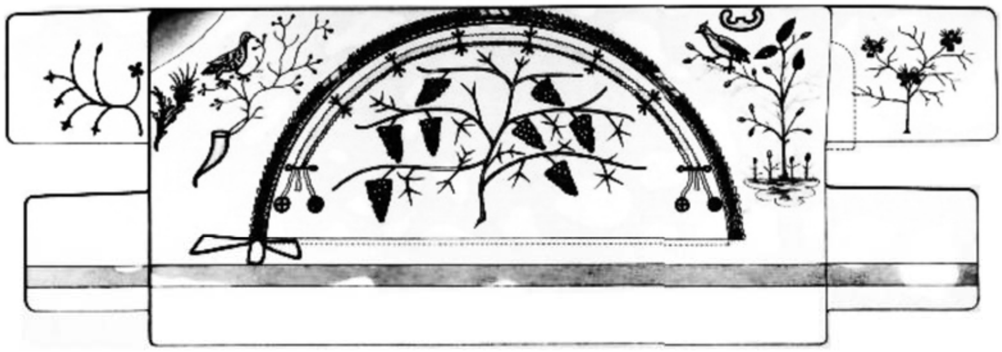
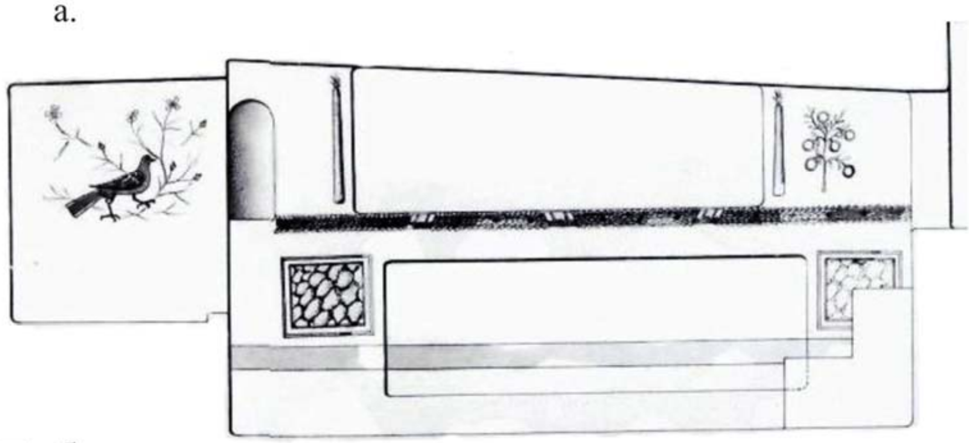

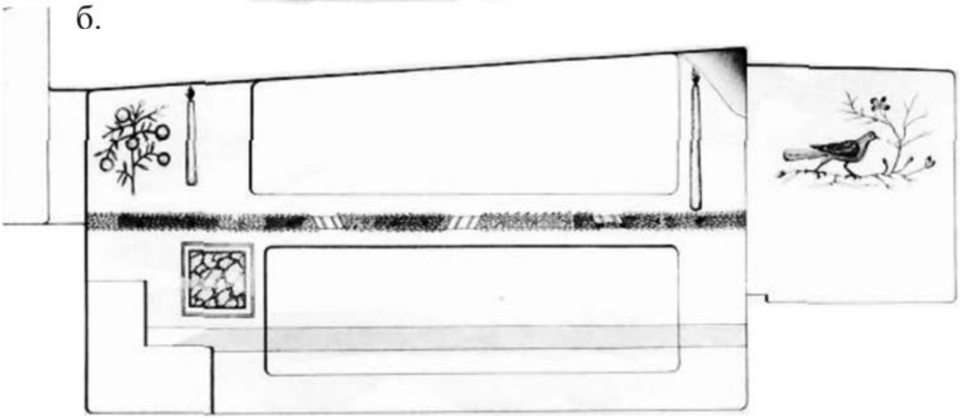
Рис. 5. Склеп № 2086/1905. План (по М.И. Ростовцеву).

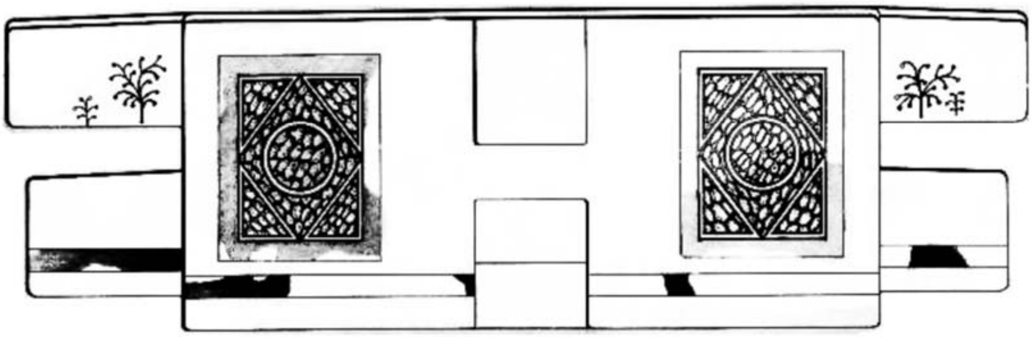
а.

б.

в.

г.

Рис. 6. Склеп № 2086/1905. Система росписи (по М.И. Ростовцеву):
а — главная стена; *б* — правая стена; *в* — левая стена; *г* — входная стена.

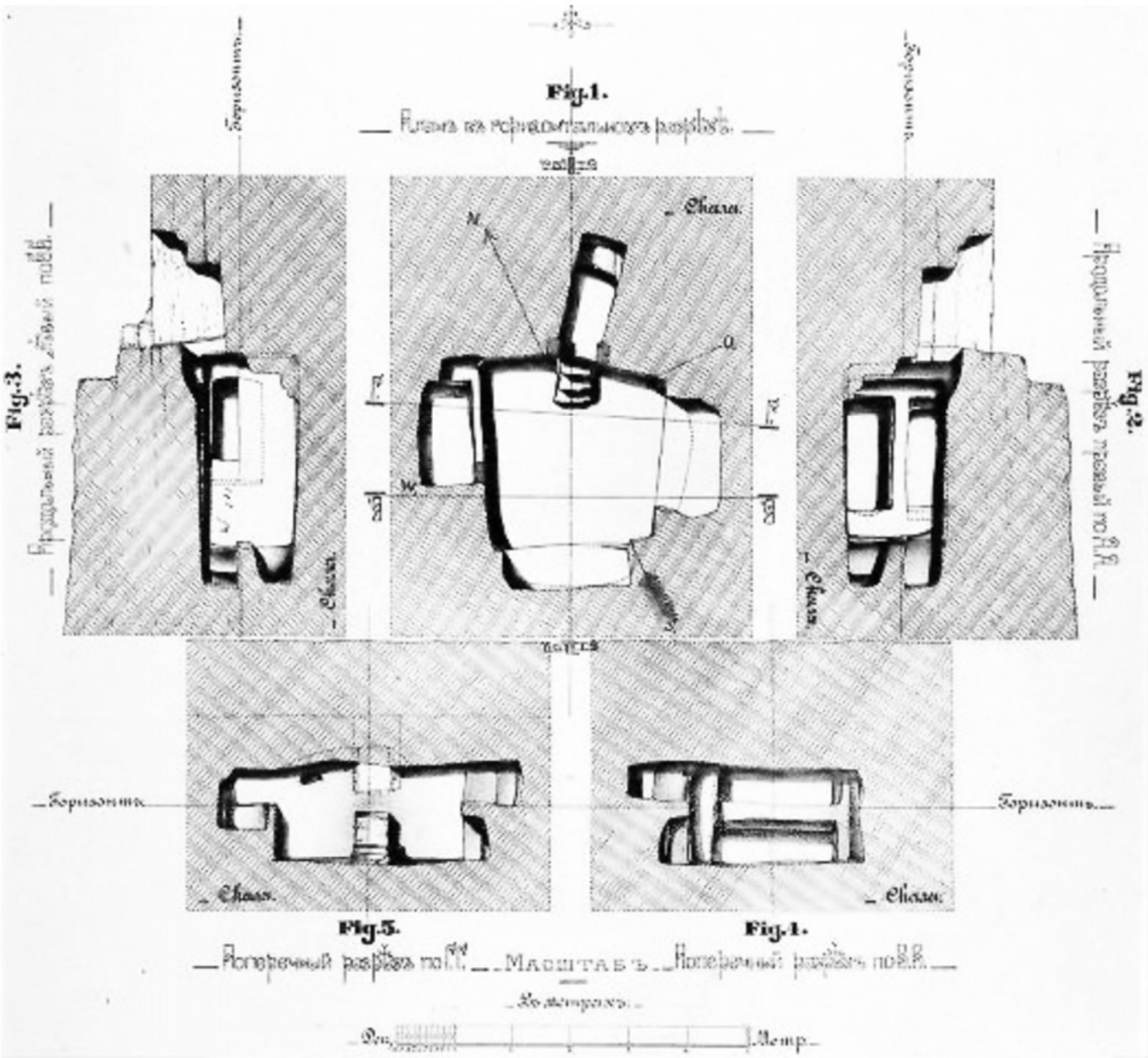
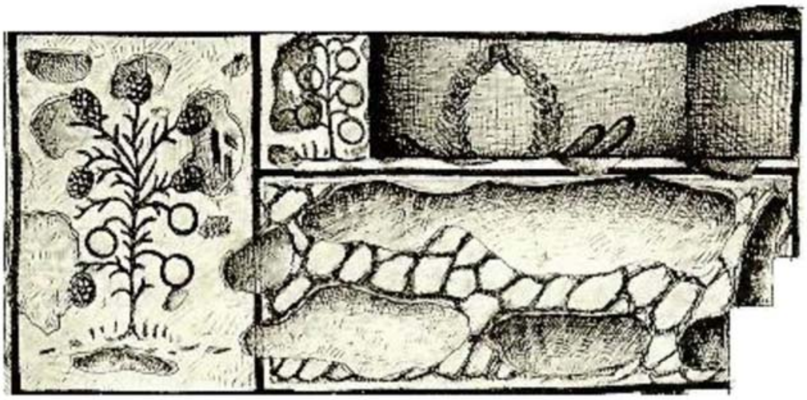

Рис. 7. Склеп № 2114/1904 (1853). План (по М.И. Ростовцеву).

а.

б.

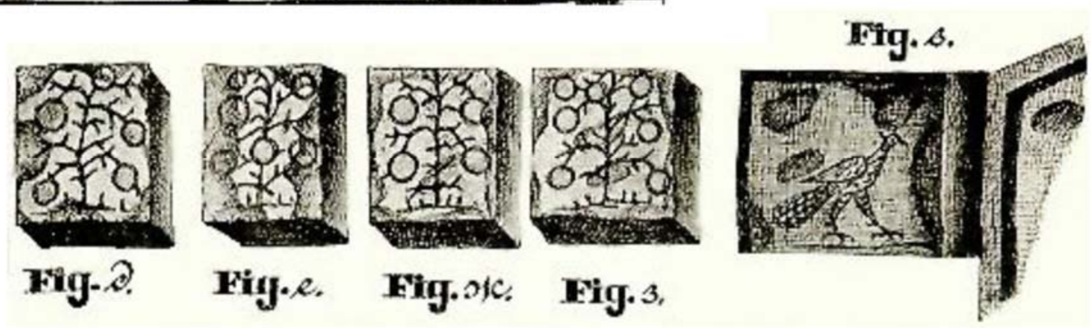
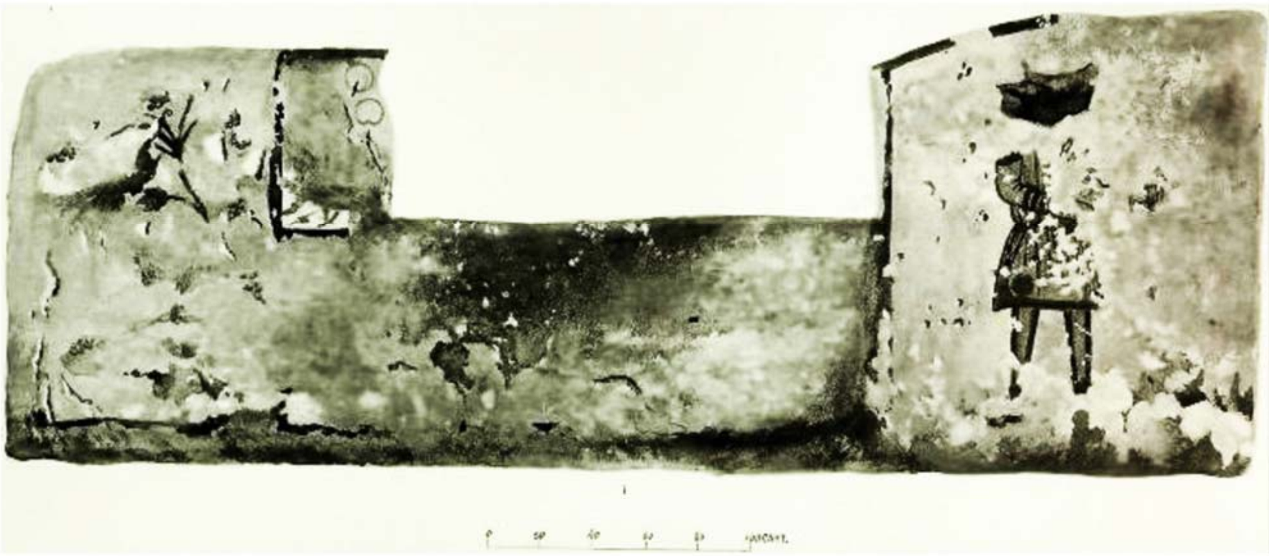

Рис. 8. Склеп № 2114/1904 (1853). Элементы росписи (по М.И. Ростовцеву):
а — главная стена; *б* — росписи плит; *в* — изображение птицы.

Рис. 9. Склеп № 2114/1904 (1853) (по М.И. Ростовцеву).

а.

б.

в.

г.

д.

Рис. 10. Склеп № 2114/1904 (1853). Элементы росписи (по М.И. Ростовцеву):
а — входная стена; *б* — цветок; *в* — фигура; *г* — фрагмент изображения птицы; *д* — хвост павлина.

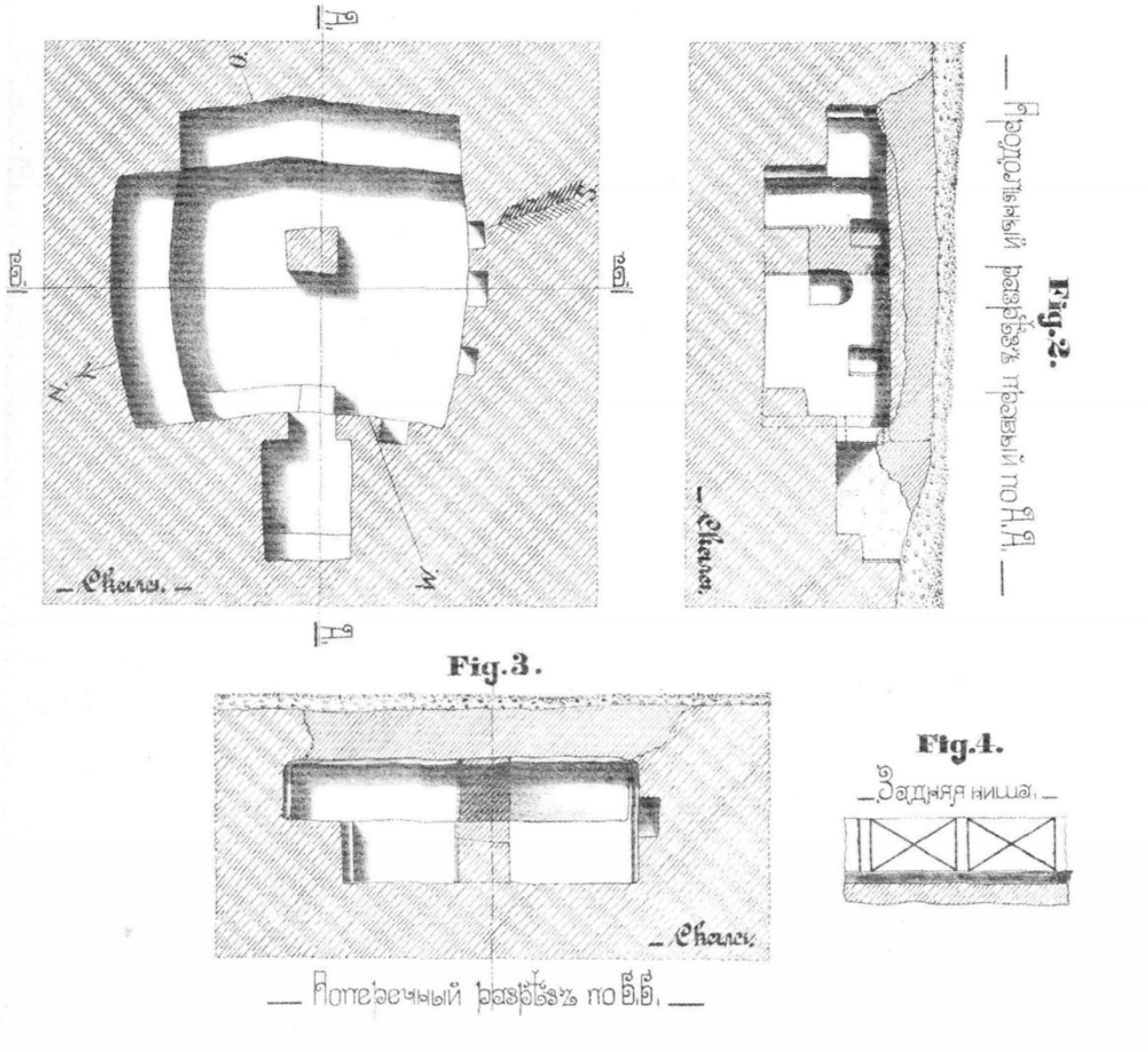

Рис. 11. Склеп № 2270/1907. План (по М.И. Ростовцеву).

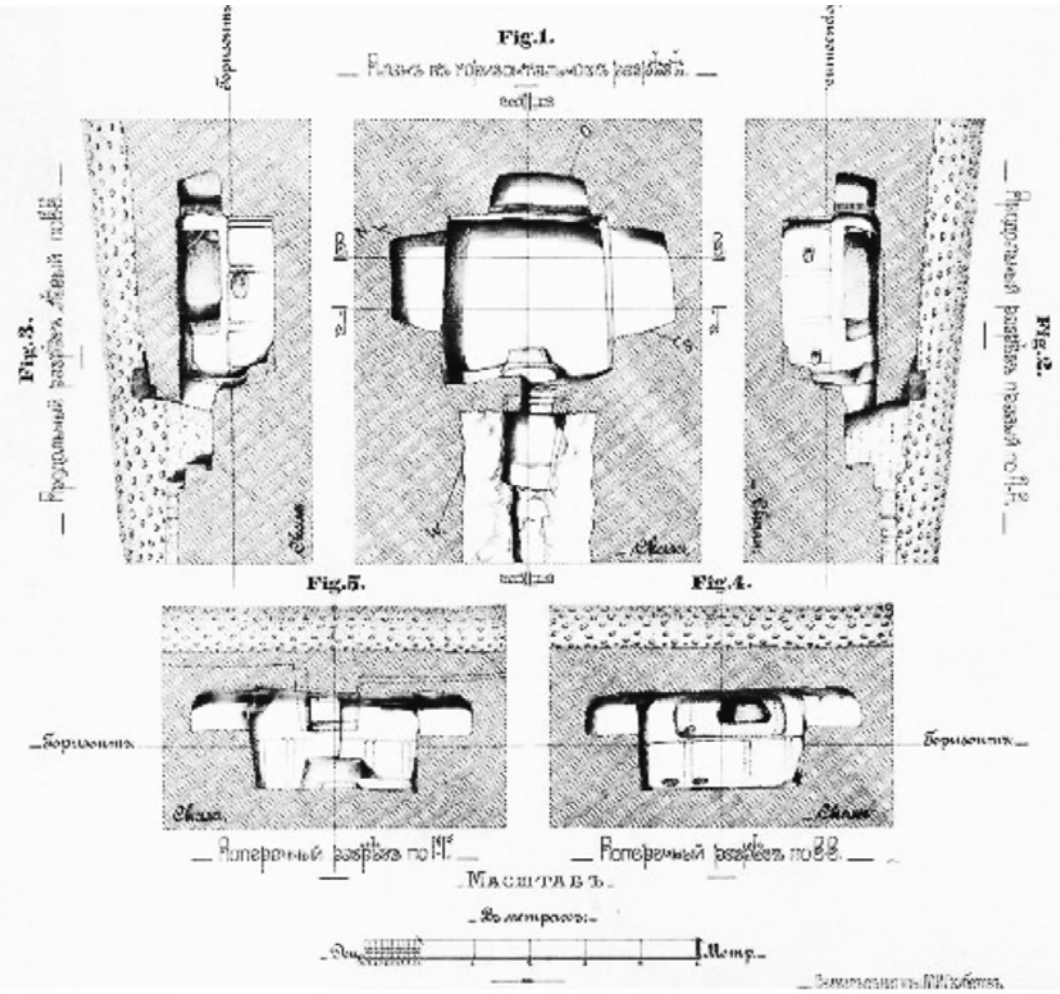

Рис. 12. Склеп 1909 г. План (по М.И. Ростовцеву).

Рис. 13. Склеп 1909 г. Роспись плафона (по М.И. Ростовцеву).

Рис. 14. Склеп 1909 г. Фигура (по М.И. Ростовцеву).

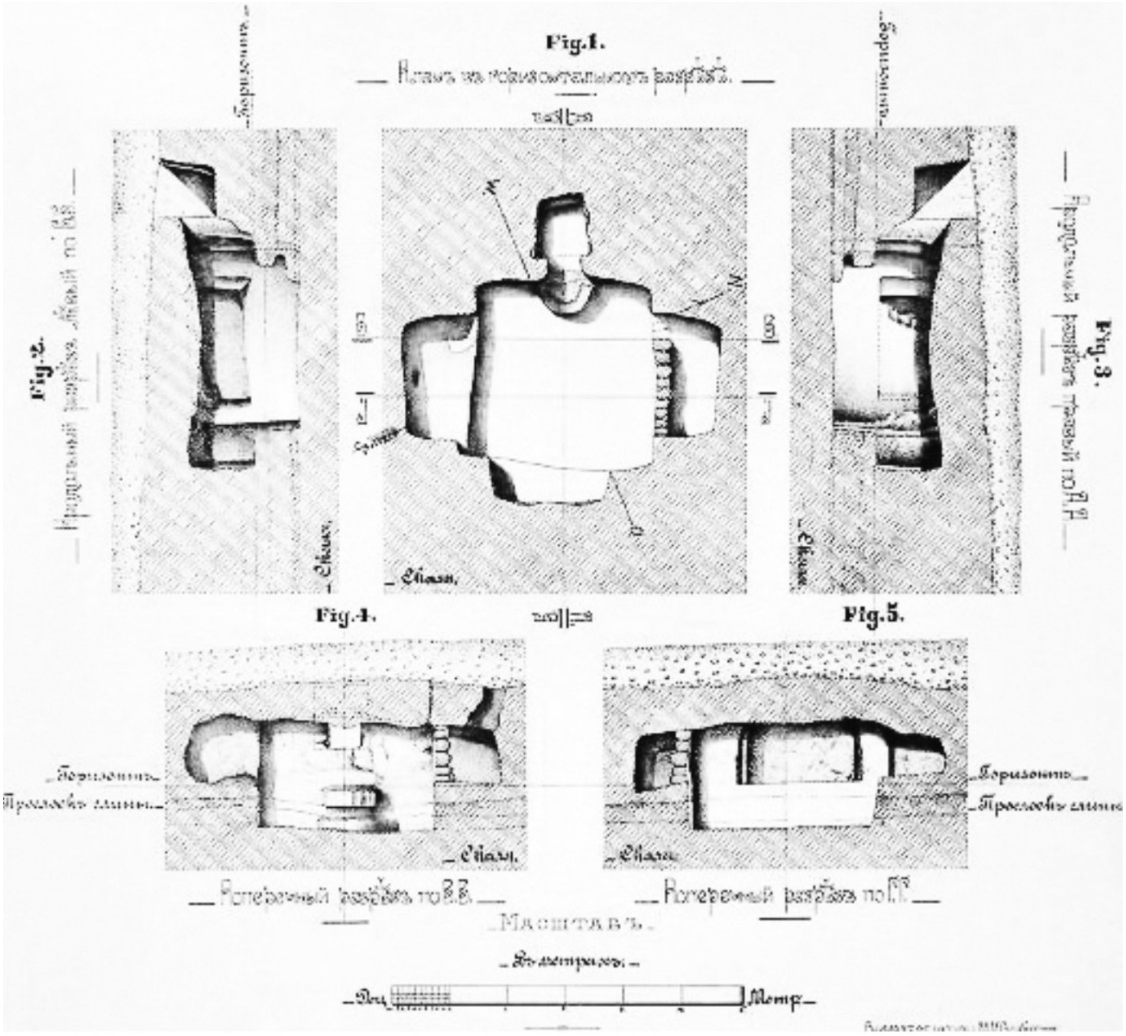

Рис. 15. Склеп 1912 г. План (по М.И. Ростовцеву).

а.

б.

Рис. 16. Склеп 1912 г. Элементы росписи (по М.И. Ростовцеву)
а — свеча; *б* — павлин.

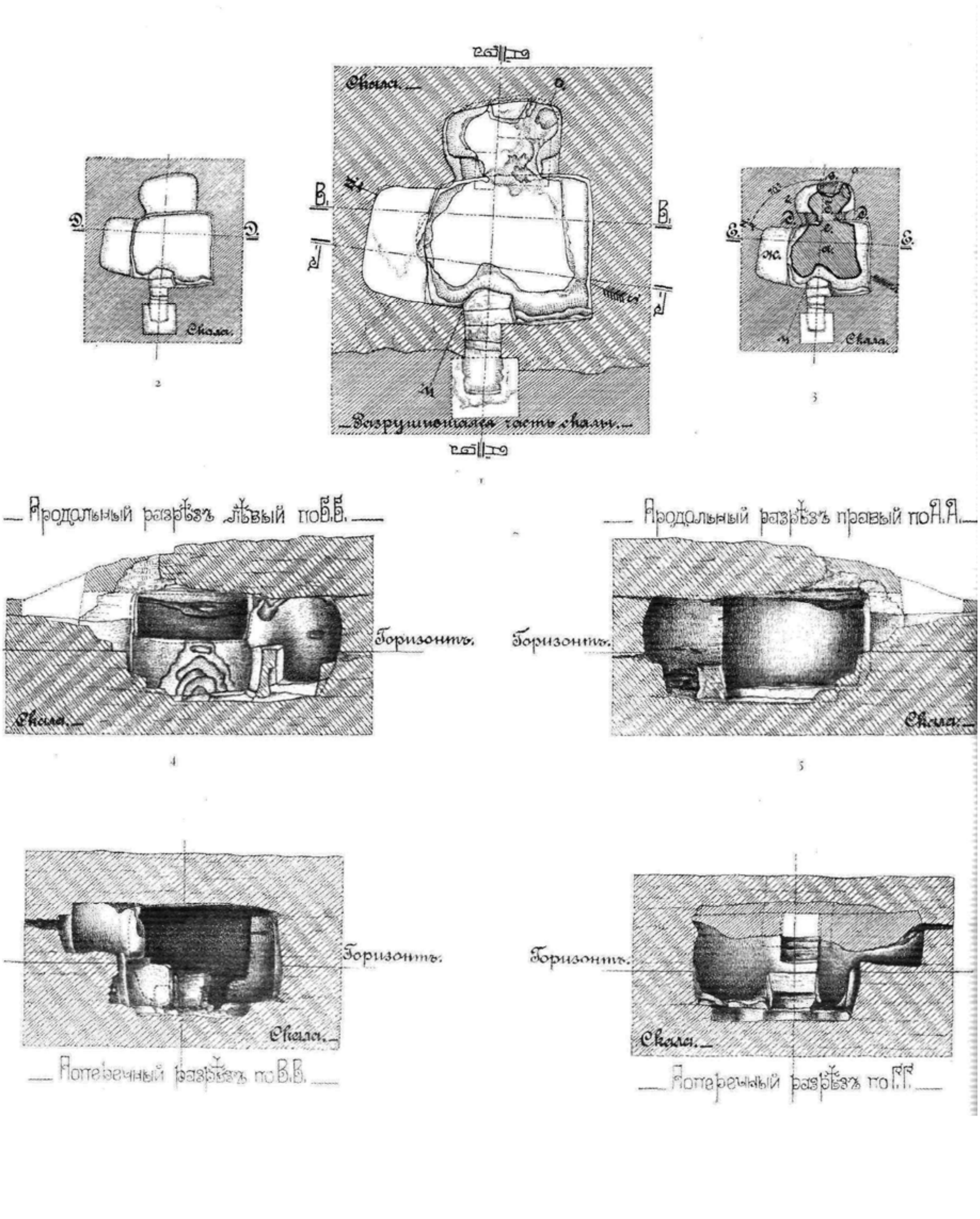

Рис. 17. Склеп «на земле Н.И. Тура». План (по М.И. Ростовцеву).

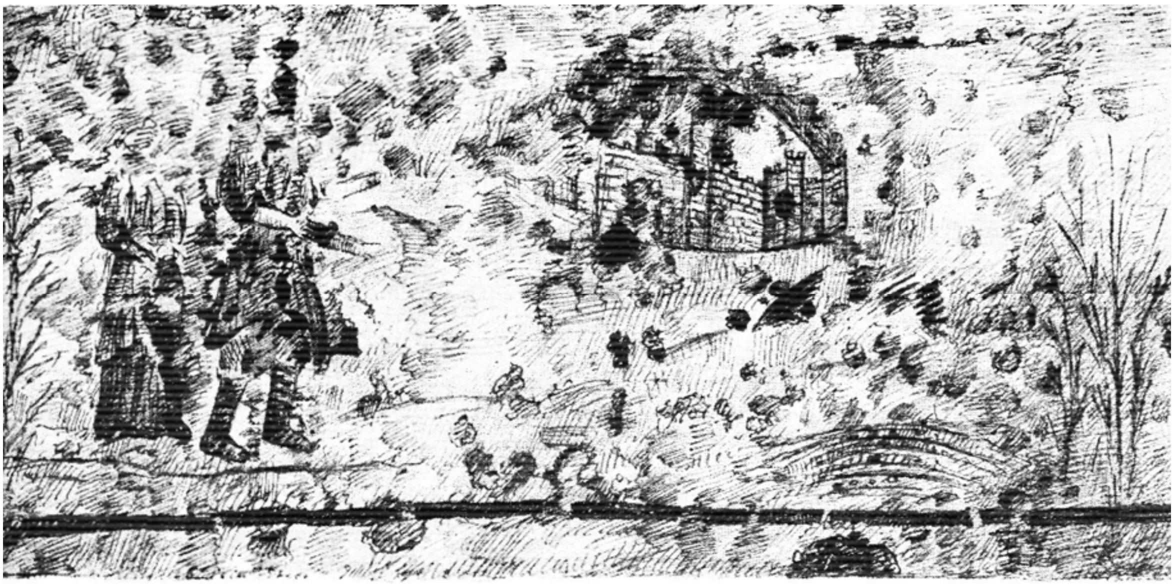

Рис. 18. Склеп «на земле Н.И. Тура». Композиция с фигурами (по М.И. Ростовцеву).

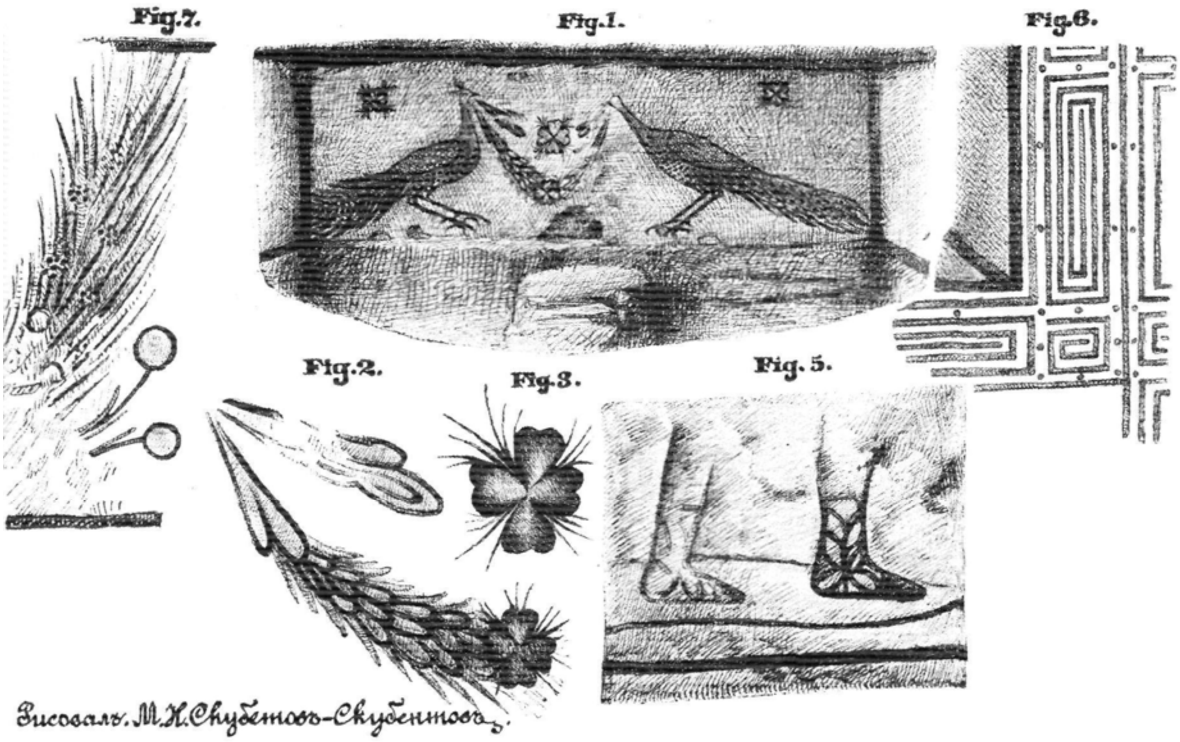

Рис. 19. Склеп «на земле Н.И. Тура». Элементы росписи (по М.И. Ростовцеву).

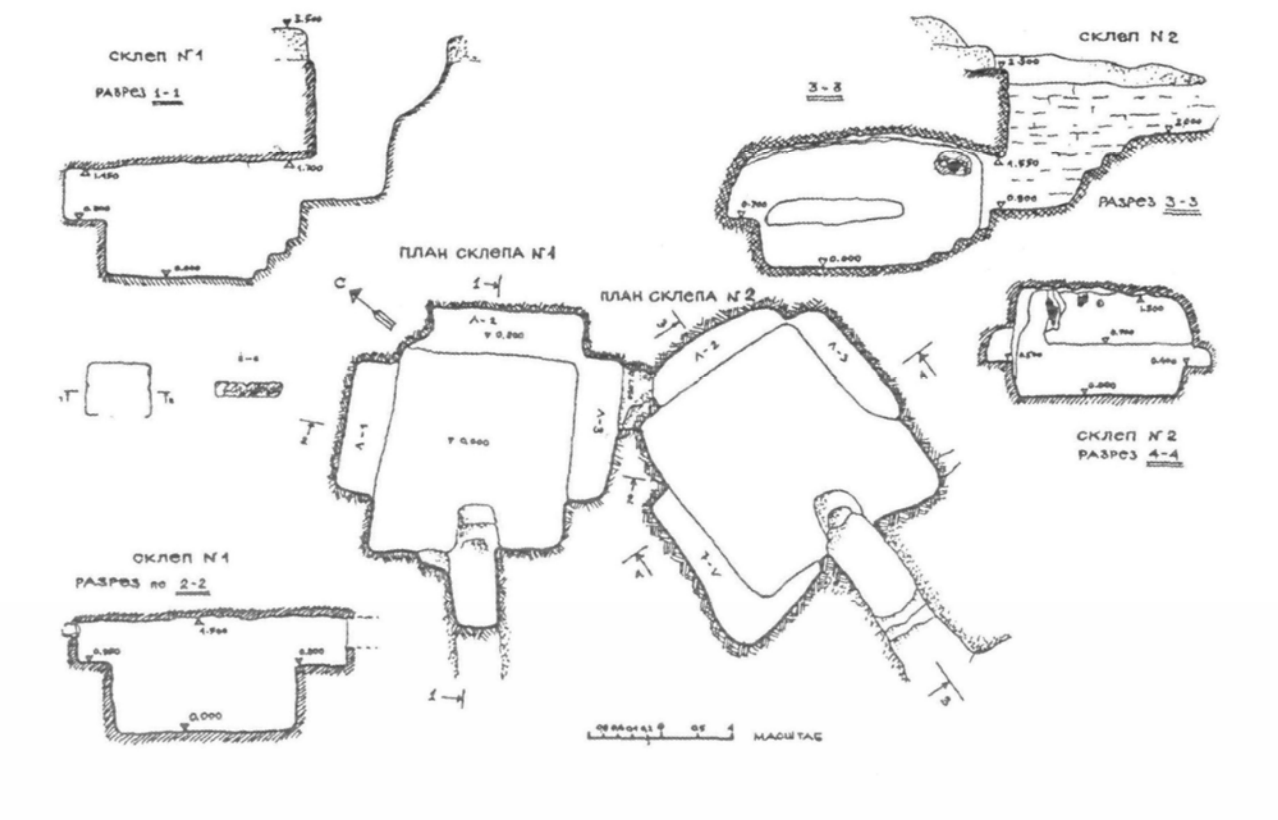

Рис. 20. Склепы № 1/1998, 2/1998. План (по В.М. Зубарю).

а.

б.

Рис. 21. Склеп № 1/1998. Элементы росписи (по В.М. Зубарю):
а — входная стена; *б* — ваза и гирлянды.

Рис. 22. Склеп № 1/1998. Левая ниша (по В.М. Зубарю).

Рис. 23. Склеп № 1/1998. Ниша с проломом (по В.М. Зубарю).

Рис. 24. Склеп № 1/1998. Центральная ниша (по В.М. Зубарю).

Рис. 25. Склеп № 1/1998. Элементы росписи (по В.М. Зубарю):
а — цветок; *б* — гирлянда.

а.

б.

Рис. 26. Склеп № 2/1998. Элементы росписи (по В.М. Зубарю):
а — ваза; *б* — птица**.**

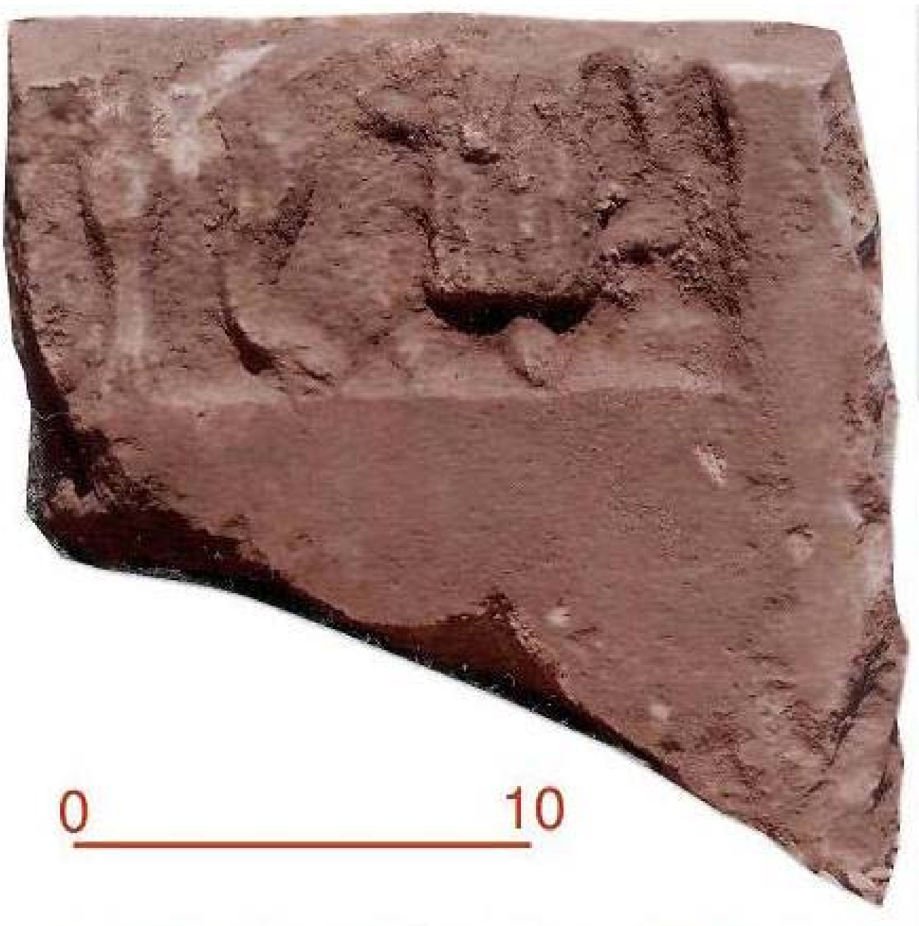

Рис. 27. Склеп № 2/1998. Фрагмент надгробия (по В.М. Зубарю).

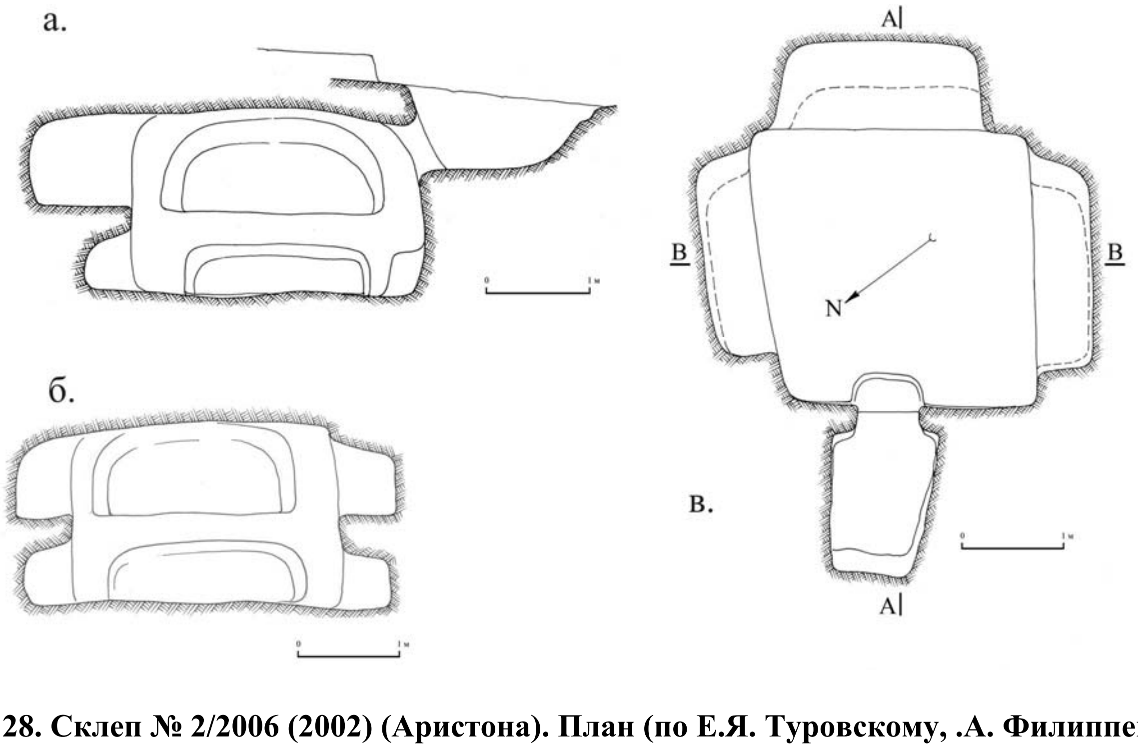

Рис. 28. Склеп № 2/2006 (2002) (Аристона). План (по Е.Я. Туровскому, .А. Филиппенко):
а — разрез АА; *б* — разрез ББ; *в* — план.

Рис. 29. Склеп № 2/2006 (2002) (Аристона). Панорама (по Е.Я. Туровскому, А.А. Филиппенко).

Рис. 30. Склеп № 2/2006 (2002) (Аристона). Левая ниша (по Е.Я. Туровскому, А.А. Филиппенко).

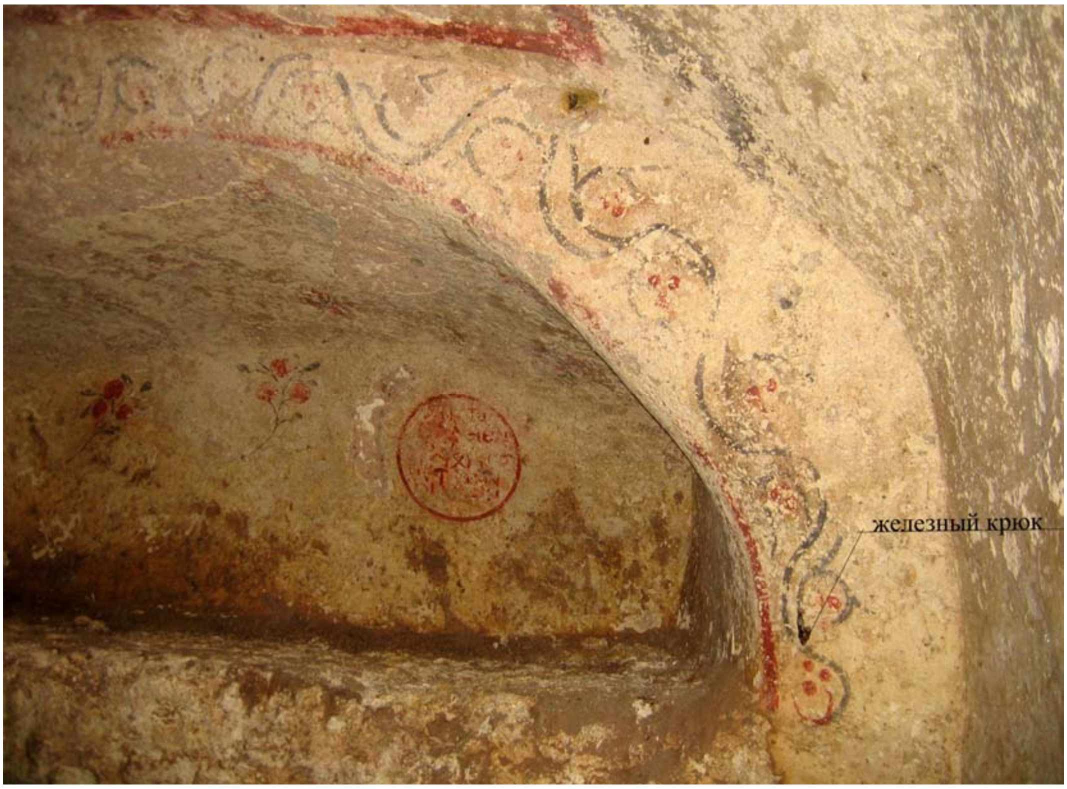

Рис. 31. Склеп № 2/2006 (2002) (Аристона). Правая ниша (по Е.Я. Туровскому, А.А. Филиппенко).

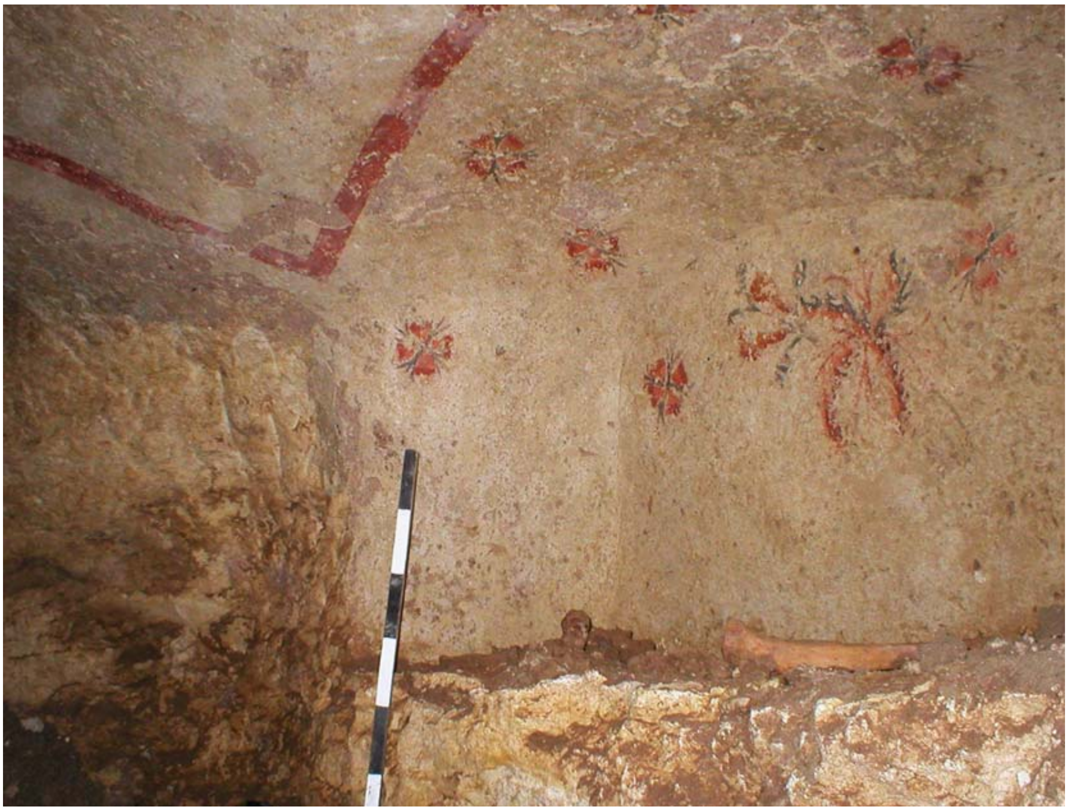

Рис. 32. Склеп № 2/2006 (2002) (Аристона). Элементы росписи: цветы и гирлянда (по Е.Я. Туровскому, А.А. Филиппенко).

а.

б.

в.

Рис. 33. Склеп 2/2006 (2002) (Аристона). Элементы росписи: а. гирлянда; б. ветка с плодами; в. цветок (по Е.Я. Туровскому, А.А. Филиппенко).

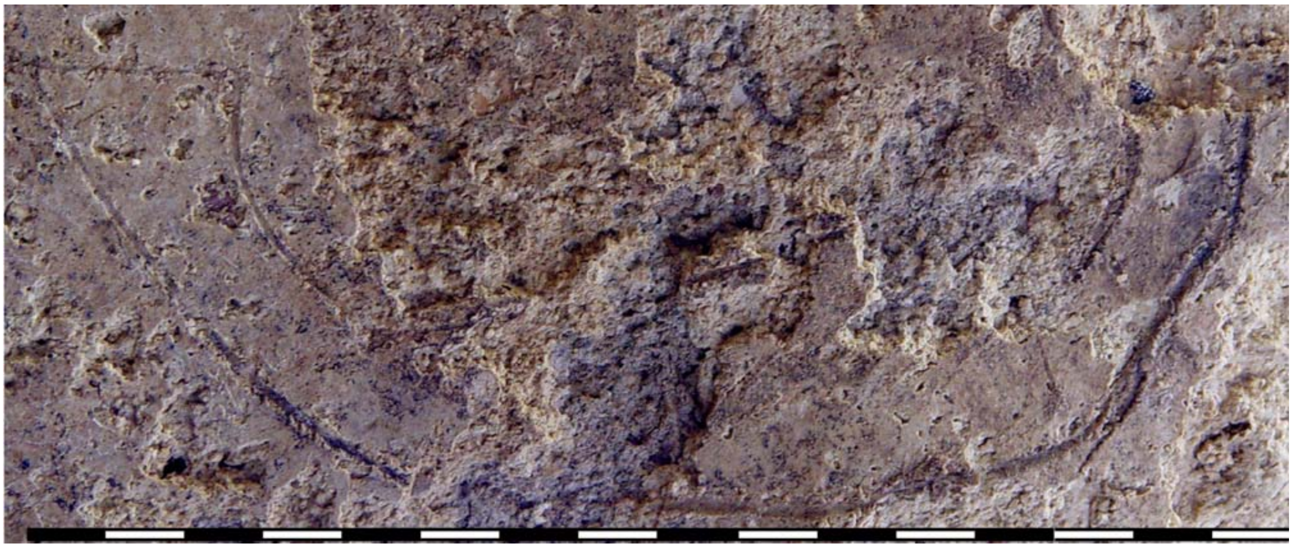

Рис. 34. Склеп № 2/2006 (2002) (Аристона). Корабль (по Е.Я. Туровскому, А.А. Филиппенко).

Рис. 35. Склеп № 2/2006 (2002) (Аристона). Изображение птицы (по Е.Я. Туровскому, А.А. Филиппенко).

Рис. 36. Склеп № 2/2006 (2002) (Аристона). Эпитафия (по Е. Я. Туровскому, А. А. Филиппенко).

Рис. 37. Склеп № 2/2006 (2002) (Аристона). Роспись плафона: хрисма (по Е. Я. Туровскому, А. А. Филиппенко).

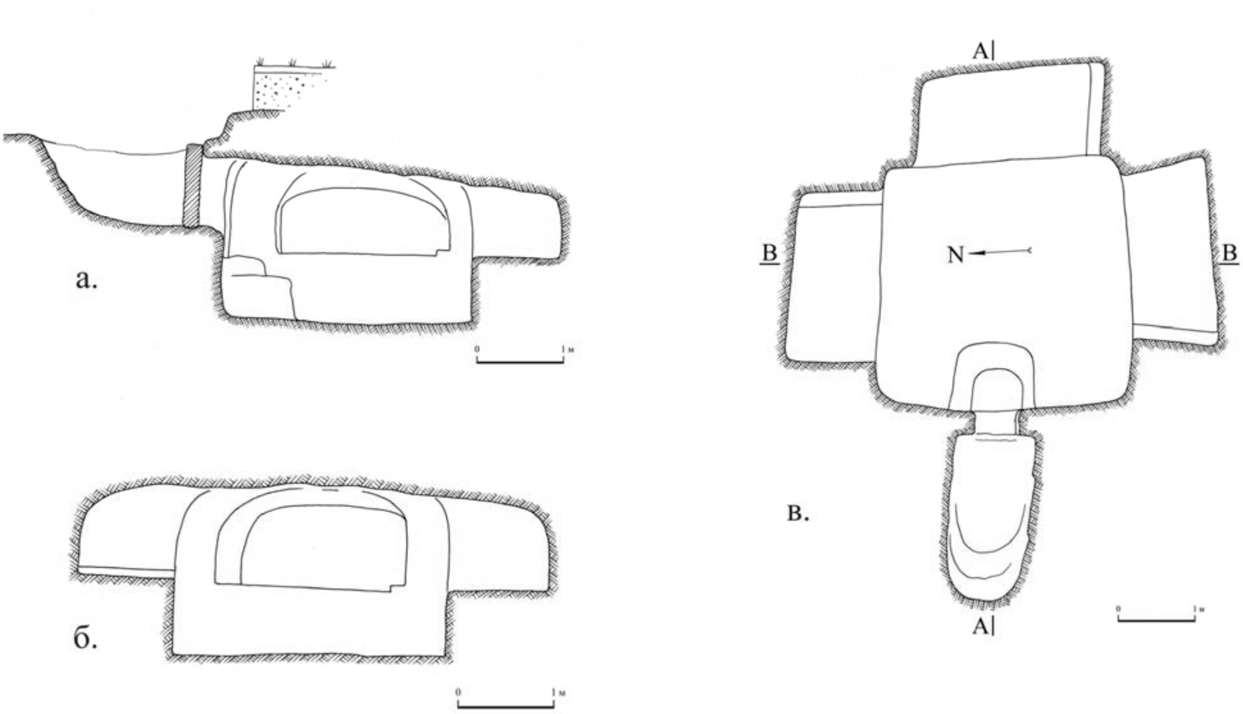

Рис. 38. Склеп № 1/2006 (2002). План(по Е.Я. Туровскому, А.А. Филиппенко):
а — разрез АА; *б* — разрез ВВ; *в* — план.

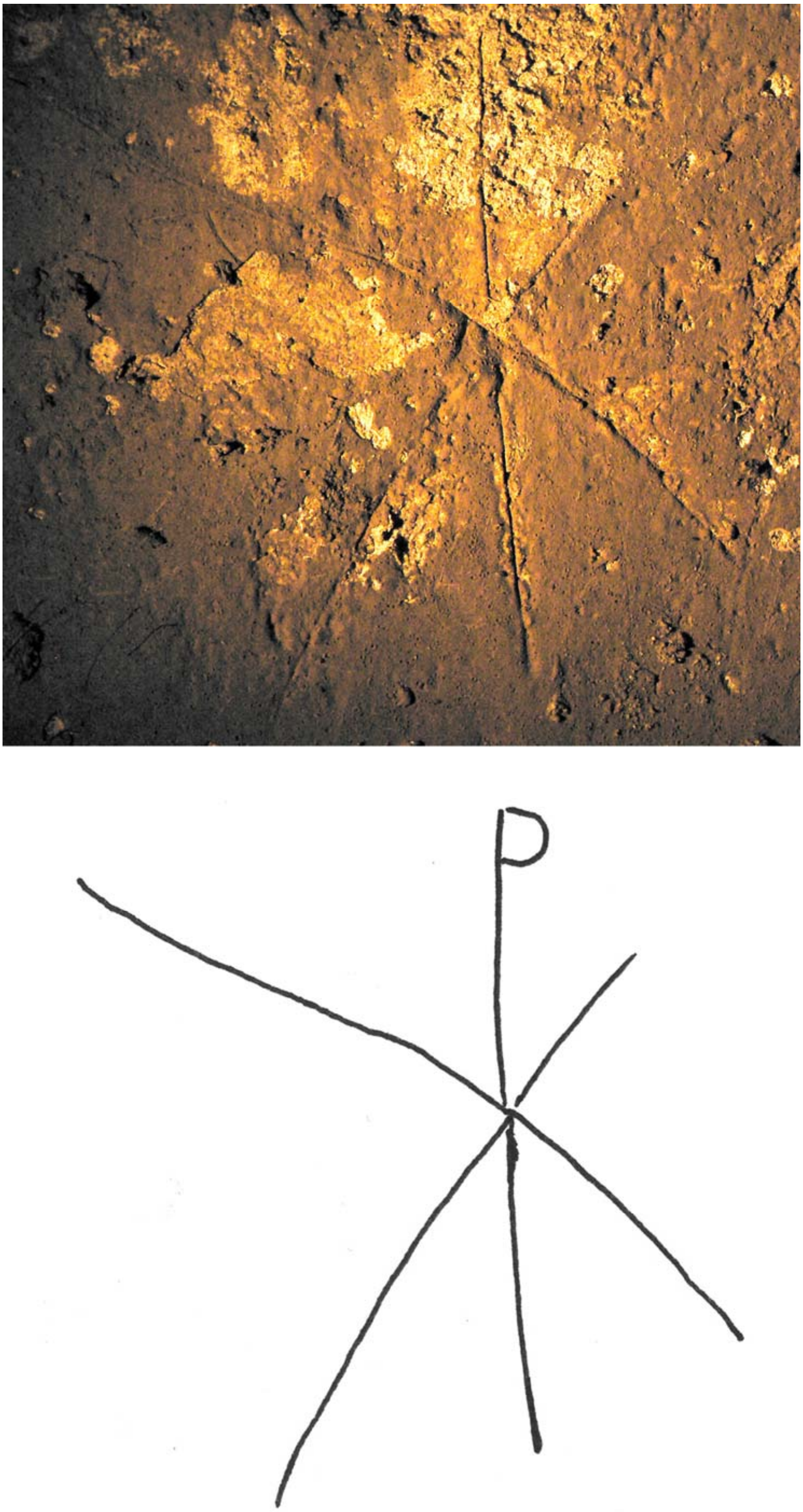

Рис. 39. Склеп № 1/2006 (2002). Хрисма (по Е.Я. Туровскому, А.А. Филиппенко).

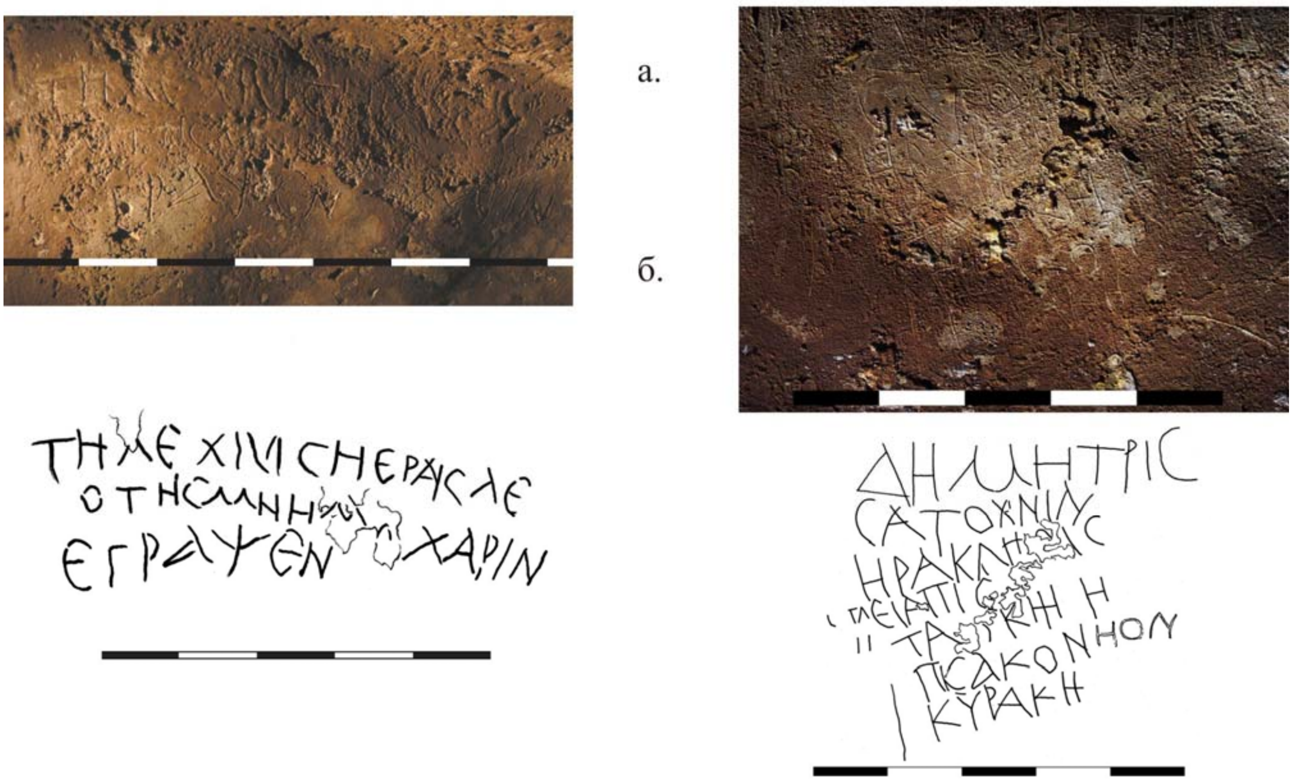

Рис. 40. Склеп № 1/2006 (2002). Эпитафии (по Е.Я. Туровскому, А.А. Филиппенко):
а — в локуле; *б* — на стене.

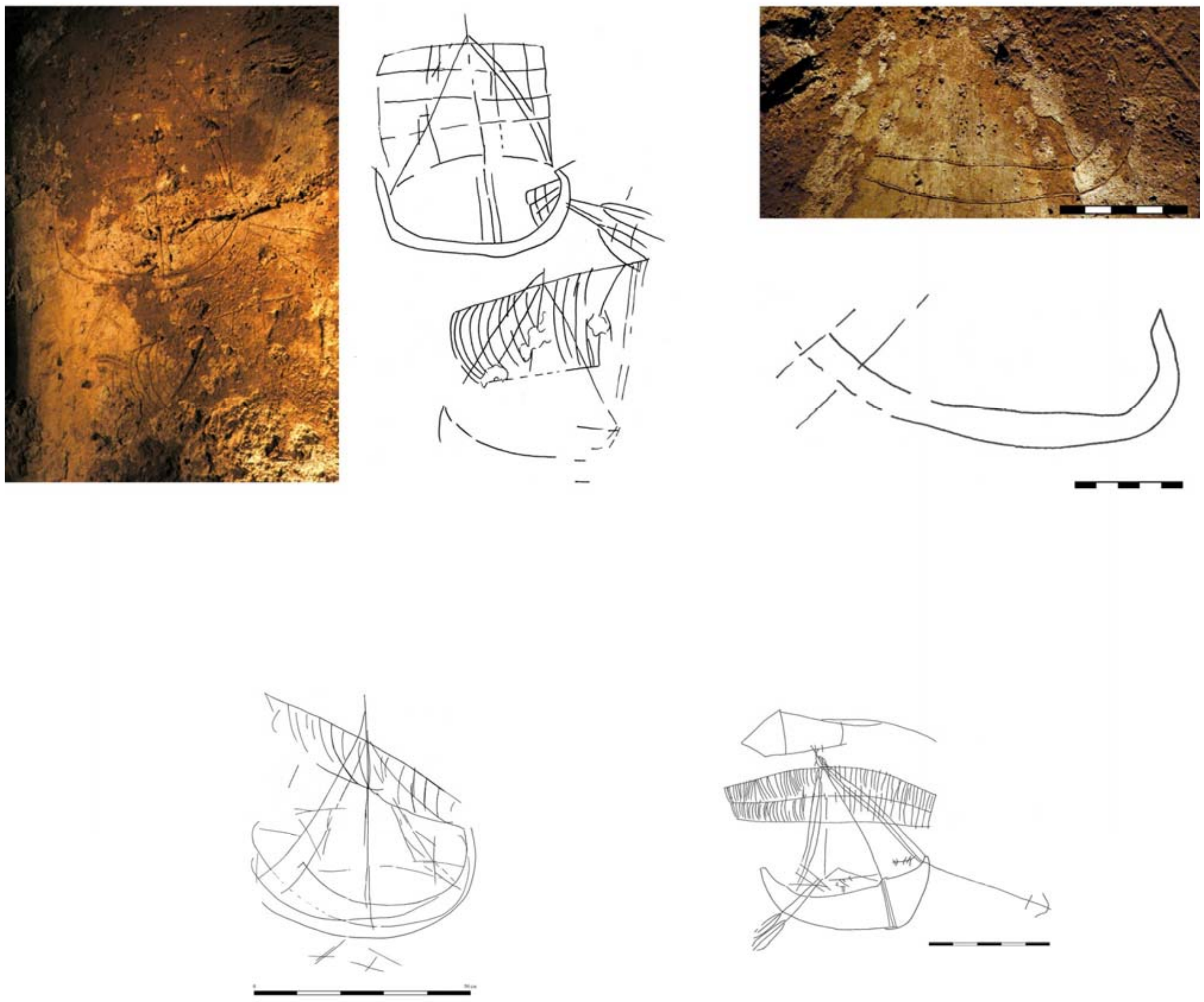

Рис. 41. Склеп № 1/2006 (2002). Изображения кораблей (по Е.Я. Туровскому, А.А. Филиппенко).

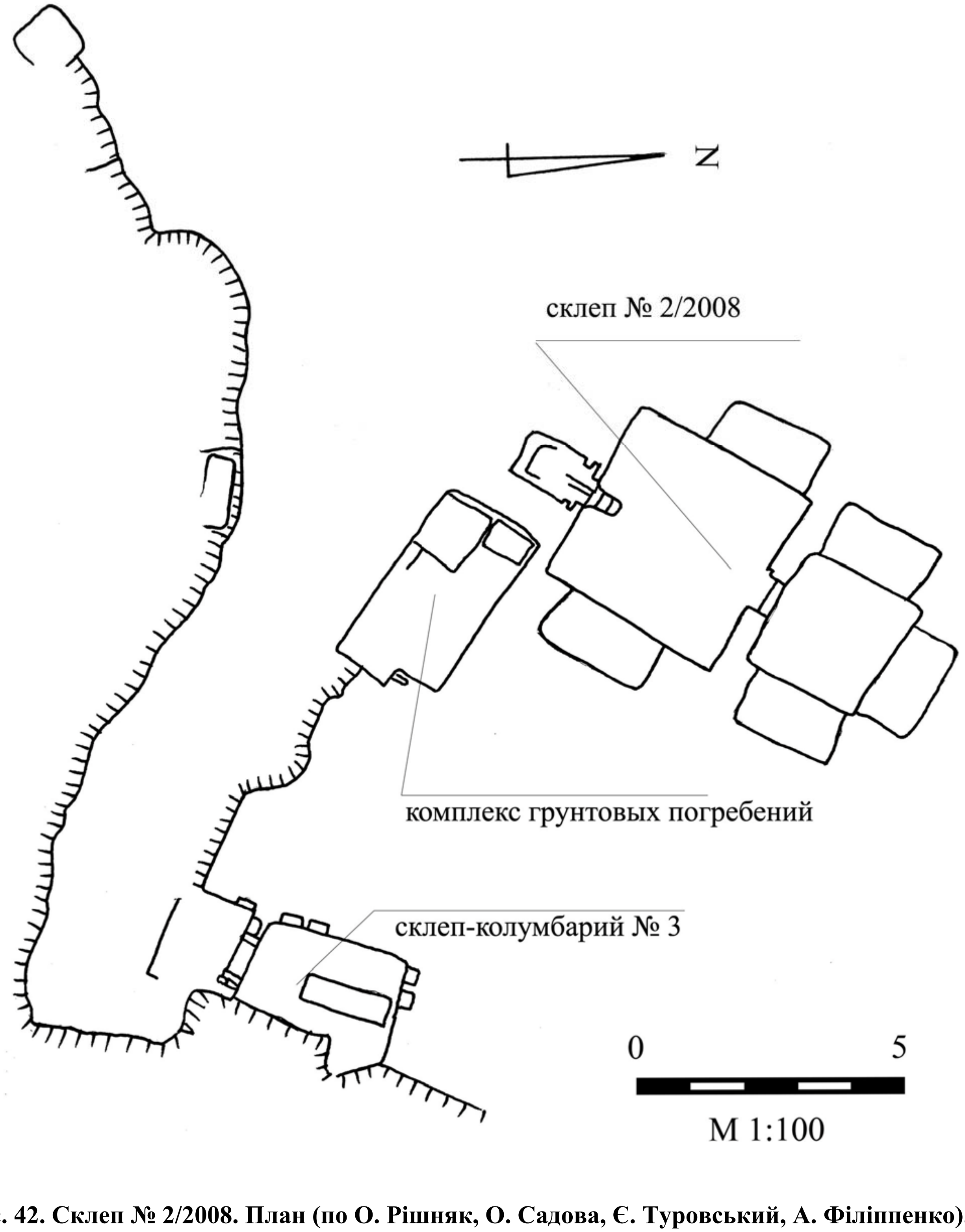

Рис. 42. Склеп № 2/2008. План (по О. Рішняк, О. Садова, Є. Туровський, А. Філіппенко).

Рис. 43. Склеп № 2/2008. Сцена охоты на косулю и зайца
(по О. Рішняк, О. Садова, Є. Туровський, А. Філіппенко):
а — первоначальный вид; *б* — реконструкция.

а

б

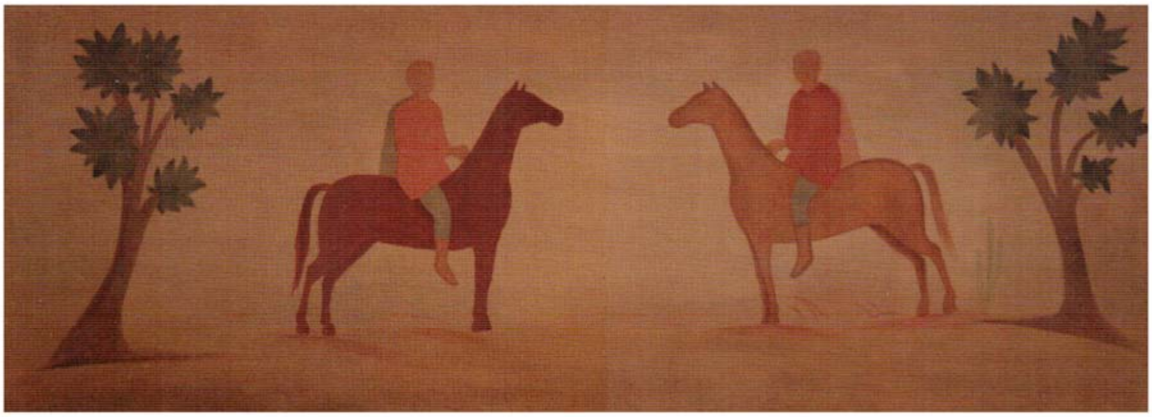

Рис. 44. Склеп № 2/2008. Два всадника
(по О. Рішняк, О. Садова, Є. Туровський, А. Філіппенко):
а — первоначальный вид; *б* — реконструкция.

а

б

Рис. 45. Склеп № 2/2008. Сцена охоты на кабана
(по О. Рішняк, О. Садова, Є. Туровський, А. Філіппенко):
а — первоначальный вид; *б* — реконструкция.

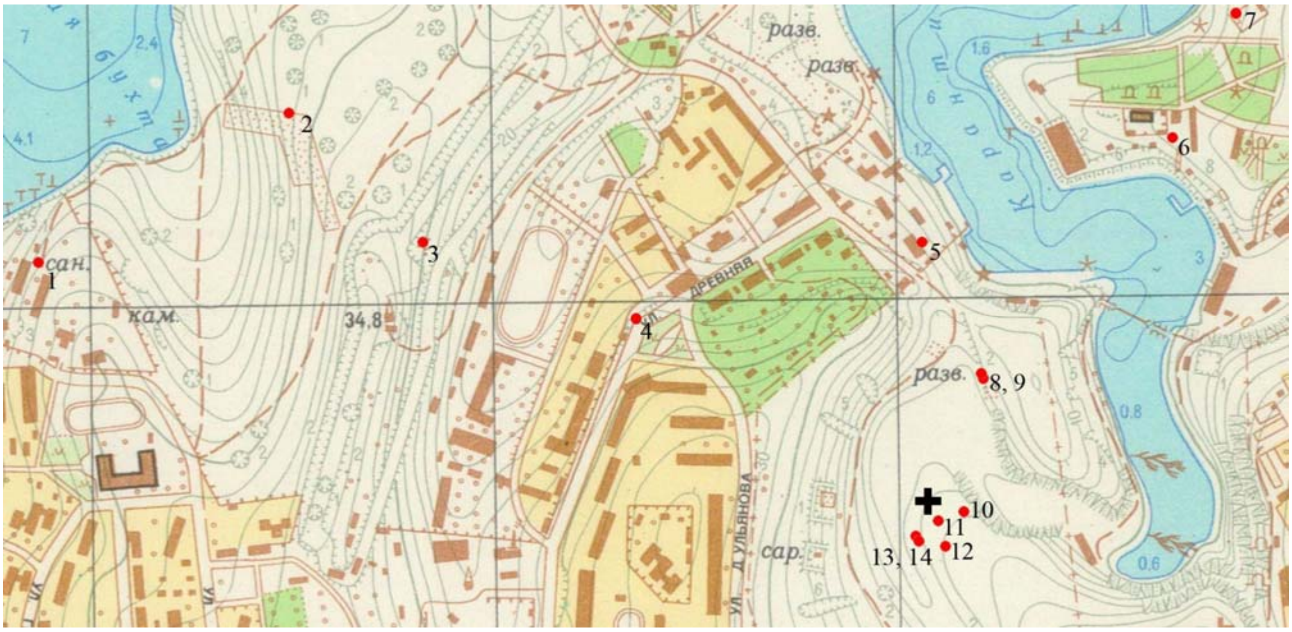

Рис. 46. Схема расположения Хероснесских расписных склепов (по Е.Я. Туровский, А.А. Филиппенко):

1 — склеп «на земле Н. И. Тура»; *2* — склеп 1909 г.; *3* — склеп № 511/1894; *4* — склеп 1912 г.; *5* — склеп № 2245/1907; *6* — склеп № 2270/1907; *7* — склеп № 2/2008; *8,9* — склепы № 1,2/1998; *10* — склеп № 2114/1904(1853); *11* — склеп № 1494/1903; *12* — склеп № 2086/1905; *13,14* — № 1,2 /2006.

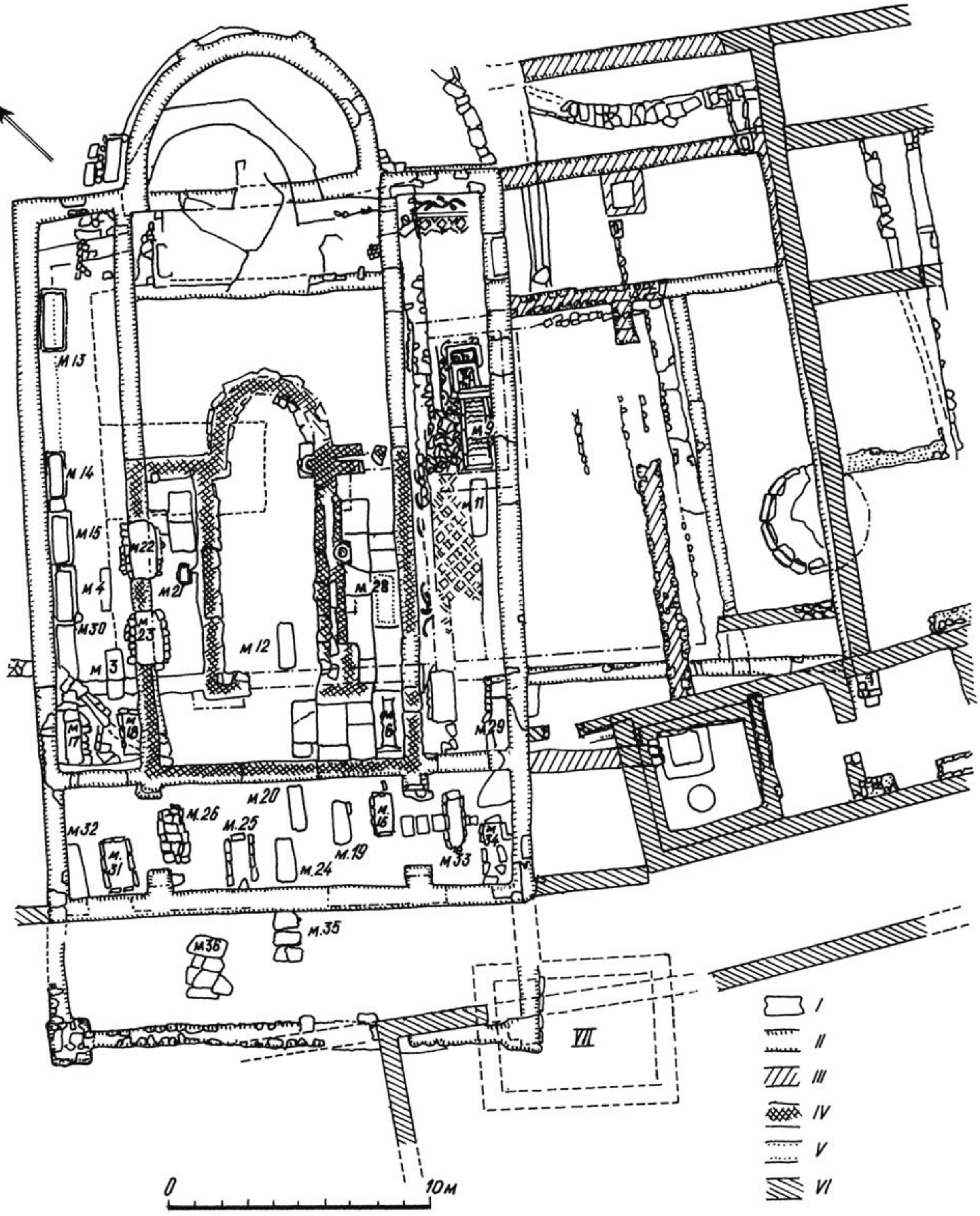

Рис. 47. Базилика 1935 г. План (по Г.Д. Белову).

Рис. 48. Базилика 1935 г. Элементы росписи из экспозиции Средневекового отдела Херсонесского музея.

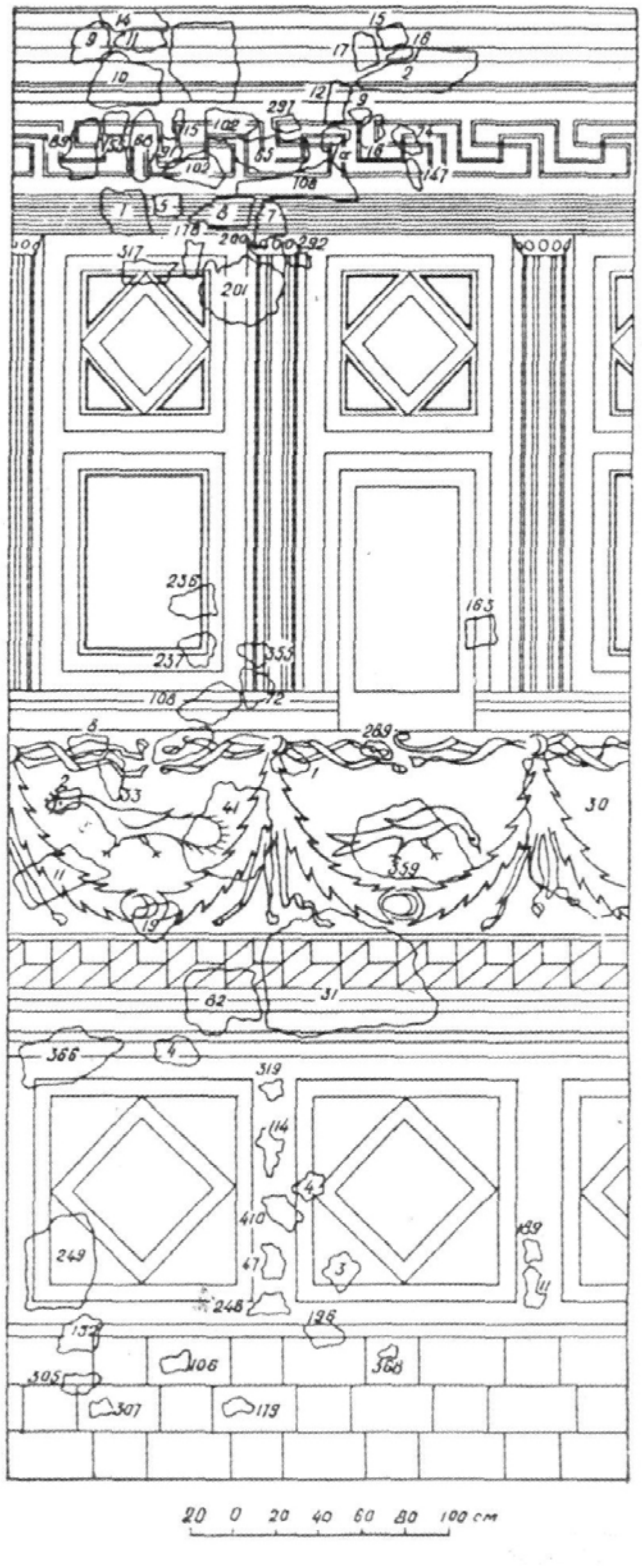

Рис. 49. Базилика 1935 г. Элементы росписи. Реконструкция О.И. Домбровского.

Рис. 50. Базилика 1935 г. Мозаика.

Рис. 51. Базилика 1935 г. Конфар.

Рис. 52. Базилика 1935 г. Сосуд.

ХРИСТИАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

УДК 904:726.54(477.7)«3»

Ю.Ю. Шевченко

ПЕРВЫЙ ПЕЩЕРНЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ ХРАМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЭПОХИ ПЕРВЫХ ГОТСКИХ ПОХОДОВ III В. Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕЩЕРНОГО МОНАСТЫРЯ ЧИЛТЕР-КОБА В КРЫМУ)

Главенство основного храмового *литургического устройства*[1] — престола, как средоточия всего, что в современном христианском мире называют *храмом*, не требует каких-либо доказательств. Центральное место престола в алтаре, обрамленное жертвенником с севера и диаконником с юга, нуждается в изучении генезиса этого центрального элемента *священного топоса* — храмового *наоса*, в его основополагающей — алтарной части[2]. Уже отмечалось[3], что в самые ранние – первохристианские времена *престол* и *жертвенник* были ***единым объектом***[4], составляя синонимы к самому термину *алтарь*, что следует из анализа посланий ап. Павла (1 Кор. 11:18, 20—22, 33—34; 14:34—35; Римл. 16:3—4; Колос. 4:15; Филим. 1:2), сообщений Игнатия Богоносца, Тертуллиана и *Откровения* (11:1—2) ап. Иоанна Богослова. Вывод из такого анализа подтверждают *Постановления Апостольские* в записи Ипполита Римского середины III в., свидетельствующие, что «храм Божий… состоит из трех частей: *жертвенника* (*алтаря, престола* — Ю.Ш.), места для *поклоняющихся* (*наоса*, — Ю.Ш.) и внешнего двора или преддверия» (*нартекса*, — Ю.Ш.)[5].

Наиболее ранние христианские храмы Ближнего Востока[6] с единым литургическим устройством, примыкающим к алтарной стене (совмещающие функции престола и жертвенника), характерны для древнейших времен, и функционируют уже в IV в.[7] К таким

---

[1] *Гайдуков Н.Е.* Церковная археология (Краткий словарь терминов). Симферополь: СОНАТ, 2009. С. 52—53.

[2] *Шмеман Александр, прот.* Введение в литургическое богословие. Киев: Пролог, 2004; *Mathews Th.F.* The Early Churches of Constantinopole: Architecture and Liturgy. NJ, 1980; *Mango C.* Byzantine Architecture // History of World Architecture. New York, 1985.

[3] *Шевченко Ю.Ю.* Ближневосточные образцы раннесредневекового пещерно-храмового строительства юга Восточной Европы // Христианство в регионах мира. Вып. 2 / Отв. ред. Т.А. Бернштам, А.И. Терюков. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 151—207; *он же.* Домашние святыни: Богородица Пещерная на древнехристианских филактериях // Славянский ход / Отв. ред. Е.А. Резван. СПб. — Сургут — Ханты-Мансийск, 2009. С. 71—101.

[4] *Беляев Л.А.* Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. 2-е стереотипное изд. («Византийская библиотека»). СПб., 2000. С. 175; *Голубцов А.П.* Из чтений по Церковной археологии и литургике. СПб.: САТИСЪ, 1995. С. 67—68.

[5] *Голубцов А.П.* Из чтений по Церковной археологии и литургике. С. 67—68, 70, прим.2.

[6] *Berder M.* Un Itineraire au Mount des Oliviers // Le Monde de la Bible. 1988. Vol.55. P. 10—31; *Taylor J.E., Gibson Sh.* Beneath The Church of the Holy Sepulchre. Jerusalem. London, 1994. P. 241—242; *Wilkinson J.* Jerusalem as Jesus knew it. London, 1978. P. 110; ibid. Peregrinato Aetheriae = Egeria's Travels: Newly translated with supporting documents and notes. London, 1981. P. 49—50.

[7] *Gibson Sh.* The Cave of John the Baptist: The First Archaeological Evidence of the Historical Reality of the Gospel Story. London, 2005; *Taylor J.E.* Christians and the Holy Places: The Myth of Jewish-Christian Origins. Oxford: Clarendon Preess, 1993; *Taylor J.E., Gibson Sh.* Beneath The Church of the Holy Sepulchre.

относятся пещерная церковь («Плат Вероники») на «Станции № 6» по Via Dolorosa в Иерусалиме (рис. 1,*1,2*), пещерная крипта храма Рождества Богородицы в доме праведных Иоакима и Анны у «Львиных (Овчих) ворот» Иерусалима (рис. 1,*3*), приделы «Голгофа» и «Темница Христова» (рис. 2) Иерусалимского храма Гроба Господня.

Выделение жертвенника, как самостоятельного литургического устройства, может быть связано со сложившимся в самые ранние первохристианские времена институтом диаконис. Обособление жертвенника в качестве самостоятельного литургико-архитектурного (террактурного[8]), или архитектурно (террактурно)-канонического элемента храма соответствует отделению процесса подготовки Святых Даров, находящегося в ведении диаконисы (диакона), от непосредственного их преосуществления в Тело и Кровь, свершаемых архиереем (иереем). Как следует из анализа жития Саввы Освященного, выполненного проф. А.П. Голубцовым[9], уже к 473 г., во время обретения преп. Саввой пещерного храма, жертвенник является отдельным архитектурным (террактурным) элементом храмового пространства, а «на восточной ее (церкви, — Ю.Ш.) стене находится выступ (κόγχη)» — престол древнего типа. К северу (слева) от престола расположено литургическое устройство, названное в Житии преп. Саввы диакоником: «с северной стороны отделение, похожее на диаконик»[10], что соответствует древней литургической практике подготовки Святых Даров в жертвеннике именно диаконисами или диаконами.

Жертвенник, ставший обособленным архитектурно-каноническим объектом, не мог не повлиять на выделение и обособление самого алтарного пространства, как это имеет место в пещерной церкви № 9 в Гёреми (рис. 3) в Малоазийской Каппадокии. И в этом плане, правомерно обращение к богатейшему материалу Крыма[11], где известна целая серия подземных храмов, с престолом древнего типа, выполненного в виде выступа стены апсиды в объем алтаря. Таковы подземные церкви Инкермана (храм Евграфия и др.), храм № 4 Чилтер-Марморы (рис. 4,*I*), храм № 2 Шулдана, храмы «Успения» (рис. 4,*II*) и «Донаторов» (рис. 4,*III*) Эски-Кермена, Георгиевский на Фиоленте[12], и некоторые другие. Престолы этих

[8] Представляется удачным введенный В.М. Слукиным (*Слукин В.М.* Архитектурно-исторические подземные сооружения. Свердловск, 1991) термин ***террактура***, для обозначения ***подземной архитектуры.***

[9] *Голубцов А.П.* Из чтений по Церковной археологии и литургике. С. 50—51.

[10] Там же. С. 51; *Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н.* Палеоэтнографические данные о формировании традиции христианских подземных святынь, Синай и Палестина // Музей и археологическое наследие России. Сб. научных статей. СПб.: Изд. МАЭ РАН, 2006. С. 59—71.

[11] *Веймарн Е.В.* «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. // СА. 1958. № 1. С. 71—79; *Веймарн Е.В., Репников Н.И.* Сюйренское укрепление // ИГАИМК. Вып.117: Материалы Эски-Керменской экспедиции. М.—Л., 1935. С. 123—125; *Веймарн Е.В., Чореф М.Я.* Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии. Тбилиси, 1978, С. 114—144; *Гайдуков Н.Е.* Литургическое устройство пещерных храмов юго-западной Таврики (на примере трех пещерных храмов округи пещерного города Эски-Кермен) // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Украины—Руси. Материалы научной конференции (Судак, 16-22 сентября 2002 г.) / Под ред. Н.М. Куковальской и др. Киев—Судак, 2002. С. 71—75; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Крепость драгоценностей. Кырк-ор, Чуфут-Кале. Симферополь, 1993; *Даниленко В.Н.* Монастырь Чильтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 78—108, 349—367; *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997; *Репников Н.И.* Городище Качи-Кальен // ИГАИМК. Вып. 117: Материалы Эски-Керменской экспедиции. М.—Л., 1935. С. 102—114; *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. Симферополь, 1929.

[12] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. С. 113, 144—151, 213—263, 382, рис. 4,*3—7*, 40, 41, 49, 154, 185, 189, 198, 356.

храмовых *террактур* Таврики и их литургические особенности[13] те же, что и в «аркасолиях с погребениями мучеников», исполнявших функции престолов в помещениях крипт и кубикул Римских катакомб (рис. 5,*I*), используемых в качестве наиболее ранних подземных молелен и мест служения литургии[14].

В связи с введением практики литургии по чину Василия Великого, проводившейся *вокруг престола*[15], в храмах Константинопольской архиепископии уже с начала V в. престол занял позицию в центре алтарного пространства, что быстро распространялось в Церквях и общинах (рис. 5,*II*), так или иначе связанных с Константинопольским патриархатом. Обособление жертвенника, его разделение с престолом, произошло до этого, — в очень древних храмах IV—VI вв.[16], где престол еще примыкал к алтарной стене.

После ликвидации института диаконис, жертвенник в храмах выносился в наос, за пределы алтарного пространства[17], либо непосредственно к рубежу алтаря, доступному ***для всех верующих*** из наоса, — к *космиту* (*предалтарной преграде*) (см. рис. 4,*III,3*), как в храме «Донаторов» в Крымском Эски-Кермене[18].

В отличие от упомянутых памятников, как чрезвычайно древний архитектурно-канонический элемент, сформирован престол (рис. 6,*II:1*) в алтарном пространстве (рис. 6,*II*) Свято-Феодоровского (Ай-Тодорского) храма в пещерном монастыря Чилтер-Коба, вырубленного в склоне горного мыса Ай-Тодор (рис. 6,*I*), еще раз обследованного автором в 2009 г. Выраженное полукружие внутренней апсиды соответствует пространству *алтаря* (рис. 6,*II,1—5*), четко отграниченного нишами-аркасолиями (рис. 6,*II,5*) от пространства *наоса* («место для *поклоняющихся*»), соотносит эту пещерную церковь с подземными храмами «с выраженным алтарным пространством, без нартекса» (рис. 7,*III*), выделенными Георги Атанасовым[19], как храмы «каппадокийской традиции».

В отличие от вошедших в таблицу Г. Атанасова храмов с престолом по центру алтаря, имеется множество пещерных храмов, в том числе — в Каппадокии, «с развитым алтарным

---

[13] *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2005. № 1. С. 72—80; *Гайдуков Н. Е., Желтов Михаил, диак.* Престолы пещерных храмов Юго-Западного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы III Судакской международной научной конференции. Киев — Судак, 2006. Т. 2. С. 76—85.

[14] *Беляев Л.А.* Христианские древности. С. 96, 108, прим. 40; *Порфирий (Успенский), епископ.* Святыни земли Италийской (Из путевых записок 1854 года). Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М.,1996; *Струков Д.М.* О древне-христианских памятниках в Крыму. Опыт археологических изысканий. М., 1872. С. 5, прим.8; *он же.* Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876; *он же.* О доисторических памятниках Тавриды. М., 1879; *он же.* Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. Изд. 2-е. М., 1882; *Фрикен А., фон.* Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. Ч. I: Римские катакомбы. М., 1872. С. 61; Христианство. Энциклопедический словарь / Под ред. С.С. Аверинцева и др. М.: «Большая Российская Энциклопедия», 1993. Т. I. С. 698.

[15] *Шмеман Александр, прот.* Введение в литургическое богословие.

[16] *Frend W.H.C.* The Archaeology of Early Christianity: A History. Minneapolis, 1996. P. 149—150.

[17] [*Муравьев А.Н.*] Путешествие по святым местам Русским. СПб., 1846. Ч. I. С. 208.

[18] *Гайдуков Н.Е.* Литургическое устройство пещерных храмов юго-западной Таврики… С. 71—75; *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии. С. 72—80.

[19] *Атанасов, Георги.* Кападокийски културни влияния в скалната обител при Мурфатлар // Приноси към българската археология. София, 1992. Т. I. С.79—84; *он же.* За един старобългарски скален манастир от X-XI век в Централна Молдова // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Том втори. Велико Търново, 1993. Т. 2. С. 61—73; *он же.* Кримски реалии на еднокоолрабните църкви без притвор в Добруджа и Източна България през X-XI век // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Том трети. Велико Търново, 1994. С. 51—69, 69, табл.V,*18*.

пространством, без притвора», но с престолом древнего типа, примыкающим к алтарной стене (рис. 7,*I,II,1*). Алтарь в пещерном храме № 1 в Кеслик Келези, как и в Гёреми (№ 5), отделен от наоса *космитом* — предалтарной преградой (рис. 7,*I,II,3*); жертвенник подземного храма в Кеслике вынесен в наос (рис. 7,*I,2*), как в Геремской церкви № 9 (см. рис. 3), а в Гёремской пещерной церкви № 5 жертвенник размещен прямо на предалтарной преграде (рис. 7,*II,2*), как в храме «Донаторов» (см. рис. 4,*III,2*) в Крымском Эски-Кермене. Это не единичные случаи, а проявление достаточно массовой литургической практики, но не географической — «малоазийской» («каппадокийской»), поскольку подобным образом сформировано околопрестольное пространство в очень ранних храмах Таврики (см. рис. 4,*I,III*), Египта[20], Италии (местечко Моттолла близ г.Бари; Паоло в Сицилии), Подонья и Поднепровья[21]. Таковы *каноны* первохристианской литургической практики, имеющей хронологические рамки, обусловленные ранней фазой развития и нуждами литургики первохристианских времен.

С точки зрения литургики, алтарь пещерного храма на горном мысу Ай-Тодор (Чилтер-Коба) близок планиметрии древнейших первохристианских храмов Ближнего Востока: его престол и жертвенник представляют некое пространственное единство. Ниша жертвенника (рис. 8,*I,II,2*; см. рис. 6,*II,2*) в Чилтер-Кобе непосредственно примыкает к сохранившейся поверхности древнего престола (рис. 8,*I,II,IV,1*; см. рис. 6,*II,1*). Она представляет собой полку с углубленным дном, в виде чаши (рис. 8,*II,2*). А рядом, впритык к жертвеннику, расположена высеченная в скальном грунте костница-кимитирий (рис. 8,*I—III,3*; см. рис. 6,*II,3*). Эта крипта, по сути, иллюстрирует слова Апокалипсиса (Откр. 6:9): «Под жертвенником души убиенных за слово Божие». Соответственно этому, дно крипты-кимитирия углублено по отношению к уровню поверхности всего алтарного пространства пещерного храма Чилтер-Коба (рис. *8,III*).Такое размещение погребального места освящает алтарь, и прообразует функции древнего жертвенника в литургии — *подготовку* Святых Даров, что предшествует функциям самого престола: непосредственное *преосуществление* хлеба и вина в Тело и Кровь.

Поверхность жертвенника в алтаре Чилтер-Кобы сформирована как углубление чаши (рис. 8,*I,II,2*), и точно так же устроена та часть престола (рис. 8,*I,II,IV,1''*), которая примыкает непосредственно к жертвеннику. В престоле наличествуют два желоба-слива от верхней углубленной поверхности, до желоба-резервуара (рис. 8,*II,IV,1''*), по которому освящаемая жидкость (вино?) стекала прямо к подножию престола. Наблюдаемая картина сопряжения двух основных литургико-архитектурных (литургико-терракурных) компонентов храма (рис. 8,*II,IV,1',1'',2*), непосредственно примыкающих друг к другу, заставляет предполагать, что процедура *преосуществления* (освящения Святых Даров) выглядела следующим образом:

---

[20] *Шевченко Ю.Ю.* Ближневосточные образцы раннесредневекового пещерно-храмового строительства…; *он же.* Планиметрия восточнохристианского пещерного храма раннесредневековой Восточной Европы (VII—XII вв.) // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического Съезда в Суздале 2008 г. Том II. Отв. ред. академик РАН А.П. Деревянко, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров. М: ИА РАН "Наука". 2008, с.458—462.

[21] *Шевченко Ю.Ю.* Нижние ярусы подземного Ильинского монастыря в Чернигове, игумены обители и "иерусалимский след" в пещерном строительстве // Археология, этнография и антропологии Евразии. 2006. № 1 (25). С. 89—109; *он же.* Символика орнаментаций «Цветной комнаты» Белогорского пещерного монастыря в Подонье // Археологическое изучение Центральной России. Международная научная конференция к 100-летию Всеволода Протасьевича Левенка, Липецк, 2006. С. 371—375 и Ближнего Востока (*Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н.* Палеоэтнографические данные о формировании традиции… С. 59—71).

Диакон или диакониса, черпая, переливали вино из «чаши жертвенника» (рис. 8,*II,2*) в «чашу», высеченную в престоле (рис. 8,*II,IV,1'*). Над стекающим из этой «напрестольной чаши» по престольному желобу (рис. 8,*II,IV,1''*), освящаемым вином, простирались руки «носителя благодати» — апостола, епископа, или пресвитера-иерея («через возложение рук Апостольских подаётся Дух Святой», - Деян.8:18), читавшего в это время молитву Господню, поскольку Самим Христом было сказано: «молитесь же так» (Мф. 43:5; Лк. 11:2; Мк. 11:25). С рубежа I—II вв. вместо «Господней молитвы» могли использовать «евхаристическую молитву» (анафору) из «Дидахе» (гл. IX): «Как этот хлеб, рассеянный некогда, будучи собран, стал одним, так да будет собрана Твоя Церковь от пределов земли в Твое Царство», как использовали ее в конце IV в. в Каппадокии (см.: Псевдо-Афанасий, «О девстве», гл. 12—13). Это были своеобразные *импровизационные анафоры,* при которых происходило преосуществление вина и хлеба. Таким образом, стекавшее по желобам престола вино *пресуществлялось* в Кровь, составляя неотъемлемую часть Святых Даров.

В непосредственной близости от описанного углубления в поверхности престола, - своеобразной «стационарной напрестольной чаши» (*стационарного потира*), - размещена и выемка для закладки реликвий (рис. 8,*II,IV,1'''*), освящавших престол (не исключено, что с наиболее ранних — *апостольских времен*, таковыми являлись частички хлеба уже преосуществленные «возложением рук Апостольских» в Тело).

Оставшаяся поверхность престола (рис. 8,*I,II,1*; см. рис. 6,*II,1*) является двумя наклонными плоскостями: отрезок плоской, слегка наклоненной спиральной ленты (рис. 8,*I.II,a*; см. рис. 6,*II,a*), примыкающей к стене апсиды, и внутренняя поверхность сектора конуса (рис. 8,*I,II,b*; см. рис. 6,*II,b*), с вершиной у основания престола на полу. Возможно, на наклонной в виде отрезка спирали полке располагали хлеб, преосуществляемый в Тело Христово.

В алтарном пространстве Свято-Феодоровского (Ай-Тодорского) храма размещен и баптистерий (рис. 8,*I,4*; см. рис. 6,*II,4*). Крещение и мужчин, и женщин в пространстве алтаря, как и сослужение иереям диаконис возле жертвенника в том же алтарном пространстве, свидетельствует о значительной древности формирования литургических устройств Ай-Тодорского пещерного храма (Чилтер-Кобы), до появления чина литургии, составленной Василием Великим. Неровности пола вокруг престола (см. рис. 6,*II,6*), могут свидетельствовать о более позднем выделении самого близкого околопрестольного пространства, как собственно алтаря, при ликвидации института диаконис. Оно могло формироваться V—VII вв. так, как обустроен алтарь в «храме с баптистерием» Тепе-Кермена[22] возможно, имитирующего первоначальный Кувуклий в Воскресенском храме Гроба Господня (Анастасисе) в Иерусалиме[23].

Почти полной, и древнейшей аналогией престолу Чилтер-Кобинского храма в Тавриде представляется такой же объект в пещере на Патмосе (рис. 11,*I*), принадлежавшей ап. Иоанну Богослову[24]. Эта знаменитая «пещера Апокалипсиса» на о. Патмос (рис. 9,*II*), к которой уже при жизни свт. Иринея Лионского (130—202 гг.), бывшего учеником ученика

---

[22] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. С. 355—362.

[23] *Шевченко Ю.Ю., Богомазова Т.Г.* Третий Рим — Четвертый Иерусалим // Христианство в регионах мира. Вып. 2 / Отв. ред. Т.А. Бернштам, А.И. Терюков. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 120—134; *Шевченко Ю.Ю.* Ближневосточные образцы раннесредневекового пещерно-храмового строительства… С. 169—171.

[24] *Дмитриевский А.* Иоанно-Богословский мон-рь на о. Патмос по сравнению с святогорскими монастырями идиоритмами // Труды Киевской Духовной Академии. Киев. 1892. № 11. С. 326—492.

Иоанна Богослова (свт. Поликарпа Смирнского, †155 г.), — относились как храму[25]. Престол, занявший уступ, бывший в 81—96 гг. I в.н.э. лежанкой Апостола, сформирован для «пролива» по нему жидкости (рис. 9,*II,III,1*), а жертвенник, тоже имеющий чашеобразное углубление (рис. 11,*II,III,2*), расположен в непосредственной близости от престола, составляя с ним единство самого литургического объекта, как в храмовой пещере Чилтер-Кобы.

Отмеченный выше гипотетический фрагмент в чинопоследовании древнейших форм литургии, подтверждается и иными литургическими объектами. Рядом с пещерами Ай-Тодорского монастыря (Чилтер-Коба), возле истока священного (и для христиан, и для мусульман) родника Хор-Хор, под скальным навесом устроена купель (рис. 10,*Ia*), функционировавшая и поддерживаемая в порядке еще в XIX веке. Купель окаймлена крупными глыбами (0,7—1,2 тонн), с небрежно затесанными, но с ровными поверхностями, образующими небольшую площадку (рис.10,*Ib*). Интерес представляют два камня (рис. 10,*II*), уложенные на кромке площадки у края балкона над ущельем, куда стекает ручей. Они несколько приподняты над поверхностью каменной вымостки у купели.

Обнаруженные камни, с высеченными на поверхности деталями, не были упомянуты в материалах первых значительных натурных исследований Чилтер-Кобы[26]; не попали в поле зрения исследователей при многочисленных визуальных осмотрах памятника во все послевоенные годы[27]; и не стали предметом изучения во время многолетнего полевого изучения пещерного монастыря на Ай-Тодоре[28]. Возможно, этот памятник был вскрыт и освобожден от напластований при переоборудовании купели (и постройке новой стены) монахами возобновленного Свято-Феодоровского (Ай-Тодорского) пещерного монастыря в 2008 г., поэтому летом 2009 г. описанные камни зафиксированы и интерпретированы впервые.

Первый камень обтесан неровно: на его уплощенной поверхности оставлено возвышение в виде невысокого конуса в одном из углов (рис.10,*II,III,1*). В вершине конуса выдолблено углубление (d = 10—15; h = 15—16 см) в виде цилиндра (рис. 10,*III,1*), у сферического дна которого, просверлено отверстие к уплощенной поверхности камня, где начинается желоб (рис. 10,*III,2*), проложенный в виде канавки по поверхности и продолжающийся у самого края камня (рис. 10,*III,2'*). Желоб от цилиндрического углубления выходит в квадратное в плане и линзовидное в сечении углубление (рис. 10,*III,3*), примерно такого же объема, что и первое (150—170 см^3). Из квадратного углубления желоб пробит к обрезу камня (достаточно ровно выполненному), состыкованного с таким же обрезом второго камня.

Желоб (рис. 10,*II,2'*) из квадратного углубления первого камня, подходит к его обрезу, для стока жидкости в конусообразное углубление (рис. 10,*II,4*) второго камня. Этот вытесанный на поверхности второго камня конусообразный в плане неглубокий желоб (рис. 10,*II,4*) выводит стекающую жидкость в квадратное в плане, широкое (30—32 — 40—43 см), но неглубокое — линзовидное в сечении, углубление (рис. 10,*II,5*). Последний желобок

[25] *Аверинцев С.С.* Иоанн Богослов // Мифы народов мира. Энциклопедия / Под ред. С.А. Токарева и др. Т.1: А-К. М., 1991. С. 549—551; *Фаррар Ф.В.* Жизнь и труды святых отцов и учителей Церкви. СПб., 1891. Т.I. С. 62—83.

[26] *Веймарн Е.В., Репников Н.И.* Сюйренское укрепление. С. 124—125].

[27] *Веймарн Е.В.* «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований… С. 79; *Воронин Ю.С., Даниленко В.Н.* Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 169—177.

[28] *Даниленко В.Н.* Монастырь Чильтер-Коба: архитектурный аспект. С. 99, 102—103, 349—367.

предназначен для стекания жидкости за пределы камня. Поверхности камней имеют легкий наклон, обеспечивающий работу всех углублений и желобов в качестве целостной, проточной системы.

Думается, у источника Хор-Хор расположен выносной каменный престол, оборудованный литургическими устройствами для освящения вина, сходный по проточной системе чашеобразных углублений и желобов с престолом в храмовой пещере Чилтер-Кобы (Ай-Тодорском храме). Аналогичные стационарные «водосвятные чаши»[29] в раннем средневековье высекались на поверхности выносных камней-престолов (рис. 11,*I*). Такие *литургические устройства* правильнее было бы называть *стационарными потирами*. Их происхождение связанно с ранневизантийскими литургическими объектами, — камнями-престолами, где подобные углубления для освящения жидкости также образуют проточную систему.

Рядом с камнями, отождествленными с выносным престолом «проливного» типа (см. рис. 10,*II*), должен бы размещаться жертвенник. Таким образом, три камня слагались в «тринитарный» символ: два камня на которых размещена проливная система престола - из микро-купелей и проточных желобков, и примыкавший к ней камень чаши-жертвенника. К сожалению, камень-жертвенник попал под надстройку новой стационарной стены, оградившей купель баптистерия (см. рис. 10,*II*). При наличие престола, навес скалы «Серый лоб», где размещается купель источника Хор-Хор (см. рис. 10,*Ib*), не может рассматриваться иначе, нежели храмовое алтарное пространство с наличием здесь крестильного баптистерия. Подобные баптистерии располагались именно в пространстве алтарных апсид древнейших христианских храмов IV в., как в палестинской «Северной церкви» Авдата[30].

Храмовая пещера-цистерна (рис. 11,*II*) Saba Cave, раскопанная возле Иерусалима профессором из Великобритании Саймоном Гибсоном[31], использовалась, как считает исследователь, в качестве раннехристианского баптистерия в IV—VI вв. Есть основания полагать, что она использовалась в это время еще и как храм[32] для служения литургии. Судя по наличию обособленной купели, высеченной из монолитного каменного блока (рис. 11,*II,2*), никак не связанный с этой купелью массивный камень, вделанный в кладку лестничных ступеней, и выступающий из нее (рис. 11,*II,1, III*), является престолом. Крестчато-квадратное углубление на его поверхности (рис. 11,*III,2*), соединено проточным желобом со «следом Иоанна Предтечи» — с углублением в виде следа человеческой стопы (рис.11,*III,3*), и свидетельствует об **абсолютной — *литургической*** необходимости протекания жидкости (вина) по поверхности камня-престола. Такая необходимость могла быть вызвана лишь потребностями чина *преосуществления* вина в Кровь, при использовании «реликварных характеристик» упомянутого следа-углубления («стопы Иоанна Предтечи»). Связь камня-престола со ***ступенями***, выполнявшими еще и функции *синтрона*, только подтверждает его престольный характер.

Не эта ли фаза (освящение *проливанием по престолу*) в древнейшем последовании литургии стала истоком для «Чина омыти мощи святых или како воду с креста пити»[33],

---

[29] *Димитрій, Патріарх.* Печерні монастирі, скити та келії у світі й Україні // Основа. Київ. 1995. № 28 (6). С. 127.

[30] *Беляев Л.А.* Христианские древности… С. 57, рис.

[31] *Gibson Sh.* The Cave of John the Baptist.

[32] *Шевченко Ю.Ю.* Ближневосточные образцы раннесредневекового пещерно-храмового строительства… С. 152—155, рис.4.

[33] *Мусин А.Е.* Святые мощи в Древней Руси: литургические аспекты истории почитания // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003. С. 366—368, 373—374, 379—381; ср.: 384).

поскольку подобная фаза литургии могла прообразовывать и «*чин водосвятия*», и «чин елеосвящения» вообще? Очень вероятно, что камень-престол у священного источника Хор-Хор, сохранившийся с ранневизантийского времени, был оставлен до позднесредневековых времен в качестве специфического «освятительного устройства».

В наиболее древних престолах ранневизантийского времени, в плите *мензы*, служившей поверхностью престола (бывшей столешницей над погребениями святых в катакомбах Рима)[34], — наличествуют два отверстия: одно в виде чашеобразного углубления, второе — сквозное (рис. 11,*IV,V*). Такое литургическое устройство предполагало не только пребывание вина в «стационарном потире» чашеобразного углубления, и его проливание сквозь отверстие в поверхности престола (что соответствовало протеканию освящаемого вина по поверхности престола в чашеобразное углубление, или из него), в процессе преосуществления Святых Даров. Второе - сквозное отверстие в престольной плите еще и давало возможность некоего «пронимания» хлеба, преосуществляемого в Тело, посредством пропускания Его через сквозное отверстие в плите-мензе древнейших престолов.

В современной этнографии выделен ряд феноменов, объединенных так называемой «пронимальной символикой»[35], связанной в первую очередь с «прониманием» младенца, рождающегося на свет (что по необходимости символизируют и начальные фазы процесса литургии, понимаемые как приход в мир Жертвенного Агнца, — его «пронимание» из чрева Богородицы). «Пронимальная символика» охватывает значительную сферу представлений в бытовой, повседневно-обрядовой и даже в магической практиках. Ее широкое распространение именно в христианской среде[36], не может рассматриваться вне осевой для всего христианского мира служебной обрядности ранней Церкви. Наличие в поверхностях древнейших престолов отверстий для «пронимания» сквозь них хлеба, преосуществляемого в Тело, ставит вопрос о начальных фазах литургии древнейшей Единой Церкви, предусматривавших «*проливание*» вина по поверхности престола и «*пронимание*» сквозь эту поверхность хлеба, в процессе их *преосуществления* в Кровь и Тело Спасителя.

Таковы наблюдения по некоторым материалам Крыма, которые могут быть дополнены лишь одним: сам объем пещерной церкви Чилтер-Коба (Ай-Тодорского храма), сформирован, как древняя водосборная цистерна. Судя по обработке стен Чилтер-Кобы, она являлась вполне рукотворной пещерой (орудийная обработка наблюдается абсолютно на всех поверхностях пещерного храма), заложенной по небольшой карстовой полости. По планиметрии пещерная церковь Чилтер-Кобы схожа с храмовым объемом пещерной церкви Мега Спилеон на Греческом Пелопоннесе[37], основанной свв. Прокопием, Феодором и их сестрой Екатериной около 362 г.; схож храм Чилтер-Кобы и с упомянутым храмом Saba Cave под Иерусалимом, исследованным С. Гибсоном (рис. 11,*II*).

Судя по размещению в алтарной части храма и купели-баптистерия, и ниши жертвенника, возникновение пещерного Ай-Тодорского храма не выходит за рамки первой трети IV в.н.э., соответствуя существованию института диаконис; а время эксплуатации его древнейших литургических устройств лежит в пределах IV—VI столетий[38]. Судя по

---

[34] *Голубцов А.П.* Из чтений по Церковной археологии и литургике. С. 84—86.

[35] *Щепанская Т.Б.* Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы X / Отв. ред. Т.А. Бернштам. Сборник МАЭ XLVII. СПб., 1999. С. 149—190.

[36] Там же. С. 149—190.

[37] *Шевченко Ю.Ю.* Домашние святыни… С. 80—83.

[38] *Шевченко Ю.Ю.* Ближневосточные образцы раннесредневекового пещерно-храмового строительства… С. 164—166.

древнейшим престолам: в пределах Голгофа и Темница Христова в храме Гроба Господня (рис. 11,*IV,V*), и подземной церкви Рождества Богородицы в Иерусалиме (см. рис.1,*III*), — престол Ай-Тодорского (Свято-Феодоровского) пещерного храма в Крыму поставлен до серии упомянутых древнейших престолов Иерусалима, установленных согласно Церковного Предания при августе Елене после Первого Вселенского собора Церкви в Никее (325 г.), и до кончины императора Константина Великого (337 г.).

Уже во времена крестоносцев с 90-х гг. XI в. представления о литургическом характере этих древнейших престолов были утрачены, в результате чего слагается легенда о «колодках Христа» (где абсолютно не объясняется «чашеобрзность» второго отверстия, в отличие от сквозного — первого — также «колодкой» не являвшегося). Но в результате сложения легенды, как своеобразного (и неверного) «объяснения», упомянутый придел Иерусалимского храма Гроба получает свое наименование «Темница Христова». Аналогично слагается и легенда об «отверстиях», куда «вставляли кресты для распятия», в том числе — Честной Крест Христов (придел «Голгофа»).

Храмовый престол Чилтер-Кобы, как и выносной престол у источника Хор-Хор, не предназначены для «пронимания» хлеба при его преосуществлении в Плоть Христову, как престолы Иерусалимского Анастасиса (рис. 11,*IV,V*); но они имеют все характеристики более ранних престолов предназначенных для проливания по их поверхности вина, при преосуществленнии жидкости в Кровь Спасителя, как подобные функции имел камень-престол со следом стопы, приписываемой Иоанну Предтече (рис. 11,*III*), в пещерном храме возле Иерусалима.

Как алтарь, предназначенный для «пролива жидкости» сформирован престол в крипте Богородицы, высеченной в останце, расположенном в пещерном храме Успения в Иерусалимской Гефсимании[39]. Все это свидетельствует о времени возведения таких («проливных») престолов в самый ранний период первохристианских времен II—III вв. н.э. Не исключена связь «проливных» желобов на камнях-престолах с елеосвящением, поскольку обряд миропомазания был непременным атрибутом крещения в Ранней Церкви[40].

Хотя наиболее ранняя керамика, обнаруженная на склонах под пещерным комплексом Чилтер-Коба осторожно датирована автором исследований V в.[41], на уплощенной вершине рядом возвышающегося отрога, расположена Сюйреньская крепость, начальное время существования которой определяется позднеантичным (позднеримским) временем III—IV вв.[42]

В связи с вероятной хронологией устройства престолов Чилтер-Кобы до 325—337 гг., небезынтересным является то обстоятельство, что весь III в. на юге Северного Причерноморья проходит под эгидой гото-римских войн, а **христианское вероучение**, в качестве массового явления, как показывает анализ «Церковных историй» Созомена и Филосторгия, — **пришло в Крым вместе с пленниками из Каппадокии[43]**. Тем более что оба крупных готских похода на Каппадокию 264 г. и 275 г. были предприняты готами с

---

[39] *Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н.* Палеоэтнографические данные о формировании традиции… Ил. 7—9.

[40] *Мещерская Е.Н.* Апокрифические деяния апостолов. Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М.: «Присцельс», 1997. С. 158, 170, 237, 244, 259—260, 334—335, 345, 359, прим. 52.

[41] *Даниленко В.Н.* Монастырь Чильтер-Коба: архитектурный аспект… С. 102—103, 349—367.

[42] *Веймарн Е.В., Репников Н.И.* Сюйренское укрепление. С. 115—124.

[43] *Василевский В.Г.* Хождение Апостола Андрея // Тр. В.Г. Василевского, СПб.: изд. Имп. Акад. наук, 1909. Т. II. Вып. 1. С. 276, сл..

берегов Меотиды, то есть через Боспор[44], а епископ Боспора Кадм вместе с епископом Херсонеса Филиппом уже присутствовал на Первом Вселенском соборе 325 г. (на Втором, 381 г., — епископ Еферий[45]). Там же был и владыка (митрополит) Готии Феофил Боспоританский. Судя по титулатуре («Боспоританский»), он являлся владыкой Крымской Готии, по названию Боспора Киммерийского, поскольку Боспор Фракийский («Малая Готия») был заселен готами не ранее 346 г. (по поздним сведениям Кирилла Иерусалимского), а скорее всего готы были приведены в Малую (Дунайскую) Готию только епископом Ульфилой после войн с язычниками в 372 г. (по сведениям более раннего автора — блж. Иеронима Стридонского).

Сам епископ Ульфила также происходил из «каппадокийского плена» 254 (264) г., поскольку дед и бабка (уже христиане) были приведены готами из Каппадокии в результате первого морского похода. А Ульфила являлся преемником Феофила Боспоританского. «Каппадокийский след» ощущается и в свете приведенных аналоги раннесредневековым пещерным храмам Таврики.

Амфорный материал V—VII вв. находимый под пещерами Чилтер-кобы на горном мысу Ай-Тодор не является наиболее ранними находками в этом пункте. При обследовании склонов под пещерным монастырем Чилтер-коба, кроме обломков познеантичной керамики (позднеримского времени?), были обнаружены три фрагмента черняховской керамики (один – чернолощеный) III—IV вв. и фрагмент вельбаркской (готской) керамики с характерными вертикальными расчесами-штрихами с лощением по расчесам III в.н.э.

Проникновение египетской идеологии и обрядности в христианство через посредство иудейской традиции, или непосредственно, получает в изложенной версии еще один дополнительный аргумент. Распространение престолов древнего типа (до 692 г.) в Восточной Европе вообще (Белогорье, Шатрише, Костомарово, Мал.Дивы – Подонье), и в славянской среде в частности (Китаево, Зверинец, Чернигов-над-Подолом — Поднепровье), с элементами, встречающимися исключительно в египетской коптской христианской культуре (Сатанов, Поднестровье), делают тему актуальной для изучения процесса христианизации славянского мира.

---

[44] *Щукин М.Б.* Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. СПб.: Изд. Филологического факультета СПбГУ, 2005. С. 134—151; *Юрочкин В.Ю.* Боспор и православное начало у готов // Боспорский феномен: Греческая культура на переферии Античного мира. Материалы Международной научной конференции. Декабрь 1999. СПб., 1999. 326—332.

[45] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. № 63. М.—Л., 1959. С. 28.

Ю.Ю. Шевченко

Первый пещерный христианский храм Восточной Европы эпохи первых готских походов III в. н.э. (по материалам пещерного монастыря Чилтер-коба в Крыму)

В Ай-Тодорском подземном храме пещерного монастыря Чилтер-Коба в Крыму расположен престол древнего типа (до 692 г.), примыкающий к внутренней стене апсиды, который состоит из проточных систем: чашеобразного углубления и проливного желоба. Возле расположенного рядом с пещерном комплексом Чилтер-Кобы священного источника Хор-Хор, обнаружен камень с близкой проточной системой углублений, связанных проливными желобами, как видно, также являвшийся выносным престолом. В этих престолах отсутствует сквозное отверстие в мензе (в плите-поверхности престола), как в трех древнейших ранневизантийских престолах Иерусалима: подземном храме Рождества Богородицы, и в приделах Темница Христова и Голгофа храма Гроба Господня, согласно Церковному Преданию, поставленных августой Еленой (326—332 гг.). Престолы Чилтер-Кобы имеют более близкую аналогию в памятниках III—IV вв., как подземный храм Saba Cave близ Иерусалима, где углубления — в виде стопы, приписываемой Иоанну Предтече, и ромбовидного крестчатого в плане углубления-чаши, также соединены проливным желобом, образуя проточную систему. Таковая была предназначена в древнейшем последовании литургии, для проливания вина по престольной поверхности в процессе преосуществления жидкости в Кровь Христа. Поскольку начало лежащей на соседнем отроге Сюйреньской крепости относится к III—IV вв., а христианство появляется на берегах Тавриды вместе с пленными из Каппадокии, в процессе готских войн (походов через Боспор 264 и 275 гг.), можно отнести становление литургических устройств пещерного комплекса Чилтер-Коба именно к этому времени.

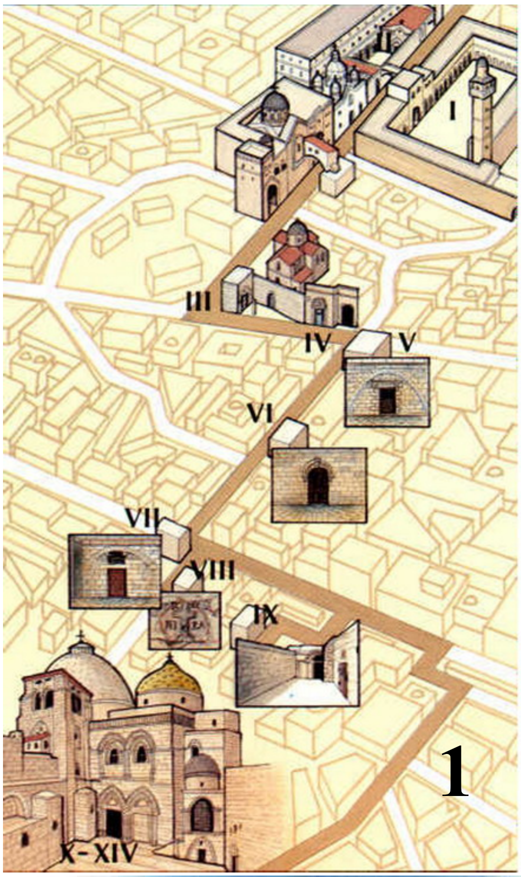
Ключевые слова: Литургическое устройство; система стоков для проливания вина по поверхности престола при его преосуществлении в Кровь Христову; примыкающий к апсиде престол древнего типа; Чилтер-Коба; Таврида.

Yu.Yu. Shevchenko

First cave Christian temple of Eastern Europe of the first gothic campaigns eras of the III century AD. (on materials of the cave monastery Chilter-koba in the Crimea)

In the I-Todor underground temple cave monastery Chilter-Koba in the Crimea is the throne of the ancient type (up to 692) adjacent to the inner wall of the apse, which consists of a flow-through systems: the cup-shaped cavities and pouring chute. Near the cave is located near the complex Chilter-Koba the sacred source of Khor Khor, discovered a stone with a similar system running grooves connected by heavy grooves, as is evident, as is a remote throne. In these thrones is not a hole in the Menza (in the plate surface of the throne), as in the three oldest thrones early Byzantine Jerusalem: Church of the Nativity of the Virgin underground, and in the aisles and the Prison of Christ Calvary Church of the Holy Sepulchre, according to Church tradition set by Helen Augusta (326—332 years.). Thrones Chilter-Koba have a close analogy in the monuments of III—IV centuries. As an underground temple Saba Cave near Jerusalem, where the depth — in the form of the foot, attributed to John the Baptist, and the diamond-shaped cross-shaped in terms of deepening-cup, and pouring spout connected to form flow-through system. This was the intended successor to the ancient liturgy, for spilling wine on the feast of the surface during preosuschestvleniya fluid in the blood of Christ. Since the beginning of lying on a nearby spur Syuyrenskoy castle belongs to the III—IV centuries., And Christianity appears on the shores of Tauris, along with prisoners from Cappadocia, in the Gothic Wars (hiking through the Bosporus and 275 and 264 years.), Include the formation of liturgical devices cave complex Chilter-Koba was at this time.

Keywords: Liturgical device, the system drains to spill wine on the surface of the throne with his preosuschestvlenii in the Blood of Christ, adjacent to the apse of the throne of the ancient type; Chilter-Koba, Tauris.

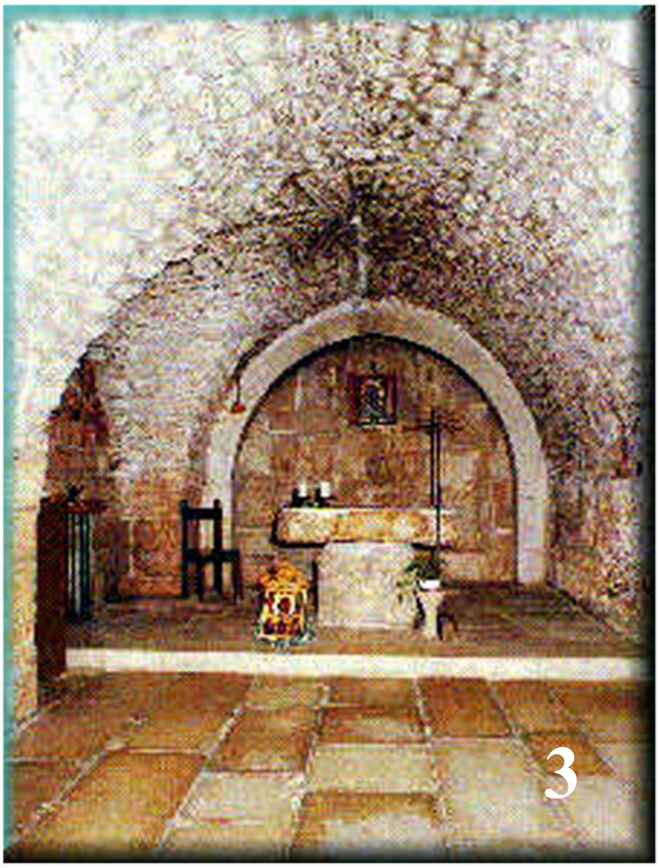

Рис. 1. ***1.*** Схема «Крестного пути» (Via Dolorosa) Христа на Голгофу в Иерусалиме и позиция пещерного храма на «станции № 6» («Остановка у дома Вероники»); ***2.*** Алтарь пещерного храма в Иерусалиме (Палестина) «станции № 6» («Дом Вероники») по Via Dolorosa. ***3.*** *1.* Алтарь древнейшей византийской крипты в подземной церкви Рождества Богородицы в доме праведных Иоакима и Анны в начале улицы Виа Долороса у Львиных ворот Иерусалима (Палестина). Икона, поставленная на мензу (поверхность) престола, частично перекрывает сквозное отверстие в поверхности престольной плиты. *2.* Ниша-аркасолий в правой («южной») стене пещерного храма Рождества Богородицы, где по Преданию стояли ясли младенца Марии.

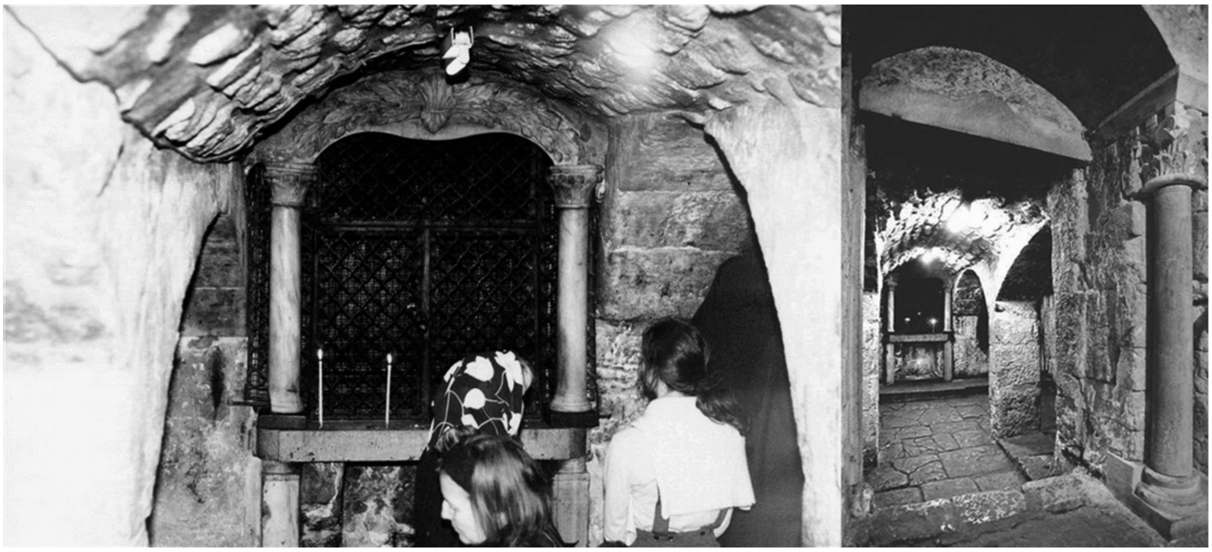

Рис. 2. Придел «Темница Христова» в Воскресенском храме Гроба Господня (справа). Древний ранневизантийский престол придела «Темница Христова» (слева). Иерусалим, Палестина

Рис. 3. Вид на алтарь с примыкающим к внутренней стене престолом (1), и вынесенную в наос — за пределы ограниченного космитом (предалтарной преградой) алтарного пространства — нишу жертвенника (2). Пещерная церковь № 9 в Гёреми, Каппадокия, Малая Азия (Турция).

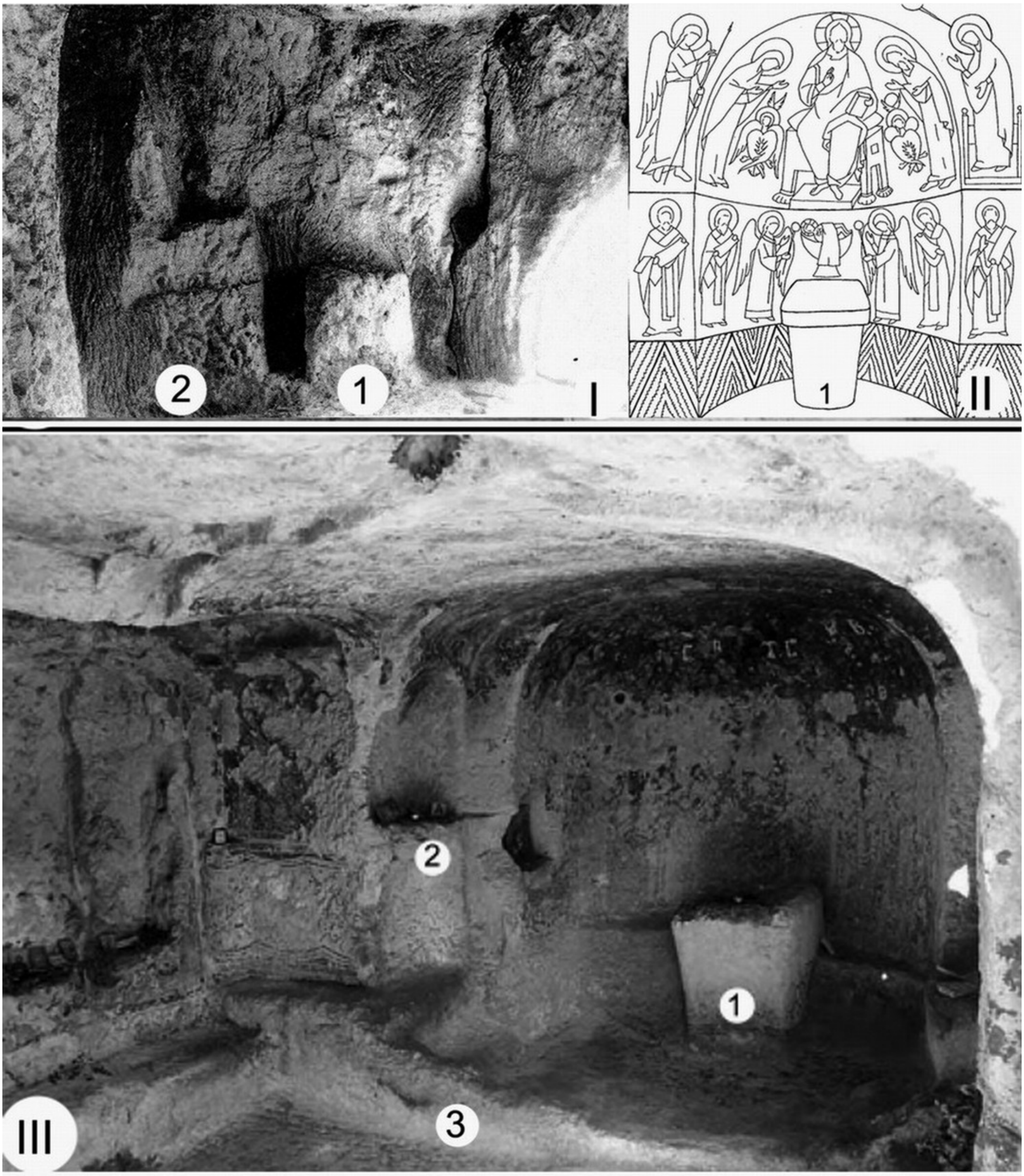

Рис. 4. ***I.*** Престол (1) и ниша жертвенника (2) в пещерном «храме № 4» скального монастыря Чилтер-Мармора. Крым. ***II.*** Реконструкция И.Г. Волконской алтарной части с престолом (1) пещерного храма «Успения» в Эски-Кермене, Крым. ***III.*** Вид на литургическое устройство престола (1) и жертвенника (2) у космита – предалтарной преграды (3) в храме «Донаторов» в Эски-Кермене, Крым.

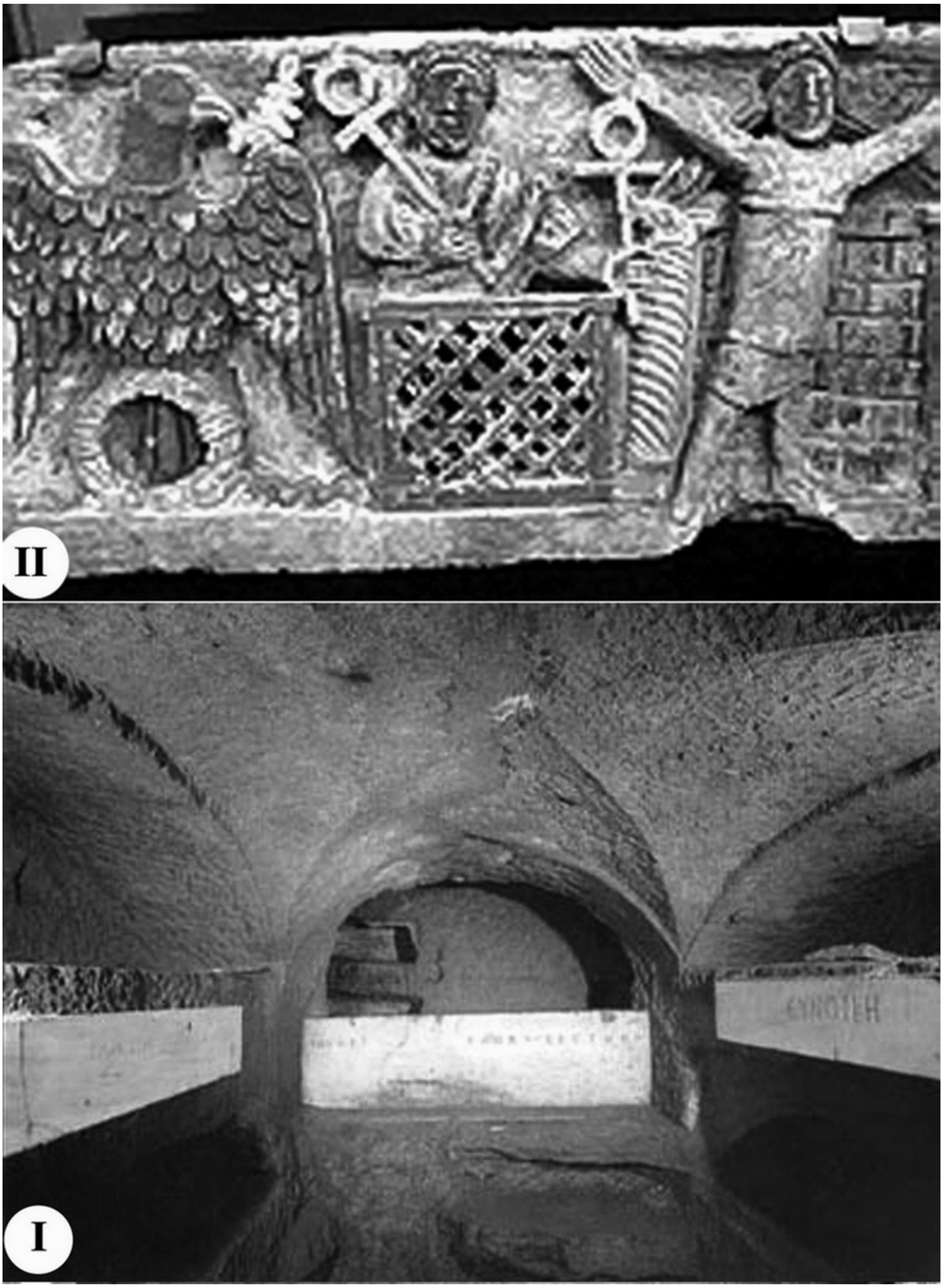

Рис. 5. ***I.*** Рельеф с изображением священника за престолом (престол отделен от стены апсиды, в соответствии с правилами литургии по чину Василия Великого: служба «вокруг престола»), и диакона в позе молитвы («оранта») с воздетыми руками. V в. Музей коптского искусства. Каир, Египет. ***II.*** Погребальная кубикула а катакомбах св. Агнессы. Рим, Италия. Верхний, наиболее древний ярус христианских погребений. Существовал до углубления пола, с целью создания дополнительных погребальных локул — несколькими уровнями ниже – друг над другом. Наиболее древние погребения с мощами, служившие престолами, оказывались ближе всего к своду.

Рис. 6. *I.* Вид (2005 г.) на пещерный монастырь во имя св. вмч. Феодора Стратилата (Чилтер-Коба) в склонах отрога Внутренней гряды Крымских гор — Ай-Тодора.

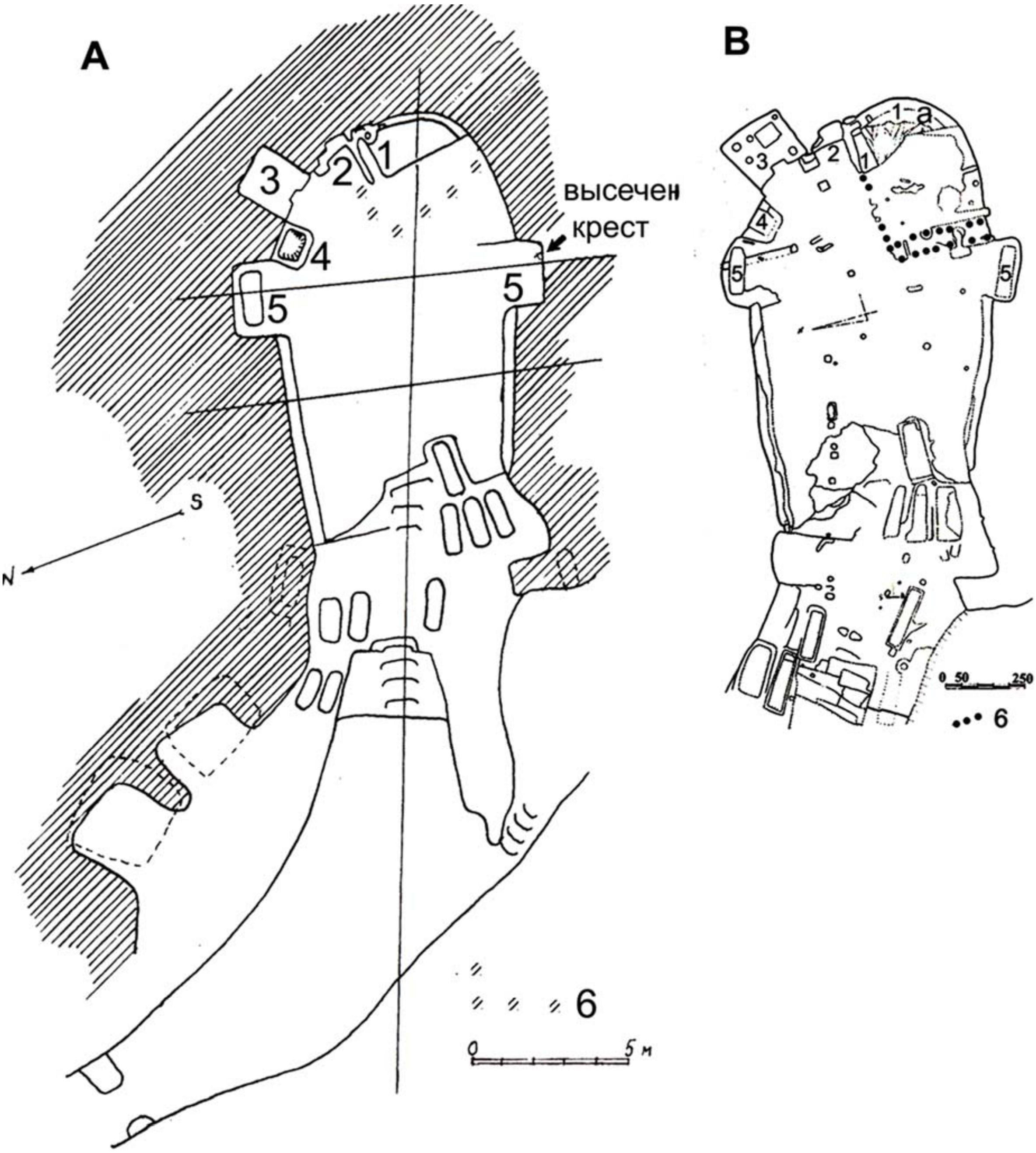

Рис. 6. ***II.*** План храмовой пещеры на Ай-Тодоре (Чилтер-Коба): **А** — по Н.И. Репникову и Е.В. Веймарну (1935); **В** — по В.Н. Даниленко (1993). 1: Престол. 2: Полка жертвенника. 3: Крипта. 4: Купель баптистерия. 5: Погребальные ниши-стасидии. 6 (условное обозначение): Неровности пола, свидетельствующие о выделении «около престольного» пространства (типа кивория, моделировавшего первоначальный Кувуклий в храме Гроба Господня в Иерусалиме).

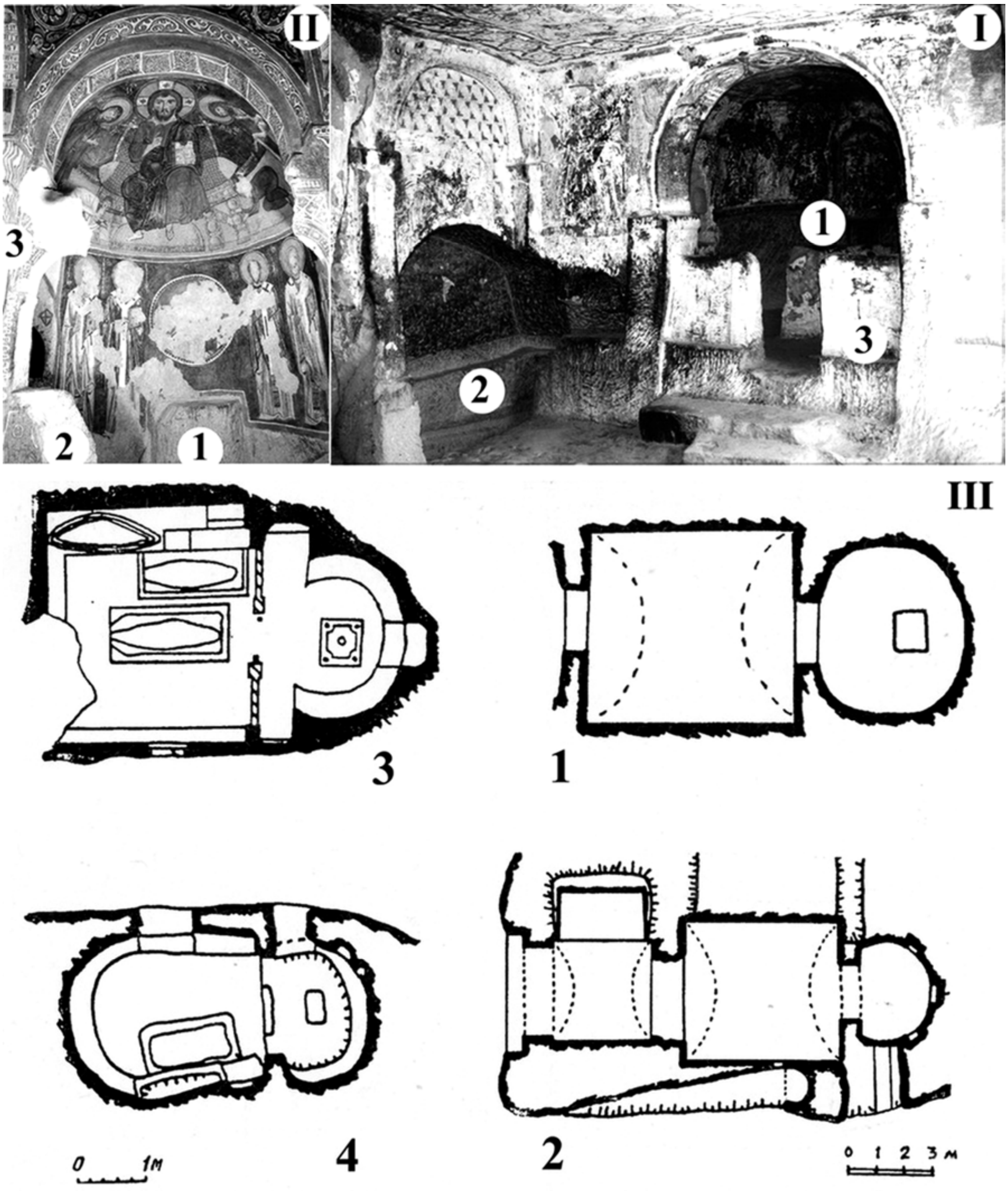

Рис. 7. ***I.*** Вид на алтарь с престолом (1), отделенный от наоса космитом — предалтарной преградой (3) и жертвенником, вынесенным в наос (2) в пещерном храме (№ 1) в Кеслик Келези. Каппадокия, Турция. ***II.*** Вид на алтарь с престолом (1), отделенный от наоса *космитом* – предалтарной преградой (3) и жертвенником, размещенным прямо на алтарной преграде, на границе алтаря и наоса (2) в пещерном храме (№ 5) в Гёреми. Каппадокия, Турция. ***III.*** Планы пещерных храмов «каппадокийской традиции», по Георги Атанасову[46]: 1: План пещерной церкви В-3 в Мурфатларе; 2: План скальной церкви в Гюз-Дере, Каппадокия; 3: Пещерная церковь в Мангупе, Южный монастырь, Крым; 4: План пещерного храма в Шулдане, Крым (у Г.Атанасова здесь ошибка: это храм св.Софии в Качи-Кальене[47]).

[46] *Атанасов, Георги.* Кримски реалии на единоколрабните църкви... С. 69, табл. V.

[47] Ср.: *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. С. 342, рис. 302.

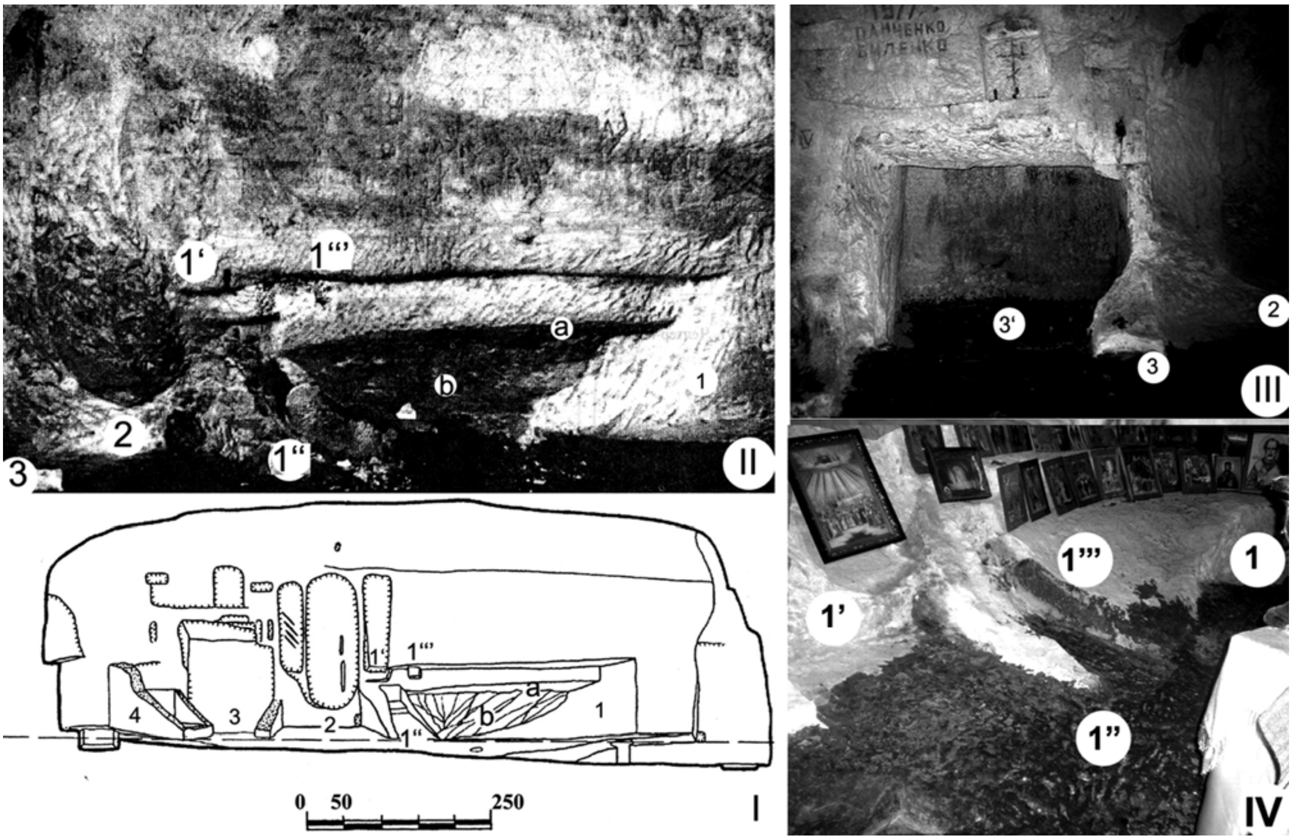

Рис. 8. ***I.*** Алтарное пространство пещерного храма на горном мысу Ай-Тодор по В.Н. Даниленко (1993). ***II.*** Околопрестольное пространство в алтаре пещерного храма Ай-Тодор (фотография В.Н. Даниленко, 1993). ***III.*** Ниша-крипта (кимитирий в апсиде (алтаре) Ай-Тодорского (Свято-Феодоровского) храма. ***IV.*** Современный вид (07.07.2009) древнего престола в пространстве апсиды (алтаря) в Ай-Тодорском храме (Чилтер-Коба). Крым. Экспликация. 1: Возвышение престола, примыкающего к внутренней стене апсиды. 1’: Полка престола с углубленным чашеобразным дном (аналог стационарной напрестольной чаши — потира). 1’’: Сток от «престольной чаши» в резервуар у подножия алтаря. 1’’’: Углубление для ковчежца с закладными мощами. 2: «Чашеобразная» ниша жертвенника. 3: Устье крипты-кимитирия, примыкающей к нише жертвенника. 3’: Углубленный уровень пола (по отношению к уровню пола алтарного пространства) крипты-кимитирия. 4: Купель баптистерия в апсиде (алтаре). 5: Погребальные ниши-аркасолии (стасидии), окаймляющие пространство апсиды (алтаря) Ай-Тодорского (Свято-Феодоровского) храма Чилтер-Коба. 6 (условное обозначение): Место вокруг престола, где неровности пола и отверстия, заставляют предполагать здесь наличие некого обособленного околопрестольного пространства, сформированного в виде кивория.

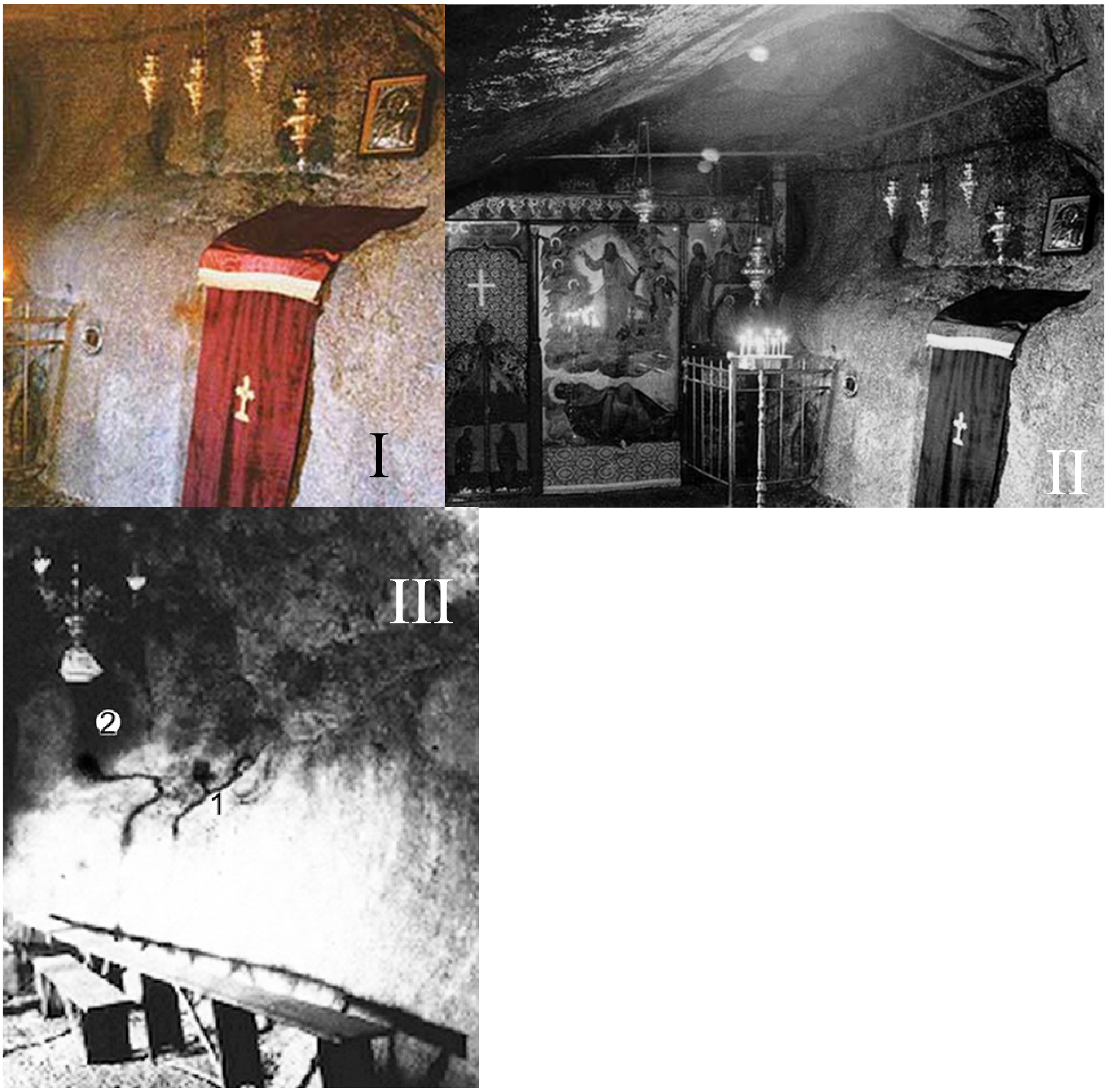

Рис. 9. ***I.*** Пещера-храм апостола Иоанна Богослова на о. Патмос (Греция). Деталь: Престол под антиминсом в храмовой пещере о. Патмос. Современный вид. Фотография М.В. Соболевой, 2005 г. ***II.*** Храм-пещера на о. Патмос. Вид на древний престол (1) и жертвенник (2) храма. ***III.*** Вид престола (1), предназначенного для пролива жидкости и жертвенника с чашеобразным углублением и желобом слива, в пещере Иоанна Богослова на о.Патмос. Фотография полученная при паломничестве в Святую землю 1992 г. о. Димитрием Попружным, (подарок протоиерея Димитрия Яковлевича Попружного 2007 г.). Снимок (**II, III**) сделан фотографом Г.Р. Свэйном (G.R. Swain) в составе экспедиции Мичиганского университета под руководством Фрэнсиса В. Келси (1919—1920). Негатив храниться в Келсианском Археологическом музее при Мичиганском университете в Энн Арборе (штат Мичиган, США)[48].

[48] *Thelma K.Th.* Dangerous Archaeology: Francis Willey Kelsey and Armenia (1919—1920) / Francis Kelsey's Expedition and Armenia (1919—1920): an exhibition presented at the Kelsey Museum of Ancient and Mediaeval

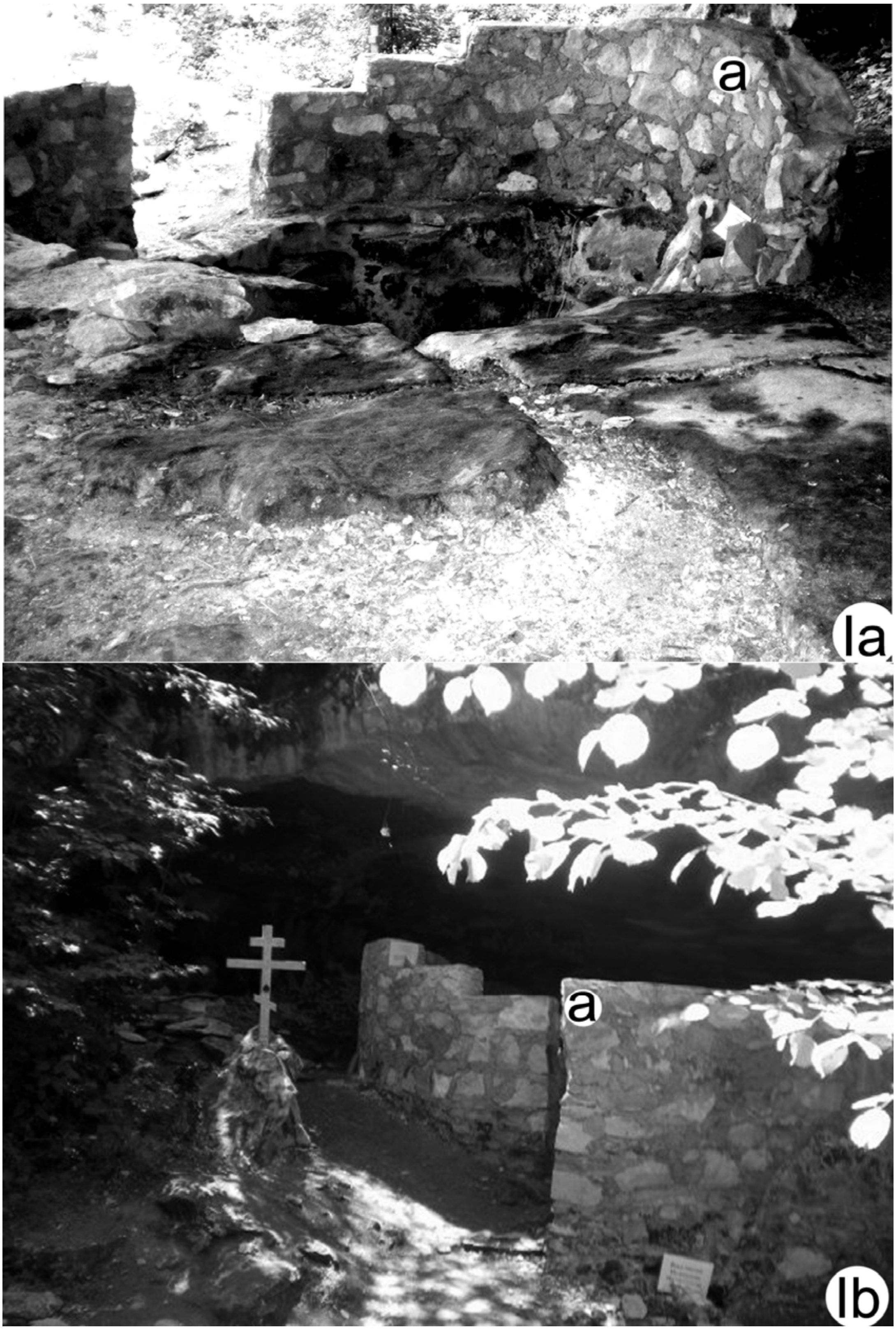

Рис. 10. ***I.*** Купель у родника Хор-Хор возле пещерного комплекса Чилтер-Коба, с горизонтальной вымосткой из крупных каменных глыб и достроенной современной стеной (а).

Archaeology. September 1990-February 1991. Kelsey Museum of Archaeology, University of Michigan, 1990. Neg. 7.389.

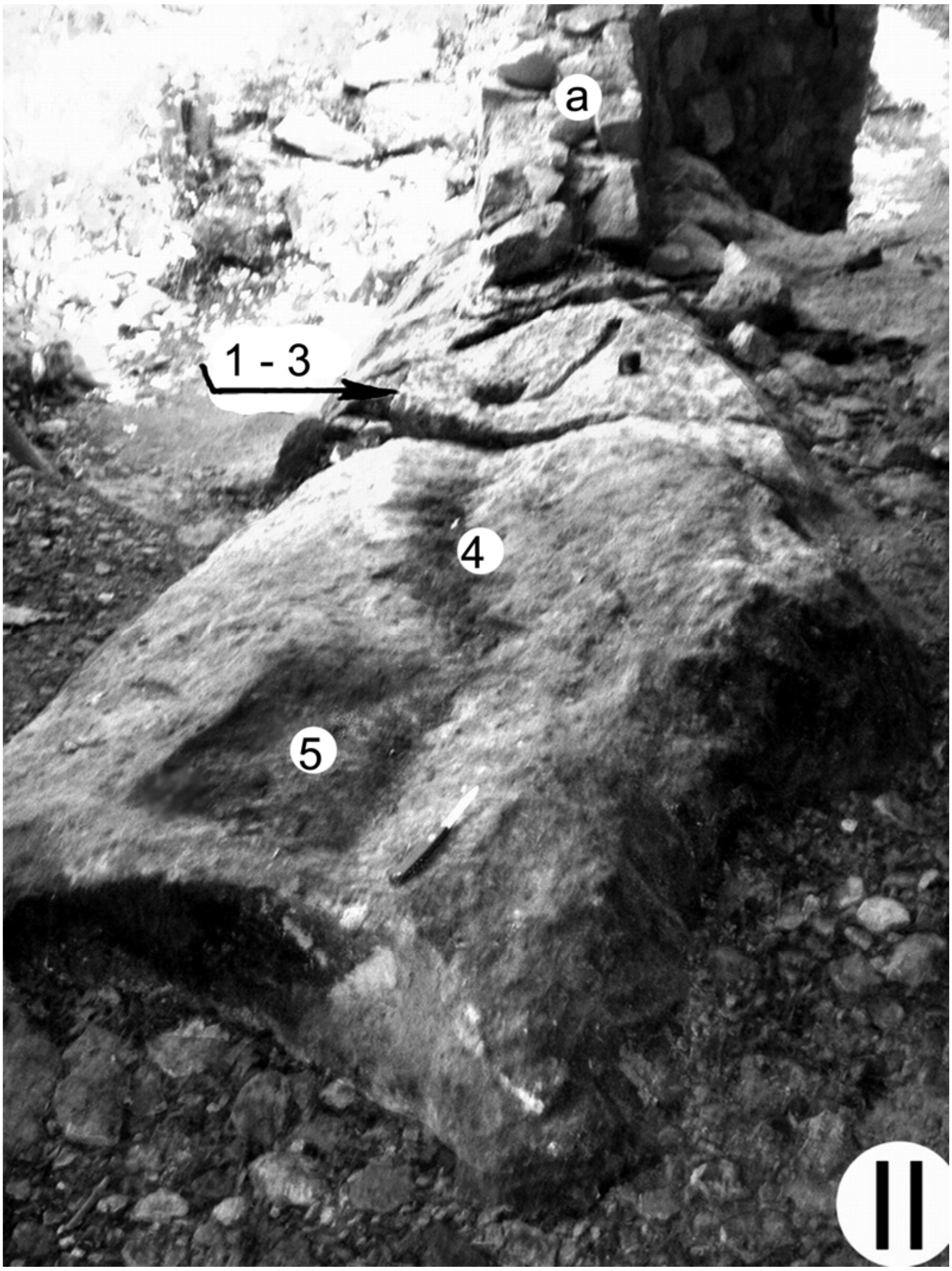

Рис. 10. ***II.*** Два камня с литургическими устройствами у края вымостки — террасы возле купели у источника Хор-Хор. а: Новопостроенная стена на горизонтальной вымостке из крупных каменных глыб. 1: Цилиндрическое углубление в коническом возвышении поверхности первого камня, соединенное горизонтальным отверстием со сточной желобком-канавкой (2). 2: Сточный желебок (2': Желобок стока к ложбине стока на втором камне). 3: Квадратное (ромбическое) углубление-резервуар, со сточным каналом (2') к краю камня. 4: Сток на поверхности второго камня, направляющий стекающую жидкость к неглубокому квадратному в плане резервуару-чаше (5). 5: Резервуар-чаша для собирания стекающей жидкости на втором камне.

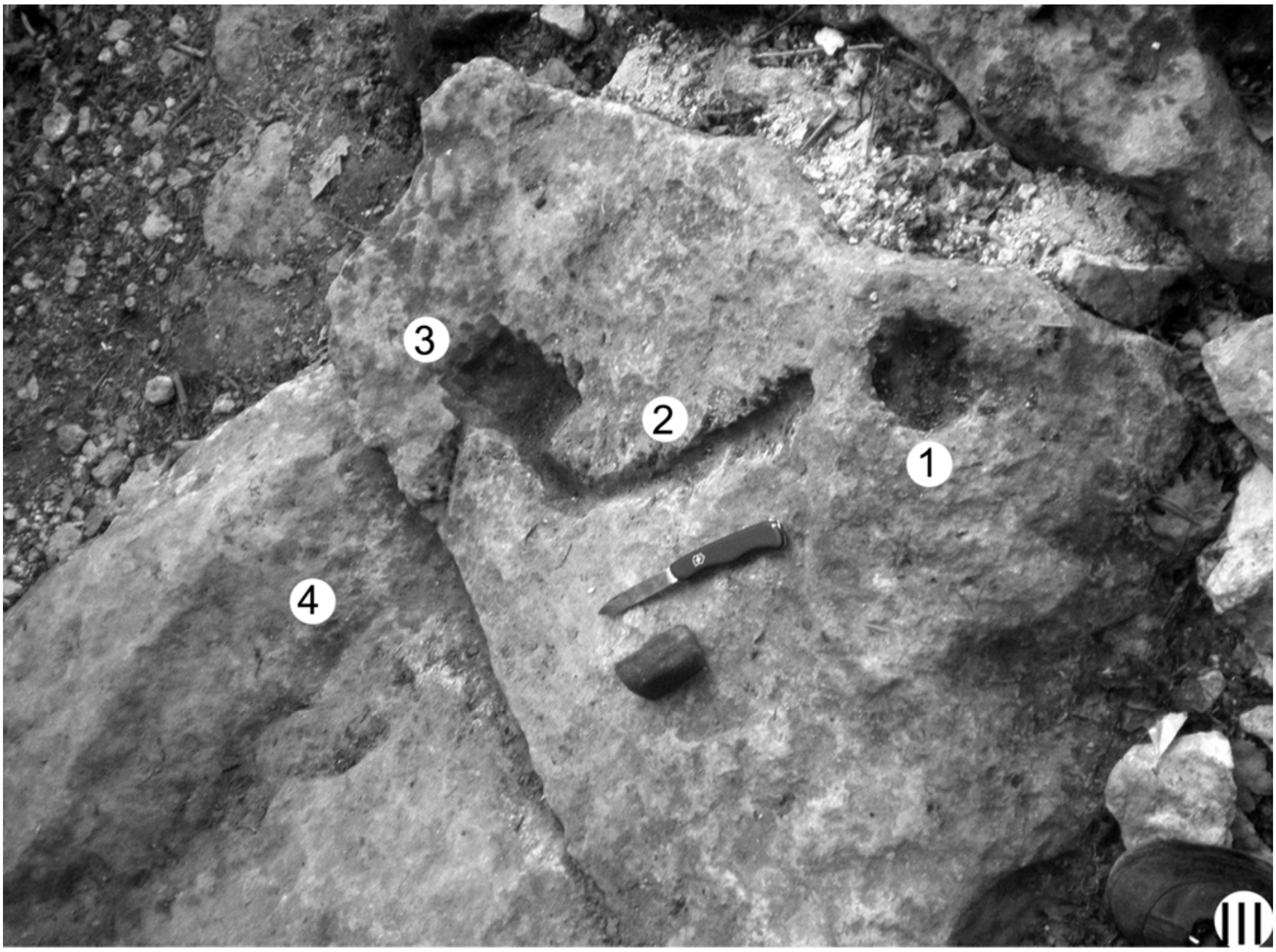

Рис. 10. ***III.*** Состыковка двух камней с литургическими устройствами на краю вымостки – террасы у источника Хор-Хор в Чилтер-Кобе под скалой «Серый Лоб» у склонов горного мыса Ай-Тодор. 1: Цилиндрическое углубление в коническом возвышении поверхности первого камня, соединенное горизонтальным отверстием со сточной желобком-канавкой (2). 2: Сточный желебок (2’): Желобок стока к ложбине стока на втором камне). 3: Квадратное (ромбическое) углубление-резервуар, со сточным каналом (2’) к краю камня. 4: Сток на поверхности второго камня, направляющий стекающую жидкость к неглубокому квадратному в плане резервуару-чаше (5). 5: Резервуар-чаша для собирания стекающей жидкости на втором камне.

Рис. 11. ***I.*** Выносной каменный престол с высеченной «водосвятной» чашей в форме креста, расположенный перед входом в перед пещерную «божницу». Село Монастырек (Межигорье) над Серетом. Тернопольская область, Западная Украина. Фото И.С. Винокура, 1974 г.

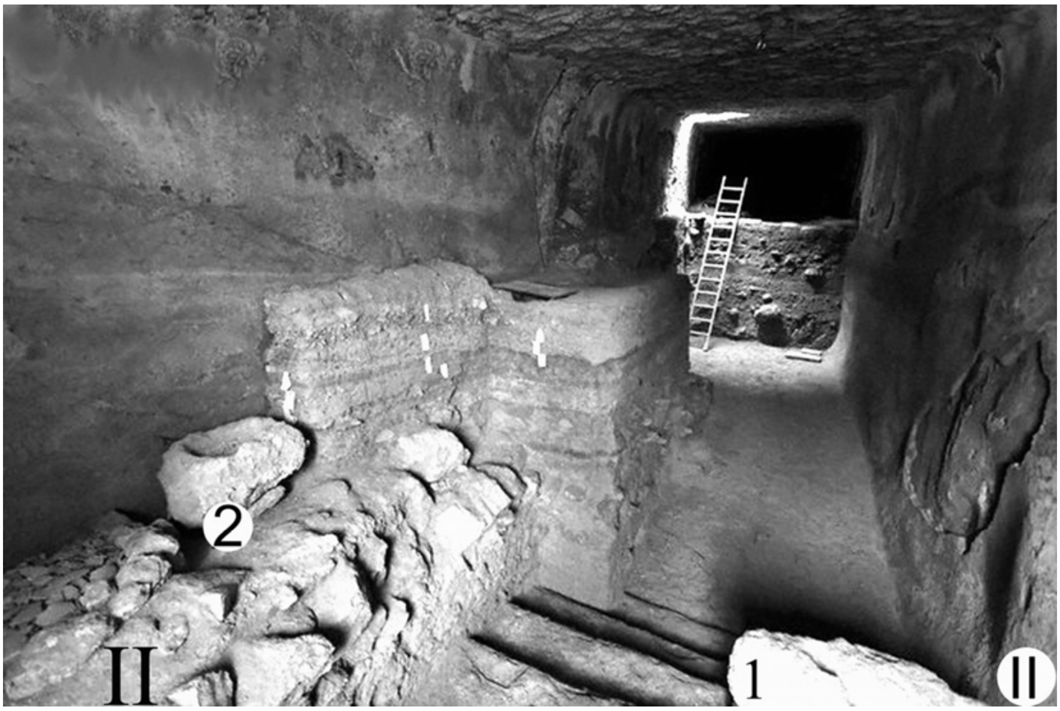

Рис. 11. ***II.*** Объем водосборной цистерны раннежелезного века у Иерусалима (Saba cave), в которой в первохристианские времена был устроен храм-баптистерий (по представлениям исследователя — проф.Саймона Гибсона). Вид от каменной лестницы, ведущей в христианский храм ранневизантийского времени с поверхности. *1:* Камень-престол с углублениями «литургических устройств», являющийся частью кладки каменной лестницы.
2: Камень с высеченной в нем купелью (баптистерий), вложенный в кладку уступа у стены подземного храма.

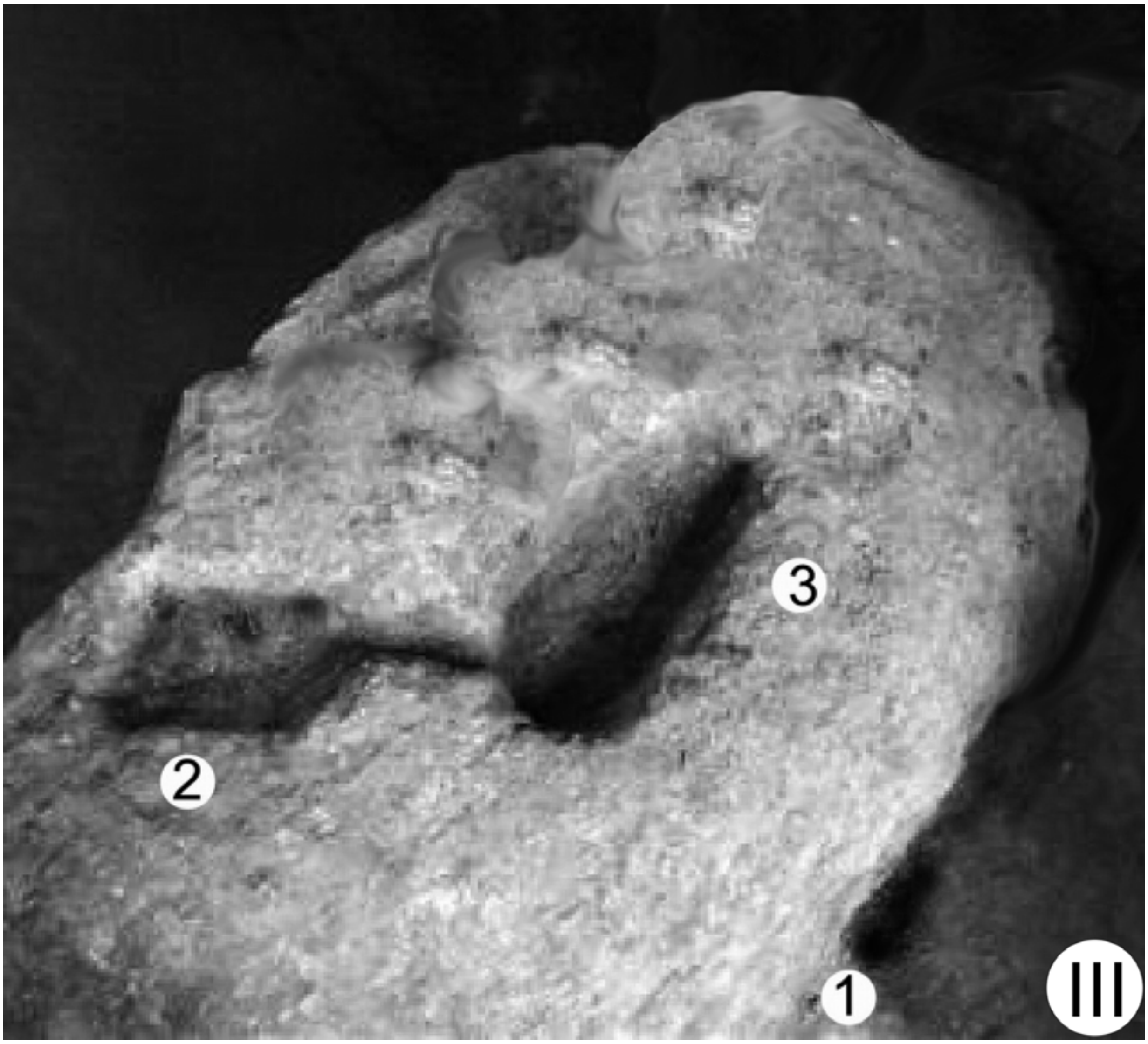

Рис. 11. ***III.*** «Камень-"следовик"» (1) — престол подземного храма, устроенного в водосборной цистерне раннежелезного века возле Иерусалима (Палестина). Квадратное — ромбовидное (2) углубление на камне соединено ложбинкой водотока с углублением в виде следа человеческой стопы (3) — «следа Иоанна Крестителя», которому посвящен ранневизантийский храм. Рядом с углублением «следа Иоанна Крестителя», для масштаба – стопа проф. С.Гибсона.

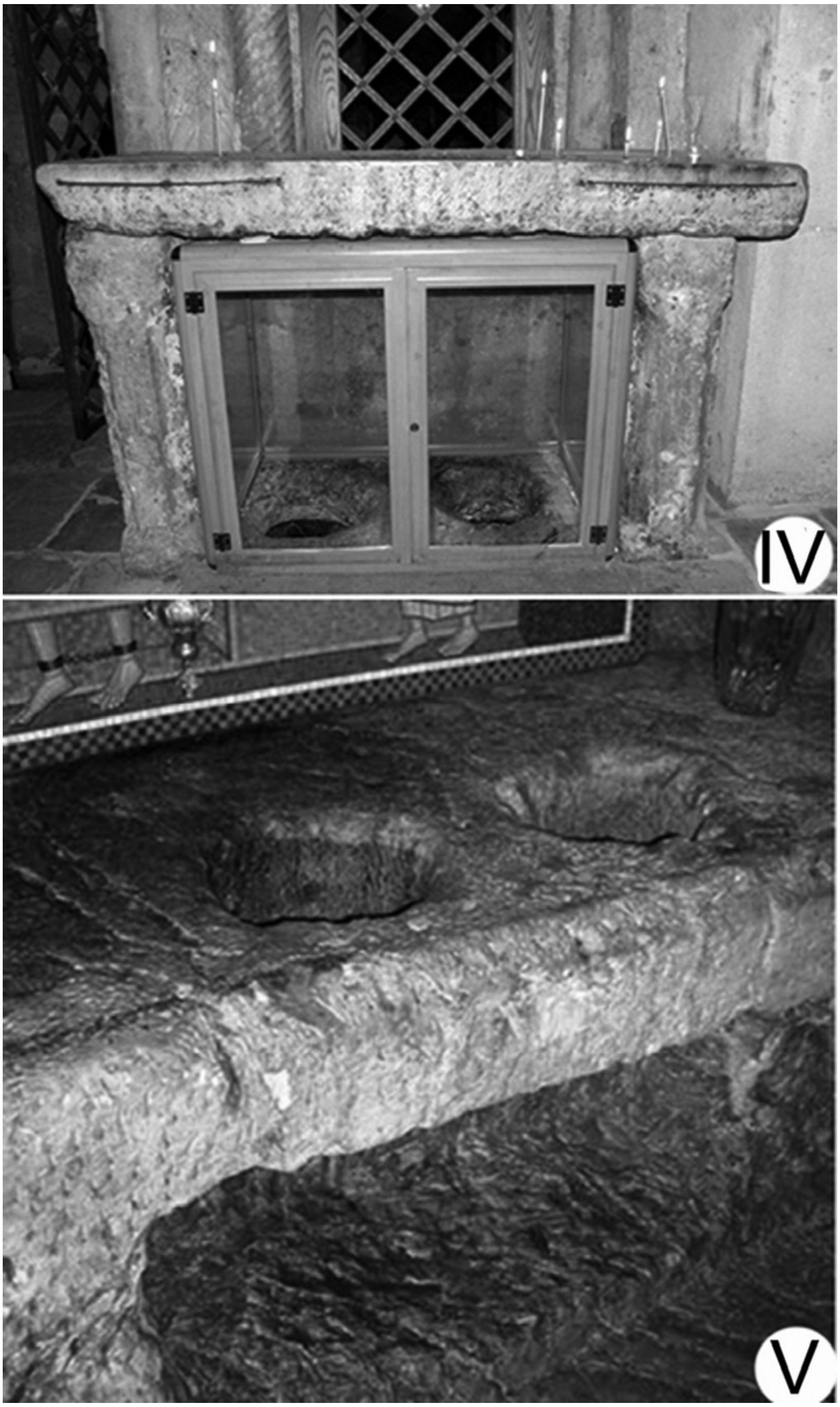

Рис. 11. ***IV.*** Поверхность (менза) престола с чашеобразным углублением (справа) и сквозным, «пронимальным» отверстием (слева) в приделе Голгофа (пещера Адама) в Воскресенском храме (Анастасисе) Гроба Господня в Иерусалиме. Палестина. ***V.*** Поверхность (менза) престола с чашеобразным углублением (справа) и сквозным, «пронимальным» отверстием (слева) в приделе «Темница Христова» в Воскресенском храме (Анастасисе) Гроба Господня в Иерусалиме. Палестина.

УДК 904:726.54(477.7)

Н.В. Днепровский

ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Е.В. ВЕЙМАРНА: «РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС» НА ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ ЭСКИ-КЕРМЕНА[1]

Данная работа посвящена небольшому и, на первый взгляд, второстепенному культовому комплексу, расположенному почти на середине западного участка Эски-Керменского плато (рис. 1), раскопки которого и составление полевой документации производились Е.В. Веймарном в 1933 г. и 1936 г. в рамках общего плана работ Эски-Керменской Экспедиции (далее — ЭКЭ). До недавнего времени он упоминался одним абзацем (да и то в примечании) в единственной целиком посвященной Эски-Кермену монографии С.В. Харитонова[2]. А.А. Гуськов в своем «Атласе пещерных городов Крыма» помещает две фотографии, относящиеся к этому комплексу, с небольшим (в два абзаца) комментарием[3]. Между тем, памятник заслуживает гораздо большего внимания, поскольку занимает в истории исследования городища совершенно особое место. Постараемся обосновать это утверждение.

Казалось бы, Эски-Кермен никогда не был обойден вниманием ученых и путешественников. «Наиболее изученный из крымских «пещерных городов» Эски-Кермен», — утверждают Е.В. Веймарн и М.Я. Чореф[4]. Именно с Эски-Керменского городища начинают они рассмотрение пещерных городов в своей незавершенной монографии[5]. «Наиболее полно изученным и интересным» называет Эски-Керменское городище Е.В. Веймарн и в другой своей работе[6]. Эски-Кермен же является, по мнению одного из его первых исследователей, Н.Л. Эрнста, наиболее подходящим из всех пещерных городов

[1] Материал статьи представляет собой развёрнутый текст доклада, сделанного автором на I Бахчисарайских научных чтениях памяти Е.В. Веймарна 6 сентября 2012 г. (*Днепровский Н.В.* Из археологического наследия Е.В. Веймарна: «ритуальный комплекс» на западной окраине Эски-Кермена // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012. С. 27—28). К сожалению, по независящим от организаторов конференции причинам сборник материалов конференции в свет так и не вышел. В сокращённом виде материал опубликован: (*Днепровский Н.В.* Культовый комплекс на западной окраине Эски-Кермена // Матеріали Дванадцятої Міжнародної наукової конференції «Церква — наука — суспільство: питання взаємодії». Київ, 2014. С. 48—58).

[2] *Харитонов С.В.* Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. СПб, 2004. С. 57, прим. 1.

[3] *Гуськов А.А.* Атлас пещерных городов Крыма. Путешествие к строителям и обитателям пещер. Харьков, 2007. С. 129, рис. 284—285

[4] *Веймарн Е.В., Чореф М.Я.* Ансамбли искусственных пещер Юго-Западного Крыма и их грузинские аналогии (тезисы статьи) // Архив Т.М. Фадеевой. Л. 7.

[5] *Веймарн Е.В., Чореф М.Я.* «Пещерные города» Крыма // Архив КРУ БИКЗ. Ф. 22. Д. 80/4. Л. 39.

[6] *Веймарн Е.В.* «Пещерные города Крыма» // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 165.

Крыма для решения проблемы генезиса пещерных городов[7], а Ю.М. Могаричев указывает на то, что он «обычно рассматривается как эталон раннесредневековой фортификации»[8].

Полный историографический обзор исследований на городище выходит за рамки настоящей работы. Желающие могут получить представления об их основных этапах по обзорам, содержащимся в работах Н.Л. Эрнста[9], Ю.М. Могаричева[10], А.И. Айбабина[11], С.В. Харитонова[12]. Для нас в историографии городища важно то, что его комплексное и подлинно научное изучение впервые было осуществлено именно силами ЭКЭ (во взаимодействии с рядом других организаций). В частности, были расчищены и исследованы остатки городских стен, подъездная дорога, осадный колодец, базилика, несколько пещерных и наземных церквей и ряд других объектов. Основные результаты исследований на городище были отражены в обобщающих статьях Н.И. Репникова — руководителя ЭКЭ[13]. Еще большее количество полученных при раскопках материалов осталось в архиве ИИМК. Только в описи материалов, хранящихся в архиве ИИМК, учтено не менее трех десятков архивных документов, многие из которых насчитывают десятки и сотни страниц.

Но, к сожалению, эта оптимистическая картина омрачается одним существенным обстоятельством. Пик исследований Эски-Кермена (1928—1937 гг.) приходится не только на период политических репрессий в СССР, но и на период становления и расцвета новой парадигмы в советской археологии — парадигмы «истории материальной культуры»[14]. Утверждалось, что ее предметом «необходимо будет признать область истории материального производства, как и условия развития последнего»[15]. В этой парадигме для церковной археологии, которая занималась не «историей материального производства», а историей христианской обрядности и через это, фактически, исторической реконструкцией «классово враждебного» советскому строю христианского миросозерцания, просто не оставалось места[16]. Новые веяния вплотную коснулись и судьбы исследований на Эски-Кермене. Мы уже приводили телеграмму Н.Я. Марра Ф.И. Шмидту, в которой он писал о

[7] *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. Т. III (60). Симферополь, 1929. С. 15.

[8] *Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 57.

[9] *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма. С. 15—22.

[10] *Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма… С. 11—32, 57—58, 95-96; *он же.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. С. 3—4, 39—40.

[11] *Айбабин А.И.* Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. Вып. XVI. С. 214—215; *он же.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Вып. II. С. 43—54.

[12] *Харитонов С.В.* Древний город Эски-Кермен... С. 12—17.

[13] *Репников Н.И.* Остатки укреплений Эски-Кермена: Готский сборник // ИГАИМК. Т. 12. Вып. 1-8. Л., 1938. С. 181—212; *он же.* Подъемная дорога Эски-Кермена (Извлечения из дневника зачисток 1928, 1929, 1931 и 1933 гг.) // Материалы ЭКЭ. ИГАИМК. Вып. 117. М.—Л., 1935. С. 18—42; *он же.* Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг.: Готский сборник // ИГАИМК. Т. 12. Вып. 1-8. Л., 1938. С. 153—180; *он же.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг.: Готский сборник // ИГАИМК. Т. 12. Вып. 1-8. Л., 1938. С. 107—152.

[14] *Петров Н.И.* Археология. Учебное пособие. СПб, 2008. С. 9.

[15] Там же. С. 10.

[16] Даже в 60-е гг. такое место если и находилось, то лишь в целях «разоблачения прислужнической политической роли церкви», «реакционного служения церкви феодальному строю, прямого предательства «пасомого» ею народа, использования искусства для глубокого нравственного порабощения невежественных и суеверных… народных масс» (*Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966. С. 6), что никак не способствовало объективности исследований.

«чистках» в ГАИМК, «одобрении общественных выступлений докладами» и требовал сосредоточиться на том, что существенно для «нерва материальной обстановки города» — осадном колодце[17]. Однако этим дело не ограничилось. Идеологом новой парадигмы был В.И. Равдоникас [18], и по его инициативе Н.Л. Эрнст был отстранен от работ на Эски-Кермене и заменен Н.И. Репниковым. Эти события детально описана в работе А.А. Непомнящего[19]. Естественно, что сам Н.И. Репников был вынужден играть уже по новым правилам. Не забудем, что до этого он был арестован (хоть и ненадолго) еще в марте 1931 г.[20] и хорошо знал, чем могут обернуться нарушения этих, установленных большевистским государством, «правил игры»[21]. И он их принял[22]. Так, пещерный монастырь «Ай-тодор-коба» («Пещера святого Феодора») с его подачи превращается в безликое «пещерное поселение» «Челтер-коба» («Пещера-решетка»)[23]. А свидетельством этого же подхода применительно к рассматриваемому нами памятнику является выполненная Е.В. Веймарном на листе чертежа надпись «раскоп близ «келейки»», исправленная рукой Н.И. Репникова на «раскоп западной городской стены» (рис. 2).

Для исследования культовых сооружений результаты такого подхода оказались поистине удручающими. «Этому времени свойственно подчеркнуто одностороннее понимание христианских древностей, восприятие лишь «внешних форм» церковного устройства, «выхолащивание» сути их православного понимания. Разрыв традиций, недопонимание многих сторон церковной жизни… прежде известных любому мало-мальски просвещенному человеку, вообще слабое представление о литургическом устройстве храма, делало «немыми» красноречивые свидетельства археологических источников», — пишет О.А. Грива[24]. На деле ситуация оказалась еще более драматической. Это связано с тем, что человек, как существо социальное, живет в мире смыслов и, в соответствии со своей социокультурной парадигмой, имеет свой набор смысловых предпочтений, т.е. отфильтровывает из всего смыслового многообразия *приемлемые* для себя смыслы. Поэтому некоторые идеи (в том числе и навязанные извне) в состоянии не только *исказить* картину мира в части интерпретации имеющихся фактов (о чем пишет О.А. Грива), но и сделать *вообще «невидимыми» сами эти факты*. Например, после депортации крымских греков «невидимым» (или, если угодно, «замаскированным») и потому нераспознанным до сего дня

---

[17] *Днепровский Н.В.* Культовый комплекс у южных ворот Эски-Кермена // МАИАСК. 2011. Вып. 3. С. 148.

[18] *Петров Н.И.* Археология... С. 9.

[19] *Непомнящий А.А.* Профессор Николай Эрнст. Страницы истории крымского краеведения. Київ, 2012. С. 227.

[20] Там же. С. 229.

[21] Трагические судьбы Н.Л. Эрнста (в том числе, между прочим, и его архива) и Ф.И. Шмидта говорят в этом отношении сами за себя. Достаточно сказать, что материалы Н.Л. Эрнста просто не были приняты к рассмотрению при подготовке сборника ГАИМК в 1935 г. (*Непомнящий А.А.* Профессор Николай Эрнст... С. 230).

[22] Другое дело, что и сам Н.И. Репников приложил немалые усилия для того, чтобы оттеснить Н.Л. Эрнста от работ на Эски-Кермене и при этом, мягко говоря, не стеснялся в выборе средств (*Непомнящий А.А*. Профессор Николай Эрнст... С. 212, 215—219). Однако этические вопросы к теме данной публикации имеют лишь косвенное отношение.

[23] *Днепровский Н.В.* К истории открытия пещерного монастыря на мысе Ай-Тодор (Челтер-Коба) // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск VIII (III). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общ. ред. В.И. Кузищина. Севастополь, 2012. С. 67—68 [Электронный ресурс] // http://www.msusevastopol.net/downloads/prich2012/prich-a.pdf

[24] *Грива О.А.* Церковная археология: учёная дисциплина и учёный предмет // Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002. С. 13.

оставалось название одного из крымских пещерных храмов[25]. А в рассматриваемую эпоху «невидимыми» делали даже людей. Наглядным примером тому является хранящийся в библиотеке ИИМК экземпляр «Готского сборника», в котором «в лучших традициях» 30-х годов закрашены черной тушью все ссылки на работы Н.Л. Эрнста, равно как и излагаемые им факты и гипотезы — даже предваряемые формулировкой В.И. Равдоникаса: «Оформление эта враждебная нашим установкам точка зрения получила в следующих словах Н.Л. Эрнста…» (восстановлено нами по другому экземпляру — *Н.Д.*)[26]. Поэтому многие факты, ранее традиционно относившиеся к области церковной археологии, в рамках парадигмы истории материальной культуры также стали (и, что гораздо важнее, доныне остаются) для исследователей «как бы невидимыми». Так, Н.Е. Гайдуков отмечает, что «…в классических работах последних лет, посвященных исследованию наземных храмов Крыма, практически не уделяется внимания литургическим устройствам …, будто бы их вовсе не существует, хотя на фотографиях они видны хорошо; или они не интерпретируются как литургические устройства, а называются нишами, полочками и пр. …. Если же литургические устройства все-таки рассматриваются, им дается заведомо неверная интерпретация»[27]. С подобной же ситуацией столкнулся и автор данной статьи. Почти два десятилетия занимаясь фотофиксацией «пещерных городов» Крыма и работая в церковном издательстве, мы попытались подготовить ряд популярных публикаций по этой тематике, основываясь на имеющейся литературе. Однако выяснилось, что даже в работах маститых исследователей встречаются несообразности, вызванные их плохим знакомством с богослужебной практикой и вопросами церковной археологии[28], что заставило нас, начиная с 2006 г., обратиться к повторному изучению памятников и архивных материалов. Ситуация усугубляется тем, что, по-видимому, последним исследователем «пещерных городов» Крыма, имевшим как энциклопедическую эрудицию, так и великолепное инженерное образование, был А.Л. Бертье-Делагард. Неверная интерпретация инженерных решений, принятых в свое время жителями средневекового Крыма, также вносит свою лепту в современные описания культовых сооружений. А аргументированная интерпретация фактов зачастую заменялась простой ссылкой на «очевидность», причем то, что было «очевидным» для одного исследователя, отнюдь не являлось таковым для другого. Все это в полной мере

---

[25] *Днепровский Н.В.* История с «Географией», или об одном казусе крымской христианской топонимики // МАИАСК. 2012. Вып. 4. С. 194—206.

[26] *Равдоникас В.И.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья: Готский сборник // ИГАИМК. Т. 12. Вып. 1-8. Л., 1938. С. 96.

[27] *Гайдуков Н.Е.* Литургические датировки некоторых пещерных храмов Таврики // «О древностях южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена). Киев, 2004. С.167, прим. 1. Эта общая тенденция касается не только литургического устройства церквей Крыма. Применительно к древнерусским храмам о том же самом пишет и В.А. Булкин, отмечая, что в публикациях и отчётах исследователей «следы алтарных форм часто лишь констатируются без их детального описания» (*Т.А. Чукова.* Алтарь древнерусского храма конца X — первой трети XIII в. СПб, 2004. С. 8).

[28] Так, незнание того факта, что иконописец в Греции именуется «агиографос», или, во множественном числе — «агиографиа», дважды (в конце XVIII в. и на рубеже XIX—XX столетий) приводило к неверной интерпретации названия пещерного храма в балке Гайтани, причём в обоих случаях были «изобретены» никогда не существовавшие в Православной Церкви святые (*Днепровский Н.В.* История с «Географией»... С. 194—206).

относится и к материалам по Эски-Кермену[29]. Показательно, что даже для такого широко известного и, казалось бы, досконально изученного памятника, как храм «Успения», в литературе отсутствовали план и разрезы всего комплекса[30]; описания его важнейшего литургического устройства — престола — были неполны и противоречили друг другу[31]; а вся чисто спекулятивная дискуссия о строительной периодизации памятника, длившаяся три четверти столетия, основывалась исключительно на присутствии в храме мнимого «тарапана», подлинное предназначение которого участникам этой дискуссии помешало увидеть еще и отсутствие хорошей инженерной подготовки[32]. Последний фактор также не позволил предыдущим исследователям понять смысл тщательно продуманных конструкций водосборника в «малом» пещерном храме на подъездной дороге и совершенно уникального по своему инженерному решению наблюдательного пункта при этом же храме[33]. Совершенно произвольное толкование было дано устройству алтарной части «большого» пещерного храма[34], да и общей литургической планировке как данного храма, так и сходного с ним храма «Трех Всадников»[35]. Нелады были у исследователей и с начертательной

[29] По сути, единственным автором, систематически пытающемся анализировать эски-керменские памятники с позиций церковной археологии, до настоящего времени был Н.Е. Гайдуков. К сожалению, высказываемые им гипотезы не всегда достаточно обоснованы и зачастую противоречат друг другу, что, разумеется снижает ценность каждого отдельно высказанного предположения. Примеры этого см. в наших работах, посвящённых соответствующим памятникам (*Днепровский Н.В.* К вопросу о генезисе и назначении комплекса пещерного храма «Успения» в Эски-Кермене // МАИАСК. 2012. Вып. 4. С. 136—140; *он же.* К вопросу о назначении эски-керменского «пещерного храма у городских ворот» // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск VIII (III). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общ. ред. В.И. Кузищина. Севастополь, 2012. С. 81—88 [Электронный ресурс] // http://www.msusevastopol.net/downloads/prich2012/prich-a.pdf

[30] *Днепровский Н.В.* К вопросу о генезисе и назначении комплекса пещерного храма… С. 132.

[31] Там же. С. 136—139.

[32] Там же.

[33] *Днепровский Н.В.* К вопросу о назначении... С. 81—88. В контексте вышесказанного следует отметить, что в литературе о «пещерных городах» по сей день тиражируется утверждение (основанное на материалах ЭКЭ) о снабжении Эски-Кермена водой из балки Бильдеран по водопроводу из гончарных труб (см., например: *Харитонов С.В*. Древний город Эски-Кермен... С. 8, 19). Между тем, эта гипотеза была отброшена ещё в 1935 г. после того, как инженерный расчёт показал, что подобный водопровод не выдержал бы гидравлического давления при таком перепаде высот: «В порядке работ ГАИМК и Гос. Историч. Музея в Эски-Кермене был вскрыт водопровод в Бильдеран-богазе, которому первоначально придавалось значение единственной артерии водоснабжения древнего Дороса, впоследствии, впрочем, оставленное, т.к. связи его с Эски-керменом обнаружить не удалось. Кроме того, надо считать доказанным, что его слабые гончарные трубы безусловно недостаточны для того, чтобы выдержать давление воды при данном профиле. Остаётся, следовательно, предположить, что этот водопровод имел какое-то другое назначение: доставлял, может быть, воду в долину Джурла, расположенную с западной стороны Эски-кермена, бедную водой» (*Бабенчиков В.П.* Дневник работ по зачистке бассейна в верховье балки Мартыновского, проведенных севастопольск. краеведами-кружковцами // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1935 г. № 69. Л. 38—39). Однако эти результаты опубликованы не были, что и неудивительно, учитывая, какие последствия для учёных в то время мог бы иметь «провал» поручения об использовании древних ирригационных сооружений для нужд колхозного строительства.

[34] *Днепровский Н.В.* К вопросу о первоначальном виде синтрона «Большого пещерного храма» на подъездной дороге Эски-Кермена // Матеріали Десятої Міжнародної наукової конференції «Церква — наука — суспільство: питання взаємодії». Київ, 2012. С. 7—10.

[35] *Днепровский Н.В., о. Виктор (Шкурдода В.А.).* К вопросу о первоначальной литургической планировке триконхиальных пещерных церквей Эски-Кермена. С.185—205.

геометрией. Так, реконструкция плана комплекса «вырубного храма с усыпальницей № 29» носила совершенно произвольный, «кабинетный» характер, а ее реализация в трехмерном пространстве в действительности невозможна, в результате чего и в описании этого комплекса возникли многочисленные противоречия[36]. Это же относится и к храму (а, вернее, целым двум храмам) над южными воротами Эски-Кермена[37]. Подобные примеры можно продолжить, однако достаточно и приведенных. В то же время проверить многие выводы ЭКЭ на месте уже невозможно, поскольку большая часть археологических находок, оставленная in situ, в настоящее время утрачена. Существенную помощь, как в реконструкции, так и в определении действительной роли культовых комплексов Эски-Кермена в этой ситуации могла бы оказать полевая документация. Однако в большинстве случаев она либо не велась должным образом, либо не сохранилась, либо, в лучшем случае, еще ожидает исследователей где-то в архивных недрах.

На этом фоне документацию по рассматриваемому в данной статье культовому комплексу для того времени можно считать образцовой как по точности и скрупулезности фиксации памятника[38], включая особенности литургической планировки храма, так и по степени сохранности и полноты. Это тем более удивительно, что обследование его проводилось, фактически, всего лишь в течение 7 дней (2 дня — в 1933 г. и 5 дней — в 1936 г.). По крайней мере, на сегодняшний день нам не удалось обнаружить ничего похожего по степени подробности на дневники Е.В. Веймарна даже применительно к таким известным объектам, как храмы «Успения», «Трех всадников» и др., не говоря уже о менее значимых. Можно считать чудом[39], что полевая документация Е.В. Веймарна сохранилась, по-видимому, практически в полном объеме. Следует также отметить предельную выверенность формулировок Е.В. Веймарна и четкое разграничение достоверно установленных фактов от предположений[40]. Именно в этом смысле и сам рассматриваемый памятник можно считать эталонным для анализа подобных комплексов на Эски-Кермене. Между тем, в сводном отчете, составленном Н.И. Репниковым, данной работе была посвящена всего одна страница[41]. Кроме того, ни этот отчет, ни другие материалы исследований так не были опубликованы и хранятся в архивах ИИМК и КРУ БИКЗ. Поэтому мы полагаем совершенно необходимым полноценное введение комплекса в научный оборот, чтобы привлечь к этому интереснейшему объекту внимание исследователей и способствовать возобновлению и завершению его изучения.

Перейдем теперь к описанию самого памятника. По свидетельству Е.В. Веймарна, восточнее западной оборонительной стены городища, на краю большого, вырубленного

---

[36] *Днепровский Н.В.* Мемориальный храм у восточной калитки Эски-Кермена // Могилянські читання 2011. Київ, 2012. С. 394—400.

[37] *Днепровский Н.В.* Культовый комплекс у южных ворот Эски-Кермена. С. 151—152.

[38] Лишь в самое последнее время раскопки А.И. Айбабина обнаружили на восточном краю городища новый храмово-погребальный комплекс, археологически обследованный и зафиксированный в полном соответствии с современными научными требованиями (*Айбабин А.И.* Городище на плато Эски-Кермен... С. 215—216; *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. Симферополь, 2011. Т. XVII, С. 422—457).

[39] Возможно, в какой-то степени рукотворным — Е.В.Веймарн имел привычку дублировать свои материалы.

[40] Мы неоднократно встречали домыслы и замену доказательств ссылками на «очевидность» даже в статьях и отчётах Н.И. Репникова (см., например: *Днепровский Н.В.* Культовый комплекс у южных ворот Эски-Кермена // МАИАСК. 2011. Вып. 3. С. 148—184; *он же.* К вопросу о генезисе и назначении комплекса пещерного храма… С. 125—193. В материалах Е.В. Веймарна мы с подобным не сталкивались ни разу.

[41] *Репников Н.И.* Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936 г. // Архив ИИМК. Ф. 10. Д. № 43. Л. 4.

углом пространства скалы, имелась пещера, известная под названием «келейки». В обрезе этой же скальной вырубки намечался вход в усыпальницу[42]. В 20-е годы сотрудники Севастопольского музея краеведения, в том числе и молодой Е.В. Веймарн, обследовали этот участок и произвели обмеры пещер (рис. 3). При этом «келейка» получила наименование «пещеры № 51», а усыпальница — «пещеры № 50». В 1933 г., уже в рамках работ ЭКЭ, этот участок было решено расчистить, заложив две траншеи (рис. 4).

Одна траншея была заложена к северу и к югу от усыпальницы («пещеры №50»). На 1 м южнее последней «гребень скалы заканчивался большим тесаным камнем лежащем в вырубке в скале. За этим камнем и дальше к югу до конца этой траншеи, под слоем черного натека, пошел тонкий светлый слой (около 0,1 м). В этом слое были обнаружены обломки штукатурки с росписью. Штукатурка эта лежала росписью вниз. Следы этой упавшей штукатурки уходили под обрез на восток. На собранной штукатурке имеются следы живописи исполненной красной, коричневой, темно-серой, желтой и почти черной красками»[43].

Другую траншею повели от «келейки» («пещеры № 51») к востоку вдоль стены до поворота скалы к северу. «В углу поворота под толстым слоем натека (около 1,50 м от верхней площадки) пошел светлый слой завала какого-то здания, рухнувшего сверху скалы. В этом завале камня и светлой земли было найдено большое количество обломков кровельной черепицы и много обломков штукатурки с росписью, аналогичные обломкам штукатурки найденным наверху. Среди этого завала камня были найдены архитектурный обломок в виде головки небольшой колонки или столбика с вырезанным крестом в виде линий и точек с остатками росписи креста красной краской и тесаный штучный камень с граффити. В этом же завале, на расстоянии 1,30 м от угла к северу, на слое желтой земли был найден архитектурный обломок из известняка толщиной 0,12 м с вырезанным на нем изображением креста в круге. Круг и крест имеет следы раскраски красной краской. Диаметр круга равен 0,1 м»[44]. Далее траншею развернули вдоль обреза скалы к северу. Она вскрыла «верхнюю часть большого пещерного сооружения выбитого в нижней части скалы. Это сооружение было завалено большими камнями. В завале камня, выбираемого из вновь открытой пещеры, в нижнем обрезе скалы попадались хорошо отесанные штучные камни. Некоторые из них достигали большого размера (0,70 × 0,50 × 0,12 м). Выбрав завал из пещеры нижнего яруса, находящейся под верхней усыпальницей, убедились, что это некогда была одна или срубленные после 2 усыпальницы. За это говорит потолок спускающийся к низу постепенно полуарковидный в разрезе. Пещера эта имеет в длину около 3,0 м»[45] (рис. 5, 6).

Среди завала камня выбранного из этой пещеры выбран карниз большого здания (1,30 × 0,50 × 0,14 м). В промежутке между открытой новой пещерой и пещерой, видневшейся раньше в том же обрезе скалы, в траншее была найдена большая плита из известняка, прикрывавшая, видимо, раньше вход усыпальницы.

Согласно нашим повторным обмерам, проведенным в 2011 г., пещера под усыпальницей имеет высоту 1,1 м над уровнем современной дневной поверхности вырубки, ширину 2,4м и глубину 1,0 м (рис. 7). Архитектурные фрагменты, обнаруженные в 1933г. в траншее под обрезом скалы с усыпальницей, представлены на рис. 8.

---

[42] *Веймарн Е.В.* Работы по зачистке усыпальницы в районе Западной оборонительной стены // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1933 г. № 290. Л. 7.

[43] Там же. Л. 7—8.

[44] Там же. Л. 8—11.

[45] Там же. Л. 6.

Таким образом, разведки 1933 г. обнаружили, согласно формулировке Е.В. Веймарна, «небольшой ритуальный комплекс, расположенный на площадке, вырезанной в скале» невдалеке от открытых в 1929 г. на западном склоне городища боевых стен. Этот комплекс характеризовался глубокой усыпальницей и двумя пещерками, расположенными под площадкой, на которой устроена усыпальница (рис. 9). Было установлено, что южнее и выше усыпальницы должна находиться церковь или часовня с остатками росписей. За это говорили находимые в этом месте в раскате камня обломки расписной штукатурки. Один из углов этого сооружения ясно обрисовывался в виде двух, лежащих один на другом хорошо отесанных камней[46].

В 1936 г. было решено, заложив траншеи (рис. 10), продвигаться вперед до выявления этого здания. Полученные Е.В. Веймарном стратиграфические данные[47] обобщил Н.И. Репников: «Раскопанный участок перекрывали следующие напластования: I сверху — слой гумуса с камнями; II слой — темно-серой земли с большим количеством камня (развал стен здания) и обломков кровельных черепиц; III — завал камня рухнувших стен здания, перемешанных с землей серо-желтого цвета. Этот третий слой в верхней своей половине содержал большое количество обломков кровельной черепицы, а в нижней фрагменты штукатурки с фресковой росписью; IV — прослойки золы и угля, явившиеся следствием пожара здания. Эти наслоения лежали на известковой смазке пола, выравнивавшей поверхность скалы»[48]. Стратиграфические разрезы, полученные при раскопках церкви, приведены на рис. 11—13.

Алтарная часть храма была вырублена в скале почти на 1 м, а далее выложена из камня. Внешняя стена абсиды была из тесанных закругленных плит (рис. 14, 15).

В очередной раз отметим, что наличие престола в храме говорит о некогда происходившей в нем литургической жизни во всей ее полноте, поэтому называть подобный храм «часовней» неправомерно.

Наши повторные обмеры остатков храма показали, что его абсида имеет очень слабо выраженную подковообразную форму. Ширина ее у бывшей триумфальной арки составляет 1,52 м, а наибольшая ширина — 1,53 м. Глубина абсиды — 1,54 м. Кладка абсиды выполнена тесаными камнями шириной (по сохранившимся фрагментам) от 0,15 м до 0,27 м, высотой от 0,18 м до 0,26 м и длиной около 0,4 м. Последнее значение и определяет толщину стены абсиды. Скамья для священнослужителя имеет форму полумесяца, т.е. по краям сходит на нет — на расстоянии 0,93 м (слева) и 0,76 м (справа) от бывшей алтарной преграды. Подобная асимметрия могла быть вызвана необходимостью размещения в столь небольшой абсиде жертвенника в виде столика у северной стены. Если это так, то, в соответствии с принципами литургической датировки, данный храм мог быть построен в XII—XIII вв.[49]. Максимальная ширина скамьи (в центре) составляет 0,34 м, высота — 0,48 м. Последняя цифра совпадает с вычисленной нами средней высотой скамей храмов комплекса южных ворот Эски-Кермена (0,47 м)[50]. Хорошо совпадала бы с нашими измерениями и

---

[46] *Веймарн Е.В.* Полевой дневник археологических работ на Эски-Кермене в 1936г. Раскопы I и III // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 335. Л. 1.

[47] Там же. Л. 2—11.

[48] *Репников Н.И.* Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936 г. // Архив ИИМК. Ф.10. Д. 43. Л. 4—5.

[49] *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // Российская археология. 2005. № 1. С.72—80. Гораздо более точную датировку могло бы дать изучение керамического комплекса данного памятника. Однако мы нигде не нашли указания на то, что подобные работы кем-либо предпринимались.

[50] *Днепровский Н.В.* К вопросу о первоначальном виде синтрона... С. 8—9.

максимальная ширина скамьи, однако именно в месте наилучшего совпадения этих размеров — в центре скамьи — вплотную к последней располагался престол. Согласно Е.В. Веймарну[51], он находился посреди абсиды, близко к ее восточной стене, перед синтроном. Его положение и размеры зафиксированы на рисунках Е.В. Веймарна (рис. 16). Эти рисунки с изображением алтарной плиты и ее положения представляются нам очень важными, поскольку из них хорошо видно, что, хотя формально престол к стене не примыкал, однако престольная доска в плане перекрывала скамью для священнослужителя. Ширина скамьи составляла 0,34 м, в то время как зазор между краем престольной доски и стеной абсиды равнялся 0,33 м, т.е. доска, как минимум, на один сантиметр нависала над скамьей, а зазор по высоте между престольной доской и сиденьем не превышал 3—4 см. Следовательно, такую скамью, в сущности, нельзя назвать «синтроном» (хотя Е.В. Веймарн и употребляет этот термин; Н.И. Репников в своем отчете весьма обтекаемо именует ее «небольшим заплечиком, выбранным в камне») просто потому, что место для архиерея в данном случае не предусмотрено даже в символической форме.

Невозможен был по этой же причине и обход престола, что существенно, ибо как раз по этому признаку ряд исследователей пытается отнести к периоду до Трулльского собора (692 г.) все храмы с престолами, примыкавшими к скале[52]. Это мотивируется тем, что престолы в данных церквах примыкают к стене и потому, якобы, не приспособлены для служения литургии по чину св. Иоанна Златоуста, а, следовательно, литургия в них служилась по чину св. апостола Иакова. Вышеупомянутые особенности храма у «келейки» — определенно, созданного позднее VII в.[53] — ставят эти утверждения под сомнение и дают все основания полагать, что прав был О.И. Домбровский, в свое время (применительно к храму «Успения») высказавший предположение, что богослужение в небольших крымских церквах проходило с отступлением от канона[54]. Отметим, что и современные священники без тени сомнения служат в них Божественную литургию.

Плита престола лежала на четырехгранной, со слегка срезанными углами, каменной ножке. В ее центре был вырезан крест в круге с инициалами Христа. По Н.И. Репникову, в ней было также миниатюрное квадратное углубление для хранения мощей[55]. Ножка и плита не имели пазов для скрепления друг с другом и со скалой. После зачистки абсиды плита престола и подпрестольный камень были сняты и доставлены на базу экспедиции. Их

[51] *Веймарн Е.В.* Полевой дневник археологических работ на Эски-Кермене в 1936 г. Раскопы I и III // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 335. Л. 12—13.

[52] См., например: *Шевченко Ю.Ю.* Ещё раз о Готской митрополии // МАИАСК. 2012. Вып. 4. С. 109—124. Альтернативной точки зрения в этом вопросе придерживается Н.Е. Гайдуков. Он пишет: «Такие пристенные престолы, которые вообще-то не характерны для Византии, появляются в XIII в., не говорит ли это о влиянии западных литургических традиций?» (*Гайдуков Н.Е.* Литургические датировки некоторых пещерных храмов… С. 170, прим.). Однако и говорить о западном влиянии применительно к рассматриваемому храму, который был построен, вероятно, именно в это время, нет никаких оснований.

[53] См. ниже.

[54] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 43. Подобные отступления, вызванные местными условиями, вовсе не считаются криминалом, например, в Сванетии. Богослужение там (изначально относившееся к византийскому обряду) зачастую происходит перед дверями храма, войти в который просто не представляется возможным из-за многовековой загромождённости трофеями; прихожан причащают араком (ячменной водкой), и т.д.

[55] *Репников Н.И.* Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936 г. Л. 5.

номера по описи находок — 318 и 1241 соответственно[56]. В описи находок[57] они, действительно, числятся под этими номерами, однако фактическое местонахождение этих находок нам пока что неизвестно.

Алтарная часть со стороны наоса была украшена аркой, орнаментированной зигзагообразной линией, заключенной в две параллельные прямые. Внутри часовня была оштукатурена и дважды расписана фрескою. Ее фрагменты не дают возможности судить о композициях живописи. Согласно Н.И. Репникову, «фигуры были написаны на синем фоне, надписи имен белые. Понизу шла орнаментальная панель. Роспись исполнена в XII—XIII вв.»[58].

Южная и северная стены храма сложены на глине вместе с землей из некрупного бутового камня, слегка подтесанного с внешних сторон. Западная стена не сохранилась.

Согласно нашим наблюдениям, наос храма асимметричный. Правая (южная) его часть сразу же начинается расширением храмового пространства на 0,4 м. Левая (северная) стена еще на 0,32 м является продолжением северной стены абсиды и лишь затем ступенчато расширяется к северу на 0,47 м. В этой, северной части наоса, у стены расположена скамья шириной в 0,21 м и высотой 0,3 м. Западный конец ее разрушен, поэтому в настоящее время скамья прослеживается на протяжении 1,05 м. Таким образом, общая ширина наоса храма составляла около 2,4 м. О длине наоса говорить сложно, поскольку южная часть храма уже к моменту начала раскопок Эски-Керменской экспедицией была разрушена. Однако она не могла быть более 3 м, поскольку максимальная длина храма была ограничена обрезом скалы, а восточная стена абсиды (глубина которой, как уже говорилось, составляет 1,54 м) отстоит от этого обреза на 5 м. Указанные размеры являются типичными для храмов юго-западного нагорья Крыма.

Пол храма составляла скала. Поперек его западной части проходит широкий и глубокий, выбитый в скале желобок, далее доходящий вдоль площадки до входа в усыпальницу. Поскольку он был забит отеском, то, по Е.В. Веймарну, храм надо относить ко второму строительному периоду. К сожалению, к моменту наших исследований из архива КРУ БИКЗ уже исчезли материалы Е.В. Веймарна по Эски-Кермену, относящиеся ко второму строительному периоду (по старой номенклатуре д.15/5 — три альбома) и, возможно, содержавшие дополнительную информацию по интересующему нас памятнику. Однако известно, что Е.В. Веймарн считал «вторым строительным периодом» IX—XIII вв.[59]. На уровне общего функционирования городища это соответствует, согласно А.И. Айбабину, третьему периоду его существования, когда «византийская администрация в процессе организации фемы Херсона возвращается на Эски-Кермен»[60]. Этот период, действительно, характеризуется массовым храмостроительством[61]. Заметим, что, по нашему мнению, именно в этот период на базе инфраструктуры подъездной дороги и южных ворот Эски-Кермена возникает также крупный общежительный монастырь[62]. Как мы видели, предполагаемая литургическая планировка храма, как и датировка Н.И. Репниковым его фресковой росписи (XII—XIII вв.) позволяет отнести его функционирование ко второй

[56] Сделанные нами выписки из описи находок ЭКЭ, привязанных по номерам к стратиграфии раскопов данного комплекса и упомянутых в дневнике Е.В. Веймарна, составили 18 страниц.

[57] Опись находок ЭКЭ // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 300.

[58] *Репников Н.И.* Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936 г. Л. 6.

[59] *Веймарн Е.В., Чореф М.Я.* «Пещерные города». С. 64.

[60] *Айбабин А.И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен. С. 48.

[61] Там же.

[62] *Днепровский Н.В.* Культовый комплекс у южных ворот Эски-Кермена. С. 148—184.

половине данного периода. Все эти гипотезы в целом хорошо корреспондируют. Однако не следует забывать, что это пока что всего лишь гипотезы.

По мнению Н.И. Репникова, «перекрытие часовни было деревянным, на что указывает полное отсутствие в развале камней от свода, а также наличие на полу интенсивных следов пожара, в котором погибла постройка»[63].

Общий вид расчищенного в 1933—1936гг. «ритуального комплекса» представлен на рис. 17. Мы приводим также два его плана и разрезы — на рис. 19, 20 и 21 соответственно.

Поистине поразительной представляется скрупулезность, с которой был выполнен полевой чертеж комплекса (рис. 19) — степень деталировки на нем выглядит даже более высокой, нежели на беловом чертеже, выполненном уже в ГАИМК.

Поскольку из фотографии 1936 г. неясно расположение собственно «келейки», мы дополнили данные материалы также современным фотоснимком общего вида данного памятника, восполняющим этот пробел (рис. 18).

Но вернемся к описанию памятника.

Характеристика смежной с храмом усыпальницы («пещеры № 50»), как и расположенной ниже пещеры № 49, сохранилась лишь в личном архиве Е.В. Веймарна:

«Пещера №50 /Усыпальница/

Вход в пещеру с запада посредством низкой дверной коробки, причем верх входа совпадает с потолком. В плане пещера имеет форму круга, сплюснутого с запада. По трем сторонам — северной, восточной и южной — находятся лежанки для покойников. Восточная и южная лежанки имеют одинаковые высоты и отделяются друг от друга бортиком. Северная лежанка несколько выше. Следуют эти лежанки одна за другой без перерывов. Пол сильно засыпан костями, обломками черепицы, остатками гробов и землей»[64].

Наши обмеры показывают, что в описании усыпальницы имеется неточность: восточная и южная «лежанки» имеют не одинаковую, а разную высоту, сама же усыпальница более правильной округлой формы, нежели указано на плане Эски-Керменской экспедиции (рис. 22). Высота северной лежанки составляет 1,05 м, восточной — 0,75 м и южной — 0,7 м. Максимальная ширина северной лежанки — 0,5 м, ширина в восточном конце — 0,3 м, в западном — 0,2 м. Максимальная ширина восточной лежанки — 0,46м, ширина в северном конце — 0,34 м, в южном — 0,32 м. Максимальная ширина южной лежанки — 0,7м, ширина в восточном конце — 0,17 м, в западном — 0,43 м. Размеры средней части усыпальницы с запада на восток (между лежанкой и входом) — 2,20 м, с севера на юг (между лежанками) — 2,04 м. Максимальная высота усыпальницы — 2 м. Высота порога входного проема над уровнем пола усыпальницы — 1,53 м, высота проема — 0,58 м. В западной стене под входным проемом вырублены две ступеньки-ниши полукруглой формы на высоте 0,53 и 0,95 м соответственно. Нижняя нишка имеет ширину 0,4 м, высоту — 0,26м и глубину — 0,15 м; верхняя — 0,3 м, 0,24 м и 0,12 м соответственно.

На первый взгляд, усыпальница сходного типа имеется на восточном обрыве Эски-Керменского плато, при так называемом «храме № 29»[65]. Однако, во-первых на месте центральной «лежанки» там находится глубокая костница; и, во-вторых, боковые погребения расположены в отдельных нишах-локулах, причем примерно на одной высоте — в то время как в усыпальнице западного комплекса погребения расположены в едином объеме, как бы

---

[63] *Репников Н.И.* Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936 г. Л. 6.

[64] *Веймарн Е.В.* Средневековое городище Эски-Кермен. Пещеры западного края // Архив КРУ БИКЗ. Ф. 22. Д. 9. Л. 46.

[65] *Днепровский Н.В.* Мемориальный храм у восточной калитки Эски-Кермена. С. 394—400.

«перетекая» друг в друга и в то же время находясь в определенном иерархическом соподчинении, выраженном разновысотностью «лежанок». В то время как восточная усыпальница явно представляла собою адоративный объект (об этом говорят вырубленные в нее ступени, приступочка перед костницей и вход в усыпальницу непосредственно из храма), а захоронение, судя по объему оссуария, носило массовый характер (при наличии двух особо почитаемых погребений в локулах), усыпальница западного комплекса наводит на мысль, скорее, о семейном погребении, которое, судя по полутораметровой глубине уровня пола относительно порога, для публичных посещений не предназначалось и, по-видимому, не случайно располагалось поодаль от храма.

Приведем также описание расположенной ниже усыпальницы «пещеры № 49»:

«Пещера№49 (Запад)

Вход в пещеру с Зап., без следов дверной коробки. В плане пещера — четырехугольная. В Южн. стене выбита полка на 1,5 м от пола.

Около Юго-Зап. угла находится каменное кольцо, довольно больших размеров — 0,5 м от пола. Остатки маленького каменного кольца находятся в той же стене на той же высоте.

Стены и потолок хорошей выработки, везде видны следы работы металлическим инструментом (особенно на южной стене)»[66].

По нашим измерениям высота пещеры — 1,7 м, высота входного проема 1,48 м над уровнем современной дневной поверхности, его ширина — 0,93 м. Ширина пещеры вдоль обреза скалы достигает 4,5 м, а ее глубина составляет 2,9 м.

Наконец, Е.В. Веймарн оставил нам и два описания самой «келейки» («пещеры № 51»)[67].

Если объединить информацию, содержащуюся в этих документах, то, согласно Е.В. Веймарну, описание пещеры № 51 выглядит следующим образом. Вход в пещеру с запада, прямоугольной формы, слегка попорченный. Вниз, по-видимому, вела одна ступень (к сожалению, вход в пещеру остался незачищенным). Пещера прямоугольная в плане, но юго-западный ее угол округлен. В этом скругленном углу имеются широкие и достаточно глубокие «ясли». Высота их 0,40 м, длина 2 м, ширина 0,72 м. Около середины яслей в их бортике выбито каменное кольцо. Посредине восточной стены в верхней ее части вырублена большая ниша. Вырубка произведена и около нее, так что кругом получился барьер, а подсечное пространство под нишей делает ее навесной. Длина — 0,90 м., высота — 0,57 м, глубина — 0,38м. Толщина барьера — 0,12 м. В самом восточном углу, под потолком находится другое четырехугольное углубление, сужающееся кверху. Длина его 0,30 м, высота — 0,40 м, глубина — 0,20 м. Между этими двумя выбоинами, ровно посредине, несколько отступя от потолка, находится третье углубление, как и первые, с барьером[68] (или «выпуклой рамкой»[69]). Эта выбоина сделана очень аккуратно. Длина — 0,31 м, высота — 0,31 м, глубина — 0,14 м. Ширина бортика 0,06 м. Между большой нишей и нишей с выпуклой рамкой в стене высечен крест, составленный из 8 глубоких выбитых полос.

Под ними от восточного угла начинается скамья (здесь же каменное кольцо). От угла по северо-восточной стене точно также идет скамья-лежанка высотой 0,45 м и шириной 0,50 м). В стене у этой лежанки, в ее восточной части выбито вертикальное «каменное кольцо». В

---

[66] *Веймарн Е.В.* Средневековое городище Эски-Кермен… Л. 45.

[67] Там же. Л. 47; *Веймарн Е.В.* Полевой дневник археологических работ на Эски-Кермене в 1936 г. Раскопы I и III // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 335. Л. 14—15.

[68] *Веймарн Е.В.* Средневековое городище Эски-Кермен… Л. 47.

[69] *Веймарн Е.В.* Полевой дневник археологических работ на Эски-Кермене в 1936 г. Раскопы I и III. Л. 15.

юго-восточной части пола находится большая прямоугольная в плане выборка в скале, на дне которой имеются четыре гнезда, предназначенные для постановки в нее больших глиняных сосудов-пифосов. У восточной стены, между «яслями» и скамьей-лежанкой имеются пять небольших круглых выбоин для постановки амфор или круглодонных кувшинов (в действительности их шесть — *Н.Д.*). Внизу было найдено на полу несколько больших и мелких раздавленных сосудов (по Н.И.Репникову — красноглиняных и поливных[70] — *Н.Д.*), из коих подлежали реставрации около 10 штук.

Потолок пещеры ровный, слегка нависающий. На стенах и на потолке хорошо сохранились следы кирки. В северо-западном углу стена пещеры проломлена, образуя небольшое узкое, вытянутое сверху вниз отверстие, смотрящее на север.

Однако между двумя описаниями, данными Е.В. Веймарном, имеются и определенные разночтения. В одном случае, во входном проеме имеются следы дверных петель[71], а в другом — самой дверной коробки[72]. Скамья проходит не то по одной (юго-западной) стене[73], не то по двум — западной и южной[74]. Ясли находятся в *юго-западном* углу[75], но они же занимают «весь *южный* угол и часть *юго-восточной* стены»[76], и т.д. Наконец, заметно, что, несмотря на приписку о том, что пещера «зачищена в 1936 г.»[77], в этом документе дается ее описание в незачищенном состоянии (высота северной скамьи указана всего в 0,15 м; скамья уходит под земляной натек)[78]. Полевые чертежи разрезов «келейки», на наш взгляд, дополняющие по своей информативности беловой чертеж, приводим на рис. 23.

В связи с этими расхождениями в описаниях пещеры, в 2011 г. мы повторно осмотрели и обмерили ее, а также произвели ее фотофиксацию (рис. 24, 25). На рис. 26 воспроизводим также компьютерную реконструкцию рисунка Е.В. Веймарна с изображением креста на стене «келейки».

Мы не нашли в дверном проеме следов петель, однако вырубка для установки дверной коробки сохранилась достаточно хорошо. Часть потолка у входа пещеры повышена примерно на 0,2 м, очевидно, повторяя конфигурацию входной ступени.

По нашим обмерам, толщина западной стены — около 0,4 м. Максимальная глубина пещеры — 4,24 м, максимальная ширина — 4,23 м, максимальная высота — 1,81 м. Длина вырубки в полу — 1,96 м, ширина — 2,01 м. Сейчас она несколько затекла грунтом, и ее глубина составляет 1,43м. Участок пола к северу от вырубки имеет ширину 1,12 м, к югу — 0,2 м и к западу — 0,37 м.

В северо-западном углу помещения имеется пролом наружу. Ширина и высота северной скамьи — 0,43м. Примерно в ее середине и в непосредственной близости к северо-восточному углу помещения в ее боковой грани имеются вертикальные пазы для перегородок, а на верхней поверхности между пазами — четыре подрубки для крепления горизонтальных брусьев. У восточной стены в полу вырублено 6 углублений для установки сосудов. Два из них диаметром 0,23 м, остальные — 0,18 м. Вероятно, поставленные в гнезда сосуды были отгорожены от остального помещения перегородкой и закрыты сверху

---

[70] *Репников Н.И.* Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936 г. Л. 7.

[71] *Веймарн Е.В.* Средневековое городище Эски-Кермен… Л. 47.

[72] *Веймарн Е.В.* Полевой дневник археологических работ на Эски-Кермене в 1936 г. Раскопы I и III. Л. 14—15.

[73] *Веймарн Е.В.* Средневековое городище Эски-Кермен… Л. 47.

[74] *Веймарн Е.В.* Полевой дневник археологических работ на Эски-Кермене в 1936 г. Л. 14—15.

[75] Там же.

[76] *Веймарн Е.В.* Средневековое городище Эски-Кермен… Л. 47.

[77] Там же.

[78] Там же.

деревянным настилом, который крепился к северной скамье. В пользу этого говорит также наличие двух подрубок ступенькой и в наружной части стенки ясель, поскольку в противоположной стене пещеры у двери имеются аналогичные подрубки. Таким образом, настил, видимо, опирался с одной стороны на северную скамью, а с другой — на брусья, закрепленные между яслями и западной стеной.

Ниши с обрамлениями высечены в северо-восточном углу пещеры. Левая имеет закругленный верх, начинается от потолка и имеет высоту 0,36 м, ширину — 0,27 м и глубину — 0,08 м. Средняя окружена бортиком шириной 0,6см и высотой в 1см. Расстояние от верхнего бортика до потолка — 0,11 м. Высота углубления ниши — 0,3 м, ширина — 0,28 м и глубина — 0,11 м. Правая (самая большая) ниша начинается от потолка, имеет высоту 0,59 м, ширину — 0,84 м и глубину — 0,33 м. Снизу и справа окаймлена бортиком или рамкой. Толщина бортика 0,9 м снизу и 0,12 м справа, где он выступает над внешней поверхностью скалы также на 0,12 м.

Крест вырублен между средней и правой нишами на высоте 0,15 м от потолка и имеет размеры (0,16 × 0,16 м).

Еще одна неглубокая ниша вырублена точно под крестом на высоте 0,5 м. Задняя стенка ее имеет сильный отрицательный уклон, что мешает поставить туда какой-либо высокий предмет, несмотря на ее высоту, доходящую до верхних ниш. Поэтому, скорее всего, она использовалась для установки светильников. Однако, судя по горизонтальной подрубке в ее боковой стенке и по расположению чуть выше северной скамьи, она могла — совместно с последней — использоваться и для крепления настила над стоящими в полу сосудами.

Ясли, в действительности, расположены не в юго-западной, а в юго-восточной, скругленной части пещеры. Длина их — 1,73 м, высота над уровнем пола — 0,4 м, глубина — 0,13 м.

Ширина южной скамьи — 0,5 м, высота — 0,4 м. Ширина западной скамьи меняется от 0,19 м (в северном конце) до 0,28 м (в южном).

Каменных колец в северной скамье три. Еще одно каменное кольцо пробито в южной половине дверного косяка косяке почти на уровне пола.

Теска стены над яслями (как и общий контур этой части пещеры — округлый, в отличие от прямоугольной северо-восточной части) гораздо грубее, чем в северо-восточном углу, где ниши вырублены необыкновенно тщательно. А поскольку обрамление этих ниш выступает из скалы, т.е. существовало изначально, то пещера, возможно, была впоследствии грубо растесана с устройством яслей, вырубки в полу, углублений под сосуды и прикрывающего их помоста, для чего в ранее существовавшей скамье были сделаны подрубки.

При ознакомлении со структурой данного памятника естественным образом возникает вопрос о его назначении. Как мы видели, «ритуальный комплекс» у «келейки» совмещал в себе литургические, погребальные и хозяйственные функции, причем у нас нет уверенности, что эти функции были разнесены во времени. Не исключено, что комплекс функционировал как единое целое. При этом он имеет прямые аналогии: подобное же наличие пещеры-кельи с углублениями под установку сосудов и прямоугольной вырубки в полу помещения наблюдается в комплексах вырубного каземата над подъездной дорогой, некогда также увенчанного храмом; храма «Успения» (с той лишь разницей, что храм там пещерный); а

также в недавно обследованном нами комплексе над восточной калиткой Эски-Кермена[79]. В литературе встречаются утверждения о том, что хозяйственные приспособления при храмах (например, при храме «Успения»[80]) могли возникнуть только после упразднения последних. Однако существование уже четырех однотипных комплексов позволяет поставить под сомнение правомерность этого утверждения и заставляет предположить, скорее, онтологическое сходство данных комплексов. В свое время мы попытались совместно с Н.Е. Гайдуковым создать работающую типологию крымских пещерных церквей на основе их окружения[81]. Автора настоящей статьи эти результаты не удовлетворили, что, в первую очередь, было связано как с недостаточно большим для достоверного типологизирования общим количеством храмов, так и с неповторимостью каждого из них. Однако учет вышеперечисленных комплексов, включавших не только пещерные, но и наземные сооружения, очевидно, уже позволяет выделить характерные для городища «структурные модули». Существовали подобные «модули» сами по себе или же входили в состав более крупных комплексов, можно будет выяснить лишь в ходе последующих исследований. Если же говорить конкретнее, то совмещение упомянутых функций было характерно, в первую очередь, для монастырей[82]. Так, храмовый комплекс «башенного каземата», по нашему мнению, входил в состав большого монастырского комплекса у южных ворот Эски-Кермена. Совершенно тождественный комплекс, включающий «церковь с ризницей» и хозяйственную пещеру с вырубкой в полу имеется также на Тепе-Кермене и, предположительно, входил в состав большого монастырского комплекса на его северном склоне. Храмово-хозяйственный «модуль» церкви «Успения», по мнению Н.Е. Гайдукова и Э.Н. Карнаушенко, также входил в состав небольшого необщежительного монастыря[83]. Эти же авторы и А.В. Джанов полагают, здесь располагался «небольшой монастырь, точнее сказать — скит» и что за стенкой храма «Успения» во второй части пещеры находилась монастырская трапезная[84]. Мы, впрочем, считаем такую трактовку преждевременной и высказали свое предположение о назначении комплекса храма «Успения»[85]. Вместе с тем, несобственные монастыри в средневековье, действительно, существовали. В частности, по мнению Е.Е. Голубинского, именно такие монастыри преобладали, в частности, в Киеве во время св. Антония Печерского, т.е. примерно во время «второго строительного периода» на Эски-Кермене[86]. Вот что он писал по этому поводу: «Когда говорят о нашем древнем и старом монашестве, то обыкновенно представляют себе монастыри исключительно в форме нынешних... Но кроме нынешних настоящих монастырей мы находим у нас в старое время еще другой разряд их,

---

[79] *Днепровский Н.В.* Культовый комплекс у восточной калитки Эски-Кермена // Могилянські читання 2012. Київ, 2013. С. 167—174.

[80] См., например: *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. С. 48—49.

[81] *Гайдуков Н.Е., Днепровский Н.В.* Типология и структура комплексов, включающих пещерные храмы юго-западной Таврики // Пещерные церкви Византии и Руси. Материалы международной научно-практической конференции. Саранск, 2011. С. 19—22.

[82] «Превращение монастыря из чисто культового комплекса в религиозно-хозяйственный организм неизбежный продукт развития феодального общества», — писали по этому поводу Е.В. Веймарн и М.Я. Чореф (*Веймарн Е.В., Чореф М.Я.* Пещерные монастыри Крыма и их грузинские аналогии (тезисы статьи) // Б/г. Архив М.М. Чорефа. Л. 4.

[83] *Гайдуков Н.Е., Карнаушенко Э.Н.* Два пещерных монастыря Горной Таврики // Искусство христианского мира. М., 2001. Вып. 5. С. 252.

[84] *Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н.* Новые данные о храмовых росписях Эски-Кермена и его округи // Православные древности Таврики. Киев, 2002. С. 116.

[85] *Днепровский Н.В.* К вопросу о генезисе и назначении комплекса пещерного храма... С. 125—193.

[86] *Голубинский Е.* История русской церкви. Т. 1. Вторая половина тома. М. 1904. С. 554.

имевший иную форму, — форму древнейшую и первичную монастырей несобственных и, так сказать, эфемерных и легких. Несколько человек, желавших монашествовать, соединялись в одно общество, ставили где-нибудь в одном месте кельи себе, — каждый сам для себя, и эта монашеская слободка или этот монашеский скиток без всего дальнейшего и представлял из себя или составлял собою монастырь. Так как монахи… имели нужду в храмах и… жили подаяниями от мирян,… то помянутые слободки обыкновенно или наибольшею частию ставились при приходских церквах в их оградах»[87]. В силу этого, «при форме монастырей несобственных… возможно было совмещение приходского священствования с монастырским игуменством. К иеромонаху, бывшему священником на приходе, собирались люди, желавшие монашествовать, и, поселившись при нем, составляли вокруг него монастырек; иеромонах продолжал оставаться приходским священником и в то же время принимал игуменство или духовное руководство над этими собравшимися к нему желателями монашества»[88]. Е.Е. Голубинский полагал при этом, что первыми игуменами подобных монастырей были греческие монахи[89]. Следовательно, для них создание подобных обителей было делом привычным[90]. Учитывая вышесказанное, весьма вероятно, что подобные монастыри существовали и на Эски-Кермене. Для прояснения этого вопроса рассматриваемый нами памятник, при его достаточно хорошей документированности, может явиться эталонным. Однако для этого необходимо его полноценное доследование.

К сожалению, после войны работы у «келейки» не возобновлялись, а материалы экспедиции не были обработаны до конца. Отсутствуют фотоснимки керамических фрагментов из этого комплекса. К отчету Н.И. Репникова приложены лишь фотографии фрагментов, найденных не на западном, а на восточном обрыве. В архиве Е.В. Веймарна есть указание на то, что около 10 сосудов из собранных фрагментов можно воссоздать. Однако об этих работах нам ничего неизвестно.

Не было и серьезных попыток датировки подъемного материала. Оценочная датировка Н.И. Репниковым росписи «часовни» — XII—XIIIвв. — строго все же не обоснована. Постройки, располагавшиеся восточнее комплекса, не были до конца изучены, а именно это могло бы указать на принадлежность раскопанного храма к монастырю или, напротив, приходу.

Исследовалась, и то по периметру, лишь южная часть выборки в скале. Плана, фиксирующего положение комплекса относительно западной стены, составлено не было. По нашим измерениям, вход в «келейку» отстоит от стены на 8,5 м, обрез скалы с пещерами — на 13 м, а восточная стена абсиды храма — на 18 м. Архитектурные фрагменты с крестами, найденные в траншеях и пещерных помещениях, и развалы камня на нерасчищенной территории площадки говорят о существовании наземных построек, в том числе, возможно, еще одного храма. Северная часть площадки археологическому исследованию не подвергалась вовсе. В архиве Е.В. Веймарна имеется лишь краткое описание пещеры №48 по нумерации СМК (рис. 1), вырубленной в этой части площадки: «Пещера №48. Вход в пещеру с запада, во всю ширину пещеры. В плане она имеет форму срезанного овала. Южная стена

[87] Там же. С. 552.

[88] Там же. С. 557.

[89] Там же.

[90] К этому надо добавить, что, по мнению Ю.П. Бардилевой и О.В. Грашевской, ещё во времена патриарха Никона несобственные монастыри на Русском Севере создавались «с целью не столько спасения души через аскезу, сколько выживания в крайне суровых условиях путём создания совместного хозяйства» (*Бардилева Ю.П., Грашевская О.В.* Старообрядчество на Кольском Севере // Кольский север: энциклопедические очерки. Мурманск, 2012. С. 309). Это же вполне могло играть определённую роль и на Эски-Кермене.

имеет ясли, по-видимому, невысокие (напомним, что пещера не расчищалась — Н.Д.), с бортиком, частично сбитым. В той же стене имеются: четырехугольное углубление у пола; горизонтальное каменное кольцо на высоте 0,30 м от пола и небольшие ясли, сильно испорченные и засыпанные землей. В сводах обоих ясель ясно видны следы работы металлического инструмента. Стены и потолок довольно гладкие. Пол сильно засыпан землей и камнями»[91]. Возможно, мы имеем дело еще с одним хозяйственным элементом монастырского комплекса. В целом же, общая планировка прямоугольной площадки, с одной стороны ограниченной скальной стенкой, а с другой стороны примыкавшей к городской стене, дает серьезные основания видеть в ней остатки монастырского дворика. Однако лишь ее расчистка может существенно прояснить структуру и действительное назначение данного «ритуального комплекса».

[91] *Веймарн Е.В.* Средневековое городище Эски-Кермен. Пещеры западного края. Б/г. Архив КРУ БИКЗ. Ф. 22. Д. 9. Л. 45.

Н.В. Днепровский

**Из археологического наследия Е.В. Веймарна:
«ритуальный комплекс» на западной окраине Эски-Кермена**

Данная работа посвящена культовому комплексу на западном краю эски-керменского плато, который изучался Е.В. Веймарном в ходе Эски-Керменской Экспедиции ГАИМК. Комплекс включает церковь, усыпальницу и две расположенные под ней пещерки, а также пещеру, известную под названием «келейки». Усыпальница имеет округлую форму и предназначалась для погребения трех человек. Южнее и выше усыпальницы находится церковь. Ее алтарная часть вырублена в скале, а далее она была выложена из камня. Престол располагался вплотную к синтрону, что не допускало его обхода при богослужении. Внутри церковь была расписана фрескою. Она, видимо, погибла от пожара. В «келейку» с запада ведет прямоугольный вход. Вдоль стен идут скамьи и "ясли" с "каменным кольцом". В восточной стене вырублены три ниши, между которыми высечен крест. В полу находится глубокая прямоугольная в плане яма, предназначенная для установки пифосов.

Ключевые слова: Крым, Эски-Кермен, Веймарн, археология, пещерные города, христианство, монастырь, церковь.

N.V. Dneprovskij

**From archaeological heritage of E.V. Veymarn:
«the ritual complex» at the western outskirts of Eski-Kermen**

This work is dedicated to the cult complex at the Western end of the plateau of Eski-Kermen, which was studied by E.V. Weymarn in the course of Eski-Kermen Expedition organized by the State Academy of Material Culture History. The complex consists of the church, the burial crypt and the two caves situated beneath it, as well as the cave, known as the «little cell». The crypt is round-formed and includes three burial places. To the South and upper the crypt there is a church. Its altar part was rock-cut, and the rest was stone-made. The Holy Table was located so close to the synthronon that it did not allow to pass around it during the Divine service. The church had mural paintings inside. Apparently, it was destroyed by fire. In the «hut» with the West leads A rectangular entrance leads into the «little cell». There are benches and «manger» with the «stone rings» along its walls. Three niches were cut in the Eastern wall, and the cross was carved between them. The deep rectangular pit in the floor was aimed for pythos installation.

Keywords: Crimea, Eski-Kermen, Weymarn, archaeology, cave cities, Christianity, monastery, Church.

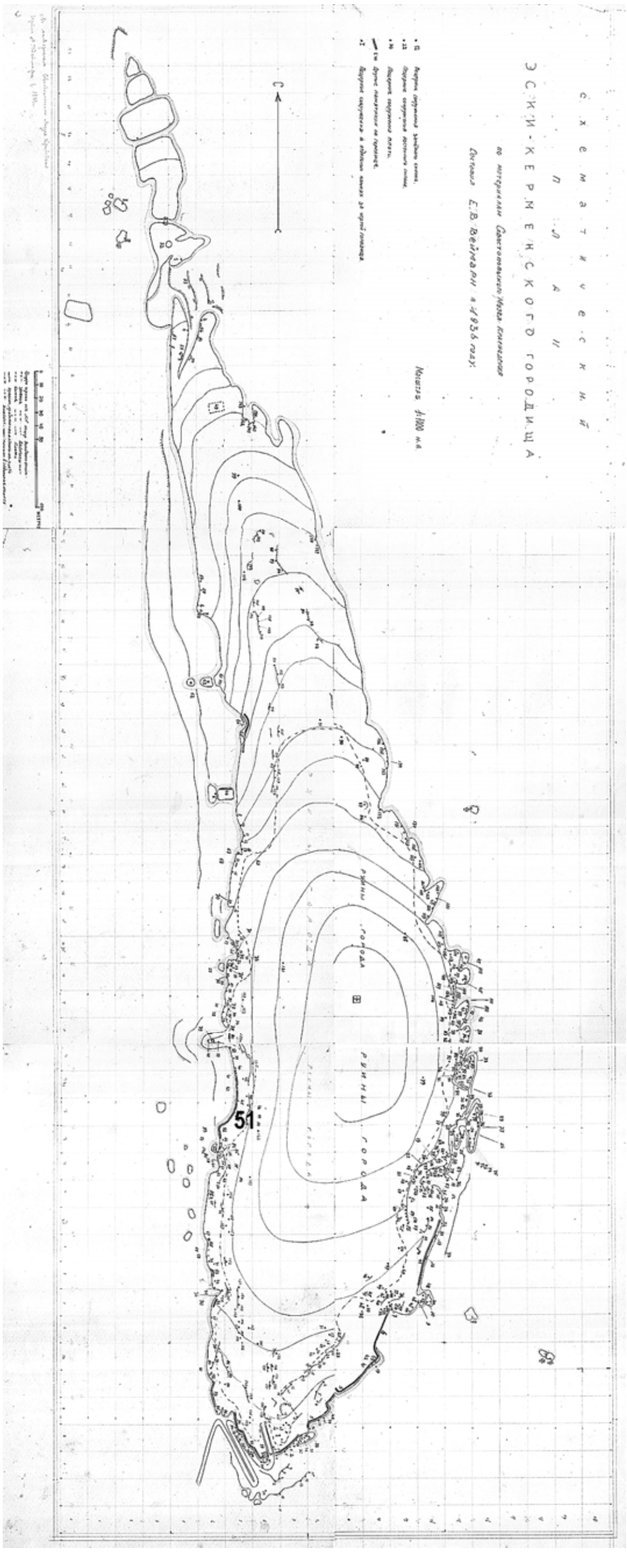

Рис. 1. План Эски-Кермена, составленный Е.В. Веймарном в 1936 г.
По материалам СМК[92]. Под № 51 обозначена «келейка».

[92] Архив КРУ БИКЗ. Ф. 22. Д. 4. Л. 1—6.

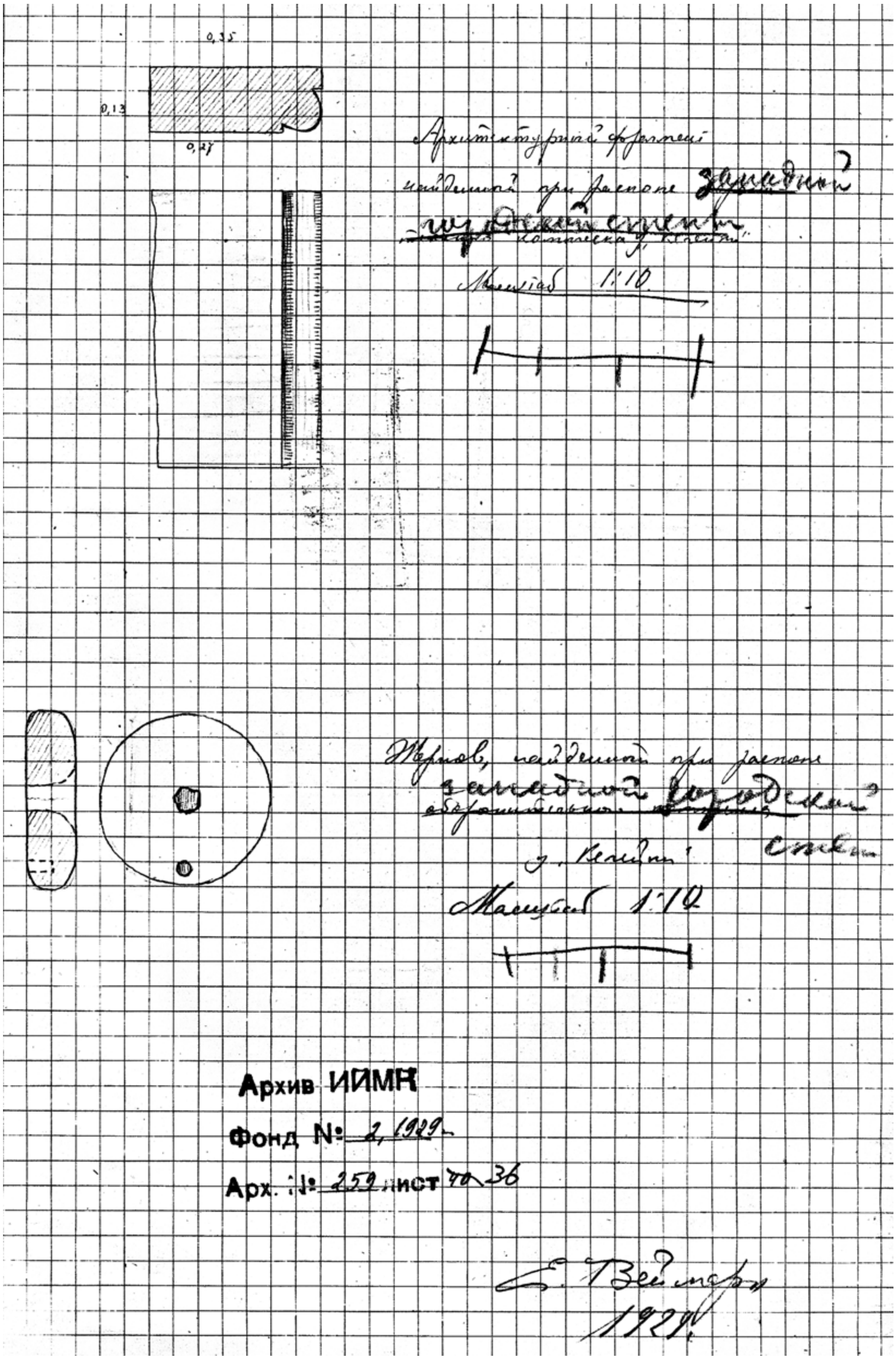

Рис. 2. Чертеж Е.В. Веймарна с правкой Н.И. Репникова[93].

[93] Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. № 259. Л. 36.

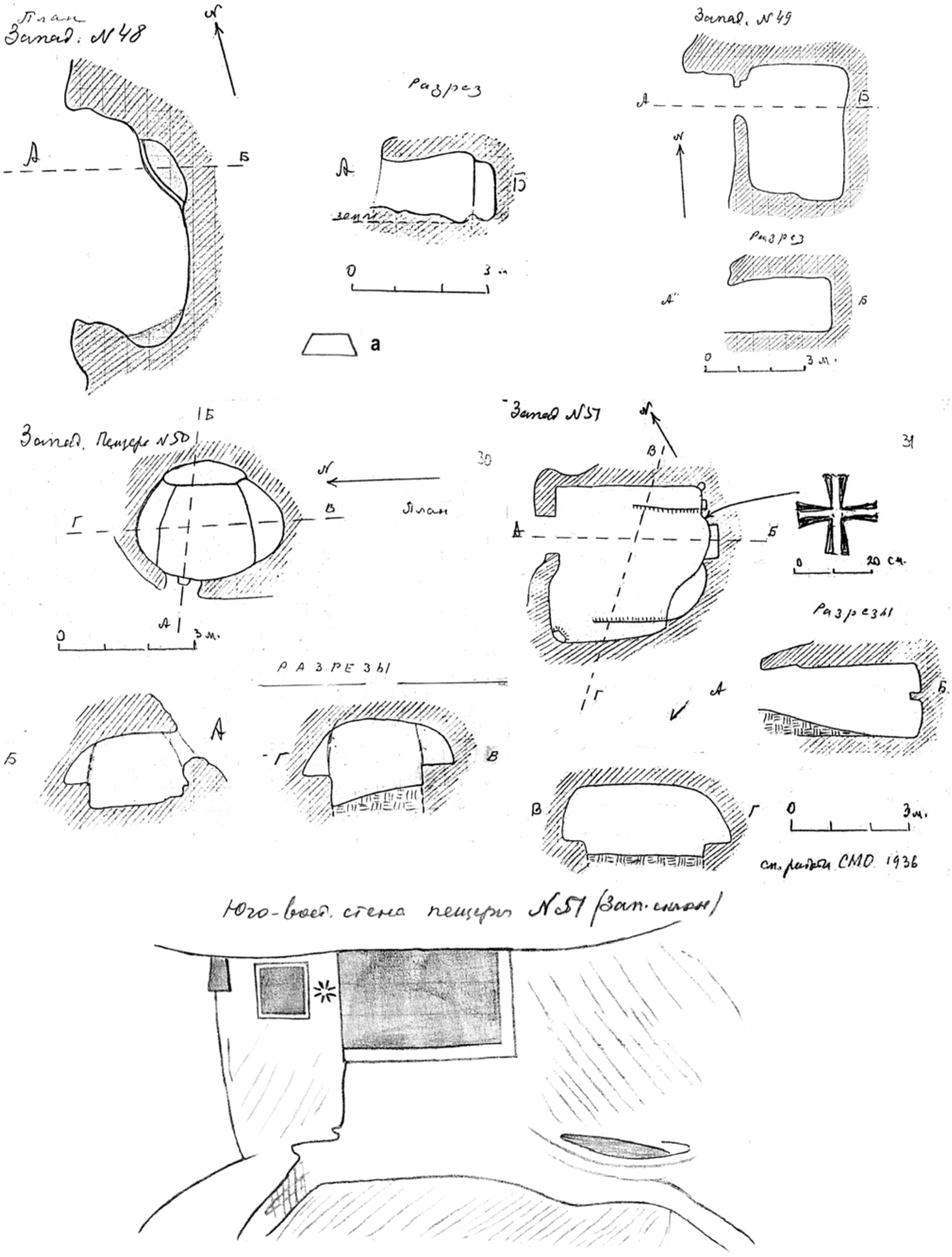

Рис. 3. Пещерные сооружения у «келейки». Из архива Е.В. Веймарна[94].

[94] Веймарн Е.В. Средневековое городище Эски-Кермен… Л. 45—48.

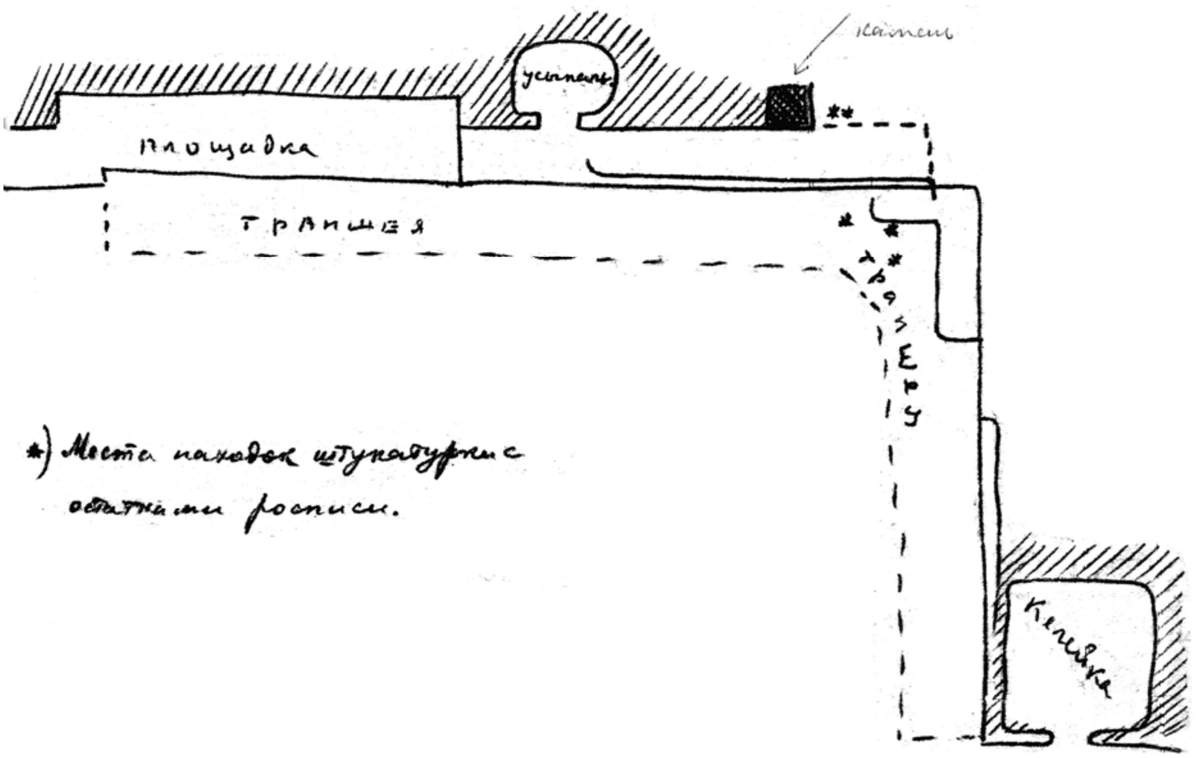

Рис. 4. Начало раскопок 1933 г. у «келейки». План. Рисунок Е.В. Веймарна[95].

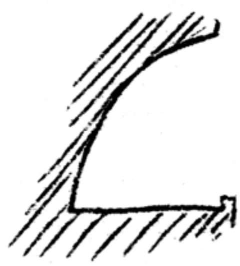

Рис. 5. Разрез пещеры под усыпальницей, расчищенной работами 1933 г. Рисунок Е.В.Веймарна[96].

[95] *Веймарн Е.В.* Работы по зачистке усыпальницы в районе Западной оборонительной стены. Л. 5.

[96] Там же. Л. 5—6.

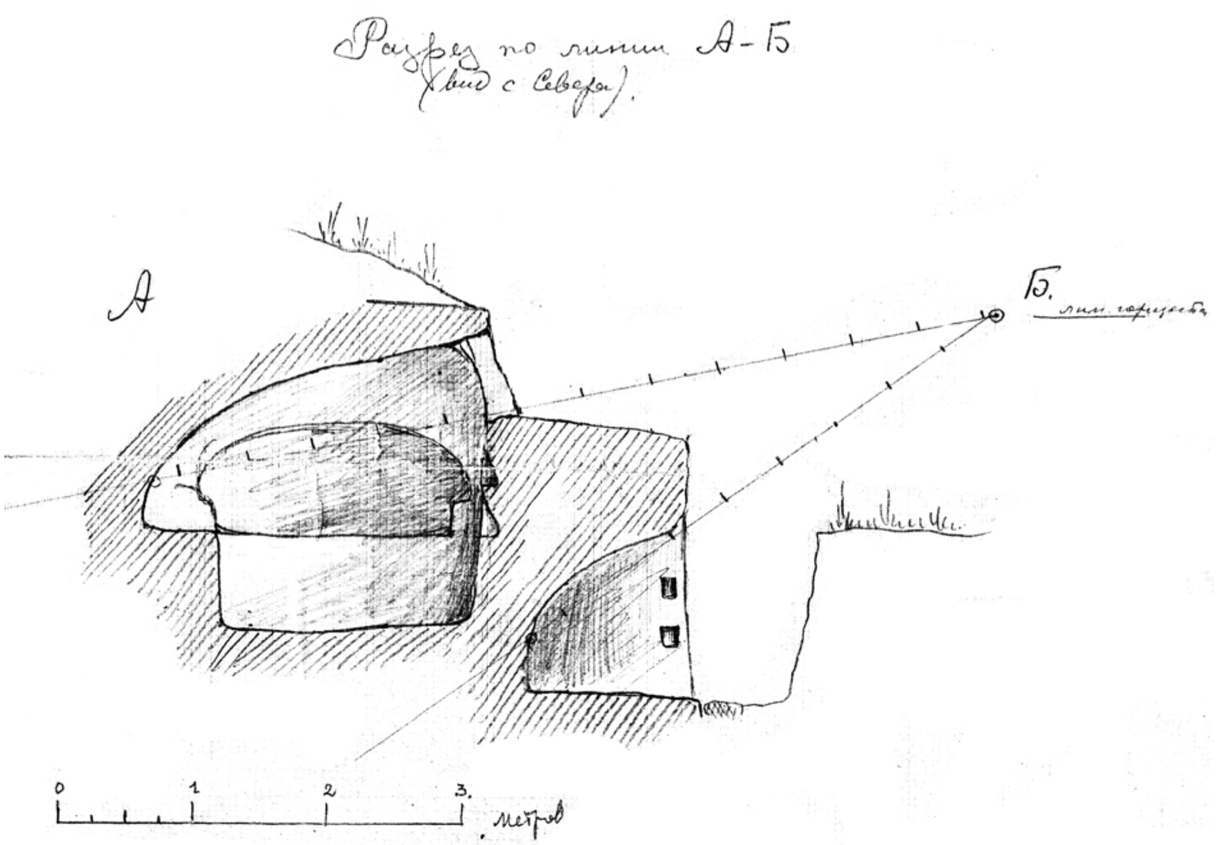

Рис. 6. Разрез усыпальницы и пещеры под ней. Полевой чертеж[97].

Рис. 7. Пещера под усыпальницей. Современное состояние (фото автора).

[97] Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1933 г. № 288. Л. 7.

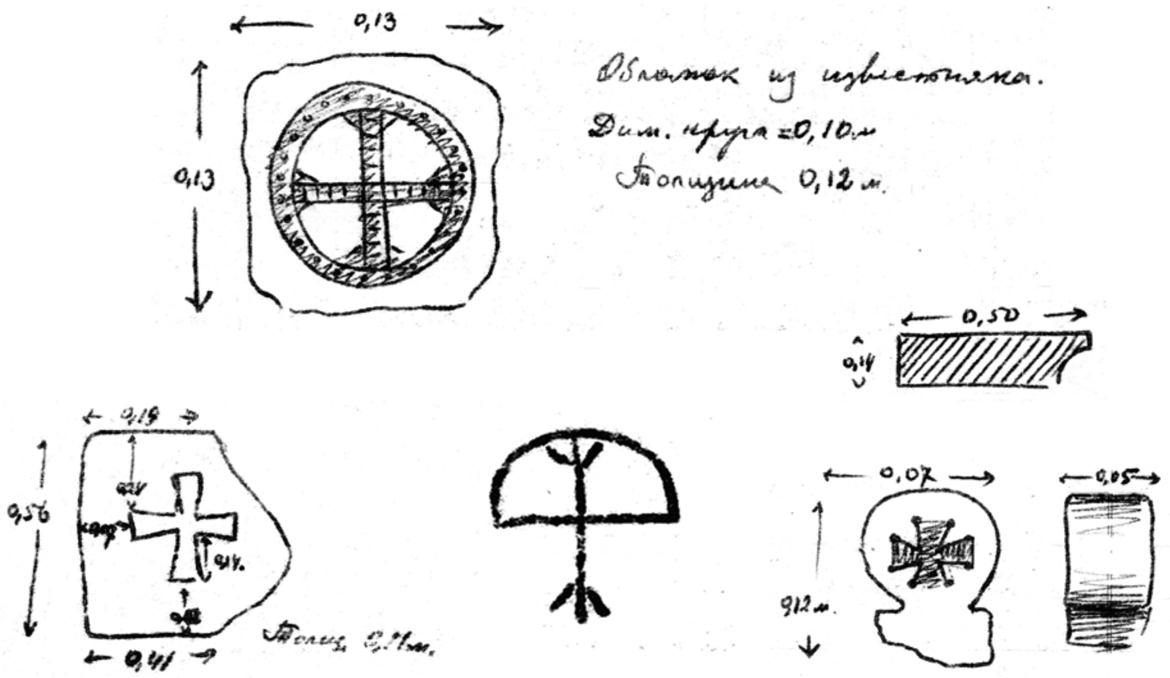

Рис. 8. Архитектурные фрагменты, обнаруженные в 1933 г. в траншее под обрезом скалы с усыпальницей[98].

[98] *Веймарн Е.В.* Работы по зачистке усыпальницы в районе Западной оборонительной стены. Л. 6.

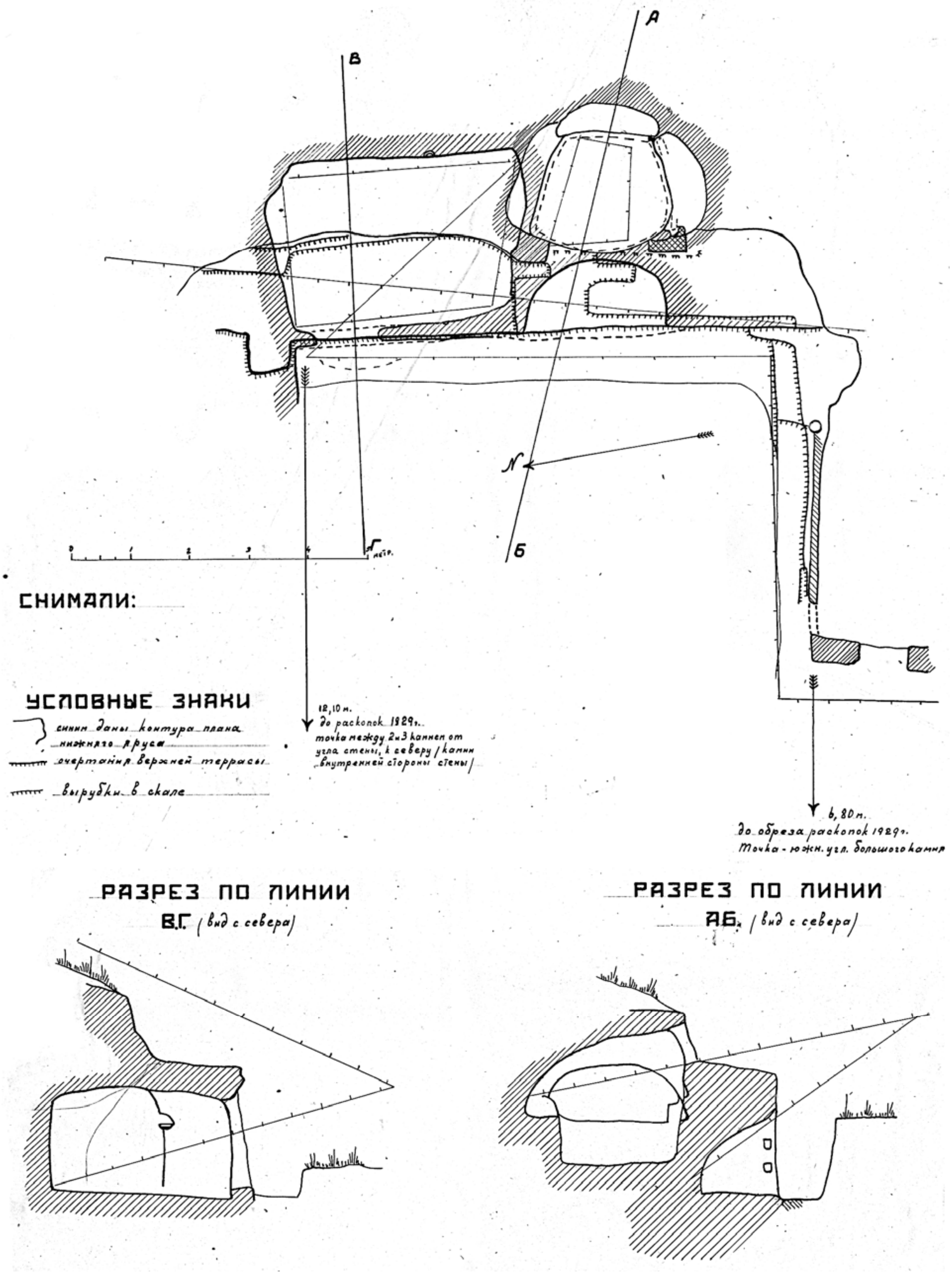

Рис. 9. План и разрезы зачистки 1933 г. у западных оборонительных стен. Усыпальница у так называемой «келейки»[99].

[99] Архив ИИМК. Ф. Р-1. № 135. Л. 5.

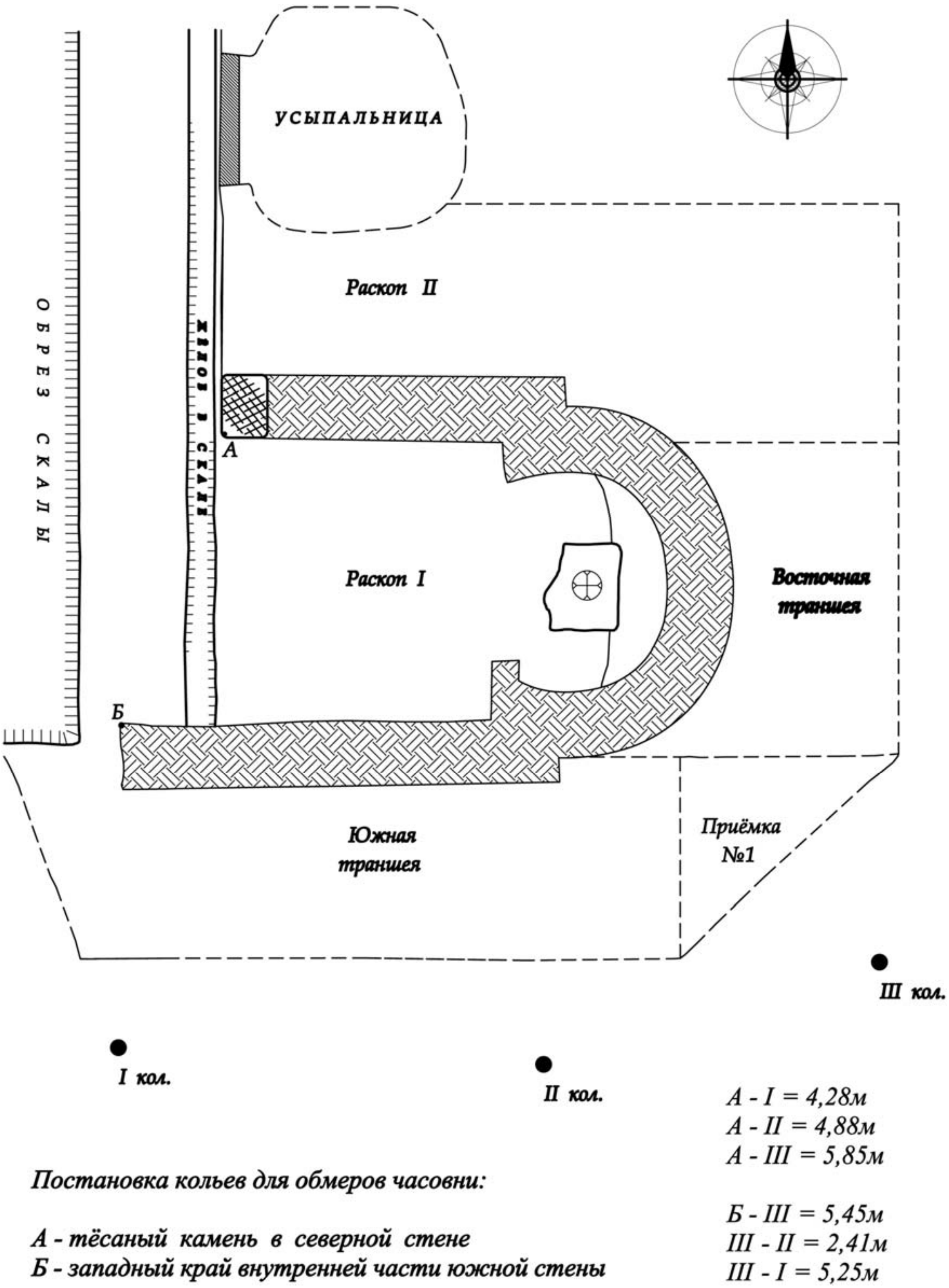

Рис. 10. Этапы вскрытия храма с вырубным основанием («часовни»).
Компьютерная графика Е.М. Ситниковой по рисунку Е.В. Веймарна из архива ИИМК[100].

[100] *Веймарн Е.В.* Дневник археологических работ на Эски-Кермене в 1936 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. № 301. Л. 12.

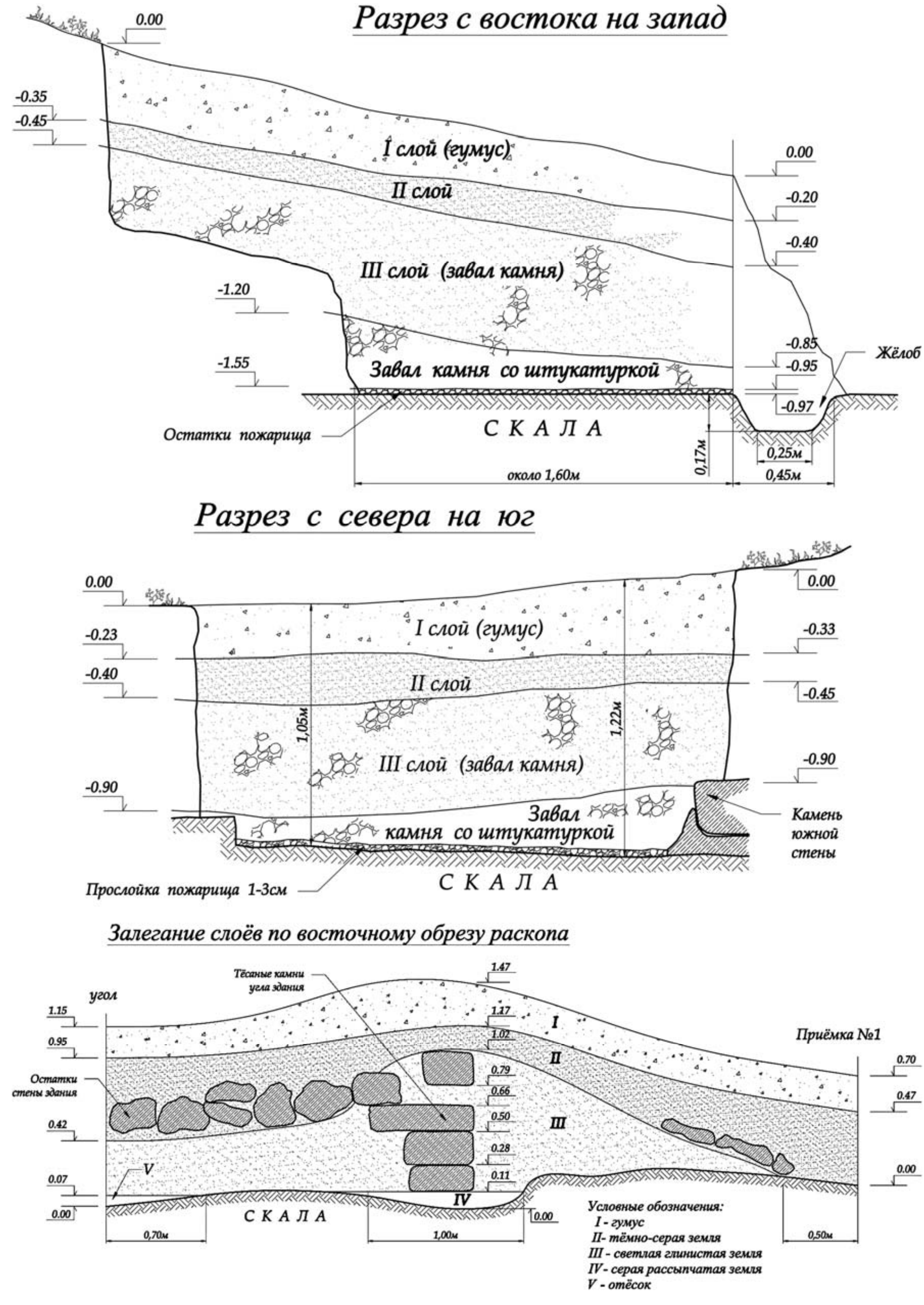

Рис. 11. Храм («часовня»).

Стратиграфические разрезы: вверху и в центре — западная часть храма[101], внизу — восточная траншея[102]. Компьютерная графика Е.М.Ситниковой по рисункам Е.В.Веймарна.

[101] Там же. Л. 3, об.

[102] Там же. Л. 13.

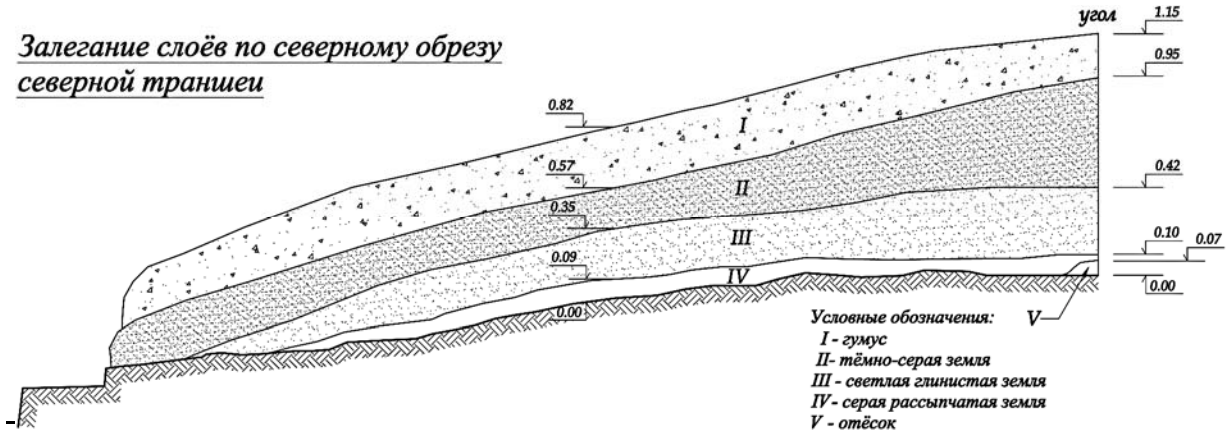

Рис. 12. Северная траншея (раскоп II). Стратиграфический разрез с запада на восток.
Компьютерная графика Е.М. Ситниковой по рисунку Е.В. Веймарна[103].

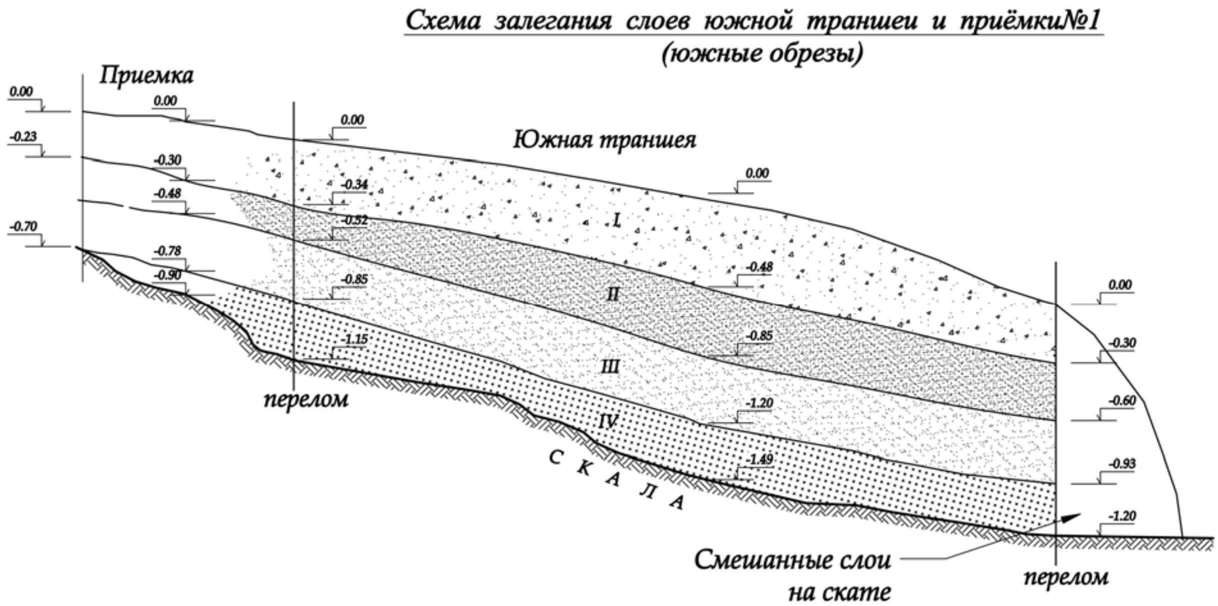

Рис. 13. Южная траншея. Стратиграфический разрез с востока на запад.
Компьютерная графика Е.М. Ситниковой по рисунку Е.В. Веймарна[104].

---

[103] *Веймарн Е.В.* Дневник археологических работ на Эски-Кермене в 1936г. Л. 13

[104] Там же. Л. 10.

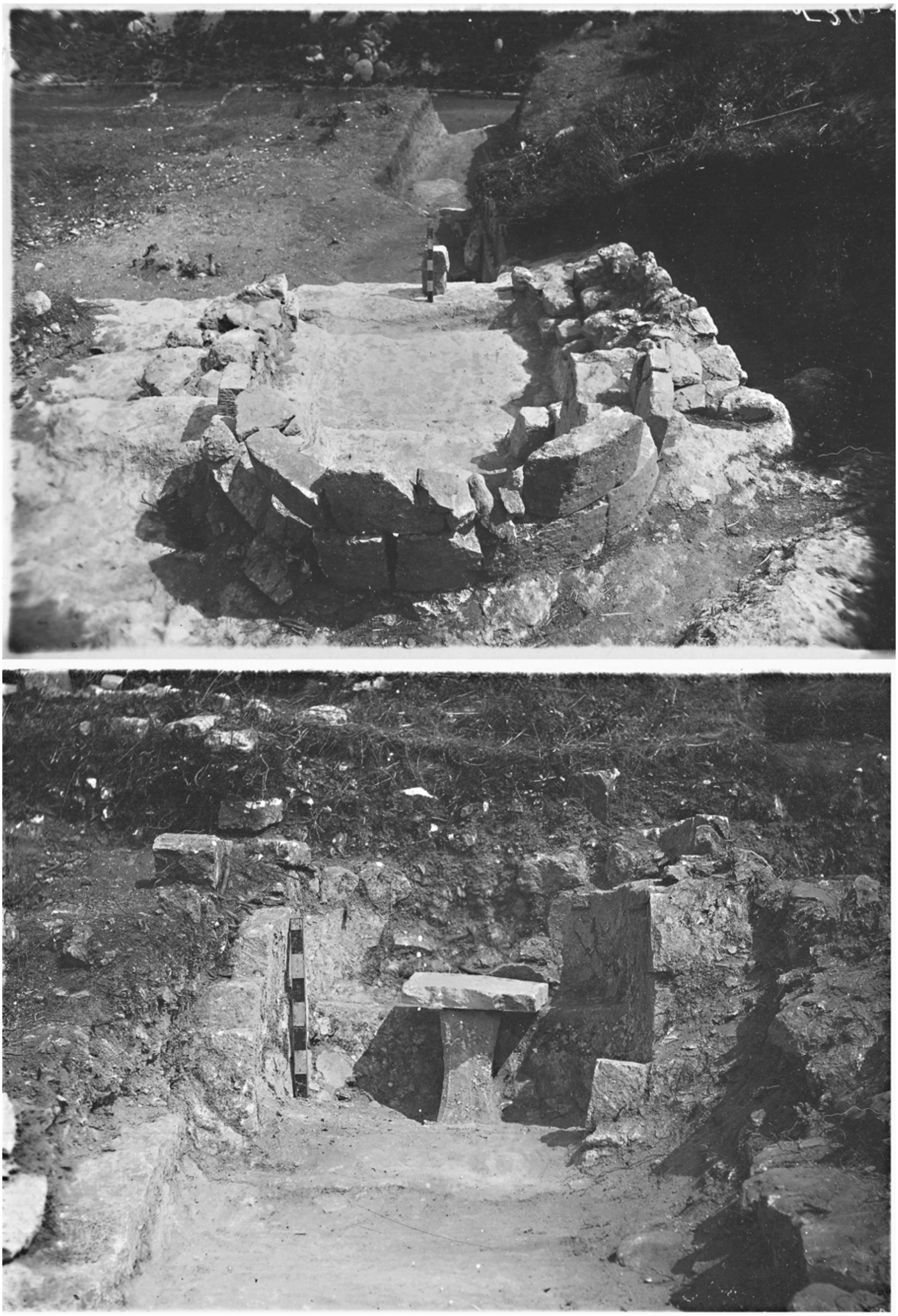

Рис. 14. Храм с вырубным основанием («часовня»)
(фото Эски-Керменской экспедиции)[105].

[105] *Репников Н.И.* Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936г. Л. 47—48.

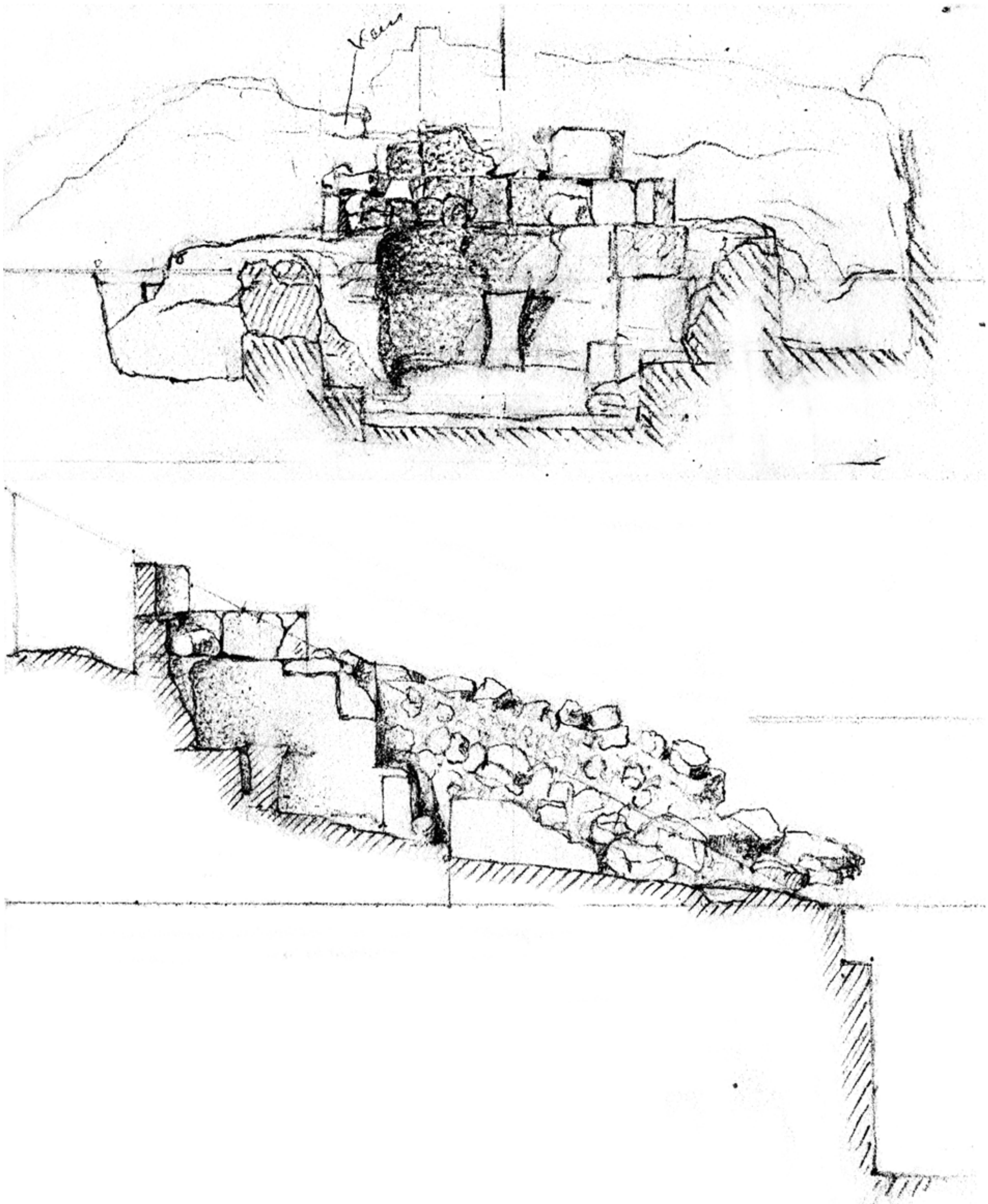

Рис. 15. Разрезы храма с вырубным основанием («часовни») у «келейки».
По материалам ЭКЭ[106].

[106]Архив ИИМК. Ф. Р-1. № 349. Л.20.

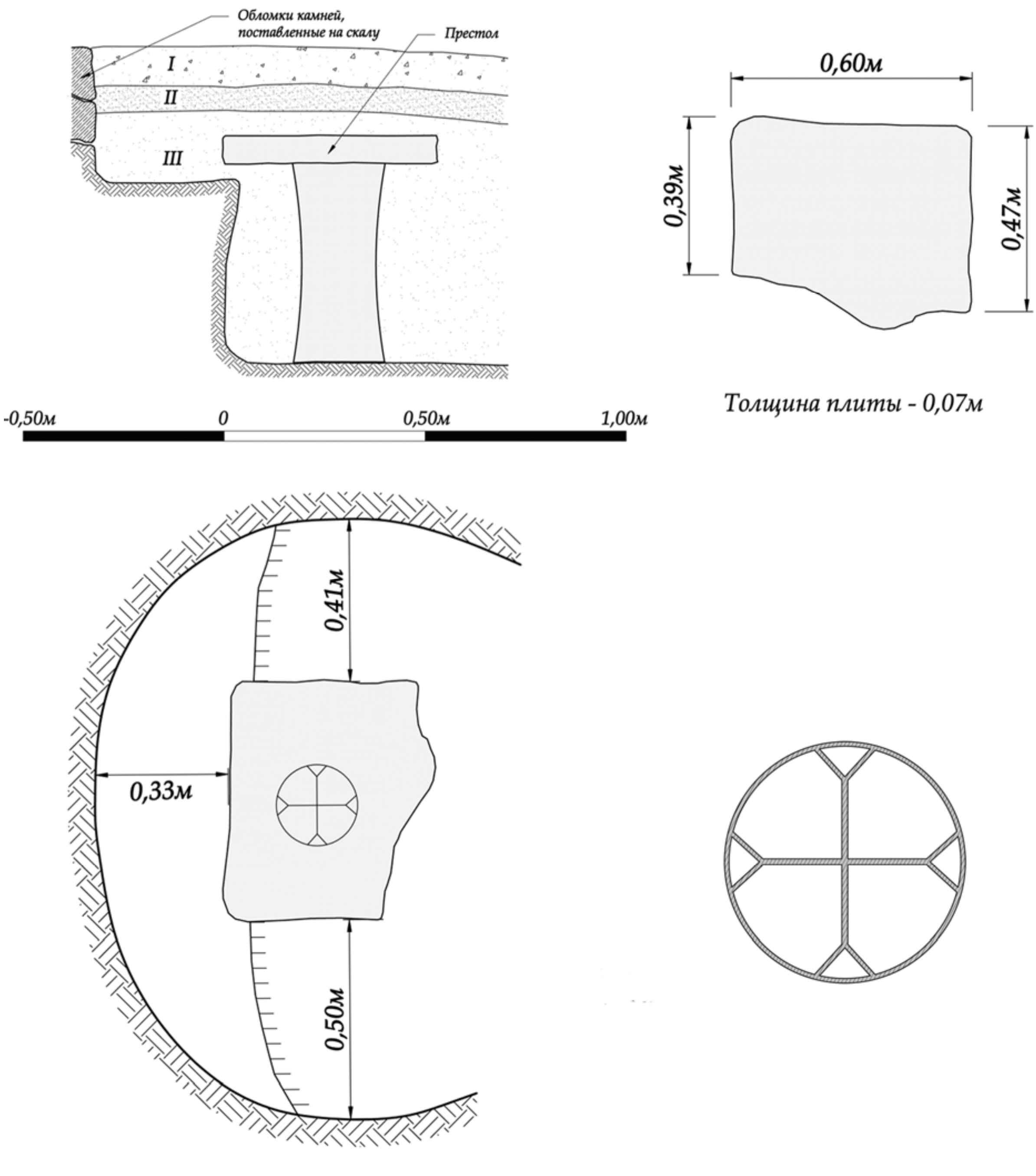

Рис. 16. Устройство алтарной части храма и схема залегания слоев в ней.
Компьютерная графика Е.М. Ситниковой по рисункам Е.В. Веймарна[107].

[107] *Веймарн Е.В.* Дневник археологических работ на Эски-Кермене в 1936г. Л. 6.

Рис. 17. Общий вид «ритуального комплекса» после расчистки. Фото ЭКЭ[108].

Рис. 18. Общий вид «ритуального комплекса».
Справа — вход в пещеру № 51 («келейку»). Современное состоние (фото автора).

[108] *Репников Н.И.* Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936 г. Л. 44.

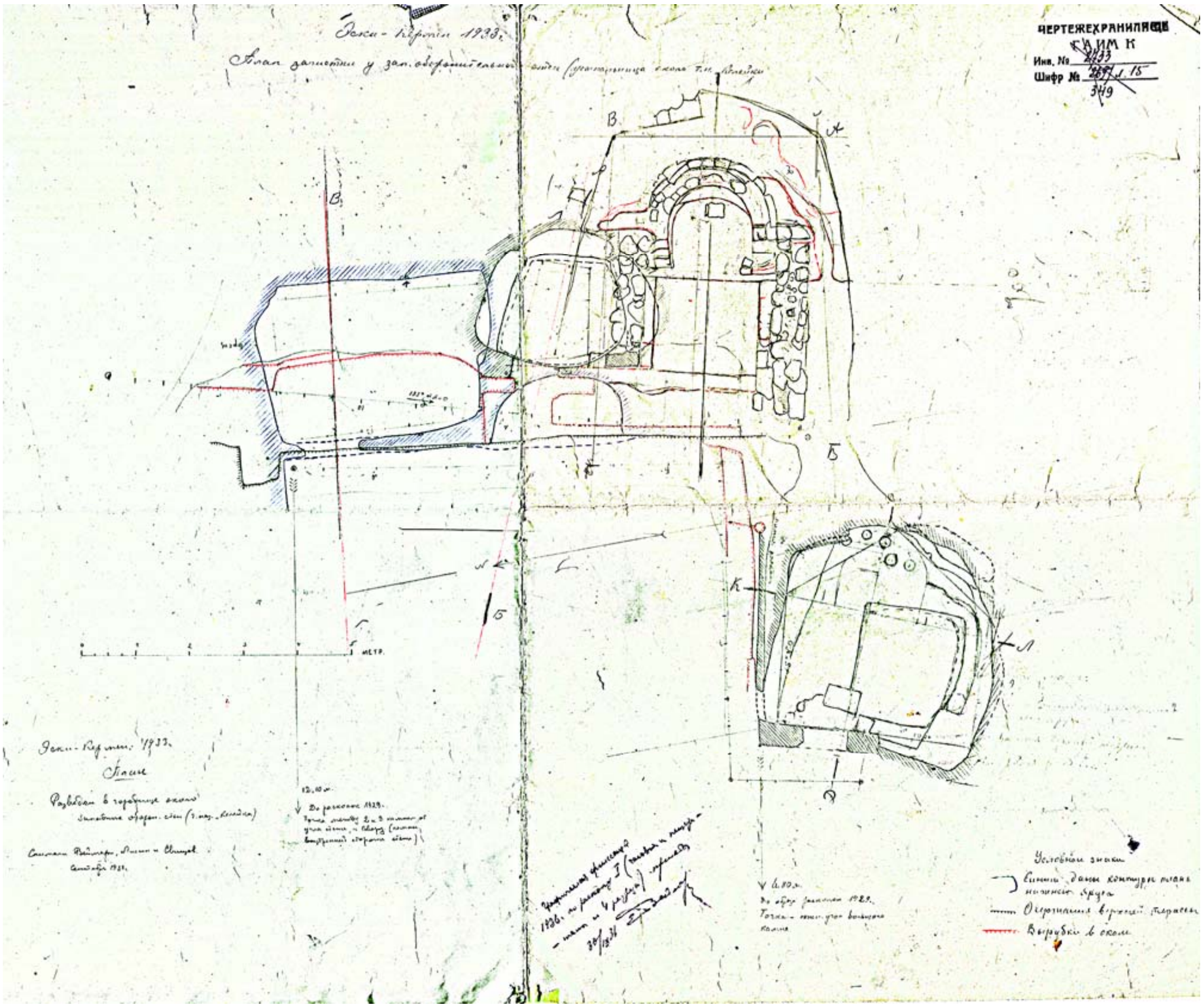

Рис. 19. «Ритуальный комплекс». План. Полевой чертеж[109].

В целях большей компактности чертежа при публикации масштабная шкала и некоторые надписи перемещены. Графическая часть оставлена без изменения.

[109] Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1933 г. № 288. Л. 8. В указании года архивации явная ошибка: комплекс был расчищен окончательно в 1936 г., а не в 1933 г.

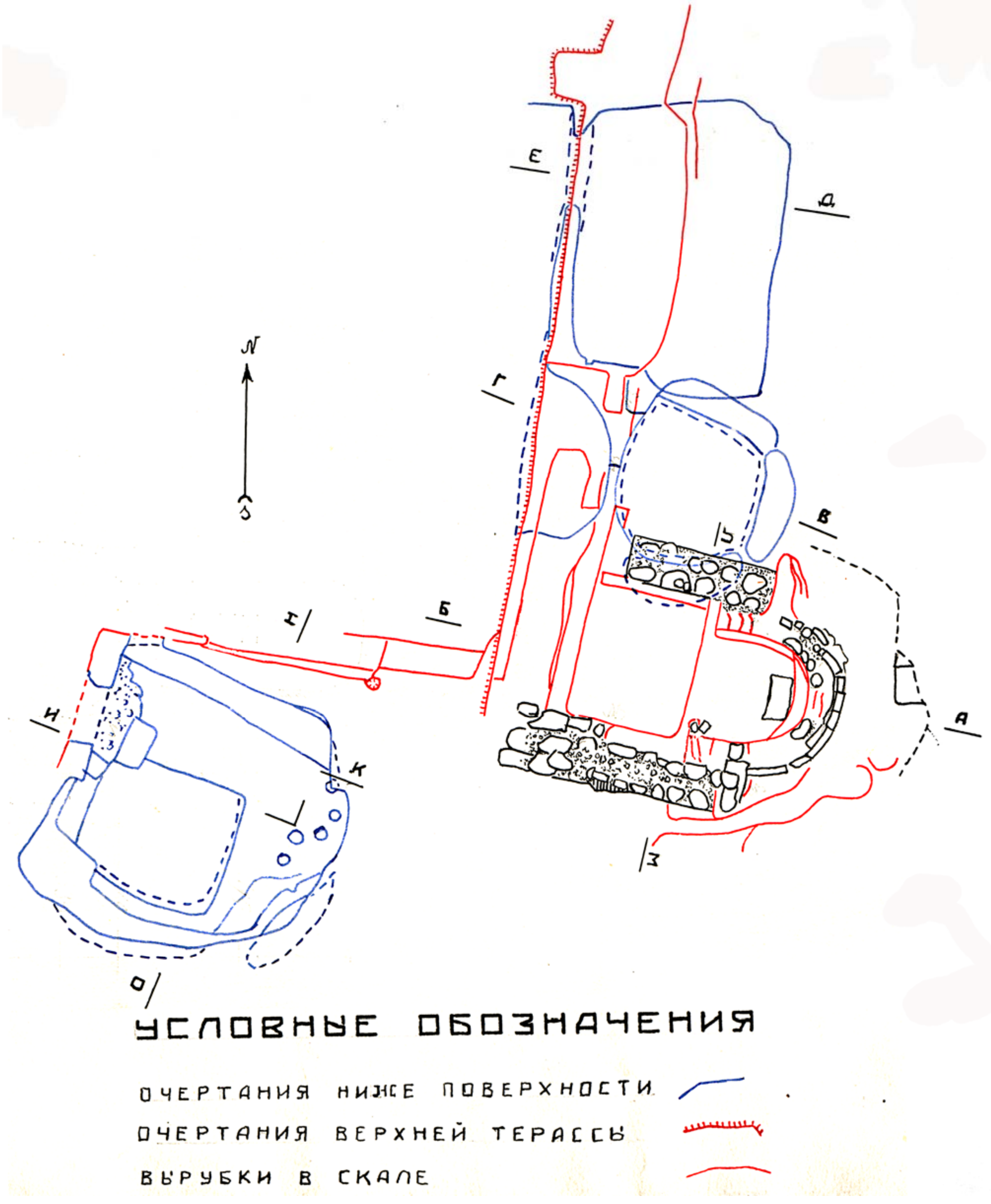

Рис. 20. «Ритуальный комплекс». План. Беловой чертеж[110]

[110] Архив ИИМК. Ф. Р-I. Д. 349. Л. 1.

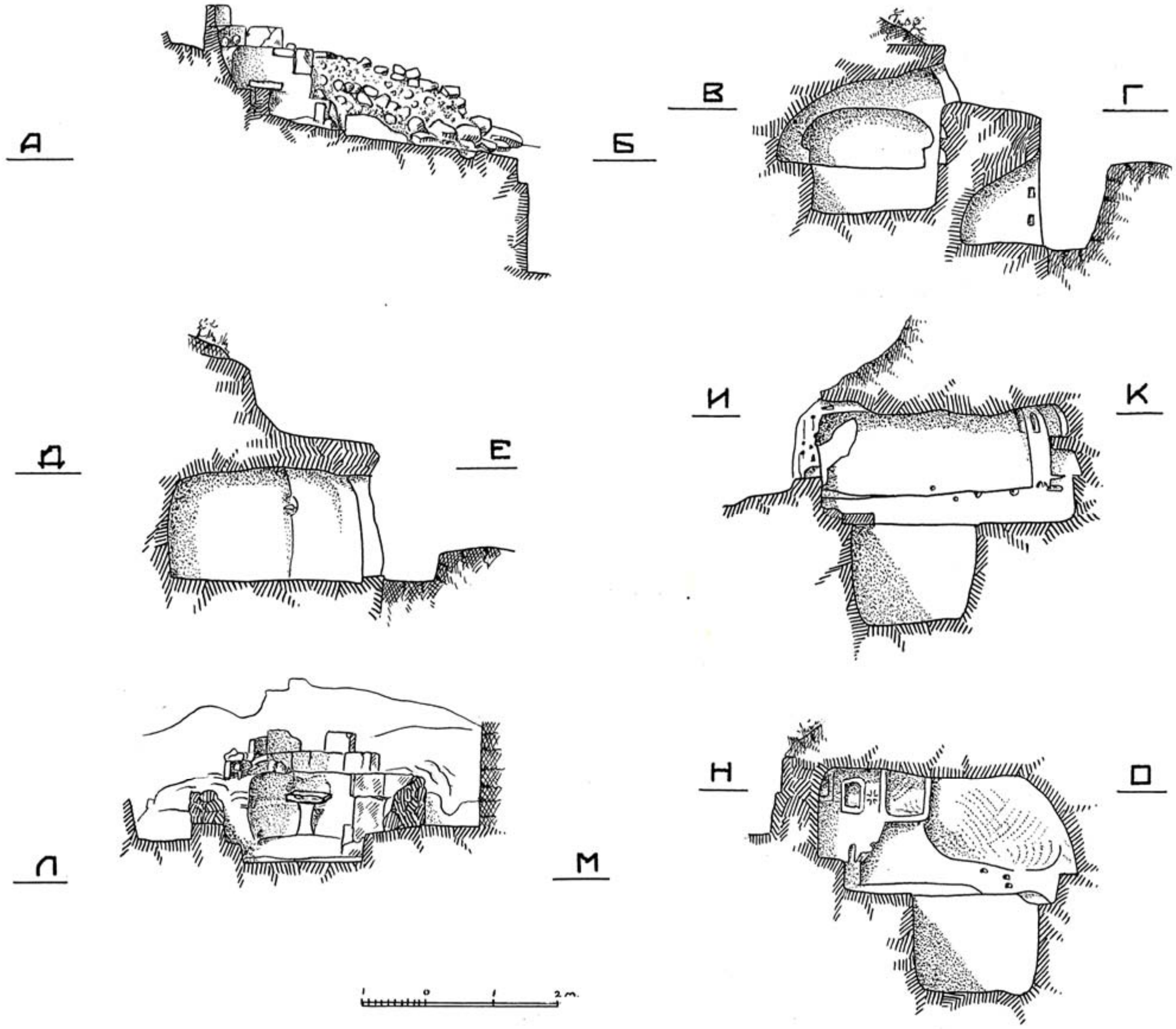

Рис. 21. «Ритуальный комплекс». Разрезы к плану раскопа 1936г. у «келейки»[111].

[111] Архив ИИМК. Ф. Р-1. № 349. Л. 1.

Рис. 22. Усыпальница (пещера №50). Современное состояние (фото автора).

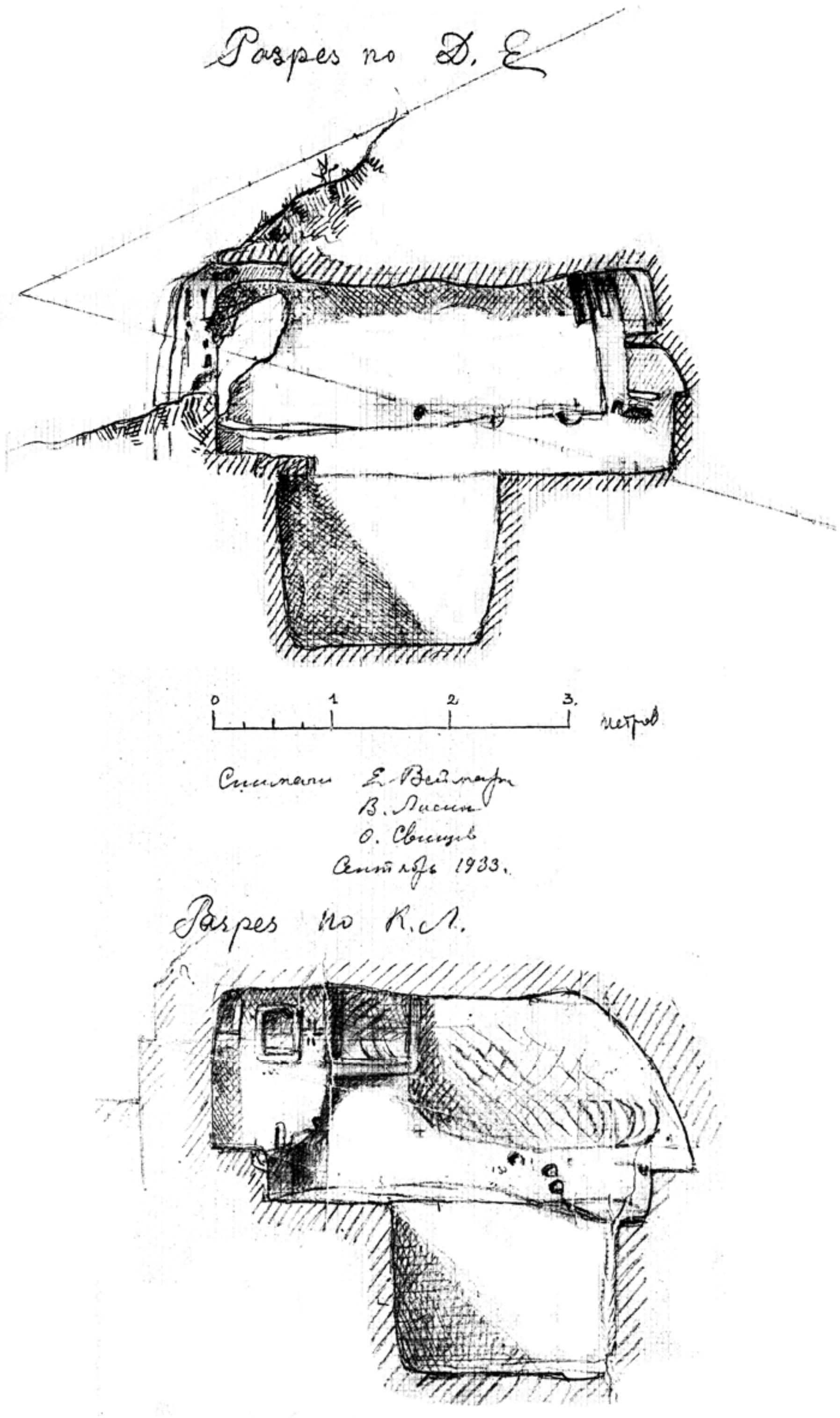

Рис. 23. Пещера № 51 («келейка»). Разрезы[112].

[112] Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1933 г. № 288. Л. 7

Рис. 24. Пещера № 51 («келейка»). Интерьер. Вид с запада (фото автора).

Рис. 25. Пещера № 51 («келейка»). Интерьер. Вид с юга.
Современное состояние (фото автора).

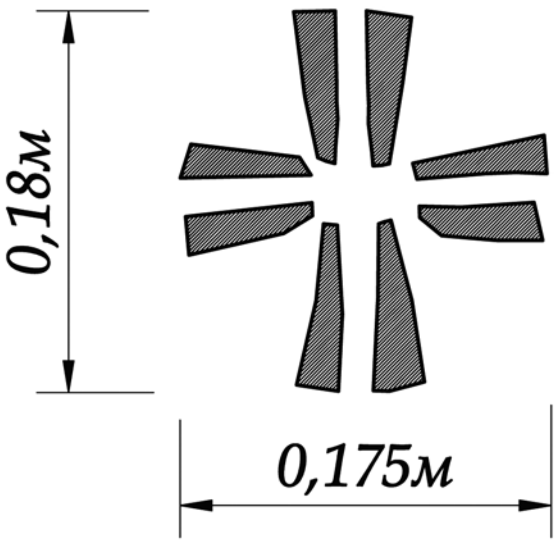

Рис. 26. Пещера № 51 («келейка»). Крест на восточной стене.
Компьютерная графика Е.М. Ситниковой по рисунку Е.В. Веймарна[113].
Действительные размеры креста — 0,16 × 0,16 м.

[113] *Веймарн Е.В.* Дневник археологических работ на Эски-Кермене в 1936 г. Л. 19.

НУМИЗМАТИКА

УДК 94(395)

М.М. Чореф

К БИОГРАФИИ АСАНДРА: ПУТЬ К ПРЕСТОЛУ

Узурпаторами становились героические личности, прошедшие к власти исключительно благодаря силе своей воли, часто самоотверженности, и, практически всегда, авантюризму. Но даже на их фоне выделяется Асандр — самозваный правитель Боспорского государства, не только оттеснивший на время от престола законный дом Митридатидов, но и навязавший свою волю всевластному Риму.

Обстоятельства, приведшие этого узурпатора на историческую арену, а также чрезвычайная успешность и длительность его правления не могли остаться незамеченными. Интерес к личности Асандра пробудился уже в эпоху Античности. О нем писали Аппиан (App., Mithr., 120), Дион Кассий (Dio Cass., XLII, 46, 4; 47, 5; 48, 4, LIV, 24), Страбон (Strabo, VII, 4, 6, XI, 2, 17, XIII, 4, 3) и псевдо-Лукиан (Ps.-Luc., Macr., 17). Но, к глубокому сожалению современных историков, собранные ими сведения оказались крайне фрагментарны. Проблема в том, что древних писателей привлекала только героика его свершений. В результате они упустили ряд фактов, пусть не самых броских и ярких, но, в тоже время, чрезвычайно ценных с исторической точки зрения. Начнем с того, что античные трактаты не содержат сведений о происхождении Асандра и его жизни до назначения этнархом. Но не стоит этому удивляться. В трудах древних историков отсутствуют и куда более важная информация. К примеру, о взаимоотношениях Рима и боспорских Митридатидов в третьей четверти I в. до н.э., точнее, после гибели Фарнака II (63—47 гг. до н.э.) и до воцарения его дочери Динамии[1] (277—285 гг. б.э., 21/20—12 гг. до н.э.). К сожалению, древних писателей интересовали только деяния правителей, а нетитулованные особы удостаивались упоминания лишь тогда, когда выступали в роли ключевых участников важнейших событий. Куда существеннее то, что, античные историки, излагая заинтересовавшие их эпизоды из жизни Асандра, не считали нужным приурочить их к бытовавшим тогда эрам. Так что датировать события его правления крайне затруднительно.

К счастью, в распоряжении современных исследователей находится довольно широкий круг иных источников информации, работа с которыми позволяет найти ответы на эти вопросы. Речь идет о памятниках эпиграфики и нумизматики, а также о результатах археологического исследования боспорских поселений, существовавших во втор. пол. I в. до н.э.

---

[1] Основываясь на материалах, собранных С.Ю. Сапрыкиным (См.: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 97—98), полагаем, что последней четко фиксируемой датой в жизни этой государыни является именно 12 г. до н.э., когда она, в результате развода с Полемоном I (14/13 гг. до н.э. — 9/10 гг. н.э.), лишилась монопольных прав на боспорский престол. Позже она правила восточной частью государства.

Начнем с лапидарных надписей, довольно хорошо сохранившихся, определенно информативных[2], и, в тоже время, основательно изученных[3]. И сразу же заметим, что на территории Боспорского государства был обнаружен подобный артефакт, текст которого содержит весьма важные сведения по интересующему нас вопросу. Речь идет о пирамидальном блоке — части памятника[4], найденном в море близ античного Нимфея[5]. Он датируется втор. пол. I в. до н.э. (КБН 913). Монумент был посвящен Гликарии, жене

[2] Пожалуй, трудно найти иную историческую дисциплину, позволяющую так широко, и, в тоже время, исключительно подробно осветить древнюю и средневековую историю. И дело отнюдь не только в том, что предметом ее исследования являются надписи, размещенные на твердых материалах: камне, керамике, металле и др., способных длительное время хранить тексты. Куда важнее то, что изучение подобного рода памятников, начавшееся еще в эпоху Возрождения, позволило разработать общепринятую методику изучения древних надписей уже в XVIII—XIX вв. А это, в свою очередь, дало возможность эпиграфистам перейти к кодификации своих находок значительно раньше историков иных специальностей. Так что не стоит удивляться тому, что редкая работа, освещающая проблемы античности и раннего средневековья, не основывается на результатах их исследований.

[3] Укажем только основные труды по этому вопросу, оказавшиеся в поле нашего внимания: *Бёттгер Б., Шелов Д.Б.* Дипинти на амфорах из Танаиса. М., 1998; *Виноградов А.Ю.* «Миновала уже зима языческого безумия...»: Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. Москва, 2010; *Гаврилов А.В.* Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) // АА. Донецк, 2011. № 24; *Завойкина Н.В.* Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2014; *Емец И.А.* Граффити и дипинти из античных городов и поселений. М., 2012; *Ильяшенко С.М.* Стандартные *dipinti* на узкогорлых светлоглинянных амфорах Танаиса и его округи III—IV вв. н.э. // БИ. 2013. Вып. XXIX; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII; *он же.* Керамические клейма Херсонеса Таврического (каталог-определитель). Саратов, 1994; КБН; *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Москва, 1989; *Емец И.А.* Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М. 2012; *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. Санкт-Петербург, 1896; *он же.* О календарях Тиры, Ольвии и Херсониса Таврического // Труды VI Археологического съезда. Т. II. Одесса. 1888. С. 56—71; *он же.* Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсониса Таврического // ЖМНП, июнь. 1884. Отд. отт. С. 35—77; *он же.* IOSPE I^1; IOSPE II^1; IOSPE IV^1; IOSPE I^2; Надписи Ольвии (1817—1965) / под ред. Т.Н. Книпович, Е.И. Леви. М., 1868; *Русяева А.С.* Граффити Ольвии Понтийской // МАИЭТ. 2003. Suppl. 8; *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора // БИ. 2007. Suppl. 1; *Соломоник Э.И.* Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978; *она же.* Граффити с хоры античного Херсонеса. Киев, 1984; *она же.* Древние надписи Крыма. Киев, 1988; *она же.* Латинские надписи Херсонеса Таврического (тексты, перевод, комментарий). М., 1983; *она же.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964; *она же.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973; *она же.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959; *Федосеев Н.Ф.* Керамические клейма. Боспор: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Киев, 2012; *Яйленко В.П.* Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. — V в. н.э. М., 2010; *он же.* Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990; *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М. 2001; *Vinogradov J.G.* Pontische Studien: Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, 1997.

[4] Вернее всего, он служил замковым камнем арки, обрамлявшей вход в искусственный грот, в котором находился фонтан и пирамида (См.: *Латышев В.В.* Заметка к эпиграмме из Эль-Тегеня // ИАК. 1910. № 37. С. 64).

[5] *Шкорпил В.В., Ростовцев М.И.* Эпиграмма из Эль-Тегеня (с 3 снимками) // ИАК. 1910. № 37. С. 14—22.

Асандра[6], которую есть все основания считать первой супругой будущего архонта и царя Боспора[7]. Изящность текста, оформленного в виде элегического дистиха, его безусловная грамотность и исключительная образность[8], а также высокая технологичность монумента дают нам все основания полагать, что она и ее супруг принадлежали к эллинской элите.

Не противоречат такому выводу и результаты ономастического анализа[9]. Известно, что сподвижником Александра III Великого (Македонского) (336—323 гг. до н.э.), а позже одним из диадохов, был Асандр, сын Филоты — доверенное лица как вышеупомянутого государя, так и его отца Филиппа II (359—336 гг. до н.э.). Но это имя было известно не только македонянам. Мы судим по тому, что Плутарх в трактате «Ἐρωτικός» привел критское предание о красавице Горго, отвергнувшей любовь благородного Асандра — молодого человека, по воле судьбы впавшего в бедность. Жестокосердная была наказана во время похорон несчастного: взглянув из окна на погребальную процессию, она превратилась в камень (Plut., Erot., 20). Чтобы не утомлять читателя перечислением и изложением множества сюжетов, заметим только, что по данным составителей «Lexicon of Greek Personal Names», имя Ἀσάνδρος было известно жителям Аттики, Пелопоннеса, Центральной и Северной Греции, Крита, Македонии, а также Киклад и Эгейских островов[10]. Так что есть основания считать его свойственным всем эллинам[11].

Заметим, что это обстоятельство затрудняет задачу выяснения происхождения Асандра. Ведь широкий ареал распространения его имени лишает нас возможности разрешить проблему, основываясь исключительно на результатах ономастического исследования. Тем не менее, учитывая очевидную принадлежность Асандра к элите Нимфея, допускаем, что он был гражданином этого полиса. А это, в свою очередь, было бы возможно лишь в том случае, если бы он вел свою родословную от выходцев из Милета или же, что

---

[6] По мнению В.В. Шкорпила и М.И. Ростовцева он был сооружен в память о покойной (Там же). В тоже время В.В. Латышев допускал, что памятник мог быть воздвигнут и при жизни Гликарии (См.: *Латышев В.В.* Заметка к эпиграмме из Эль-Тегеня). Его точку зрения разделили О.О. Крюгер (См.: *Крюгер О.О.* «Корпус Боспорских надписей», М.—Л., 1965 // ВДИ. 1966. № 2. С. 182—183) и А. Твардецки (См.: *Twardecki A.* Greek Metric Inscription about Fountain Building (KL 1279 = CIRB 913) // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 501—507).

[7] *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 56, прим. 4.

[8] Обратим внимание на исключительную лаконичность, и, в тоже время, поэтичность образа, созданного автором эпитафии. Так, в ее тексте воды из источника сравниваются с вином, с Бромием — «σὺν Βρομίοι».

[9] Мы считаем эту проблему крайне важной, т.к. до сих пор нет единого мнения по вопросу о происхождении Асандра (См.: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 56—57; *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 118—119; *Яйленко В.П.* Тысячелетний боспорский рейх... С. 225, 226).

[10] Lexicon of Greek Personal Names [Электронный ресурс] // http://clas-lgpn2.classics.ox.ac.uk/cgi-bin/lgpn_search.cgi?namenoaccents=ΑΣΑΝΔΡΟΣ

[11] Заметим, что к аналогичному выводу пришли В.Ф. Гайдукевич и С.Ю. Сапрыкин (См.: *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.—Л., 1949. С. 540; *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 56, 131—134). Правда, В.П. Яйленко полагает, что Асандр был представителем синдской знати (См.: *Яйленко В.П.* Тысячелетний боспорский рейх... С. 255—256, прим. 3). Так что единого мнения по этому вопросу нет. Кроме того, довольно трудно согласиться с мыслью, что Асандр мог стать отцом в 50—60 лет. Однако заметим, что подобные случаи редки, но, тем не менее, зафиксированы. Вспомним о Владиславе III Варенчике (1434—1444) — втором короле династии Ягеллонов, рожденном от шестидесятидвухлетнего Владислава II Ягайло (1377—1381, 1382—1386/1386—1434). Собственно, у нас нет оснований сомневаться в том, что Асандр смог продолжить свой род и в столь древнем возрасте, если он, по свидетельству псевдо-Лукиана, до девяноста лет оставался непобедимым воином, прожил девяносто три года и добровольно умер от голода (Ps.-Luc. Macr, 17).

менее вероятно, являлся потомком позднейших переселенцев с о. Самос[12]. Но, в любом случае, Асандр был ионийцем.

Что же касается имени Γλυκάρεια — «*Гликария*», то тут ситуация несколько сложнее, но, в тоже время, интереснее. Дело в том, что оно не употреблялось ни в материковой и островной Греции, ни в эллинских колониях. Зато довольно широко бытовали созвучные Γλυκαρία[13] и Γλυκερία — «*Гликерия*»[14]. Допускаем, что Γλυκάρεια являлось его местной, боспорской формой. Причем очевидно, что мы не имеем дело с ошибкой, допущенной древним мастером по невнимательности — он вряд ли мог спутать «А» и «Е» в имени, да и образованный заказчик непременно потребовал бы исправить эту оплошность.

Мы учитываем и то обстоятельство, что на территории Боспорского царства кроме пирамиды Гликарии были найдены разновременные эпиграфические памятники, в текстах которых присутствуют весьма созвучные имена: Γλυκαρία — «*Гликария*» (КБН 1021), Γλυκάριον — «*Гликарин*» (КБН 594), а также Γλυκάριον, Γλυκαρίων и Γλυκαρίωνος — «*Гликарион*» (КБН 305, 264, 381, 595, 596, 838, 1197, 1134). В них были упомянуты эллины, принадлежавшие к элите общества. Допускаем, что они являлись потомками первопоселенцев, сохранивших архаичные имена, не свойственные для греческого мира втор. пол. I в. до н.э.

Итак, основываясь на результатах эпиграфического и ономастического изучения заинтересовавшей нас надписи, приходим к выводу, что Асандр и Гликария были ионийцами, причем выходцами из состоятельных и просвещенных родов. Однако сам факт обнаружения заинтересовавшего нас памятника за пределами Пантикапея и его ближайшей округи не позволяет допустить их принадлежность к элите Боспорского государства. Вернее

---

[12] Речь идет о гипотезе, предложенной В.А. Анохиным. Ученый допустил, что серебряные монеты с легендой «ΣΑΜΜΑ» на реверсе могли быть выпущены беженцами с о. Самос (См.: *Анохин В.А.* К дискуссии о монетах с надписью ΣΑΜΜΑ // Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. К., 2010. С. 82—87). Не вдаваясь в дискуссию по поводу возможности этой, к слову, довольно общинной эмиссии в столь незначительном городе как Нимфей, заметим только, что точка зрения уважаемого исследователя не получила всеобщего признания. Дело в том, что И.Е. Суриковым (См.: *Суриков И.Е.* По поводу древнегреческих монет с легендой ΣΑΜΜΑ // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 17—21 апреля 2000 г.). Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. А.С. Беляков. М., 2000. С. 7; *он же.* Древнегреческие монеты с легендой ΣΑΜΜΑ: к оценке хода дискуссии // ПИФК. 2004. Вып. 14. С. 316—326) и С.Ю. Сапрыкиным (См.: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 11—35) была выработана и обоснована куда более правдоподобная теория о переименовании этого полиса во время его принадлежности к Афинскому морскому союзу. Так, С.Ю. Сапрыкин считает, что «*причины появления новой легенды на нимфейских монетах следует искать в возможном переименовании города, которое произошло... после перехода Нимфея под власть и влияние Афин*» (См.: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании до эллинистической монархии. С. 24). Точка зрения В.А. Анохина не была поддержана и В.Л. Строкиным (См.: *Строкин В.Л.* Нимфей — Самма(?) — Нимфей // ДБ. Т 13. С. 359—392). Нумизмат допустил, что монеты с «ΣΑΜΜΑ» были выпущены афинянами (Там же. С. 386). Детальный разбор многочисленных гипотез появления этого термина приведен И.Е. Суриковым (См.: *Суриков И.Е.* ΣΑΜΜΑ: о нескольких новых гипотезах // ДБ. 2010. Т. 14. С. 468—483).

[13] Lexicon of Greek Personal Names [Электронный ресурс] // http://clas-lgpn2.classics.ox.ac.uk/cgi-bin/lgpn_search.cgi?namenoaccents=ΓΛΥΚΑΡΙΑ

[14] Lexicon of Greek Personal Names [Электронный ресурс] // http://clas-lgpn2.classics.ox.ac.uk/cgi-bin/lgpn_search.cgi?namenoaccents=ΓΛΥΚΕΡΙΑ

всего, они являлись представителями местной нимфейской эллинской знати, не игравшей значимой роли при царском дворе[15].

Однако есть еще одно, крайне важное обстоятельство, которое мы пока еще не затронули. Обратим внимание на то, что в тексте отсутствуют какие-либо славословия в адрес Асандра. Он выступает исключительно как супруг Гликарии, которую, что немаловажно, только одну благодарят за добрые дела. Это следует из фразы: «καὶ ζώουσα καὶ φθιμένη σώζεις τοὺς ἐπιδευομένους» — «*и при жизни, и после смерти ты спасаешь нуждающихся*». Судя же по тому, что благодеяния расточались исключительно от имени Гликарии, то в браке она являлась финансово независимой[16]. Учитывая это обстоятельство, заключаем, что это особа принадлежала к значительно более знатной и богатой семье, чем ее супруг[17]. В ином случае ситуация, зафиксированная в эпитафии, была бы невозможна.

Вернее всего, их брак не был равным. О причинах его заключения можно лишь догадываться. Вернее всего, Асандр вступил в него с целью улучшить свое финансовое положение и поднять престиж в общине Нимфея.

Попробуем осветить последующие годы жизни нашего героя. Для этого обратимся к письменным источникам, содержащим необходимые сведения.

Первое упоминание об Асандре как о государственном деятеле появилось в связи с походом Фарнака II в Северо-Восточное и Южное Причерноморье[18] (50—47 гг. до н.э.). Царь, отправляясь на войну, назначил его наместником на Боспоре[19]. До этого же Асандр

---

[15] Выяснение этого обстоятельства не является нашей задачей, но мы все же рискнем предположить, что Асандр не был приобщен к власти, т.к. не был связан с фракийским окружением Спартокидов.

[16] Напрашивается параллель с херсонеситкой Гикией, дочерью Ламаха, о которой повествовал Константин VII Багрянородный (Const. Porph., 53, 234—492). Но полагаем, что в данном случае ситуация несколько иная — Асандр все же был гражданином Нимфея.

[17] Основываемся на выводах, сделанных М.В. Скржинской (См.: *Скржинская М.В.* Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2010. С. 31—32), а также учитываем результаты изучения боспорских надгробий. Дело в том, что в лапидарных коллекциях ГМИИ, ГЭ и КИКЗ нет иных женских надгробий, тексты которых содержали бы такого рода восхваления. Как правило, ограничивались констатацией фактов происхождения и семейного положения покойной (См.: Античная скульптура из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Альбом / под ред. Л.И. Акимовой. М., 1987. С. 214—215, № 148, 149; Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. — III в. н.э. Каталог выставки / авт. вступ. ст. и сост. кат. Л.И. Давыдова. Л., 1990. С. 28—30, 44—46, 48, № 11—14, 32—34, 37; Боспорские надгробия II в. до н.э. — III в. н.э. / Т. Матковская Т., А. Твардецки, С. Тохтасьев, А. Бехтер. Киев. 2009. (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. 3, кн. 2, ч. I). С. 27—43, 51—52, 53—61, 121—124, 130—131, 136, 137—141, 152—153, 156—157, 161—165, 167—168, 169—178, 180—191, 192—194, 195—196, 197—199, 200—203, 204—211, 214—219, 221—224, 226—242, 243—250, 251—253, 255—258, 259—266, 267—270, 272—276, 278—280, 281—284, 285—289, 295—297, 298—306, 307—329, 333—335, № 2—11, 14, 17—24, 69—71, 76, 80, 82, 83, 91, 94, 99—100, 102, 104—109, 111—117, 119, 121, 123, 125, 126, 128—131, 134—136, 138—139, 141—151, 153—156, 158, 161—162, 164—167, 169—170, 172—173, 175, 177—178, 180—182, 188, 190—195, 197—210, 213—214). Если покойную и восхваляли, то только за благочестие и покорность супругу. Мы судим по памятнику жены Дия (Там же. С. 43—50, № 12). Так что у нас есть все основания считать, что Гликария занимала исключительное положение в современном ей боспорском обществе.

[18] Фарнак II воспользовался Гражданской войной в Риме (Dio Cass., XLII, 9, 2; Flor, IV, 2, 61—63).

[19] По мнению ряда исследователей, он уже тогда стал архонтом (См.: *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // БИ. Вып. XII. 2006. С. 143; *Карышковский П.О., Фролова Н.А.* К истории правления Асандра на Боспоре // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 94). Иной точки зрения придерживается С.Ю.

был этнархом[20] (Dio Cass., XLII, 46, 4; 47, 5; 48, 4; App., Mithr., 120; Strabo, XII, 4, 3), вернее всего, в восточной части Боспорского государства[21] (App., Mithr., 120).

Мы находим эти обстоятельства крайне примечательным. Как видим, знатный житель Нимфея исполнял должность этнарха и, следовательно, был предводителем значительной группы варваров, населявших восточную часть Боспорского царства[22]. Но это могло произойти лишь в том случае, если к тому времени Асандр уже проявил себя в качестве опытного и удачливого полководца, администратора и дипломата, успешно устанавливающего и поддерживающего контакты с элитой негреческого населения. Пройти же такую школу он мог только во время масштабных войн, сотрясавших Причерноморский регион в период правления Митридата VI Евпатора Диониса[23] (120—63 гг. до н.э.), кстати,

---

Сапрыкин (См.: *Сапрыкин С.Ю.* К вопросу о начале правления Асандра на Боспоре // Античность: события и исследователи. Казань, 1999. С. 102—106). С нашей точки зрения важнее то, что Фарнак II счел необходимым уточнить границу сферы его компетенции — назначил наместником стратегии Боспор. Следовательно, Асандр не должен был контролировать владения Фарнака II в Азии.

[20] Дион Кассий титулует его ἐπίτροπος — «*наместник*» (Dio Cass., XLII, 46, 4). Но это, очевидно, не давало право Асандру на собственную денежную эмиссию. Он, в лучшем случае, мог бы размещать на монете свою монограмму.

[21] *Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 134.

[22] Изначально термин ϵθνάρχης использовали для титулования правитель этноса, т.е. народа (См.: *Liddell H.G., Scott R.* A Greek—English Lexicon. revised and augmented throughout by. Sir Henry Stuart Jones. with the assistance of. Roderick McKenzie. Oxford. 1996. P. 480). Позже так стали называть наместников провинций (См.: *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. I: Α—Λ. С. 459; *Scott R.* A Greek-English Lexicon. revised and augmented… P. 480). Основываясь на свидетельстве псевдо-Лукиана: «Ἄσανδρος ἀντὶ ἐθνάρχου βασιλεὺς ἀναγορευθεὶς βοσπόρου» — «*Асандр вместо этнарха провозглашен царем Боспора*» (Ps.-Luc. Macr., 17), полагаем, что в нашем случае ϵθνάρχης использовано в первоначальном, раннем значении.

[23] В.А. Анохин считает, что начало карьеры Асандра следует датировать правлением Фарнака II. По мнению ученого, в период царствования сына Митридата VI Евпатора Диониса произошла морская битва, выигранная боспорским флотом. В память о ней победитель Асандр, по логике В.А. Анохина — новарх, стал впоследствии размещать на реверсе своих статеров фигуру Ники над пророй (См.: *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 119). Мы же, в свою очередь, заметим, что эта битва нам не известна. Так, о ней не пишут античные историки, детально фиксирующих свидетельства о значительных сражениях. Хотя это обстоятельство вряд ли может считаться существенным. Древние вполне могли опустить рассказы об этом столкновении, раз в нем не участвовал Фарнак II. Куда важнее то, что Асандр, если и служил норвахом при этом государе, то вряд ли бы мог проявить при нем свои флотоводческие способности. Начнем с того, что большую часть своего правления Фарнак II не воевал. Точнее, он довольно долго оставался верным союзником Риму, господствовавшему в Причерноморье со времен Третьей Митридатовой войны (74—63 до н.э.). Очевидно, что Асандр в тот мирный период не мог выиграть битву на море. Фарнак II начал проводить активную внешнюю политику только в последние годы царствования, что проявилось в походе на Кавказ и в Понт (См. *Чореф М.М.* Территориально-административное устройство Боспорского царства при Фарнаке II по нумизматическим данным // Петербургский апокриф. Послание от Марка (сбор. посвященный памяти Марка Борисовича Щукина). Кишинев, 2011. С. 247—259; *он же.* «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II // НВБелГУ. 2012. № 7 (126). Вып. 22. С. 44—59). Однако Асандр не мог принять участие в этих событиях, т.к. уже был этнархом, а, во время похода на Понт, исполнял обязанности царского наместника на Боспоре. Основываясь на этом, полагаем, что Асандр мог одержать победу на море только при Митридате VI Евпаторе Дионисе.

активно привлекавшего на свою сторону варваров Северо-Восточного Причерноморья (App., Mithr., 19, 57, 69, 100, 108; Justin, XXVIII, 3,7; Plut., Luc., XVI)[24].

Полагаем, что Асандр в период брака с Гликарией, или, что вероятнее, после ее смерти, поступил на службу к этому государю. Причем, вернее всего, во флот. Допускаем, что он одержал или же, что также вполне возможно, но менее вероятно, способствовал важной победе на море.

Учитываем и то обстоятельство, что на золотых монетах Асандра[25] обязательно присутствуют изображения Ники и проры под ней. Причем он так гордился этим успехом,

[24] Свидетельства древних историков подтверждаются результатами исследований современных археологов и историков (См.: *Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Бианки А.М., Трифонов В.А.* Раскопки курганов у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. Рис. 36; *Ждановский А.М.* Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. Рис. 110—111; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху… С. 138—141; *Марченко И.И.* Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. Рис. 113,*12*; *Молев Е.А.* Властитель Понта: Монография. Нижний Новгород, 1995. С. 64, 75, 83, 88, 92, 102, 103, 130-131, 134; *он же.* Вооруженные силы Митридата Евпатора на Боспоре // Из истории античного общества: сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 2010. Вып. 13: К семидесятилетию профессора Владимира Михайловича Строгецкого. С. 146; *он же.* Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003 (Серия «Загадки истории»). С. 191, 201, 208, 214, 226, 228, 239, 246—247, 250; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С.153, 157—160, 282—285; *Смирнов К.Ф.* Северский курган. М., 1953. С. 22).

[25] Не видим оснований соглашаться с предложенной В. А. Анохиным атрибуцией явно фальшивой монеты с изображением Гелиоса анфас на аверсе и Пегаса на реверсе, приписываемой исследователем царскому чекану Асандра (См.: *Анохин В.А.* Античные монеты Северного Причерноморья. Киев, 2011 С. 192—193, № 1342; *он же.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 147, № 246). Складывается впечатление, что исследователь счел возможным опубликовать значительную подборку поддельных монет. Обратим внимание на одну из самых примечательных — золотой «статер», изначально отлитый с ушком, с неканоническим изображением Асандра в шляпе (?) на аверсе и со слаборельефной легендой «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ ΒΟΣΠΟΡΟΥ» (?) — «*царя Асандра Боспорского*» на реверсе. Кроме того, на его реверсе выбито изображение всадника, мечущего копье вправо. Стоит добавить и то, что заинтересовавшая В. А. Анохина имитация весит 8,5 г (*Анохин В.А.* Античные монеты Северного Причерноморья. С. 188—189, № 1318), т.е. значительно больше нормы, принятой для статеров не только Асандра и Фарнака II, но и Митридата VI Евпатора Диониса. Основываясь на этом, заключаем, что В.А. Анохин издал фальшивую монету, изготовленную для коллекционеров. Далее, этот же ученый опубликовал также и медь царя Асандра (См.: *Анохин В.А.* Античные монеты Северного Причерноморья. С. 192—193, № 1342 *он же.* Монетное дело Боспора. С. 79—80, 147, № 246). На ее аверсе размещена голова Гелиоса анфас, а на реверсе выбито изображение скачущего вправо пегаса, выше и ниже которого была оттиснута надпись: «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ» — «*царя Асандра*», а правее размещено указание на дату выпуска — «Δ». На самом деле, исследователь переиздал хорошо известную монету селевкидского государя Александра I Баласа (150—145 гг. до н.э.) с Медузой (Sic!) на лицевой стороне (См.: *Babelon E.* Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque nationale. Les rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène. 1890. P. 110, pl. XVIII,*3*). Остается только предполагать, что могло подвигнуть В.А. Анохина принять Медузу со змеями на голове за Гелиоса в лучевой короне и исказить очевидную легенду «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ» на явно ошибочную «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ». Кстати, реверс этой монеты не несет и указания на дату ее выпуска. В любом случае, мы не можем, основываясь на выводах В.А. Анохина, полагать, что Асандр, будучи царем, чеканил медную монету.

что счел необходимым пропагандировать его весь период своего правления[26]. Полагаем, что это событие произошло во время Третьей Митридатовой войны (74—63 гг. до н.э.)[27].

Мы отдаем себе отчет в том, что обосновать эту гипотезу будет довольно трудно — фактов, однозначно свидетельствующих в ее пользу, к сожалению, нет. А столь активно чествуемая победа теоретически могла произойти при Фарнаке II[28] или же, что вероятнее, после его гибели[29]. Однако, заметим, что отсутствие в эпитафии Гликарии каких-либо восхвалений в адрес ее супруга, как нам кажется, говорит о том, что в период их брака он не мог быть столь значительным политиком и военачальником, чтобы претендовать на важные государственные посты.

Сам же факт его поступления во флот, а не в кавалерию или в элитные пехотные части[30], свидетельствует как об отсутствии у него существенной протекции при боспорском и понтийском дворах, так и о его исключительной прагматичности. Ведь служба на море не только создавала безграничные возможности для обогащения[31], но и позволяла сделать карьеру[32], немыслимо быструю для иных частей, сражавшихся хоть и на виду у самого государя, но на суше, т.е. в менее опасных природных условиях.

Так Асандр начал свой путь во власть. Попытаемся датировать события этого этапа его жизни. Первым делом определим период времени, когда Асандра могли назначить этнархом. И сразу же заметим, что Митридат VI Евпатор Дионис не мог быть его благодетелем. Ведь тогда бы Асандр наверняка лишился этой должности после переворота 63 г. до н.э. И дело тут даже не в том, что Фарнак II в первый, мирный период своего правления, вряд ли бы решился сохранить на столь ответственном посту протеже своего отца. Так что Асандр мог стать этнархом не раньше подчинения Фарнаком II Фанагории, произошедшего в самом начале его похода на Понт, по-видимому, в 245 г. б.э. (53/52 г. до н.э.)[33]. Причем он должен был получить должность сразу же после этого события. Ведь он вскоре был переведен на Боспор. Полагаем, что Асандр служил этнархом сравнительно недолго, вернее всего, от нескольких месяцев и до года, после чего занял новый, куда более ответственный пост.

Но куда более интересен факт его последующего назначения наместником Боспора. Нам не кажется случайной четкая регламентация пределов компетенции. Да, очевидно, что

[26] *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 68—69.

[27] Действительно, можно увязывать этот успех с победами Неоптолема (См.: *Виноградов Ю.А.* «Там закололся Митридат…»: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI—I вв. до н. э.). СПб.—М., 2004. С. 145—148), одержанными им над варварами в конной битве на льду и в сражении на море во время Первой Митридатовой войны (88—85 гг. до н.э.), но тогда не ясно, почему Асандр не сделал карьеру раньше.

[28] *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. С. 119.

[29] В данном случае мы полностью основываемся на логике С.Ю. Сапрыкина (См.: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 59, 68—70).

[30] *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. — середина III в. н. э.). СПб., 2008 (Серия «Historia militaris»). С. 136—148.

[31] Как известно, ударной силой Митридата VI Евпатора Диониса на море был пиратский флот (*Молев Е.А.* Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. С. 240—241). Он представлял собой столь серьезную опасность для римских коммуникаций, что для борьбы с ними был отряжен сам Гн. Помпей Магн (Там же. С. 241—242).

[32] Примером тому является послужной список киликийца Селевка (См.: *Молев Е.А.* Властитель Понта. С. 109—110), изначально пирата на службе Митридата VI Евпатора Диониса, а, впоследствии, доверенного лица царя и командира гарнизона осажденной римлянами Синопы (Memn., LIII).

[33] *Чореф М.М.* «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II. С. 51—52.

Асандра перевели на более высокую должность — назначили руководить стратегией, в которой находилась столица[34]. И этот факт позволяет проследить систему управления Боспорским государством. Правда, нам не известно, кто сменил его на прежнем посту. Но, в данном случае, это неважно[35]. Куда существеннее то, что он не был назначен наместником всего царства, каковым при Митридате VI Евпаторе Дионисе в 80—65 гг. до н.э. был его сын Махар[36]. Следовательно, у Фарнака II было достаточно верных соратников, способных заменить его во время дальнего и длительного похода.

Но почему стратегия Боспор досталась именно Асандру? Полагаем, что Фарнак II, во-первых, был уверен в его исключительной компетентности и безусловной преданности[37]. Иначе он не доверил бы ему столь важный пост[38]. Во-вторых, Асандр пользовался поддержкой как эллинской элиты, так и варварской знати и своей стратегии, и, вследствие этого, мог обеспечить их лояльность по отношению к боспорскому государю. И, в-третьих, что не менее важно, он не имел законных оснований претендовать на престол. Ведь, в ином случае, что мешало Фарнаку II назначить наместником ключевого региона кого-нибудь из своих родственников?

И в первые три года похода[39] у Фарнака II не было оснований раскаиваться в своем решении — Асандр честно выполнял свой долг[40]. Однако наместник Боспора оказался не простым исполнителем царской воли, а самостоятельным, причем крайне амбициозным, склонным к авантюрам политиком[41]. Он восстал против своего государя, когда тот находился на пике своего могущества: подчинил Понт, захватил Вифинию и вышел к границам провинции Азия[42]. Дело в том, что Асандр смог верно оценить шансы на победу у Фарнака II и Г. Юлия Цезаря в их столкновении, ставшим неизбежным после умиротворения последним Египта (47 г. до н.э.)[43]. Он решил рискнуть и попытался узурпировать власть. И его решение было единственно верным — поражение при Зеле (47 г. до н.э.) ознаменовало собой крушение завоевательных планов боспорского государя.

---

[34] Однако Пантикапей был передан под контроль местного первого архонта (Там же. С. 49—51).

[35] Мы обратимся к этому вопросу несколько позже.

[36] *Чореф М.М.* Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник // Stratum plus. 2012. № 6. С. 105—112.

[37] Аналогичным образом поступил и Наполеон I Бонапарт (1804—1814, 1815), когда, покидая в 1815 г. Париж для решающего похода в Бельгию, назначил Н. Даву своим военным министром и оставил в столице. Император так объяснил свое решение недовольному «железному маршалу»: «*Я не могу доверить Париж никому, кроме Вас*» (См.: *Young P.* Napoleon's marshals. New York, 1973. P. 125).

[38] В.А. Анохин считает, что, к тому времени Асандр уже был родственником Фарнака II (См.: *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. С. 78). Наши соображения по этому поводу будут приведены ниже.

[39] В это время Фарнак II, судя по монетам, покорил побережье Северного Кавказа и начал завоевание Понта (См.: *Чореф М.М.* «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II. С. 51—56).

[40] К сожалению, античные историки не привели сведений по этому вопросу. Они акцентировали внимание только на факте позднейшего восстания. Мы же судим по тому, что в Пантикапее продолжалась эмиссия статеров от имени Фарнака II (Там же. С. 49—51). Следовательно, и в 247 г. б.э. в Пантикапее его считали законным государем.

[41] Полагаем, что ему оказали поддержку боспорские города.

[42] *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 45—46, 60.

[43] По мнению С.Ю. Сапрыкина, Асандр рассчитывал на то, что сам факт высадки войск Г. Юлия Цезаря в Малой Азии отвлечет внимание Фарнака II от мятежников (Там же. С. 60).

Можно только предполагать, рассчитывал ли Асандр на поддержку Г. Юлия Цезаря, как и многие политики, действовавшего согласно логике «amicus meus, inimicus inimici mei» — «*враг моего врага — мой друг*». По крайне мере, так считал Дион Кассий (Dio Cass., XLII, 46, 4)[44]. Однако диктатор обошелся с Фарнаком II довольно милостиво. Он заключил с ним соглашение о восстановлении status quo[45] и отпустил с миром[46]. В результате злополучный боспорский правитель с остатками своей армии: с тысячей скифских и сарматских всадников спешно отправился на войну с новоявленным узурпатором.

Вряд ли эта кампания была продолжительной. Хотя Фарнаку II и удалось на время захватить Пантикапей и Феодосию, Асандр все же смог одержать решительную победу. Дело в том, что узурпатора поддержали жители полисов и военно-хозяйственные поселенцы, расселенные на царских землях[47] (App., Mithr., 120, 121; Dio Cass., XLII, 9, 46, 47; Strabo, XIII, 4, 3).

Однако с этой, казалось бы, столь очевидной реконструкции не все так ясно, как может показаться на первый взгляд. Да, очевидно, что у Фарнака II к моменту его возвращения на Боспор уже не было существенной опоры в обществе. Мы судим по тому, что он сразу же направился в Таврику с целью покончить с Асандром. Следовательно, его не поддержал ни один из назначенных им раннее стратегов. Ведь, в ином случае, он наверняка попытался бы пополнить свою небольшую армию, воспользовавшись помощью какого-нибудь лояльного наместника. Полагаем, что Фарнак II мог решиться на столь авантюрный поход в стратегию Боспор только от полной безысходности.

Но куда существеннее то, что этого Митридатида не поддержали его родственники, имевшие очевидные права на престол. Их поведение требует объяснения. К сожалению, этот момент также был упущен древними историками. Мы же, в свою очередь, предполагаем, что Митридатиды находили не только крайне рискованным, но и невыгодным вмешиваться в борьбу на стороне законного государя. В тоже время открыто выступить против него династы также не могли, так как это скомпрометировало их в глазах северопричерноморской варварской аристократии, почитавшей потомков великого врага Рима, и, вследствие этого, поддержавшей его сына. Вернее всего, боспорские Митридатиды придерживались по отношению к Асандру политики благожелательного нейтралитета.

Мы находим это обстоятельство крайне важным. Дело в том, что Фарнак II должен был обезопасить свой тыл во время похода на южный берег Понта. А сделать это он мог одним единственным образом — предоставить ключевые посты своим родственникам. Причем, если Асандру досталась стратегия Боспор, то Митридатиды должны были получить в управление восточную часть царства, в т.ч. Фанагорию и Диоскуриаду[48]. Вполне возможно, что в управление им был передан и Херсонес[49]. Кроме того, под их контроль могли попасть и вновь образованные административные единицы, созданные на территории варварских

[44] Мы попытаемся дать этому объяснение несколько ниже.

[45] Мир с ним с согласия диктатора заключил Домиций Кальвин (App., Mithr., 120).

[46] По мнению С.Ю. Сапрыкина, Г. Юлий Цезарь был крайне обеспокоен как самой ситуацией на Боспоре, а, точнее тем, что там произошел переворот без санкции Рима, так и тем, что элита этого северопричерноморского государства поддерживала идеи его самостоятельности (См.: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 62).

[47] Там же. С. 61. Мы считаем это обстоятельство крайне важным и вернемся к его разбору в свое время.

[48] *Чореф М.М.* «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II. С. 51—54.

[49] Учитываем сам факт выпуска в нем статеров и меди с монограммой имени царя (См.: *Чореф М.М.* Территориально-административное устройство Боспорского царства… С. 241—254; *он же.* «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II. С. 51).

племенных объединений: их монетные дворы использовали дифференты «⁂» и «▲»[50]. Допускаем, что именно в силу этих причин не была возрождена стратегия с центром в Горгиппии.

И, действительно, положение Фарнака II в Северо-Восточном Причерноморье было довольно устойчивым, пока «ἕως αὐτὸν Ἄσανδρος ἐχθρός ἴδιος, Ῥωμαίων οὐ σχολαζόντων, ἐξήλασε τῆς Ἀσίας» — «*Асандр, его личный враг, так как римляне были заняты в иных местах, не изгнал его из Азии*» (App., Mithr., 120), т.е. подчинил территории, находившиеся до того под управлением родственников этого государя. Мы не знаем, как прошла эта операция. Но, вернее всего, существенного конфликта не было. Мы судим по тому, что Асандр во время его противостояния с Фарнаком II получил помощь с Востока[51]. А раз Митридатиды поддержали узурпатора в столь критический для него момент, то они, безусловно, не сочли бы целесообразным оказать ему сопротивление во время отсутствия законного государя.

Так Асандр пришел к власти. Безусловно, он понимал, что гибель ставленника Рима не останется неотомщенной[52]. И, действительно, узнав о смерти Фарнака II, Г. Юлий Цезарь назначил новым царем Боспора Митридата Пергамского[53]. По Диону Кассию, он решил наказать Асандра за то, что «ὅτι πονηρός ἐς τὸν φίλον ἐγένετο» — «*тот оказался изменником другу*» (Dio Cass., XLII, 48, 4), т.е. Фарнаку II. Но это объяснение событий представляет собой только достойный повод для вмешательства Рима в дела Боспора, допустимый для благородного сенатора — автора трактата «Ῥωμαϊκὴ ἱστορία», но не для Г. Юлия Цезаря, бывшего куда более прагматичным политиком. Вслед за С.Ю. Сапрыкиным полагаем, что диктатору было куда важнее сохранить контроль над Северным Причерноморьем, который, в свою очередь, был возможен только при наличии на царском троне в Пантикапее слабого, зависимого от Рима правителя[54]. А, как мы уже понимаем, Асандр, таковым не являлся, т.к. уже проявил себя как самостоятельный политик и пользовался поддержкой местного населения.

Учитывая остроту ситуации, Г. Юлий Цезарь принял быстрое, но хорошо обдуманное, и, казалось бы, единственно верное решение[55]. Действительно, Митридат Пергамский имел все основания претендовать на столь важную должность. Начнем с того, что он был опытным политиком, в свое время успешно сыгравшим на противоречиях между Гн. Помпеем Магном и Г. Юлием Цезарем[56]. Так что он вполне смог бы умиротворить Боспор без пролития крови. Но куда существеннее то, что он стал другом диктатора, оказав ему неоценимую помощь во время Александрийской войны (48—47 гг. до н.э.). Так что у Г. Юлия Цезаря были все основания ему доверять самые ответственные дела. Немаловажно и то, что Митридата Пергамского, правда, безосновательно, считали сыном Митридата VI Евпатора Диониса[57]. Следовательно, он мог претендовать на боспорский трон. Полагаем, что

---

[50] *Чореф М.М.* «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II. С. 51—54.

[51] *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 61.

[52] Там же. С. 63.

[53] Биография этого политического деятеля и полководца приведена в (Там же. С. 63—66).

[54] Там же. С. 62.

[55] Предполагаем, что поход Митридата Пергамского мог быть запланирован заранее. Действительно, оставлять на боспорском троне вероломного Фарнака II было бы крайне опрометчиво. Вернее всего, Г. Юлий Цезарь планировал воспользоваться взаимным ослаблением претендентов на боспорский трон, чтобы утвердить своего ставленника.

[56] Там же. С. 64.

[57] Там же. С. 63.

Г. Юлий Цезарь рассчитывал и на то, что выдвинутый им претендент сможет заручиться поддержкой Митридатидов и родственной им северопричерноморской племенной аристократии. Диктатор не мог сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что его ставленник — успешный выразитель интересов малоазийских греков[58]. Так что он определенно должен был быть признан и жителями боспорских полисов.

Мы принимаем точку зрения С.Ю. Сапрыкина, допускающего, что Г. Юлий Цезарь был настолько уверен в успехе этой кампании, что заранее даровал Митридату Пергамскому стратегически важные регионы Причерноморья: раннее подконтрольные Митридату Дейотару[59]. Действительно, это было бы целесообразно, т.к. диктатор планировал создать сильное Понтийское государство, пусть даже объединенное скипетром Митридатида, но, в тоже время, изначально союзное Риму, способное поддержать его в войнах с Парфией и племенным союзом гетов, возглавляемом Буребистой (82—44 гг. до н.э.)[60].

Однако эти блестящие планы не были реализованы. Митридату Пергамскому не удалось победить Асандра. Вернее всего, ставленник Цезаря погиб уже в кон. 46 — нач. 45 г. до н.э.[61] (Dio Cass., XLVII, 26, 5). Основываясь на свидетельстве Страбона, полагаем, что он все же достиг Боспора. Однако Асандр смог одержать решительную победу. При поддержке боспорян ему удалось низложить (Strabo, XIII, 4, 3), и, по-видимому, убить неудачливого завоевателя.

Очередное поражение, причем на этот раз уже крайне болезненное[62], вряд ли могло подвигнуть официальный Рим к нормализации отношений с самозваным правителем Боспора. И, действительно, Асандр не добился от Г. Юлия Цезаря признания своих прав на престол — античные источники об этом умалчивают. Узурпатор был вынужден искать иной способ легитимации своего режима. Единственно возможным, и, в тоже время самым выгодным для него шагом в этом направлении стала женитьба на Динамии — дочери Фарнака II.

Мы не знаем, когда могло произойти это событие. Однако у нас есть все основания предполагать, что оно вряд ли могло случиться до гибели Митридата Пергамского. Ведь, в ином случае, Риму не было бы смысла ставить на него как на возможного претендента на боспорский трон. Дело в том, что Динамия — законная наследница понтийских государей имела куда более очевидные права на царскую диадему. Причем только брак с нею мог укрепить положение как римского ставленника Митридата Пергамского, так и узурпатора Асандра. Но если бы Динамия уже стала к тому времени супругой последнего, то, тем самым, лишила бы затею Г. Юлия Цезаря всякой надежды на успех. Очевидно, что союз с Митридатидами сделал бы позиции Асандра несокрушимыми[63].

---

[58] Там же. С. 63—64.

[59] Там же. С. 67—68.

[60] Там же. С. 68.

[61] *Панов А.Р.* Поход Митридата Пергамского на Боспор: проблемы интерпретации источников // НВБелГУ. 2009. № 1(56). Вып. 9. С. 15; *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 69.

[62] Имеется ввиду крах идеи создания обновленной Понтийской державы во главе с Митридатом Пергамским.

[63] Основываемся на логике заключений А. Заллета (См.: *Sallet A., von.* S. 6), В. Ваддингтона (См.: *Waddington W.H.* Sur la Chronologie des Rois du Pont et du Bosphore et des Princes d'Olbia à propos d'un opusculede M. de Sallet // RN. 1866. P. XI. P. 417; *он же.* Sur la Chronologie des Rois du Pont et du Bosphore et des Princes d'Olbia à propos d'un opusculede M. de Sallet // Mélanges de numismatique. Paris, 1867. P. 112) и Ф. Фогта (См.: *Voigtius W.* De Asandro Bospori Rege. Kiev, 1894. P. 64), а также Н.А. Фроловой (См.: *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I: Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н.э. — 210/211 гг. н.э. М., 1997. С. 22).

К слову, аналогичным образом пытался укрепить свое положение на Боспоре и узурпатор Скрибоний, также выдававший себя за потомка Митридата VI Евпатора Диониса, правда, уже не за сына, как Митридат Пергамский, а за внука. Но его демарш не мог быть успешным — Динамия к тому времени уже самостоятельно правила государством и не нуждалась в соправителях (Dio Cass, LIV, 24, 4—5). Допускаем, что брак Асандра и Динамии был заключен вскоре после победы над Митридатом Пергамским, т.е. в 45 г. до н.э.

Вернее всего, Г. Юлий Цезарь надеялся, что боспорские династы поддержат его очередного ставленника. Однако они проявили уже вполне ожидаемую от них предусмотрительность — дождались завершения борьбы за престол и примкнули к победителю[64]. Есть все основания считать, что очередной успех Асандра подвигнул Митридатидов не только смириться с его правлением, но и, выдав за него Динамию, заключить с ним долговременный союз, и, тем самым, легитимировать сформировавшийся на Боспоре режим. Полагаем, что это событие произошло на четвертый год правления Асандра. Благоприятная ситуация позволила удачливому узурпатору принять царский титул[65].

Как видим, канва событий вполне восстановима. Однако все еще остаются без ответа кардинально важные вопросы, без разрешения которых мы не можем должным образом светить события на Боспоре этого периода. Речь идет, во-первых, об установлении даты прихода Асандра к власти, и, во-вторых, о причинах, подвигнувших его изначально принять титул архонта Боспора, известный как по сообщению псевдо-Лукиана (Ps.-Luc., Macr., 17), так и по монетам его чекана. Проблема в том, что ни античные исторические труды, ни эпиграфические памятники не содержат искомой информации. Зато она вполне может быть получена в результате изучения нумизматического материала. Перейдем к монетам Асандра архонтского чекана.

Первым делом обратимся к трудам нумизматов—античников. Сразу же заметим, что у современных исследователей, изучающих монетное дело Асандра, нет единой точки зрения ни по одному из этих вопросов. Так, В.А. Анохин, учитывая факт находки статера Динамии[66], выпущенного в 277 г. б.э. (21/20 гг. н.э.), полагает, что этот государь правил Боспором с 50/49 по 22/21 гг. до н.э.[67] Примечательно, что в своей последней аналитической работе по монетному делу Боспора, вышедшей в свет в 1999 г.[68], исследователь попытался по-новому обосновал свою датировку правления этого государя. Он допустил, что Фарнак II, отправляясь в поход на Понт, назначил Асандра архонтом с правом чеканки золотой

---

[64] Полагаем, что Митридатиды поддержали Асандра в т.ч. и потому, что у Фарнака II не было сыновей. Им был нужен правитель — консорт.

[65] Основанием для принятия Асандром царского титула мог быть только брак с Динамией (См.: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 74).

[66] Основываясь на материалах, собранных С.Ю. Сапрыкиным (Там же. С. 97—98), полагаем, что последней четко фиксируемой датой в жизни этой государыни является именно 12 г. до н.э., когда она, в результате развода с Полемоном I, лишилась монопольных прав на боспорский трон. В дельнейшем она правила только восточной частью своего государства (См.: *Чореф М.М.* Династическая история Боспора рубежа н.э. по данным нумизматики // Stratum plus. 2013. № 6. С. 127—156; *он же.* Звездовидные надчеканки на меди Асандра как исторический источник // Классическая и византийская традиция. Материалы VI международной научной конференции молодых ученых. Белгород, 2012. С. 86—91; *он же.* «Nomen est omen», или к истории Таврики рубежа н.э // НВБелГУ. 2013. № 8 (151). Вып. 26. С. 24—29).

[67] *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. С. 77—78.

[68] *Анохин В.А*. История Боспора Киммерийского.

монеты[69]. Развивая эту мысль, ученый предположил, что на Боспоре наблюдалось «сосуществование царской власти с архонтской»[70]. По логике исследователя, правление Асандра как архонта Боспора началось с санкции Фарнака II, не только разрешившему своему протеже чеканить золотую монету, но и позволившего датировать ее новой эрой, введенной в память об этом назначении[71].

Мы находим этот вывод крайне интересным. Ведь, по логике уважаемого исследователя, в первый год правления Асандра должна была пройти масштабная эмиссия статеров. Точнее, ученый предположил, что в тот период времени в обращение поступили золотые монеты, изображения которых приведены на рис. 1,*1—2,9—11*. А для их производства было задействовано пять пар штемпелей аверса и реверса. При этом он основывался исключительно на наличии весьма небрежного обозначения даты, размещенного на реверсе этих монет. Его не смутили ни очевидные различия в манере изображения правителя на лицевых и фигуры Ники и проры под ней на оборотных сторонах, ни присутствие или отсутствие дифферентов, известных на этих золотых[72] (рис. 1,*1—2*), ни сам факт того, что в последующие годы архонтата Асандра эмиссия золота значительно сократилась, так как было задействовано всего шесть штемпелей аверса и два реверса. Мало того, развивая свой вывод, В.А. Анохин отверг возможность чеканки статеров в четвертый год этого архонтата. По его мнению, Асандр к тому времени уже был провозглашен царем[73].

Сразу же заметим, что точка зрения В.А. Анохина не является общепринятой. Так, Н.А. Фролова полагает, что периоды архонтата и царствования Асандра пришлись на 49/48—21/20 гг. до н.э.[74] Она не разделяет точку зрения своего оппонента и по поводу трактовки обозначения даты на статерах архонтской чеканки, уверенно выделяя такие монеты четырех годов эмиссии[75].

Считаем своим долгом заметить, что Н.А. Фролова в ходе многолетнего изучения монетного дела Асандра составила наиболее полный каталог золота и меди чекана этого правителя. Ее фундаментальные труды[76] не только подняли нумизматику Боспора на новую

---

[69] Там же. С. 119.

[70] Там же.

[71] Там же. Мы, в свою очередь, заметим, что выявление монет Фарнака II, чеканенных общиной Пантикапея (См.: *Чореф М.М.* «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II. С. 51—52), убедительно опровергает предположение уважаемого исследователя. Кроме того, полагаем, что у нас нет оснований допускать возможность появления в боспорском обращении золотой монеты, битой в честь наместника государя, но без какого-либо упоминания о нем. Причем, в данном случае, не следовало бы ссылаться на отсутствие монет Махара, по мнению В.А. Анохина, управлявшего Боспором в качестве царя (См.: *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. С. 119). Дело в том, что монеты, выпущенные в память об утверждении этого царевича наместником Боспора были выявлены в результате прочтения его монограммы (См.: *Чореф М.М.* Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник. С. 105—112).

[72] Мы считаем это обстоятельство крайне важным и обратимся к нему в свое время.

[73] *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. С. 78; *он же.* История Боспора Киммерийского. С. 119, прим. 1.

[74] *Фролова Н.А.* Боспорские монеты времени правления Асандра (49/48—21/20 гг. до н.э.) // Нумизматический сборник. Ч. 14. Нумизматика в Историческом музее. Труды ГИМ. Вып. 115. М., 2001. С. 17—18; *она же.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I. С. 14—15, 22—23.

[75] *Фролова Н.А.* Боспорские монеты времени правления Асандра (49/48—21/20 гг. до н.э.). С. 18—19; *она же.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I. С. 22—23.

[76] *Фролова Н.А.* Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея (от античности до Византии). М., 2010; *она же.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I; *она же*. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. II: Монетное дело Боспора 211—341/342 гг. н.э. М., 1997; *она же.* Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. — Anfang 4. Jh. v.

высоту, но и позволили современным ученым выработать теории, как нельзя лучше объясняющие ситуацию в Северном Причерноморье в эпоху Античности, в частности, во время архонтата и царствования Асандра.

В свою очередь С.Ю. Сапрыкин, развивая выводы своих предшественников, провел исследование, блестящее как по уровню изложения и обоснования тезисов, так по объему и глубине изучения привлеченного материала[77] и пришел к выводу, что Асандр мог восстать против Фарнака II только в 47 г. до н.э. Причем, по мнению С.Ю. Сапрыкина, чеканить золотые монеты он мог решиться не ранее 44 г. до н.э.[78]. Именно этим годом ученый и датирует начало правления Асандра[79], завершившееся, по его мнению, в 17/16 гг. до н.э. Крайне важно и то, что С.Ю. Сапрыкин поднимает вопрос о возможности эмиссии боспорского золота без санкции римских властей, упущенный его оппонентами[80], и дает на него ответ, доказывая, что статеры архонта Асандра могли поступить в обращение в период Гражданской войны 44—42 гг. до н.э[81]. По мнению уважаемого исследователя, это обстоятельство объясняет затянувшуюся легитимацию режима Асандра, выразившуюся в столь длительной задержке в принятии им царского титула. Ведь его коронация могла стать возможной только с санкции победивших в войне триумвиров. Считаем, что С.Ю. Сапрыкин выработал целостную и логичную картину правления Асандра, полученную, что немаловажно, с привлечением нумизматических данных.

Как видим, В.А. Анохин, Н.А. Фролова и С.Ю. Сапрыкин по интересующим нас вопросам придерживаются диаметрально противоположных точек зрения. Не ставя перед собой цели разрешить эти противоречия, попробуем вынести на научное обсуждение некоторые соображения, обсуждение которых, как нам кажется, позволят несколько подробнее осветить как слабоизученные моменты биографии Асандра, так и ситуацию в Северном Причерноморье во время его правления, и, вследствие этого, приблизиться к разрешению проблем истории Боспорского государства втор. пол. I в. до н.э. Основываясь на идеях В.А. Анохина, Н.А. Фроловой и С.Ю. Сапрыкина, обратим внимание на монеты его чекана, ставшие объектом их исследований.

Начнем с того, что в настоящее время общепринято считать, что этот государь чеканил только золотые и медные монеты. Однако итальянские ученые В.Н. Скотти[82] и Д. Сестини[83], изучавшие денежное дело античных государств еще на заре становления нумизматики как науки, издали серебро его царского чекана. Мы же, в свою очередь, заметим, что заинтересовавшие их монеты, по-видимому, представляли собой отливки со

Chr.); *она же*. Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. München, 2004. Упомянем также и фундаментальный «Корпус боспорских кладов античных монет», написанный ею в соавторстве с М.Г. Абрамзоном (См.: *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус боспорских кладов античных монет. Симферополь—Керчь, 2007–2008. Т. 1), а также крайне ценную работу «Клады античных монет на Юге России» (См.: *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Клады античных монет на юге России (по материалам Краснодарского края). М., 2002).

[77] *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 57—72.

[78] Там же. С. 71—72.

[79] Там же.

[80] Там же.

[81] Там же.

[82] *Scotti V.N.* Della Rarità delle medaglie antiche di tutte le forme e di tutti i metallic divise in tre classi. Firenze, 1809. P. 34.

[83] *Sestini D.* Descrizione delle medaglie antiche greche del Museo Hedervariano Dal Bosforo Cimmerio Fino All'Armenia Romana. Firenze, 1828. Part. P. 2, № 2, 3, Tab. XV,*13,14*.

статеров, изготовленные современниками уважаемых исследователей. Чтобы совершенно в этом убедиться, рекомендуем обратить внимание на наличие весьма заметных следов литников на гипотетическом серебре Асандра, изданном Д. Сестини[84]. В любом случае, сам факт неизвестности подобных выпусков ученым второй половины XIX—XX вв. заставляет нас взять под сомнение свидетельства уважаемых итальянских исследователей. Учитывая это обстоятельство, перейдем к хорошо известным и, безусловно, подлинным монетам чекана этого государя. Начнем со статеров[85] периода его архонтата (рис. 1).

Как хорошо видно, на аверсе этих золотых оттискивали изображение мужчины в профиль, развернутое вправо (рис. 1). О его статусе судить довольно сложно. Заметим только то, что раз у него отсутствует диадема, то он не являлся царем. В тоже время этот мужчина не является божеством, так как общая, каноническая стилистика его изображений не просматривается. Но, похоже, что живописали все же одного и того же человека. У него высокий лоб, прямой нос, сжатые губы и волевой подбородок. Примечательно разве что различия в длине волос, и, в частности, в прическах. Так, обратим внимание на изображения на рис. 1,*1—5*, рис. 1,*6—8* и рис. 1,*9—11*. На первых пяти и на трех последних золотых он коротко подстрижен, хотя и с разными укладками. А на рис. 1,*6—8* у него длинные, красиво причесанные волосы.

Полагаем, что это обстоятельство нуждается в обстоятельном объяснении. И мы приведем его в свое время. Пока же заметим, что, судя по прическам, он определено не мог быть римлянином — во время Асандра у них не было моды на длинные волосы[86]. Так что у нас есть все основания, вслед за Н.А. Фроловой[87], считать, что на монетах Асандра изображали самого боспорского правителя.

Чтобы совершенно убедиться в верности этого заключения, обратим внимание на его архонтскую медь[88] (рис. 2). Да, на аверсе монет оттискивали хорошо узнаваемые изображения божеств: Аполлона на оболах и Ники на тетрахалках, но, что примечательно, и

---

[84] Ibid. Tab. XV,*14*.

[85] Приведены изображения, опубликованные В.А. Анохиным (См.: *В.А. Анохин.* Античные монеты Северного Причерноморья. С. 188—189, № 1312—1315), В.Ф. Гайдукевичем (См.: *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. Табл. III,*55*), Д. Макдональдом (См.: MacDonald D. An Introduction to the History and Coinage of the Kingdom of the Bosporus // Classical Numismatic Studies. Lancaster, 2005. P. 50), а также размещенные на сайте Bosporan_Kingdom.Com (См.: Паспорт монеты: 221-4455-1 [Электронный ресурс] // http://bosporan-kingdom.com/221-4455/1.html; Монета 221-4454-2 [Электронный ресурс] // http://bosporan-kingdom.com/221-4454/2.html; Монета 221-4454-4 [Электронный ресурс] // http://bosporan-kingdom.com/221-4454/4.html; Монета 222-4453-1 [Электронный ресурс] //http://bosporan-kingdom.com/222-4453/1.html; Монета 222-4453-2 [Электронный ресурс] // http://bosporan-kingdom.com/222-4453/2.html).

[86] Античная скульптура из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина... С. 62—179; *Лосева Н.М.* Римский скульптурный портрет раннеимператорского времени (30 г. до н.э. — 68 г. н.э.) — в кн. *Битова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А.* Римский скульптурный портрет. М., 1975. С. 29—31, илл. 31—36; *Fejfer J.* Roman Portraits in Context. Berlin, 2008. Vol. 2; *Frel J.* Roman Portraits. Los Angeles, 1981; *Strong A.* Roman sculpture from Augustus to Constantine. London — New York, 1907. Vol. 1.

[87] *Фролова Н.А.* Боспорские монеты времени правления Асандра (49/48—21/20 гг. до н.э.). С. 18—19, табл. I,*1—4*; *она же.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I. С. 165—167, табл. Ia,*1—4.*

[88] Изображения этих монет были размещенные на сайте Bosporan_Kingdom.Com (См.: Паспорт монеты: 224-3093-7 [Электронный ресурс] // http://bosporan-kingdom.com/224-3093/7.html; Паспорт монеты: 224-3093-2 [Электронный ресурс] // http://bosporan-kingdom.com/224-3093/2.html; Паспорт монеты: 224-3093-33 [Электронный ресурс] // http://bosporan-kingdom.com/224-3093/33.html; Паспорт монеты: 225-3116-20 [Электронный ресурс] // http://bosporan-kingdom.com/225-3116/20.html; Паспорт монеты: 225-3116-21 [Электронный ресурс] // http://bosporan-kingdom.com/225-3116/21.html).

им придавали черты лица правящего государя. Добавим, что этот, уже вполне узнаваемый, правда, идеализированный профиль[89], был позже размещен и на статерах царского чекана[90].

Полагаем, что медь Асандра не столь примечательна, как его золото. Дело в том, что очевидные простота и примитивность оформления разменных монет этого государя не позволяет считать их ценными историческими источниками[91]. Да, их массово перечеканивали из меди прежней эмиссии, причем делали это весьма небрежно. Судим по тому, что на таких монетах часто сохранялись прежние изображения и надписи. Это говорит как о спешности, так и о массовости их выпуска. В свою очередь, последнее обстоятельство убедительно свидетельствует о попытке государя унифицировать состав денежного обращения в подвластном ему регионе. Причем сама объемность его медного чекана говорит о том, что операция проводилась довольно долго. Допускаем, что она позволила профинансировать военные расходы. Заметим также то, что медь Асандра, как и его золото, служили средствами пропаганды режима — на их реверсе оттискивали проору, перед которой помещали трезубец Нептуна (рис. 2).

Учитывая это обстоятельство, вернемся к изучению статеров архонтского чекана. Дело в том, что мы пока еще не проанализировали наличие на аверсе этих монет знаковых дифферентов, расположенных правее и ниже головы мужчины. Так, на лицевых сторонах статеров, фотографии которых приведены на рис. 1,*1—2*, различимы слабо изогнутые линии, сужающиеся по краям и утолщенные к центру. Речь идет о символе «». Полагаем, что это изображения рыбы, вполне возможно — дельфина. В тоже время на аверсе золотых, фотографии которых приведены на рис. 1,*3—5,* виден знак «» — суковатая палица, узнаваемая как по форме, так и по наличию выступов, обозначенных точками. На прочих статерах архонта Асандра (рис. 1,*6—11*) подобных обозначений нет[92]. Основываясь на результатах изучения подобных изображений на боспорских статерах III—IV вв.[93], полагаем, что «» и «» могли быть метками монетных дворов.

[89] Основываясь на логике С.Ю. Сапрыкина, полагаем, что на аверсе золотых монет Фарнака II изображали государя в облике Мена-Фарнака. Дело в том, что это божество, к слову, одно из самых почитаемых в Восточной Анатолии, считалось носителем счастья, а также царского и божественного величия. О значимости его культа говорит присяга, приносимая понтийскими царями в святилище этого божества в Америии: они клялись счастьем Мена–Фарнака (См.: *Сапрыкин С.Ю.* Религии и культы Понта эллинистического и римского времени. М.—Тула, 2009. С. 147). Заметим, что это божество изображали внешне невозмутимым, царственным, с пышной прической (Там же. Рис. 56). Учтем и то, что понтийских царей обожествляли и героизировали (Там же. С. 266—317). Развивая это положение, допускаем, что и на монетах царя Асандра изображали Мена-Фарнака, которому придавали черты правящего государя.

[90] *Фролова Н.А.* Боспорские монеты времени правления Асандра (49/48—21/20 гг. до н.э.). С. 18—27, табл. I, II, III,*1—4*; *она же.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I. С. 165—174, табл. Ia, IIa, IIIa, *1—4*.

[91] Эти монеты наилучшим образом изучены и описаны Н.А. Фроловой (См.: *Фролова Н.А.* Боспорские монеты времени правления Асандра (49/48—21/20 гг. до н.э.). С. 30—41, табл. IV—VIa; *она же.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I. С. 175, табл. IIIa,*11а,11б*).

[92] Полагаем, что наличие и отсутствие подобных обозначений не может быть случайным. Наши соображения по этому поводу будут приведены ниже.

[93] *Чореф М.М.* Боспорское царство при Фофорсе: по нумизматическим данным // РАЕ. 2014. № 4. С. 329—371; *он же.* «Non multa, sed multum», или дифференты на монетах боспорского царства периода «скифских войн», как исторический источник // Stratum plus. 2012. № 4. С. 171—200.

Сразу же заметим, что у нас пока нет данных, позволивших бы определить причину появления или исчезновения дифферентов на аверсе статеров архонта Асандра, а также объяснить изменения в прическах. Поэтому перейдем к изучению реверса этих монет.

Основными элементами его оформления являются: фигура шагающей влево Ники и прора под ней. Справа и слева от этой композиции выбита трехстрочная надпись:

ΑΡΧΟΝΤΟΣ	ἄρχοντος	*Архонта*
ΑΣΑΝΔΡΟΥ	Ἀσάνδρου	*Асандра*
ΒΟΣΠΟΡΟΥ	Βοσπόρου	*Боспорского*

Сразу же заметим, что считаем крайне важным сам факт ее наличия. Дело в том, что в этой легенде содержится явное указание на пределы компетенции Асандра — он официально управлял только стратегией Боспор.

Полагаем, что это обстоятельство заслуживает тщательного истолкования. Так как нам не известны какие-либо гипотезы на этот счет, допустим, что на Боспоре во втор. пол. I в. до н.э. сложилась ситуация, приведшая к возвращению к титулатуре первых Спартокидов — архонтов Боспора[94]. В дальнейшем титулатура этих династов отразила расширение их государства, что, собственно, мы наблюдаем и на золоте Асандра, ставшего царем, и, вследствие этого, отказавшегося от уточнения зоны своей компетенции. Следовательно, в период архонтата он управлял только стратегией Боспор, что, заметим, не противоречит гипотезе о подконтрольности Митридатидам прочих территорий одноименного северопонтийского царства.

Но, с нашей точки зрения, куда интереснее следующее обстоятельство. Дело в том, что все эти монеты датированы. Так, левее головы Ники размещена лигатура «ЕТ»[95], в которой следует видеть «ЕТ» — сокращение слова «ἔτους» — «*год*», а правее ее различимы буквенные указание на год выпуска: от «А» до «Δ» (рис. 1). Так что не составляет проблемы определить время выпуска того или иного статера архонта Асандра.

Перейдем к изучению изображений и надписей реверса. Начнем с того, что буквенные обозначения даты выпуска на статерах первого года правления Асандра (рис. 1, *1—2*) были выполнены тем же почерком, что и надпись «ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ ΒΟΣΠΟΡΟΥ». Заметно, что у мастера хорошо получались горизонтальные и вертикальные линии, а также окружности большого диаметра. Так, мастеру удалось безупречно передать символ «А» в «ΑΡΧΟΝΤΟΣ», а также буквы «Δ», «Ε», «Ν», «Ο», «Π», «Σ», «Τ», «Υ», «Φ» и «Χ» в «ΑΣΑΝΔΡΟΥ ΒΟΣΠΟΡΟΥ». Он прорезал их четко и уверенно. А вот короткие соединительные черты и небольшие кружки у него выходили крайне невыразительными, можно даже сказать — небрежными. Заметно, что у него возникли проблемы при размещении букв «А» в имени правителя на монетах, изображенных на рис. 1,*1,2*. Они получились у него со слабовыраженной горизонтальной составляющей[96], что весьма контрастирует с уверенными, глубоко прорезанными наклонными гастами. В тоже время «В» и «Р» вышли неординарно угловатыми. Но это вполне объяснимо. Дело в том, что резчику не удавалось передать короткие линии или кружки малого диаметра. Причем последние, как,

---

[94] Речь идет об основателе династии Спартоке I (438—433 гг. до н.э.), а также о его ближайших преемниках: Сатире I (433—389 гг. до н.э.), Селевке Боспорском (433—429 гг. до н.э.) и Левконе I (389—349 гг. до н.э.).

[95] На статере третьего года эмиссии она приведена ретроградно — как «ТЭ» (См.: *Фролова Н.А.* Боспорские монеты времени правления Асандра (49/48—21/20 гг. до н.э.). С. 18—19, табл. I,*3*; *она же.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I. С. 166, табл. Ia,*3*).

[96] Вернемся к этому обстоятельству при изучении монограмм.

впрочем, и «O», у него всегда выходили угловатыми или же со слабовыраженными горизонтальными линиями. Учитывая свои недочеты, мастер старался как можно более тщательно прорезать отдельно стоящую «A» — обозначение даты выпуска. В результате она у него получилась на удивление изящной — со слегка изогнутыми четко прочерченными наклонными гастами и тонкой, со слабо заметной горизонтальной линией, размещенной, что немаловажно, значительно выше нижних точек этой буквы.

Кроме того, статеры первого года эмиссии также примечательны еще и тем, что мастер в слове «ΒΟΣΠΟΡΟΥ» счел возможным разместить не стандартную «Σ», а ее лунарную форму «C». Причем в прочих словах легенды: «ΑΡΧΟΝΤΟΣ» и «ΑΣΑΝΔΡΟΥ»,— он использовал стандартное написание этой буквы (рис. 1,*1,2*).

На золотых архонта Асандра, выпущенных во второй, третий и четвертый годы его правления, также были размещены вполне узнаваемые символьные обозначения даты выпуска: «B» (рис. 1,*3—5*) , «Г» (рис. 1,*6—8*) и «Δ» (рис. 1,*9—11*). Первая из них получилась с непропорционально крупной верхней составляющей, сформованной в результате сочленения полукруга большого диаметра и прямой линии. Зато нижняя часть этого символа вышла непропорционально мелкой — мастер передал ее с помощью небольшого прямоугольного треугольника (рис. 1,*3,4*). Как помним, столь простые фигуры, пусть даже и малых размеров, у него выходили довольно неплохо.

Но у нас все же есть основания оправдать нашего мастера. Дело в том, что ему пришлось размещать эту букву столь сложной конфигурации на относительно небольшом участке монетного поля между крыльями Ники и пальмовой ветвью, которую она держит в левой руке, что, как мы понимаем, было крайне затруднительно. И, действительно, в слове «ΒΟΣΠΟΡΟΥ» этот символ был передан вполне стандартно. Только на монете, изображенной на рис. 1,*5*, резчику удалось передать это обозначение даты выпуска верно, без следов какой-либо стилизации. Похоже, что ко времени ее выпуска он уже выработал необходимые навыки для выполнения подобного рода операций[97].

Так, символьное обозначение даты выпуска «Г», в свою очередь, получилось у него уже вполне ординарным. Примечательно, разве что, только расположение буквы. Так как для нее между крыльями Ники и лавровой ветвью не оставалось места, то мастер был вынужден разместить ее над словом «ΑΡΧΟΝΤΟΣ» (рис. 1,*6—8*). При этом он сделал все возможное, чтобы она не выглядела как первая буква титула правителя. С его легкой руки «Г» смотрится как продолжение пальмовой ветви.

Полагаем, что та же проблема побудила его заново сформировать аббревиатуру «». На реверсе статеров третьего года эмиссии она приведена в виде «». Но, тем не менее, она вполне узнаваема. Сама же идея ее перекомпоновки свидетельствует о профессиональности и очевидной опытности нашего мастера.

Столь же проста и «Δ» (рис. 1,*9—12*). Заметим только, что в формовке этой буквы сказались особенности почерка нашего мастера. Хорошо видно, что соединительная линия в ее нижней части не является прямой — судим по уровню, заметно повышающемуся вправо. Определенно напрашивается аналогия с передачей «A» на монетах первого года эмиссии[98] (рис. 1,*1,2*). Только отметим, что даже подчеркнутые выше особенности размещения горизонтальной составляющей «Δ» отнюдь не препятствуют верной атрибуции этого символа — она проходит в нижней его части, причем начинается в нижней точке левой гасты. Так что у нас есть все основания не считать ее «A».

[97] Основываясь на этом, предполагаем, что ее можно отнести к финальной эмиссии этого года.

[98] Что, собственно, и ввело в заблуждение В.А. Анохина.

Попытаемся оценить полученные результаты. Судя по довольно грубой работе, резчик штемпелей изначально не был профессионалом. В силу этого обстоятельства он также не был знаком с мастером, работавшим при Фарнаке II. Мы судим по тому, что у резчиков прослеживаются различия в манере передачи символов. Заметно, что у них получались разные по конфигурации символы: «A», «B», «Δ», «E», «P», «Σ», «ϒ» и «X». Собственно, у них разные почерки. Причем если у резчика надписей времен Асандра были очевидные способности к такой работе: зоркий глаз, твердая рука и чувство ритма, то эти качества не наблюдались у монетчика Фарнака II, размещавшего легенды весьма небрежно, скажем точнее — неумело[99]. Кроме того, ему не удавалось передать элементы символов с одного захода. Судя по известным экземплярам, он помечал буквы тонким резцом, потом пробивал точки, часто смещенные в сторону от первоначальной разбивки, а потом соединял неровными линиями[100]. А резчик времен Асандра формовал буквы в один заход, без предварительной разметки, причем довольно аккуратно. Да, он проставлял точки, но отнюдь не для того, чтобы очертить контуры букв. Мы судим по тому, что в конфигурации ряда символов они не прослеживаются. Так, в первый год эмиссии они не были заметны в символах: «T», «Φ», а также в лунарных «E» и «C», а также «O» в «ΑΡΧΟΝΤΟΣ» (рис. 1,*1,2*). Впрочем, точки входят в конфигурацию букв: «A», «B», «Δ», «N», «O» в словах «ΑΣΑΝΔΡΟϒ» и «ΒΟΣΠΟΡΟϒ», «Π», «Σ», «X» и «ϒ». Однако заметно, что их прорезали уже по линиям букв, похоже, с целью предания им большей рельефности.

Учтем и то, что в легендах монет последующих лет архонтата Асандра точки обязательно присутствуют (рис. 1,*3—11*). Увязываем их появление с ростом мастерства резчика штемпелей, выразившейся, в частности, в появлении навыков компоновки надписей. Однако заметно, что точки проставлялись уже после размещения легенд. В них видим особенность почерка монетного мастера.

Обратим теперь внимание на изображения Ники. Хорошо заметно, что они угловаты и, можно даже сказать, примитивны. Однако их стилистика отнюдь не едина. Так, в первый год эмиссии были выбиты монеты с фигурой этого божества, примечательной неестественностью вывернутых рук и ног, а также наличием неестественно переданного пучка волос на затылке (рис. 1,*1,2*), весьма похожего на шляпу. Однако это не самостоятельная разработка боспорского резчика, а неумелая копия хорошо известного изображения Ники, размещаемого на статерах и их фракциях чекана Александра III Македонского (Великого) и его ближайших преемников: разворот фигуры, стилистика трактовки движения, а также подпоясанного хитона[101].

Во второй год чеканки статеров Асандра в обращение поступили монеты с куда более художественным изображением на реверсе (рис. 1,*3—5*). Фигура Ники на них хоть и стилизованная — судим по схематической передаче лица, а также угловатой прическе, но, в тоже время, вполне реалистичная. Так, у божества заметна талия и анатомически верно переданы конечности. Примечательно и то, что у Ники появился столь явный атрибут победы, как пальмовая ветвь, переданная весьма высокохудожественно. Допускаем, что прообразом для нее послужила не менее популярное изображение божества — т.н. Ника

---

[99] *Чореф М.М.* «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II. Рис. 1, 2, 3, 4, 5.

[100] Там же.

[101] *Price M.J.* Coinage in Name of Alexander Great. 1991. Vol. 2: Concordances, indexes and plates. I—XVII,*L4,L4A,L10,L30*.

Самофракийская[102] (рис. 3,*1*). В таком случае становится понятным и наличие проры, являвшейся постаментом для статуи этого божества.

Мы не можем обойти вниманием и то, что в тот же период времени изображение Ники с поднятыми крыльями появилось и на римских монетах. Речь идет о денариях Г. Юлия Цезаря и Августа[103] (рис. 3, *2—5*). Но божество на них размещали не над пророй, а над глобусом. И это вполне ожидаемо — сказалось стремление Рима к мировому господству.

Допускаем, что при Асандре в Пантикапее была воздвигнута статуя Ники, являвшаяся копией изображения этого божества, воздвигнутого на о. Самофракия. И его появление на боспорских монетах было столь же ожидаемо, что и Артемиды на монетах Херсонеса в I—III вв. н.э.[104] Так что не удивительно, что в этой же стилистике изображали Нику и в последующие годы архонтской и царской эмиссии Асандра (рис. 1,*6—11*), и что она появилась на золоте Митридата VIII[105] (39—42 гг. н.э.), на боспорской меди Нерона[106] (54—68 гг. н.э.), Рескупорида I[107] (69—91/92 гг. н.э.) и Савромата I[108] (93/94—123/124 гг. н.э.). Складывается впечатление, что ее воздвигли при Асандре, причем во второй год его архонтата. Размещал же изображение этой статуи на монетах узурпатора один и тот же резчик штемпелей. Он постепенно усовершенствовал свои навыки. В конце концов, создал настоящие шедевры — фигуры божества на монетах четвертого года выпуска (рис. 1,*9—11*).

Перейдем к изучению дифферентов. Хорошо заметно, что на всех рассматриваемых монетах левее и ниже пояса Ники были оттиснуты монограммы. Так, на монетах, которые мы вслед за Н.А. Фроловой датируем первым годом архонтата Асандра (рис. 1,*1,2*), различимы лигатура «ΑΡΓ» (рис. 1,*1*) или «ΑΡΤ» (рис. 1,*2*). В любом случае, под ними размещен символ «Ф» (рис. 1,*1,2*).

Сразу же заметим, что в настоящее время нет единого мнения по поводу дешифровки аббревиатур «ΑΡΓ» и «ΑΡΤ». Так, В.А. Анохин изначально не высказал по этому поводу никаких соображений[109]. Ученый ограничился предположением, что при архонте Асандре на статерах размещали аббревиатуры имен лиц, финансировавших денежную миссию[110]. Позже, в своей последней монографии «Античные монеты Северного Причерноморья», он счел необходимым вернуться к этому вопросу. Нумизмат допустил, что на статерах первого года

---

[102] Изображение приведено на сайте Jeforel.Blogspot.Ru (См.: Ника Самофракийская [Электронный ресурс] // http://jeforel.blogspot.ru/2011/01/blog-post_24.html).

[103] Фотографии этих монет размещены в базе данных нумизматических аукционов Acsearch.Info (См.: Numismatica Ars Classica NAC AG. Auction 70. Lot 200 [Электронный ресурс] // http://www.acsearch.info/search.html?id=1588637; UBS Gold & Numismatics. Auction 78. Lot 1111 [Электронный ресурс] // http://www.acsearch.info/search.html?id=498506; UBS Gold & Numismatics. Auction 78. Lot 1216 [Электронный ресурс] // http://www.acsearch.info/search.html?id=498611; UBS Gold & Numismatics. Auction 78. Lot 1226 [Электронный ресурс] // http://www.acsearch.info/search.html?id=498621).

[104] *Чореф М.М.* Изображения императоров династии Юлиев–Клавдиев на золоте, серебре и меди херсонесского чекана // МАИАСК. 2010. Вып. 2. С. 76—120.

[105] *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I. Табл. XVII,*20—25*.

[106] Там же. Табл. XXVIII,*2—10*.

[107] Там же. Табл. XXXI,*16,17*, XXXI,*1—3*, XXXIII,*9—18*, XXXV,*12—15*.

[108] Там же. Табл. XL,*7*, XLI,*1,6,7,14,15*. XLIII,*1,17,18*, XLIV,*1—4,7,17*, XLV,*1,2,14,16—19*, XLVI,2, XLVII,17, XLIX,*11—13*, L,*16—19*.

[109] *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. С. 119; *он же.* Монетное дело Боспора. С. 79.

[110] Там же.

архонтата Асандра была оттиснута монограмма «ÂТ»[111]. В свою очередь Н.А. Фролова сочла необходимым разобрать эти обозначения. Она предположила, что монограммы «ÂТ» и «ᴬт» состоят из символов «В» и «Т»[112]. Однако подобная дешифровка не позволила ей истолковать эти аббревиатуры. Действительно, трудно расшифровать лигатуру, составленную из одних согласных. В результате исследователь не объяснила причину их появления.

Сразу же заметим, что мы не ставим перед собой задачу опровергнуть выводы уважаемых исследователей. Заметим только, что монограммы можно разобрать по-иному. Так, у нас нет оснований согласиться с тем, что в них следует видеть сочетание «В» и «Т». Начнем с того, что в лигатуре «ÂТ» можно разобрать «А», горизонтальная гаста которой из-за дефицита места передана скошенной линией. А, как помним, у резчика штемпелей в первый год его работы были определенные сложности с ее передачей. По-видимому, она должна была выглядеть как «Â». К верхней ее части крепится вполне узнаваемая «Р». А правее их размещена вполне очевидная «Т». Так что у нас есть все основания согласиться с мнением В.А. Анохина, допустившего, что на монетах первого года правления Асандра выбивали лигатуру «ÂТ».

Правда, нам могут возразить, заметив, что на статерах этого же года эмиссии также оттискивали аббревиатуру «ᴬт», на первый взгляд, действительно, весьма несхожую по конфигурации с лигатурой «ÂТ». Но мы, в таком случае, заметим, что, во-первых, основным символом обеих монограмм является все та же «А». Во-вторых, размещение «Р» в продлении правой или левой гаст вышеуказанного символа не может служить основанием для иной расшифровки монограммы. А что касается «Т», то она, в любом случае, присутствует. Ну и, наконец, сжатая форма аббревиатуры «ᴬт» вполне может быть объяснена очевидным дефицитом места для ее размещения и низким уровнем профессионального мастерства резчика штемпеля в первый год его работы.

Допустим, что наши рассуждения верны. В таком случае, у нас основания видеть в «ÂТ» и «ᴬт» сокращения, состоящие из «А», «Р» и «Т». Основываясь на результатах исследования грекоязычных монограмм, проведенного Н.А. Фроловой и А.Г. Абрамзоном[113], в частности, основываясь на их разборе лигатуры «Â»[114], полагаем, что в заинтересовавших нас лигатурах могла быть зашифрована следующая фраза: «ἄρχοντος Τ…» — «*архонт Т*».

Но кем же был этот магистрат? Заметим, что в структуру полисной иерархии, характерной для всего эллинского мира, обязательно входил πρότως ἀρχων — «*первый архонт*»[115]. Он возглавлял самоуправление и являлся эпонимом. Следовательно, упоминание его вполне ожидаемо и на монетах. Как помним, правители Боспора из династии

---

[111] *Анохин В.А.* Античные монеты Северного Причерноморья. С. 188—189, № 1312, 1313. Первая из этих монет (Там же. № 1312) датирована Н.А. Фроловой четвертым годом правления Асандра (См.: *Фролова Н.А.* Боспорские монеты времени правления Асандра (49/48—21/20 гг. до н.э.). С. 19, табл. I,*4; она же.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I. С. 166—167, табл. Ia,*4*).

[112] *Фролова Н.А.* Боспорские монеты времени правления Асандра (49/48—21/20 гг. до н.э.). С. 18, табл. I,*1*; *она же.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I. С. 165, табл. Ia,*1*.

[113] *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г.* Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. Каталог. М., 2005.

[114] Там же. С. 221.

[115] Как справедливо заключил В.В. Латышев, в аббревиатуре «ΠΑ» следует видеть сокращение фразы πρότως ἀρχων — «первый архонт» (См.: *Латышев В.В.* Исследование об истории и государственном строе города Ольвии // ЖМНП. 1887. Ч. CCXLIX. Январь. С. 117, 267).

Спартокидов также именовали себя архонтами[116]. Однако уже в первой половине I в. до н.э. на Боспоре наметился переход от тирании к эллинистической монархии ирано-каппадокийского типа[117]. В результате титулатура правителей изменилась. Судя по надписям (КБН 30—72), они перестали претендовать на выборные полисные должности, в т.ч. и на архонтские. Эти магистратуры получили доверенные лица басилевсов. Полагаем, что один из них стал первым архонтом в 245 г. б.э., и ему было доверено управление Пантикапеем на время отсутствия Фарнака II, в результате чего на монетах появилась монограмма «ΠΑΧ», в которой следует видеть «πρότως ἀρχων Χα…» — «*первый архонт Ха…*», а второй, с инициалом «Т», получил такую же должность при Асандре. Вполне возможно, что он мог быть главой городского самоуправления, т.к. сам Асандр титуловался тогда архонтом Боспора.

Попытаемся теперь объяснить наличие на реверсе этих монет аббревиатуры «Ф». Сразу же заметим, что ее появление не могло быть вызвано желанием указать дату выпуска — она и так присутствует. Да и вероятность появления на монете Асандра столь большого числа, как «Ф» (500) — крайне маловероятна. Также этот символ не может быть истолкован как метка денежного двора — такая стратегия нам не известна[118]. Остается только предположить, что «Ф» проставляли как метку чиновника, от имени Асандра контролировавшего монетное производство. Само же наличие этого обозначения свидетельствует о напряженной ситуации, сложившейся в Пантикапее в первый год правления узурпатора.

Безусловно, присутствие на монете монограмм как полисного магистрата, так и царского чиновника не может быть случайным. Полагаем, что оно убедительно свидетельствует как о паритете сил, сложившемся в Пантикапее в результате восстания против Фарнака II, так и об активном участии городских властей в заговоре Асандра. Допускаем, что заинтересовавшие нас статеры можно считать совместными выпусками узурпатора и полисных властей.

Во второй год правления Асандра в обращение поступили золотые монеты, выбитые иным штемпелем оборотной стороны (рис. 1,*3*—*5*). На них под венком в правой руке Ники была размещена весьма примечательная монограмма, к сожалению, переданная крайне небрежно и разрушившаяся в процессе использования штампа. Так, на статере, изображенном на рис. 1,*5*, эта аббревиатура уже не просматривается, а участок рабочей поверхности штемпеля, на котором она была расположена, был тщательно подрезан. Весьма возможно, что изначально на этом месте была размещена «ΑΡΤ» или «ΑΡτ». Однако в результате правки этот участок поверхности стал крайне неровным, так что нанесенная на него аббревиатура читается с трудом. Так, верхний ее символ, судя по просматриваемым наклонным гастам и отсутствию следов соединительной линии между ними, вернее всего —

---

[116] Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue bearbeitung. Fünfter halbband. Barbarus – Campanus / herausgegeben G. Wisowa. Stuttgart. 1897. S. 761—762.

[117] *Сапрыкин С.Ю.* О хронологических границах эпохи эллинизма // История. Мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова / под ред. проф. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2008. С. 230; *Ghita C.E.* Achaemenid and Greco-Macedonian Inheritances in the Semi-Hellenised Kingdoms of Eastern Asia Minor. Thesis of dissertation. Exeter. 2010. [Электронный ресурс] // https://eric.exeter.ac.uk/repository/handle/10036/109841.

[118] *Чореф М.М.* Боспорское царство при Фофорсе: по нумизматическим данным. С. 329—371; *он же.* «Non multa, sed multum», или дифференты на монетах… С. 171—200; *он же.* Звездовидные надчеканки на меди Асандра как исторический источник. С. 86—91; *он же.* Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник. С. 105—112.

«Λ». Ниже его разместили хорошо узнаваемую «Т» (рис. 1,*3,4*). На первый взгляд может сложиться впечатление, что имеем дело с лигатурой, близкой по конфигурации с «ΑΤ». Но это не так. Дело в том, что, как мы уже заметили, составляющие заинтересовавшей нас монограммы размещены в ином порядке — «Λ» приведена значительно выше «Т».

К сожалению, конфигурацию этой аббревиатуры пока восстановить не удается — сильно изношена поверхность штемпеля в районе ее размещения. Собственно, не ясно, входили ли эти символы в состав одной лигатуры, или же «Т» сохранилась от срезанной «ΑΤ». Надеемся, что найти ответы на эти вопросы удастся в результате обнаружения монеты лучшей сохранности[119]. Пока же заметим, что, судя по очевидному отсутствию в ее составе букв «А», а также «П» или «Р», эта аббревиатура не может быть приписана ни первому, ни какому-либо иному архонту. Вернее всего, в ней могло быть зашифровано имя чиновника, которому Асандр доверил эмиссию статеров. Само же наличие на статере этого обозначения объясняет исчезновение монограммы «Φ» — во втором контроллере на монетном дворе уже не нуждались.

Примечательно и то, что под пророй одного из золотых второго года эмиссии, изображенной на рис. 1,*4*, просматривается еще один символ. Вернее всего, это литера «Δ». Хорошо видны ее наклонные боковые гасты, соприкасающиеся в своих верхних точках. Их соединяет наклонная линия, к сожалению, плохо просматривающаяся. И это притом, что все элементы символа были переданы с помощью жирных линий, а их окончания снабжены крупными, весьма приметными точками.

Полагаем, что эти обстоятельства требуют объяснения. В связи с этим заметим, что столь слабая различимость «Δ» может быть объяснена только тем, что ее нанесли на уже отработанный штемпель реверса, нижняя часть которого для этого была на этот раз довольно тщательно подрезана и подшлифована, и, вследствие этого, не смогла должным образом оттиснуться на поверхности монеты. В пользу нашего допущения говорит и то, что только верхняя точка этого дифферента также просматривается на статере, изображенном на рис. 1,*5*, также выбитом во второй год архонтата Асандра.

Следует обратить внимание и на то, что дифферент «Δ» значительно крупнее символов, из которых составлено «ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ ΒΟΣΠΟΡΟΥ» и выполнен весьма непрофессионально, не в стиле мастера Пантикапейского монетного двора.

Попытаемся объяснить причину появления этого обозначения. Сразу же заметим, что есть определенные основания приписать его чиновнику, от имени Асандра контролировавшему тогда денежную эмиссию. Но, в таком случае как объяснить исключительный непрофессионализм резчика, проявившийся при размещении этого символа на штемпеле? Очевидно, что он имел более чем слабые представления о технологии монетной чеканки. В таком случае получается, что «Δ» отнюдь не обязательно представляла собой монограмму имени чиновника. Как помним, она уже выявлена, причем на должном месте. Буква «Δ» не могла служить и обозначением даты выпуска — оно также уже присутствует. Остается только предположить, что дифферент нанесли на уже отработанный штемпель, в силу обстоятельств переданный со столичного монетного двора в провинциальный центр, в котором не было резчика, способного самостоятельно подготовить

[119] Собственно, это же обстоятельство помешало Н.А. Фроловой высказать соображение по поводу ее прочтения (См.: *Фролова Н.А.* Боспорские монеты времени правления Асандра (49/48—21/20 гг. до н.э.). С. 18, табл. I,*2*; *она же.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I. С. 165, табл. Ia,*2*).

выпуск статеров. Но, в таком случае, это обозначение определенно является эмиссионным. И, к слову, оно известно — аналогичная метка известна на монетах чекана Диоскуриады[120].

Полагаем, что монеты с дифферентом «Δ» могли быть выпущены во время нахождения Асандра в этом северокавказском городе. А перенести туда свою резиденцию он мог в период противостояния с Митридатом Пергамским[121]. Собственно, этим обстоятельством можно объяснить и удаление с реверсов боспорских статеров монограммы «ΑΤ» — ее присутствие в сложившихся обстоятельствах было бы неуместно. Вместо нее разместили аббревиатуру имени чиновника, отвечавшего за эмиссию. Основываясь на этом, датируем начало противостояния Асандра и Митридата Пергамского вторым годом архонтата первого из них, т.е. 47/46 гг. н.э.[122]

Мы отдаем себе отчет в том, что наше допущение может быть подвергнуто критике. И, чтобы избежать ее, попытаемся привлечь внимание наших возможных оппонентов к позднейшим выпускам архонта Асандра. Дело в том, что размещенные на них обозначения также видятся нам крайне примечательными. Так, в третий год его правления на реверсе статеров (рис. 1,*6—8*) выбивали аббревиатуру «А». Причем она никоим образом не может быть приписана полисному магистрату. Ведь у нас нет никаких оснований ожидать шифрации его имени и указания на занимаемую должность с помощью одной буквы. Нет повода видеть в ней и метку монетного двора стратегии — он не известен[123]. Полагаем, что «А» может быть приписана только очередному доверенному лицу Асандра, правда, руководящего уже работой Пантикапейского монетного двора. Судим по тому, что штемпель реверса, несущий на себе это обозначение, был вырезан заново, причем одним мастером, а само обозначение размещено на том участке монетного поля, где ранее, в первый год архонтата Асандра, размещали монограмму «ΑΤ». Сам же факт окончательного подчинения денежного производства правителю свидетельствует как об упрочении его положения, так и о восстановлении спокойствия в Боспорском государстве, вследствие чего Асандр мог вернуться в столицу и подчинить ее своей власти.

Не стоит удивляться и тому, что на этих монетах также нет монограммы «Φ» — не было нужды размещать на монетах монограммы двух чиновников, от имени Асандра контролирующих денежное производство.

В последний год архонтата на золотых вновь появилась монограмма «ΑΤ». Ее разместили на прежнем месте (рис. 1*,9—11*). Причем аббревиатура имени чиновника на этих монетах отсутствует. И это вполне объяснимо. Полагаем, что к тому времени Асандр укрепился в Пантикапее и мог позволить себе пойти навстречу полисным властям, вернув столице элементы самоуправления. Полагаем, что узурпатор перешел к политике лавирования.

Основываясь на этом, заявляем, что мы разделяем точку зрения П.О. Карышковского и Н.А. Фроловой[124], а также С.Ю. Сапрыкина[125], пришедших к выводу о возможности

---

[120] *Чореф М.М.* Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник. С. 109.

[121] Возможность активных боевых действий в Колхиде предполагает и С.Ю. Сапрыкин (См.: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 69).

[122] Там же. С. 68.

[123] *Чореф М.М.* Боспорское царство при Фофорсе: по нумизматическим данным. С. 329—371; *он же.* Звездовидные надчеканки на меди Асандра как исторический источник. С. 86—91; *он же.* Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник. С. 105—112; *он же.* «Non multa, sed multum», или дифференты на монетах… С. 171—200.

[124] *Карышковский П.О., Фролова Н.А.* К истории правления Асандра на Боспоре. С. 104; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I. С. 19, 22, 166—167.

выделения статеров, выпущенных в четвертый год архонтата Асандра. И, соответственно, не поддерживаем выводы В.К. Голенко[126] и В.А. Анохина[127], заключивших, что этот государь тогда выпускал золото только в качестве царя. Нас убедила в этом как безукоризненная логика Н.А. Фроловой, обратившей внимание на вариации изображений Ники на золоте чекана Асандра, так и результаты нашего изучения монограмм.

Но вернемся к изучению лицевых сторон этих монет. Как помним, на них были выбиты изображения Асандра с разными прическами, а также дифференты «» и «». Основываясь на результатах нашего исследования, попытаемся объяснить причины их появления и исчезновения.

Итак, на статерах первого года правления Асандра было оттиснуто изображение мужчины с коротко подстриженными и весьма примечательно уложенными волосами. Речь идет о полукруглых прядях на темени и на макушке. А на затылке они, наоборот, столь тщательно зачесаны, что выглядят как ровная поверхность (рис. 1,*1,2*). Сразу же заметим, что считаем такую прическу знаковой. Дело в том, что также укладывал волосы Гн. Помпей Магн. Кстати, на аверсе его посмертных выпусков размещали весьма узнаваемое изображение дельфина[128] (рис. 3,*6*). Конечно, оно куда более высокохудожественно, чем на монетах Асандра, но тенденция все же просматривается. Полагаем, что та же причина побудила боспорских монетчиков поместить трезубец Посейдона на реверсе архонтской меди (рис. 2). Они, тем самым, почтили морские победы покровителя своего государя. Чтобы совершенно в этом убедиться, обратим внимание на денарий Гн. Помпея Магна, выпущенный в 49 г. до н.э. в Испании[129] (рис. 3,*7*). На его реверсе оттиснуто хорошо узнаваемое изображение дельфина.

Что же касается дифферента «», то он, в отличие от «», проставлялся отнюдь не в память о великом завоевателе римлянине. Учитывая его чрезвычайную распространенность, причем даже в качестве надчеканки[130] (рис. 3,*9*), полагаем, что этот знак использовали в качестве эмиссионного обозначения. Т.е., появление «» в качестве дифферента на монете свидетельствует о том, что Асандр организовал денежную эмиссию за пределами столицы.

Мы находим это предположение очень перспективным. Как помним, на статерах второго года архонтата Асандра уже был выделен дифферент «Δ». А, если наша методика работы с эмиссионными обозначениями на статерах III—IV вв. верна[131], то, в данном случае, появляются определенные основания для локализации центра «». Допускаем, что он сначала

---

[125] *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 73.

[126] *Golenko K.* Nördliches Schwarzmeergebiet (Sarmatia Europea, Chersonesus Taurica, Bosporus Cimmerius) // Chiron. 1975. Bd. 5. S. 606, № 460.

[127] *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. С. 119, прим. 1; *он же.* Монетное дело Боспора. С. 78. Как помним, сам Фарнак II стал царем с санкции Гн. Помпея Магна (App., Mithr., 113, 114).

[128] Эта монета была продана на аукционе, проведенном фирмой «Numismatica Ars Classica NAC AG» (См: Numismatica Ars Classica NAC AG. Auction 51. Lot 773 [Электронный ресурс] // http://www.acsearch.info/search.html?id=584668).

[129] *Seaby H.A.* RSC. Vol. I: The Republic to Augustus. London, 1989. P. 103. № 3. Изображение этой монеты размещено на сайте Acsearch.Info (См.: Gemini, LLC. Auction X. Lot 181 [Электронный ресурс] // http://www.acsearch.info/search.html?id=1486637).

[130] Изображение этой монеты приведено на сайте Bosporan-Kingdom.Com (См.: Паспорт монеты: 225-4866-1 [Электронный ресурс] // http://bosporan-kingdom.com/225-4866/1.html).

[131] *Чореф М.М.* Боспорское царство при Фофорсе: по нумизматическим данным. С. 329—371; *он же.* «Non multa, sed multum», или дифференты на монетах боспорского царства периода «скифских войн», как исторический источник // Stratum plus. 2012. № 4. С. 171—200.

был автономной административной единицей, но уже во второй год правления Асандра его включили в состав стратегии с центром в Диоскуриаде. Вернее всего, они были сопредельными.

Правда, остается открытым еще один вопрос. Дело в том, что на римских республиканских монетах, как правило, не размещали портреты здравствующих политиков[132]. Так что, на первый взгляд, нашу гипотезу можно взять под сомнение. Однако этот запрет не распространялся на монеты провинциального чекана. В качестве примера приводим изображение АЕ 20 чекана Солы-Помпейополиса[133] (рис. 3,*8*), выпущенной при жизни Гн. Помпея Магна.

Допускаем, что Асандр сознательно копировал монетный тип прижизненных и посмертных выпусков этого великого римлянина, и, тем самым, пропагандировал свои политические убеждения. Собственно, этим и можно объяснить остроту его конфликта с Г. Юлием Цезарем.

Что же касается причин, побудивших Асандра на такой демарш, то следует помнить о том, что после победы над Митридатом VI Евпатором Дионисом именно Гн. Помпей Магн проводил масштабную перестройку Понтийского государства[134], причем действовал в интересах местной эллинской знати[135], а Фарнак II даже считал его своим покровителем[136]. Так что Асандр, в свою очередь, вполне мог принадлежать к группе лиц, благодарных этому римскому политическому деятелю. Само же провозглашение помпеянских взглядов имело смысл лишь в том случае, если узурпатор стремился опереться на местные полисы, недовольные тиранической и авантюристической политикой государей — Митридатидов. Так же вполне возможно, что Г. Юлий Цезарь занял столь непримиримую позицию по отношению к Асандру из-за его политических убеждений.

Но попытаемся объяснить замену дifферента «» на «». Допускаем, что Асандр под нажимом Митридата Пергамского был вынужден перенести свою резиденцию в провинциальный центр, причем не обязательно эллинский[137]. Вернее всего, это было

---

[132] *Мэттингли Г.* Монеты Рима с древнейших времен до падения Западной империи. М., 2005. С. 68—69. Г. Юлий Цезарь был первым римлянином, который удостоился невиданной ранее чести — прижизненного изображения на монетах своего родного города.

[133] *Levante E.* SNG France 2 Cabinet des Médailles Cilicie. Paris, 1993 (Série «Numismatica Ars Classica»). № 1215. Это изображение было размещено в базе нумизматических аукционов Acsearch.Info (См.: Roma Numismatics Limited. Auction E-SALE 1. Lot [Электронный ресурс] // http://www.acsearch.info/search.html?id=1657923).

[134] *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 22; *он же.* Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. С. 217—220.

[135] Там же.

[136] *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 24.

[137] Также не видим оснований принимать атрибуцию этого символа, предложенную Р.А. и Е.Р. Исанчуриными. Напомним, что нумизматы видели в ней и палицу Геракла (Исанчурин, Исанчурин 1989: 71), т.е. боспорскую царскую инсигнию (См.: *Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р.* Монетное дело боспорского царя Радамсада // НиЭ. 1989. Т. XV. С. 72), а так же символ императорской доблести (Там же. С. 72—73). Собственно, на ее примере ученые и основывают свою гипотезу о неоднозначности дифферентов (Там же. С. 71). В связи с этим возникает ряд вопросов. Во-первых, если палица была изначально знаковым символом Геракла — мифологического предка боспорских династов, то можно ли ее появление на золоте их чекана увязать с культом римских императоров? Тем более, какое она могла иметь отношение к Асандру? Во-вторых, имеет ли смысл использовать в качестве доказательства этого постулата факты об активизации почитания этого божества при Коммоде (180—192 гг. н.э.) (Там же. С. 72), если монеты с «палицей» стали чеканить еще на рубеже н.э.? И, в-третьих, могли ли боспоряне отказаться от ее размещения только по этому поводу после разгрома армии

ἔρῦματος — *«укрепление»*, царская крепость — столица стратегии, служивший опорным пунктом Митридатидов[138]. Именно этим обстоятельством можно объяснить попытку удаления со штемпеля реверса следов аббревиатуры первого архонта и размещение на ее месте трудночитаемой монограммы, состоящей из «Λ» и, возможно, «Т», а также добавление нового дифферента — «Δ» в нижней части монетного поля[139].

Об остроте конфликта говорят и результаты археологических раскопок. Так, во время исследования Горгиппии был выявлен слой катастрофического разрушения, датируемый Е.М. Алексеевой втор. пол. I в. до н.э., а, точнее, периодом от смерти Митридата VI Евпатора Диониса до посл. четв. этого столетия[140]. Примечательно и обнаружение в кургане Ак-Бурун римской фибулы типа Aucissa, которая, по мнению М.Б. Щукина[141], поддержанному С.Ю. Сапрыкиным[142], могла изначально принадлежать солдату вспомогательных подразделений Г. Юлий Цезаря, погибшему в бою с боспорцами и местным населением. Действительно, Митридат Пергамский пытался подчинить местное население, о чем говорит сам факт ограбления им святилища Левкотеи и оракула Фрикса (Strabo, XI, 2, 17). Так что обнаружение подобного рода артефактов вполне вероятно.

Но вернемся к теме нашего исследования. На третьем году правления Асандра ситуация в регионе кардинальным образом изменилась. Судим по тому, что в обращение поступили статеры, на аверсе которых было выбито изображение архонта с длинными, тщательно уложенными волосами и с возложенной на них диадемой. Сразу же напрашивается аналогия с изображениями Фарнака II в образе Мена—Фарнака. Полагаем, что новшество отразило победу Асандра над Митридатом Пергамским. Как помним, о том же свидетельствуют эмиссионные обозначения. Начнем с того, что, они отсутствуют на аверсе, а на реверсе, как помним, приведена только монограмма имени чиновника. Следовательно, монету выбили в столице, причем под контролем представителя самого государя. Учитывая знаковую модификацию его изображения, заключаем, что ко времени выпуска этих статеров в обращение Асандр не только разгромил Митридата Пергамского, но и предъявил свои претензии на боспорский трон[143]. Следовательно, к тому времени он уже женился на Динамии. Основываясь на этом, заключаем, что брачный союз мог быть заключен на третьем году правления Асандра, т.е. в 46 г. до н.э.

Что же касается последней серии статеров архонтского чекана, то они также крайне интересны. Дело в том, что на них был оттиснут третий вариант изображения Асандра — вновь с короткой стрижкой, но у же с иной, на этот раз крайне небрежной прической: волосы свободно ниспадают на лоб, примечательно и разделение прядей над правым глазом.

Дециев при Абритте (Там же. С. 73)? Полагаем, что такой вызов правителям Рима не был бы проигнорирован. Мы уверены, что «♟» изначально была связана с культом Геракла и являлась знаковым символом эмиссионного центра.

[138] *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. С. 217.

[139] *Чореф М.М.* Территориально-административное устройство Боспорского царства… С. 257.

[140] *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 126.

[141] *Щукин М.Б.* Фибулы типа «Алезия» из Среднего Приднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже н.э. // СА. 1989. № 1. С. 68.

[142] *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 70—71.

[143] Вслед за А.Р. Пановым, полагаем, что сам факт переговоров 46 г. до н.э. между Г. Юлием Цезарем и херсонесским посольством во главе с Г. Юлием Сатиром свидетельствует о том, что диктатор стремился ослабить Боспор в результате вывода из его Херсонеса (См.: *Панов А.Р.* Поход Митридата Пергамского на Боспор. С. 16).

Собственно, так же укладывали волосы Августу[144]. Но, возможно и иная трактовка этого явления. Дело в том, что весьма близкие укладки просматриваются на изображениях Г. Юлия Цезаря и М. Антония. Так что эту прическу вполне можно считать типовой позднеримской[145]. Причем она определено была известна в Причерноморье – судим по изображениям Августа из Пергама и Киме[146].

Учитывая эти обстоятельства, полагаем, что на четвертом году правления Асандр вновь изменил политический курс. Он уже не противопоставлял себя победившим в Гражданской войне цезарианцам. Мало того, с помощью монетной эмиссии он пропагандировал сходство своих убеждений с официальной идеологией Рима. Полагаем, что в дальнейшем Асандром было сделано все для заключения соглашения с триумвирами, и, следовательно, для легитимации ими своего режима.

Также допускаем и то, что Асандр изменил свои политические взгляды, опасаясь римского вторжения, неминуемого во время планировавшегося в то время Парфянского и Дакийского походов Г. Юлия Цезаря. (App., De Bell. Civ., II, 110; Dio Cass., XLIV, 1; Plut., Ceas., LVIII; Suet., Iul., 44, 3), запланированных на 44 г. до н.э.[147] Так что он был вынужден на некоторое время умерить свои амбиции, и, вследствие этого, не решился провозгласить себя царем уже на третьем году правления.

Римляне же, в свою очередь, были вынуждены смириться с узурпатором[148], т.к., во-первых, из-за убийства Г. Юлия Цезаря планируемые походы не состоялись, а Республика оказалась ввергнута в очередную Гражданскую войну. Так что и цезарианцам, и сторонникам Сената понадобились союзники. А т.к. Асандр к тому времени стал полновластным владыкой Боспорского царства, и с ним были вынуждены считаться. Во-вторых, раз правитель Боспора более не предпринимал значимых попыток расширить свою сферу влияния, то, следовательно, перестал быть опасен. Т.е. он мог быть союзником одной из римских партий. В-третьих, важным противовесом новоявленному царю в Таврике выступил независимый и союзный Риму Херсонес. И, в-четвертых, т.к. Асандр выступал как консорт (КБН 30), так что в случае ослабления его режима или же смерти вполне можно было бы вернуться к переделу Северного Причерноморья, что, кстати, и было сделано.

Римские власти, в конце концов, провозгласили его «другом римского народа и Цезаря»[149]. Основываясь на этом факте и учитывая свидетельство псевдо-Лукиана (Ps.-Luc. Macr, 17), допускаем, что это решение было принято Августом. Но в древних письменных источниках нет прямых указаний на дату этого события. Мы можем определить ее лишь косвенно. Вслед за С.Ю. Сапрыкиным допускаем, что признание Асандра царем могло состояться по инициативе М. Антония, правившего Востоком в качестве одного из триумвиров[150].

---

[144] *Лосева Н.М.* Римский скульптурный портрет раннеимператорского времени (30 г. до н.э. — 68 г. н.э.) — в кн. *Битова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А.* Римский скульптурный портрет. М., 1975. С. 29—31, илл. 31—36.

[145] Там же. С. 29.

[146] Там же. С. 38, илл. 58.

[147] *Егоров А.Б.* Последние планы Цезаря (к проблеме римского глобализма) // Мнемон / под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2006. Вып. 5. С. 77—94.

[148] *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 79; *Панов А.Р.* Поход Митридата Пергамского на Боспор. С. 16.

[149] Там же. С. 79.

[150] Там же. С. 72.

Итак, проведя исследование фрагмента истории античного Боспора – периода архонтата Асандра, мы высказали некоторые соображения по поводу атрибуции монет чекана этого государя, которые, как мы надеемся, позволяют по-новому осветить слабо изученные периоды его правления. Надеемся, что наши наработки будут приняты научным сообществом. Также полагаем, что предложенная методика работы с дифферентами окажется плодотворной и при изучении эмиссий последующих периодов существования Боспорского государства.

М.М. Чореф

К БИОГРАФИИ АСАНДРА: ПУТЬ К ПРЕСТОЛУ

Трудно найти более яркую личность на боспорском троне, чем Асандр. Родившись простым гражданином, он не только смог оттеснить на время от престола законный дом Митридатидов, но и навязал свою волю всевластному Риму. Обстоятельства, приведшие его на историческую арену, не остались незамеченными. Об Асандре писали Аппиан, Дион Кассий, Страбон и псевдо-Лукиан. Однако собранные ими сведения оказались крайне фрагментарны. Дело в том, что античные историки, излагая заинтересовавшие их эпизоды из жизни Асандра, не считали нужным приурочить их к бытовавшим тогда эрам. Несколько информативнее памятники эпиграфики. Однако и они не содержатся искомые сведения. Объектом нашего исследования стали монеты архонта Асандра. Были выработаны предположения по методике атрибуции дифферентов, выбитых на аверсе его статеров и по дешифровки аббревиатур, оттиснутых на их реверсе. В результате удалось проследить этапы его борьбы за боспорский трон. Выносим результаты нашего исследования на научное обсуждение.

Ключевые слова: Асандр, Боспорское царство, дифферент, монограмма, нумизматика.

M.M. Choref

TO THE BIOGRAPHY OF ASANDER: WAY TO THE THRONE

It's hard to find a more vivid personality on Bosporan throne than Asander. Born a simple citizen, he was not only able to push for the duration of the throne rightful home Mithridatids, but also to impose their will-powerful Rome. The circumstances that led him to the historic arena, did not go unnoticed. On Asander wrote Appian, Dio Cassius, Strabo and pseudo-Lucian. However, they collected information proved to be extremely fragmentary. The fact that the ancient historians, presenting interesting episodes from the life of their Asander not consider it necessary to coincide with their eras existed then. Several informative sites epigraphy. However, they do not contain the desired information. The object of our study were coins of Archon Asander. Assumptions were developed by the method of attribution trim stamped on the obverse of his staters and decryption abbreviations stamped on their reverse. As a result, were able to trace the stages of his struggle for the throne Bosporus. Take out the results of our research on the scientific discussion.

Keywords: Asander, Bosporan kingdom, trim, monogram, numismatics.

Рис. 1. Статеры архонта Асандра

1,2 — первого года правления, с вариациями монограммы «ΑΤ» на реверсе: с «ΑΤ» (*1*) и с «ΑΤ» (*2*); *3—5* — второго года правления, на золотых 3 и 5 под пророй просматривается «Δ»; *6—8* — третьего года правления с дифферентом «А» на реверсе; *9—11* — четвертого года правления с монограммой «ΑΤ» на оборотной стороне.

Рис. 2. Медные монеты архонта Асандра

1—3 — оболы; *4,5* — тетрахалки.

Рис. 3. Материалы для истолкования изображений на статерах Асандра

1 — Ника Самофракийска; *2—5* — денарии Г. Юлия Цезаря (*2*) и Августа (*3—5*) с Никой с поднятыми крыльями на реверсе; *6—7* — денарии Гн. Помпея Магна: посмертный (*6*) и прижизненный, выбитый в Испании (*7*); *8* — бронза Солы-Помпейополиса; *9* — тетрахалк Асандра с надчеканкой «».

УДК 737(497.2)«0/3»

Павел Деспотов

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ХРАМОВЕ ПО РЕВЕРСИТЕ НА МОНЕТИТЕ ОТ АВТОНОМНОТО БРОНЗОВО МОНЕТОСЕЧЕНЕ ПО БЪЛГАРСКИТЕ ЗЕМИ В ПЕРИОДА I—III ВЕК ОТ НОВАТА ЕРА

Въведение

Монетите са особено ценен извор за изучаване на политическата и икономическа история на народите, за тяхната материална и духовна култура. Изображенията, епиграфиката, метрологията и други данни, почерпени от монетите, не само потвърждават и уточняват сведенията от писмените източници, но и ни помагат да запълним празнините в познанията си. Това е изключително важно при изследването на отделни периоди от историята, които не са достатъчно отразени в писмените сведения. Монетата като исторически паметник има своите специфични особености. Нейната форма, начинът на изработка, съставът на метала и тежестта й, изображенията върху нея — често висохудожествени — всичко това ни дава ценни сведения както за имената на владетели и градове, така и за отминалите събития. Металите, от които са били произвеждани монетите са злато, сребро, мед или техни сплави. Това е гарантирало съхранението им до наше време.

«Нумизматиката е светилото на археологическита наука. Целият корпус антични монети е като едно метално огледало, в което е отразен древният свят»[1]. Нумизматиката е наука, която се занимава с изучаването на монетите и тяхната типология. Интересът към античните монети и тяхното събиране започва още през Ренесанса. Но преходът от колекционерство към формирането на наука завършва чак в края на XVIII век[2]. Започва системното изследване на античните монети. С тях се занимават и други научни дисциплини — метрология, палеография, изкуствознание, икономика, история, техника и др. Изгражда се нова научна класификация на монетите. Оформят се и се издават корпуси на монетите на отделните градове. Използването на данни от археологически разкопки, стратиграфията, сравняването на печатите и други методи на изследване спомагат за бързото развитие на нумизматиката. Благодарение на нея учените получават по-точни данни за съответните исторически периоди. С течение на времето интересът към тази наука нараства. През последните години с навлизането на компютърните технологии и интернет се появяват електронни сайтове за нумизматика, който позволяват на експерти от цял свят да бъдат в течение на най-новите открития и изследвания в тази област и извличането на историческа информация е по-лесно.

Нумизматиката има съществен принос за изучаването на политическата история, историята на културата и изкуството, археологията, историята на държавите и правото, миннодобива и металургията, историческата география, етнография, хронология.

Римските монети, значително количество от които са запазени, са най-ценният източник за нумизматични изследвания. За историята на монетосеченето в Рим важни

[1] *Бутковский А.П.* Нумизматика или история монет древних, средних и новых веков. Москва, 1861.

[2] *Казманова Л.Н.* Введение в античную нумизматику. Москва, 1969.

сведения съобщава Плиний Стари[3]. Той разказва, че до принудителното оттегляне на войските на цар Пир от Италия през 275 г.пр.н.е. римският народ е живял щастливо, непознавайки парите, направени от благородни метали. Не е имало нито златни, нито сребърни монети, в обръщение бил едиствено медният aes. При всички разплащания парите се измервали по тежест. Така везните оставали един от елементите на търговската сделка. Според Плиний, един от древните римски царе Сервий Тулий въвел практиката медните парченца, използвани при разплащанията, да бъдат маркирани със специален със специален държавен знак[4]. Върху медните монети отпечатвали образите на волове — «pecudes». Затова в Рим парите се наричали «pecunia». Плиний съобщава още, че сребърните монети започват да се секат чак 5 години преди първата Пуническа война. Недостигът на пари по време на войните с Картаген принудил Рим да «развали парите» като пусне в обръщение медни aes, чието тегло било шест пъти по-малко от предишното. Тази мярка се оказала успешна и спасила опразнената хазна.

Изучаването на изображенията върху монетите ни дава много сведения не само за политическата история. Нумизматиката оказва огромна помощ и на историята на изкуството. Много от произведенията на римските и гръцки скулптури са изобразени върху различните монетни типове. Големият им тираж е помагал да достигат и до най-отдалечените кътчета на Империята. Шедьоврите на скулптурата, възпроизведени върху монети от императорския период, са подбирани прецизно. Поданниците, които не са имали възможността да видят на живо знаменетите храмове, скулптури, мостове, арки и т.н., са ги срещали върху монетите и така са се приобщавали към културната политика на императорите, ставали са участници в живота на боговете и героите[5]. Днес тези изображения помагат, естествено с различна точност, за идентификация на редица произведения на изкуството.

Нумизматиката играе голяма роля при изучаване на историята на архитектурата. Огромно е било значението на монументалните сгради за прославата на Римската империя. Строителството на храмове, арки, инженерни и технически съоръжения се развива бурно не само в самия Рим, но и във всички градове в метрополията и провинциите. Своят разцвет архитектурата достига през I—II в. н.е. Монетите, върху които са изобразени архитектурни комплекси, позволяват на изследователите в едни случаи да определят местоположението на някои от постройките, като идентифицират храмовете според отделните им архитектурни детайли, в други случаи служат за уточняване на религиозните култове в провинциалните градове. Появяването на монетни типове с храмове и олтари е свързано не само с тяхното строителство или възстановяване, но и с подема на култа на различните богове, обети в тяхна чест, военни успехи под тяхното покровителство и ред подобни събития. Културният живот в провинциите в основните си черти е повтарял столичния: устройвали са се игри и други зрелища, форумите се украсявали с нови храмове, арки, амфитеатри и други постройки. Независимо от различията в културите на народите от Изтока, Гърция, Африка и т.н., на територията на империята се установява единна римска материална и художествена култура.

Стотици градове в Римската империя са имали възможност да отсичат монетни емисии от свое име. Голяма част от изображенията по монетните типове на градовете е свързана с местните забележителности — статуи на великите майстори от Античноста, запазени в един

---

[3] Естественная история, XXXIII, 42—48.

[4] Съвременните изследователи смятат, че тази практика е възникнала доста по-късно — през Републиканския период — V в.пр.н.е.

[5] *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. Москва, 1995.

или друг полис като храма на Артемида в Ефес, на Диана в Пергам, на Хера в Самос и др., чиято слава отдавна е придобила общонационални мащаби. Върху монетите на провинциалните градски управи са представени много храмове от местно значение, което е обусловено от една страна от патриотичните чувства на града, а от друга като своеобразен опит да се омаловажи загубата на независимост6. И въпреки че основното предназначение на тези типове градски монети е било да прославят местните светини, свързани с независимото им минало, изображенията върху тях се вписват неделимо в специфичния феномен на общия културен живот на цялата Империя. През императорската епоха са били сечени огромно количество монетни типове, които прославят политиката на държавата както като цяло, така и в частност на императорите и градските администрации. С тези монети са боравили всички слоеве нанаселението и образите върху тях са им въздействали повече, отколкото самите архитектурни и културни паметници. Така те са служили и за обединяване на поданниците от всички кътчета на империята около ценностите на империята. Но и чрез привличането на неримски елементи към сферата на римската култура, са утвърждавали нейната синкретичност, без да пренебрегват националната самобитност.

Монетосеченето по време на династията на Северите ни дава последните ярки примери на архитектурни паметници — новопостроени и антични. В градското монетосечене до средата на III в.н.е. все още фигурират изображения на храмове на градки божества, свързани с известно съживяване на техните култове, но от втората половина на III в.н.е. се прекратява автономното градско монетосечене.

Колкото и миниатюрни да са изображенията на древни здания върху монетите, те помагат на архитектите да възстановят някои елементи на разрушените древни постройки. Монетите са един от най-интересните източници за историята на Римската империя. Те ни дават безценна информация както за битки и събития, обществени настроения и идеи, така и за изкуството, религията, строителството и архитектурата на епохата.

По темата не липсват изследвания. Още в капиталния труд на Никола Мушмов «Античните монети на Балканския полуостров и монетите на българските царе», изд. БАН, 1912 г., са дадени монети от автономното бронзово монетосечене от двете области Мизия и Тракия. Мушмов подчертава голямото културно-историческо значение на тези монети, поради информацията, която може да бъде почерпена от тях. Със техните разнообразни и многобройни типове и надписи те дават сведения за религиозните култове на съответните градове, големите обществени здания и художествени произведения., за исторически събития и т.н.

Книгите на Тодор Герасимов «Сердика, Археологически материали и проучвания» том I, изд. на БАН 1964 г. и «Антични и средновековни монети в България», изд. Български художник, 1975 г. също дават значителен принос за изучаването на автономното бронзово монетосечене по българските земи. Изследванията на Йорданка Юрукова — «Монетосеченето на градовете в Долна Мизия и Тракия II—III век — Хадрианопол», София, изд. БАН, 1987 г., «Muenzpraegung von Deultum», Berlin. Akad.-Verl. 1973, Griechisches Muenzwerk 2, «Бронзовото монетосечене на градовете в Тракия и Мизия през II—III в. Характер и функции» // Епохи, 4, 1994 г., «Иконографска характеристика на градските монетосечения в източните римски провинции» // Нумизматика и сфрагистика, I, 1999 г. допринасят за систематизацията на периодите и типологизацията на автономните бронзови монети.

---

[6] Той също. С. 483.

Интерес представляват изследванията на Бистра Божкова «Архитектурни паметници изобразени върху монетите на Пауталия», Известия на РИМ Кюстендил, Т. 14, 2007 г. и «Архитектурни паметници в Сердика по нумизматични данни» 369—374 в «Риммският и късноантичният град», изд. Проф. М. Дринов, София, 2002; «Монетосеченето на Тракия I—III в. Сердика», УИ «Неофит Рилски», 2008 г. и «Монетосеченето на Долна Мизия I—III в. Марцианополис», УИ «Неофит Рилски», 2010 г. на Н. Христова и Г. Жеков. Най-сериозният труд, посветен на автономното монетосечене на Деултум и Тракия, е на Димитър Драганов «Trace & Moesia inferior», vol.1: Deultum, изд.: Bobokov Bros. Foundation, 2005. Трябва да се отбележат и трудовете на И. Лазаренко от Варненския исторически музей — «Antique and mediaeval coins from Varna and the Varna region», Славена, 2008 г., проф. И. Карайотов «Монетите на Месамбрия», Абагар 1994 г., дисертацията на М. Доткова «Архитектурни паметници, представени върху монетите на градските управи в Тракия и Долна Мизия I—III в. сл. Хр.», 2011 г., изследванията на Владимир Пенчев и от НИМ, и К. Колев от РИМ Пловдив и др. Натрупаните наблюдения образуват емпирична база от данни, която позволява да се пристъпи към нова равнище на анализите и систематизация на материалите.

Целта на настоящата работа е да изследва монетите, сечени през периода I—III век — от времето на Домициан (81—96 г.) до управлението на Гордиан III (238—244 г.) — в античните градове само на територията на днешна България, на чиито реверси са изобразени храмове. По този начин да се проследи развитието на храмовата архитектура — навлизането на римските елементи и постройки. Да се разграничат типовите храмови изображения от уникалните, което да ни даде нови данни за присъствието на реално съществували храмове в градовете с автономно монетосечене. Да се систематизират най-разпространените култове на божества, както и навлизането на нови и да се анализира тяхното развитие във времето. Да се установи кога и в кои градове е било най-активно култовото строителство. Целта на това изследване е да се документира по времето на кои императори религията е имала най-съществена роля. Да се извлече от изображенията на храмове върху монентите реверси информация както за конкретни паметници, в основната си част непроучени чрез археологически разкопки, така и за историята на развитието на различните култове по днешните български земи през периода I—III век. Такъв анализ би бил необходим и полезен за търсене и установяване на неразкрити храмови постройки в градовете с автономно монетосечене в античните градове на България.

Исторически и урбанистичен преглед на периода I—III век от новата ера по Българските земи

1. Историята

Областта Мизия е покорена от римляните през 15—29 г. по време на управлението на император Тиберий (14—37 г.)[7]. В началото Мизия не е самостоятелна римска провинция, а заедно с Македония и Ахея (Achaea) образува обща провинция (с два римски легиона), управлявана и ръководена от управител с ранг на консул. Столицата е Виминациум (Viminacium), днес Костолац. През I в., по времето на император Нерон (54—68 г.), управителят на Мизия Елиан покорява земите до устието на река Дунав. Мизия се отделя като самостоятелна императорска провинция. Тя обхващала днешните Сърбия, СЗ България, Дунавската равнина и Добруджа. По време на войните с държавата на Децебал (85—86 г.) за

[7] История на България в 7 тома. 1973 г. Т. 1. С. 286 и сл.

по-добър контрол на лимеса император Домициан разделя Мизия на Горна (Moesia superior) и Долна Мизия (Moesia inferior), като границата минава по течението на река Цибрица[8]. Долна Мизия обхваща северна България и Добруджа, южната й граница стига до Балкана. Развива се мощен процес на романизация. Римляните започват административно, икономическо и военно организиране на провинцията. В граничната провинция Долна Мизия те заварват слабо развита селищна система. Изграждат се укрепени военни лагери, особено покрай дунавския лимес. Край тях възникват селища (canabae) и села (vici)[9]. По време на реформите на император Траян (98—117 г.) се наблюдава силна урбанизационна дейност. Канабите се преустройват в градове. Строят се и нови градове по плана на класическата римска урбанистика като Никополис ад Иструм и Марцианопол[10]. Селищата придобиват ранг на колонии (Ескус), муниципии (Нове, Монтана, Дуросторум, Тропеум Траяни и Трезмис). Останалите селища са с ранга на викуси. След войните много от ветераните се оземляват и остават на територията на провинцията. По този начин се засилва и нейната романизация[11].

В I в. Рим окончателно завладява Тракия. След 49 г.н.е., когато последният тракийски владетел Реметалк умира, неговото царство минава на пряко подчинение на Рим[12]. По времето на император Клавдий (41—54 г.) Тракия е превърната в римска провинция. Тя включва земите на юг от Стара планина, простиращи се между Черно, Егейско и Мраморно море. До 187—193 г. някои територии на север от планината принадлежат също към нея — като Никополис ад Иструм, Марцианополис и др. Първоначално Тракия била прокураторска провинция до 107—109 г., когато нейният статут бил променен и тя се превръща в сенатска такава с главен град Перинт (дн. Мармара Ерегли)[13]. Най-значителният град обаче бил Филипопол. Тракийският провинциален управител контролирал и островите Тасос и Самотраки.

Започва преустройството на завладените територии по римски образец. Провинциализирането сварило балканските земи с различни степени на развитие на селищната система. Наред с апойкиите по крайбрежията съществували царски резиденциалии градове (Пела, Берое, Севтополис, Бизия), военните колонии на Филип II (Филипи, Кабиле, Филипополис, Мастейра) и основаните от Диадохите Тесалоника, Касандрия и Лизимахия. Административната реформа на Траян, която имала нужда от градските управи като органи на местната власт за провинциалните управители, довела до въздигането на редица от старите тракийски селища в градове (Сердика, Августа Траяна. Хадрианополис и др.), и, както вече беше отбелязано, до основаването на съвсем нови градове — Марцианопол, Плотинопол, Траянопол и др.

Провинция Тракия е с множество елинистически градове, които се преустройват по римски образец. При разделението на селата и селските общини е запазено старото елинистическо деление на селата κομη, като няколко от тях влизат в община κομαρχια. Тя е образувана от няколко села, чиито територии са ограничавани с гранични стълбове, на които е отбелязвана границата на себлата.

[8] Той също. С. 286 и сл.

[9] *Попов Д.* Древен Рим. История и култура. София, 2009.

[10] История на България в 7 тома. Т. 1. С. 304 и сл.

[11] *Боянов И.* Римските ветерани в Долна Мизия и Тракия I—III в. // София, 2008.

[12] История на България в 7 тома. Т. 1. С. 280 и сл.

[13] Той също. С. 280 и сл.

Запазва се старото деление на стратегии, които обхващат отделни племенни области и са наричани с имената на племената, които живеят там. Според Плиний Стари те били около 50 до първата половина на I в. н.е. Начело на стратегиите стоят римски граждани от тракийски произход. Броят на стратегиите започва да намалява след окончателното установяване на римската власт и постепенно те се стопяват в териториите на съществуващите и основаващите се градове. Този процес се засилва през II в.. Възникват и нови градове, които първоначално са с не толкова големи територии. Стратегиите вече са около 14, а в 136 г. те са напълно премахнати[14]. Тогава са окончателно регулирани и границите между Тракия и Долна Мизия. Никополис ад Иструм и Марцианопол остават в Долна Мизия, а гръцките колонии по Черно море влизат в Тракия.

В трите тома на поредицата «Римски и ранновизантийски градове в България», ИВРАИ 2002 г., който е под редакцията на Румен Иванов, са публикувани значими иследвания на видни български учени за развитието на тези градове, както, разбира се, и на производствените центрове около тях. Други трудове върху историята и развитието на градовете в Долна Мизия и Тракия[15].

Настоящето изследване има за задача да проследи изображенията на храмове върху реверсите на монетите от автономното бронзово монетосечене единствено от градовете на територията на днешните български земи. Затова в следващия обзор ще разгледам накратко историята само на онези градове на съвременната територия на България, в които са открити монети с изображениея на храмове върху реверсите им.

1.1. Провинция Тракия

Августа Траяна

Античният град е разположен на мястото на съвременния български град Стара Загора в полите на Сърнена Средна гора и вероятно е построен на мястото на тракийското селище Берое. Специалистите считат, че Августа Траяна възниква някъде около II в.н.е. В писмените извори рядко се среща това име на града. Там по-често е упоменато Βερόη, на латински Beroa или Irenopolis. Градът съществува и в няколко географски карти от XVII—XVIII в., изобразяващи селищната система от римската и ранновизантийската епохи.

Градът е заемал площ около 48,4 хектара. Имал е своя територия, която е граничила с тази на Филипополис, Хадрианопол, а на север даже е прехвърляла Балкана и граничила с Никополис ад Иструм, Дискодуратера до село Гостиница, Дряновско.

През ерата на Принципата античният град принадлежал към римската провинция Тракия. Организацията на живота и устройството на града били по елинистически образец. Имал самостоятелно общинско управление с градски съвет (βουλή), народно събрание (δήμος). Сюнархията се споменава за първи път в епиграфски паметник от 177—180 г. Според Велков първият архонт на града бил начело и на колегията на архонтите (συναρχία), като всеки архонт отговарял за отделни организационни, стопански, финансови и съдебни

[14] История на България в 7 тома. Т. 1. С. 296 и сл.

[15] *Данов Хр.* Западният бряг на Черно море през древността. София, 1947; *Кацарова В.* Пауталия и неговата територия през I—VI век». София, 2006; *Кесякова Е.* Филипопол през Римската епоха. София, 1999; *Велков В.* Градът в Тракия и Дакия. София, 1959; *Герасимов Т.* Сердика, Археологически материали и проучвания. Т. I. София, 1964; *Велков В., Иванов Т., Станчева М.* Сердика, археологически материали и проучвания. Т. II. София. 1989; *Ваклинов Ст.* Археология. София, 1973; *Иванов Т., Иванов Р.* Никополис ад Иструм. Т. I. София, 1994 и др.

дейности и организации. Сред тях били избирани патрони на обществени организации, религиозни и занаятчийски сдружения, които били членове и на местната герузия, и на κοινόν τῶν τράκων.

Важна роля в религиозният живот на Августа Траяна играели и първожреците архиереи[16]. Според него тяхната основна функция била да поддържат култа към императора. Извършвали са и строителна дейност, издигали са статуи. Отново според историческите извори едниният от първожреците Аврелий Терес бил получил титлата пожизнен неокор и градът получил правото на неокория, което е ясно засвидетелствано при император Гета (209—212 г.).

През първата половина на II в. Августа Траяна е в период на икономически растеж. Произвеждани са много изделия от бронз, за което говорят откритите работилници за метал и луксозни стоки статуетки, апликации за каруци и колесници и други предмети.

За икономическия растеж на Августа Траяна говори също и автономното монетосечене, което започва от времето на Марк Аврелий (161—180 г.) и се развивало до император Галиен (253—268 г.). На бронзовите монети се отпечатват ликовете на императорите и стотици различни изображения. Сред тях представляват интерес архитектурните паметници от Августа Траяна. Те са немалък брой и дават важна информация.

Анхиало

Основаването на едно от най-значимите селища от аполонийската хора в северния край на съвременния Бургаски залив — Анхиало — на територията на днешно Поморие, се отнася към V в. пр. Хр. Според една от версиите Анхиало възниква като емпория на Аполония[17]. Другата версия е базирана върху текста на Плиний Стари, който ни осведомява за града Меса, съществувал на същото място преди идването на гръцки колонисти. И двете версии са дискусионни.

Споменаванията в античната писмена традиция за него засягат главно елинистическата и следващите епохи. Въпреки че липсват системни археологически наблюдения, повечето от изследователите локализират предримския Анхиало на полуостров Кротирион[18], което кореспондира със сведенията в античните периплуси, където селището се споменава като пристанище. През късния Елинизъм Анхиало е бил тракийски град[19].

Анхиало е завладян е от римляните през 71 год. пр. Хр., а от I век сл. Хр. става значимо стопанско и политическо средище, център на стратегия. Добива правото да сече бронзови монети от името на градската управа. През 270 г. Анхиало е разрушен от готите, а с реформите на император Диоклециан в края на III в. е включен в провинция Хемимонт.

Автономното монетосечене на Анхиало се характеризира с големи серии и многообразие на монетни типове на императори и членове на техните семейства от Адриан до Транквилина. Върху някои емисии са изобразени архитектурни паметници. Разнообразието на номинали се допълва и от няколко медалиона.

---

[16] *Буюклиев Хр.* Принос към управленските структури и обществените организации и длъжности в Августа Траяна // The Roman and Late Roman City.The International Conference: Veliko Turnovo 26-30 July, 2000, Sofia, 2002, P. 306—310.

[17] *Данов Хр.* Западният бряг на Черно море през древността. С. 123.

[18] *Лазаров М., Гюзелев В., Грозданова Е., Тонев В.* История на Поморие. Т. I. София. 2000. С. 14—15.

[19] *Балабанов П.* Формирането на стратегия Анхиало // Seminarium Tracicum 5. София, 2001.

Аполония Понтика

През 610 г. пр. Хр. изселници от богатия град Милет — най-големият източногръцки център на малоазийския бряг, превръщат старото тракийско селище в богата елинска колония — независимият град-държава Аполония Понтика. Днес тук е съвременният град Созопол.

Градът израства като търговски и пристанищен център. Поддържа активни връзки с големите центрове на Елада: Милет, Атина, Коринт, Хераклея Понтийска, островите Родос, Хиос, Лесбос и други. Класическата епоха е време на икономически разцвет на Аполония Понтика. Окончателно се изгражда селищната структура на полиса, разширява се територията му и градът се налага като първостепенен фактор в района.

След превземането и опожаряването на града от римския пълководец Марк Лукул през 72 г. пр. Хр., проспериращата Аполония се превръща в малко провинциално селище.

Аполония участва в монетен съюз на западнопонтийските полиси заедно с още 7 града: Дионисопол, Истрос, Томи, Калатис, Одесос и Месембрия. Характерно при този съюз, който се явява прецедент в Римската империя е, че се използват еднакви тегловни стандарти, еднакви тегловни номинали, сходни бронзови сплави, близки портретни изображения, общи монетни типове и т.н.

Първият римски император, от името на когото са отсечени монети в Аполония (според Мушмов), е Домициан, което обаче не е потвърдено с реален нумизматичен материал. Градът е сякъл бронзови монети с имената на Антонин Пий (138—161 г.), Марк Аврелий, Фаустина Млада, Луций Вер, Септимий Север, Юлия Домна и Каракала (198—217 г.)[20]. Архитектурни изображения са засвидетелствани на няколко емисии.

Деултум

Този град представлява един от най-големите антични центрове по нашите земи. Той се намира на около 20 км западно от Бургас на брега на Мандренското езеро. Според проучванията на експертите езерото е било плавателно, като по него корабите са навлизали до 15 км навътре от същинския морски бряг[21]. Съвременните проучвания показват, че към средата на I хил. пр. Хр. Дебелт е център на обширен географски район, ключов пункт в търговските отношения на околните земи с Аполония и Месамбрия.

Римската военна колония Flavia Pacis Deultensium, както показват археологическите данни, е основана в непосредствена близост до тракийския Довелт. Топонимът на града и множеството находки на монети от I в.пр.н.е. — I в. н.е. от неговата територия, както и северно и западно от него сочат, че колонията не е заселена на «чисто» място. Времето на нейното основаване се свързва с последните години от управлението на император Веспасиан. Заселена е от ветерани на VIII Августов легион, участници в последната фаза от потушаването на Юдейското въстание, превземането на Йерусалим и Triurnphus Judaicus (юни 71 г.). Сведението на Плиний Стари (NH., IV, 45): «to Develton cum stagno quod nune Deultum vocaturveteranorum» показва, че ветераните са настанени в Деултум, в Тракия[22]. Името на Деултум се открива и в картата на Клавдий Птолемей (83—161/163? г.) като DEVELTVS COLONIA. Фрагментиран (непубликуван) надпис от разкопките на античния

[20] *Мушмов Н.* Античните монети на Балканския полуостров и монетите на българските царе. София, 1912.

[21] *Димитров А.* Български черноморски градове и крепости, Варна 1981, 386.

[22] *Birley E.* Yje Roman Army Papers. Amsterdam, 1988. P. 273.

град позволява да се стеснят хронологическите рамки на основаването на колонията в средата на 70-те години на I в. Тук заселените ветерани били около 800—1000 души. Те получили земя с право на притежание и ползване на добива от нея, защото собствеността била държавна.

Колонията имала самостоятелно вътрешно управление, но от съдебна гледна точка била подчинена на провинциалния управител[23]. През I—III в. Деултум е бил един от най-важните центрове в Тракия.

Благодарение на нумизматичните данни става ясно, че той има богато монетосечене. Според изследователите по-голяма част от монетите, произхождащи от града, са сечени в централните монетарници на Рим, нещо нехарактерио за други райони иа провинция Тракия[24]. Според Юрукова[25] след първата емисия от бронзови монети на Деултум, сечени във времето на император Траян, се наблюдава пауза до последните десетилетия на II в. При Юлия Домна се възобновява автономното монетосечене на града. Установено е, че градът пуска над 160 монетни емисии за около 50 години. Последните монети на Деултум са от времето на Филип Араб и неговата фамилия. От района на Деултум произхождат и значителен брой автономни бронзови монети от III в., сечени в Бизия, Дионисополис и Анхиало. Емисиите на колонията са откривани и във вътрешността на Тракия. Фундаменталният труд на Д. Драганов «Trace & Moesia inferior», vol. 1: Deultum, изд. Bobokov Bros. Foundation, 2005, който систематизира корпуса монети от Деултум, е най-значимия източник за изследователите. Много храмове, посветени на различни божества са изобразени върху емисиите на града.

Масамбрия

Античният полис Месамбрия (Месамбриа) Понтика е разположен на Несебърския полуостров и прилежащите територии на запад и север от едноименния залив на Черно море. Административният център на полиса, изграден на полуострова, е свързан със сушата чрез тесен провлак. Тази топография, осигурява относителна политическа и стопанска автономност на месамбрийското население през класическата и елинистическата епоха, когато е изградена и съответната градската архитектурна среда. След установяването на римската власт по Западното Черноморие Месамбрия отстъпва в икономическо отношение на толерирания от римляните град Анхиало и остава център с локално значение[26].

По време на римското владичество градската управа на Месембрия придобива правота да сече собствени монети. Първите са с образа на Август, последните — на Филип II[27]. Монетосеченето на града е доста по-малко от тези на Анхиало и Деултум. Въпреки това откриваме храмове върху монетните реверси на градските емисии.

---

[23] *Геров Б.* Земевладението в Римска Тракия и Мизия, I—III век // ГСУ ФКНФ. 1980. Т.72. № 2. С. 47—48.

[24] *Юрукова Й.* Принос към проучване на циркулацията на римски бронзови монети в нашите земи // Археология. 1965. № 3. С. 55—57.

[25] *I͡Urukova Ĭ.* Griechisches Muenzwerk: die Muenzpraegung von Deultum. Berlin, 1973. Vol. I. S. 1, 2.

[26] *Прешленов Хр.* Месамбрия Понтика: политически отношения и икономическо развитие презкъсноелинистическата и римската епоха // Thracia Antiqua. 1999. № 10: Studia in memoriam magistri Prof. G. Mihailov. С. 227—233.

[27] *Карайотов И.* Монетите на Месамбрия. Т. 1. Абагар, 1994; Той също. Монетите на Месамбрия. Т. 2. Бургас, 2009.

Пауталия

Античният град Пауталия, който е на мястото на днешния съвременен български град Кюстендил, е разположен в плодородната долина на р. Стримон (дн. Струма). Мекият климат, топлите минерални извори и многобройните рудни находища създавали прекрасни условия за развитие на поселищния живот от най-дълбока древност.

Тракийският произход на селището е запазено в наименованието на града, предавано в различни варианти; Παυτάλια, Παυταλεία, Pautalia, Peutalia, Παντάλια. Сред най-ранните епиграфски паметници с името на града е надписът за новопостроената базилика в чест на император Хадриан от 135 г.[28] Името се среща още изписано върху монетите на града от времето на Антонин Пий до Каракала, в официалните надписи или надгробни паметници на войници от нейната територия[29].

Пауталия е бил организиран по подобие на малоазийските градски центрове, както в обществено политическото управление, така и в духовната сфера. С епиграфски паметници са засвидетелствани ръководните органи на Градския съвет, Народното събрание и архонтите с тяхната колегия[30], на филите с наименования Хераклеида и Родопеида[31].

Наред с обслужване на императорския култ, жреческата колегия се грижела и за култа към божествата от гръко-римския пантеон. Съществувала и герузия — организация с обществено религиозни функции. В подножието на хълма Хисарлъка се намирала сакралната зона. Между дърветата се издигали храмове и светилища, изобразени на пауталийските монети. Тук е бил и главният храм на Пауталия със статуя на Асклепий.

Подобно на редица други градски центрове в Тракия град Пауталия получил правото от свое име да сече бронзови монети за нуждите на местния пазар. В продължение на 72 години — от времето на император Антонин Пий до император Каракала Пауталия произвежда монети от няколко няколко номинала[32]. На реверса са изобразявани много от забележителности на града — храмове, скулптори, божества, които ни дават сведения за тяхното съществуване.

Сердика

Останките на древна Сердика лежат под столицата ни. Най-старите заселници в Софийския район са били траките от племето серди, за което говори и името на града (Сердонполис, Сердика). Римската Сердика е построена върху руините на тракийския град. Местоположението е стратегическо — тук се кръстосват пътищата, водещи от Рим към Изтока и от Дунавския лимес по течението на реките Искър и Струма към Беломорието. Голямо значение е имал и минералният извор, чийто води са лечебни и не пресъхват и при най-голямата суша.

В Сердика са почитани многобройни божества. Наред с тези от гръко-римския пантеон, тук е бил пренесен и култът на египетския небесен бог Сарапис, на малоазийската Велика

---

[28] IG Bulg. Vol. IV, № 2057; *Иванов Т.* За функциите и топографията на базиликата в Пауталия от 135 г. // ИИМК. 1996. № IV. С. 267—274.

[29] Той също; IG Bulg. Vol. IV. № 113—116.

[30] IG Bulg. Vol. IV. № 2056, 2057, 2181.

[31] IG Bulg. Vol. IV. № 2077; *Ruseva-Slokoska L., Gerasimova-Tomova V.* Die Phylen von Pautalia // Pulpudeva. 1993. № 6. S. 59—64.

[32] *Божкова Б.* Архитектурни паметници изобразени върху монетите на Пауталия // Известия на РИМ Кюстендил. 2007. Т. 14.

богиня Кибела, на иранското божество Митра, олицетворяващо борбата между доброто и злото, на тракийския бог конник — Херос. В района на градските терми е било светилището на много почитаните в Сердика богове на здравето и медицината — Асклепий и Хигия. Аполон, бог на изкуствата, е бил тачен в Сердика и като покровител на лечебното изкуство. Сведения за божествата на Сердика, за техните храмове и статуи дават и градските монети.

Монетосеченето на Сердика започва при управлението на император Марк Аврелий (161—180 г.). След кратко прекъсване по времето на император Комод, то продължава при династията на Северите (Септимий Север, Каракала и Гета). След прекъсване от няколко десетилетия, при император Галиен, сердикийската монетарница отново се активизира[33]. Реформите на император Аврелиан (270—275 г.) засягат и монетното ателие на Сердика. То се присъединява към гъстата мрежа от императорски монетарници, пръснати из цялата територия на империята. Най-разнообразни са типовете на сердикийските монети от времето на Северите (194—235 г.). Архитектурните паметници, представени най-често върху монетите на Сердика, са храмовете.

Филипопол

Името на града се среща в произведенията на много антични гръцки и римски автори, както и в надписи. Основан е от Филип Македонски през 341 г. пр. Хр. върху основите на по-старо тракийско селище. Градът се развива и става главен град в провинция Тракия.

Административното устройство на града е по елинистически образец като народното събрание демос и съвета на старейшините Буле си запазват функциите. Разделението на фили също се запазило[34]. Те носели имената на божества или митологични герои, които били почитани в града като Ηβρήις, Ροδόπηις, Διονυσίας, Αρτεμισίας. Най-известните граждани участвали в съвет наречен герузия. Градът е бил седалище и на съюза на траките (κοινόν τῶν Θρακῶν), в който членували представители на отделните градове. Според Румен Иванов този койнон имал правото да се свързва директно с императора. Той е съществувал от I до IV в.н.е.

Най-голям разцвет градът постига по времето на Антонините и Северите и е наричан в надписите «ἡ λαμποτάτη μητρόπολις» и официалният език бил гръцкият. В града са се организирали периодично питийски игри, а в чест на Каракала те били преименувани на александрийски, за което свидетелстват и изработваните медальони[35].

Филипополис започва да сече монети от времето на император Домициан и приключва при император Елагабал (218—222 г.). Градът получава титлата νεωκόρος, която се среща в специално отсечените медальони от времето на Елагабал и в официалните надписи от времето на Север Александър (222—235 г)[36]. Тази титла давала правото на града да има храм на императорския култ. Този култ според изворите бил честван в храма на Аполон Кендрийски на хълма Джендем тепе. Според археолозите, разположението на храмовете на града, които са изобразявани на монетите, все още е неизяснено.

---

[33] *Христова Н., Жеков Г.* Монетосеченето на Тракия I— III в. Сердика, 2008 г.

[34] *Кесякова Е.* Филипопол през Римската епоха. София, 1999.

[35] *Мартинова М., Боспачиева М.* Филипопол, римски и ранновизантийски градове в България. София, 2002. Т. I—III. С. 181—194.

[36] Той също. С. 181—194.

1.2. Провинция Долна Мизия

Дионисополис

Дионисополис е древногръцка колония на Черно море до днешния град Балчик. Възниква през VI в. пр.н.е. под името Круной[37] на мястото на халколитно и тракийско селище. Основан от милетски колонисти. Полисът е водил оживена презморска търговия, разполагал с добра производствена база и богат хинтерланд. От края на III в. пр.н.е. се преименува на Дионисополис[38].

През римската епоха продължават да се използват и двете имена на града. През 73 г. пр.н.е. за кратко време пада под римска власт, след което е завладян от гетите. В началото на I в. пр.н.е. отново е в пределите на Римската империя към Долна Мизия. През II в. Дионисопол се превръща в едно от най-големите западнопонтийски пристанища[39]. В 297 г. император Диоклециан формира нова римска провинция Малка Скития и Дионисопол става втори по важност след Томи (дн. Констанца) град-крепост на пътя на варварските нашествия.

През II—III в. Дионисополис влиза в «общност на елините — Пентаполис» заедно с Томи, Калатис, Истрос и Одесос[40].

През II в. Дионисополис получава право на автономно монетосечене. Първият император, от името на когото се секат монети е Антоний Пий, а последния Гордиян III[41]. Императорските образи се ограничават между управлението на двамата императори. Познати са монети общо от 12 епонима, а с вариантите — 14. През императорската епоха автономното градско монетосечене на Дионисопол по обем съответства на социално-икономическото ниво на развитие на пристанищния град в провинция Долна Мизия. То не е толкова обилно в сравнение с това на съседните градове Калатия, Томи, Марцианопол, Никополис ад Иструм и Одесос, но внася своя принос в паричното обращение на провинцията.

Марцианопол

Градът се намира в северозападния край на Девненската долина и заедно с некропола си се е простирал от двете страни на река Девня. Наблизо са и карстовите извори.

Историята на града през римския период започва, когато той се появява на мястото на старо тракийско селище, което било при изворите на река Девня след Втората дакийска война, завършила в 106 г. Историкът Дексип съобщава, че Марцианопол е кръстен на сестрата на император Траян. В Цариградския синаксар той е главният град на провинция Долна Мизия.Това сведение се потвърждава от Зосима, Амиан Марцелин и др.

Структурата на градското управление на Марцианопол е идентична с тази на другите градове от Тракия и Долна Мизия. То е от елинистически тип, с перегринално право. Жителите нямали правата на римски граждани, освен тези, които станали такива по военен или друг път. От територията на градове от този тип били набирани войници, които да служат в римската армия, докато другите гръцки колонии били освободени от това. В

---

[37] Круни в переводе значит на новоболгарском — извори, а на руском источники, потому что многие источники водой находится в близости этого города.

[38] *Димитров М.* Дионисополис. Варна, 2001.

[39] Той също.

[40] Той също.

[41] Той също.

Марцианопол е имало градски съвет βουλή и народно събрание δήμος, които водели своите политики в областта на икономическото, религиозното и културното развитие[42]. Периодът на най-голям икономически разцвет на Марцианопол е по времето на династията на Северите.

Религиозният живот е бил богат и разнообразен. Официалният култ бил този към императора. За него отговарял архиереят — първожрецът на града. Заедно с него била почитана и Деа Рома. Тракийският конник като покровител на природата, живота и смъртта, Аполон, Зевс, Хера, Афродита, Дионис, Хефест, Херкулес, Сол, Луна, Серапис, здравеносните божества както и трите нимфи също били почитани в Марцианопол.

Марцианопол добива правото да сече провинциални бронзови монети. Началото е поставено по времето на Комод (180—192 г.). Собственото монетосечене отбелязва общо 15 императора и членове на техните семейства[43] Марцианопол е приобщен към монетната лига на западнопонтийските градове. Краят на автономното монетосечене се смята по времето на времето на Филип II (247—249 г). Изображения на храмове има върху много монетни емисии.

Никополис ад Иструм

Развалините на античният град се намират до съвременното село Никюп, Великотърновско. Според историческите данни древният град Никополис ад Иструм е официално основан от император Траян в чест на победата му над даките през 106 г. Първоначалната хипотеза на археолозите е, че градът е възникнал върху основите на римски военен лагер. Това твърдение до този момент не се потвърждава.

Официалният език в Никополис ад Иструм е бил гръцкият, защото организацията на обществения живот е по елинистически образец. Той бил управляван от съвет на архонтите, който излъчвал първи архонт на града, у когото била концентрирана и съдебната власт. Съветът на архонтите се избирал от аристокрацията.

Населението на Никополис било разнородно. Многобройни са лицата с латински имена, но доста от тях са с тракийски произход. Значителен е броят на тези с гръцки произход. То било разделено на фили. В Никополис ад Иструм са засвидетелствани следните фили — Apollonias, Athenias, Capitoline, Arthemisias[44]. Имало и жреческа колегия, която се грижила за култовете към божествата почитани в града като Зевс, Хера, Атина, Херакъл, Асклепий, императорският култ, Тракийския конник и др. Освен жреческата колегия в античния град е имало и още една организация с религиозни функции — герузия.

Античният град сече монети още от времето на император Антонин Пий до времето на Гордиян III. Монетните типове са над 900, като върху тях са изобразени боговете, почитани в града, някои обществени и култови постройки.

---

[42] *Ангелов А.* Марцианопол, 105—125, римски и ранновизантийски градове. Т. I. София, 2002.

[43] *Христова Н., Жеков Г.* Монетосеченето на Долна Мизия I—III в. Марцианополис.

[44] IG Bulg. Vol. IV. № 685, 690,692; IG Bulg. Vol. V. № 5234; *Иванов Т., Иванов Р.* Никополис ад Иструм. 1994. Т. I. С. 20; *Тачева М.С.* Власт и социум в римска Тракия и Мизия. 2000. С. 108.

Одесос

Съвременна Варна е построена върху руините на античния Одесос. Древният град е основан през първата половина на VI в.пр.Хр. Той е създаден като търговски център. Според историческите извори пристанището му е ползвано и от Лизимах.

Според един латински надпис през римския период стратегическото значение на града нараства и пристанището се доразвива. От Одесос е имало пътища, които тръгвали за Нове, Ескус, Дуросторум, Никополис ад Иструм, Мелта. Според историците през 86 г.н.е. градът от провинция Мизия попада в провинция Долна Мизия като си запазва правата върху владяната от него територия.

През римската ранноимператорска епоха Великият бог на Одесос се синкретизира с мъжкото божество Дарзалас. Образът му е открит върху редица монети. Храмът на бог Дарзалас е в тетра стил, има дълбок входен портик с триъгълни фронтони с изображение на Хелиос, с култова статуя в целата и правоъгълен олтар отпред. На около 130 м източно от северната фасада на градските римски терми от средата на II в. е открито друго светилище. То е посветено на Асклепий и Хигия. Запазени са части от мраморни статуи на двете божества, техни мраморни статуетки върху обща поставка, варовикови олтари и релеф с посвещение на Асклепий[45]. През дохристиянската античност в Одесос броят на практикуваните култове е много голям.

През I в.н.е. Одесос получава право на собствено монетосечене и издава монети от времето от император Домициан до император Гордиан III. Известни са монети от общо 21 епонима. Има засвидетелствани храмове върху реверсите.

1.2. Монети и монетосечение

Терминът «монета» е с латински произход. Първоначално това е един от епитетите, с които е назовавана римската богиня Юнона, означаващ «предупреждаваща», «съветваща». В храма на Юнона в Рим се е намирал монетният двор, но датировката му не е уточнена. Още от началото на V в.пр.Хр. е известна думата «номос», означаваща монета, а също и «закон, обичай». По-късно възникна и думата «номизма». От Гърция думата преминава в Древен Рим като «нумус». От тук, естествено и името на науката, която се занимава с монетите — нумизматика. Думите номос, нумус, номизма означават не само монета, но и определените номинали на античността. Номиналите на монетите, които се явяват съответните тежини на монетите, гарантират тяхната стойност и качество.

Преди появата на монетите са съществували техни прототипи — така наречените от специалистите домонетни форми[46] — хранителни продукти, домашни животни, оръдия на труда, култови предмети, изделия на ювелирството. Още към края на II в пр. Хр. предметите от бронз са се възприемали не само като част от бита, но и като средство за натрупване на богатство[47]. На Балканите се наблюдават домонетни форми като лабриси, трискели, слитъци с формата на пелта, камбанки от бронз, цветчета, делфинчета, стрелички, сърпове. Те са се използвали в рамките на регионални пазари, като с течение на времето се появява тенденция към стандартизиране на формите и теглото им[48]. С течение на времето тези средства за

[45] *Иванов Р.* Римски и ранновизантийски градове в България. София. Т. I. С. 64—67.

[46] *Казманова Л.Н.* Введение в античную нумизматику. С. 27.

[47] *Балабанов П.* Домонетни форми в Тракия и Скития през първото хилядолетие пр.Хр. // Нумизматика, сфрагистика и епиграфика. София, 2006. Т. 3. Част I. С. 13—33.

[48] Той също.

размяна са заменени от метални изделия с кръгла форма — монети, чието тегло, големина и качество е гарантирано от държавата.

Първите монети се появяват в Китай и Индия през XII в.пр.Хр. В Европа и Мала Азия като разменно средство те възникват в края на микенския период и началото на класиката. През VII—VI в.пр.Хр. започват да се секат монети по източното средиземноморие — в Лидия и Егина. Атина започва да сече монети от VII в.пр.Хр., когато започва и тяхното по-масово разпространение в егейския басейн и се развиват нови монетни системи. През периода VII—VI в. пр.Хр. расте и броят на градовете със собствено монетосечене. В скоро време след градовете по егейският бряг започват да секат монети Персия, градовете в Мала Азия, Картаген, Македония и Тракия. В VI в. пр.Хр. започват да секат монети и градовете в северното причерноморие. По този начин монетите се превръщат в мярка за себестойност, средство за обръщение, пазаруване, разплащане.

Самите монети се изработват по определена технология — след като се отливат се удряят със специални печати от двете им страни, гравирани с изображения, които се нанасят върху монетите. Техниката на монетосечене не е римска, а римляните са я заимствали от гърците, картагенците и финикийците. Технологията е била чрез изготвяне на монетни калъпи. Големият тираж и кратките срокове не позволявали единично производство. Затова металът се е изливал във калъпите, които са се състояли от поредица съединени чрез улейчета вдлъбнатини. Калъпът се е запълвал с течния метал, след което готовите отливки са се разделяли, монетити са били досплесквани с чук и преминавали към по-нататъшна обработка. Този способ значително е съкращавал както времето за подготовка на монетосеченето, така и усилията на майсторите.

Сеченето е продължавало с нанасяне на релефа чрез щамповане. То е ставало чрез чифт бронзови или железни печати, долният от които се е захващал в менгеме, а горният се е държал в ръка. Римските, както и гръцките монети са имали висок релеф и за да се отпечатат добре всички детайли, отливките предварително са се загрявали в пещи. Загрятата отливка, естествено е имала по-малка твърдост и така се е удължавал и живота на печатите.

Изработката на отливките и нанасянето на печатите са двете основни технологични операции при монетосеченето. Но най-важният и отговорен процес, който е определял вида на бъдещата монета е изработката на печатите (щемпелите). Върху работната повърхност на долния щемпел винаги се е разполагал портрета (аверса), а върху горния негативното изображение на реверса. Това е било не само традиция, а и производствена необходимост, тъй като горният щемпел се е износвал по-бързо от долния, а изображението върху аверса е било по-значимото и по-сложно за изработка.

С изработката на печатите са се занимавали специални гравьори — scalptores monetae, които при всеки монетен двор са съставлявали обособена корпорация, начело на която е стоял praepositus. След утвърждаване на ескиза на изображението и надписите върху бъдещата монета, майсторите започвали изработването на инструментите за самото сечене. За щемпели се използвали два бронзови или железни цилиндъра, като долният е бил по-къс от горния. Краят на печата се почиствал, изравнявал и полирал. След това с метален инструмент върху работната повърхност са се маркирали надписите и ръбовете на монетата. После върху печата се гравирали с длето очертанията на негативния образ на бюста или главата на императора. Чрез изчукване с помощта на по-фини длета и шила с различна работна повърхност са се довършвали детайлите на портрета — носът, очите, устните, косите и брадата. След това се нанасяли и надписите. Накрая щемпелът се почиствал от метални остатъци и стружки и се закалявал. Използването на длета не само улеснявало прозводството на щемпелите, но и определяло стила и еднаквостта на римските монети.

Римските монети в голямото си мнозинство имат свободно съотношение аверс — реверс. Горният щемпел, за разлика от долния, е бил автономен и е бил поставян върху монетите относително свободно. Едва след появяването на съдинения двоен щемпел през късната Империя започват да се секат монети със строго съотношение на страните.

Монетосеченето от периода на Римската империя представлява за специалистите огромен интерес. Монетната циркулация е явно доказателство за търговските контакти между градовете или държавите. Монетата сама по себе си представлява достоверен исторически извор и информацията, която се счита от експертите за точна. Почти всеки град в Древността си е имал собствена монетарница, на чиято продукция на аверса се е изобразявал ликът на императора, а на реверса символ, статуя или архитектура , която е емблема на града. Иконографията отразявала реални произведения и архитектурни паметници.

В света научната литература има стотици корпуси и изследвания на римските монети. Една от най-известните публикации е поредицата каталози с римски монети на Британския музей със своите 4 тома, в които са обхванати почти всички типове римски монети. Друг важен труд са двата тома на Андрю Бърнет «Roman provincial coinage», в който са обхванати монетосеченията в римските провинции. Изследването «Coins and their cities» с автори Мартин Прайс и Блума Трелл е също много ценен труд, посветен на тази проблематика. Огромен принос имат и други публикации като Howgego C., Heuchert V., Burn A. «Coinage and identity in the roman provinces», Oxford, 2005, Клаванц «Reading and Dating Roman Imperial Coins», Whitman Publishin Company, 1959, Матингли «Roman coins from the earlis times to the falls of the Western Empire», Londres, 1960 — 1967, както и издания на музеи и университети като Ашмолеън, Кембридж и др.

Родната нумизматика започва с първата нумизматична сбирка, издадена от читалището в Свищов през 1860 г. Тя съдържа стари български монети, издирени от Г.С. Раковски и прерисувани от Николай Павлович. Изследванията на монети от българските земи е продължено от Доменико Такела, който е и първият уредник на нумизматичния отдел на Народния археологическия музей. Той изучава монетите на Аполония Понтика, изследва и публикува съкровището от 40 монети от Мухово, средновековни печати и др. С изучаване и изследване на монети се занимават Добруски, Йордан Иванов и Филов.

Никола Мушмов дава своя сериозен принос в развитието на нумизматичната наука у нас. През 1912 г. обнародва античните монети на Балканския полуостров и монетите на българските царе[49]. Той публикува намерени по онова време монети. Описанието на всяка монета завършва с цената й в български златни лева. Предговорът е написан от Филов и подчертава огромното значение на този труд. Мушмов проучва над 15 нови монетни типове и варианти. Той оставя значителни монографични изследвания. Издава «Монетите и монетарниците на Сердика» — към корпуса на монетите на Сердика и добавя турските монети в София, сечени от турската монетарница от XV в. Той е първият, който изучава и публикува монетите и медальоните на Филипопол. Този му труд до ден днешен си остава сериозно проучване на монетосеченето за Филипопол. Пише и студия, посветена на монетите на тракийските царе.

Тодор Герасимов — дългогодишен уредник на нумизматичния отдел на Археологическия музей също има решителен принос за развитието на античната нумизматика. Той е човекът, който въвежда нумизматиката като дисциплина в Софийски университет. Има редица публикации и научни статии по дадената проблематика.

---

[49] *Мушмов Н.* Антични монети на Балканският полуостров.

В областта на античното монетосечене се работят още проф. Иван Карайотов — монетосеченето на Месамбрия, Гърция и Рим. Боряна Русева, която завежда Нумизматика и Епиграфика в БАН, проучва съкровището намерено в Пистирос, К.Димитров — монетите, открити при разкопките на Севтополис. В областта на римското монетосечене по българските земи — Бистра Божкова, която е и член на ръководството на академията, Вл. Пенчев от НИМ, И. Лазаренко от РИМ Варна, К. Колев от РИМ Пловдив, Д. Драганов, който издава на английски език «Корпус с монетите на Деултум». Друг основен проучвател е Йорданка Юрукова със своята серия публикации и издадения от нея труд «Монетосеченето на градовете в Долна Мизия и Тракия II — III век — Хадрианопол».

Характерно за монетосеченето в римските провинции е, че някой от градовете получават право да секат собствени монети, което е важна привилегия за тях, подарена им от императора или неговия наместник в провинцията. Тази привилегия е била признание за политическата, икономическа и административна роля на града, която му дава голяма самостоятелност. Разрешението градът да има собствен монетен двор е помагало да се обезпечи провинцията с необходимото количество разменни монети, тъй като императорският монетен двор не е бил в състояние да задоволи нуждите на провинциите от монети. Особено в източната част на империята именно градските монетарници са играли главна роля за паричното обезпечаване на търговските операции. Правото на градовете да секат монети в много случаи е било свързано и близостта на военни формирования и предислокация на частите.

След включването им в съставите на провинциите, не всички градове получават правото да секат монети. Първо автономното монетосечене започва в градове от провинция Тракия, после такова право получават и градове от Долна Мизия.

Този вид монетосечене е наречено «бронзово градско монетосечене». Терминът обаче е оспорван от нумизмати като Йорданка Юрукова, защото в Тракия и Мизия има и реални римски колонии като Деултум и Виминациум. Другото му наименование, което според нея е по-точно, е «гръцко императорско монетосечене», тъй като надписите по монетите по аверса и реверса са на гръцки, а на лицевите страни на монетите е изобразено лицето на съответния император.

Множество градове в източната част на Империята са удостоени с правата за локално монетосечене през първите три века на Императорския период. Тези права обаче се дават или се упражняват само периодично от много монетарници. Могат да се открият твърде големи промеждутъци от време в изданията на градовете, понякога век и дори повече, а броят на едновременно активните монетарници варира в широк диапазон при различните управления.

На Балканите в началото на Императорския период са активни монетарниците в Македония (Амфиполис, Едеса, Пела, Тесалоника, Филипи), докато в Мизия и Тракия работят само три монетарници (Бизантион, Месамбрия, Томи), които издават символични количества монети. Може би най-интересните монетни типове от този период са съвместните издания на Август и тракийския цар Реметалк I (Мушмов, Античните монети на Балканския полуостров и монетите на българските царе, 5798) — до 46 г. сл. Хр. Тракия не е римска колония, както и по-късните съвместни издания на Август с Коти IV[50] и Рескупор III[51]. Тази тенденция на оскъдно монетосечене се запазва и при следващите няколко императора до Адриан, като малки серии монети за първи път започват да издават и Абдера (при Тиберий),

[50] *Мушмов Н.* Античните монети на Балканския полуостров. № 5797.

[51] Той също. № 5802.

Сестос (при Калигула), Перинт (при Клавдий), Калатис, Маронея (при Нерон), Анхиало, Одесос, Филипопол (при Домициан), Деултум, Никополис ад Иструм, Траянопол (при Траян), Бизия, Истрос, Хадрианопол, Цела, Марцианопол (при Адриан), Аполония Понтика, Пауталия, Плотинопол, Топир (при Антонин Пий), Августа Траяна, Дионисопол, Сердика (при Марк Аврелий), Никополис ад Нестум (при Каракала), Виминациум (при Гордиан III) и последна, за кратко време заработва монетарницата в Дакия (Филип I).

При Адриан вече има стабилно местно монетосечене по нашите земи, но истински връх то достига при династията на Северите. След тях единствено по времето на Гордиан III монетарниците по нашите земи работят толкова активно и издават такова голямо количество монети. След Филип I и Филип II монетосеченето в градовете по нашите земи западa и постепенно всички монетарници преустановяват своята дейност.

Градовете на провинция Тракия означават върху сечените от тях монети и имената на римските провинциални управители (легати), по време на чиято служба се сече емисията. В градовете на Долна Мизия тази практика се ползва само от някои градове. В Дионисопол имена на римски легати не се изписват. На реверса вече се изобразяват ликове на локални божества, архитектурни паметници, прочути произведения на изкуството. Върху аверса на монетата, както казах по-горе, е образът на владетеля с надпис, съдържащ неговото име и титла. Има и случаи, когато наред с императора се изобразявали и имената на меценатите, които са секли монетите.

Сериозен проблем за нумизматичните изследвания представлява точното определяне на номиналите на бронзовото градско монетосечене, тъй като въпреки че градските управи се опитвали да спазват правилата на римската монетна система, на пазара циркулирали монети, разнообразни по тегло, размер, качество на бронзовата сплав и най-вече различни по стойност. Това от своя страна затруднява опитите на нумизматите да изградят единен критерий за определяне теоретичното тегло на номиналите. Сложността на проблема обикновено се илюстрира чрез сравнението между най-малката монета от всеки град, първи номинал (1 асарион). Въпреки общата мярка, в Пауталия той има диаметър 10 — 11 мм, 17 — 19 мм е в Анхиало, а в Перинт се движи между 18 и 20 мм. Известна закономерност в тегловните стандарти на монетите се спазва от монетарниците в Тракия и Долна Мизия докато членуват в монетни съюзи. Отличителна черта на монетите от градовете, участващи в Западнопонтийския съюз, е отбелязването на номиналите на монетите, означени с гръцките букви А, В, Г, Δ, Е като най-разпространените от тях са А, В и Δ. Те са в съотношение 1:2:4 и отговарят на следните единици А — ас, В — дюпондия, Δ — тетраасарий (сестерция). При някои монети се поставят допълнително и цифри за обозначаване на номиналите. Обикновено пропорциите между номиналите в провинциалните монетосечения са спазени, но теглото им понякога е чувствително намалено спрямо бронзовите монети, сечени в Рим по същото време. Останалите номинали от половин асарий, от 1 асарий и 3 асария се използват рядко, а масовата монета от 5 асария се появява сравнително късно, при управлението на император Септимий Север. Обозначението АЕ се отнася за вида на материала, от който е изработена монетата — мед, бронз орихалкум.

Йорданка Юрукова определя следната периодизация на монетосеченето на гръцките императорски монети:

- I-ви етап — от края на I в. до времето на Северите, през което се изработват едри монети, чиито размери са големи и художествената им изработка е правена за престиж;

- II-ри етап — от времето на Септимий Север до 222 г. (Александър Север). Тогава масово се секат монети, но те загубват художествената си стойност. Този процес се наблюдава не само на Балканите, но и в римските провинции в Мала Азия;
- III-ти етап — от времето на Гордиан I до Филип Арабина. В този период функционират няколко монетарници, които секат монети предимно за военните. Това се потвърждава и от откритите огромен брой монети — главно за Долна Мизия, където, както знаем от историята, са били концентрирани римските легиони.

Разнообразието в изображенията е ярко доказателство, че римляните отлично са разбирали агитационното и пропагандно значение на монетите, чиито хиляди екземпляри са се употребявали от населението. Императорите са ги използвали, за да подчертаят огромната власт и съсредоточаването в ръцете им на всички религиозни и граждански постове. В автономното бронзово монетосечене има голямо многообразие на монетните типове[52].

Реверсните изображения обхващат следните категории:

- Божества от гръко-римския пантеон — Аполон (Феб), Арес (Марс), Артемида (Диана), Асклепий (Ескулап), Атина (Минерва), Афродита (Венера), близнаците Кастор и Полукс, Ганимед, Зевс (Юпитер), Деметра (Церера), Дионис (Бакх), Нике (Виктория), Посейдон (Нептун), Хера (Юнона) Хермес (Меркурий) и др.;
- Източни божества — Изида, Кибела, Серапис, Дарзалас, Митра, Хелиогабал, Тракийският конник и др.;
- Персонификации и второстепенни божества — Бонус Евентус, Гений, Либералитас, Немезида, Силен, Трите грации и др.;
- Герои и митични личности — Херакъл, Орфей и др.;
- Императорът и неговата фамилия — двама императори един срещу друг; императорът във военно облекло; императорът, стъпил върху повален неприятел; императорът на кон; квадрига с императора;
- Военни типове — императорът и коронясващата го Нике; трофеи — оръжия и бойни доспехи; трофеи и коленичили пленници; легионерски серии — орел; орел, стъпил върху жертвеник, легионерски знамена от двете страни на жертвеник;
- Географски типове — Градската богиня-покровителка на града; Мизия; местни речни божества.
- Животни — капитолийската вълчица; пегас; козирог; делфин; птици; риби; змии; насекоми; ловни сцени — лъв със кон и др.;
- Божествени атрибути и предмети — звезди; полумесец; жертвеник; триножник; тоягата на Асклепий и на Херакъл; маси; кошници; плодове и др.;
- Надписи — на един или повече редове, със или без венец около него;
- Морски типове — различни видове галери със или без гребци;
- Спортни монетни типове и символи — атлет с венец на главата; атлети в състезателни сцени; призови урни.
- Архитектурни монетни типове — градски порти, стени и кули; мостове; нимфеони; триумфални арки; храмове; обществени сгради; пристанища; фарове; акведукти; чешми; изглед на целия град или части от него.

[52] *Юрукова Й.* Иконографска характеристика на градските монетосечения в източните римски провинции // Нумизматика и сфрагистика. Т. I. 1999. С. 19—32; Той също така. Монетосеченето на градовете в Долна Мизия и Тракия II—III век, Хадрианопол. София, 1987.

От всички архитектурни типове храмовете са най-често изобразявани върху монетите на градските управи. Те са над 2/3 от архитектурните изображения. Доминира представянето на храмове със статуи на богове върху реверса на монетите. Това показва, че религиозните култове са били ключов елемент от градската идентичност. В градовете в провинциите Долна Мизия и Тракия почти няма монетарница, в чиято иконография да не присъстват изображения на храмови постройки. Но в съотношени с останалите типове монетни реверси, изображенията на храмове са сравнително малобройни и засягат малък дял.

Монетарниците по днешните български земи, върху чиито реверси има изобразени храмове са:

Августа Траяна — удостоен с автономно управление, поради което получава правото да сече провинциални монети от името на градската управа. Установени са монети от 13 епонима. Императорското монетосечене в града е с големи серии и разнообразни монетни типове в продължение на два века. Първият император, издавал монети в Августа Траяна е Марк Аврелий, а последният — Галиен.

Анхиало — добива правото да сече бронзови монети от името на градската управа. За сметка на скромното автономно анонимно монетосечене, императорското се характеризира с големи серии и многообразие на монетни типове на императори и членове на техните семейства от Адриан до Транквилина. Разнообразието на номинали се допълва и от няколко медалиона.

Аполония Понтика — Аполония участва в монетния съюз на западнопонтийските полиси заедно с още 7 града: Дионисопол, Истрос, Томи, Калатис, Одесос и Месамбрия. Характерно при този съюз, който се явява прецедент в Римската империя е, че се използват еднакви тегловни стандарти, еднакви тегловни номинали, сходни бронзови сплави, близки портретни изображения, общи монетни типове и т.н. Първият римски император сякъл монети в Аполония (според Мушмов) е Домициан, което обаче не е потвърдено с реален нумизматичен материал.

Деултум — добива правото да сече провинциални бронзови монети. Установено е монетосечене от общо 14 епонима. Характерно за деултумските монети е, че са с латински надписи. Има два типа опакви надписи — COL FL PAC DEVLT и C F P D, което е съкратен запис на надписа Colonia Flavia Pacensis Devltvm. Първият император, издавал тук монети е Траян, а последният — Гордиан, който сече монети и на съпругата си Транквилина.

Дионисополис — през II в. получава право на автономно монетосечене и първият император, който издава монети тук, е Антонин Пий, а последният — Гордиан III. Познати са монети общо от 12 епонима, а с вариантите — 14.

Марцианопол — добива правото да сече провинциални бронзови монети. Собствено монетосечене регистрират общо 15 епонима. Марцианопол също е приобщен към монетната лига на западнопонтийските градове. Има едно от най-крупните монетосечения сред античните градове по днешните български земи.

Месамбрия — в периода на римското владичество добива право да пусне бронзови монети от името на градската управа. Месембрийското монетосечене е доста по-оскъдно в сравнение с близките до него Анхиало и Деултум — секат се общо от шест епонима. Първите монети са с лика на Август, а последните — на Филип II.

Никополис ад Иструм — получава от римската управа правото на собствено монетосечене. От 138 год. до 232 год. градът сече собствени бронзови монети в големи количества и разнообразни типажи (над 1000 типажа). Първият император върху монетите е Антонин Пий, а последният Гордиан III. Познати са монети от 14 епонима.

Одесос — през I в.сл.Хр. получава право на собствено монетосечене и издава монети от времето от император Домициан до император Гордиан III. Известни са монети от общо 21 епонима.

Пауталия — има изобилно собствено монетосечене от времето на император Антонин Пий до времето на император Гордиан III. Монетите на този град се отличават с голямо разнообразие. Секат се бронзови монети от общо 17 епонима.

Сердика — получава право на собствено монетосечене и първите монети през Императорския период са от времето на император Марк Аврелий, а последните — по времето на Галиен. Монетарницата в Сердика обаче не преустановява своята дейност, а продължава да издава монети, но вече като централна монетарница.

Филипопол — добива право да сече бронзови провинциални монети с името на града. От 88 год. сл. Хр. по времето на император Домициан започва да издава монети и продължава до времето на император Галиен (известни са само монети с лика на съпругата му Салонина). Филипопол сече и десетки медалиони по случай различни знаменателни събития, спортни състезания и др. Познати са монети от 17 епонима.

Макар с местно значение и разпространение в ограничена територия, гръцките императорски монети достигат твърде голямо разнообразие на типове и надписи в сравнение с централното монетосечене. Много от тях се издават във връзка с празнуването на публични игри и фестивали, някои монетни типове изобразяват скулптури и здания. Други монетни типове илюстрират различни аспекти от местната митология. Имената и титлите на магистрати и религиозни сановници се появяват в надписите върху реверсите на монетите. Тези монетни типове и надписи хвърлят доста светлина към организацията на местното управление в източните провинции на Римската империя. Благодарение на огромния монетен материал, открит по нашите земи, вече има една доста голяма натрупана база от находки, която позволява на учените да допълват нашите познания за историята на Древния свят.

2. Изображения на храмове по реверсите на монетите

Храмът като свещено място представлява култов комплекс, в който се извършват ритуални практики, свързани със съответните божества, на които са посветени те. Тяхното оформяне като архитектурен тип и форма е съобразено с характера на култовете и релефа на съответната местност. Местата, които са избирани за тяхното строителство, според местното население имат свещен характер и са свързани с култ към съответното божество или антроподемон.

Интересното е това, че самите ритуали или жертвоприношения древните правили извън храмовата постройка, защото тя е къщата на бога. В интериора на храма бил разположен така нареченият мегарон. Мегаронът представлява първообраза на божият дом. Вътре в самото култово съоръжение е поставяна статуята на бога, която била разположена така, че да подсили внушението за божественото у поклонниците. Според археологическите данни първите храмове били във формата на обикновени къщи, строени според разбиранията на хората по онова време.

Според Витрувий[53] храмът трябва да бъде обърнат към страната на вечерното небе, за да може погледите на приииждащите към олтара поклонници да бъдат обърнати към страната на източното небе и към намиращото се в храма изваяние, като по този начин самите изваяния или статуи да концентрират вниманието на поклонниците. Това поражда

[53] *Витрувий*. Десять книг об архитектуре. М., 2006.

необходимостта всичките олтари в храмовете да бъдат разположени на изток. Когато не било възможно да се спази това правило, храмовете се строели така, че от тях да се може да се види по-голямата част от съответния град. А когато храмовете се строели до реки, то те били обръщани към речните брегове.

Архитектурното устройство на един храм се състои от следните елементи: стереобат — с тази дума са обозначени стълбите при входа на храма. Последното стъпало, което оформя пода на храма, се нарича стилобат. Върху него са разположени колоните на храма, които от своя страна се състоят от фундамент (база), на който е поставено тялото на колоната. Над това тяло се поставя капителът, който държи основната крепяща покривната част на храма и фронтона дъска, която се нарича архитрав. Капителите на колоните са от основните класически ордери — дорийски, йонийски и коринтски стилове (по-късно и «римски» или «композитен» — дообогатен и по-пищен от коринтския). Върху архитрава са разположени корнизите на храма, а върху тях е и самият фронтон на култовата сграда. Корнизите на фронтона са: един хоризонтален, който е върху архитрава и два наклонени (кими), които отделят тимпана от покрива. На този тимпан (педимент) са поставяни скулптурни и други композиции, изобразяващи религиозни сцени. Фронтонът на съответния храм със своите композиции върху него също е основен отличителен символ на дадената постройка[54].

С развитието на култовете, религиозните практики и архитектурата, римският архитект Витрувий в творението си «Де архитектура»[55] отличава няколко основни типа, които определят вида на храма. Това са: храм в анти, простил, амфипростил, периптер, псевдодиптер, диптер, хипетр и моноптер.

Храмът е с анти тогава, когато на фасадата на стената има анти (челата на страничните издадени напред надлъжни зидове на правоъгълна в план сграда — например на мегарона), които затварят целата. Антите понякога имат база и капител, различни по форма от тези на колоните. По средата между антите има две колони с фронтон над тях.

Храмът е простил, когато входната фасада има преддверие от четири колони. Амфипростилът е почти същата сграда като простила. Разликата е там, че представлява двоен простил — с колонни преддверия от двете къси страни, като според Витрувий тези страни се явяват челни на храма.

Моноптер — кръгъл храм, обграден с колони, със или без цела. Тези без цела са обикновено на високи подиуми и стъпала.

Периптерът има на лицевата и задната си фасада по шест колони, броят на страничните, заедно с ъгловите колони, е единадесет, като разстоянието между тях е равно. Колоните са по всичките страни на периптера. Това е най-разпространеният вид храм според Витрувий.

Псевдодиптерът има по осем колони, а по страничните стени и ъглите колоните са общо петнадесет, като разстоянието между стените и редовете на колоните трябва да е равно на два междуколонни диаметъра.

Диптер — има по осем колони на предната и задната страна, но е опасан от два реда колони като дорийските храмове

Хипетр — има по осем колони на предната и задната страна на храма. Всичко друго е като у диптера, като във вътрешната му част има два реда колони които са отделени с кръгов проход от стените като перистилните жилища.

---

[54] Всеобщая история архитектуры. М., 1963. Т. II.

[55] *Витрувий*. Десять книг об архитектуре. Кн. 3,59—67, 4,85—86.

Витрувий в своя труд «Де архитектура» дава описанията и на други видове храмове според разстоянията между колоните и тяхното разположение — пикностил, систил, диастил, ареостил, евстил.

По броя колони храмовете са разделени на: дистилен — който е с две колони на предната си част, тетрастилният храм има 4 колони на лицевата си част, пентастилен — много рядко изображение с 5 колони на фасадата. Хексастилният храм представлява постройка с шест колони на предната фасада. Октастилният храм е култова сграда с по осем колони на предната страна.

Тъй като религията в Древен Рим е била водещ постулат, огромно значение се е отдавало на изграждането на храмове. Иконографският им образ върху монетите от бронзовото градското монетосечене говори за огромното значение на тези култови постройки.

Според М. Доткова[56], от всички видове архитектурни паметници, които се срещат върху монетите на градските управи, най-често изобразяваните са храмовете и светилищата. Доминирането на представяне на храмове със статуи на богове върху реверса на монетите показва, че религиозните култове са били ключов елемент от градската идентичност.

В преобладаващата част на монетите е изобразявана предната фасада на сградата. Показан е и фронтонът със своята триъгълна форма и акротериите от двете страни и на върха. Този образ става става стандартен при представянето на храмове в градското монетосечене. Това се дължи на факта, че основната характерна черта на храмовете, строени през римската епоха, е техният фронтален характер. Фронтонът на храма е един от най-характерните му елементи. Той присъстват във всички изображения, с изключение на храмовете на висок подиум, чиито покриви са пирамидални. Много често двата края и върхът на фронтона са увенчани с акротерии. Понякога страните му са украсени с назъбени декоративни елементи. Тимпанът е съществен елемент от фасадата на храмовете и заема централно място в архитектурната композиция. Но върху монетите неговата декорация се представя силно стилизирана. Най-често това е щитовиден орнаментвъв вид на точка или кръг с точка в средата. В по-редки случаи е изображение на кръгъл щит, зад който има напречно поставено копие. Има и декоративни елементи във вид на орел и змия. Съществуват и тимпани без украса.

Покривите на изобразяваните храмове са в голямата си част двускатни, но присъстват както пирамидални, така и куполовидни. Горният им ръб при някои от изображенията, също както при фронтоните, е украсен с назъбени елементи. При два медалиона от Филипопол се наблюдава и нарушение на целостта на фронтона, като в средата си антабламанът се издига във формата на дъга.

Храмовете обичайно са изградени върху едностъпален и двустъпален стереобат, но има и изображения на многостъпални храмове.

Храмовете са представени главно във фас и защото, според експертите, само така може най-ясно да се види какъв е храмът и на кой бог е посветен. В рамките на самия храм най-често е гравирана статуя на божество. Нейните размери са непропорционално големи, сравнени с размерите на храма. Това се е правило с цел да се подчертае нейната значимост и да се идентифицира на кой бог е посветен съответният храм.

Начинът, по който се изобразяват колоните на предната фасада, има съществено значение, защото голямото мнозинство от представените върху монети храмове са показани

---

[56] *Доткова М.* Архитектурните паметници представени върху монетите на градските управи в Тракия и Долна Мизия I—III в.сл.Хр.: автореф … докт. истор. София, 2012. С. 3.

изцяло фронтално. Колоните на храмовете са основен декоративен елемент на фасадата. Телата на колоните по изображенията са кръгли, регистрирани са гладки и с канелюри. Присъстват спираловидни набраздявания, както и спираловидни колони.

В изследванята си М. Доткова[57] установява, че най-ранните изображения на култови постройки се върху монети на Антонин Пий, сечени в Пауталия и Аполония Понтика. Най-късните изображения на култови сгради са върху монети от времето на Галиен върху монети на Сердика. Но като цяло най-късните многобройни изображения на култови постройки са от времето на Гордиан III. Изображенията на храмове върху монетите на по-късните императори са доста редки.

Принципно се формират две групи изображения на храмове върху монетните реверси на автономното бронзово монетосечене. Това са типови (конвенционални) и уникални (оригинални) изображения. Типовите изображения са схематични, обичайно храмовете са представени фронтално, със или без статуя на бога между колоните. Фронтоните им са със или без украса. Наблюдават се известни разлики само във наличието или липсата на акротерии, както и в капителите н канелюрите на колоните. Най-често такава типология на абстрактни повтарящи се храмове се среща при тетрастилните, представени във фас. Това са и най-многобройните изображения на храмове върху монетни реверси. Конвенционални образи се срещат и при храмове с повече или по-малко колони. При тази група вероятно не става въпрос за конкретен храм, посветен на съответния бог, а за регистрация на това, че в града, където е сечена монетата е имало храм на този бог.

Втората група изображения на храмове носят уникални белези. Те са от много по-рядко срещащ се тип и вид — например с анти, на висок подиум — посветени само на един бог, моноптери или храм, показан в линейна перспектива. Обикновено храмовете, изобразявани в ¾ носят повече уникални елементи и детайли и можем да приемем, че те отразяват конкретните култови постройки в съответния град. В тази група влизат и храмовете, показани в сложни композиции. Те са свързани с хинтерланда на града, в който са сечени (Пауталия, Филипопол) и може да се приеме, че храмовите комплекси, изобразени на тях отразяват реално съществували паметници.

Храмовете върху реверсите на монетите са изобразявани по два начина — в ¾ профил и фронтално. Ползвайки тези две правила, може да се направи класификация на представените храмове на два основни принципа: според типологията на Витрувий и според броя на колоните на фасадата.

2.1. Видове храмове, според типологията на Витрувий

Един от основните архитектурни признаци, по който се класифицират сградите е разположението на колоните в плана на сградата. При изобразяване на храмовете върху реверсите на монетите във фас не е възможно да се определи типологията им според класификацията на Витрувий[58]. Може само да се предполага, че когато на фасадата са представени само 4 колони, то това е по-скоро храм в простил. С увеличаването на броя на колоните, култовата сграда е предположително периптер, псевдопериптер, диптер или псевдодиптер. Но само в случаите на изобразяване на храмовете в ¾ профил, може с по-голяма точност да се определи към кой тип принадлежи постройката. Този вид изобразяване

[57] Той също. С. 3 и след.

[58] *Витрувий*. Десять книг об архитектуре.

се среща по-рядко при монетните реверси, защото болшинството сгради са представени фронтално и се вижда само предната им фасада.

2.1.1. Храмове с анти

При монетата на Септимий Север АЕ 30 от Пауталия[59] е описан «Тетрастилен(?) храм в три четвърти, без стъпала, статуя на Аполон в храма, високи дървета отляво и отдясно на храма». Но изображението няма ясно изразена колонада и показва по-скоро характерен храм с анти и предполагаемите две колони във фасадата му, между които е поставена статуята на Аполон. Много точно са изобразени челата на страничните издадени напред надлъжни зидове на правоъгълна сграда, над които е изграден фронтонът, увенчан с акротерий, които се издига над височината на горния ръб на покрива.

Реверсът на монетата на Каракала АЕ 29[60] от Пауталия представлява сложна композиция — планина с храмов комплекс — шест храма, обградени с дървета, в която доминира храмът на Асклепий в центъра. Изобразени са и фигури — Трите грации отдясно, полулегнал речен бог долу също вдясно. Формата и на шестте сгради предполага храмове с анти, тъй като ясно се виждат челата на страничните стени. Както и при предната монета, двойката колони, които има при храмовете с анти, не е ясно изразена. Самите храмове са доста схематични като иконография, което е предизвикано, най-вероятно, от желанието на майстора да изобрази величието на храмовия комплекс, без да отдава нужното внимание на архитектурните детайли на сградите.

При другата монета на Каракала АЕ 32[61] от Пауталия също е показана композиция — планина с пет храма, доминирани от храма на Асклепий в центъра. Иконографията на трите малки храма от лявата страна на реверсното изображение също предполагат храмове с анти. Те са с оскъдни детайли, но отчетливо се виждат страничните издадени напред надлъжни зидове и загатнатите (или по-вероятно изтрилите се от времето) двойка колони.

Медалионът на Каракала АЕ (?) от Филипопол[62] представя хълм с три дървета и пещера в основата; отгоре — храм, погледнат отпред и отляво; щит и копие във фронтона. Храмът е с анти, не се различава двойката колони на фасадата).

Това са монетите, показващи храмове с анти. Нямаме визуални доказателства при фронтално изобразените дистилни култови сгради за принадлежността им към този тип постройки. При тетрастилните храмове също няма как с положителност да определим дали външната двойка колони са самостоятелни или представляват декоративно оформените чела на антите.

---

[59] Ancient Coin Art, item no. 2558, Added from old «Mystery Coins» folder, May 2010 // www.wildwinds.com [Електронни ресурси] // www.wildwinds.com/coins/greece/thrace/pautalia/t.html

[60] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. Vol. I: Dacia, Moesia Superior & Moesia Inferior. Bourgas, Bulgaria, 2005. № 3405.

[61] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров… № 4243; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 5257.

[62] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3: Тракия (от Перинт до Траянопол), Тракийски Херсонес, Тракийски острови, Македония. Бургас. № 1376.

2.1.2. Простил

Повече монети са с представянето на храмове от вида простил — имат преддверие от четири колони. Монетата от Деултум на Гордиан III AE 22[63], на чийто реверс има тетрастилен храм в ¾, гледан от десния ъгъл със статуя на Фортуна в портика, изобразява такъв храм. Срещу антите има по две колони на ъглите и архитравът се вижда не е само на фасадата, а отляво и отдясно на сградата. Ясно са показани стените на целата, изградени от правоъгълни каменни блокове. Върху антаблемана е разположена точка. Фронтонът завършва с акротерий, по ръба на покрива и страните на архитрава има назъбени декоративни орнаменти.

Следващата монета от Дебелт на Гордиан III AE 25[64] е на реверса с тетрастилен храм с островръх покрив с акротерии, точка във фронтона, в ¾ гледан от десния ъгъл, със статуя на Херакъл в средата. Храмът е простил, с три стъпъла. Стената е гладка.

Другата монета от Деултум — Гордиан III AE 22[65] е най-добре запазената. Храмът е простилен, с островръх покрив с акротерии, точка във фронтона, в ¾, гледан от десния ъгъл. Между колоните е разположена статуя на Конкордия, принасяща жертва над жертвеник. Ясно са изобразени плочите на покрива и декоративните елементи по ръба му, както и каменните блокове, от които са изградени стените. Храмът е с две стъпъла.

Простилни са и храмовете от поредица монети от Деултум: Гордиан III AE 24/25[66]. Такива са и храмовете върху реверсите на Гордиан III AE 24/25[67] с тетрастилен храм в ¾, със статуя на Венера (Афродита) Пудика в средата, в краката й хидрия.

Три монети от Пауталия носят на реверса си изображения на храмове простил. Монетата на Септимий Север AE 30, Магистрат Caecina Largus[68] е с тетрастилен храм в ¾, изграден върху по-висока площадка. В светилището се влиза по две стъпала с олтари от двете им страни отпред. Във фронтона е разположена змия. Отляво и отдясно на храма има дървета. Статуята на Аполон е в рамките на храма, отдясно е поставена статуя на Зевс, полуобърнат наляво, облегнат на скиптър.

Втората монета е на Каракала AE 28[69]. Реверсът й представлява сложен изглед на планина с пет храма, доминирани от храма на Асклепий в центъра. Фигурите на Трите грации са ситуирани отдясно. Централният храм, този над него, както и двата по-малки вляво носят характерните черти на простилния храм. Храмът вдясно не е достатъчно подробно отразен, но би могло да се предположи, че и той е простил.

В сложната композиция на монетата на Каракала AE 32[70], която представлява планина с пет храма, доминирани от храма на Асклепий в центъра и Трите грации отдясно, храмът на Асклепий е простил. Това, че е в ¾, показва перспективата на неговия покрив.

---

[63] *Mionnet T.E.* Description de Médailles antiques grecques et romaines. Suppl. II. Paris, 1822. P. 292, 546.

[64] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров… № 3733.

[65] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров… № 3735.

[66] *Draganov D.* Sylloge Nummorum Graecorum Bulgaria: Trace & Moesia Inferior. Vol. 1: Deultum. Ruse, 2005. № 1379—1382.

[67] Той също. № 1383—1389.

[68] Ancient Coin Art 3824 Found in an orphaned folder and added June 2010. Ancient coin Art 2003 in // www.wildwinds.com [Електронни ресурси] // http://www.wildwinds.com/coins/greece/thrace/pautalia/t.html

[69] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 5256.

[70] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров… № 4243; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 5257.

На три медалиона от Филипопол също откриваме простилни храмове. Реверсът на медалиона на Комод АЕ 35[71] е скален хълм със статуя на Аполон отгоре: държи патера и лък, облегнат на рамото му, в средата на хълма тетрастилен храм, вътре със статуя. Храмът е в перспектива ¾, за която съдим по покрива му и дясната стена на целата. Архитравът е нехарактерен — има полукръг в средата.

Вторият медалион е на Каракала АЕ 41[72] и изобразява хълм с дървета, в подножието му — колона със статуя на Аполон отгоре; два храма върху хълма: този вляво погледнат отстрани, този вдясно, в средата на който има статуя, погледнат отпред и отдясно; трети храм с четири колони в основата — погледнат отпред. Горният десен храм е простил.

Още един медалион на Каракала АЕ 36[73] ни показва простилен храм. Медалионът като изображение е почти идентичен на първия, но е с по-висок номинал. Както при предния медалион горният десен храм е простил.

Монети с изображения на реверса на храмове амфипростил, който представлява двоен простил — с колонни преддверия от двете къси страни, като според Витрувий тези страни се явяват челни на храма, не са регистрирани, тъй като няма как да бъдат изобразени трите стени на храм.

2.1.3. Периптер и псевдопериптер

Най-разпространеният вид храм според определението на Витрувий е периптерът. Той има на лицевата и задната си фасада по шест колони, броят на страничните, заедно с ъгловите колони, е единадесет, като разстоянието между тях е равно. Колоните образуват своеобразна галерия около целата. От този тип са три монети от Филипопол. Техните изображения са твърде сходни и затова бихме могли да предположим, че изобразяват един и същ храм.

Юлия Павла АЕ 30[74] — храм с много колони в ¾ погледнат отдясно, с щит в тимпана. Ясно личат плочите, с които е покрит покрива. Фронтонът е с акротерии; Юлия Павла АЕ 29[75] — храм с много колони в ¾ перспектива. Въпреки недоброто състояние на монетета по броя и разположението на колоните също можем да го определим като периптер; Юлия Павла АЕ 29[76] — храм с много колони в ¾ перспектива.Тази монета е потчи идентична с Юлия Павла АЕ 30[77]. Но тя е по-запазена и е изработена по-майсторски. Гравираният храм също е тип периптер. Има покрив, покрит с плочи, щит и копие в педимента, акротерии, украсяващи фронтона.

По изображенията на храмовете, показани на тези монети, не може да се прецени къде е била разположена целата.

Псевдопериптерът има дълбок преден портик, по осем колони на предната и задната фасади, а по колоните по страничните стени и ъглите е са общо петнадесет, като разстоянието между стените и редовете на колоните трябва да е равно на два междуколонни диаметъра. Поради спецификата на изображенията върху реверсите на монетите, няма как да

---

[71] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 1056.
[72] Той също. № 1325.
[73] Той също № 1327.
[74] Той също. № 1552.
[75] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1809.
[76] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров… № 5441.
[77] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. № 1552.

се установи дали някой от храмовете е псевдопериптер, тъй като виждаме най-много фасадата и една от страничните стени. Повърхността на монетата е твърде малка, за да може да се покажат големи разстояния между колоните и мястото, където е разположена целата.

2.1.4. Псевдопериптер и диптер

Псевдодиптерът има по осем колони на фасадата, а по страничните стени и ъглите колоните са общо петнадесет, като разстоянието между стените и редовете на колоните трябва да е равно на два междуколонни диаметъра. Диптерът има по осем колони на предната и задната страна, но е опасан от два реда колони като дорийските храмове. Тези видове храмове могат да бъдат регистрирани само ако са показани в ¾ профил върху монетни реверси. Няма регистрирани такива изображения. От храмовете, представени във фас, към този тип бихме могли да съотнесем тези, които са със осем колони по фасадата. Това е монетата на Елагабал АЕ 18 от Никополис ад Иструм[78] с октастилен храм, както и монетите от Филипопол — Елагабал АЕ 37[79] с октастилен храм с щит и копие във фронтона и акротерии; Елагабал АЕ 36[80], изобразяваща октастилен храм на Аполон Cendresius с две стъпъла и щит във фронтона; Юлия Павла АЕ 30[81] с октастилен храм с щит във фронтона и акротерии. Такива храмове с по осем колони на фасадата са показани и на четири медалиона също от Филипопол: Елагабал АЕ 35[82], Елагабал АЕ 36[83], Елагабал АЕ 37[84] и Елагабал АЕ 40[85].

2.1.5. Моноптер

Редом с храмовете от гръцки и елинистичен тип в чест на някои богове римляните издигали кръгли храмове. Витрувий[86] определя типа на тези храмове като моноптер (наследник на гръцкия «толос») — кръгъл храм, обграден с колони, със или без цела. Тези без цела са обикновено на високи подиуми и стъпала. Важна особеност при изображението върху монети на всички храмове с кръгъл план е липсата на някои от елементите на антаблемана. Никога не се изобразяват фризът и корнизът, характерни за останалите храмове с правоъгълен план. Покривът на моноптерите е с конична или триъгълна форма, покрит с вертикални или наклонени линии. Формата и начинът на изобразяване на покрива върху монетите са най-сигурните признаци, по които може да се определи формата на храма, над който се намира. В градовете с автономно монетосечене в днешните български земи е отбелязана една такава монета, открита в Сердика — Каракала АЕ 29[87]. На реверса й е изобразен кръгъл храм на издигната платформа. Върху четирите колони е разположен конусовиден покрив, увенчан с глобус, има акротерии по краищата. Статуята на Аполон е

---

[78] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 1464.

[79] *Mionnet T.E.* Description de Médailles antiques grecques et romaines. Suppl. II. P. 478, № 1630.

[80] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров. № 5435; Varbanov, Greek Imperial Coins And Their Values, 1446.

[81] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 1551.

[82] Той също. № 1444.

[83] Той също. № 1445, 1446.

[84] *Mionnet T.E.* Description de Médailles antiques grecques et romaines. Suppl. II. P. 478, № 1630.

[85] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. 1495.

[86] *Витрувий*. Десять книг об архитектуре, Москва, 2006.

[87] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 409.

вътре в средата храма. Той държи тояга, с увита около нея змия, от дясната му стана има малка фигура на Ерос, прав, с вдигната дясна ръка. Храмът е заобиколен с дървета от двете си страни.

2.1.6. Храмове на висок подиум

Отличителен белег на някои от римските храмове в сравнение с гръцките е високият подиум, върху който се намира сградата. Такива са отпечатани върху реверсите на значителен брой монети, намерени в Августа Траяна. Тези храмове се изобразяват върху правоъгълен или пирамидален висок подиум. Колоните им са четири на брой. Покривът им е пирамидален или куполовиден, обикновено с акротерий на върха, в някои случаи и по четирите ъгъла. В голям брой от монетите храмовете на реверса са оградени от две дървета. Скулптурата на бога (предимно Артемида) е разположена в средата между четирите колони. Не се наблюдава цела.

Много монети от Августа Траяна са запечатали такъв храм. Повечето от тях са от времето на император Каракала. На монетата на Каракала АЕ 30[88] е изобразен пирамидален храм върху широка поставка с четири колони и статуя на Артемида в движение, фланкиран от две дървета. Поставката е с формата на обърната пресечена пирамида, поставена върху едно стъпало. Монетата на Каракала АЕ 31[89] отново представя двуетажен тетрастилен храма на Артемида, с дървета от двете страни. Поставката е правоъгълна. На реверса на Каракала АЕ 29[90] има двуетажен тетрастилен храм на Артемида, с дървета от двете страни. Тук поставката също е правоъгълна, но по-широка, колоните са разположени по-навътре от ъглите. Висока база, увенчана с тетрастилен храм с куполовиден покрив, със статуя на Артемида в средата, която държи лък и посяга за стрела от колчана на гърба си, е изобразена на реверса на монета Каракала АЕ 29[91]. От двете страни на храма има две лаврови дървета, иззад дървото вдясно излиза елен. Отново монета на Каракала АЕ 30[92] показва храм на Артемида на висока платформа с акротерии, с дървета отляво и отдясно. Вътре в храма е статуята на Артемида — права, обърната надясно, държи лък, посяга към стрела в колчана на гърба си. Под дървото отляво тича елен, а под дървото отдясно — заек. Покривът е увенчан с акротерий и неидентифициран елемент, напомнящ лента. На челната страна на подиума има също украса, приличаща на огърлица с висящ пандантив. Монета Каракала АЕ 30[93] е с тетрастилен храм на Артемида на издигната платформа. Артемида е права в рамките на храма, държи лък и посяга към стрела в колчана на гърба си. Отново има дървета от ляво и дясно. Реверсът на монетата от Августа Траяна на Елагабал АЕ 30[94] представя двуетажен тетрастилен храм с лаврови дървета от двете страни, в средата на храма Артемида — права, обърната надясно, държи лък.

---

[88] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров… № 3076; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 360.

[89] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров… № 3077.

[90] Той също. № 3078.

[91] *Mionnet T.E.* Description de Médailles antiques grecques et romaines. Suppl. II. P. 516. № 1841; *Schönert-Geiß E.* Bibliographie zur antiken Numismatik Thrakiens und Mösiens. Griechisches Münzwer. Berlin, 1999. № 257.

[92] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Бургас, 2005. Т. 2: Тракия (от Абдера до Пауталия), № 356.

[93] *Schönert-Geiß E.* Bibliographie zur antiken Numismatik Thrakiens… № 325; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1215.

[94] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров… № 3130.

Изображенията на храмове върху високи платформи не са често срещани по нашите земи. Според М. Доткова[95] такива монети са сечени предимно по време на династията на Северите.

2.1.7. Храмове с много колони

В тази категория попадат храмовете, който не съответстват с точната класификация на Витрувий — броят на колоните им не съвпада с правилата му за строеж на храм. Те се съотнасят към различните типове планировка, като общото между тях е, че имат колонада, която обгражда целия храм. Такива примери има на две монети от Деултум, които, според описанието и приликите помежду им, изобразяват един и същ храм. Това са: Каракала АЕ 23,5/25,5[96] — храм в ¾ , вътре статуя на Конкордия (Хомоноя) — права, наляво, с калатос, държи патера и рог на изобилието и Каракала АЕ 25[97] — храм в ¾, вътре статуя на Конкордия (Хомоноя) — права, наляво, с калатос, държи патера и рог на изобилието. И двете изображения представят храм с по четири колони на лявата страна на храма. На първата монета има загатнати и колони от дясната му страна. На втората монета има не една, а две колони от дясната страна. Не може да бъде определен точният брой на колоните на фасадата на храма, поради състоянието на монетите. Ясно е очертан фронтонът, като на първата монета Каракала АЕ 23,5/25,5 той е украсен с щитовицен елемент, а на втората Каракала АЕ 25 е чист.

При реверси на монети и медалиони от Филипопол също се срещат храмове с много колони, които са извън правилата ва Витрувий за броя им. Монетата на Елагабал АЕ 36[98] представя храм с единадесет колони в ¾, гледан в перспектива отдясно. Колоните на фасадата са шест, а отстрани — пет. Според броя на лицевите колони, храмът е периптер, но колоните по страните му не отговарят на броя по класификацията на Витрувий — 11.

Близък по изображение е и медалионът на Елагабал АЕ 36[99]. На него е изобразен храм с 11 колони, погледнат отляво, с покрив от квадратни плочи. Тук по всяка вероятност уменията на майстора са имали решаващо значение, тъй като колоните на фасадата са седем, отстрани — четири. Медалионът Елагабал АЕ 36[100] е като горния, но храмът е с 12 колони.

Пак медалион на Елагабал АЕ 36[101] показва храм с 13 колони, погледнат отдясно, с щит във фронтона и покрив от квадратни плочи. Елагабал АЕ 36[102] е като предният, но е погледнат отляво. Колоните на фасадата са 8, а отстрани 6.

На Елагабал АЕ 36 — медалион[103] е щампован храм с 14 колони, погледнат отдясно, с покрив от квадратни плочи[104]. Същият храм е и върху медалион Елагабал АЕ 36[105].

На базата на избрените изображения на храмове с много колони се налагат няколко извода. Първият е, че че римските строители не винаги са се придържали към правилата и

[95] *Доткова М.* Архитектурните паметници представени върху монетите…. С. 11.
[96] *Draganov D.* Sylloge Nummorum Graecorum Bulgaria: Thrace & Moesia Inferior . Vol.1: Deultum. Vol. 1. P. 48.
[97] Ibid. P. 49.
[98] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1655.
[99] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 1438.
[100] Той също. № 1439.
[101] Той също. № 1440.
[102] Той също. № 1441.
[103] Той също. № 1442.
[104] Кат. № 118.
[105] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 1443.

каноните при своите градежи. Вторият — майсторът, който е изработвал печатите за монетите, не е отдавал съществено значение на буквалното предаване на вида на храма, а по-скоро е трябвало да отбележи присъствието и значимостта на тази култова постройка на територията на града.

2.2. Видове храмове, според броя на колоните на фасадата

Огромната част от реверсите на монетите от автономното бронзово монетосечене по българските земи изобразяват храмовете във фас. Това дава основание да се проследят видовете храмове според броя на колоните върху предната фасада. М.Доткова[106] посочва, че броят на колоните има голямо значение при определянето на типа храм, изобразен върху монети, тъй като това е един от основните образуващи признаци. Те са сред най-открояващите се черти на изобразените култови постройки. Според техният брой на фасадата могат са се определят и няколко типа храмове като дистилен, тетрастилен, пентастилен, хексастилен, октастилен.

2.2.1. Дистилни храмове

Дистилният храм има две колони на фасадата си. Този вид е показан на монетата на Каракала АЕ 30[107] от Августа Траяна — дистилен храм със статуя на Аполон в средата — прав, държи патера и стрела. Храмът е върху едно стъпало, колоните са гладки, йонийски ордер. Покривът е куполообразен, на върха му и отстрани на антаблемана има пъпковидни акротерии.

Монетата на Елагабал АЕ26, Легат Новиус Руфус[108] намерена в Никополис ад Иструм показва перспектива на светилище с две колони отпред, четири полуколони отстрани, гора на фон, фигурата на Серапис (?), който държи скиптър в рамките на храма.Колоните са с гладко тяло, йонийски. Тимпанът е украсен с точка. Храмът има две стъпъла.

Въпреки че храмът върху реверса на монетата на Гордиан III и Серапис АЕ 26[109] от Одесос е описана в каталога като тетрастилен храм с пет стъпъла, вътре — Хомоноя права, обърната надясно, държи патера и рог на изобилието над пламтящ жертвеник, образът предполага друго тълкуване. Двете външни коринтски колони са стъпили върху две високи бази, докато вътешните колони са разположени върху последното пето стъпало и като диаметър са по-малки от предните две. Различният размер на крайните и средните колони показва, че фасадата на представения храм е с две колони (крайните), докато другите две са отзад, зад гърба на статуята.Това дава основание да се предполага, че изображението е по-скоро на дистилен храм, показан в линейна перспектива. И. Лазаренко[110] обосновава твърдението си, че на реверса на монетата е изобразена едикула. Едикулите са култови постройки, които са се издигали както в храмове, така и на градски площади. Те са без стени и статуята на бога се виждала от всички страни. Според Лазаренко статуята в едикулата е на

[106] *Доткова М.* Архитектурните паметници представени върху монетите…. С. 11.

[107] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 3075; *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 2. № 327.

[108] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 3217.

[109] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Бургас, 2005. Т. 1: Том. 1 Дакия, Горна Мизия, Долна Мизия, № 3592.

[110] *Лазаренко И.* Обществена архитектура от Одесос върху монети // Нумизматика, сфрагистика и епиграфика. София, 2006. Т. 3. Част I. С. 95—111.

Великия бог Дарзалас. Във фронтона е изобразена квадрига с камъка на новото източно божество Хелиогабал[111]. Дистилните храмове не присъстват много в монетната иконография.

2.2.2. Тетрастилни храмове

Тетрастилният храм има 4 колони на предната фасада. При монетите на градовете в Тракия и Долна Мизия преобладава изображението на тетрастилния храм в много варианти и различни разнообразни детайли. Но при този вид храмове има и определена схема, която се пренася върху образите им върху градските монетосечения, защото те документират религиозния и културния живот в градовете. Според проучванията на М. Доткова[112] в провинциите Тракия и Долна Мизия почти всички градове, върху чиито монети са представени култови паметници, показват храмове от този архитектурен вид. Техните изображения заемат над 80 % от представените върху монети храмове.

Такива са храмовете върху реверсите на монетите от Августа Траяна: Каракала АЕ 30[113] — тетрастилен храма на Аполон, щит във фронтона, статуята на Аполон, обърната наляво между централните колони, които са йонийски. Храмът е върху две стъпъла; Каракала АЕ 29[114] — тетрастилен храм с акротерии и декорация в фронтона. Вътре в храма е фигурата на Хадес — седнал във фас, гол до кръста, с калатос на главата, дясната му ръка е протегната към Цербер, който е в краката му, лявата му ръка е положена върху дълъг скиптър; Каракала АЕ 31[115] — тетрастилен храм на Аполон с акротерии, щит във фронтона, статуя на Аполон в центъра на храма, има три стъпъла; Каракала, АЕ 29[116] — тетрастилен храм, вътре статуя на Хадес—Серапис, седнал на трон във фас, протегнал ръка над главата на Цербер, във фронтона е изобразен щит; Гета АЕ 30[117] — тетрастилен храм, Асклепий прав в рамките на храма, облегнат на жезъл с увита около него змия.

Характерно при изображенията на храмове от Августа Траяна е, че всичките се отличават по своите детайли. Има постройки с едно стъпало, дву и тристъпални стилобати, колоните са йонийски или коринтски ордер. Някои от тимпаните са чисти, два са със големи щитове, има и с пъпковиден орнамент. Фронтоните са със или без акротерии.

И трите монети от Анхиало изобразяват тетрастилни храмове върху реверсите си. Гордиан и Транквилина АЕ 26[118] — тетрастилен храм с акротерии на двата ъгъла и върха на фронтона, пъпковиден елемент във фронтона, вътре Хомоноя, права, с глава наляво, държи патера и рог на изобилието; Гордиан III и Транквилина АЕ 25[119] — тетрастилен храм, акротерии на двата ъгъла и върха на фронтона, пъпковиден елемент във фронтона; вътре статуята на Аполон Сауроктон, левият му лакът е облегнат на ствола на дърво, дясната ръка е вдигната над главата; Гордиан III и Транквилина АЕ 25[120] — тетрастилен храм, акротерии на двата ъгъла и върха на фронтона, пъпковиден елемент във фронтона, вътре Хомоноя, права, с глава наляво с венец и рог на изобилието. Първота и третото изображени са твърде

---

[111] Той също.

[112] *Доткова М.* Архитектурните паметници представени върху монетите…. С. 8.

[113] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 3079.

[114] *Schönert-Geiß E.* Bibliographie zur antiken Numismatik Thrakiens… № 261.

[115] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1204.

[116] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 2. № 364.

[117] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 3115.

[118] Той също. № 2965.

[119] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 728.

[120] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 2. 1140.

близки: и двата храма имат по две стъпъла, йонийски колони, еднаква декорация и статуи, така че може да се предположи, че документират един и същ храм, посветен на Хомоноя. При монетите на Анхиало изобразените храмове са твърде близки като изображения, така, че можем да направим извода, че по-скоро отразяват не конкретиката на съответния храм, а регистрират присъствието му в града. Възможно е и да са излезли от ръката на един майстор.

Реверсите на монетите от Аполония Понтика също показват само тетрастилни храмове. Антонин Пий АЕ 22[121] — тетрастилен храм с три стъпъла, щит във фронтона. Според изследванията на М. Доткова[122] тази монета е най-ранната, представяща тетрастилен храм върху реверса си.

Другите монети от Аполония са: Марк Аврелий АЕ 22[123] — тетрастилен храм с щит във фронтона, акротерии на двата ъгъла и върха на фронтона, храмът е стъпил върху много широк стилобат; Септимий Север АЕ 29[124] — тетрастилен храм със статуя на Аполон — прав, обърнат наляво, държи патера; Септимий Север АЕ 28[125] — тетрастилен храм със статуята на императора във военно облекло между колоните, щит върфу фронтона; Септимий Север АЕ 26[126] — тетрастилен храм със статуя в средата; Каракала АЕ 21[127] — тетрастилен храм, щит във фронтона.

Храмовете върху реверсите на монети от Аполония Понтика показват храмове, съществували по времето на различни императори. Всичките са с йонийски колони, с щитовидни орнаменти на фронтона и само с по едно стъпало. Различието е в това, че при някои от храмовете липсват акротерии.

При монетите от Деултум често присъстват изображенията на тетрастилни храмове. Храмовете върху реверсите на монетите на: Макрин[128] — тетрастилен храм със статуя на Гения на града в рамките на храма, прав, държи патера над олтар и рог на изобилието; монетите на Александър Север АЕ 24[129] са с тетрастилен храм със статуя Юпитер (Зевс) в рамките на храма, седнал на трон, държи патера над орел и скиптър; на трите монети на Юлия Мамея АЕ 25,5[130] — тетрастилен храм със статуя на богиня в рамките на храма, права, обърната наляво държи скиптър и рог на изобилието. Монети на Максимин АЕ 24[131] изобразяват тетрастилен храм със статуя на Гения на града. Максим АЕ 26/23[132] също е с тетрастилен храм със статуя на Конкордия (Хомоноя) в рамките на храма, държи патера и рог на изобилието.

Върху други реверси от по-късни емисии, изобразяващи тетрастилните храмове на Деултум, прави впечатление, че повечето от представените колони са спираловидни. Това са

---

[121] Roman provincial coinage online. № 5006 // http://rpc.ashmus.ox.ac.uk [Електронни ресурси] // http://rpc.ashmus.ox.ac.uk/search/quick/?q=5006&search=

[122] *Доткова М.* Архитектурните паметници представени върху монетите…. С. 8.

[123] Roman provincial coinage online. № 5007 // http://rpc.ashmus.ox.ac.uk [Електронни ресурси] // http://rpc.ashmus.ox.ac.uk/search/quick/?q=5007&search=

[124] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 825.

[125] Той също. № 829.

[126] Ancientcoinart.com.

[127] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 3191; *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 2. № 829.

[128] *Draganov D.* Sylloge Nummorum Graecorum Bulgaria… № 144.

[129] Ibid. № 474—476.

[130] Ibid. № 670—672.

[131] Ibid. № 722—723.

[132] Ibid. № 826.

монетите: Гордиан III AE 23[133] тетрастилен храм със статуя на Конкрдия (Хомоноя); Гордиан III AE 22,5/23,5[134] — тетрастилен храм със статуя на Фортуна (Тюхе); Гордиан III AE 24[135] — тетрастилен храм с права фигура (Аполон?); Гордиан III AE 23[136] — тетрастилен храм, точка във фронтона, спираловидни колони, в средата статуя на Аполон; Транквилина AE 23[137] — тетрастилен храм с акротерии, точка във фронтона, в средата статуя на Асклепий, държи тоягата със змията.

Реверсите на монетите от Деултум показват храмове, както отбеязах, със спираловидни колони. Капителите им са йонийски. На повечето монети фронтонът е украсен със назъбен мотив, в педиментите на всички има точковиден орнамент.

Гордиан III и Серапис AE 25[138] от Дионисополис също изобразява тетрастилен храм с фронтон, украсен с полукълбо, на двата ъгъла и на върха му акротерии с формата на назъбени флорални елементи. В средата има статуя на голия Дионис, обърнат надясно, с тирс, дясната му ръка е изпъната срещу пантера, която скача към него.

И при реверсите на монетите от Марцианопол преобладават изображенията на тетрастилните храмове, посветени на различни богове. Това са: Каракала и Юлия Домна AE 27[139] — тетрастилен храм с точка във фронтона, в средата статуя на Тюхе, обърната надясно, държи кормило и рог на изобилието; Каракала и Юлия Домна AE 28[140] — тетрастилен храм с островръх покрив, точка във фронтона, в средата статуя на Фортуна; Каракала и Юлия Домна AE 27[141] — тетрастилан храм с островръх покрив, статуята на Серапис в средата с вдигната ръка вдигната и скиптър; Каракала и Юлия Домна AE 28[142] — тетрастилен храм с с акротерии на върха и отстрани на фронтона, статуя на Аполон; Каракала и Юлия Домна AE 28[143] — тетрастилен храм с островръх покрив, статуя на Серапис в храма, обърнат наляво, държи скиптър във вдигнатата си дясна ръка. Епсилон в рамката на храма. Монетите от времето на Макрин и Диадумениан също изобразяват тетрастилни храмове. Монетата на Гордиан III и Транквилина AE28[144] — показва тетрастилен храм с акротерии и назъбен покрив, със статуя на Тюхе, държаща кормило и рог на изобилието.

Тетрастилните храмове на Марцианопол са разнообразни. Те са с едно или две стъпъла, със пъпковидна украса на педимента, колоните им са както в йонийски, така и в коринтски ордер, присъства и назъбена украса по краищата на фронтона, както и акротерии. Контурите на покрива при монета Каракала и Юлия Домна AE 28[145] могат да предположат и куполовидната му форма[146]. Фронтонът на монета Макрин и Диадумениан AE 28[147] е нетипичен — кимите са изобразени с по две черти, а не само с една, каквато е традицията.

---

[133] Ibid. № 1350—1353.

[134] Ibid. № 1360—1362.

[135] *ĨUrukova Ĭ.* Griechisches Muenzwerk: die Muenzpraegung von Deultum. Berlin, 1973. Vol. 2. № 264.

[136] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 3730.

[137] Той също. № 3761.

[138] Той също. № 135.

[139] Той също. № 500; *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 1. № 813.

[140] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 501

[141] Той също. № 508.

[142] Той също. № 508; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1043.

[143] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1050.

[144] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 841.

[145] Той също. № 508; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1043.

[146] Кат. № 50.

Монетите с тетрастилни храмове от Месамбрия са от времето на Гордиан и Транквилина. Те избразяват тетрастилни храмове със статуя на Асклепий в средата. Реверсните изображения на храмове от Месамбрия налагат убеждението, че това е един и същ храм на Асклепий, защото както статуята е на един и същ бог, така и детайлите на храма се повтарят — едно стъпало, йонийски колони, щит във фронтона, еднакви акротерии. Отликите са малки, явно печатите са правени от различни майстори.

Четиринадесет монети от Никополис ад Иструм ни показват тетрастилни храмове. Пет от тях са на император Септимий Север и изобразяват на реверса си тетрастилен храм на Асклепий. Макар и вероятно да изобразяват един и същ храм, то по изработката ясно личи, че са дело на различни майстори. От друга страна и детайлите на храмовета са различни — два от тимпаните са без украса, на един има щит, а на един декоративният елемент е композиция от 5 точки. На една монета има двоен антаблеман.

И на четририте монети на Каракала също е изобразен тетрастилен храм на Асклепий. Реверсите на монети Каракала АЕ 28, Магистрат Галус[148] и Каракала АЕ 26[149], също са с близки изображения на тетрастилен храм с Асклепий в средата, облегнат на тояга с увита змия. Храмовете се различават в пропорциите си.

Гета АЕ 16 с образа на младия император[150] показва тетрастилен храм със статуя вътре. Във фронтона е разположен точковиден орнамент, колоните са коринтски ордер, има две стъпъла. Монетата Елагабал АЕ 25, Магистрат Novius Rufus[151] е с тетрастилен храм в средата със статуя на Артемида, държаща лък. Пет монети на Гордиан III имат на реверсите си храмове.

Изображенията на тетрастилните храмове от Никополис ад Иструм документират високото ниво на монетарницата в града и нейните майстори.

Една монета от Одесос — на Гордиан III и Транквилина АЕ 28[152] носи на реверса си изображение на тетрастилен храм, вътре Хомоноя — права, обърната надясно, държи патера и рог на изобилието над жертвеник. Храмът е пищен, с колони на високи бази и коринтски капители. Фронтонът е украсен с акротерии и зъбчат орнамент. Върху тимпана са разположени щит и копие.

Монетите от Пауталия: Марк Аврелий, АЕ 32[153] има на реверса си тетрастилен храм на Асклепий, обърнат наляво, подпрян на тояга с увита около нея змия. Антаблеманът е орнаментиран;Каракала АЕ 31[154] — изображението на реверса е на тетрастилен храм с брадатата фигура на сенатор Тракст в рамките на храма, държи патера и паразониум; змия във фронтона; голямо дърво отляво между два олтара, Асклепий, стъпил върху клон с увита около тояга змия, над храма още една фигура; Реверсът на Каракала АЕ 26[155] изобразява тетрастилен храм със статуя на Аполон в средата.

[147] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 583; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1287.

[148] Той също. № 1141в.

[149] SNG Cop. 290cf.

[150] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 1205.

[151] Той също. № 1463.

[152] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 1. № 3634.

[153] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 4101; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 4422.

[154] Ibid. № 5254; *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 2. № 3491.

[155] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 4309.

Иконографията на монетите от Пауталия е разнообразна, въпреки типажно еднаквите тетрастилни храмове.

Четири монети от Сердика имат на реверсите си тетрастилен храм на Асклепий. Това са монетите на Юлия Домна АЕ 28[156]; Каракала АЕ 29[157]; Каракала АЕ 29[158]; Каракала АЕ 31[159] — тетрастилен храм, вътре статуя на Асклепий, прав, обърнат наляво, щит във фронтона.

Тетрастилен храм с точка в фронтона, в средата Серапис, седнал, с топка на главата, държи скиптър, Цербер, легнал в краката му вляво, е върху монетата на Галиен АЕ 17.88 гр.[160]

Тетрастилните храмове върху монетни реверси от Филипопол са разнообразни със своите детайли. Изключително интересна е монетата на Септимий Север АЕ 28[161], върху чийто реверс е изобразен тетрастилен храм на Асклепий с колони кариатиди, поддържащи покрива.Такива колони са рядкост при изображенята на храмове.

Каракала АЕ 18[162] има тетрастилен храм, вътре статуя на Хермес, държащ кесия и кадуцей. Антаблеманът и кимите са изобразени с по две черти; Монетата на Гета АЕ 28[163] е на реверса си с тетрастилен храм върху три стъпъла, статуя на Хермес в средата, гол държи кесия и кадуцей. Върху тимпана има щит, акротерии украсяват върха и страните на фронтона.

Храмовете върху монетите от Филипопол показват значително разнообразие, макар и в рамките на изобразяването на еднотипен вид. Има отлики в колоните, капителите, тимпаните. Можем да отчетем и разликата в майсторството на отделните гравьори.

Казаното дотук за изображенията на тетрастилни храмове върху реверсите на автономните бронзови монети още веднъж доказва, че тези храмове, са най-широко застъпеният тип върху монетите на градските управи. Техните изображения са свързани с всички божества. Приликата им с действително съществувалите сгради по-скоро варира в различните случаи и зависи главно от майсторството отделните граьори. Но самият факт, че те са най-често срещаният тип архитектурен паметник като монетно изображение, най-вероятно се дължи на степента на тяхното разпространение като архитектурен тип в провинциалните градове в Тракия и Долна Мизия.

2.2.3. Пентастилни храмове

Храмът, изобразен на реверса на монета на Гордиан III АЕ 26[164] от Никополис ад Иструм е с 5 колони на фасадата и щит във фронтона. Колоните са с гладки тела и коринтски или композитни капители. Това изображение е уникално по броя на колоните и не се вписва в основната типология. Може да се направи извода, че реверсното изображение е запечатило реално съществуващ храм в Никополис ад Иструм.

---

[156] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 2040.
[157] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 4918.
[158] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 2463.
[159] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 1. № 411.
[160] Rauch 85, партида 839.
[161] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 5294.
[162] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 1375.
[163] Той също. № 1407.
[164] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 3222.

2.2.4. Хексастилни храмове

Хексастилният храм представлява постройка с шест колони на предната фасада. Шест монети на Александър Север АЕ 24[165], открити в Деултум, имат изображения върху реверсите си на хексастилен храм, в рамките му има статуя на Аполон — прав, обънат наляво, държи лаврова клонка, облегнат е на висок триножник. Фронтонът е без акротерии, има пъпковиден орнамент в педимента.

Такъв храм е регистриран и върху медалион от Филипопол на император Елагабал: Елагабал АЕ 40[166] — изобразява храм с шест колони, фронтонът е украсен с щит и стрела, в средата — статуя на Хермес гол, прав, наляво, държи кесия и кадуцей.

2.2.5. Октастилни храмове

Октастилният храм е култова сграда с осем колони на предната страна. Те не се срещат толкова често като иконография върху реверсите на монети. Октастилни храмове са изобразени върху монети на Никополис ад Иструм и Филипопол. Този вид храмове с осем колони специалистите свързват основно с култа към императора. Представени са върху монети от голям номинал или медалиони, защото е необходимо повече пространство, за да се изобразят сгради с по-големи размери.

Върху монета Елагабал АЕ 18[167] от Никополис ад Иструм е изобразен храм с осем колони, издигнат върху две стъпъла. Фронтонът завършва с акротерии, върху педимента е разположен щит. Монетата не е с голям номинал, но въпреки това майсторът-гравьор е успял прекрасно да изобрази октастилния храм.

Останалите монети и медалиони са сечени във Филипопол. Отлично запазената монета Елагабал АЕ 37[168] показва октастилен храм с щит и копие в тимпана, акротерии в краищата на фронтона. Надписът ΝΕΩΚΟΡΟ под храма говори в полза на твърдението на изследователите, че храмовете с осем колони със своето величие и представителност са свързани с култа към императора. Подобна на първата е и монета Елагабал АЕ 36[169]. На нея също има октастилен храм, според описанията в каталозите е посветен на Аполон Cendresius. Храмът е с две стъпъла и щит във фронтона.

Шестте медалиона на Елагабал, сечени във Филипопол представят на реверсите си остастилни храмове. Елагабал АЕ 35[170] — храм с 8 колони и щит във фронтона. Два медалиона с еднакъв номинал Елагабал АЕ 36[171] са с храм с 8 колони на Аполон Cendresius, двустъпална база и щит във фронтона.

Изображенията на октастилни храмове са величествени и строги, изчистени от излишни детайли. В значителната си част нямат статуя на бог в рамките си. Тези храмове върху реверсите на монети и медалиони се появяват за първи път по времето на Северите[172]. Най-много от този вид култови сгради са изобразени от монетите на Филипопол, което е явно

[165] *Draganov D.* Sylloge Nummorum Graecorum Bulgaria… № 465—470.

[166] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 1496.

[167] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 1464.

[168] *Mionnet T.E.* Description de Médailles antiques grecques et romaines. P. 478, № 1630.

[169] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 5435; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1446.

[170] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 1444.

[171] Той също. № 1445, 1446.

[172] *Доткова М.* Архитектурните паметници представени върху монетите…. С.10.

доказателство, че древният полис е свързан с императорския култ. При други случаи такива изображения се срещат върху монети само на един император и са посветени на други божества.

3. Храмове в сложни композиции и сцени

Най-внушителни и интересни са реверсите на бронзовите монети и медалиони, върху които са изобразени храмови комплекси, ситуирани в сложни композиции. Обикновено се гравира природна картина (основно хълм), в която е вписан повече от един храм. Тяхното представяне е разнообразно — в ¾, фронтално или странично. Има наченки на изграждането на перспектива в изображението. Това може да се дължи и на желанието на градската управа да подчертае значението на един от храмовете в града, като бъде изобраден с по-голям размер от другите. Представени са различни типове храмове според планировката и видове според броя на колоните на фасадата. Храмовете са комбинирани с дървета, статуи, колони, пещери, олтари, фигури на богове. В някои от култовите сгради са поставени статуи на божествата, на които са посветени. Реверсите на монети и медалиони, върху които са гравирани сцени, обикновено изобразяват богове, които държат модел на храм, посветен на тях. Това са императорът и градската богиня, или главният бог покровител на града. Според М. Доткова[173] на територията на Тракия и Долна Мизия при монети на градове, неразглеждани в настоящата теза, се срещат още два типа сцени — императорът, за чийто култ е изграден храма, държи неговия модел и храмът е част от сцена с жертвоприношение, в която участва и императорът. Монетите и медалионите със сложни композиции и сцени са с голям номинал, което позволява разгръщането на подобни изображения върху реверса.

Монета Каракала АЕ 28[174] от Пауталия има реверс със сложен изглед на планина с пет храма.Доминира тетрастилният храм със стауя на Асклепий в центъра на композицията — в ¾, гледан отдясно. От лявата му страна по-ниско са разположени два по-малки простилни храма, а над тях — неидентифицирана фигура в арка или пещера. На върха на хълма е разположен четвъртият храм, втори по големина след този на Асклепий, тетрастилен, в ¾ гледан отляво. Под него, от дясната страна на реверса има още един малък тетрастилен храм. Фигурите на Трите грации са гравирани долу вдясно. В пространството между храмовете има дървета. Друга монета от Пауталия Каракала АЕ 32[175] е почти идентична на първата. Изображенията най-вероятно се отнасят до един и същ храмов комплекс, но е видима разликата в майсторството на гравьорите.

Най-сложно е изображението на третата монета от Пауталия — Каракала АЕ 29[176]. Това е композиция — планина с храмов комплекс — шест храма, обградени с дървета. Доминира храмът на Асклепий в центъра , със статуя на бога в рамките на храма, Трите грации са отдясно, под тях долу вдясно е разположен полулегнал речен бог. Храмовете върху този реверс са с анти, силно стилизирани. За сметка на изобилието от елементи и детайли художествените й качества са на по-ниско ниво.

Монетата от Филипопол е с относително по-нисък номинал, но и композицията е по-скромна: Комод АЕ 20[177] — скалист хълм с дървета в подножието, над тях тетрастилен храм

[173] *Доткова М.* Архитектурните паметници представени върху монетите…. С.15.
[174] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 5256.
[175] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 4243.
[176] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 3405.
[177] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 1070.

със статуя в средата. Архитравът, поддържащ фронтона, не е хоризонтален, а в средата си се огъва под формата на арка.

Върху четири медалиона от Филипопол има изобразени сложни композиции, а върху два — сцени. Комод AE 35[178] има реверс със скален хълм със статуя на Аполон отгоре. Той държи патера. Лъкът е облегнат на рамото му. В средата на хълма е разположен тетрастилен храм, вътре със статуя. Както при горното изображение архитравът не е хоризонтален, а в средата се извива под формата на арка. Два от медалионите са със идентични сцени, но с различни номинали. На реверса на Каракала AE 41[179] е гравиран хълм с дървета, в подножието му — колона със статуя на Аполон. Върху хълма са ситуирани два храма: този вляво е погледнат отстрани, този вдясно, в средата на който има статуя, е погледнат отпред и отдясно. От левият храм виждаме четири колони, обграждащи стената му. Десният храм е представен в ¾. Той е простил, с четири колони, акротерии увенчават фронтона, има щитовиден орнамент в тимпана. Трети храм с четири колони, погледнат отпред, е изобразен в основата между дърветата. Медалионът с идентично изображение е Каракала AE 36[180]. Очевидно е, че медалионите са от една и съща емисия.

Медалион Каракала AE (?)[181] от Филипопол е с проста композиция върху реверса — хълм с три дървета и пещера в основата; отгоре — храм, погледнат отпред и отляво; щит и копие във фронтона. Храмът е с анти, изграден е върху две стъпъла, фронтонът му е украсен с акротерии. Изображението на пещера може да се тълкува и като извор, основавайки се на трите вълнообразни линии, които излизат от нея и биха могли да означават водни потоци.

Открити са и два медалиона от Филипопол, които ни показват сцени с макети на храмове. Елагабал AE 41[182] изобразява Аполон гол, прав, обърнат надясно, с лявата си ръка държи лък и дрехата си. С дясната придържа храм с много колони. Макетът на храма е представен в ¾ с по четири колони на фасадата и на дясната си страна. Има пирамидален покрив. Отляво на реверса е император Елагабал — прав, обърнат наляво, с лавров венец, облечен в тога. В лявата си ръка държи напречно копие, с дясната придържа храма. Композицията е усложнена и с маса с урна за игра, пълна с топки, която е разположена на земята помежду им.

Елагабал AE 40[183] е на реверса си със сцена с градската богиня с крепостна корона, която седи на трон. Обърната е надясно, в дясната си ръка държи храм, а в лявата — жезъл. Храмът е погледнат от лявата му страна, той е тетрастилен, тип простил, има ясно гравиран фронтон, украсен с акротерии.

От разгледаните изображения на храмове в сложни композиции и сцени можем да съдим за това, че монетарниците, в които са сечени, са били с високо майсторство на своите гравьори, за да се създадат такива комплексни изображения. Пейзажите, отразени върху реверсите са били и една от характеристиките на градовете. Култовите комплекси създават усещането за импозантност и величие. При изобразяването на сцените също има тържественост, подчертаваща култа към императора и равенството му с боговете. Почитта към богинята, която закриля града, е била също един от постулатите в религията на Римската империя.

[178] Той също. № 1056.
[179] Той също. № 1325.
[180] Той също. № 1327.
[181] Той също. № 1376.
[182] Той също. № 1471.
[183] Той също. № 1475.

4. Видове хромове, според посвещенията им

Религията на Рим е политеистична. Тя не е имала единна църква и догматика, а се е състояла от култове към различни божества. Характеризира със своя синкретизъм, предопределен от това, че империята превзема все повече нови територии и народи. Вярванията на тези народи стават част от римската религия. Римският мит за произхода на държавата и благославянето ѝ от боговете, етатизмът и политическата ангажираност довеждат и до възникване на култа към императора.

Ликът на императора върху градските монети регламентира разрешението на държавата за правото на градовете да секат свои монети. По този начин империята не възразява срещу изобразяването на градски божества на реверсите на тези монети, като така допуска местните богове в общоримския пантеон. Монетните емисии на градовете в Тракия и Долна Мизия ни дават информация за широкото разпространение както на култовете от гръко-римския пантеон, така и на източните и локални култове сред местното население, ветераните и войниците, които живеят в съответният град. Религиозната ориентация на самите императори също оказва влияние върху налагането на определени богове в монетната типология. Изображенията на храмове върху реверсите на монетите ни дават информация и за разликите между официалните вярвания на императорите и местните култове.

От археологическите и историческите данни знаем, че на територията на римските провинции Долна Мизия и Тракия са се почитали както божествата от гръко-римския пантеон, така и местни божества и антроподемони като Тракийският Конник, Херакъл с неговите разновидности, някои източни божества. Нумизматичният материал е един от най-важните източници при изучаване на култа към дадено божество, по който може да се съди за степента на неговата популярност.

Изображенията на храмовете върху автономните бронзови монети от българските земи ни дават информация за това, кои култове са били почитани и в кой период в разглежданите в тезата градове, което обогатява нашите познания за развитието на религиозния живот в Империята. Храмовете били разпознавани на чии божества са, благодарение на нанасяните изображения на статуи на боговете, които са били поместени в тях или по надписите на реверсите.

Августа Траяна — Аполон, Артемида, Асклепий, Хадес, Серапис.

Анхиало — Аполон, Хомоноя.

Аполония Понтика — Аполон, Императорски култ.

Деултум — Юпитер (Зевс), Аполон, Фортуна, Конкордия, Венера, Херакъл,
Асклепий, Серапис, Геният на града.

Дионисиополис — Дионис.

Марцианопул— Аполон, Тюхе, Фортуна, Серапис, Хомоноя, Хигия, Асклепий.

Месамбрия — Асклепий.

Никополис ад Иструм — Асклепий, Артемида, Серапис, Тюхе, Конкордия.

Олесос — Хомоноя.

Пауталия — Зевс, Аполон, Асклепий.

Сердика — Аполон, Асклепий, Серапис, Императорски култ.

Филипопол — Аполон, Асклепий, Хермес, Градската богиня, Императорски култ.

Разбира се, в градовете са били почитани и други богове, но това са регистрираните върху монетните реверси чрез изображения на храмове със статуи или храмове без статуи, но името на бога е споменато в надписа.

Зевс Гръмовержец е един от основните богове, които са били почитани. Негови родители са Кронос и Рея. Според митологията на древните гърци това е богът на мълнията и върховният бог, който наблюдавал всичко, което се случва в света. Почитан е абсолютно навсякъде и особено в древната Олимпия. Той е покровителят на семейното огнище, съблюдавал за спазването на клетвите, пазител на градовете, покровител и благодеятел. Култът към този бог се разпространява и извън пределите на древните гръцки територии. Особено е силен в земите на север — Тракия. През периода I—III в. Зевс (Юпитер) е главният бог в гръко-римския пантеон. Той се счита най-вече за покровител на императора и бог на военните победи.

В изкуството се изобразява с мъжка фигура и дълга брада. На това божество са посвещавани храмове, светилища и свещенни места, както и оброчни олтари. По археологически данни имаме имаме свидетелства за почитането на това върховно божество, изразяващо се в строителството на храмове, в големите центрове като Филипополис, Сердика и др., което е ясно свидетелство за развитието на култа на местна почва.

Култът към Зевс е изобразен върху три идентични монети на Александър Север АЕ 24, Александър Север АЕ 23 и Александър Север АЕ 25/23 от Деултум[184]. Реверсът е с тетрастилен храм със статуя Юпитер (Зевс) в рамките на храма. Богът е седнал на трон, държи патера над изображение на орел и скиптър.

Зевс присъства и на монета от Пауталия — Септимий Север АЕ 30, Магистрат Caecina Largus[185], но в по-различен аспект. Храмът върху реверса е посветен на Аполон, а статуята на Зевс е разположена от дясната страна на храма.

Според М. Доткова[186] най-ранното изображение на храм на Зевс е върху монети на Филипопол и Аполония от времето на Септимий Север, а най-късните изображения — от времето на Гордиан III върху монети на Анхиало и Деултум.

Аполон е бог както от древногръцката, така и от римската митология и религия. Роден е на остров Делос. Той е един от най-почитаните богове и е покровител на музиката, танците и поезията. Предводител е на музите. Освен това е лечител, пастир и пророк. Изобразяван е като красив млад мъж, често с лира в ръка и с лаврови клонки, защото в лаврово дърво била превърната любимата му нимфа Дафне. Култът към него е широко разпространен в Древния свят. В класическия период Аполон се приема преди всичко като бог на изкуствата и художественото вдъхновение. От гръцките колонии култът към Аполон прониква в Рим, където този бог заема едно от първите места в религията и митологията на римляните. Благодарение на натрупаният нумизматичен материал става ясно, че е по българските земи е имало храмове посветени на него в градовете Деултум, Августа Траяна, Анхиало, Пауталия, Аполония, Марцианопол, Филипопол. Храмовете на Аполон са най-многобройните върху реверсите на автономните бронзови монети. Почти всички градски монетарници гравират върху своите емисии такъв храм.

Храмове на Аполон от Августа Траяна са изобразени върху реверсите на Каракала АЕ 30[187], Каракала АЕ 30[188] и Каракала АЕ 31[189]. Храмовете са различни — първата монета е с дистилен храм с куполообразен покрив, другите две са с тетрастилен храм.

---

[184] *Draganov D.* Sylloge Nummorum Graecorum Bulgaria… № 474—476.

[185] Ancient coin Art 2003.

[186] *Доткова М.* Архитектурните паметници представени върху монетите…. С. 13.

[187] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 3075; *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 2. № 327.

[188] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 3079.

От Анхиало храмът на Аполон е нърху реверса на монета на Гордиан III и Транквилина AE 25[190] — тетрастилен храм, акротерии на двата ъгъла и върха на фронтона, пъпковиден елемент във фронтона; вътре статуята на Аполон Сауроктон, левият му лакът е облегнат на ствола на дърво, дясната ръка е вдигната над главата.

Храмът от Аполония е тетрастилен със статуя на бога — прав,обърнат наляво, държи патера — монета на Септимий Север AE 29[191].

Храмовете на Аполон върху монети от Деултум са изобразявани по време на господстването на различни императори: Александър Север AE 24[192] — хексастилен храм със статуя Аполон в рамките на храма, обънат наляво, държи лаврова клонка, облегнат е на висок триножник; Гордиан III AE 24[193] — тетрастилен храм, точка във фронтона, акротерии, спираловидни колони, права фигура (Аполон?) в средата; Гордиан III AE 23[194] — тетрастилен храм, точка във фронтона, спираловидни колони, в средата статуя на Аполон, държащ клонче в лявата ръка.

Храм на Аполон е регистриран и на монета от Марцианопол — Каракала и Юлия Домна AE 28[195].

На четири реверса на монети от Пауталия също има такъв храм — Септимий Север AE 30 Магистрат Caecina Largus[196] и Септимий Север AE 30[197]; Каракала AE 27[198]; Каракала AE 26[199].

В Сердика също е почитан култът към Аполон — Каракала AE 29[200] — кръгъл храм с конусовиден покрив, увенчан с глобус, акротерии по краищата, върху издигната платформа; Аполон вътре в храма, държащ тояга, с увита около нея змия, от дясната му стана малка фигура на Ерос, прав, с вдигната дясна ръка; дървета отляво и отдясно на храма.

Изображения на реверси на монети от Филипопол също регистрират такива храмове. Септимий Север AE 32[201] — тетрастилен храм, вътре статуя на Аполон прав във фас и Елагабал AE 36[202] — октастилен храм на Аполон Cendresius с две стъпъла, щит във фронтона.

Храмовете, посветени на Аполон са най-разнообразни — простил, периптер, дистилни, тетрастилни, хескастилни. Богът е изобразен с различни атрибути — лаврова клонка, патера, стрела, тояга, с увита около нея змия. На някои образи е облегнат на триножник или ствол на дърво. Наличието на толкова монети с храмове на Аполон показва, че в градовете от Долна Мизия и Тракия той е бил един от най-почитаните богове.

---

[189] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1204; *Schönert-Geiß E.* Bibliographie zur antiken Numismatik... № 371).

[190] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 728.

[191] Ibid. № 825.

[192] *Draganov D.* Sylloge Nummorum Graecorum Bulgaria… № 465—470.

[193] *ÎUrukova Ĭ.* Griechisches Muenzwerk: die Muenzpraegung von Deultum. № 264.

[194] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 3730.

[195] Той също. № 508; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1043.

[196] Ancient coin Art 2003.

[197] Ancient Coin Art, item no. 2558.

[198] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 5249.

[199] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 4309.

[200] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 409.

[201] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1172.

[202] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 5435; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1446.

Атина — древногръцката богиня се радва също на голяма популярност. Тя е една от главните фигури в гръцкия пантеон и по своята значимост е равна на Зевс. Атина в древногръцката митология е върховната богиня на мъдростта, войната, изкуството, смелостта, силата, закона, правосъдието и уменията. Изобразяват я в пълно бойно снаряжение. Това е богинята, която покровителства героите. Тя ги съпровожда по времето на техните подвизи (Язон и аргонавтите, Одисей). Заедно с ролята си на богиня на войната, тя се явява и девица-защитничка на целомъдрието. Нейни символи сред животните са змията, олицетворяваща мъдростта, и совата. В древноримската митология Атина се отъждествява с Минерва. Устройвани били празници и жертвоприношения (панатиней в древна Атина) в нейна чест.

Във Филипополис са я почитали като тяхна покровителка (Тюхе Полеос). Нейният образ откриваме на медалиона на Елагабал АЕ 40[203]. Градската богиня с крепостна корона седи на трон, обърната надясно, в дясната ръка държи храм, в лявата — жезъл.

Атина е била почитана и в други градове от тракийските провинции на Римската империя, но за съжаление нейни храмове по реверсите на монетите не са откривани.

Дионис първоначално е бил тракийски бог, но постепенно култът му прониква в Гърция. Той е бог на възраждащата се и умиращата природа, на плодородието, на виното, веселието и лозарството, на музиката и на драматичната поезия, на мистичната насока в религията. Дионис, един от главните богове и в гръцкия пантеон, е син на Зевс и Семела. Според друга версия Дионис е син на Зевс и Персефона — владетелката на подземното царство. Изобразява се по-често през римско време и то на оброчни плочки — юноша с вдигната ръка, около него — Пан, сатири, пантера и др. Почитан е в Тракия (Загрей) и във Фригия (Сабазий). В римската митология Дионис е отъждествяван с местния бог на плодородието Либер, който приема функциите на гръцкия бог, а по-късно римското му име е Бакх. Празниците, посветени на Дионис (Дионисови мистерии) в Гърция се наричат дионисии, в Тракия — розалии. В негова чест, веднаж на всеки три години, римляните празнували нощем свободно и разюздано празника на виното и веселието — «бакханалии» (вакханалии). Първоначално на него присъствали само жени — «вакханки» (менади).

Култът към него е отразен на реверса на монета от град Дионисополис — Гордиан III и Серапис АЕ 25[204]. Храмът, посветен на бога е тетрастилен с фронтон, украсен с полукълбо, на двата ъгъла и на върха му има акротерии с формата на назъбени флорални елементи. В средата е статуята на голия Дионис, обърнат надясно. В лавата си ръка държи тирс — характерен отличителен белег на култа към Дионис, а дясната ръка е изпъната срещу пантера, която скача към него.

Афродита (Венера) — богинята на любовта също била много почитана. Според древногръцките митове тя е дъщеря на Зевс и титанката Диона. Легендата разказва, че най-красивата богиня е родена на остров Кипър от морската пяна. Според мнения на учените богинята има малоазийски произход. Тя е покровителка не само на любовта, но и на плодородието, вечната пролет и красотата. Почитана е като даряваща изобилие, богиня на горите, спътница и добра помощница на плаващите по моретата.

В пределинистическо време по нашите земи култът към нея е слабо развит, като е засвидетелстван по археологически път на много малко места (оброчна плочка от светилището при село Глава Панега, Ловешко), което било посветено на тракийския Конник. Другото място, където според професор Златозара Гочева е засечен култът, е светилището до

[203] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 1475.

[204] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 135.

село Кърналово, Хасковско, в което е открит посветителен надпис на богинята и трите нимфи.

В елинистическия период култът към нея става все по-популярен, за което съдействат и появилите се гръцки колонисти по бреговете на Черно море. През епохата на Принципата неговото развитие продължава с пълна сила. Аналог на Афродита в римската митология е Венера.

Има засвидетелствани по реверсите на монетите нейни храмове от Деултум. Това са седем идентични монети на Гордиан III AE 22,5/23,5[205]. На реверсите им е изобразен тетрастилен храм в ¾, със статуя на Венера (Афродита) Пудика в средата, в краката й е поставена хидрия.

Артемида (Диана) — е целомъдрената богиня на лова, луната и светлината, покровителка на родилките, господарка на живата и мъртвата природа. Дъщеря на Зевс и Лето, сестра-близначка на Аполон. Придружена от сърна или мечка, с копие, лък и колчан стрели, бродела през гори и планини, заедно с планинските нимфи. Като богиня-девственица закриляла младите неомъжени жени и безпощадно наказвала смутителите на моминската непорочност. Символ на Артемида е луната, а богинята е въоръжена със сребърен лък. Древногръцката богиня също се радвала на голяма почит през елинистическия и римския период. Аналог на Артемида в римската митология е Диана.

Най-много храмове на Артемида има засвидетелствани върху монети от Августа Траяна. Повечето от тях са от времето на Каракала. Трябва да се отбележи, че всичките изображения на храм на Артемида от Августа Траяна са на храмове на висока платформа, което навежда на мисълта, че вероятно става дума за реално съществуваща сграда.

Регистрираният храм на богинята от Никополис ад Иструм — Елагабал AE 25 Магистрат Novius Rufus[206] ни показва схематичен тетрастилен храм със статуя на Артемида в средата, държаща лък.

Богинята е изобразена навсякъде със своите атрибути — лък и стрели, повечето от статуите й не са статични, а са в движение, около храмовете обикновено има дървете и животни.

Хермес също е популярен и обичан в земите на римските балкански провинции. Преданието за него разказва, че е син на гръмовержеца Зевс и плеядата Мая. Роден е в пещера в планината Кипен в древна Аркадия. Часове след своето раждане изобретил лирата като опънал струни върху бронята на костенурка, после откраднал кравите на брат си Аполон. Според древните вярвания той бил бога покровител на ветровете и дъжда, вестител на боговете, закрилник на пътниците, крадците, съпровождал умрелите до отвъдното като техен водач. Химнът на поета Омир, който е посветен на него, го описва като променлив и много хитър обирджия и крадец. Изобразяван е със златни крилати сандали и символите костенурка, петел, крилата шапка и вестителски жезъл (кадуцей). Съответства на римския бог Меркурий.

Култът към него е бил популярен не само в Древна Гърция, но и северно от нея. По нумизматични данни знаем, че негов храм е имало във Филипопол. Той е показан на реверса на монетата Каракала AE 18[207] — тетрастилен храм, вътре със статуя на Хермес, държащ кесия и кадуцей и монетата на Гета AE 28[208] — тетрастилен храм, статуя на Хермес в

[205] *Draganov D.* Sylloge Nummorum Graecorum Bulgaria… № 1383—1389.
[206] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 1463.
[207] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 1375.
[208] Той също. № 1407.

средата, гол, държи кесия и кадуцей. На два медалиона на Елагабал също е е изобразен този храм, но при Елагабал АЕ 40[209] той е октастилен, а при Елагабал АЕ 40[210] храмът е хексастилен.

Здравеносните божества също се радвали на голяма почит в тракийските и долномизийските римски провинции. По реверсите на монетите са открити изображения на храмове на Асклепий, Хигия, Телесфор и Глюкон от Филипопол, Пауталия, Сердика, Никополис ад Иструм, Деултум, Месамбрия.

Асклепий — е богът-лечител, посветен в тайните на лечебното изкуство от кентавъра Хирон. Син на Аполон и нимфата Коронида, съпруг на Епиона, баща на Хигия, Ясо, Панацея и Телесфор. Щом дръзнал да съживява покойници, което се смятало за престъпление срещу природата, бил умъртвен от мълнията на Зевс. Тогава разгневеният Аполон убил циклопите, които изковали мълнията. В светилището му Асклепион в Епидавър жреците построили лечебна сграда със 180 помещения. По негово подобие бил построен асклепион на южния склон на Акропола, както и в други гръцки градове. Аналог на Асклепий в римската митология е Ескулап. Най-често Асклепий е изобразяван като брадат мъж, в разцвета на силите си, приличащ малко на Зевс. Неизменен атрибут на Асклепий бил жезълът (тояга), около който имало обвита змия (понякога и две). По-късно негов символ станала чаша, обвита със змия. Култът към Аслепий е бил широко разпространен сред войниците от тракийски произход, които служили в Долна Мизия. Проникването на култа към Асклепий сред римските гарнизони се отразява и в градското монетосечене.

Изображенята на храмове на Асклепий са многобройни. Този бог е почитан в повечето от градовете. Такъв храм има на монета на Гета АЕ 30[211] от Августа Траяна, както и от Деултум — Гордиан III АЕ 24[212] и Транквилина АЕ 23[213].

Монетата от Марцианопол на Макрин и Диадумениан АЕ 28[214] е с тетрастилен храм със статуя на Асклепий, държи тояга с увита около нея змия.

Всички храмове на Асклепий, регистрирани върху монетни реверси от Месамбрия с с еднотипни изображения на тетрастилни храмове, в средата статуя на Асклепий, който държи тояга с увита около нея змия— Гордиан и Транквилина АЕ 25[215], Гордиан и Транквилина АЕ 26[216], Гордиан и Транквилина АЕ 24[217], Гордиан III и Транквилина АЕ 24[218].

Повечето храмове от Никополис ад Иструм, посветени на бога-лечител са също в тази типология на изобразяване — тетрастилни храмове с Асклепий в средата, облегнат на тояга с увита около нея змия

Върху монетните реверси на Пауталия храмът е тетрастилен със статуя на Асклепий, обърнат наляво, почиващ си, подпрян на тояга с увита около нея змия[219]. Три монети на

[209] Той също. № 1495.

[210] Той също. № 1496.

[211] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 3115.

[212] Той също. № 3734.

[213] Той също. № 3761.

[214] Той също. № 583; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1287.

[215] *Karayotov I.* The coinage of Mesambria. Sozopol, 2009. Vol. II: Bronze coins of Mesambria. № 164.

[216] Ibid. № 165.

[217] Ibid. № 166.

[218] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 2. № 2626.

[219] Марк Аврелий АЕ 32 — (См.: *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 4101; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 4422) и Каракала АЕ 29 — (См.: *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 5252).

Каракала ни представят храм на Асклепий, който доминира в сложна композиция от 5 култови сгради — Каракала АЕ 28[220], Каракала АЕ 32[221], Каракала АЕ 31[222]. Композиция — планина с храмов комплекс — шест храма, обградени с дървета, доминира от храма на Асклепий в центъра. Върху монета Каракала АЕ 31[223] фигурата на Асклепий е отстрани на изобразения храм.

Монетите от Сердика също показват храм на Асклепий, като той е тетрастилен със статуя на бога между колоните. Той е прав, при някои изоражения е облегнат на тояга с увита около нея змия. Разлики има във изображенията на фронтона — той бива чист, със змия или щит. Това са монети Юлия Домна АЕ 28[224], Каракала АЕ 29[225], Каракала АЕ 29[226], Каракала АЕ 31[227] и Галиен АЕ 25[228].

Монетата на Септимий Север АЕ 28[229] от Филипопол има изобразен върху реверса си тетрастилен храм с колони кариатиди, поддържащи покрива, статуя на Асклепий в средета, облегнат на тояга с увита около нея змия, копие и щит във фронтона.

Много характерен белег за обозначаването на храм на Асклепий е изобразяването на змия в тимпана. Богът обикновено е с неотменния си атрибут — тояга с увита коло нея змия. В отделни случай вместо статуята на Асклепий между колоните е гравирана змия. Храмовете са от различни видове, но главно тетрастилни, което доказва стандаризация на изображението.

Хигия в древногръцката митология, е дъщеря на Асклепий. Тя е богиня на здравето, чистотата и хигиената (по-късно и на луната). Тя заема важна роля в култа на баща си. Докато нейният баща Асклепий се асоциира с лечението, Хигия се свързва по-скоро с предпазването от заболяване и поддържането на добро здраве. Тя се представя като млада жена, която храни голяма змия, увита около тялото ѝ. Понякога змията пие от съд, който тя носи. Хигия е съпровождана от брат си, Телесфор. Тези атрибути по-късно са възприети от гало-римската богиня на здравето Салус.

Култови постройки на Хигия са изобразявани рядко. Храм, посветен на богинята е засвидетелстван върху монета от Марцианопул — Каракала и Юлия Домна АЕ 28[230] — той е тетрастилен, със щит във фронтона и назъбен островръх покрив. В храма е статуята на Хигия, обърната надясно, която държи в ръцете си и храни змия.

Хомоноя е гръцка персонификация на Съгласието. Хомоноя е дъщеря на демона Сотер и Праксидика — богинята на съдебното наказание и отмъщението. Изобразява се като права или седнала на трон женска фигура, която държи в ръцете се патера и рог на изобилието, понякога и маслинова клонка. По-късно персонификацията на Хомоноя се слива с римската Конкордия — богиня на съгласието и семейното разбирателство. Конкордия помагала за това, гражданите на Рим да живеят единно и в разбирателство. Държавната политика за

---

[220] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 5256.

[221] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 4243.

[222] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 5257.

[223] Ibid. № 5254; *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 2. № 3491.

[224] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 2040.

[225] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 4918.

[226] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 2463.

[227] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 2. № 411.

[228] *Христова Н., Жеков Г.* Монетосеченето на Тракия I— III в. Сердика. Благоевград, 2007. № 46.16; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1046.

[229] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 5294.

[230] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1048.

обединение и разбирателство е намерила своя израз и в изграждането на много храмове, посветени на Хомоноя (Конкордия).

Монетите от Анхиало на Гордиан и Транквилина АЕ 26[231] и Гордиан III и Транквилина АЕ 25[232] изобразяват тетрастилен храм с акротерии на двата ъгъла и върха на фронтона, пъпковиден елемент във фронтона. При първия статуята на Хомоноя е права с глава наляво, държи патера и рог на изобилието, а при втората богинята е с венец и рог на изобилието.

В Деултум две монети показват храм на Хомоноя (Конкордия) в ¾ със статуя на богинята: права, наляво, с калатос, държи патера и рог на изобилието — това са Каракала АЕ 23,5/25,5[233] и Каракала АЕ 25[234]. Монета Гордиан III АЕ 22[235] също изобразява тетрастилен храм с островръх покрив с акротерии, точка във фронтона, в ¾ гледан от десния ъгъл, но Конкордия, принася жертва над жертвеник. Останалите монети на императорите Максим АЕ 26/23[236], Гордиан III АЕ 23[237], Гордиан III АЕ 25[238] са с тетрастилен храм със статуя на Конкордия (Хомоноя) в рамките на храма, държи патера и рог на изобилието.

На монетата от Марцианопол Каракала и Юлия Домна АЕ 27[239] е показан тетрастилен храм, щит във фронтона, статуя на Хомоноя, на главата с калатос, застанал вляво от олтар, държи патера и рог на изобилието.

Реверсът на монетата от Никополис ад Иструм на Гордиан III АЕ 26[240] е стандартен — тетрастилен храм, статуя на Конкордия в рамките на храма.

И при двете монети от Одесос: Гордиан III и Серапис АЕ 26[241] и Гордиан III и Транквилина АЕ 28[242] храмът е тетрастилен, вътре е разположена Хомоноя (Конкордия) права, обърната надясно, държи патера и рог на изобилието над пламтящ жертвеник.

Хадес, властелинът на подземното царство, е един от по-големите братя на Зевс. В гръцката митология Хадес и братята му Посейдон и Зевс победили титаните и властвали над подземното царство, морето и небето по равно. Заради асоциацията си с подземния свят Хадес често е интерпретиран като смъртта, въпреки че не е. Римляните наричали Хадес Плутон (от гръцки епитет, означаващ «богатия»). Хадес притежавал маска и шлем, с които е невидим, а щом смъртен ги сложи, става невидим за смъртта. На неговото наметало имало лица на човешки души, на които била изписана мъка. Имал ключове, с които отключвал и заключвал смъртта. Хадес често е изобразяван с шапка-невидимка и в компанията на триглавото куче Цербер — свирепият пазител на подземния свят.

Изображение на храм на Хадес има върху монетата от Августа Траяна — Каракала АЕ 29[243]. То е на тетрастилен храм с акротерии и декорация в фронтона. Вътре в храма е Хадес

---

231 *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 2965.

232 *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 2. № 1140.

233 *Draganov D.* Sylloge Nummorum Graecorum Bulgaria… № 48.

234 Ibid. № 49.

235 *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 3735.

236 *Draganov D.* Sylloge Nummorum Graecorum Bulgaria… 826.

237 *Draganov D.* Sylloge Nummorum Graecorum Bulgaria… № 1350—1353.

238 *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 3732.

239 *Христова Н., Жеков Г.* Монетосеченето на Долна Мизия I—III в. Марцианополис. № 46.16; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1046.

240 SNG Cop. 290.

241 *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 1. № 3591, 3592.

242 Той също. № 3634.

243 *Schönert-Geiß E.* Bibliographie zur antiken Numismatik Thrakiens… № 261.

седнал във фас, гол до кръста, с калатос на главата. дясната му ръка е протегната към Цербер, който е легнал в краката му, лявата му ръка е положена върху дълъг скиптър.

Тюхе е гръцка богиня, персонификация на съдбата, случая, която не се среща в класическия период. Образът на Тюхе възниква по време на елинизма като съзнателно противопоставяне на древния постулат за неизменността на съдбата. Тюхе символизира променливостта на света, неговата неустойчивост и случайният характер на всеки факт в личния или обществен живот. В римската митология съответства на богинята Фортуна — богиня на щастието и късмета, която е едно от най-почитаните божества от римляните и италийците. Смятало се, че от нея зависят не само хората, но и боговете. Първоначално богиня на реколтата, майчинството и жените, по-късно Фортуна става богиня на съдбата, щастливата случайност. Фортуна (Тюхе) била изобразявана с рога на изобилието и весло, като кормчия на човешкия живот. Понякога с кълбо или колело (кормило — символ на изменчивостта на човешкото щастие).

Тюхе (Фортуна) била изобразявана върху монетите на всички римски императори. Благодарение на тези реверси знаем, че е имало нейни храмове в градовете Деултум, Марцианопул, Никополис ад Иструм.

Монетите от Деултум с храмове на богинята са от времето на император Гордиан III. Три от тях (идентични) изобразяват тетрастилен храм със статуя на Фортуна (Тюхе) в средата, права, във фас, с калатос, държи кормило и рог на изобилието — Гордиан III AE 22,5/23,5[244]. Две идентични монети[245] на Гордиан III AE 22[246] показват простилен храм в ¾, гледан от десния ъгъл със статуя на Фортуна в портика.

Изображения на храмове, посветени на Тюхе (Фортуна) откриваме и върху реверсите на монети от Марцианопул. Въпреки, че са от емисиите на различни императори — три на Каракала и Юлия Домна AE 27[247], Каракала и Юлия Домна AE 28[248], Каракала и Юлия Домна AE 28[249], на Макрин и Диадумениан AE 26[250] — и на Гордиан III и Транквилина AE 28[251] — образът на реверса е на еднотипен, показан фронтално тетрастилен храм, с точка във фронтона, в средата статуя на Тюхе, която държи кормило и рог на изобилието.

Храмът на Тюхе (Фортуна) върху реверсите на монетите от Никополис ад Иструм също е еднотипен — тетрастилен храм, Тюхе в средата на храма, държи кормило и рог на изобилието. Монетите са на Гордиан III AE 28[252], Гордиан III AE 27[253] и Гордиан III AE 27[254].

Изображенията на храмове, посветени на Тюхе (Фортуна) са еднотипни, но наличието на такъв храм в много от градовете говори за широкото разпространение на култа на богинята на съдбата и щастието сред римските граждани от Долна Мизия и Тракия

Култовете към източните богове, отразени върху автономните бронзови монети от българските земи, са пренесени в римската аримия от войници, произхождащи от източните

---

[244] *Draganov D.* Sylloge Nummorum Graecorum Bulgaria… № 1360—1362.

[245] Кат. № 37.

[246] *Mionnet T.E.* Description de Médailles antiques grecques et romaines. Suppl. II. P. 292, № 546.

[247] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 500; *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 1. № 813.

[248] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 501).

[249] Той също. № 503.

[250] Той също. № 584.

[251]Той също. № 841.

[252] Той също. № 1522.

[253] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 4230a.

[254] Ibid. № 4232.

провинции на империята — Сирия, Палестина, Юдея, Египет. Много римски императори свързвали своите победи с покровителството на източните божества. Почитани са богове като богинята-майка Кибела, египетската Изида, Атис, Харпократ и др.

Серапис — източното божество също е представено със свои култове в земите на Тракия и Долна Мизия. Според изворите култът към него възниква в египетския град Александрия по времето на Птолемей I Сотер. Създаден е по политически причини с цел сближаване на гръцкото и египетското население. На територията на древен Египет обаче той не получава тази популярност, каквато има в гръко-римския свят. През римския период Серапис става не само покровител на Александрия, но и бог оракул, който може да решава въпросите на живота и смъртта. Богът започва да се възприема като висше трансцедентално божество, към могат да се обръщат с всякаква молба.

Серапис е изобразяван като възрастен мъж с калатус, дълъг хитон, тояга и брадва.

Откритите в Деултум монети с храм на Серапис от времето на Гордиан III АЕ 24/25[255] изобразяват тетрастилен храм в ¾, със статуя на Серапис в средата, прав, обърнат наляво, държи модиус и скиптър, дясната му ръка е вдигната.

Храмът върху монетите на Каракала и Юлия Домна АЕ 27[256] и Каракала и Юлия Домна АЕ 28[257] от Марцианопол регистрират също тетрастилен храм с островръх покрив със статуя на Серапис с вдигната ръка и скиптър.

В Никополис ад Иструм също е почитан култът към Серапис. Негов храм е показан на монета на Елагабал АЕ 26[258] — перспектива на светилище с две колони отпред, четири колони отстрани, гора на фон, фигурата на Серапис (?) в рамките на храма, държи скиптър.

Реверсът на монетата на Галиен, АЕ; 17.88 гр.[259] от Сердика

е с тетрастилен храм, точка в фронтона, в средата Серапис седнал, с топка на главата, държи скиптър. Цербер е легнал в в краката му вляво.

Тези изображения показват широкото разпространение на култа на Серапис по нашите земи.

Геният на града е богът покровител на съответният град, персонификация на закрилника му. Почитането на духове-покровители, каквито са гениите, е характерна черта на римската религиозна система. Представянето на статуите им в храмове върху монети показва официалния характер на култа към тях. Появата на тези изображения върху градските емисии в Тракия и Долна Мизия датира от времето на Северите[260].

Такива примери има върху монетни реверси от Деултум. Монета Макрин АЕ 24[261] изобразява на реверса си тетрастилен храм със статуя на Гения на града в рамките на храма, прав, държи патера над олтар и рог на изобилието. Други две монета с такова изображение са на Максимин АЕ 24[262] — тетрастилен храм със статуя на Гения на града в рамките на храма, прав, обърнат наляво, с калатос, държи патера и рог на изобилието.

Херакъл — известният в Древния свят митичен герой също бил много почитан. Според митовете той е син на бога Зевс и Алкмена. Херакъл е борецът за хората срещу тъмните природни сили, защитник и спасител на човечеството. Той е особено почитан заради

---

[255] *Draganov D.* Sylloge Nummorum Graecorum Bulgaria… № 1379—1382.

[256] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 508.

[257] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1050.

[258] Ibid. № 3217.

[259] Rauch 85, партида 839.

[260] *Доткова М.* Архитектурните паметници представени върху монетите…. С. 21.

[261] *Draganov D.* Sylloge Nummorum Graecorum Bulgaria… № 144.

[262] Ibid. № 722, 723.

дванадесетте си подвига. Изобразяван е със своята прословута тояга — кривак и в характерната си поза. Култът към него е много разпространен в целият гръко-римски свят, като на много места били строени негови храмове. През периода I—III в. Херакъл е най-популярен като бог, покровител на войската. Негови самостоятелни изображения се срещат често върху монетите на градските управи.

От нашите земи, благодарение на открити монети от римско време, става известно, че храмове, посветени на героя, е имало в Деултум. Той е отразен на реверса на монета на Гордиан III АЕ 25[263] — тетрастилен храм с островръх покрив с акротерии, точка във фронтона, в ¾, гледан от десния ъгъл, вътре статуя на Херакъл.

Върху реверси на автономните бронзови монети са изобразени и други божества и персонификации, които са разположени до изобразените храмове, без те да са посветени на тях. Това са: трите грации — богини на грацията и красотата, символи на доброто, красиво и вечно младо начало на живота. Те са гравирани с тяхната римска иконография — голи, прегърнати, средната е с гръб, двете отстрани с лице, държат ябълки. Техните образи намираме върху четири монетни реверса от Пауталия. Каракала АЕ 28[264], Каракала АЕ 32[265], Каракала АЕ 31[266] и Каракала АЕ 29[267].

Речните богове в гръцката и римска митологии са трите хиляди сина на титаните Океан и Тетия. Сестрите им са трите хиляди нимфи. Всеки от тези речни богове е повелител на определена извор или река. Речният бог Стримон е на монета Каракала АЕ 29[268].

Ерос — богът на любовта откриваме върху монета от Сердика Каракала АЕ 29[269]. Изобразеният храм е кръгъл, с конусовиден покрив, увенчан с глобус, акротерии по краищата, върху издигната платформа. Аполон е вътре в храма, държи тояга, с увита около нея змия, от дясната му стана е малката фигура на Ерос, прав, с вдигната дясна ръка.

Култът към императора е бил задължителен за всички. В римската империя култът към владетеля стои над тези към останалите божества. През периода I—III в. той е официален държавен култ, извън етнически, социални, религиозни и други рамки.

С утвърждаването на римската власт в Долна Мизия и Тракия, култът към императора заема особено място в религиозния живот. Много градски монети съдържат информация за него, отразявайки апотеози на имперторите, посветени на тях храмове, сцени с тяхното участие. Голяма част от тези типове монети е била инспирирана по-скоро от верноподаннически чувства, отколкото от влиянието на религиозните принципи върху монетната типология. Императорският култ с неговата задължителност е прониквал във всички сфери на живота. Но не бива да забравяме и за елинистическите традиции да се почита владетелят в качеството му на покровител или благодетел. Императорите и членовете на династията са били обожествявани в римските провинции, понякога дори са се асоциирали с местните божства. На някои монети има двойни посвещения — на императора и на местен герой или бог.

Получаването на титлата «неокор», т.е. предоставено от императора право за практикуване на култа към него в определен храм, е засвидетелствано чрез надписи върху монети на редица градове в Тракия — столицата Перинт, Бизантион, Филипопол, Августа

[263] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 3733.
[264] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 5256.
[265] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 4243.
[266] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 5257.
[267] Ibid. № 3405.
[268] Ibid.
[269] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 409.

Траяна и др. Получаването на неокория от даден град е свързано с изграждането на нов храм за тази цел или поставянето на статуята на владетеля в някой от вече изградените. Броят на храмовете, посветени на култа към императора, се определя от броя на неокорствата и се променя, когато те се увеличават. Получаването на неокорска титла изисквало учредяването на жреческа колегия, която да упражнява култа към владетеля в специален храм.

Августа Траяна е получил правото на неокория със сигурност при Гета. Други големи градове с такова право са били Сердика и Филипопол. Без да има конкретни надписи върху монетите или изображения, свързани с храм, посветен на култа към императора, в Деултум такъв храм е засвидетелстван по археологически данни. Той е бил построен в началото на III в. вероятно върху развалините на по-ранен храм. В него са открити бази за императорски статуи с посветителни надписи на Отацилия Севера и Филип Араб, както и фрагменти от бронзова статуя на Септимий Север в реални размери[270].

За разпознаването на този вид храм не е било необходимо изобразяването на статуята на почитания владетел, защото става ясно от надписите върху монетите. Това е и най-голямата разлика, която съществува между повечето изображения на храмовете, свързани с императорския култ и храмовете, посветени на всички други божества в Тракия и Долна Мизия.

Храмът, посветен на Императорския култ от Аполония върху реверса на монета на Септимий Север АЕ 28[271] за разлика от другите ни представя тетрастилен храм със статуята на императора във военно облекло между колоните.

Вторият важен град в провинция Тракия след столицата Перинт е Филипопол. Градът е бил седалище на провинциалното събрание (κοινόν τῶν Θρακών). По времето на император Елагабал Филипопол получава почетната титла νεωκορος. За това свидетелстват множеството монети и медалиони с изображения и надписи, които отбелязват това събитие. За практикуването на култа към императора е бил определен храмът на главното божество на града Аполон Кендрисос, където вероятно е била поставена и статуята на Елагабал. Медалион Елагабал АЕ 41[272] е с изображение на сцена — Аполон гол, прав надясно, в лявата ръка държи лък и дрехата си, с дясната придържа макет на храм с много колони заедно с император Елагабал — прав, наляво, с лавров венец, облечен в тога, с лявата ръка държи напречно копие, с дясната придържа храма; на земята помежду им има маса с урна за игра, пълна с топки.

Самостоятелно изображение на този храм се среща често върху монети и медалиони на Филипопол от времето на този император, но без да има статуя в рамките на храма. Храмът, който е изобразен върху монетите[273] Елагабал АЕ 37[274], Елагабал АЕ 36[275] е октастилен, без статуя, с щит в тимпана. Храмът върху реверса на Елагабал АЕ 36[276] е с единадесет колони в ¾, гледан в перспектива отдясно. Върху всичките монети има надпис ΚΕΝΔΡΕΙ C ΕΙΛΠΟVΙΑΕΝ ΦΙΛΙΠΠΟ ΠΟΛΙ ΝΕΩΚΟΡΟ което недвусмислено показва, че този храм е посветен на императорския култ.

[270] *Балабанов П., Петрова С.* Деултум (237—251) // Римски и ранновизантийски градове. София, 2002. Т. I. С. 243.

[271] *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 829.

[272] *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 1471.

[273] Кат. № № 105, 106.

[274] *Mionnet T.E.* Description de Médailles antiques grecques et romaines. Suppl. II. P. 478, № 1630.

[275] *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 5435; *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1446.

[276] Ibid. № 1655.

Многобройните медалиони отново от времето на Елагабал също изобразяват храма, в който се е практикувал Императорския култ. Това са медалиони на Елагабал АЕ 36[277] — храм с 14 колони. Медалионите Елагабал АЕ 35[278] и Елагабал АЕ37[279] са с октастилен храм, с надпис на реверса ΚΕΝΔΡΕΙ C ΕΙΛΠΟVΙΑΕΝ ΦΙΛΙΠΠΟ ΠΟΛΙ ΝΕΩΚΟΡΟ, което е доказателство, че е храм на Императорския култ.

Четири монети на Юлия Павла също показват такъв храм. Това са Юлия Павла АЕ 30[280] — октастилен храм, щит във фронтона и акротерии; Юлия Павла АЕ 30[281] е с храм с много колони в ¾ погледнат отдясно, щит във фронтона;Юлия Павла АЕ 29[282] и Юлия Павла АЕ 29[283] — храм с много колони в ¾ перспектива. Върху всичките реверси е гравиран надпис ΜΗΤΡΟΠΟΛЄΩC ΦΙΛΙΠΠΟΠΟΛЄΩC ΝΕΩΚΟΡΟC.

Представянето върху монетите на храмовите постройки, свързани с култа към владетеля, е различно — изобразени са както предните им фасади с различен брой колони (като преобладават октастилните), така и в ¾. Като цяло храмовете, в които се е почитал култът на императора, са по-големи от храмовете на останалите божества. Това дава повод от една страна да се предположи, че за култа към императора са били строени най-внушителните храмове или че този култ е бил почитан в най-импозантния храм на града. От друга страна изображенията може да подчертават не големината на постройката, а нейната значимост.

Заключение

Изображенията на храмове върху реверсите на автономните бронзови монети от българските земи са изключително ценен източник на познание за развитието на градовете от римските провинции Долна Мизия и Тракия. Те са достоверен извор за проучването на архитектурното устройство на култовите сгради от времето на римската империя.

Храмовите постройки, отразени върху монети, макар и с известна уговорка, ни показват типологията на сградите и развитието на храмовото строителство — от елинистичния храм до новия внушителен и помпозен римски храмов стил. Документират и нововъведенията на архитектите като многостъпални стереобати, композитни капители, куполни покриви.

При тълкуването на изображенията върху монетните и медалионни реверси до голяма степен има и условност. Някои от показаните култови постройки имат трафаретен характер и са лишени от индивидуални черти. От една страна поради наличие на определена еднотипна схема при заготовките, от друга — статуята върху монетите се представя между колоните на предната фасада, но в действителност тя е във вътрешността на храма. Какъв е бил техният вид съдим само по монетните изображения. Дали те реално са изглеждали както са изобразени — вероятно е така. Някои изследователи смятат, че храмовете, показани върху тях, се възприемат като абсолютно точно възпроизвеждане на съществуващите сгради, поради тяхното неслучайно селектиране за изобразяването им по реверсите на монетите. Консервативността на култовото строителство ни дава повод да предполагаме, че е много

277 *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 1442, 1443.

278 Той също. № 1444—1446.

279 *Mionnet T.E.* Description de Médailles antiques grecques et romaines. Suppl. II. P. 478, № 1630.

280 *Върбанов И.* Гръцки императорски монети. Т. 3. № 1551.

281 Той също. № 1552.

282 *Varbanov I.* Greek Imperial Coins And Their Values. № 1809.

283 *Мушмов Н.* Античните монети на балканския полуостров... № 5441.

вероятно действително съществувалите храмове да не са изглеждали много по-различно, отколкото ги представят монетите на градовете, в които те са се намирали.

Изображенията на култови постройки върху монети са ценен източник за проучване религията на римските провинции. Обозначават не само, че в града е имало храм, но и на кой бог е бил посветен. Чрез изображенията на статуите на божествата между колоните може да се разбере конкретно на кои богове са били посветени храмовите постройки и какви култове са изповядвани в определен град. Така те разширяват нашите познания за развитието на религиозните култове и вярвания, за проникването на нови божества, за съхранението и развитието на старите богове.

Според посвещенията на храмовете върху монетните реверси при различните императори добиваме информация и за това, кои култове са били почитани в конкретния исторически период, което обогатява нашите познания за развитието на религиозния живот в Империята. Както ни дава и поводи за тълкуване на неговата политика по отношение на провинциите и техните градове. Получаваме знания за целият комплекс от политически, култови и естетически характеристики на епохата.

От разгледаните в изследването изображения на храмове върху реверсите на монети от автономното бронзово монетосечене по българските земи в периода I—III век можем да направим следните изводи:

1. В противовес на категоризацията на Витрувий , че периптерът (на лицевата и задната си фасада с по 6 колони, броят на страничните, заедно с ъгловите колони, е 11, като колоните са по всичките страни на периптера) е най-разпространеният вид храм в Римската империя, монетните реверси доказват друго. Най-широко отразеният вид храм в градовете на провинциите Долна Мизия и Тракия е с 4 колони на фасадата — простил. Този вид храм се появява на монетните реверси на всички разгледани градове. Храм с 6 колони (периптер) присъства само на монета от Филипопол. Това предполага два извода:

а) при храмовете простил вероятно не става въпрос за конкретен храм, посветен на съответния бог, а за регистрация на това, че в града, където е сечена монетата е имало храм на този бог;

б) в градовете са съществували най-много храмове от този тип.

2. Единичните или малко на брой храмове от други видове и типове — с анти (Пауталия, Филипопол), периптер (Филипопол), моноптер (Сердика), пентастилен (Никополис ад Иструм), както и типичният храм на висок подиум, посветен само на една богиня — Артемида (Августа Траяна), са уникални и показват реално съществували храмове в градовете.

3. Най-много храмове върху реверсите на автономните бронзови монети се регистрират в новопостроените от римляните градове и колонии на територията на Долна Мизия и Тракия — Деултум, Марцианопол, Никополис ад Иструм.

4. При посвещенията на храмовете преобладават боговете от гръцкия пантеон. Римските божества са по-слабо застъпени — основно присъстват в новите римски градове и колонии.

5. Най-широко разпространените са култовете на Аполон — в 8 града и на Асклепий — също в 8 града.

6. Най-много храмове на новонавлезли божества — източни, местни и персонификации, отново се регистрират в нововъзникналите римски градове и колонии.

7. През I период на автономното бронзово монетосечене — от края на I век до Септимий Север — върху монетните реверси само на трима императори има изобразени храмове.

8. През II период на автономното бронзово монетосечене — от Септимий Север до Александър Север — при емисиите на най-много императори (6) има изобразени храмове върху монетните реверси. Очевидно религиозността е била най-силна по времето на династията на Северите.

9. През III период — от Гордиан I до Филип Арабина — регистрацията на храмове върху автономните бронзови монети е значителна само по времето на Гордиан III. Преди него — при Максимин (235—238 г.) / Максим (235—238 г.) и след него — при Галиен, тези изображения са изключително малко.

10. Само на богове от гръцкия пантеон са посветени храмовете върху монетните реверси са през I период на автономното бронзово монетосечене — от края на I век до Септимий Север.

11. Навлизането както на новите източни богове, така и на местни богове и персонификации става много активно през II период на автономното бронзово монетосечене — от Септимий Север до Александър Север.

12. Синкретизмът на религията се запазва през III период на автономното бронзово монетосечене — от Гордиан I до Филип Арабина, но боговете, на които са посветени храмове, са по-малко.

13. Най-много божества с техните храмове има регистрирани върху емисиите на мператорите Каракала (10) и Елагабал (7).

14. Императорският култ е най-изявен и регистриран при Септимий Север и Елагабал.

15. През III период — от Гордиан I (238 г.) до Филип Арабина — най много богове са почитани по времето на Гордиан III.

16. Култовото строителство вероятно е било най-активно по времето на императорите Септимий Север, Елагабал и Гордиан.

Монетите от автономното бронзово монетосечене на градските управи в градоветете от Тракия и Долна Мизия по нашите земи са ценен извор за историята на самите градове. То е важен източник на познания за политиката на различните градове и техните управи, свързана със местното градско култово строителство. По броя на храмовете, както и по техния вид през различните периоди и императори, можем да съдим за възхода и упадъка на градовете, както и за предпочитанията на владетелите към определени градове. Наличието на множество храмове, посветени на различни богове, дават сведения и за значимостта на града през различните периоди. Анализът на храмовете, представени върху провинциалното монетосечене, обогатява нашите познания за политическото, икономическо, религиозно и културно развитие на градовете в провинциите Тракия и Долна Мизия.

Изображенията на храмове върху автономните бронзови монети по нашите земи дават конкретна и достоверна информация също като епиграфските паметници и други исторически извори. В много от градовете, където са откривани изображения на храмове върху монетни реверси, все още не са намирани култови постройки. Съществуването на храмове върху реверсите на съответните градове могат да послужат като повод и за нови археологически проучвания.

Павел Деспотов

Изображения на храмове по реверсите на монетите от автономното бронзово монетосечене по Българските земли в периода I—III век от Новата Ера

Целта на настоящата работа е да изследва монетите, сечени през периода I—III век — от времето на Домициан до управлението на Гордиан III в античните градове на територията на днешна България, на чиито реверси са изобразени храмове. Да извлече информация както за конкретни паметници, в основната си част непроучени чрез археологически разкопки, така и за историята на развитието на различните култове по днешните български земи през периода I—III век.

Ключови думи: Рим, България, римски провинции, монетни реверси, храмове.

Павел Деспотов

Изображения храмов на реверсе монет автономной бронзовой чеканки на территории Болгарии в I—III вв. н.э.

Целью данной работы является изучение монеты, отчеканенные в период I—III вв. — от времени Домициана до правления Гордиана III в древних городах на территории современной Болгарии, на реверсе которых изображены храмы. Исследование прдназначено для получения информации о конкретных материалах, по большей части неисследованных в ходе археологических раскопок и истории развития различных культов в болгарских землях в период I—III вв.

Ключевые слова: Рим, Болгария, римские провинции чеканить вспять храмы.

Pavel Despotov

Images of temples on coin reversals from autonomous bronze coinage in Bulgaria in the period I—III century AD

The study survey the roman coins during the period I—III century — from Domitian to Gordian III in ancient towns in Bulgaria at whitch reverses are depicted temples. Retrieves information for specific monuments for the most part unexplored by archaeological excavations and the history of the development of various cults in the Roman provinces in Bulgaria during the period I—III century.

Keywords: Rome, Bulgaria, Roman provinces, coin reversals, temples.

Монета на Септимий Север от Пауталия с храм с анти.

Монета на Гордиан III от Деултум с простилен храм в ¾, със статуя на Конкордия, принасяща жертва над жертвеник.

Монета на Каракала от Августа Траяна с тетрастилен храм на Артемида върху висока платформа.

Монета на Каракала от Сердика с кръгъл храм (моноптер) върху издигната платформа със статуя на Аполон, от дясната му страна малка фигура на Ерос.

Монета на Комод от Филипопол със скалист хълм с дървета в подножието, тетрастилен храм над тях със статуя в средата.

Монета на Каракала от Пауталия — композиция — планина с пет храма, доминирани от храма на Асклепий в центъра, Трите грации отдясно.

Монета на Марк Аврелий от Аполония Понтика с тетрастилен храм.

Монета на Гордиан и Транквилина от Анхиало с тетрастилен храм със статуя на Хомоноя, която държи патера и рог на изобилието.

Монета на Макрин и Диадумениан от Марцианопол с тетрастилен храм
със статуя на Асклепий.

Монета на Септимий Север от Филипопол — тетрастилен храм с колони кариатиди.

Монета на Гордиан III от Никополис ад Иструм с пентастилен храм.

Монета на Юлия Павла от Филипопол с храм с много колони в ¾ перспектива.

Монета на Е лагабал от Филипопол с октастилен храм.

Медалион на Каракала с хълм с дървета, в подножието му — колона със статуя на Аполон; два храма върху хълма; трети храм в основата.

УДК 94(495)

К.Н. Скворцов

АВАРСКАЯ РЕПЛИКА ВИЗАНТИЙСКОГО СОЛИДА НА САМБИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Речь в данной статье пойдет о находке византийского солида начала VII в., найденного в конце века XX в западной части Самбийского полуострова (рис. 1). Ранее подобных находок на этой территории не фиксировалось. Исследователи отмечают скопление находок византийских солидов ближе к устью Вислы и в Поморье, связывая их появление с контактами между населением котловины Карпатской и региона Нижней Вислы. Находки монет из Померании принято увязывать с выплатами Византийской империи остготам[1]. Как и в ситуации со скандинавским миром в V—VI веках, в данном регионе наблюдается общая нестабильность, связанная, сначала с процессами, происходящими на Балтике, а позднее, с угрозой славянской экспансии[2] в направлении к реке Висле, что также выражается в обнаружении кладов солидов восточнее Вислы в междуречье р. Ильфинг и р. Фришинг[3]. Редкостью подобных находок в регионе и продиктовано стремление автора к введению в научный оборот данной находки.

Впервые эта монета привлекла внимание автора при ознакомлении с одной приватной нумизматической коллекцией в конце 80-х годов уже прошлого XX в. в г. Калининграде. История обнаружения монеты гласила, что ее нашли при земляных работах недалеко от руин кирхи в пос. Котельниково Зеленоградского района в середине 80-х годов (рис. 2). Тогда у автора не было возможности познакомиться с монетой более детально и сделать фотографии и промеры. Чисто же визуально, можно было сделать предварительный вывод, что перед нами византийский солид императора Ираклия (611—641) (рис. 3). Впервые информация о данной находке, наряду с определениями и информацией по другим монетным находкам на Самбии VIII—XIV вв., была предоставлена автором для статьи Т. Берги и В. Кулакова в журнале Латышского института истории в 1993 г.[4] К сожалению, указанная там информация грешит несколькими неточностями в силу обстоятельств, которые изложены выше. В публикации были указаны не совсем корректные вес монеты и ее размер, а именно: вес монеты — 3,92 гр. и ее диаметр — 2 см.

---

[1] *Bursche A.* Rola źródeł numizmatycznych w studiach nad sytuacją osadniczą i kulturową na ziemiach polskich u schyłku starożytności // Archeologia o początkach Słowian. Kraków. 2005. S. 203—214; *Ciołek R.* Die Römischen Münzfunde in Pommern // Wiadomości Numizmatyczne. Vol. XLVII (Polish Numismatic News. Vol. VII). S. 25—39; *он же.* Znaleziska solidów na Pomorzu // Wiadomości Numizmatyczne. Vol. XLVII. S. 163—180.

[2] Однако К. Годловский считал, что эти клады сложились гораздо ранее, чем на этих территориях появились первые славяне (Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Słowian w V—VII w. n.e.. Kraków, 1979. S. 40—43). Имеется так же мнение что это результат торговых контактов по маршруту Скандинавия — Византия (*Шувалов П.В.* Pelles sappherinae и Восточный путь // Ладога и Глеб Лебедев. СПб. 2004. С.87).

[3] *Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od pózdnego paleolitu do VII w. n.e. Wrozlaw, 1973. S. 469—470; *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 года. М., 2003. С. 96.

[4] *Berga. T., Kulakovs V.* Gadsima monētu atradumi senprūšu zemēs // Latvijas Vēstures institute žurnāls. № 2. P. 15). Изначально планировалось, что и я буду соавтором данной статьи, но один из ее авторов решил ограничиться письменной благодарностью «известному калининградскому нумизмату Константину Скворцову».

Спустя 20 лет после первичной публикации 1993 г. судьба вновь подарила автору шанс увидеть эту монету и поработать с ней. Мне посчастливилось получить ее из коллекции очередного нумизмата и поместить, наконец-то, в фонды Калининградского Историко-художественного музея[5]. В процессе работы с данной монетой и общения с коллекционером удалось уточнить и некоторые обстоятельства, связанные с ее обнаружением. Стало известно, что время ее обнаружения восходит к середине 80-х годов XX в., когда около руин кирхи в поселке Котельниково[6]. В ходе «любительских» раскопок у северной стены кирхи на глубине около 2-х метров вне погребальных комплексов гражданином Александром Барсуковым была обнаружена золотая монета с отверстием для подвешивания (рис. 3). Что характерно, недалеко от этого места и ранее и позднее неоднократно обнаруживались артефакты, датированные XIII в., безусловно связанные с находившимся здесь некогда христианским кладбищем[7].

Итак, что, собственно, представляет из себя эта находка: золотая монета диаметром — 1,95 см. и весом — 4 гр., с отверстием (у которого отсутствуют следы длительного ношения), с высоким рельефом, без сильных потертостей (рис. 3).

Далее приводится определение данной монеты, любезно сделанное и предоставленное автору нумизматом А. Дымовским в конце 2012 г., за что выражаем ему искреннюю благодарность.

Определение монеты:

Византийская империя, Ираклий, солид, 626—629 гг, Константинополь, 2-ая официна. Диаметр 19 мм., вес 3,9 г. Соотношение осей: 12 ч. MIB 21, DOC 20b.

AV: δδN[NhЄRACL]IVS[ЄT]hЄR[A]CONSTP[PAVG, Ираклий и Ираклий Константин.
RV:VICTORIA-AVϛЧB, Крест на Голгофе. Монетная марка: C[O]NOB

Все было бы не так интересно, если бы при осмотре монеты Александр Бурше, заявил, что это, собственно, не византийская монета императора Ираклия, а ее аварское подражание. Эту же точку зрения разделяют и Мартин Волошин и Михаил Чореф[8].

Михаил Чореф, в частности, при изучении данной находки обратил внимание на написание легенд — оно с ошибками, да и, собственно, на эмиссионную метку под чертой. В результате чего был сделан вывод, что данная монета является репликой солида Ираклия, выпущенной в 629—632 гг.[9] Она примечательна качественным воспроизведением изображений аверса и довольно грубой передачей легенды реверса. Стоит обратить внимание на весьма своеобразное представление «A» в слове «VICTORIA» и «B» в эмиссионном обозначении «CONOB». Первый их этих символов схож на «A», а второй – на «R». Полагаем, что эти casus’ы могут быть объяснены либо малограмотностью монетария, либо особенностями его почерка. Нам удалось проследить руку этого же резчика на копиях

[5] Монета хранится в фондах музея (КОИХМ — КГОМ 1/50 18416).

[6] Бывшее Wargen, Kreis Fischhausen.

[7] *Кулаков В.И., Скворцов К.Н.* Топорик из Варген (Ранговое оружие последних язычников Европы) // Slavia Antiqua. T. XLI. S. 173—189.

[8] Выражаю искреннюю благодарность и признательность за помощь в определении данной монеты А. Дымовскому, А. Бурше и М. Чорефу.

[9] *Grierson P.* DOC / Ed. A.R. Bellinger, P. Grierson. Washington, 1968. Vol. II. P. I. Phocas and Heraclius, 602-641. Cl. II C, № 23e.

разновременных солидов, выпущенных в период от Фоки до Константа II. Причем один из них — паспортный, последних лет правления Ираклия, хранится в Народном музее Белграда[10]. Основываясь на этом, полагаем, что подобные подражания могли выпускать на Юге Центральной Европы или на Севере Балкан. Вернее, всего, их можно приписать к эмиссиям авар. Все же, как отмечают исследователи, количество подобных подделок, найденных на территории каганата, невелико[11].

Историко-географический контекст

Итак, немного истории, так как же попала столь редкая (и дорогая) монета на побережье Балтики? Что могло связать Самбийский полуостров и Аварский каганат в конце эпохи Великого переселения и раннего средневековья? Из памятников археологии, находящихся в окрестностях деревни Варген, Округ Фишхаузен, в известной работе Эмиля Холлака «Erlauterungen zur vorgeschichtlichen ubersichtskarte von Ostpreussen» (1908) упоминается лишь клад, отнесенный к эпохе ранней бронзы и два кургана с каменными ящиками, относящихся к эпохе поздней бронзы, исследованные в XVIII в. и располагавшиеся недалеко от кирхи. Из более поздних находок упоминается шейная гривна т.н. (нем. «Totenkrone») традиционная для женских погребений орденского времени, также обнаруженная в XVIII в. на кладбище[12]. Находка данной гривны, как и более поздние находки уже советского времени позволяют утверждать, что на территории, прилегающей к кирхе, в XIII в. существовало кладбище[13]. В работе Холлака также упоминаются городище Preyl на южной стороне пруда и земляное укрепление на северной стороне пруда[14] (рис. 4).

Однако, изучение в последние годы архива Рудольфа Гренца, хранящегося в Музее археологии земли Шлезвиг-Гольштейн в замке Готторф в городе Шлезвиг, позволило выяснить, что, согласно карточки от 7 апреля 1937 г., юго-восточнее городища Preyl, южнее дороги Strittkeim- Preyl при разработках песчаного карьера был обнаружен грунтовый могильник, датируемый периодами B и C, на котором, в частности, было выявлено трупоположение с сосудом, датированное периодом B[15].

Из истории мы знаем, что особо интенсивное освоение данной территории приходиться на Орденское время. Впервые «Terra Wargen» упоминается в акте на передачу земли пруссу Шардуне[16] в 1261 г. В документе же от 1299 г. наряду с Schardune мы встречаем большое количество других прусских витингов: Sclode, Guntar и его сын Narkote, Bygune и его сын Kortye, Garbote и его сын Bayone, Nadar, Wargathe, Eytiow и его сын Dargote, Surteyke и

---

[10] *Радић В., Иванишевић В.* Византијски новац из Народног музеја у Београду. Београд, 2006. С. 144, № 515, Табл. 32.

[11] *Эрдели И.* 1975. Авары и Средняя Азия // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М., 1975. С. 109.

[12] *Валуев А.А.* Из истории изучения памятников археологии орденского времени на территории Восточной Пруссии и Калининградской области // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 8. Калининград, 2008. С. 105; *Hollack E.* Erlauterungen zur vorgeschichtlichen ubersichtskarte von Ostpreussen. Glogau—Berlin. 1908. S.173; *Schlicht. O.* Das westliche Samland: Ein Heimatbuch des Kreises Fischhausen. Dresden, 1922. Bd. 2. S.184.

[13] *Кулаков В.И., Скворцов К.Н.* Топорик из Варген… С. 173—189.

[14] *Hollack E.* Erlauterungen zur vorgeschichtlichen ubersichtskarte von Ostpreussen… S. 173; Boetticher, 1898. S.137).

[15] Archive of Rudolf Grenz (Archäologisches Landesmuseum, Schloss Gottorf. Schleswig) (копия) // Архив К.Н. Скворцова.

[16] Schardune — родоначальник известного рода Merike.

Peytune[17]. Однако сама деревня Варген, ранее называвшаяся Kandithen, стала именоваться Wargen только после 1400 г.[18] Варген являлся центром одноименного каммерамта, возникшего, вероятно, около 1258 г., после раздела земли Wargen и terra Grobowe (землю Greibau), каммерамт просуществовал до 1570 г.[19] На месте нашей находки, как предполагал Оскар Шлихт, ранее могло существовать прусское городище, на месте которого около 1270—1280 гг.[20] заложили дом каммерамта Варген, позднее этот орденский замок приходит в упадок уже к началу XVI в., а к концу этого же столетия на этом месте строится кирха, и в XIX—XX вв. кладбище и церковь с пасторским домиком практически полностью занимают территорию бывшего замка, а вместе с ними и территорию бывшего прусского городища. Считается так же, что часть замкового флигеля была включена впоследствии в постройку кирхи[21]. Область Варген получила больший прирост населения в 1288 г. в результате переселения сюда судовов под руководством Гедете (Gedete), одного из вождей земли Кименов (Kiemenow) в Судовии[22]. Хорошо известна история переселения крещеных судовов на Самбию, недаром именно эта часть Самбийского полуострова в память о переселенцах именовалась в дальнейшем Судовским углом[23].

Учитывая сложность миграционной ситуации в данном микрорегионе, а так же условия обнаружения данного солида, вряд ли можно однозначно ответить на вопрос — когда он здесь появился, но все же попытаемся рассмотреть некоторые из возможностей:

1. Самая прозаическая версия состоит в том, что данная находка связана с находившимся здесь раннехристианским кладбищем, и что монета происходит из одного из разрушенных погребений. Судя по информации о времени основании замка можно с уверенностью сказать, что данное кладбище могло начать функционировать сразу после окончания похода 1254/55 г. крестоносцев во главе с королем Оттокаром II, ещё до момента возникновения замка Варген в 1270 г., т.е. существовать всего около 20 лет, так как предположить, что кладбище могло сохраниться и позднее — уже в стенах, пусть небольшого, но орденского замка, представляется маловероятным. Кладбище на этом месте вновь начинает функционировать лишь в конце XVI века, после упразднения Ордена и появления здесь церкви. И похороненные здесь пруссы, вероятно, принадлежали к местным родам. Таким как, например, род Merike, представитель которого упоминается среди местных жителей в орденских документах 1261 г. Таким образом, погребения Орденского времени, обнаруженные здесь, судя по времени их возникновения вряд ли можно связывать с переселенцами из Судовии в 1288 г.

2. Версия вторая, более романтическая заключается в том, что данная находка связана с городищем, находившемся на данном месте за несколько столетий до строительства замка Варген, а также, вероятно, с могильником, найденным южнее деревни в 1937 г., который вполне мог функционировать ещё с конца эпохи Великого переселения народов. Возможно,

---

[17] *Schlicht. O.* Das westliche Samland… S. 184.

[18] Ibid.

[19] *Schlicht. O.* Das westliche Samland… S. 185).

[20] У Беттихера указывается год постройки замка — 1270 г. (*Boetticher A.* Die Bau- und Kunstdenkmaeler der Provinz Ostpreussen. Heft I. Samland. Koenigsberg, 1898. S.138).

[21] *Boetticher A.* Die Bau- und Kunstdenkmaeler... S. 137—140; *Schlicht. O.* Das westliche Samland… S. 188, 205; *Бахтин А.П.* Замки и укрепления немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград, 2005. С. 109, 110.

[22] *Schlicht. O.* Das westliche Samland… S. 185.

[23] Matas Pretorijus. Prūsijos įdomybės, arba Prūsijos regikla. Vilnius, 2004. T. II. P. 531—533; *Schlicht. O.* Das westliche Samland… S. 47.

это городище, как и большинство мысовых городищ Самбии, возникло приблизительно в середине V в.[24] Следует отметить, что в это время с приближением завершения периода Великого переселения народов на территориях, занятых ранее носителями групп западнобалтской культуры формируется ряд новых культурных групп, таких как Ольштынская и Эльблонгская наряду с тем, что продолжает существовать и самбийско-натангийская (рис. 5). Ольштынская группа формируется вследствие перемещения на территорию Мазурского поозерья представителей богачевской культуры (в состав которой, возможно, входили и германцы) со своими специфическими чертами[25]. При этом большинство исследователей считает ее родственной самбийско-натангийской культурной группе. Также считается, что в состав Ольштынской группы входили представители авар и славян[26], появившихся в этот период на исторической сцене, с которыми представители Ольштынской группы поддерживали контакты. Как отмечает ряд исследователей, в Мазурском поозерье в фазы E2b и E3 происходит следующий этап переселения народов, связанный с новой, более значительной волной миграции населения из Дунайских земель. Ряд культурных новаций свидетельствует о возможном присутствии среди переселенцев аваров и славян[27]. В самбийско-натангийской культуре эти влияния выражаются в виде появления новых форм керамики, новых типов декора керамики при помощи разнообразных штампов, в конском снаряжении массово появляются трапециевидные пряжки практически неизвестные прежде, но широко представленные в аварских древностях, а также удила типа OJ (по М. Орзнесу), которые связываются с аварскими влияниями VII в.[28] Следует отметить, что во всей юго-восточной Прибалтике именно на Самбии появляются самые ранние экземпляры стремян типа II по Челинской[29]. Следует так же отметить, что именно в это время в самбийско-натангийской культуре и у соседних балтов появляются наряду с другими типами вооружения и однолезвийные мечи, изготовленные, как считают некоторые

[24] *Суворов В.С.* К проблеме классификации городищ Восточной Прибалтики // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 66.

[25] *Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od pózdnego paleolitu… S.470.

[26] Некоторые исследователи считают, что славян и аваров на Мазурах не было (См.: *Werner J.* Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts [w Reinecke Festschrift. Zur 75 Geburstag von Paul Reinecke am 25 September 1947. Mainz. 1950. S. 167; *Rudnicki M.* Ażurowa Tarczka z Kielar. Przyczynek do badań nad dalekosIężnymi powiązaniami Grupy Olsztyńskiej // Światowit. T.VIII(XLIX). S. 124—125, а Е. Антоневич даже предполагал, что носители группы ольштынской осуществляли набеги на славян. Он основывается на наличии антских фибул на памятниках ольштынсккой группы (*Antoniewicz J.* Sturms E.: Die ethnische Deutung der masurgermanischen Kultur. Pinnenberg 1947, Zur ethnische Deutung der masurgermanischen Kultur. Hamburg 1950 // Sprawozdania PMA. T. IV/3-4. S. 219). Однако Р. Одой противопоставил этой теории аргумент, что на территории т.н. Мазовша, на которые могли нападать носители ольштынской группы, этих фибул нет (См.: *Odoj R.* 1968 Wyniki badań na grodzisku z VI-VIII w. n.e. w Pasymiu pow. Szczytno, a problemy kultury mazurskiej // Rocznik Olsztyński. Vol. VII. S.141).

[27] *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 171.

[28] *Garam É., Kovrig I., Szabó J.Gy., Török. Gy.* Avar Finds in the Hungarian National Museum (Cemeteries of the Avar Period (567-829) in Hungary 1). Budapest, 1975; Kowalski J. 1991. S.81; *Скворцов К.Н.* Могильник Митино V—XIV вв. (Калининградская область). Материалы и исследования 2008 г. Ч. 1,2. Москва, 2010 (МОАИ 15). С. 125, 131, 154; *Rudnicki M.* Ażurowa Tarczka z Kielar… S.119—132.

[29] *Čilinská Z.* Slawisch-awarisches Gräberfeld in Nové Zámky // Archaeologica Slovaca. Bratislava, 1966 (Fontes Instituti Archaeologici Nitriensis Academiae Scientiarum VII). S. 191, rус. 2; *Nowakowski W.* Die frühesten Steibügel aus Preußen. Funde vom Gräberfeld Widitten II im Samland // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. Vol. II. Lublin, 2008. S. 199; *Rudnicki M.* Ażurowa Tarczka z Kielar… S. 121).

исследователи, местными кузнецами[30]. Однако, учитывая способ крепления и ношения данных мечей, нужно напомнить, что мечи подобной формы также известны и для аварской культуры Подунавья VII в.[31] Не исключено, что именно контакты со Средним Дунаем и меровингским миром повлияли на распространение однолезвийных мечей в Юго-Восточной Прибалтике.

Заключение

Таким образом, можно предположить, что находка данной монеты на территории имеющей выгодное расположение в западной части Самбийского полуострова, в которой берет начало большая часть ручьев и рек, впадающих в Вислинский залив и р. Преголю, в зоне наибольшей концентрации памятников римского времени и великого переселения народов, в которой находились древние торговые центры, связанные с янтарной торговлей[32]. Вероятно, что наша монета в VII—VIII вв. могла попасть на полуостров как раз по торговым путям, связывавшим население Самбийского полуострова через Мазурское поозерье с остальными регионами Европы с ближними и дальними и в частности с Подунавьем.

[30] *Казакявичюс В.* Оружие балтских племен II—VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс, 1988. С. 108.

[31] *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg in Pr., 1929. S. 296; *Urbańczyk P.* Geneza wczesnośredniowiecznych metalowych pochew broni białej ze stanowisk kultury pruskiej // Przegląd Archeologiczny. T. 26. S. 115)

[32] *Skvortsov K.* The Formation of a sambian-natangian Culture Patrimonial Elite in the Roman Period in the Context of the Amber Trade // Archaeologia Baltica. Vol. 18. Klaipėda, 2012. P. 174, Fig.5., P.176.

К.Н. Скворцов

Аварская реплика византийского солида на Самбийском полуострове

Данная статья посвящена находке аварского подражания византийскому солиду императора Ираклия (611—641), сделанной во второй половине XX века на западе Калиниградского (Самбийского) полуострова в окрестности пос. Котельниково (Wargen, Kr. Fischhausen). В статье рассматриваются различные варианты попадания данной монеты на эту территорию, как в раннем средневековье, так и во времена экспансии Немецкого ордена на земли пруссов XIII веке. Возможно, что находка данной монеты в западной части Самбийского полуострова, в которой находились древние торговые центры, связанные с янтарной торговлей, и где берет начало большая часть ручьев и рек, впадающих в Вислинский залив и р. Преголю, являвшихся основными транспортными коммуникациями древних жителей здешних мест, позволяет предположить, что монета в VII—VIII вв. могла попасть на полуостров как раз по этим торговым путям, связывавшим население Самбийского полуострова через Мазурию с остальными регионами Европы, с ближними и дальними, и, в частности, с Дунайским регионом.

Ключевые слова: византийский солид, авары, балты, самбийско-натангийская культура, пруссы, Самбийский полуостров, Пруссия.

K.N. Skvortsov

Avarian imitation of the Byzantine Solid on the Sambiysky peninsula

This article is devoted to the find of the Avarian imitation of the emperor Heraclius (611—641) the Byzantine Solid made in the second half of the XX century in the west of Kalinigradsky peninsula (Sambia) in the neighborhood of the settlement of Kotelnikovo (Wargen, Kr. Fischhausen). In article various options of hit of this coin on this territory, both in the early Middle Ages are considered, and at the time of expansion of the German award on lands of pruss the XIII century. It is possible that the find of this coin in the western part of the Sambia in which there were ancient shopping centers connected with amber trade and where the most part of the streams and the rivers flowing into Vistula Lagoon and the Pregolya River, being the main transport communications of ancient inhabitants of local places originates allows to assume that a coin in the VII—VIII centuries. I could get on the peninsula just on these trade ways connecting the population of the Sambia peninsula through the Masuria with other regions of Europe with near and far, and, in particular, with Danube region.

Keywords: Byzantine Solid, Avars, Balts, Sambia-natangia Culture, prussa, Sambia, Prussia.

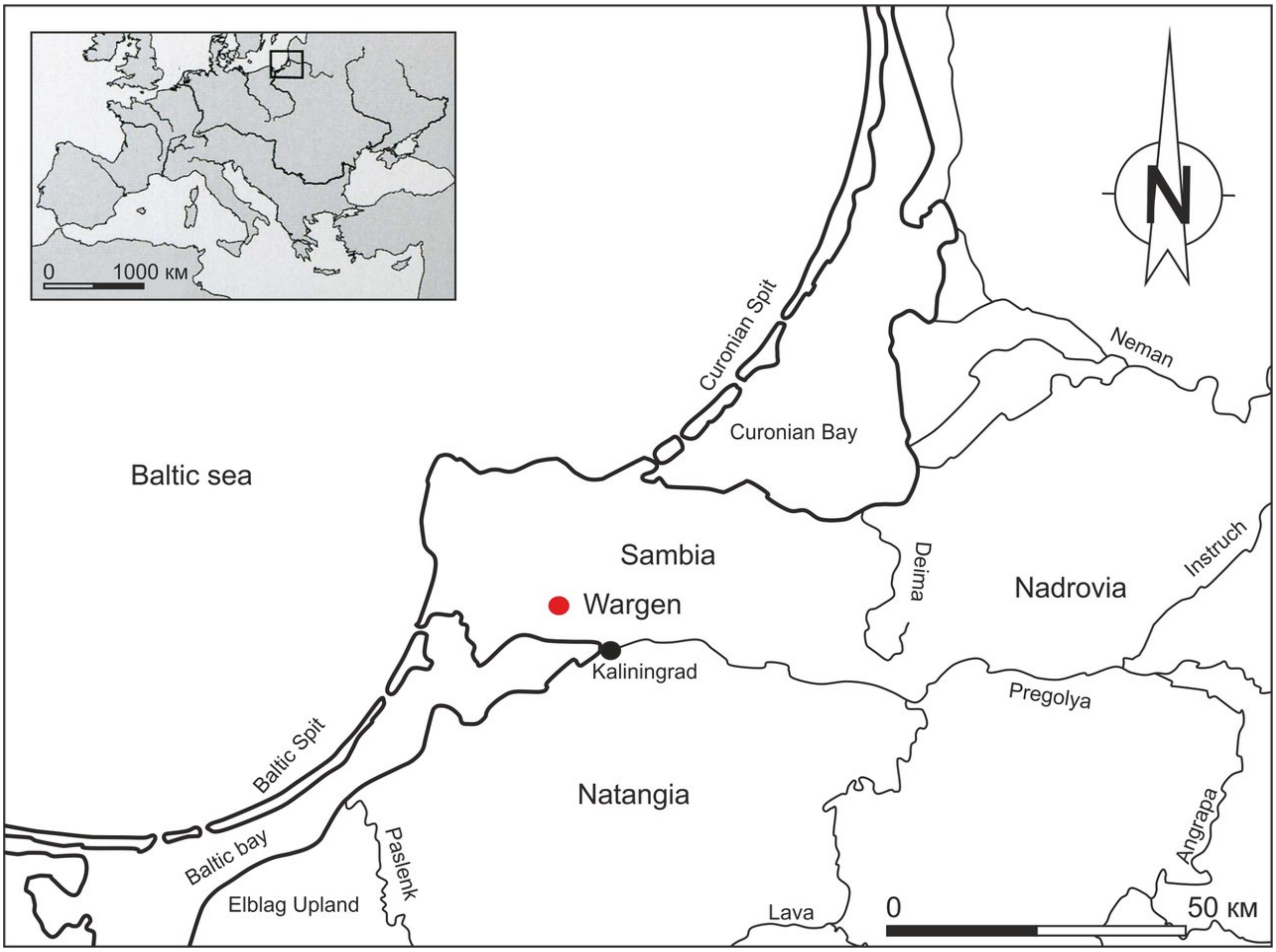

Рис. 1. Местоположение некрополя Варген.

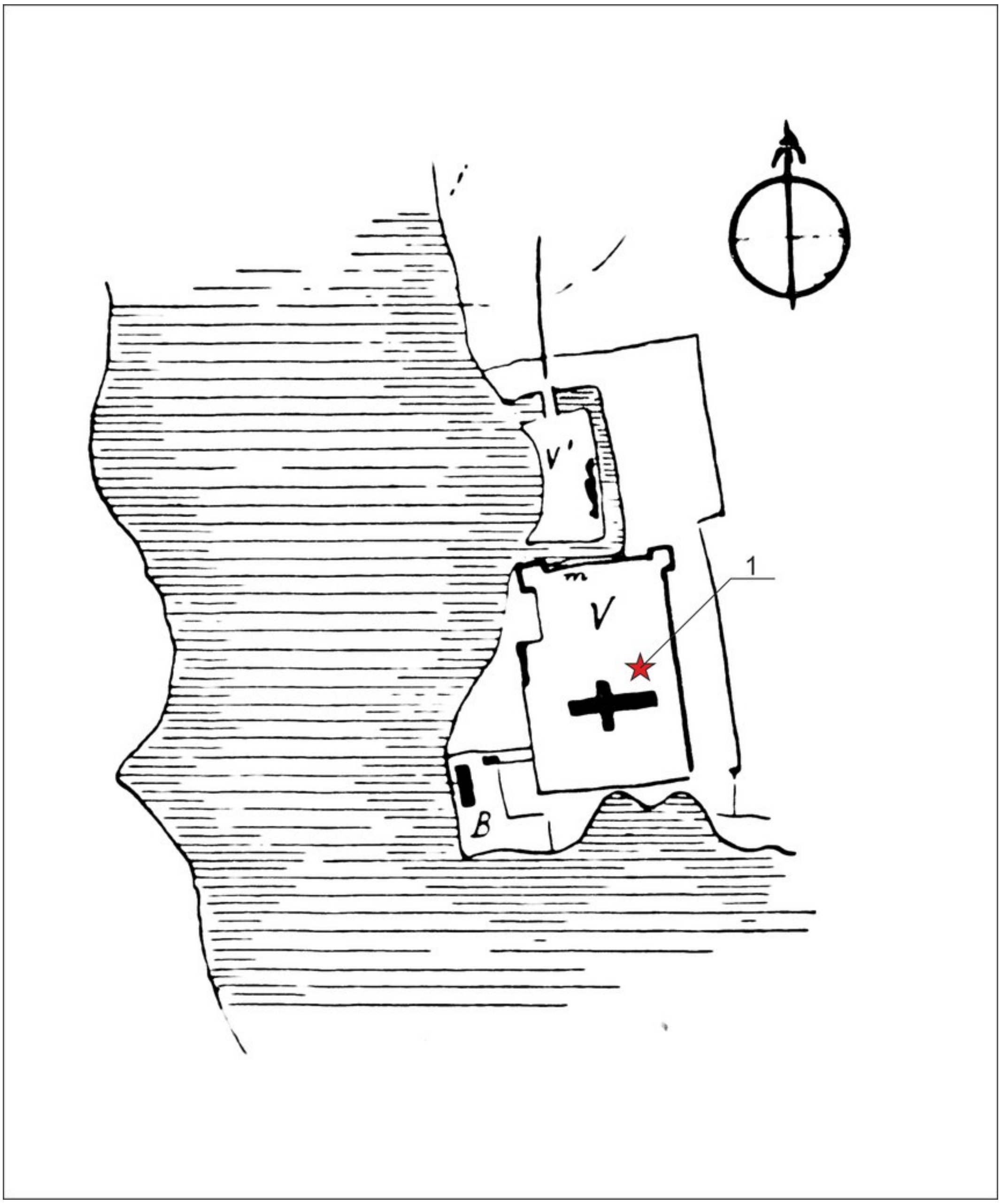

Рис. 2. План замка Варген (по Boetticher) с указанием места обнаружения монеты (*1*).

Рис. 3. Имитация солида Ираклия из некрополя Варген.

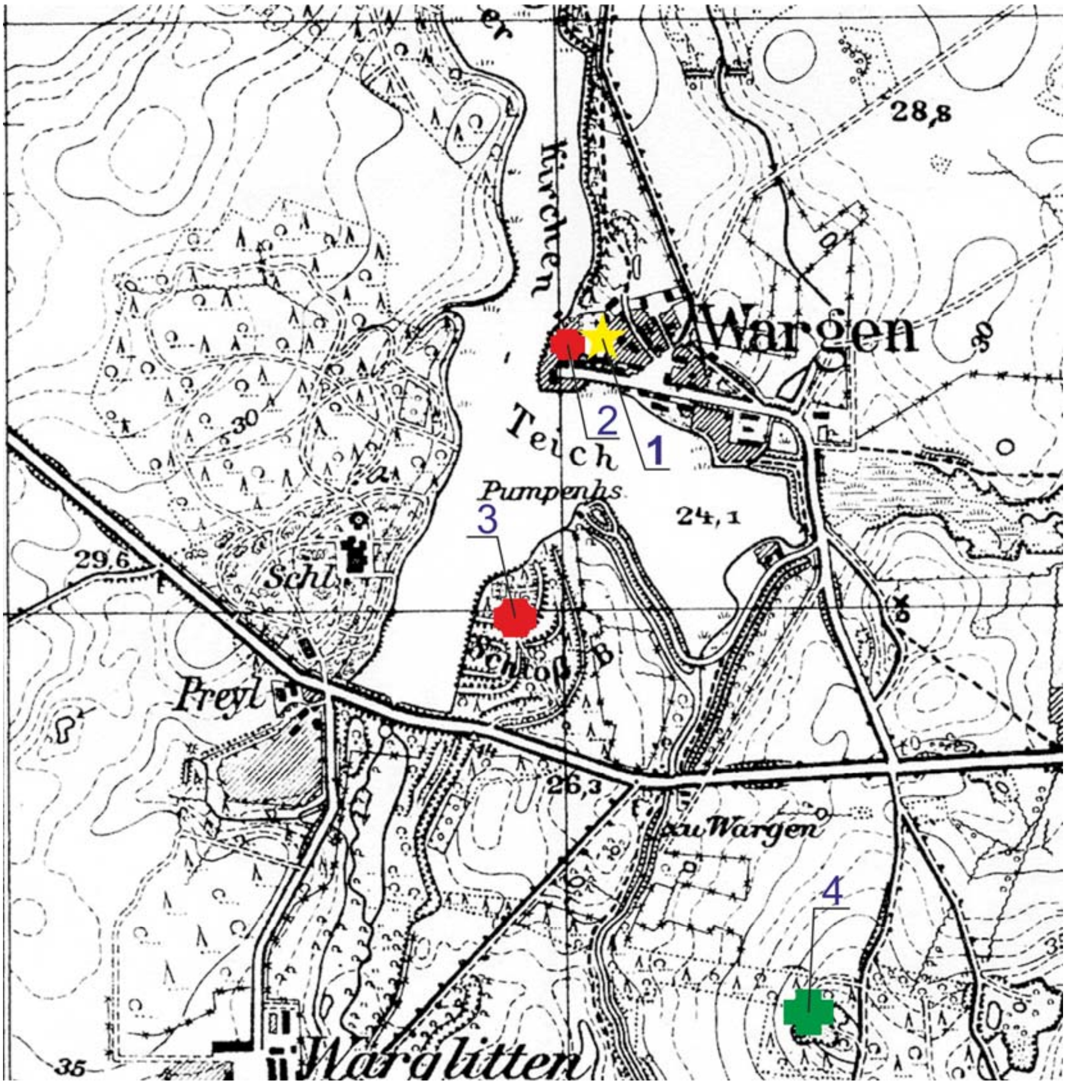

Рис. 4. Wargen. Фрагмент карты Восточной Пруссии, 1936 г. М-1:25 000. Meßtischblatt 183

1 — место обнаружения монеты; *2* — замок и церковь Варген; *3* — дворец Прейль; *4* — некрополь Варген.

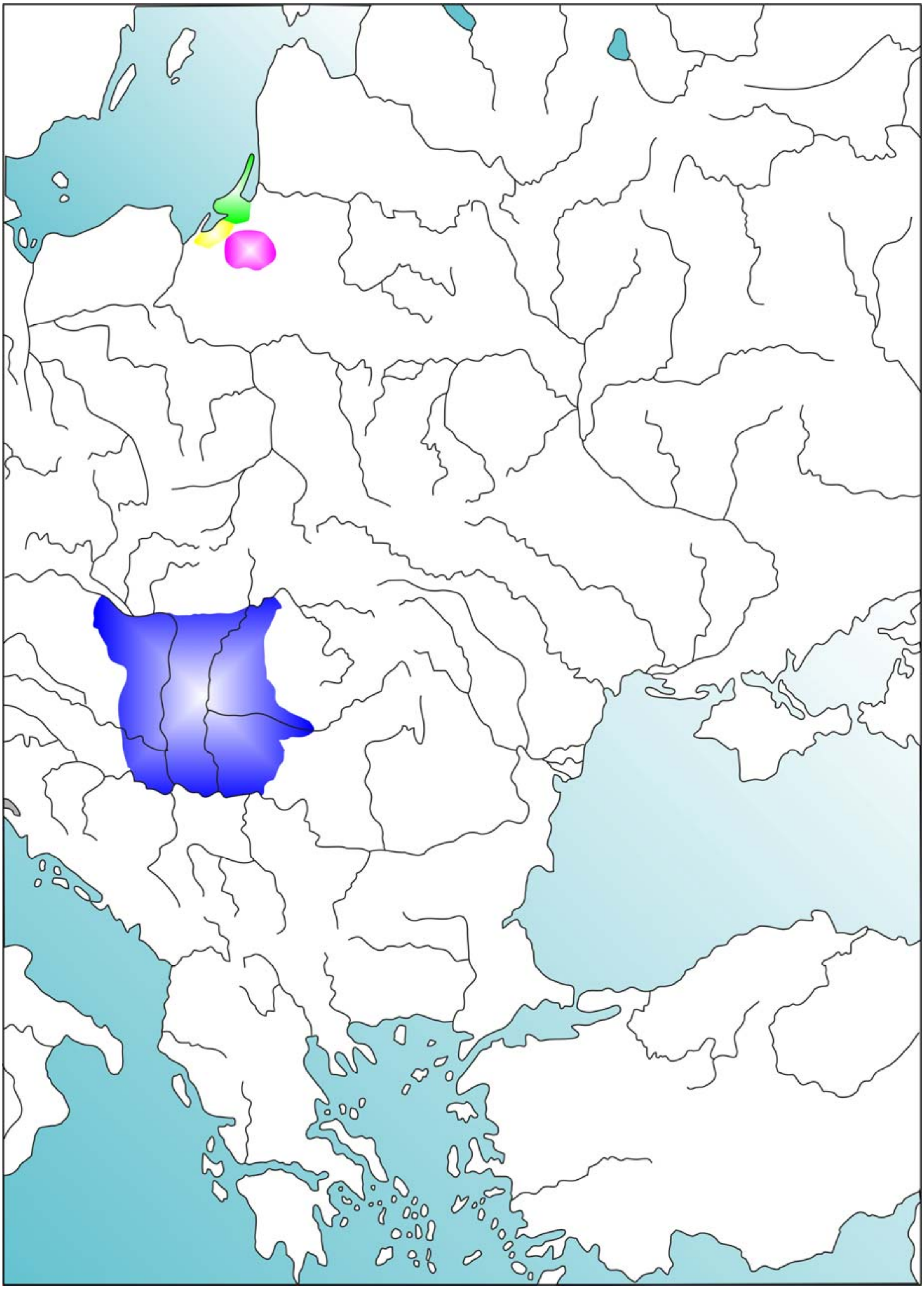

Рис. 5. Области распределения культур

■ — Аварского каганата; ■ — самбийско-натангийская культура;
■ — группа Ольштына; ■ — Эльблонгская группа.

Список сокращений

А2	—	Инвентарная группа «Археология — камень» Ялтинского историко-литературного музея.
АА	—	Археологический альманах.
АДСВ	—	Античная древность и средние века.
АЗР	—	Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией.
АО	—	Археологические открытия.
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БАН	—	Българска Академия на науките.
БИ	—	Боспорские исследования.
БИАС	—	Бахчисарайский историко-археологический сборник.
ВВ	—	Византийский временник.
ВДИ	—	Вестник древней истории.
Г	—	Инвентарная группа «Графика». Ялтинского историко-литературного музея.
ГААРК	—	Государственный архив Автономной Республики Крым.
ГАИМК	—	Государственная Академия истории материальной культуры.
ГАРК	—	Государственный архив Республики Крым.
ГИМ	—	Государственный исторический музей.
ГМИИ	—	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГСУ ФКНФ	—	Годишник на Софийския университет, факултет по класически и нови филологии.
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж.
Д	—	инвентарная группа «Документы». Ялтинского историко-литературного музея.
ДБ	—	Древности Боспора.
ДДГ	—	Духовные и договорные грамоты великих. и удельных князей XIV—XVI вв. М. —Л., 1950.
ЖМНП	—	Журнал министерства народного просвещения.
ЗОАО	—	Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей.
ИА НАН	—	Институт археологии Национальной академии наук.
ИАК	—	Известия Императорской археологической комиссии.
ИГАИМК	—	Известия Государственной Академии истории . материальной культуры.
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры АН СССР.
ИНК	—	Историческое наследие Крыма.
ИТОИАЭ	—	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии Таврии.
ИТУАК	—	Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КБН	—	Корпус боспорских надписей.
КИКЗ	—	Керченский историко-культурный заповедник.
КОИХМ—КГОМ	—	Калининградский областной историко-художественный музей — Калининградский государственный областной музей.

КРУ БИКЗ — Крымское Республиканское учреждение. «Бахчисарайский историко-культурный заповедник».
КРУ БИКЗ КП — Книга поступлений Крымского республиканского учреждения «Бахчисарайский историко-культурный заповедник».
КСАН — Корпус случайных археологических находок.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КФ ИА НАНУ — Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины.
ЛХ — Летописи и хроники.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МЭКЭ — Материалы Эски-керменской экспедиции.
НА НЗХТ — Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический».
НВ — Научно-вспомогательный фонд. Ялтинского историко-литературного музея.
НВБелГУ — Научные ведомости Белгородского государственного университета.
НЗХТ — Национальный заповедник «Херсонес Таврический».
НиЭ — Нумизматика и Эпиграфика
НЛ — Новый летописец.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РА — Российская археология.
РАЕ — Российский археологический ежегодник.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
СИРИО — Сборник Императорского русского исторического общества.
СЛ — Солунская легенда.
СМК — Севастопольский музей краеведения.
ССб. — Сугдейский сборник.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.
ХСб. — Херсонесский сборник.
ЭКЭ — Эски-Керменская Экспедиция.
ЯИЛМ КП — Книга поступлений Ялтинского историко-литературного музея.
ЯИЛМ — Ялтинский историко-литературный музей.
AJA — American Journal of Archaeology.
ASLSP — Atti della Società Ligure di Storia Patria.
ASLSP. NS — Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova serie.

CEV	—	Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae 1376-1430 / Collectus opera Antonii Prochaska // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 6. Crakoviae, 1882.
CMRS	—	Cahiers du Monde Russe et Soviétique.
DOC	—	Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection.
DOP	—	Dumbarton Oaks Papers.
GStAPK, OBA	—	Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung (Historisches Königsberger Archiv), Ordensbriefarchiv.
HUS	—	Harvard Ukrainian Studies.
IG Bulg.	—	Mihailov G. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae.
IOSPE I^{1}	—	Latyschev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I. Petropoli, 1885. Vol. I.
IOSPE I^{2}	—	Latyschev B. Inscriptionis orae septentrionalis Ponti Euxini Greacae et latinae. Petropoli, 1916. Vol. I.
IOSPE II^{1}	—	Latyschev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli, 1890. Vol. II.
IOSPE IV^{1}	—	Latyschev B. Inscriptionis orae septentrionalis Ponti Euxini Greacae et Latinae. Petropoli, 1901. Vol. IV.
JOB	—	Jahrbuch der oesterreichischen Byzantinistik.
LM	—	Lietuvos metrika.
MIB	—	Moneta Imperii Byzantini.
RN	—	Revue numismatique.
SC	—	Латышев В.В. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т. I.
SNG Cop.	—	Sylloge Nummorum Graecorum, Danish National Museum. Copenhagen, 1942—2002.

Сведения об авторах

Агеев В.В. . — независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, e-mail: vadi-agee@yandex.ru.

Бажан И.А. — археолог, историк фототехники, журналист, член Союза Журналистов, член Академии классической фотографии, г. Москва, e-mail: berdz@yandex.ru.

Баранов Г.В. — член Проблемного совета «Военная археология» при ГИМ, г. Москва, e-mail: co-regent@yandex.ru.

Беспалов Р.А. — независимый исследователь, сотрудник избирательной комиссии Тульской области, г. Тула, e-mail: gostunsky@gmail.com.

Деспотов, Павел — магистр археологии, Нов български университет, г. София, e-mail: despotovpavelpetrov@yahoo.com.

Днепровский Н.В. — независимый исследователь, выпускающий редактор издательства «Невская Лавра», г. Санкт-Петербург, e-mail: engarejeli@yandex.ru.

Жих М.И. — независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, e-mail: max-mors@mail.ru.

Зуев В.Ю. — кандидат исторических наук, лауреат премии им. академика Б.Б. Пиотровского и Государственной премии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru.

Лурье В.М. — доктор философских наук, г. Санкт-Петербург, e-mail: hieromonk@gmail.com.

Недселькин Е.В. — магистрант I года обучения кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, e-mail: nedelkin-evgeniy2014@yandex.ru.

Новичихин А.М. — кандидат исторических наук, заместитель заведующего Анапским археологическим музеем по научной работе, г. Анапа, e-mail: yazamat03@mail.ru.

Прохоров Д.А. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, e-mail: prohorov1da@yandex.ru.

Скворцов К.Н. — магистр археологии, научный сотрудник Института археологии Российской академии наук, г. Калининград, e-mail: sn_arch_exp@mail.ru.

Солодкин Я.Г. — доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России Нижневартовского государственного университета, заведующий научно-исследовательской лабораторией регионально-исторических исследований Нижневартовского государственного университета, г. Нижневартовск, e-mail: hist2@yandex.ru.

Тихонов В.А. — кандидат исторических наук, преподаватель Московского финансово-юридического университета, г. Москва, e-mail: vyatikhonov@yandex.ru.

Турова Н.П. — старший научный сотрудник Ялтинского историко-литературного музея, г. Ялта, e-mail: turova.n@gmail.com.

Ушаков С.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, г. Севастополь, e-mail: yshakovsv@list.ru.

Фомин М.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и социальных наук Харьковского торгово-экономического института, Киевского национального торгово–экономического университета, г. Харьков, e-mail: fomin_mv@ukr.net.

Чореф М.М. — кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории регионально-исторических исследований Нижневартовского государственного университета, г. Нижневартовск, e-mail: choref@yandex.ru.

†***Чореф М.Я.*** — археолог, историк, в 1969—1979 гг. заведовал отделом пещерных городов Бахчисарайского историко-археологического музея.

Шевченко Ю.Ю. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, e-mail: yurishevchenko@mail.ru.

Яценко С.А. — доктор исторических наук, профессор; профессор Отделения социокультурных исследований Российского государственного гуманитарного университета, профессор Московского гуманитарного университета, г. Москва, e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

ПРАВИЛА

ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «МАТЕРИАЛАХ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА»

Авторы предоставляют рукописи статей в электронном виде. Высылаемый для публикации материал должен соответствовать следующим формальным требованиям:

1. Общие положения

1.1. Статья должна содержать следующие элементы:

- Имя, отчество, фамилию автора на русском и в английской транслитерации (например, как в заграничном паспорте);
- Сведения об авторе: все ученые степени и звания, основные занимаемые в данный момент должности и e-mail для публикации в разделе «Сведения об авторах»;
- УДК;
- название статьи;
- аннотация — 4—5 предложений объемом не более 1000 знаков, в которых изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования;
- ключевые слова — 5—10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных;
- текст статьи;
- иллюстрации и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
- список сокращений;
- Необходимо приложить перевод на английский язык названия статьи, аннотации и ключевых слов.

Публикации, не содержащие указанных элементов, автоматически отправляются обратно авторам на доработку.

1.2. Файлы текста статьи и иллюстраций отправляются по электронной почте (choref@yandex.ru). После получения материалов отсылается подтверждение.

2. Требования к оформлению

2.1. Текст статьи набирается через единичный интервал, отступ абзаца — 1 см, без автоматического переноса слов, абзацы форматируются по ширине. Для русского и английского текста следует использовать шрифт Times New Roman 12 кеглем.

2.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакцию МАИАСК вместе с текстом статьи.

2.3. Ссылки на общепринятый текст Священного Писания (Библии) даются в тексте в скобках. После сокращенного названия книги, которое дается без точки, затем следует указать главу и стихи. После указания главы ставится точка. Например: (Мф 3. 11—12).

2.4. При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т. е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет–ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.5. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы.

2.6. Ссылки на иллюстрации помещаются в круглые скобки; в случае, если ссылка дается на отдельные позиции рисунка, их номера отделяются от номера рисунка двоеточием и пробелом и выделяются курсивом. Например: (рис. 1: *3, 5, 7–9*).

2.7. Оформление списка литературы

Общий порядок	Фамилия и инициалы авторов (выделяются курсивом), год выхода работы, название работы, название издания, где она была опубликована (отделяется от названия работы двойной косой чертой). Для монографий и сборников после названия указывается место выхода, а затем издательство, перед названием сборника обязательно указывается имя ответственного редактора. Для продолжающихся и периодических изданий указывается номер (отделяется от названия издания пробелом без точек и запятых). Для статей необходимо также указывать страницы (в конце после запятой).
Монографии	*Яценко С. А.* 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература. *Sestini D.* 1831. Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo del signore barone Stanislas di Chaudoir. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
Статьи в сборниках	*Жеребцов Е. Н.* 2009. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе // Беляев С. А. (отв. ред.). Очерки по истории христианского Херсонеса. Т. 1. Вып. 1: Херсонес Христианский. СПб.: Алетейя, 139–149. *von Kohler H. K. E.* 1822a. Medailles Grecques // Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Romische Alterthum. Theil I. St. Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1–29.
Статьи в продолжающихся периодических изданиях со сквозной нумерацией томов	*Даниленко В. Н.* 1966. Просопография Херсонеса IV–II вв. до н.э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья) // АДСВ 4, 136–178. *Nadel B.* 1977. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered // Dialogues d'histoire ancienne 25, 87—114.

Диссертации и авторефераты диссертаций	*Шаров О. В.* 2009. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н. э.): Дис. … д-ра ист. наук. СПб. *Кутимов Ю. Г.* 2009. Происхождение и пути распространения катакомбного погребального обряда (по материалам могильников бронзового века): Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб.
Ссылки на интернет-страницы	При оформлении ссылок на материалы из интернета нужно по возможности максимально следовать тем же требованиям, что и при оформлении библиографии печатных работ, обязательно указывая полный электронный адрес материала, включая название сайта и, если есть, дату публикации. Например: Коптев А. В. Античное гражданское общество // История Древнего Рима // www.rome.webzone.ru (2008. 24 февр.). При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т. е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет–ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.8. Ссылки на литературу помещаются в круглые скобки и оформляются следующим образом:

- если у работы один автор — (Фролова 1997: 215);
- если у работы два автора — (Smith, White 2004);
- если у работы более двух авторов — (Оверман и др. 1997: 59, рис. 1; Smith et al. 2007: fig. 33);
- на архивные материалы — (РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л.15– 16). Запятая между фамилией автора и годом выхода работы не ставится; в случае указания страниц они отделяются от года двоеточием и пробелом.

Авторы гарантируют отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций и т.п.

Все поступающие рукописи проходят рецензирование. После получения рецензий редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.

Запрещается воспроизведение (полное или частичное) опубликованных в МАИАСК статей без предварительного письменного согласия Издателя, за исключением случаев, когда воспроизведение имеет форму цитирования. При цитировании указание источника публикации обязательно.

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

Вып. 6

Сборник

Редактор М.М. Чореф
Техническая редакция М.М. Чореф
Корректура К.С. Панченко
Верстка и оригинал-макет М.М. Чореф

Интернет-издание